

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

О ПОДПИСКѢ

НА

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ДѢЛО“

ВЪ 1877 ГОДУ.

Журналъ «ДѢЛО» будетъ издаваться въ будущемъ 1877 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ прежнія десяти лѣтъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛУ НА ГОДЪ:

безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
съ дост. въ Петербургъ	15 р. 50 к.
съ пересылкой иногороднимъ	16 р. „

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала «ДѢЛО», по Надеждинской ул., д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева. Только передъ тѣми подписчиками, которые подпишутся въ вышеозначенныхъ мѣстахъ, Редакція будетъ считать себя вполне отвѣтственной за исправную и своевременную доставку журнала.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТОЙ КНИЖКИ.

- Бѣшеная лощина. Романъ. Часть II.
(Гл. I—V.) . . . . . П. *Льтнева.*
- Сестра милосердія. Стихотвореніе. . . . . А. *М.*
- Развитіе первобытной культуры. (Ст.
вторая.) . . . . . С. С. *Шапкова.*
- Въ потерянномъ раю. Стихотвореніе. . . . . Я. П. *Полонскаго.*
- Черноземныя поля. Романъ. Часть II.
(Гл. IV—VII.) . . . . . Е. Л. *Маркова.*
- Эра посвященія Японіи. (Мей-Дзи.) . . . . . Л. *Мечникова.*
- Грезы о мирѣ въ эпоху милитаризма. . . . . А. *М.*
- Возстаніе славянъ. Стихотвореніе.
(Съ сербскаго.) . . . . . А. *Михайлова.*
- Галиційскія повѣсти. . . . . Захеръ-*Мазоха.*
- Война и миръ. Стихотвореніе. . . . . А. *М.*
- Даніель Деронда. Романъ изъ совре-
менной англійской жизни. (Гл.
E—LV.) . . . . . Дж. *Эліота.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Горькій смѣхъ — не легкій смѣхъ. . . . . Н. *Языкова.*
- Научная хроника. Естественныя на-
уки въ 1875 году. . . . .
- Новыя книги.
- Внутреннее обозрѣніе. Отношеніе прес-
сы къ восточному вопросу и об-
щественному сознанію. . . . . Н. *Ш.*
- Политическая и общественная хро-
ника. . . . . М. *Трило.*
- Калейдоскопъ. Литературныя и обще-
ственныя замѣтки. . . . . Н. *Мизантропова.*

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДІНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1876.

№ 1001 #.

△
PScar 236-4 (1876, no-10)
✓

Въ редакцію журнала „Дѣло“ поступили слѣдующія пожертвованія въ пользу славянъ Балканскаго полуострова:

Отъ О. Р. Филатова изъ Новомосковска	3 р.
— В. В. Юркевичъ изъ Малоархангельска	13 “
Итого	16 “
А съ прежде поступившими	237 р. 60 к.
Всего	253 р. 60 к.

Отдѣльно присланные въ редакцію изъ С. Метлина 3 р. сер., согласно желанію жертвователя сданы въ С. Петербургскій отдѣлъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета, въ чемъ имѣется квитанція отъ 30 сентября за № 8646.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 октября 1876 года.

ВЪШЕНАЯ ЛОЩИНА.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Утромъ, въ воскресенье, Ольга вышла къ чаю настоящей очаровательницей. Она и такъ была не дурна, но тутъ все, что можетъ сдѣлать женское кокетство и желаніе понравиться, все было пущено въ ходъ, и съ большимъ успѣхомъ. На ней было бѣлое кисейное платье съ тонкой кружевной пелеринкой, накинутой на блѣдныя, нѣсколько худощавыя, но положительно красивыя плечи; ея темныя, густыя косы были подобраны и изящно украшали голову; сзади, на самую шею, спускалась бѣлая, полураспустившаяся роза; такая-же роза была у корсажа.

Самоваръ кипѣлъ на столѣ въ залѣ, когда Ольга неслышно и медленно явилась на порогѣ. Болѣе, чѣмъ когда-нибудь, она выглядѣла героиней романа, непризнаннымъ гениемъ, загадочною натурою, и въ улыбкѣ, во взглядѣ, въ каждомъ движеніи ея являлась унылая разочарованность гражданки, которая несетъ на плечахъ своихъ мировое горе. У стола сидѣла Люба съ своимъ неизбѣжнымъ спутникомъ; на этотъ разъ спутникъ былъ любезнѣе: онъ ѣлъ молочную кашу и при каждомъ глоткѣ заливался хохотомъ восторга. Двери и окна были, по-обыкновенію, настежъ; въ воздухѣ пахло цвѣтами, медомъ, смолистымъ букетомъ березы изъ сосѣдней рощи; чай былъ ароматенъ, самоваръ блестялъ, какъ золото, а глаза хозяйки смотрѣли въ даль, на опустѣвшее мѣсто

въ цвѣтникѣ, гдѣ еще лежала вырванная съ корнемъ вчерашнею грозю молодая липа. Много думъ навѣвала она старушкѣ, но эти думы были не грустны, не тяжки: сіяніе прошлаго никогда не сходило съ ея лица.

— Садитесь, голубушка, привѣтливо обратилась она къ Ольгѣ.— Поздненько встали, а мы съ Любой успѣли уже сходить въ рошу за земляничкой, на сушенье. Посмотрите, какая хорошаа!

Она указала на чистые лотки съ земляничкой, разставленные на солнцѣ, посредияѣ терасы.

— Какъ хорошо въ рошѣ, Ольга Борисовна, подхватила Люба:— не жарко, трава мокрая, точно купаешься въ ней.

Ольга пожала плечами съ улыбкой сомнѣнія.

— Скажите, пожалуйста, обратилась она къ старушкѣ,— что за женщина эта Марья... Марья Павловна?

— Хорошая, очень милая и добрая женщина! съ увлеченіемъ отвѣтила Галатова;— одна бѣда—съ мужемъ не ладить.

— Что-жь такъ?

— Замужъ пошла не любя, такъ и плетется у нихъ какая-то канитель.

— Какъ-же она шла безъ любви? пожалъ плечами, возразила Ольга.

— Молода была, выдали! Въ ихъ быту сплошь да рядомъ такъ случается.

— Ну, ужъ тогда позвольте усомниться, что она порядочная женщина, усмѣхнулась Ольга;—допускать собою распорядиться, какъ вещью,—признакъ страшнаго неразвита...

— Можетъ быть; но только, во всякомъ случаѣ, женщина она хорошая.

— Я замѣчаю, Марфа Васильевна, что для васъ весь свѣтъ хорошъ и что вы ничьихъ недостатковъ не видите, сказала Ольга, съ снисходительнымъ сожалѣніемъ смотря на старушку.

Марья Павловна внушала ей почему-то положительную антипатію.

— Когда-же, когда-же всѣ придутъ? нетерпѣливо возгласила Люба, садясь къ окну съ Колей.—Слушай ты, Коля, обратилась она къ мальчику, — мы пойдемъ нынче ловить рыбу, а ты не ходи съ нами... Тамъ страшно... бя!.. Нехорошо... Слышишь?

Ребенокъ вмѣсто отвѣта разразился дикимъ крикомъ.

— Ну, ну! возьму; не ори только... Болванъ!

Она снова схватила его на руки и исчезла въ глубинѣ дома. Ея маленькая головка работала надъ смѣлымъ проектомъ: избавиться отъ Коли на цѣлый день.

— А! вотъ и гости идутъ! сказала Марфа Васильевна, выходя на терасу.— Раненько сегодня; а вѣдь это, повѣрьте, для васъ, Ольга Борисовна... Вотъ что значить молодая дѣвушка-то въ домѣ.

Глаза Ольги засіяли торжествомъ.

— Слушайте, слушайте, быстро заговорила она, тряся старушку за руку:— я уйду въ домъ, спрячусь въ вашей комнатѣ, а вы скажите, что меня нѣтъ, что я уже уѣхала! Пожалуйста, Марфа Васильевна, давайте, помучаемъ ихъ немного; это такъ весело!

— Ну, хорошо, согласилась старушка;— только вѣдь я засмѣюсь, долго не вытерплю!

— Ну, хоть сколько-нибудь... Я бѣгу,—смотрите-же!

Ольга, шаловливо погрозивъ ей пальцемъ, исчезла въ глубинѣ дома.

Въ ту-же самую минуту трое молодыхъ людей, запыхавшись и быстро шагая, вбѣжали на ступени терасы.

Одинъ изъ нихъ былъ знакомый намъ докторъ Межецкій, другой— помощникъ Волгина, нѣкто Славянскій, молчаливый и угрюмый на видъ человѣкъ, третій-же былъ совершенно незнакомъ. Характеристикой этого незнакомца можетъ служить то, что, пріѣхавъ въ эту ночь къ своему университетскому товарищу Волгину, онъ уже бѣжалъ съ утра въ чужой домъ, узнавъ о присутствіи тамъ молодой и хорошенькой дѣвушки.

— Иванъ Александровичъ Горнъ, профессоръ университета, поспѣшно отрекомендовалъ его докторъ хозяйкѣ и быстрымъ взглядомъ окинулъ всѣ закоулки терасы.

Марфа Васильевна кусала губы отъ смѣха.

— Нѣтъ ея, не ищите, уѣхала! выговорила она.

— Какъ? уѣхала? сорвался съ устъ доктора отчаянный взглядъ;—быть не можетъ!

Горнъ сердито и съ упрекомъ покачалъ ему головой, а невозмутимый Славянскій сталъ закуривать папиросу.

— Когда она уѣхала? приступилъ докторъ къ Галатовой.

Но та уже помирала со смѣху.

— А! мистификаціи! Bravo!.. На поиски... Идите за мной.

Онъ нашелъ Ольгу, притаившуюся въ углу, за шифоньеркой. Все лицо его разцвѣло при ея видѣ; онъ добрыхъ двѣ минуты стоялъ, смотря на нее съ такимъ выраженіемъ счастья, что Ольга улыбнулась.

— Недобрая вы! Зачѣмъ вамъ нужно было насъ мучить? выговорилъ онъ съ ласковымъ упрекомъ, таща ее за руку изъ ея засады.

— Иногда полезно вашего брата помучить! отвѣтила Ольга довольно игриво.

Они были одни и она позволяла себѣ отпустить немного бразды своей гражданской скорби и нѣсколько пококотничать.

— А! да вы и не одни! прибавила она, слышавъ шаги въ другой комнатѣ.

„Волгинъ, это Волгинъ“, твердила она себѣ мысленно, но видъ двухъ незнакомыхъ лицъ ошеломилъ ее.

— А онъ гдѣ-же? Гдѣ-же онъ? вырвалось у нея невольно.

— Кто этотъ онъ? Объяснитесь пожалуйста.

Ольга спохватилась, что сдѣлала неловкость, и отозвалась небрежно:

— Ахъ, да онъ!.. Ну вашъ—какъ его? Я все фамилію забываю.

— Волгинъ, что-ли?

— Ну, да!.. Пожалуй, Волгинъ.

— Дома остался; съ рабочими расплачивается, отрѣзалъ вдругъ Славянской.

— А вы его давно знаете, позвольте спросить? вмѣшался Горнъ, уже успѣвъ, съ видомъ знатока, рассмотреть Ольгу и, кажется, оставшись доволенъ осмотромъ.

— Удостоилась видѣть только два раза и, кажется...

— И, кажется, что? Продолжайте.

— Довольно съ меня! Я такихъ терпѣть не могу.

— Какихъ именно? Это пренеприятно. Вотъ прекрасный случай провѣрить на дѣлѣ женскую проникаемость и чуткость... Объяснитесь, какимъ вамъ показался нашъ чудакъ Волгинъ?

— Во-первыхъ, покажите я могу судить только о его на-

ружности, и откровенно признаюсь, что онъ не казистъ... А дальше господа, не спрашивайте; я оставляю свое мнѣніе при себѣ.

— Нѣтъ, дальше-то именно намъ и интересно разузнать.

— Догадываюсь, вступился докторъ:—самое незавидное! Но онъ стоитъ того... Если-бъ вы знали, Горнъ, какъ онъ вчера себя велъ... Послѣ пожара-то, представьте себѣ, бирюкъ-бирюкъ-комъ.

Въ эту минуту вдругъ явилась Люба, одна, безъ ребенка, и съ лукавой улыбкой поздоровалась со всѣми.

— Гдѣ-же вашъ птенецъ? Куда вы его дѣвали? освѣдомился докторъ.

— Угадайте, вымолвила Люба, помирая со смѣху.

— Ужъ вѣрно напроказили что-нибудь? Говорите!

Люба призналась ему потихоньку, что отнесла ребенка въ скотную, къ больной коровницѣ, которая общалась его понявчить, если только съ нимъ справится. Докторъ пришелъ въ ужасъ, разбранилъ Любу, пошелъ самъ къ больной, и черезъ четверть часа Коля былъ снова торжественно принесенъ въ комнаты. Но Люба положительно не соглашалась нявчить его все время одна и присутствующіе принуждены были общать ей нявчить его по очереди. Бросили жребій; первый чередъ достался Славянскому, который невозмутимо покорился своей участи и, держа въ одной рукѣ мальчика, въ другой папиросу, сошелъ со ступеней въ садъ, по неотступному требованію капризнаго Коли. Всѣ, смѣясь и разговаривая, послѣдовали за нимъ. Мало-по-малу углубились далѣе въ рошу и болтовня, шутки, остроуміе сыпались не умолкая. Ольга была въ ударѣ. Присутствіе женщины возбуждало мужчинъ и заставляло находить въ пустякахъ и фразахъ, произносимыхъ ею, бездну значенія и прелести. Докторъ не спускалъ съ нея глазъ и былъ очень милъ своимъ рыцарскимъ ухаживаніемъ и молодою мягкостью обращенія. Горнъ сыпалъ остроуміемъ и черезъ часъ бесѣды обращался съ Ольгой какъ съ старой знакомой. Всего страннѣе держалъ себя Славянскій: онъ буквально не говорилъ ни одного слова, но это не мѣшало ему всюду слѣдовать за ними по пятамъ.

Ровно въ шесть часовъ явилась Марья Павловна съ своимъ деверемъ. Она была свѣжа, дѣвственна, какъ только-что распустившійся цвѣтокъ, у котораго она заимствовала и аромать, и

краски. Не было ни малѣйшихъ слѣдовъ старанія поправиться или произвести эффектъ. Простота ея одежды вполне гармонировала съ скромнымъ выраженіемъ лица. А кто знаетъ, можетъ быть, и она употребила столько-же времени на туалетъ, какъ и Ольга? Женщины владѣютъ особеннымъ искусствомъ принимать именно ту фізіономію, которая къ нимъ идетъ.

Войдя въ залу, гдѣ сидѣла компанія, и раскланявшись со всѣми, Марья Павловна окинула взглядомъ комнату, какъ-бы ища кого-то. Никто не замѣтилъ этого взгляда, кромѣ старушки Галатовой. Она вздохнула и какъ-то призадумалась. Алексѣй Климовъ, одѣтый въ бархатную поддевку и голубую шелковую рубашку, сконфуженный и, очевидно, стараясь придать себѣ бодрости, не входилъ въ комнату, а оставался на лужайкѣ, сантиментально прислонившись къ дереву и обрывая лепестки цвѣтка, какъ Маргарита въ „Фаустѣ“. Онъ вчера еще признался Марьѣ Павловнѣ, что влюбленъ по уши въ Ольгу, и мечтамъ его не было конца. Теперь онъ былъ увѣренъ, что эти мечты написаны у него на лицѣ, и потому боялся идти въ комнаты.

— Здравствуйте; благополучно-ли вы добрались домой вчера послѣ пожара? спросила Ольга у молодой женщины, полулежа на диванѣ и обрывая букетъ крупныхъ ягодъ земляники, приподнесенный ей ея поклонниками.

— Добрались отлично, отвѣтила та, и положила возлѣ себя увелокъ съ книгами.

— А мы съ докторомъ измучились порядкомъ; я промочила ноги, на насъ напали собаки...

— Я говорилъ, что надобно было идти къ намъ и взять лошадь... Сами виноваты, отозвался докторъ.

— Вините Марью Павловну. Она, кажется, побоялась неприличія и я тоже заразилась ея примѣромъ, усмѣхнулась Ольга.

Марья Павловна молчала.

— А, что, что такое? виѣшался Горнъ.

— Видите-ли: мы всѣ отправились вчера на пожаръ; тамъ насъ засталъ дождь и по дорогѣ сдѣлалась страшная грязь; вотъ докторъ и былъ такъ любезенъ, что предложилъ намъ зайти къ нимъ и взять у нихъ лошадь, чтобъ доѣхать домой. но Марья Павловна была непреклонна и я подумала, что и мнѣ не слѣдъ въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ ходить.

— Уставъ для развитыхъ людей вездѣ долженъ быть одинъ, сказалъ докторъ.

— А вы почему-же не пошли? обратился къ Марьѣ Павловнѣ любопытный Горнъ, имѣвшій особенность заговаривать съ незнакомыми, какъ съ самыми короткими друзьями.

— Мнѣ нужно было домой, отвѣтила та послѣ нѣкотораго молчанія и безъ малѣйшей тѣни улыбки.

— Мужа чаемъ поить? послышался изъ-за угла вопросъ Славянского.

— Да; у меня были ключи въ карманѣ.

Всѣ замолчали и Марья Павловна встала, позвавъ Марфу Васильевну въ амбразуру окна. Онѣ вскорѣ вышли и исчезли на дворѣ, потомъ пошли въ огороды.

— Послушайте, господа, спросила Ольга у своихъ собесѣдниковъ,—неужели назначеніе замужней женщины—запирать и отпирать домъ, имѣть ключи отъ сѣстныхъ припасовъ и одѣлать ими своего супруга?

— А вы думали, какое-же иное? съ плутовскою ироніей отвѣтилъ вопросомъ Горнъ.

— Да дайте-же намъ хоть немного гражданственности; не дѣлайте изъ насъ вьючныхъ животныхъ, рабынь для исполненія вашихъ прихотей...

Ольга сказала эту тираду съ заученною горячностью, которая совершенно покорила молодое сердце доктора, но на Горна, какъ на человѣка болѣе опытнаго, произвела впечатлѣніе фальшиваго одушевленія.

— Я думалъ, что хоть вы свободны отъ гражданственности, произнесъ онъ съ упрекомъ, — и не гонитесь за нею, какъ за двѣтной побрякушкой. Помните только одно, что вы женщина и что прелестно быть только женщиной...

Ольга открыла на него большіе глаза и посмотрѣла, какъ на диковиннаго звѣря. Она хорошо знала „склады“ современнаго либерализма и прогресса и нигдѣ еще не встрѣчала противорѣчія, а тѣмъ менѣе ожидала его встрѣтить со стороны молодого, интеллигентнаго человѣка.

— Оставьте его, Ольга Борисовна, виѣшался докторъ; — вы видите, что онъ опять балагурить, опять шутить...

— О, если-бъ вы знали, какъ я мало шучу! отвѣтилъ Горнъ, комически поднявъ глаза къ небу.

Молодой идеалистъ-докторъ началъ, между прочимъ, вполголоса объяснять Ольгѣ свои мысли и теоріи насчетъ брака, назначенія женщины, общественныхъ правъ, и они вскорѣ занеслись по торной колесѣ въ заоблачныя сферы. Между тѣмъ жаръ схлынулъ и Славянскій съ Горномъ исчезли въ садъ отыскивать хозяйку съ Марьей Павловной. Климовъ, какъ отверженная душа у дверей рая, сновалъ по терасѣ, не рѣшаясь войти въ залу. Возлѣ него кружилась Люба съ ребенкомъ и по раскраснѣвшемуся лицу дѣвочки, по ея плутовскимъ глазкамъ, изъ которыхъ будто брызгали лучи удовольствія, видно было, что изъ всѣхъ гостей этотъ одинъ былъ самый желанный и самый способный заронить искру первой любви въ ея шаловливое сердце.

Рѣшено было дождаться Волгина и всей компаніей ѣхать пить чай въ сосѣдную рощу.

Волгинъ-же въ это время стоялъ за высокой конторкой въ своемъ кабинетѣ и привычною рукою пощелкивалъ на счетахъ, подводя итоги довольно значительной суммы. По широкому двору шла вереница рабочихъ, получившихъ расчетъ за недѣлю. Обсѣменение полей кончилось; земля приняла въ свои нѣдра урожай будущаго года; кругомъ воздвигались постройки будущихъ заведеній, происходила расчистка лѣсовъ, подвозились бревна, кирпичи. Вездѣ пахло обновленіемъ, вездѣ чудилось присутствіе какого-то двигающаго духа, который неутомимо парилъ въ пространствѣ и давалъ работу сотнямъ и тысячамъ рукъ. А давно-ли въ этомъ мѣстечкѣ царствовалъ полнѣйшій хаосъ? Давно-ли разорившійся окончательно владѣлецъ имѣнія принужденъ былъ продать его съ аукціона и купилъ его графъ Бореаль? Только три года назадъ; только три года, какъ Волгинъ, главный управляющій графскихъ имѣній, пріѣхалъ и поселился въ Бѣшеной Лощинѣ. Волгинъ былъ агрономъ по призванію; сельское хозяйство было его спеціальностью; онъ органически былъ связанъ съ нею; она управляла его жизненнымъ строемъ, давала окраску его личности, прививала къ нему извѣстные вкусы, привычки, цѣли. Онъ прежде всего былъ строитель, — онъ чувствовалъ себя неловко въ благоустроенномъ мѣстѣ и спѣшилъ изъ него далѣе, туда, гдѣ можно примѣнять безъ помѣхи строитель-

ный элементъ, присущій его духу. Все, что дѣлалось теперь въ Бѣшеной Лощинѣ, ея фабрики, школы, больницы, обработка полей по новымъ образцамъ, — все было плодомъ его дѣятельности, плодомъ его индустриальныхъ способностей. Онъ былъ центромъ, къ которому примыкали всѣ пункты, всѣ отрасли хозяйства, онъ былъ, такъ-сказать, душою машины, распредѣлителемъ пара въ цилиндрѣ.

Но вотъ, наконецъ, онъ кончилъ счеты, приготовилъ нѣсколько телеграмъ, призвалъ помощниковъ, переговорилъ съ ними, сдѣлалъ обычныя распоряженія, потомъ спросилъ лошадь и поѣхалъ къ Галатовой.

Этотъ серьезный агрономъ, заправлявшій имѣніями, устроивавшій заводы и фабрики, былъ въ глубинѣ души поэтъ и мечтатель; онъ могъ засматриваться по цѣлымъ часамъ на пробѣгавшее облачко, на игру свѣта и тѣни въ молодомъ лѣсу; онъ чутко понималъ музыку, былъ великій цѣнитель женской красоты, изящества, граціи. Но любовь не давалась ему. Съ самой юности онъ насчитывалъ въ этомъ отношеніи только одни разочарованія. Если-бъ онъ полюбилъ женщину, то развѣ ту, которая выросла-бы вровень съ нимъ, стала-бы ему по плечу. Онъ ненавидѣлъ фальшь, онъ прежде всего замѣчалъ ее всюду; все подкрашенное и подбѣвленное лияло и обезцвѣчивалось, проходя черезъ анализъ его ума. И между тѣмъ онъ все-таки не покорялся и ждалъ. Ждалъ чего? Чего-то неизвѣстнаго, необычайнаго, невозможнаго.

Маленькое общество встрѣтило его на ступеняхъ терасы. Всѣ были въ шляхахъ и совсѣмъ на-готовѣ ѣхать въ рошу. На дворѣ запрягали линейку; Люба съ служанкой тащили кулеки и корзинки въ телѣгу, уже биткомъ набитую разными принадлежностями чаепитія въ рошѣ. Хозяйка оставалась дома нянчить ребенка.

— Ну, Юрій, долго-же ты заставляешь себя ждать! вскричалъ докторъ, подбѣгая къ нему. — Сказалъ въ шесть часовъ, а теперь уже четверть восьмого.

Ольга стояла въ своемъ бѣломъ платьѣ и пунцовомъ платкѣ на темныхъ волосахъ и, самоувѣренно улыбаясь, протягивала руку Горну, который застегивалъ ея перчатку со всѣми приемами *cavalier galant*. Она съ торжествомъ встрѣтила взглядъ Волгина и улыбку, скользнувшую по его губамъ.

— А мой вѣеръ, а калоши, а зонтикъ? обратилась она къ доктору съ видомъ царицы.

Тотъ впопыхахъ бросился въ домъ. Волгинъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, покосился на Горна и снова улыбнулся. Эта молчаливая улыбка не сходила у него съ губъ все время, пока онъ раскланивался съ присутствующими и снималъ съ себя пледъ. Его лошадь тутъ же была привязана къ дереву и принялась щипать траву.

— Куда же мы поѣдемъ? обратился онъ къ Марьѣ Павловнѣ, которая стояла на послѣдней ступенькѣ терасы и, опустивъ глаза, чертила что-то зонтикомъ по песку. Ея розовыя щеки вспыхнули, словно надъ ними зажглись огоньки.

— Въ старую рошу чай пить! отвѣтила она съ своей безмятежной улыбкой.

— А рыбу ловили безъ меня?

— Ловили... да что! Развѣ съ ними можно? Развѣ они умѣютъ? Они и удочки-то всѣ побросали...

Они оба сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ.

— Мы васъ ждали, прибавила она робко послѣ минутнаго молчанія.

— Мнѣ никакъ нельзя было. Цѣлое воскресенье даромъ пропало. На будущій разъ я распоряджусь иначе и мы поѣдемъ ловить рыбу съ утра... на тони, верстъ за десять отсюда.

— А я ваши книги кончила и принесла, снова сказала Марья Павловна.

— Что я вамъ давала? Да, помню! Вы можете оставить книги у себя. Кстати, брошюра о скотоводствѣ выписана. Она со мной. Это очень интересно... А какъ идутъ ваши омыты?

— Ничего покуда, благодаря содѣйствію Марфы Васильевны. Но маслобойка не годилась; не знаю, что дѣлать съ нею.

— Она съ вами?

— Да; я ее принесла.

— Хорошо, по возвращеніи изъ роши мы ее осмотримъ.

Они переговаривались на лужайкѣ возлѣ дерева, гдѣ была привязана лошадь. Волгинъ былъ молодъ, хорошъ, строенъ; Марья Павловна тоже не уступала ему въ картинности, и, облитые заревомъ заката, они составляли прелестную пару. Ольга не спускала съ нихъ глазъ. Что ее привлекало къ Волгину? Оскорб-

ленное-ли самолюбіе, трудность-ли побѣды, любопытство-ли — неизвестно; но весь синклитъ ея поклонниковъ вдругъ утратилъ для нея всякую прелесть и она впала въ безпокойное и раздражительное состояніе.

— Ъхать, ѡхать скорѣе! заторопила она, бѣгая по терасѣ. — Велите скорѣе лошадей подавать. Тучи собираются. Мы едва успѣемъ доѣхать.

Тутъ Климовъ, считавшій себя обиженнымъ и оскорбленнымъ невниманіемъ Ольги, уныло объявилъ, что онъ въ рошу не поѣдетъ. Поднялась исторія; Марья Павловна никакимъ образомъ нельзя было ѡхать одной безъ него, Волгинъ тоже подалъ голосъ, что въ рошѣ сыро, и Ольга очутилась между столбикъ огней, что не знала, куда броситься. Наконецъ, она кое-какъ унаслала Климова, и онъ, растаявъ въ ожиданіи будущихъ благъ, согласился ѡхать. Начали размѣщаться; Ольга подхватила Марью Павловну и посадила ее въ средину между собою и Горномъ, оставивъ доктора, Славянскаго и другихъ разсаживаться, гдѣ и какъ они хотѣли. Ольга совсѣмъ забыла, что она была гувернанткой, что она попала сюда случайно и что ее безпрестанно могутъ потребовать назадъ, въ скучный и монотонный домъ Смирновыхъ. Она не подозрѣвала, что надъ ней и то уже собирается гроза: въ этотъ самый часъ въ Надежденкѣ закладывался каріолетъ съ цѣлью отвезти супруговъ къ Галатовой.

Въ рошѣ раскинуты были ковры, общими усиліями поставленъ былъ самоваръ и пирушка началась.

— Я вамъ говорю, что несчастный бракъ — это прелесть! кричалъ Горнъ, продолжая одушевленный споръ съ докторомъ и прочими.

Всѣ лица были оживлены тѣмъ пріятнымъ возбужденіемъ, которое даетъ добрый стаганъ вина въ веселой компаніи, въ обществѣ женщинъ и среди благоухающей, майской ночи.

— Чудакъ вы, вотъ что! возражалъ докторъ. — Вы не понимаете, что можетъ дать хорошо составленный и удачно выбранный союзъ.

— Юноша вы!

— Однакожь, слышался голосъ Волгина, — Горнъ! развеи намъ пожалуйста твою теорію: что ты подразумеваешь подъ прелестью несчастнаго брака?

— Ну да! мужчина и женщина, несчастные въ супружествѣ, не прозябають и не остаются въ застоѣ, а живутъ напряженной жизнью ума и соображенія. Они дѣйствуютъ, они выбиваются изъ своего положенія, и если въ нихъ есть что-нибудь порядочное, то они выходятъ изъ этой школы, богаты опытомъ и готовы на борьбу, на жизнь. А счастливый бракъ, Боже мой! да это погибель, это живого въ землю зарыть, лишить его всякаго умственнаго развитія, погрузить его въ нѣкую бездонную купель, въ которой, какъ въ водахъ Леты, онъ забудетъ все, что зналъ, чѣмъ жилъ, что направляло его жизненный строй, какъ человѣка, какъ члена общества, а не какъ супруга.

— Позвольте, позвольте! кричалъ докторъ. — Да вы съума сошли! Что вы подразумѣваете подъ словомъ *супруги*? Особенную породу людей, что-ли? Обращаются они въ орангутанговъ или двуутробокъ? Объяснитесь пожалуйста.

— Конечно! Еще-бы! Если-бъ они не обращались въ особенную породу, тогда-бы и разговору не было!

— Ну, это любопытно! Продолжайте! пронизировалъ докторъ.

— Супругъ, продолжалъ Горнъ (подразумѣвается хорошій супругъ, семьянинъ),—это филистеръ въ нѣмецкомъ копакѣ, связанный семью или восемью гирями въ видѣ дѣтей и жены, живущихъ на его счетъ, для спокойствія которыхъ онъ обязанъ ограничить себя во всемъ, стѣснить и обезцвѣтить до послѣднихъ предѣловъ, а супруга, т. е. хорошая жена и мать, — эт самка, кормящая и рожающая, глухая ко всему, кромѣ своей утробы, и изъ прихоти своихъ сытыхъ дѣтей готовая отнять послѣднюю кроху хлѣба у голоднаго и холоднаго нищаго.

— Ну, на этомъ пунктѣ мы расходимся, вдругъ перебилъ Волгинъ съ мрачной морщиной на лбу;—по моему мнѣнью, пусть женщина будетъ покуда хоть хорошею самкою. Если ее *теперь* отстранить отъ этого дѣла, то на что-же другое будетъ она годна?

Онъ видимо хотѣлъ подшибить крылья высоко парившей Ольги.

— Юрій, да помилуй!.. Но это нелѣпо смотрѣть такъ на женщину! горячился докторъ, бросаясь во всѣ стороны.—Гдѣ-же развитіе, прогрессъ послѣ того? Предположимъ женщину развитую, съ запасомъ знаній, съ природнымъ умомъ,—да это неесте-

ственно даже все забыть, все похерить и обратиться чортъ знаетъ во что...

Волгинъ махнулъ рукой, усмѣхаясь и какъ-бы говоря: „ну, завесъ гиль, взлетѣлъ подь облака“.

— Скажите мнѣ одно, виѣшалась вдругъ Ольга:—какое должно быть идеальное назначеніе женщины?

— Назначеніе женщины? подхватилъ докторъ съ энтузіазмомъ;—быть товарищемъ, другомъ мужчины, дорогой помощницей въ его дѣятельности, сочувствующимъ и понимающимъ лицомъ во всѣхъ его интересахъ.

— Ну, полноте, на что намъ это? перебилъ Горнъ;—на это есть мужчины.

— Да и какая женщина, будь она хоть семи пядей во лбу, вдругъ съ живостью вступился Волгинъ,—можетъ въ этомъ отношеніи замѣнить мужчину? Чему она можетъ меня научить? Что можетъ она мнѣ дать въ области ума и практики? Развѣ у нея есть опытъ, развѣ у нея есть знаніе?

— Но за то она незамѣнима въ другомъ отношеніи... добавилъ Горнъ и отодвинулся подальше отъ доктора, чувствуя, что хватилъ черезъ край.

— Господа, стыдитесь! отчаянно кричалъ этотъ послѣдній.— Подобныя мнѣнія тормозятъ прогрессъ... Вмѣсто того, чтобъ высвятить женщину, чтобъ добавить, чего ей недостаетъ, вы снова возвращаетесь къ понятіямъ серала и смотрите на нее, какъ на красивую игрушку, созданную для вашей прихоти.

— Чего-же вы, наконецъ, хотите отъ женщинъ? вторила Ольга.— Супруги и матери!

— Аспазій, Мессалинъ, вѣроятно! иронизировалъ докторъ.

— Мало-ли чего-бы я хотѣлъ! загадочно произнесъ Волгинъ.

— Еще одинъ вопросъ, педантично вступилась Ольга:—признаете-ли вы равенство умственныхъ способностей мужчины и женщины? Что вы думаете о ихъ мозгѣ?

Но никто не отвѣчалъ. Стаканы были налиты и Горнъ всталъ съ ковра, произнося послѣдній тостъ:

— За здоровье женщинъ, настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ!

— За отсутствіе фразъ, за женскую искренность! поднялъ Волгинъ свой стаканъ.

— За *мои* жень! возгласилъ докторъ и возбудилъ при этомъ всеобщій хохоть.

— Пора, пора домой, однако! Совсѣмъ стемнѣло.

Компанія заторопилась, неся ковры, пустыя корзины и посуду и спѣша разсаживаться въ *линейку*. Случилось такъ, что Волгинъ сѣлъ около Марьи Павловны.

Она была блѣдна, грустна, задумчива.

— Что съ вами? спросилъ онъ у нея.

— Ваша правда, вымолвила она; — теперь женщина не можетъ выучиться всему такъ хорошо, какъ мужчина. И матери, и бабушки были неученныя... но современемъ...

Она затруднялась въ выраженіи своихъ мыслей, но онъ были понятны Волгину.

— Вы жалѣете, что родились слишкомъ рано?

— Да! я чувствую, что я не очень способна.

— Кому-же-нибудь надобно было родиться. Нельзя, чтобъ отъ прошедшаго прямо перейти къ будущему. Но вы искренны, и этого достаточно! Вы помните тоску: за женскую искренность! Это въ настоящее время самое цѣнное ихъ качество.

Этотъ разговоръ вполголоса до боли дразнилъ самолюбіе Ольги. „Почему этотъ человекъ находитъ предметы для разговора съ этой деревенской дикаркой, а мнѣ не высказалъ ни одного своего мнѣнія, ни разу не повятересовался узнать, что я такое? Да и я глупа! Окружила себя этими господами, а онъ слишкомъ самолюбивъ, чтобъ состязаться съ ними.“

Общество возвратилось изъ роши въ самое веселомъ настроеніи духа и обѣщало себѣ цѣлую ночь веселья съ ужиномъ, прогулкою, но вполнѣ разочаровалось, встрѣтивъ въ домѣ Смирновыхъ. Надежда Федоровна Смирнова удивилась, увидавъ свою скромную и степенную гувернантку, раздающую приказанія направо и налево, говорящую громко, самоувѣренно, окруженную цѣлымъ штатомъ поклонниковъ. Ольга подошла къ Смирновой съ видомъ хозяйки дома, освѣдомилась о ея здоровьи, рассказала, какъ провела время въ Бѣшеной Лощинѣ, и, наконецъ, спросила о дѣтяхъ:

— Ну, что, какъ-же на нихъ дѣйствуетъ испытаніе?

— Сегодня воскресенье и я всѣхъ ихъ отпустила въ гости къ попу, — слѣдовательно, не могу судить о ихъ ощущеніяхъ, но

съ завтрашняго дня я займусь ими и хорошенько ихъ подготовлю. Доза, впрочемъ, съ утра приставалъ ко мнѣ съ вопросами о васъ; я сочла нужнымъ принять грустно-серьезный видъ, который долженъ прежде всего навести его на разныя мысли.

Ольга не слушала. Съ нею было довольно, что пріятное испытаніе продлится еще на неопредѣленное время, и она вышла на средину терасы, говоря:

— Господа! Куда-же вы всѣ забились? Вечеръ не конченъ! Мы составимъ кадрилъ!

Но компанія держалась поодаль и въ разныхъ углахъ происходили жаркія совѣщанія.

— Это чортъ знаетъ что такое! говорилъ Волгинъ Марьѣ Павловнѣ, укрывшись въ одну изъ отдаленныхъ бесѣдокъ; — весь вечеръ испорченъ! Ну, зачѣмъ они притазились? Вѣдь я знаю Смирнова... Онъ съ той цѣлью и пріѣхалъ, чтобъ насплетничать потомъ всѣмъ съ три короба. Скажите Марфѣ Васильевнѣ, чтобъ она спровадила ихъ поскорѣе.

Смирновы видѣли, что общество разбѣжалось отъ нихъ, и не годовали.

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь объ насъ! съ иронической улыбкой говорилъ Смирновъ хозяйкѣ, хлопотавшей съ самоваромъ около нихъ; — заботьтесь о вашихъ гостяхъ, а мы не гости. Мы свои, Марфа Васильевна, — безъ церемоній!

Въ залѣ между тѣмъ зажжена была люстра и подъ звуки музыки молодежь устроила танцы. Супруги переглянулись. Ихъ солидной добродѣтели претило подобное препровожденіе времени. Вслѣдъ нихъ очутился Климовъ съ розаномъ въ петлицѣ и съ сентиментально-разочарованнымъ видомъ.

— А вы что-же, Алексѣй Ивановичъ, не слѣдуете примѣру современно развитой молодежи? иронизируя, самъ не зная надъ чѣмъ, обратился къ нему Смирновъ.

— Я, Дмитрій Егоровичъ, человекъ неподходящій... Мнѣ нужно думать, а не веселиться.

— А Марья Павловна, кажется, отъ души веселится. Я душевно радъ за нее. Отчего-же Петра Ивановича нѣтъ здѣсь?

— Ничего не въ модѣ женамъ виѣстѣ съ мужьями бывать.

— Да! мужъ на работѣ, а жена танцуетъ... Нади, что-же ты не пускаешься въ плясъ? Ты молода, тебѣ можно!

Надежда Федоровна взглянула на него съ удивленіемъ.

— Мнѣ надобно лечь пораньше, чтобъ завтра встать и повести на зарѣ дѣтей посмотрѣть на восходъ солнца.

— А твоя гувернантка?

Смирнова промолчала, мрачно поглядывая въ залу, гдѣ Ольга украшала столъ букетами изъ розъ и полевыхъ цвѣтовъ.

За ужиномъ Волгинъ объявилъ о свадьбѣ молодого Борсеа съ Ипатовой и о передачѣ Бѣшеной Лощины въ руки молодой графини. Эта новость всѣхъ заинтересовала и взволновала, не исключая и Смирновыхъ. На Ольгу-же она произвела потрясающее впечатлѣніе. Она вспомнила о цвѣтущемъ и полномъ оригинальности образѣ Кати, вспомнила, какъ она легко и мимоходомъ вырвала побѣду изъ рукъ Ольги, безъ всякаго усилія съ своей стороны, и сердце ея тревожно забилося. Но у Ольги и теперь былъ призъ, который она желала выиграть, который она жаждала выиграть всѣми силами души. Этотъ призъ былъ — Волгинъ. Онъ выдѣлялся между всѣми окружающими, какъ мѣсяцъ между звѣздами; на его сторонѣ было явное превосходство ума, силы, образованія. И этотъ человекъ не таялъ передъ ней: она не знала даже, видѣлъ-ли онъ цвѣтъ ея глазъ, — такъ мало чувствовала она его взглядъ на себѣ. Весь ужинъ она проговорила съ Межецкимъ о немъ. Докторъ описалъ его нелюдимомъ, большимъ оригиналомъ, открылъ, что на умѣ у него однѣ цифры, что онъ, кромѣ своей спеціальности, ничѣмъ не занимается, и вообще матеріалъ скорѣе кабинетнаго ученаго, чѣмъ общественнаго человека. Ольга стала слѣдить за собой и перебрала весь репертуаръ хорошихъ словъ и громкихъ терминовъ, на которые, по ея мнѣнію, долженъ былъ попадаться человекъ такого покроя. А Волгинъ сидѣлъ за ужиномъ между Горномъ и Марьей Павловной, улыбался остроумію своего товарища и самъ сыпалъ остроуміемъ не меньше его. Никто-бы не подумалъ, что онъ знаетъ наизусть каждую черту лица Ольги, каждое его выраженіе и давно анализировалъ ее про себя. Послѣ ужина онъ только-что собрался-было прилечь на диванъ съ сигарой, какъ вдругъ Ольга, совершенно потерявъ голову надъ неудачными попытками сблизиться съ нимъ, рѣшилась завоевать его вниманіе приступомъ.

— М-г Волгинъ, пойдемте, сдѣлаемъ туръ по саду; ночь такъ хороша! сказала она смѣло.

Волгичъ поднялъ на нее глаза, потомъ опустилъ ихъ.

Сердце у Ольги на секунду перестало биться въ ожиданіи отвѣта.

— Пойдемте! выговорилъ онъ, наконецъ, и медленно всталъ съ дивана.

Ольга въ ожиданіи стала у двери, слѣдя съ худо-скрптымъ нетерпѣніемъ, какъ онъ возился съ сигарой, обрѣзывалъ, закуривалъ ее, искалъ фуражку, наконецъ, совсѣмъ снаряжился въ путь и они мгновенно исчезли въ темнотѣ сада.

Тутъ Смирновъ не выдержалъ и въ какомъ-то изступленіи заторопился отъѣздомъ. Кабриолетъ подпрыгивалъ бѣшенными скачками подъ расходившейся рукою супруга.

— Милый... потише! Меня растрясло всю! протестовала его жена, едва удерживаясь на мѣстѣ.

— Но это возмутительно, но это чудовищно! разразился вдругъ Смирновъ, осаживая лошадь, чтобы свободнѣе предаться изліяніямъ;— я удивляюсь тебѣ, какъ ты могла свою гувернантку, воспитательницу твоихъ дѣтей, отпустить въ такой притонъ. Я дня-бы не могъ оставить при дѣтяхъ гувернантку, которая-бы находила вкусъ въ подобномъ препровожденіи времени.

— Милый, ты преувеличиваешь. Все еще можетъ поправиться; я ее скоро возьму и покажу ей ея обязанности.

— Отчего ты не взяла ее теперь, сейчасъ-же? Ты должна была объяснить ей твой взглядъ на всѣ эти вещи. Ты должна была дать понять ей, что не для пустой забавы отправила ее сюда. Нѣтъ, виновата ты и никто больше!

Смирновъ горячился до изступленія и сдѣлалъ женѣ настоящую сцену. Ничто не могло успокоить униженное самолюбіе, которое терзало на части душу этого человѣка при видѣ того, что была жизнь помимо его жизни и что не онъ, а другіе были на очереди, были призваны наслаждаться ею, сметая съ своей дороги, какъ ненужную рухлядь всѣхъ, кто отжилъ свой чередъ. Но съ чего-же они взяли, что это отжившіе люди? Кто сказалъ имъ, что они отжили? Смирновъ бѣсновался.

Рѣшено было, что Ольга завтра-же вернется въ домъ Смирновыхъ и не выпустится болѣе оттуда.

Садъ былъ весь облитъ росой, лягушки то-и-дѣло выскакивали изъ-подъ ногъ, но Ольга шла, не обращая ни на что

вниманія, и увлекала своего спутника все дальше и дальше. Ея рука дрожала на рукѣ Волгина, слышалось въ тишинѣ порывистое бѣненіе ея сердца. Она молчала, она украдкой наблюдала за нимъ. Наконецъ, она остановилась у пруда на лужайкѣ, роскошно залитой серебрянымъ сіяніемъ луны.

— Какъ я рада, что вѣрвалась изъ душной залы, отъ этихъ танцевъ! порывисто-страстно заговорила Ольга, сбрасывая съ головы платокъ, который тотчасъ-же потонулъ въ кустахъ, и разметывая по плечамъ свои тяжелыя косы. — Вотъ гдѣ дышать, вотъ гдѣ жить!

Волгинъ молчалъ.

— Я привела васъ сюда за дѣломъ, снова сказала она, вдругъ переимѣнивъ тонъ; — мнѣ нужно вашего совѣта, — предупреждаю, очень важнаго для меня.

— Я къ вашимъ услугамъ, вѣжливо отвѣтилъ Волгинъ, бросая докуренную сигару.

— Послушайте, я обращаюсь къ вамъ нѣсколько недовко для перваго знакомства, но между развитыми людьми не должно быть китайскихъ обычаевъ и церемоній. Какъ вы находите, вправдѣ-ли я была оставить дѣятельность сельской учительницы и поступить въ гувернантку?

„Боже мой, какъ это несосно! думалъ Волгинъ про себя. — Теперь ужъ въ философію забирается.“

— Вѣроятно, тутъ были обстоятельства, которыя... началъ онъ форменнымъ слогомъ.

— Что такое обстоятельства передъ силой воли? горячо подхватила она. — Я въ силу обстоятельствъ, окружавшихъ меня съ дѣтства, должна-бы была давно уже сдѣлаться чѣмъ-то другимъ, а я сдѣлалась школьной учительницей! Я могла-бы выйти замужъ, могла-бы носить атласъ и бархатъ, а я сдѣлала себѣ рай изъ душныхъ классныхъ комнатъ и грубое рабочее платье не сходило съ моего плеча!

— Это похвально! замѣтилъ Волгинъ, косаясь на ея плечи, блѣвшія подъ кисеей и кружевомъ.

— Но, вдругъ вымолвила Ольга, понутивъ голову, — время богатыхъ надеждъ и великихъ начинаній кончилось для меня. Я прошла тяжелую школу, Волгинъ! Постоянно бороться съ невѣжествомъ, рутинной, произволомъ, постоянно находиться въ тискахъ

между желаніемъ приносить пользу и невозможностью его осуществить,—это возмутительно, это можетъ надломить всякую желѣзную волю, всякія свѣжія силы! Вѣдь я чувствую, что я могу сдѣлать больше, чѣмъ я дѣлаю, продолжала она съ нотой скорби въ голосъ,—что я стою больше, чѣмъ меня цѣнятъ, что я молода, что мои стремленія свѣжи, хороши, честны... И что-же? Индифферентизмъ повсюду, индифферентизмъ со стороны начальства, со стороны родителей, со стороны общества...

Она помолчала, красиво поникнувъ головой.

— Я оставила школу въ самыя тяжелыя минуты моей жизни. Силы мои истощились въ борьбѣ, я пошла въ гувернантки съ горя, въ уныніи, чтобы пережить впечатлѣнія, пережить стѣны... Но теперь, Юрій Николаевичъ, вдругъ произнесла она, поднимая голову,—во мнѣ снова возрождается источникъ жизни, силы мои крѣпнуть, я снова готова на прежній трудъ, на борьбу. Я увидала людей занятыхъ, трудящихся для меньшей братіи челоуѣчества. Я хочу тоже присоединиться къ этой ассоціаціи труда, пользы, знанія. Одобрите-ли вы мой проектъ устроить бесплатную школу въ одномъ изъ здѣшнихъ имѣній?

— То-есть, гдѣ-же именно? невозмутимо спросилъ Волгинъ.

— Я не знаю, гдѣ именно; я рассчитываю на вашу помощь и указаніе.

— Въ Надежденкѣ и Вѣшеной Лощинѣ уже есть подобныя, съ замѣщенными въ нихъ учителями, отвѣтилъ Волгинъ безстрастно и не давая ничего прочесть на своемъ лицѣ;—но если...

— Если что? стремительно спросила Ольга и глаза ея заблестѣли жадной надеждой и ожиданіемъ.—Наконецъ онъ выскажется, наконецъ она узнаетъ, что онъ думаетъ объ ней.

— Если вамъ мало вашего труда, если вы ищете усиленной дѣятельности, то лучше всего вамъ сдѣлаться сидѣлкой при больницѣ, подъ надзоромъ доктора.

Онъ посмотрѣлъ на нее прямо и улыбнулся. Несмотря на насмѣшливость этой улыбки, Ольга почувствовала удовольствіе.

— Докторъ мнѣ совѣтовалъ здѣсь, въ Вѣшеной Лощинѣ, устроить воскресныя уроки для дѣтей, или, лучше сказать, бесѣды для народа...

— Ну вотъ, видите, перебилъ Волгинъ.

— Но докторъ—юноша, у него на все такія младенческія воз-

зрѣнія;—я не могу такъ слѣдовать его совѣтамъ, какъ послѣдовала-бы вашимъ... Скажите, вы знаете дѣтей Смирновыхъ?

— Имѣю понятіе.

— Могу я сдѣлать тамъ что-нибудь? принести какую-нибудь пользу?

Волгинъ очень ясно понималъ, что Ольга хочетъ отстраниться отъ всего непріятнаго и срывать только цвѣты удовольствія въ компаніи доктора и прочей молодежи, и отвѣтилъ какъ можно серьезнѣе:

— Мнѣ кажется, тамъ много можно пользы принести, только, разумѣется, пристально, не отрываясь, посвятивъ себя единственно и специально только одному этому дѣлу...

— О, да! вскричала Ольга съ восторгомъ;—вы правы, дайте мнѣ вашу руку, я чувствую, что силы мои обновляются и этимъ я обязана вамъ...

Она взяла его руку въ свои и они пошли назадъ по той-же алеѣ.

— А платокъ вашъ? вдругъ спросилъ Волгинъ послѣ внезапнаго молчанія.

— Ахъ, я его бросила въ кусты. Ничего, пускай тамъ останется...

— Ну, конечно; докторъ отыщетъ, оставитъ у себя, какъ сувениръ... Я его подразню.

Онъ привелъ ее въ домъ и съ молчаливой улыбкой сдалъ на руки доктору. Ольга была рада, что всё видѣли, что она гуляла съ Волгинимъ, что и онъ, повидимому, не устоялъ отъ ея вліянія, также какъ и прочіе. Она вскидывала на Марью Павловну торжествующіе взгляды.

Марья Павловна, возвратившись домой, выдержала-бурную сцену отъ своего супруга. Книги, данныя ей Волгинимъ, были спрятаны и заперты отъ нея въ собственный сундукъ Петра Ивановича. Бѣднякъ, самъ того не зная, раздувалъ пожаръ; такъ трусь, которому попала маленькая искра на платье, вмѣсто того, чтобы дать спокойно догорѣть ей, бѣгаетъ и кружится съ ней до тѣхъ поръ, пока она не охватитъ его пламенемъ. Жена сломала замокъ у сундука, достала книги и провела всю ночь въ чтеніи. Ей хотѣлось спать, она ничего не понимала, но она пересилила себя. Ея чувство къ Волгину изъ простого, невиннаго и безмя-

тежнаго становилось все болѣе и болѣе сложнымъ и одѣвалось обаяніемъ чего-то запретнаго.

II.

Стоить одинъ изъ жаркихъ лѣтнихъ дней. Въ саду у Смирновыхъ по-прежнему слышатся голоса дѣтей, по-прежнему они качаются на качеляхъ, вѣшаютъ на столбахъ, рвутъ платья себѣ и своимъ нянькамъ и вызываютъ улыбку умиленія на уста сердобольной матери. Растрепанный супругъ лежитъ въ кабинетѣ. Надежда Федоровна около него. Смирновъ, очевидно, разстроенъ, онъ вскакиваетъ, выкуриваетъ папиросу за папиросой и опять ложится.

— Это чортъ знаетъ, что такое! восклицаетъ онъ, наконецъ, запуская руки въ волосы.

— Милый, какъ тебѣ не стыдно такъ волноваться! съ мягкой укоризной говоритъ жена; — вѣдь это такіе пустяки! Она просто ушла въ рошу, должно быть, и вернется къ обѣду.

— Баба ты! Не видишь дальше своего носа! раздражительно прикрикиваетъ Смирновъ;— у нея гувернантка пропадаетъ съ зари, безъ спросу, неизвѣстно куда, а она говоритъ: пустяки! Ты знаешь-ли, какую тѣнь это можетъ бросить на насъ, хозяевъ? зашепталъ онъ, сверкая глазами.— Всякій имѣетъ право сказать, что въ нашемъ домѣ можно развратничать и дѣлать, что угодно! Ушла съ зари! Наставница, воспитательница дѣтей! Хорошъ примѣръ! А кто виноватъ? Ты одна... Одна ты и больше никто! кричалъ онъ внѣ себя, приступая къ женѣ.

Надежда Федоровна попятилась, думая о томъ, какъ-бы ему дать лавровишневыхъ капель, чтобъ предупредить сердцебіеніе. Ей и въ голову не приходило подозрѣвать какую-нибудь нечистую причину въ этомъ волненіи по поводу исчезновенія Ольги: десятилѣтняя, неизмѣнная вѣрность и постоянное проявленіе подобныхъ-же вспышекъ отъ причинъ еще болѣе маловажныхъ совершенно ослѣпляли ее.

— Ну, я пошлю еще Архипа къ Галатовой, поборно отвѣтила жена и, незамѣтно поставивъ рюмку съ приготовленнымъ лекарствомъ около него, вышла изъ комнаты.

Смирновъ увидѣлъ рюмку и съ размаха швырнулъ ее на полъ. Онъ сходилъ съума, онъ бредилъ Ольгой на яву и во снѣ.

Вотъ уже нѣсколько времени, какъ онъ борется съ нею на жизнь и на смерть, устраиваетъ за ней шпіонство, слѣдитъ за каждымъ ея шагомъ и изнываетъ въ безплодныхъ мученіяхъ. Это не любовь, — это что-то среднее между ненавистью, деспотизмомъ, завистью и страстной жадной оладаніи. Съ достопамятной пирушки у Галатовой Ольга воротилась въ домъ Смирновыхъ и съ жаромъ принялась за занятія съ дѣтьми. Какое-то страстное увлеченіе руководило ея поступками, — она какъ-будто во что-бы то ни стало желала выйти побѣдительницей изъ труднаго дѣла воспитанія и получить желанные плоды. Неумолимая, акуратная, хладнокровная, она поражала удивленіемъ и восторгомъ Надежду Федоровну, которая не знала, какъ нахвалиться своей гувернанткой. Могли-ли дѣти устоять противъ наплыва такой энергической воли? Въ нихъ произошла замѣтная переиѣна; они явно подпали подъ вліяніе Ольги, и если не любовь, то какой-то папическій страхъ привлекалъ ихъ къ ней и заставлялъ исполнять ея волю. Но въ первое-же воскресенье она отпросилась къ Галатовой. Докторъ, посѣщавшій Смирновыхъ и слѣдившій за блестящими результатами трудовъ Ольги, превозносилъ ее до небесъ. Собралась опять обычная компанія, былъ Волгинъ, Марья Павловна и прочіе... Ольга была скромна, смиренна, отклоняла всѣ похвалы и, просидѣвъ часа два, озабоченно уѣхала, говоря, что спѣшитъ къ дѣтямъ. Съ нея взяли слово быть въ слѣдующій праздникъ. Но на этотъ разъ Волгина не было: онъ просидѣлъ вечеръ дома; Ольгу его отсутствіе уязвило до глубины души. Потомъ однажды въ домѣ Галатовой она застала Волгина въ саду съ Марьей Павловной въ долгихъ совѣщаніяхъ, которыя тотчасъ-же прекратились при ея появленіи. Ее начало колоть въ сердце что-то съ такой силой, что она едва устояла на ногахъ. Она стала ловить каждое его слово, каждое движеніе. Одинъ разъ, когда Волгинъ, увидавъ ее у Галатовой, въ первый разъ самъ обратился къ ней съ вопросомъ о ея педагогической дѣятельности, она такъ поблѣднѣла, что онъ съ участіемъ спросилъ у нея „не больна-ли она?“ и замѣтилъ, что ей надо почаще развлекаться. Въ этотъ вечеръ она была счастлива: онъ говорилъ съ ней, выслушивалъ охотно ея рассказы про дѣтей, одобрялъ ея приемы и давалъ нѣкоторые совѣты. Всю ночь ра-

дужные сны витали надъ ея изголовьемъ, тысячи проектовъ ронились въ ея умъ, и она не знала, какъ дожить до слѣдующаго праздника.

Этотъ праздникъ былъ знаменательнымъ днемъ для нея. Она явилась въ домъ Галатовой въ какомъ-то чаду, въ какомъ-то опьяненіи веселья. Ея нарядъ, ея улыбка, выраженіе ея лица говорили ясно, что она рѣшилась или побѣдить, или умереть. Поѣхали на рыбную ловлю. Тамъ была водяная мельница, которую общество рѣшилось осмотрѣть. Волгинъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа; онъ охотно объяснялъ своимъ слушательницамъ устройство мельницы, движеніе колесъ, силу воды и т. д. Былъ превосходный лѣтній вечеръ. Общество проголодалось и вздумало сварить уху на берегу рѣки. Пока всѣ хлопотали, Волгинъ побрелъ снова на мельницу, осмотрѣлъ снасти, поставы, вписалъ что-то въ свою записную книжку и, наконецъ, взомель на самую вышку, гдѣ слышался стукъ мельничнаго колеса, какъ торопливое біеніе гигантскаго сердца. Взошедши на площадку, высоко поднятую надъ водою и огороженную шаткими перилами, онъ остановился, охваченный любимыми звуками: бѣшенымъ ревомъ воды, пѣившейся о закрытыя вешники и разбивавшейся въ безконечныхъ брызгахъ и бѣлоснѣжной пѣнѣ. Мрачный и неподвижный, какъ стѣны, о которыя разбивались эти волны, Волгинъ смотрѣлъ въ пучину и не могъ насмотрѣться... Шумъ волнъ былъ такъ громокъ, что заглушалъ всѣ остальные звуки, всю человѣческую жизнь внизу и вокругъ.

Онъ случайно поднялъ голову, —возлѣ него стояла Ольга. Она была въ бѣломъ платьѣ; грудь ея томительно и сладострастно колыхалась и каждое ея движеніе, каждый фибръ ея лица, каждое ея дыханіе были проникнуты страстью. Глаза ея медленно и таинственно впились въ глаза Волгина.

— Наконецъ! произнесли шопотомъ ея уста.

Волгинъ былъ удивленъ и нѣсколько взволнованъ ея появленіемъ.

— Наконецъ! повторила она, въ умиленіи складывая руки передъ нимъ.

Волгинъ видѣлъ движеніе ея губъ, но словъ не слышалъ.

— Что вы говорите? спросилъ онъ у нея какъ можно громче.

— Мнѣ нужно говорить съ вами, отвѣтила Ольга, не возвышая голоса.

Онъ опять покачалъ головой въ знакъ того, что не слышитъ, и указалъ на приборъ волнъ, влоковавшій подъ ними: голоса при-туплялись совершенно.

— Наклонитесь, показала она ему выразительнымъ жестомъ.

Онъ едва склонилъ голову, которая все-таки была очень далева отъ нея.

— Я люблю васъ, шептала Ольга чуть слышно.

— Что? переспрашивалъ Волгинъ, наклонивъ ухо поближе.

Тогда она вспыхнула, не совладала съ собой; руки ея вдругъ обвилась вокругъ его шеи и онъ почувствовалъ, что глаза его закрываются подъ чьими-то горячими, безумно-страстными поцѣлуями.

— Вотъ что! Вотъ мои отвѣты, вотъ мои слова! раздался ясно, прямо ему въ ухо прерывистый, лихорадочный шопотъ.

Онъ стоялъ неподвижно, какъ каменное изваяніе. Прошла минута или четверть часа — никто изъ нихъ не могъ опредѣлять этого. Наконецъ, онъ вдругъ отвелъ ея руки отъ своей шеи и направился къ выходу. Ольга была въ такомъ возбужденномъ состояніи, что уцѣпилась за перила, будучи не въ силахъ держаться на ногахъ. Онъ оглянулся на нее и подаль ей руку, чтобъ помочь сойти внизъ съ лѣстницы. Лѣстница была узкая, безъ перилъ; двоимъ въ рядъ идти было невозможно.

— Докторъ! всей грудью крикнулъ Волгинъ, наклоняясь къ окошечку. — Бѣги сюда!

— Юрій Николаевичъ, что вы хотите дѣлать? лепетала Ольга, и ноги подъ ней подламывались отъ ужаса.

— Вамъ дурно, вы не можете идти, отвѣтилъ Волгинъ.

Ольга остановилась на срединѣ лѣстницы и снова вперила въ него свои загадочные глаза.

— Вы любите Марью Павловну? вдругъ спросила она.

— Нѣтъ, былъ короткій и рѣзкій отвѣтъ.

— Такъ отчего-же? съ тоской произнесла Ольга. — Что я вамъ сдѣлала? За что такая суровость? Такое презрѣніе!..

Волгинъ долго молчалъ, стоя передъ ней. Въ этомъ молчаніи можно было счесть каждый ударъ ея стремительно бившагося сердца.

— Докторъ говорилъ мнѣ, что вы его любите, что вы подавали ему надежды, выговорилъ онъ, наконецъ, такъ строго, какъ обвинитель на судѣ; — правда это или нѣтъ?

Онъ хотѣлъ сказать, что она поступаетъ нечестно, любя одного и кокетничая съ другимъ. Ольга поняла иначе. Ей показалось, что Волгинъ ревнуетъ, что онъ не хочетъ конкурировать съ бѣшью-бы то ни было.

— Да вѣтъ-же! я не люблю, не люблю никого, кромѣ васъ... Никогда, никого... ни прежде, ни послѣ!.. О, если-бъ вы знали, что вы такое для меня!..

Волгинъ вдругъ перебилъ ея рѣчь, махнувъ рукою. Лицо его стало холодно, неприступно, мрачно, какъ грозовая туча. Несмотря на всю свою смѣлость и находчивость, она онѣмѣла отъ страха. Докторъ, давно уже хватившійся Ольги, взбѣжалъ на лѣстницу какъ съумасшедшій. Волгинъ тутъ-же исчезъ, оставивъ влюбленныхъ объясняться, какъ знаютъ.

Съ тѣхъ поръ Ольга долго не была у Галатовой. Межецкій-же ѣздилъ въ Надежденку каждый день, совершенно теряя голову. Насмѣшки, беспощадные сарказмы вдругъ полились на него дождемъ. Обвиненія въ самонадѣянности, въ томъ, что онъ хвастается успѣхомъ своимъ друзьямъ,—жгли его раскаленнымъ желѣзомъ. Онъ попробовалъ-было спросить объясненія у Волгина, но тотъ молчалъ. Докторъ переживалъ лихорадочные дни. Онъ ѣздилъ въ Надежденку, къ великому изумленію ея обитателей, безпрестанно. Ольга почти не говорила съ нимъ. Рѣшившись покончить съ Бѣшеной Лощиной и хоть сколько-нибудь унять лихорадку оскорбленной страсти, она принялась опутывать Смирнова всѣми обольщеніями кокетства и держать его постоянно на медленномъ огнѣ то надежды, то отчаянія, то бурныхъ восторговъ. Супругъ, спавшій такъ долго, вдругъ проснулся. Ольга была рада, что всѣ искусственныя волненія, его шпіонство, его ревнивыя вспышки, разговоры съ нимъ наединѣ помогали ей забываться. Она болѣзненно блѣднѣла при одномъ имени Волгина и съ замираніемъ сердца слушала каждое извѣстіе изъ Бѣшеной Лощины. Праздники стали для нея невыносимы: въ тоскѣ, въ мучительной тревогѣ, въ какомъ-то безпокойномъ ожиданіи она проводила каждый часъ этихъ безконечно-тянувшихся дней. Смирновъ, вмѣсто того, чтобъ быть довольнымъ ея присутствіемъ, злился, осыпалъ ее ядовитыми намеками, придирался на каждомъ шагу. Онъ видѣлъ, что она не слышитъ половины его словъ, и ревновалъ, ревновалъ ее безъ ума. Женѣ доставалось отъ него болѣе, чѣмъ

когда-нибудь. Всѣ были несчастны, всѣ ходили съ возбужденными нервами, жалуясь и ропща на судьбу. Наконецъ, она не выдержала: въ одно воскресенье встала на разсвѣтъ и пѣшкомъ ушла потихоньку въ Вѣшеную Лощину, прямо въ домъ старушки Галатовой. Это было то самое достопамятное утро, которое началось такою тревогой въ домѣ Смирновыхъ.

Побурѣвшія, полосатыя версты время отъ времени мелькали въ глазахъ Ольги. Она не считала ихъ, она не чувствовала ни усталости, ни нетерпѣнія. Мѣрно шагала она по дорогѣ между двумя рядами березъ, окаймлявшихъ дорогу, не обращая вниманія ни на прелесть лѣтняго утра, ни на пѣшеходовъ и проѣзжихъ, провожавшихъ ее долгимъ взглядомъ любопытства. Вотъ и знакомая тропинка! Она прибавила шагу и вдругъ остановилась, вынула часы. Было одиннадцать часовъ; въ эту пору, бывало, уже собирались. Гдѣ-то, гдѣ-то они? Ольга вдругъ подъ вліяніемъ какой-то новой мысли круто повернула съ тропинки, ведущей въ ворота, и обошла сзади дома черезъ кухню, на заднее крыльцо. Тамъ она прошла рядъ пустыхъ комнатъ, незамѣченная никѣмъ. Ей хотѣлось застать всѣхъ врасплохъ. Она притаилась за дверь въ залу, нарочно медля своимъ появленіемъ. Вдругъ на терасѣ послышались быстрые шаги и Волгинъ вошелъ, бросивъ на ходу фуражку на роаль.

— Вы послали за мной? Ну, что такое случилось? услышала Ольга звуки голоса, потрясшаго все ея существо.

Старушка встала къ нему на-встрѣчу съ дивана.

— Марья Павловна въ большемъ горѣ; вчера, какъ она пришла домой отъ меня, мужъ продалъ всѣхъ ея коровъ и ту телку, которую вы, на заработанныя ею деньги, выписали изъ Москвы. Она съ нимъ поссорилась и хочетъ уйти отъ него.

Глубокое молчаніе послѣдовало за этимъ.

— Куда? спросилъ онъ, наконецъ.

Галатова молчала долго, въ свою очередь, пристально глядя на него.

— Вы любите ее? тихо вымолвила она.

Была минута, когда у Ольги въ головѣ все заходило ходенемъ и она вся замерла въ ожиданіи рокового отвѣта.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Волгинъ коротко.

— Ну такъ я не знаю, что вы будете дѣлать съ нею. Она ждетъ вашего совѣта и помощи.

— Мы придумаемъ вѣстѣ съ вами что-нибудь, Марфа Васильевна! Сколько у меня теперь дѣла, такъ это ужасъ! прибавилъ онъ, садясь на диванъ.—Вчера только-что пріѣхалъ, опять ѣхать. Рабочая пора, а тамъ въ Нарядной ничего не дѣлается. Новый управляющій еще не пріѣхалъ, старый дѣломъ не занимается... Я еще не пилъ чаю, Марфа Васильевна; напоите пожалуйста чайкомъ.

Старушка направилась къ двери и вдругъ столкнулась съ Ольгой.

— Ольга Борисовна! Какими судьбами? Насилу-то вы надумались пріѣхать. Я сейчасъ, только чай подамъ.

Ольга вошла въ гостиную; вся кровь прилила ей къ сердцу и она не помнила, какъ они поздоровались: сама-ли она подошла, онъ-ли къ ней подошелъ; какой-то радужный туманъ стоялъ у нея въ глазахъ все время, пока онъ пожималъ ея руку и спрашивалъ о чемъ-то. Она опомнилась только тогда, когда уже сидѣла на диванѣ рядомъ съ Волгинымъ и принуждена была отвѣчать на его разспросы и замѣчанія. Онъ ей показался бодрѣе, красивѣе, оживленнѣе обыкновеннаго. Ни малѣйшей тѣни принужденія не проглядывало въ его обращеніи съ нею. Онъ рассказывалъ ей про свою повѣзку въ Нижній-Новгородъ, рассказывалъ объ ея занятяхъ, трунилъ надъ ея побѣдами, о которыхъ, какъ онъ говорилъ, слухомъ земля полнится.

„Неужели онъ забылъ, неужели онъ не понялъ тогда?“ думалось ей все время.

Волгинъ, въ самомъ дѣлѣ, успѣлъ выкинуть изъ головы все, что у него было съ Ольгой. Онъ тогда еще опредѣлилъ поступокъ Ольги чисто-нервнымъ припадкомъ и никакъ не хотѣлъ смотреть на него иначе. Теперь, когда онъ видѣлъ ее, повидимому, вполне здоровою и хладнокровною, онъ спокойно и охотно говорилъ съ нею, какъ со всякимъ другимъ, кто подвернулся-бы ему въ эту минуту.

А онъ хотѣлъ говорить, онъ былъ въ какомъ-то возбужденномъ состояніи и, какъ видно, умъ его работалъ надъ какимъ-то проектомъ, планомъ или предпріятіемъ. Судьба Марьи Павловны не выходила у него изъ головы. Онъ понималъ, что онъ.

именно онъ заронилъ искру броженія въ ея безцвѣтно, обставленную жизнь, что своей личностью, разговорами, бессознательнымъ вліяніемъ, онъ приготовилъ почву, на которой выросли бури и непогоды ея супружеской жизни. Изъ этой нравственной посылки выходило неизбѣжно, что онъ долженъ научить ее, долженъ руководить ея первыми шагами. Но какъ? Чего-же лучше? Ему, человѣку идеи, человѣку теоріи, дѣло казалось такъ просто, такъ удобоисполнимо. Она разойдется съ своимъ мужемъ и будетъ жить въ Бѣшеной Лощинѣ, гдѣ дѣла такъ много, такъ много не достаетъ рукъ. Онъ не раскаявался ни въ чемъ; весь отданный богатымъ интересамъ своей дѣятельности, отрѣшенный отъ всѣхъ мелкихъ, личныхъ ощущеній, онъ невольно мѣрилъ и другихъ на свой аршинъ. Какъ богачъ, обладающій сокровищами, онъ считалъ своей человѣческой обязанностью дѣлиться ими съ своими ближними и вводитъ ихъ на-сколько возможно въ ту область, изъ которой онъ самъ почерпалъ силу, независимость, возможность жить. Подъ вліяніемъ цѣлаго роя подобныхъ мыслей и соображеній онъ вдругъ замолкъ, облокотившись рукою на подушку дивана. Какъ глубока казался его взглядъ, погруженный въ его внутренній, никому невѣдомый міръ! Ольга затаила дыханіе, не смѣя спугнуть этихъ думъ, и не въ силахъ была оторвать глазъ отъ этого лица.

— Ольга Борисовна, выходите замужъ за доктора! раздался вдругъ его голосъ.

Она вся вздрогнула отъ неожиданности.

— Я? за доктора? пролепетала она.

— Ну-да! Мы найдемъ вамъ работу, прибавилъ онъ, улыбаясь. — Женскихъ рукъ не достаетъ въ Бѣшеной Лощинѣ... У меня есть планы... Кстати, вы его совсѣмъ сводите съ ума. Предупреждаю васъ, что вы скоро получите формальное предложеніе. Вы не ожидали? Что скажете?

Съ широко раскрытыми глазами смотрѣла на него Ольга и въ эту минуту отдала-бы половину жизни, чтобъ проникнуть въ глубину его души. Никогда онъ еще не былъ такъ ласковъ, такъ симпатично задушевенъ съ нею. А что, если? Но это безчестно! Безчестно? Да развѣ для такихъ крупныхъ личностей, какъ Волгинъ, существуетъ мѣрка обыденной морали? Развѣ для нихъ писанъ законъ? У Ольги закружилась голова. Перспектива, кото-

рую онъ сулилъ ей, сводила ее съума. Жить подъ одной кровлей съ нимъ, видѣть его каждый день, испытывать прелесть его присутствія, имѣть возможность опутывать его всей непреодолимой силой своихъ желаній, своей страсти, оградить его отъ вторженій всѣхъ постороннихъ вліаній,—да это такая перспектива, ради которой она готова принести въ жертву не одного, двухъ, трехъ человѣкъ. А что же докторъ? Онъ будетъ счастливъ, какъ мужъ!..

Душа Ольги погружалась безъ колебанія въ эту тинѣ саранѣе обдуманной интриги.

— Ну что, надумались? снова обратился къ ней Волгинъ, слѣдя съ нѣкоторымъ удивленіемъ за скрытымъ огнемъ ея глазъ, блѣдностью и краской, непрерывно смѣнявшимися на ея щекахъ.

Она не успѣла отвѣчать: въ одну дверь входила Марфа Васильевна съ самоваромъ, въ другую входилъ Межецкій. Онъ вошелъ съ опущенными глазами, съ мрачно-печальнымъ выраженіемъ въ сжатыхъ губахъ; скучающее уныніе сказывалось въ каждомъ его движеніи. Но вдругъ поднявшіеся глаза его увидѣли Ольгу. Онъ подбѣжалъ къ ней, лепеча какія-то безсвязныя слова привѣтствія, и, увидавъ, что она улыбается ему, весь краснѣя, взявъ ея обѣ руки и буквально покрылъ ихъ поцѣлуями. Ольга не отдергивала ихъ. Во всемъ существѣ ея клокотала ключемъ кака-то новая радость, и она готова была обнять и прижать къ своему сердцу цѣлый міръ. Волгинъ съ улыбкою старшаго брата или безстрастнаго ментора смотрѣлъ на эту сцену. Онъ отъ души любилъ доктора, видѣлъ, что онъ влюбленъ, что онъ страдаетъ, и искренно былъ радъ, что все оканчивалось благополучно. Объ Ольгѣ онъ думалъ ни хуже, ни лучше, чѣмъ о другихъ женщинахъ; если же доктору, съ его семейнымъ элементомъ въ характерѣ, необходимо жениться, такъ ужъ лучше пусть женится по любви, хотя-бы для удовольствій медоваго мѣсяца, а за медовый мѣсяцъ этой пары онъ ручался.

Они сидѣли и разговаривали. Марья Павловны не было; ничто не отравляло радужнаго настроенія Ольги. Волгинъ и докторъ въ этотъ день всецѣло принадлежали ей. Волгинъ говорилъ, что ему нужно домой, и оставался. Ему было весело

дразнить влюбленныхъ, шутить, дѣлать намеки, строить воздушныя замки. Сдержанность его съ Ольгой пропала.

Вдругъ на дворѣ послышался непривычный шумъ и показался всадникъ верхомъ на лошади.

— Барышни тутъ нѣтъ-ли нашей? спросилъ онъ у проходившей дѣвчонки.

— Да ты откуда?

— Изъ Надежденки. Съ утра гонцовъ за ней разослали.

Ольга безпокойно приподнялась. Волгинъ захохоталъ. Его забавляла эта погоня.

— Куда вы, Ольга Борисовна? остановилъ онъ ее за платье. — Зачѣмъ вамъ уѣзжать теперь?.. Это совсѣмъ не нужно.

Она улыбнулась ему, но вышла къ посланному. Докторъ и Волгинъ послѣдовали за нею.

— Здравствуй, Архипъ. Ты за мною?

— За вами-съ! У насъ такой переполохъ идетъ. Дѣти васъ по роцѣ ищутъ, а баринъ трехъ гонцовъ разослали, сюда да въ Коноплянку.

— Оставайтесь, шепталъ докторъ;—я самъ васъ провожу домой сегодня вечеромъ.

— Пстой, я напишу записку, обратилась Ольга къ посланному.— Подожди здѣсь.

Записка съ общаго совѣта была написана и вручена посланному. Ольга писала, что такъ какъ сегодня воскресенье, то она думаетъ провести его на свободѣ, и будетъ въ Надежденкѣ завтра рано утромъ. Но не прошло и двухъ часовъ, какъ снова взвилась пыль по дорогѣ, послышался грохотъ экипажа и самъ Смирновъ въ кабриолетѣ прикатилъ на дворъ къ Марфѣ Васильевнѣ. Волгинъ въ эту минуту уходилъ домой, условившись съ остальными, что они придутъ къ нему черезъ часъ или два. Въ воротахъ ему надо было встрѣтиться съ Смирновымъ.

— А, это вы? ироническимъ тономъ привѣтствовалъ его этотъ послѣдній.—Что скажете новенькаго? Какъ удачно идутъ ваши предпріятія?

Но Волгинъ не счелъ за нужное отвѣчать ему и отперъ ворота.

— Благодарю за услугу! вскричалъ ему вслѣдъ Смирновъ, надѣясь хоть чѣмъ-нибудь задѣть этого ненавистнаго человѣка.

Первый взглядъ, который онъ бросилъ на Ольгу, породилъ въ немъ глухое бѣшенство. Она совсѣмъ преобразилась; какъ давно не видалъ онъ ее такую! Какая-то мягкость, какое-то томленіе, будто слѣдъ новыхъ ощущеній лежалъ на всей ея фигурѣ. Онъ видѣлъ, что она полулежала на диванѣ и встала только тогда, когда онъ вошелъ. Докторъ, сіяющій, робкій, съ улыбкой, нетребуемой истолкованія, ходилъ по комнатѣ.

— Здравствуйте, эмансипированная дѣвица! съ принужденной развязностью началъ Смирновъ, подходя и подавая ей руку. — Ушла на зарѣ, пропала и никакихъ слѣдовъ!.. Я никакъ не думалъ найти васъ здѣсь.

— Почему-же это вамъ кажется такъ удивительно? смѣялась Ольга. — Развѣ я въ первый разъ бываю здѣсь?

— Но помилуйте! Уйти тихонько, не сказавъ никому ни слова, — это не имѣетъ здраваго смысла! Я не могъ предположить, чтобъ... чтобъ воспитательница моихъ дѣтей имѣла такіа идеи!

— Какія идеи?

— Подобныхъ отлучекъ... Это, въ нѣкоторомъ смыслѣ, бросаетъ тѣнь...

— На кого?

— На всѣхъ!..

Докторъ былъ какъ на иголкахъ. Его кумирь, женщину, которую онъ боготворилъ, допрашиваютъ и контролируютъ, какъ какую-то крѣпостную дѣвку.

— Вы позволите мнѣ вмѣшаться въ разговоръ? началъ онъ мягко.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе.

Докторъ сталъ прямо противъ Смирнова и, глядя на него въ упоръ, спросилъ:

— Какое вамъ дѣло до Ольги Борисовны?

Смирновъ даже привскочилъ на мѣстѣ.

— Это ужъ позвольте мнѣ знать, какое мнѣ до нея дѣло! глухо проговорилъ онъ.

Она встревоженно глядѣла на того и другого, не зная, съ какой стороны приступить.

— Предположимъ такіа отношенія, категорически продолжалъ докторъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на его сло-

ва: — отношенія нанимателя къ нанимаемому. Вы берете трудъ чело-
вѣка и даете ему за него извѣстное вознагражденіе; внѣ
этого труда ваши права на него кончаются... Вы берете
услуги, личность-же, дающая вамъ ихъ, остается свободна... Не
такъ-ли?

— Нѣтъ, не такъ-съ! расхорачорился Смирновъ. — Мнѣ
пужна гарантія нравственности. Въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ,
какъ воспитаніе дѣтей, отецъ и мать должны главнымъ образомъ
слѣдить за нравственностью субъекта... Какое-же уваженіе мо-
жетъ внушить такая личность, которая уходитъ тайкомъ изъ
дома, неизвѣстно куда, зачѣмъ, съ какой цѣлью?.. Можетъ быть,
на свиданіе, почемъ я знаю! Почемъ я знаю, что тутъ дѣлается!..

Докторъ поблѣднѣлъ, какъ стѣна. Его пальцы судорожно
ломали мундштукъ, куски котораго съ трескомъ падали на полъ.

— Вы не имѣете права произносить такихъ словъ, милостивый
государь! выговорилъ онъ.

— Я не имѣю права! вскричалъ Смирновъ внѣ себя. — До-
вольно того, что я не желаю подобныхъ отлучекъ, не желаю!
Слышите-ли? обратился онъ къ Ольгѣ;—вы слышали, что я ска-
заль?

Онъ посмотрѣлъ на Ольгу такимъ взглядомъ, что ея смѣлость
поколебалась. Болѣе чѣмъ когда-нибудь, она не желала раскрыть
передъ докторомъ, что Смирновъ имѣлъ право такъ волноваться,
что между ними было нѣчто болѣе, чѣмъ отношенія хозяина къ
гувернанткѣ, что она подавала ему надежды, что она кокетни-
чала съ нимъ въ то несчастное время, когда думала заглушить
страсть къ Волгину. Торопливо накинувъ на голову платокъ и
натягивая перчатки, она обратилась къ Смирнову:

— Безъ всякихъ сценъ; поѣдемте въ Надежденку, я го-
това!

Докторъ развелъ руками; Смирновъ торжествовалъ. Онъ пошелъ
черезъ терасу къ кабриолету.

— Ольга Борисовна, произнесъ докторъ, пристально глядя на
нее,—вы не должны ѣхать съ нимъ теперь; этотъ поступокъ бу-
детъ противъ всѣхъ вашихъ убѣжденій.

— Я имѣю свои причины поступать такъ, прошептала она
въ волненіи.—Если вы любите меня хоть сколько-нибудь, то вы
будете сегодня вечеромъ въ Надеженкѣ, въ десять часовъ, въ

саду... Я буду васъ ждать... договорила она какимъ-то таинственнымъ полушопотомъ и къ Межецкому протянулась ея рука съ похолодѣвшими пальцами.

Она исчезла. Межецкій заходилъ по комнатамъ большими шагами. Онъ былъ влюбленъ въ первый разъ въ своей жизни. Многое ему казалось непонятнымъ, двойственнымъ, необъяснимымъ въ Ольгѣ, но тутъ-то и расходилась его теорія съ практикой: онъ говорилъ себѣ, что можетъ полюбить женщину, только вполнѣ сходную съ нимъ по убѣжденіямъ и взглядамъ, женщину вполнѣ надежную и ясную какъ кристалъ, а между тѣмъ онъ полюбилъ ее, эту живую загадку, эту сирену, оболстительницу, полюбилъ за ея странности, за несправедливость, за двойственность, полюбилъ за всѣ тѣ мученія ревности, недоувѣрія, жгучей жажды обладанія, которыя она его заставляла переживать, полюбилъ за то, что она манила его, какъ воплощеніе чего-то запретнаго, неуловимаго и загадочнаго.

Глубокое молчаніе царствовало въ кабриолетѣ... Ольга предавалась своимъ мыслямъ, забывъ о своемъ спутникѣ. Ожидала-ли она, что ее, такую хладнокровную, такую невозмутимую, посѣтитъ страсть? Какъ все это случилось? Такъ неожиданно, такъ быстро, точно будто втянуло въ какой-то водоворотъ. И вотъ она погружается все глубже и глубже. Она должна выйти замужъ за доктора. Это неизбѣжно. А что, если онъ будетъ колебаться, будетъ вывѣдывать ея чувства, захочетъ отсрочки, захочетъ увѣриться во взаимности? Но онъ влюбленъ; Ольга знала, осязала это, и она знала, что одной ничтожной ласки ея достаточно, чтобъ его страсть вспыхнула пожаромъ и заставила умолкнуть всѣ доводы разсудка.

— Да скажите на милость, когда-же будетъ всему этому конецъ? вдругъ разразился надъ нею взволнованный голосъ Смирнова и онъ осадилъ бѣшено скакавшую лошадь.

— Чему конецъ? вымолвила Ольга, поднявъ къ нему свой отуманенный взглядъ.

— Смійтесь, что-ли, вы надо мной, что притворяетесь непонимающею? Я спрашиваю васъ одинъ разъ навсегда, любите вы меня или нѣтъ? Отвѣчайте! Я не позволю долѣе издѣваться надъ собой!

Ольга хотѣла что-то сказать, губы ея зашевелились, но безъ звука, и вдругъ изъ глазъ ея хлынули обильныя, горячія, не-

удержимыя слезы. Потрясенный организмъ ея не выдержалъ лихорадочныхъ волненій цѣлаго дня и она судорожно и нервно рыдала, сама того не замѣчая, прислонившись къ плечу Смирнова. Онъ совсѣмъ потерялся; онъ не зналъ, что вдругъ стало съ нимъ: жалость, состраданіе, умиленіе передъ этой женской слабостью заполнили всѣ его чувства и изъ грубаго деспота онъ вдругъ превратился въ раба. Онъ обнялъ ея станъ, онъ прижалъ къ себѣ эту больную, плакавшую голову, нѣжно обмахивалъ платкомъ ея глаза и щеки, дулъ ей въ лицо, цѣловалъ ея руки.

— О чемъ плакать? мягко говорилъ онъ. — Я погорячился, грубо началъ, — ну прости меня, моя радость... Не плачь, не плачь.

Губы его осторожно коснулись ея лба, потомъ, будто потокъ, прорвавшій плотину, посыпались его поцѣлуи на ея щеки, глаза. Онъ не требовалъ объясненій, онъ зналъ, что онъ везетъ ее къ себѣ, въ Надежденку, въ свое логовище, въ свою берлогу, и думалъ о тѣхъ безконечныхъ часахъ блаженства, когда онъ ее успокоитъ, утѣшитъ, и утѣшится, и успокоится самъ. Подъѣзжая къ дому, еще издали онъ увидѣлъ, что къ нимъ на-встрѣчу идетъ цѣлая процессія дѣтей и нянекъ съ Надеждой Федоровной во главѣ.

— Пріѣхали, пріѣхали! кричали дѣти, желая броситься на кабриолетъ, но, сдержанныя привычными руками нянекъ, рвались изъ нихъ, какъ собаки на сворѣ.

Самый младшій, Сеня, оторвался-таки и полетѣлъ на дорогу носомъ внизъ. Хотя кабриолетъ былъ еще далеко, но матери показалось, что лошадь наѣдетъ на нихъ. Она бросилась впередъ, поперегъ дороги и совершенно съумасшедшимъ движеніемъ осадилла лошадь подъ уздцы. Лошадь испугалась, закусилла удила и понесла въ сторону, вдоль по пашнѣ.

— Вотъ-бы теперь уѣхать, да глазъ не показывать въ этотъ звѣринецъ, въ этотъ вертепъ, въ тюрьму эту! ворчалъ Смирновъ, собирая поводья и кое-какъ усмиряя лошадь.

Онъ былъ мраченъ, какъ грозовая туча, когда подъѣхалъ, наконецъ, къ подъѣзду и высадилъ Ольгу. Жена, какъ виноватая, ждала его на крыльцѣ. Дѣтей спровадили и не велѣли показываться на глаза.

— Ну скорѣе брани меня, милый! начала она, заглядывая ему

въ глаза. — Излей на меня свой гнѣвъ... Дура я... мать глупая... какъ кошка бросаюсь на защиту дѣтей... добродушно шутила она.

Но Смирновъ не сказалъ ей ни слова. Что-то бодрое, молодое, энергическое смѣнило на его лицѣ выраженіе вялаго недовольства и скуки. Онъ прошелъ къ себѣ и въ молчаніи легъ въ кабинетѣ. Надежда Федоровна, улыбающаяся, цвѣтущая покоемъ, въ широкой бѣлой блузѣ и черномъ передникѣ, послѣдовала за нимъ и сѣла къ нему на диванъ, добиваясь примирительнаго поцѣлуя.

— Полно, Надя, надоѣла! нетерпѣливо отбивался мужъ.

Ольга вечеромъ отказалась отъ ужина, подъ предлогомъ болѣзни, и отпросилась спать. Надежда Федоровна ушла въ дѣтскую, къ Митѣ; Смирновъ не показывался изъ кабинета; Ольга спустилась съ лѣстницы и, никѣмъ незамѣченная, прошла въ садъ. Ночь была тихая, теплая. Ольга присѣла на скамьѣ, подъ развѣсистымъ дубомъ, любимымъ мѣстомъ своимъ въ саду, и тревожно прислушивалась къ ночнымъ звукамъ, замирая при трескѣ вѣтки, лаѣ собакъ, перекличкѣ караульныхъ, сторожившихъ садъ. Вдругъ со стороны обвала, окаймлявшаго садъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, слышалось движеніе и наверху показалась черная тѣнь. Ольга встала со скамьи; сердце ея судорожно билось, улыбка торжества раскрывала губы.

— Вы здѣсь, Ольга Борисовна? слышался осторожный окликъ доктора.

— Здѣсь, благодарю васъ! вымолвила Ольга, протягивая къ нему обѣ руки.

Межецкій взялъ ихъ и остановился противъ Ольги.

— Какъ-же я могъ не придти, проговорилъ онъ въ волненіи, — когда отъ этого вечера зависитъ все мое будущее.

Возбужденная до крайности, Ольга вся дрожала. Рѣшительная минута наступала.

— Пройдемтесь-же по аллеѣ! предложилъ докторъ.

— Посидимте лучше здѣсь, прошептала Ольга. — Я въ жизнь свою не чувствовала того, что теперь дѣлается со мной.

Межецкій, какъ докторъ, привычнымъ движеніемъ взялся за ея пульсъ.

— Успокойтесь, я принесу вамъ воды, проговорилъ онъ безпокойно.

— Я очень нервна, продолжала Ольга. — Я васъ ждала, ду-

мала, что вы не придете; на меня всегда дурно дѣйствуетъ тревога... Я васъ пригласила сюда, какъ здравомыслящій человѣкъ, чтобъ поговорить такъ-же отерпыто, какъ мы говорили съ вами въ гостиной,—а теперь эта обстановка, ночь, темнота, эти звуки пугаютъ меня.

Докторъ успокоительно и нѣжно обвилъ рукой ея гибкую талию. Съ минуту длилось молчаніе.

— Кого вы любите? раздался, наконецъ, среди ночной тишины роковой вопросъ.

Этотъ вопросъ кольнулъ ее въ сердце. Кого она любила, въ самомъ дѣлѣ? Любовь къ Волгину, то странное, оскорбленное, неудовлетворенное чувство, та головная страсть, которая возбуждала ея мозгъ, развѣ мѣшала ей любить доктора, любить Смирнова, любить Горна? Она любила ихъ всѣхъ, она желала ихъ всѣхъ; все дѣло было только въ отгѣнкахъ, въ разнообразіи ощущеній. Нравственное чувство не говорило ей ничего противъ подобныхъ ощущеній. Природа и воспитаніе не дали ей этого мѣрила...

Вмѣсто отвѣта, она припала головой къ плечу доктора; томительный вздохъ приподнял ея молодую грудь. Онъ вздрогнулъ.

— Не играйте моимъ чувствомъ, вымолвилъ онъ, весь дрожа:—теперь или никогда, Ольга Борисовна, я васъ спрашиваю: кого вы любите?

Она взглянула на него глубокимъ, таинственнымъ, загадочнымъ взглядомъ и, откинувъ голову назадъ, подставила ему свои губы.

— Я твоя! сорвалось съ нихъ точно шелестъ ночного вѣтерка. Докторъ вскрикнулъ и прижалъ ее къ своей груди.

— Моя?.. твердилъ онъ,—на-вѣки моя? Отвѣчай: да или нѣтъ?

— Да!

— И завтра скажешь то-же самое?

— Да!..

Она отвѣчала безъ колебанія, сознательно, искренно, какъ можетъ отвѣчать только искренно-любящая женщина. Что это такое было? То, что ей казалось такъ чудовищно сегодня утромъ, что носило общую форму безчестья, коварства, обмана, лицемерія,—теперь совершалось естественно, не производило никакого волненія совѣсти, никакого разлада, ни нравственного, ни физи-

ческаго. Мозгъ ея молчалъ: говорили другія силы: говорила темная ночь, лихорадка, волненіе крови да жаркій трепеть существа, вполне отдававшася ей.

Вдругъ въ кустахъ возлѣ нихъ послышался порошокъ, глухія ругательства и потомъ шаги по алеѣ, удалявшіеся отъ нихъ. Эти звуки возвратили Ольгѣ и Межецкому все ихъ самообладаніе.

— Это Смирновъ, я знаю! проговорила она, вскакивая со скамьи.—Онъ меня преслѣдуетъ своимъ шпіонствомъ; я не знаю, что съ нимъ дѣлается... Знаешь-ли ты, что я нарочно сѣла и поѣхала съ нимъ сегодня отъ Галатовой, чтобъ не допустить его до какого-нибудь скандала... Онъ подозрѣваетъ тебя, онъ ревнуетъ меня къ тебѣ... Онъ мнѣ намекалъ...

— Ему-то какое-же дѣло?

— Ну, понимаешь, гаденькое чувство, отъ нечего дѣлать!.. Шпіонство устроить, гдѣ-нибудь изподтишка завести интрижку...

— Ольга, я возьму тебя съ собою; я не оставляю тебя въ этомъ вертепѣ...

— Завтра я повончу съ ними и переѣду на время къ Марфѣ Васильевнѣ... Прощай, мой милый, мой будущій мужъ! шептала она ему среди послѣднихъ, прощальныхъ поцѣлуевъ.

Послышался отдаленный лай собакъ.

— Ты на лошади? безпокойно допрашивала Ольга.—Уѣзжай, ради Бога, скорѣе!.. Они способны на все...

— Со мною револьверъ, отвѣтилъ молодой человѣкъ, спускаясь съ ней подъ гору къ валу, гдѣ у дерева привязана была его лошадь.

Она дождалась, пока топотъ копытъ замеръ въ отдаленіи, потомъ быстро повернула на дорожку къ дому. На площадкѣ, гдѣ возвышались дѣтскія качели и столбы для гимнастики, стоялъ Смирновъ съ садовниками и сторожами.

— Тамъ, говорилъ онъ искаженнымъ отъ бѣшенства голосомъ:—около вала. Спустите всѣхъ собакъ, зарядите ружья, на лошадей и въ погоню... Я самъ видѣлъ!..

— Да много, что-ли, ихъ тамъ? переглядывались караульные, неслыхавшіе въ саду ничего подозрительнаго.—Опять зачѣмъ ему съ той стороны лѣзть?.. Тамъ и яблонь совсѣмъ нѣтъ...

— Молчать!.. Я васъ всѣхъ разочту завтра, если вы будете еще стоять такъ, разиня ротъ! Вы мои приказанія слышали? На

лошадей, въ погоню! По дорогѣ въ Бѣшеную Лощину... Схватить и привести сюда... Веревками скрутить, коли не будетъ даваться... Скорѣе! Слышали?

Смирновъ задыхался. Онъ былъ блѣденъ, онъ нѣсколько разъ хватался за грудь. Люди разбѣжались въ разныя стороны, собаки, гремя пѣпями, рассыпались по саду. Былъ часъ пополудни. Надежда Федоровна сладко спала на широкой постели и, пользуясь отсутствіемъ мужа, уложила около себя маленькаго Митю. Спальня освѣщалась ночникомъ, въ комнатѣ было тихо; слышалось только двойное дыханіе—сына и матери. Вдругъ послышались за дверью тяжелые, будто запинаящіеся шаги. Это былъ мужъ. Онъ распахнулъ двери и съ глухимъ стономъ вошелъ въ комнату.

— Нада, Нада! проснись, мнѣ дурно! потащился онъ къ постели и тронулъ ее за плечо.

Надежда Федоровна вскочила и съ испугомъ устремила глаза на мужа. На немъ лица не было; онъ былъ блѣденъ, глаза налились кровью. Она бросилась въ аптечку за каплями. Руки ея дрожали, раскупоривая пузырекъ съ лекарствомъ.

— На, выпей... Что съ тобою? Что случилось?

— Она... Ольга, въ бесѣдѣ, подѣ дубомъ... Я самъ видѣлъ! съ усиленіемъ выговаривалъ Смирновъ.

— Такъ что-же?

— Съ докторомъ... съ этимъ провлятымъ молокососомъ! Шантажисъ, потомъ поцѣлуй... О, какое безчестіе...

— Я слышала, онъ сватался за нее... Пожалуй, женится! Вотъ партію-то сдѣлаетъ, спокойно сплетничала жена.

— Но это чудовищно, но это неслыханно! бѣсновался Смирновъ.—Выбрать мой садъ для любовныхъ свиданій!.. Сжечь въ моемъ саду!.. О, если-бъ я это зналъ... Гнать, гнать ее сейчасъ-же изъ моего дома... Въ толчки ее, въ шею, эту сволочь.., О-охъ!..

Онъ повалился на диванъ, рыдая и хватаясь за сердце, которое колотилось въ груди, какъ расхолодившійся маятникъ.

— Другъ мой, позволь мнѣ послать за докторомъ, вымолвила жена, опускаясь передъ нимъ на колѣни.

— Убить, что-ли, ты меня хочешь? въ изступленіи замахнулся онъ на нее.

Надежда Федоровна встала, взяла его голову на свои колѣни

и приложила обѣ свои руки къ его болѣвшему сердцу. Это прикосновеніе всегда нѣсколько облегчало его страданія.

Она знала, чѣмъ лечить его, знала всѣ приемы, всѣ средства. Горчичники, припарки, растиранья—все было пущено въ ходъ.

III.

У Климовыхъ, между тѣмъ, домашняя жизнь все расклеивалась и расклеивалась. Съ того погрома, какъ мужъ, пришедшій въ изступленіе отъ присылки изъ Бѣшеной Лощины тирольской телки, посланной Волгинымъ Марьѣ Павловнѣ на заводъ, продалъ ее и запретилъ женѣ показываться къ Галатовой, молодая женщина мстила ему чувствительнымъ образомъ. Она вдругъ бросила все хозяйство и стала въ домъ на ногу совершенно посторонней женщины. Всѣ пріятныя мелочи домашнего очага, которыя, бывало, опутывали Петра Ивановича своей мягкой сѣтью,—исчезли: его обѣдъ былъ подаваемъ не во-время, бѣлье лежало невымытымъ, самоваръ запаздывалъ и небрежность и запустѣніе наполняли прежде убранныя и уютныя комнаты. Онъ бѣсился, кричалъ, даже плакалъ; жена отвѣчала ему или суровымъ молчаніемъ, или колкими упреками. На зло ему, она проводила цѣлыя дни на кухнѣ, гдѣ у нея была устроена сыроваренная печь: переливала молоко, готовила творогъ, возилась съ сырами, не отпуская отъ себя ни на шагъ кухарку. Вечеромъ она читала до зари, дразня-ли мужа, по собственному-ли влеченію, — сказать трудно. Но и сыръ, и масло, и сливки накоплялись понапрасну. Имъ не было сбыта: доступъ въ Бѣшеную Лощину былъ строго запрещенъ молодой женщиной и ее мужъ неумолимо-ревнивымъ глазомъ слѣдилъ за каждой ея попыткой послать или пойти туда самой. Ей было скучно. Не видя Волгина, не чувствуя его одобренія, она ощущала большую пустоту въ своей жизни. Какъ на грѣхъ, и деверь ея уѣхалъ и она осталась со-всѣмъ одинокой. Скука, уединеніе и неволя—плохіе совѣтники. Чувство ея къ Волгину перешло тѣ фазисы безкорыстнаго обоженія, которые она испытывала въ присутствіи этого человѣка; подтолкнутое препятствіями, раздраженное неволею, оно приняло другое направленіе: она стала думать о взаимности. Эта мысль не казалась ей невозможностью, какъ прежде. Съ одной стороны, слыша

отъ мужа каждый день жалобы, сѣтованія и упреки въ томъ, что она любитъ управляющаго Бѣшеной Лощины и что этотъ управляющій соблазнилъ ее своими рѣчами и увѣреніями въ любви; съ другой, разбирая въ подробности все обращеніе съ ней Волгина, его внимательность, его нѣжное участіе къ ней, его постоянныя заботы о ея развитіи, она пришла къ заключенію, что онъ не могъ быть къ ней вполнѣ равнодушнѣмъ. Допустивъ эту мысль, она стала возвращаться къ ней все чаще и чаще и съ жадностью неудовлетворенной природы ухватила за возможность попытаться счастья.

Разъ, какъ-то утромъ, Марфа Васильевна въ своей усадьбѣ работала на огородѣ съ помощью нѣсколькихъ женщинъ, когда Марья Павловна Климова вошла къ ней и попросила ее на минуту въ домъ для разговора. Люба вытаращила на нее глаза,—такъ ее удивила пережѣна въ молодой женщинѣ.

— Ты, Люба, присмотри тутъ вмѣсто меня, распорядилась старушка;—я сейчасъ приду. Да смотри за Колей; онъ готовъ объѣсться этихъ огурцовъ.

Мальчишкѣ, выучившійся, наконецъ, ходить, катался какъ шаръ между градами.

— Ну что скажете, голубка? спросила Галатова, направляясь вмѣстѣ съ ней къ дому.

— Что сказать? Я просто теряю голову. Мужъ не только не даетъ мнѣ паспорта, онъ отобралъ и заперъ всѣ мои платья и караулитъ меня день и ночь. Я и теперь здѣсь случайно: его потребовали къ мировому судѣ и онъ не могъ не явиться. Что мнѣ дѣлать? Научите, голубушка Марфа Васильевна; мнѣ очень, очень тяжело. Онъ отнял у меня коровъ, разломалъ печь, въ которой я варила сыры, укралъ мои маслобойки, посуду, погубилъ всю мою работу. Онъ говоритъ, что я учусь работать, чтобъ отдѣлаться отъ него со временемъ и пойти въ любовницы къ Волгину. Вотъ его пѣсня съ утра и до ночи... Поневолѣ Богъ знаетъ что взбрѣдетъ на умъ, когда онъ самъ до этого доводитъ!..

Марья Павловна вся вспыхнула, произнося эти слова, обозначающія роковое признаніе, и пытливо глядѣла на Галатову, ожидая слова одобренія, сочувствія съ ея стороны. Но старуха молчала съ поникшей головой. Лицо ея становилось все строже, серъ-

езнѣе, холоднѣе, и невольная робость западала въ душу молодой женщины.

— Напрасно, напрасно! вдругъ заговорила старуха, укоризненно качая головой. — Изъ какихъ благъ оставите вы мужа и будете проживать въ Бѣшеной Лощинѣ у Волгина, въ двухъ шагахъ отъ вашего собственнаго дома? Вы думаете, можетъ быть что Юрій Николаевичъ влюбленъ въ васъ? Нѣтъ, голубушка Марья Павловна, вы не знаете этого человѣка. Бросьте, оставьте его; онъ не по насъ, не нашего онъ поля ягода!.. Не любить онъ ни васъ, ни какую другую женщину; помочь онъ готовъ всякому, но сердце у него молчитъ, всегда молчитъ, Марья Павловна... Зачѣмъ-же вамъ набиваться къ нему, зачѣмъ?

Лицо Марьи Павловны все покрывалось блѣдными и красными пятнами.

— Неужели на все смотрѣть такъ дурно? съ сдержаннымъ раздраженіемъ возразила она. — Я и не воображаю... Юрій Николаевичъ предлагалъ мнѣ мѣсто для работы, для того, чтобъ пріобрѣсти знанія, а не для чего другого...

— Вотъ это-то и показываетъ, какъ онъ мало входитъ въ ваше положеніе, какъ онъ мало думаетъ о вашемъ повоѣ! Жить въ Бѣшеной Лощинѣ, въ двухъ шагахъ отъ мужа, да развѣ это возможно, развѣ объ этомъ можетъ быть рѣчь? Если-бъ онъ любилъ васъ, Марья Павловна, онъ никогда не предложилъ-бы вамъ этого выхода; онъ нашель-бы средство помочь вамъ иначе; его сердце подсказало-бы, чтѣ нужно для вашего счастья; если-бъ онъ любилъ васъ, онъ отказался-бы отъ мѣста, увезъ-бы васъ безъ паспорта, онъ укрылъ-бы васъ отъ всѣхъ невзгодъ...

— Да развѣ мнѣ эти жертвы нужны? говорила Марья Павловна, то краснѣя, то блѣднѣя. — Неужели нельзя иначе понять его предложеніе?

— А безъ любви какая жизнь была-бы у васъ въ Бѣшеной Лощинѣ? продолжала, не слушая ее, Галатова: — вы жили-бы тамъ на должности, какъ въ конторѣ, какъ въ магазинѣ, какъ въ артели; Волгинъ могъ-бы перемѣнить мѣсто, уѣхать въ Крымъ, въ Сибирь, — онъ оставилъ-бы васъ, онъ и не подумалъ-бы увести васъ съ собой... А вѣдь вы бѣжите отъ мужа, отъ довольства, отъ покоя, вы рветесь въ Бѣшеную Лощину, — зачѣмъ? Изъ любви въ Волгину, Марья Павловна!

— Не то, не то!.. возражала молодая женщина, и хотѣла еще что-то прибавить, но губы ея нервно задергало и глаза наполнились слезами. Горечь, оскорбленное самолюбіе, неожиданность подобныхъ рѣчей душили ее. Старушка пересѣла къ ней ближе и ласково положила свои загорѣвшія руки на ея круглыя плечи.

— Послушай, Маня! заговорила она какимъ-то мягкимъ, молодымъ полушопотомъ:—если-бъ я надѣялась, что онъ полюбитъ тебя, я сама отдала-бы тебя ему въ руки, прямо, безъ оглядки. Я-бы сама посовѣтовала, сама-бы это устроила. Но я вижу, что этого нѣтъ, чутьемъ слышу, что нѣтъ—и не будетъ! Вѣришь ты мнѣ? Мнѣ многіе вѣрятъ! Я его разглядѣла. Онъ, пожалуй, и шутить, и ласковъ иногда съ нами, но это не то. Не тѣмъ онъ занятъ, не то у него на умѣ. Брось его, брось!..

— Да вы совсѣмъ не то говорите, прервала вдругъ Марья Павловна, отодвигаясь отъ нея и стараясь оградить себя отъ ея убѣжденій:—я убѣгу куда нибудь,—мнѣ все равно, въ Бѣшеную-ли Лощину, въ другое-ли какое мѣсто,—я убѣгу отъ мужа, который мнѣ противенъ, съ которымъ сожителство мнѣ невыносимо, котораго поступки для меня возмутительны...

— Однако, вы выносили ихъ пять лѣтъ, кротоко замѣтила Галатова,—и ни разу, до этой поры, вамъ и въ голову не приходило протестовать. Не говорили-ли вы сами нѣсколько разъ, что вамъ некуда идти, некуда дѣваться?..

Марья Павловна почувствовала себя глубоко оскорбленной. Она молча встала и подала руку хозяйкѣ.

— Прощайте, Марфа Васильевна, сказала она.—Видно мнѣ не отъ кого ждать ни сочувствія, ни помощи... Предется надѣяться на однѣ свои силы.

Галатова, колеблясь и движимая разнородными чувствами жалости, состраданія, сочувствія, загородила ей дорогу.

— Ну, хотите, я поговорю съ Петромъ Ивановичемъ и онъ все вамъ отдастъ, и маслобойки, и коровъ, и работать вамъ не будетъ мѣшать... Я сама вамъ дамъ коровъ и печь закажу у себя... Скажите слово, хотите?

— Марфа Васильевна, я не дитя! выговорила Марья Павловна съ достоинствомъ.—Меня игрушкой не утѣшишь! Прощайте!

И съ этими словами она, не оглядываясь, исчезла въ дверь на терасу. Галатова долго стояла, въ глубокомъ раздумьи, посреди

своей гостиной... Тѣни прошлаго, тѣни ея умершей, сіяющей любви осѣнили ее цѣлымъ роемъ воспоминаній. Въ любви она не понимала иныхъ чувствъ, иной перспективы, какъ та, которую она пережила когда-то, и какъ блѣдно казалось ей то, что она видѣла теперь, какъ неясны, призрачны казались ей надежды и ощущенія молодой женщины. Да! болѣе чѣмъ когда-нибудь ей казалось, что она не ошибалась, что она была права въ своихъ воззрѣніяхъ, въ своихъ предсказаніяхъ... Марья Павловна между тѣмъ шла по дорогѣ домой, машинально, не видя ничего окружающаго. Теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, она рѣшалась на борьбу, на сопротивленіе. Ей было досадно на Галатову, досадно за ея голую правду, за ея безпристрастныя рѣчи.

Ея живо затрунутое самолюбіе работало все сильнѣе и сильнѣе. Она дорого-бы дала, чтобъ имѣть отъ Волгина какое-нибудь вещественное доказательство, которое дало-бы право гражданства ея надеждамъ, ея стремленіямъ, ея борьбѣ.

А Волгинъ въ эту самую минуту мчался на всѣхъ парахъ по николаевской желѣзной дорогѣ, вызванный телеграммой графа Бореала въ Петербургъ. Онъ и забылъ о мелкихъ тревогахъ муравейника, оставленнаго имъ назади. Онъ не зналъ, какіе плоды готовилось принести посѣянное имъ сѣмя.

IV.

Петербургскій лѣтній день влился въ вечеру. Тотчасъ по приѣздѣ въ столицу, Волгинъ, наскоро пообѣдавъ и перемѣнивъ дорожное платье, взялъ извозчика и поѣхалъ на Каменный Островъ, на дачу своего довѣрителя, стараго графа Бореала. Всѣ газеты говорили объ одномъ событіи, которое наполняло смутной тревогой душу молодого агронома и заставляло его все болѣе и болѣе сгѣшнить. Дѣло шло о самоубійствѣ молодого графа Бореала, въ Парижѣ, гдѣ молодые проводили весенній сезонъ. Отчего могла случиться подобная катастрофа? Богатый, обеспеченный молодой человѣкъ, женившійся по любви, поѣхавшій веселиться съ молодою женой, стрѣляется черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы!.. Волгину, живущему въ здоровой глуши деревенскихъ полей, среди напращенной дѣятельности, которая поглощала все его время и

всѣ его силы, казалась немислимою, неестественною подобная катастрофа.

Волгинъ торопиль своего возницу, желая скорѣе очутиться за предѣлами многолюднаго города, и вотъ онъ, наконецъ, у подъѣзда. Онъ вбѣгаетъ на лѣстницу и торопливая рука его нажимаетъ на пуговицу электрическаго звонка. Слышны шаги, ему отворяетъ двери знакомый дворецкій.

— Графъ дома?

— Пожалуйте; васъ ждутъ съ часу на часъ.

Волгинъ проходитъ рядъ роскошно меблированныхъ комнатъ и осторожно вступаетъ въ кабинетъ.

Высокій, худощавый и еще не старый человѣкъ встаетъ съ кресла и идетъ къ нему на-встрѣчу. Это графъ Бореаль—отецъ. Наружность его довольно типична. Все, начиная отъ артистически всклопоченныхъ, сѣдыхъ кудрей до небрежно живописнаго костюма и вдохновенно сверкающаго взгляда, изобличаетъ въ немъ типъ дилетанта-художника. Нѣсколько скрипокъ, віолончелей, кларнетовъ, дорогихъ картинъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ, говорятъ объ его артистическихъ наклонностяхъ. Но рядомъ съ великолѣпнымъ эраровскимъ роялемъ стоятъ также разнообразныя модели машинъ, молотилокъ, вѣялокъ, зерносушилокъ. Между окнами занимаетъ почетное мѣсто токарный станокъ со всѣми принадлежностями. Въ одномъ изъ угловъ пріютилась лабораторная печь съ воздушными насосами, кубами и колбами. Цѣлая стѣна заставлена рядомъ книжныхъ шкафовъ, биткомъ набитыхъ книгами; посрединѣ письменный столъ и надъ всѣмъ этимъ точно куполь цвѣтотъ, растений и зелени. Графъ занимался всѣмъ чисто по-аристократически: служилъ искусству для искусства, въ наукѣ видѣлъ романтическій элементъ, не заботясь о конечномъ выводѣ своихъ трудовъ и изысканій, и работалъ потому, что ему такъ нравилось. Что касается его общественной дѣятельности, то имя графа Бореаля красовалось первымъ во всѣхъ спискахъ членовъ филантропическихъ обществъ, также въ спискахъ пожертвованій, подписокъ, вспомошествованій, поощреній и премій всякаго рода... Однимъ словомъ, изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ элементовъ складывалось понятіе о личности довольно симпатичной, хотя лишенной серьезнаго содержанія, порой расплывчатой и падкой на мелочи, но способной возвыситься порой до истиннаго благородства воз-

зрѣній и чувствъ. Волгина графъ зналъ съ дѣтства. Онъ воспиталъ юношу, оставшагося сиротою на одиннадцатомъ году жизни, и любилъ его, какъ сына. Съ знаніями Волгина графъ познакомился года четыре тому назадъ на одномъ изъ сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ, гдѣ, между прочимъ, обсуждалась брошюра Волгина о какомъ-то новомъ способѣ удобренія. Брошюра привела графа въ восторгъ и онъ съ свойственнымъ ему увлеченіемъ поручилъ своему воспитаннику управление всѣми своими имѣніями.

Войдя, Волгинъ увидѣлъ, что графъ сидитъ въ креслахъ у письменнаго стола, согбенный и печальный, и ему жаль стало одинокаго старика, пораженнаго неожиданной катастрофой... Онъ, не говоря ни слова, крѣпко пожалъ протянутую ему руку.

— Здравствуйте, заговорилъ старикъ, скрывая глаза, на которые набѣгали слезы.— Благодарю, что такъ скоро исполнили мою просьбу. Вы мнѣ необходимы, Юрій Николаевичъ!

Онъ опустилъ портьеры, предложилъ Волгину сигару и самъ сѣлъ напротивъ него, опустивъ голову на руки.

— Вы слышали, вѣроятно?.. началъ онъ какимъ-то разбитымъ, утомленнымъ голосомъ.

— Да, я слышала... Какъ это случилось? Гдѣ графиня?

— Она здѣсь. Совершилось что-то необъяснимое. Вотъ уже пѣлая недѣля, какъ я одинъ мучаюсь надъ разрѣшеніемъ непонятныхъ, таинственныхъ загадокъ... Вы должны выслушать меня по порядку. Вы знали моего сына; онъ рано началъ жить, онъ былъ снимокъ со всѣхъ молодыхъ людей своего положенія въ свѣтѣ и своего вѣка. Блестящій юноша, красавецъ, любитель женщинъ, въ двадцать два года онъ былъ пресыщенъ болѣе, чѣмъ я теперь, въ пятьдесятъ пять лѣтъ. Мы съ нимъ не сходились во многомъ, онъ не раздѣлялъ ни одного изъ моихъ воззрѣній на жизнь и родъ занятій, но я не стѣснялъ его ни въ чемъ; давно я дошелъ до той великой истины, что опека не обуздываетъ никого и что человѣкъ, который не будетъ повѣшенъ, все равно утопится. Я, какъ вы знаете, фаталистъ. Въ концѣ нынѣшней зимы онъ объявилъ мнѣ, что влюбленъ по уши и хочетъ, во что-бы то ни стало, жениться на молодой Ипатовой. Я поѣхалъ въ Москву познакомиться съ этимъ семействомъ. Дѣвушка мнѣ очень понравилась. Я сталъ замѣчать въ моемъ сынѣ, подъ влияніемъ этой любви, проблески чего-то молодого, свѣжаго, бодратаго, что обрадовало меня

не на шутку. Партія была во всѣхъ отношеніяхъ приличная. Невѣста имѣла хорошее состояніе, связи, образованіе, красоту... Ухаживанье моего сына принималось благосклонно... Онъ сдѣлалъ предложеніе; оно было принято... Иногда онъ жаловался мнѣ на капризы и недостатокъ любви въ своей невѣстѣ и лихорадочно торопиль свадьбой... Послѣдніе дни я часто видѣлъ ихъ виѣстѣ и не могъ не одобрить выбора своего сына... Натура Кети, оригинальная, самобытная, полная какой-то бѣшеной энергіи, рѣзко выдѣляла ее изъ толпы нашихъ свѣтскихъ куколъ. Съ женихомъ она была естественна, какъ со всѣми, но не придавала ему никакой особенной цѣны... Видно, что ее томила дѣвическая неволя и она жаждала вырваться на сцену жизни, которая сулила ей бездну неизвѣданныхъ наслажденій. Еще до свадьбы она почти поселилась у меня въ квартирѣ, и, къ великому скандалу своихъ родственниковъ, дѣлала тысячи эксцентрическихъ выходокъ. Надобно сказать, что вліяніе такого молодого, полного неперебродившейся жизни существа дѣйствовало на насъ всѣхъ, какъ электрической токъ. Наконецъ свадьба совершилась; рѣшено было, что молодые отъ вѣнца поѣдутъ путешествовать. Я уѣхалъ домой въ Петербургъ и принялся за свои занятія. Письма отъ молодыхъ я получалъ рѣдко; они не говорили ничего; сообщали адреса, извѣщали о здоровьѣ и только. Наконецъ, недѣлю тому назадъ, я получаю изъ заграницы извѣстіе о катастрофѣ. Вотъ оно, потрудитесь прочесть его.

Графъ досталъ изъ конторки пакетъ и подаль Волгину. Тотъ развернулъ заключавшуюся въ немъ бумагу и прочелъ извѣщеніе о смерти молодого графа, написанное довольно официальнымъ тономъ. Сущность извѣщенія была немногосложна. Молодые графъ и графиня Бореаль прибыли въ Парижъ. Остановившись въ отелѣ „Лувръ“, послали въ тотъ-же день за билетомъ въ одинъ изъ театровъ. Послѣ завтрака въ общемъ залѣ графъ вышелъ на улицу и, спросивъ у привратника адресъ ближайшаго механика, отправился туда и отдалъ въ починку свой револьверъ, настоятельно требуя, чтобъ онъ былъ готовъ въ тотъ-же день вечеромъ. Потомъ онъ возвратился въ отель и, спросивъ коляску, поѣхалъ съ графиней осматривать городъ. Послѣ этой прогулки графиня позвала къ себѣ горничную одѣваться къ театру; графъ вышелъ, не сказавъ куда. Онъ возвратился черезъ четверть часа, освѣдомился о графинѣ,

узналъ, что она одѣвается, и прошелъ на свою половину, отдѣленную отъ помѣщенія графини длиннымъ коридоромъ. Прошло не болѣе получаса. Вдругъ раздался выстрѣлъ. Прибѣжавшій изъ нижняго этажа слуга засталъ графа распростертымъ въ креслѣ, безъ признаковъ жизни. Графиня упала безъ чувствъ на руки горничной. При осмотрѣ полиціи, на столѣ найдена записка, неподписанная ничьимъ именемъ, но по сличеніи почерка графа Бо-реала оказалась писанною его рукою: „Не вините никого въ моей смерти; я умираю потому, что мнѣ слишкомъ хорошо жить“. Слѣд-ствие и анатомирование не раскрыли ничего болѣе. Горничная не могла дать никакихъ показаній, такъ-какъ съ нею сдѣлалась горячка.

Пока Волгинъ читалъ, графъ слушалъ внимательно, словно взвѣ-шивая каждое слово.

— Дѣло ясно, какъ день, произнесъ Волгинъ: — самоубійство графа несомнѣнно...

— Слушайте далѣе, перебилъ настойчиво старшій графъ:— тотчасъ по полученіи этого письма я разослалъ всюду телеграммы и самъ поѣхалъ встрѣтить мою невѣстку въ Берлинѣ. Я былъ пораженъ пережвѣною, происшедшею въ ней. Такого унынія, такого упадка духа я не ожидалъ найти. Мы остановились въ гостиницѣ. Я тотчасъ-же пригласилъ въ ней молоденькую англичанку для компаніи. Въ тотъ-же вечеръ, едва мы остались одни и заговорили о катастрофѣ, Кети рассказала мнѣ слѣдующее: тотчасъ послѣ брака съ моимъ сыномъ сдѣлался припадокъ сильнѣйшей душевной болѣзни; онъ не спалъ ночи, ревновалъ ее ко всѣмъ, приходилъ въ отчаяніе, что она не любитъ его такъ, какъ-бы онъ желалъ, и все ждалъ чего-то, какой-то пережвѣны въ себѣ, въ ней. Этой пережвѣны не послѣдовало; наконецъ ему вдругъ пришло въ голову, что она непремѣнно должна покинуть его, и это вскорѣ сдѣлалось его *idée fixe*, онъ говорилъ объ этомъ безпрестанно и не давалъ ей ни минуты покоя; наконецъ, когда они пріѣхали въ Парижъ, онъ въ эту самую ночь увидалъ во снѣ, что она его броситъ, и именно въ этотъ день, именно въ Парижѣ, по выходѣ изъ театра. Рассказывая этотъ сонъ, онъ былъ блѣденъ, какъ привидѣніе, и страшно напугалъ ее. Она, чтобъ побѣдить его галлюцинацію, отговаривала его отъ проекта ѣхать въ театръ, но онъ настаивалъ. Потомъ они поѣхали осматривать городъ; Германъ

безпрестанно смотрѣлъ на часы и то и дѣло толковалъ о театрѣ. Онъ три раза велѣлъ проѣхать мимо зданія театра, всматриваясь въ переулки и улицы, окружавшіе его; наконецъ, велѣлъ ѣхать въ отель, безпрестанно торопя кучера, и, выходя, попросилъ жену надѣтъ къ театру бальное платье... Она стала одѣваться, но вспомнила, что брилліанты остались у него въ кабинетѣ, и побѣжала туда... Вбѣжавъ въ кабинетъ, она увидѣла, что мужъ ея сидитъ у стола и держитъ въ рукѣ револьверъ... Она бросилась къ нему и стала вырывать его у него изъ рукъ; онъ противился, она стала вырывать сильнѣе, и въ этой борьбѣ курокъ щельнулъ и раздался выстрѣлъ... Она не знаетъ навѣрное, чьей рукою былъ спущенъ курокъ... Въ испугѣ и не вѣря, что графъ убитъ, она бросилась вонъ изъ комнаты, чтобъ позвать доктора, и на порогѣ столкнулась съ горничной... Горничная видѣла все. Остальное вы знаете.

Настало глубокое молчаніе. Волгинъ былъ глубоко потрясенъ этимъ разсказомъ.

— Что-же именно васъ тревожитъ въ этомъ дѣлѣ? спросилъ онъ наконецъ.

— Теперь остается сомнѣніе, нарочно или нечаянно она совершила это преступленіе, вдругъ произнесъ графъ, пристально смотря на своего собесѣдника.

— Мнѣ кажется, несомнѣнно, что графъ имѣлъ намѣреніе застрѣлиться, возразилъ Волгинъ.— Объ этомъ говоритъ отдача въ починку револьвера и записка, оставленная имъ на столѣ...

— Но его манія, что она покинетъ его, вся исторія его душевной болѣзни— не есть-ли вымыселъ преступницы, давно возмѣтившей намѣреніе избавиться отъ мужа?.. Починка револьвера можетъ быть случайностью, а записка... записка можетъ быть искусной поддѣлкой...

Графъ говорилъ твердымъ и хладнокровнымъ тономъ, который странно противорѣчилъ съ страдальческимъ выраженіемъ его истощеннаго и печальнаго лица.

— Но тогда зачѣмъ-же ненужное признаніе? Дѣло такъ хорошо обставлено, самоубійство доказано такъ несомнѣнно...

— А горничная, которая можетъ выздоровѣть и заговорить...

— Это, конечно, опасный пунктъ; но зачѣмъ-же тогда предупредить событія?..

Графъ вдругъ всталъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— О, вы не знаете, заговорилъ онъ снова, останавливаясь передъ нимъ,—въ какомъ состояніи дѣлала она мнѣ это роковое признаніе! Я ее не узнавалъ. У меня волосы встали дыбомъ, когда она, смотря на меня пугливымъ, леденящимъ до ужаса взглядомъ, описывала мнѣ роковую минуту...

— Ну да, вымолвилъ Волгинъ;—неужели вы не находите, что о обстоятельства, сопровождавшія этотъ ужасный случай,—не достаточная причина для потрясенія всего ея организма, молодого и впечатлительнаго, какъ вы выразились сами...

— Все это такъ... Но всѣ три ночи, которыя мы провели въ гостиницѣ, у нея былъ страшный бредъ; всегда сюжетъ этого бреда былъ одинъ и тотъ-же: сцена убійства, борьба, упреки совѣсти и подъ конецъ ужасный, раздирающій душу крикъ... Днемъ она не прибавляетъ ничего къ своему разсказу и каждое слово ея дышетъ истиной... Я въ отчаяніи, я теряюсь... Какъ понять, какъ угадать, по какимъ признакамъ отличить умышенное убійство отъ неумышеннаго?

— А что-бы вы сдѣлали, если-бы убійство оказалось умышеннымъ? спросилъ Волгинъ, бросивъ на него испытующій взоръ.

— Что-бы я сдѣлалъ? глухо отвѣтилъ старикъ.—Я спасъ-бы ее во всякомъ случаѣ... Мнѣ важенъ въ этомъ дѣлѣ только психологическій фактъ... и... и, можетъ быть, спасеніе ея... Она не должна гнать; такое созданіе не можетъ, не должно гнать... А между тѣмъ...

Графъ не договорилъ. Онъ просто боялся за свою несчастную невѣсту, боялся, что она дѣйствительно виновна и что ея виновность можетъ выйти на свѣтъ божій. Ему хотѣлось уяснить, какъ произошла катастрофа, чтобы во-время принять свои мѣры, если вопросъ о смерти его сына когда-нибудь поднимется снова.

— Но я, во всякомъ случаѣ, пристрастный слѣдователь въ этомъ дѣлѣ, продолжалъ графъ.—Слушайте, Юрій Николаевичъ. Я хочу довѣриться другому слѣдователю, менѣ пристрастному и болѣе свѣжему и молодому, чѣмъ я... Я вызвалъ васъ нарочно для этого. Вы единственный человѣкъ, котораго я привыкъ любить, какъ сына. Кромѣ васъ у меня нѣтъ близкихъ людей. Вотъ почему я хочу возложить на васъ одно порученіе. Вы сдѣлаете это для меня. Я вамъ вѣрю. Я совѣтовалъ графинѣ уѣхать изъ Петербурга въ деревню; она на дняхъ-же уѣдетъ въ Бѣшеную

„Дѣло“, № 10, 1876 г.

Лощину; употребите всё силы вашего ума и проницательности къ раскрытію истины и передайте мнѣ результаты вашихъ наблюдений... Пусть для васъ она не будетъ таинственной загадкой, какъ для меня...

— А что ея родители?

— Мать ея пріѣзжала къ ней, но Кети не рассказала ей ничего... Онѣ ни въ одномъ словѣ не понимаютъ другъ друга; почтенная матрона смотритъ на нее какъ на книгу, написанную на халдейскомъ языкѣ, и очень рада, что дочь — отрѣзанный комоть и что всякая отвѣтственность снята съ ея матери...

Въ эту минуту послышался легкій стукъ въ дверь.

— Это Кети, засуетился старикъ.

Онъ торопливо всталъ и отворилъ дверь. Вошла женщина.

Волгинъ впился въ нее глазамъ.

Передъ нимъ стояла женщина въ длинномъ, черномъ платьѣ, съ бюстомъ отличной статуи, фигурой богини, сошедшей съ пьедестала. Матовая блѣдность покрывала ея лицо, его овалъ былъ словно выточенъ, безукоризненныя линіи красиваго рта дышали покоемъ, глаза, большіе темные, энергически раскрыты во всю ширину зрачка и глядѣли взглядомъ, совершенно несвойственнымъ женщинамъ: серьезный, критическій, сосредоточенный взглядъ ихъ шелъ бы сворѣе къ лицу психіатра, изучающаго какую-нибудь любопытную болѣзнь, или судьи, читающаго смертнѣйшій приговоръ. Какъ психологъ, какъ художникъ любовался Волгинъ этимъ рѣдкимъ сочетаніемъ самой цвѣтущей молодости чертъ съ выраженіемъ мыслящаго страданія и воли.

— Кети, заговорилъ графъ, — позволь мнѣ рекомендовать тебѣ лучшаго друга нашего дома, Юрія Николаевича Волгина... Я много тебѣ говорилъ о немъ... Моя невѣстка, графиня Бореаль.

Волгинъ всталъ съ почтительнымъ поклономъ.

— Я долженъ предупредить тебя, Кети, что этотъ молодой человекъ проводитъ тебя въ твое имѣніе, Въшеную Лощину, гдѣ тебѣ надобно пожить и отдохнуть отъ всѣхъ тревоженій... Когда ты назначишь день твоего отъѣзда?..

— Мнѣ все равно, папъ. Я готова во всякое время, прозвучаль спокойной молодой голосъ. Глаза графа съ отеческою нѣжностью устремились на Кети.

Она сѣла въ кресло и погрузилась въ молчаніе. Открытые глаза ея такъ же пристально и не мигая устремились въ пространство.

„На ваторгу пойдетъ и тамъ все будетъ глядѣть такими-же глазами!“ невольно подумалъ Волгинъ, глядя на нее.

Графъ позвонилъ. Вошелъ дворецкій.

— Приготовьте чай въ залѣ... Гдѣ миссъ Люси?

— Онѣ играютъ въ гостиной.

— На-дняхъ графиня ѣдетъ въ свою деревню. Озаботьтесь приготовлениями. Мебель изъ ея будуара, рояль и арфу упакуйте завтра-же; наймите повара, лакея и дворецкаго. Двухъ горничныхъ также. Я дамъ вамъ подробную инструкцію сегодня вечеромъ.

— Слушаю-сь, отвѣтилъ дворецкій, удаляясь.

— Юрій Николаевичъ, я попрошу васъ сопутствовать графинѣ... Телеграфируйте въ Вѣшеную Лощину объ отсрочкѣ.

— Бѣтъ меня не счужаютъ выбрать комнату для графини, улыбнулся Волгинъ. — Впрочемъ, тамъ есть дамы, я напишу.

— Ольга Никонова тамъ? вдругъ спросила Кети.

— Да! отвѣтилъ Волгинъ коротко. Онъ не прибавилъ, что Ольга невѣста и будетъ жить въ Вѣшеной Лощинѣ. Всякій банальный разговоръ казался ему лишнимъ съ графиней.

— Когда-то давно я очень любила ее! произнесла Кети будто про себя.

Въ гостиной, куда перешло общество, за роялемъ сидѣла дѣвушка лѣтъ семнадцати, почти ребенокъ, бѣлокурая, хорошенькая, съ ослѣпительнымъ цвѣтомъ лица и бѣлыми зубами. Во всей физиономіи ея было столько наивной прелести, довѣрчивой радости, что она освѣщала своей фигурой стѣны мрачнаго дома, словно солнечнымъ лучомъ, а улыбка ея такъ и сквозила внутреннимъ смѣхомъ дѣтской невинности и здоровья.

— Вы не скучаете, дитя мое? спросила у нея на ея родномъ языкѣ графиня, перешедшая въ гостиную къ чаю вмѣстѣ съ прочими.

— О, какъ можно, графиня! улыбнулась миссъ Люси. — Эдакъ такъ хорошо, всѣ такъ добры ко мнѣ!

— И вамъ хорошо?

— Еще бы!

Кети съ нѣжностью взяла ее за подбородокъ и мимолетная улыбка въ первый разъ набѣжала на ея энергически-сжатые губы.

— Das ist eine alte Geschichte.
Das bleibt sie immer neu.

прошпала она стихи Гейне, придавая какой-то особенный смысл стихамъ поэта, и глаза ея съ грустной, задумчивой нѣжностью созерцали нѣсколько минутъ ясное и дѣтски-довѣрчивое личико англичанки.

Волгинъ не пропустилъ ни одной подробности, ни одного слова, ни одного измѣненія въ лицѣ графини. Онъ повторялъ про себя стихи Гейне, стараясь проникнуть во внутренній смыслъ, придаваемый имъ молодой женщиной.

V.

— Смотрите-же, другъ мой, говорилъ графъ Бореаль, прощаясь черезъ четыре дня съ Волгинымъ въ своемъ кабинетѣ съ наглухо затворенными дверями: — охраняйте ее, берегите, укрывайте отъ грозы. Вѣдь ей только-что минуло восемнадцать лѣтъ. Рано загубить такую молодую жизнь. Я буду писать вамъ, и если хоть тѣнь опасности промелькнетъ на нашемъ горизонтѣ, я тотчасъ-же извѣщу васъ о мѣрахъ, какія надо будетъ принять... Прощайте, да благословить васъ Богъ!

Волгинъ казался озабоченнымъ и собирался что-то сказать.

— Я часто долженъ отлучаться по дѣламъ имѣнія, выговорилъ онъ наконецъ, — и хотя на довольно короткіе сроки, но отъѣздъ иногда бываетъ внезапнымъ и неожиданнымъ...

— Телеграфируйте мнѣ каждый разъ, какъ соберетесь куда-нибудь ѣхать надолго; — я буду имѣть это въ виду.

Послышался стукъ въ дверь.

— Половина четвертаго, произнесъ голосъ лакея. — Поѣздъ отходитъ въ половинѣ пятаго; карета готова.

Графъ быстро отворилъ дверь и исчезъ во внутреннія комнаты. Волгинъ остался одинъ. Онъ былъ какъ-то не въ своей тарелкѣ; онъ былъ недоволенъ той ролью, которую ему приходилось играть... Ему, специалисту по сельскому хозяйству, по горло заваленному различными заботами и соображеніями, поручаютъ надзоръ надъ молодой, восемнадцати-лѣтнею женщиною, душа которой — темные потемки, и въ эти потемки ему предписываютъ спуститься, освѣтить всѣ ихъ закоулки, допросить ихъ тайны, слѣдить за нею

неуспѣшно и неустанно, отклонять грозу, готовую надъ ней разразиться, и стоять около нея въ родѣ часоваго. Онъ жалѣлъ, что былъ такъ врасплохъ застигнуть довѣріемъ графа, его просьбою. Теперь отступить было уже поздно. Притомъ-же надо сознаться, что личность графини интриговала его, и онъ, какъ тонкій наблюдатель, желалъ поскорѣе подвести подъ анализъ замѣнутаго со всѣхъ сторонъ субъекта.

— Пожалуйте, вызвалъ его лакей, появляясь въ дверяхъ:—ея сіятельство уже въ каретѣ.

Волгинъ подхватилъ свою дорожную сумку и бросился по лѣстницѣ.

У подъѣзда стояла карета съ отворенными дверцами.

— Farewell, farewell! говорилъ старикъ, напрасно стараясь улыбкой прикрыть волненіе, измѣнявшее ему на каждомъ шагу:— my dear...

Миссъ Люси отирала слезы, которыя, словно лѣтній дождь, туманили ея веселое и заплаканное лицо. Она говорила графу много чего-то, вланилась, улыбалась и даже обняла его на прощаньи.

Наконецъ экипажъ тронулся съ мѣста. Кети спустила на лицо вуаль и замерла въ своемъ углу. Англичанка, уже сіяющая какъ солнечный лучъ, высунулась въ окно и глядѣла по сторонамъ. Волгинъ не говорилъ ни слова.

По прибытіи на дебаркадеръ желѣзной дороги былъ взятъ семейный вагонъ, и трое пассажировъ, послѣ шума, волненія и обычной суеты при отъѣздѣ, очутились въ глухой тишинѣ мягкихъ дивановъ и плотно притвореннаго вагона. Первымъ дѣломъ миссъ Люси было снять всѣ свои доспѣхи, бурнусъ, шляпу, дорожную сумку, перчатки, и очутиться въ черномъ люстриновомъ платьицѣ, съ бѣлымъ передникомъ и разметанными по плечамъ свѣтло-пепельными локонами. Она принялась болтать съ графиней, распѣвать пѣсни и шнырять по вагону, какъ настоящая птичка. Раза два она подходила къ окну, гдѣ сидѣлъ Волгинъ, уткнувшись въ газету, и, поднявъ штору, умильно посматривала на него, очевидно желая включить его въ число своихъ забавъ.

— Вы говорите по-нѣмецки? вдругъ спросила Кети, улучивъ минуту, когда Волгинъ опустилъ газету на колѣни и вынулъ часы.

— Понимаю хорошо, но объясняться не могу, отвѣтилъ Волгинъ, поднявъ на нее глаза.

— Это все равно; вотъ миссъ Люси жагаетъ съ вами поговорить, но не знаетъ, на какомъ языкѣ это можно сдѣлать. Вы не откажетесь исполнить ея желаніе?

— Не откажусь, пускай попробуетъ, отвѣтилъ Волгинъ, слегка улыбаясь.

Англичанка, въ это время, понимая, что рѣчь идетъ о ней, сидѣла какъ на иголкахъ, какъ ребенокъ, для котораго торгуютъ игрушку.

— По-нѣмецки! лаконически сообщила ей Кети, свѣжая на ея нетерпѣливый взглядъ.

Миссъ Люси вспыхнула, засмѣялась, порывисто обняла графиню и сѣла возлѣ Волгина.

— Куда мы ѣдемъ? начала она.

Волгинъ долго соображалъ, придумывая фразу, наконецъ кое-какъ объяснилъ, что въ деревню.

— Что такое русская деревня?

— Увидите...

— Но я хочу знать... Есть-ли тамъ...

Она его закидала такой длинной и цвѣтистой рѣчью, что онъ махнулъ рукой, покачивая головой. Кети Бореаль, отвернувшись къ окну, неподвижно смотрѣла въ пространство и ея чистый профиль мягко выяснился въ полусвѣтѣ сумерекъ. Ея длинныя рѣсницы не шевелились; она глядѣла, но, кажется, не видала ничего; ни малѣйшаго движенія не пробѣгало по ея чертамъ и ея мягкія темныя брови лежали, какъ бархатъ, на гладкомъ лбу. Время отъ времени она поворачивалась и смотрѣла на собесѣдниковъ. Но видно было, что она не слыхала и не видала ничего.

— Графиня, наконецъ не вытерпѣвъ Волгинъ, — потрудитесь объяснить миссъ Люси, что я могу отвѣчать только „да и нѣтъ“ — такъ пусть она ставитъ вопросы опредѣлительныя; описывать я не умѣю.

— Что онъ говорить? вспорхнула англичанка.

Кети объяснила.

— Понимаю, понимаю!.. Короткіе вопросы и короткіе отвѣты... О, какъ это весело!

Она захлопала въ ладоши и, вся сіяя, снова подсѣла къ Волгину, въ восторгѣ отъ этой новой забавы. Поговоривъ съ четверть часа такимъ образомъ, она попросила позволенія заглянуть въ его до-

рожную сумку и открыть его карманные часы. Волгинъ противидся, но она сложила руки съ таимъ умоляющимъ видомъ, что онъ не имѣлъ духу отказать прелестному ребенку.

— Вотъ станція... Я пойду курить на платформу.

Онъ вышелъ изъ вагона.

— Я хочу тоже пройтись... Миссъ Люси! вдругъ позвала графиня.

Волгинъ прошелъ въ буфетъ. Ночь была безлунная, сухая, дулъ довольно свѣжій вѣтеръ; вокзалъ былъ ярко освѣщенъ, мужчины и дамы прогуливались по платформѣ, кто съ суетливыми, кто съ веселыми, кто съ задумчивыми лицами. Волгинъ только выпилъ рюмку водки и съѣлъ бутербродъ, спѣша идти въ вагонъ, чтобъ предложить что-нибудь дамамъ. Когда онъ вошелъ въ вагонъ, ни англичанки, ни графини тамъ уже не было. Онъ съ невыразимымъ изумленіемъ оглянулъ внутренность вагона и увѣрившись, что вагонъ былъ пустъ, бросился вонъ. Когда онъ торопливыми шагами шелъ мимо фонаря, два или три прохожихъ оглянулись на него; на немъ лица не было: побѣлѣвшія губы его дрожали, его спокойные, прекрасные глаза были озабоченно устремлены впередъ. Въ это время раздался второй звонокъ. Волгинъ бросился въ вокзалъ, откуда стремились толпы пассажировъ, но въ этой толпѣ не было ни графини, ни англичанки. Ему пришло въ голову, что во время его поисковъ онѣ, можетъ, уже успѣли пройти въ вагонъ.

— Mein hegg! вдругъ послышалось ему.

Онъ оглянулся. Миссъ Люси, графиня и еще какая-то женщина шли всѣ вмѣстѣ, разговаривая. Волгинъ обрадовался.

— Вы? вскричалъ онъ съ упрекомъ.—Я васъ ищу, какъ безумный. Отчего вы не сказали, что выйдете изъ вагона? Куда вы отравились? Пойдите; уже второй звонокъ!

Графиня, не обращая на него вниманія, шла, разговаривая съ женщиной, худой и бѣдно-одѣтой, лицо которой было облито слезами...

— Украли, украли! слышались ея безсвязные возгласы.

— Гдѣ вы сидѣли? долетѣло до Волгина.

— Пойдите, я вамъ покажу...

Но Волгинъ бросился между ними.

— Куда вы хотите идти?.. Не уходите далеко; я прошу васъ!

Выраженіе лица его такъ измѣнилось, что графиня съ изу-

мленіемъ посмотрѣла на него. Въ немъ была мольба, страхъ, опасеніе...

— Я сейчасъ; мнѣ только нужно дать ей денегъ, отвѣтила Кети, опуская руку въ карманъ и доставая портмоне.

Раздался третій звонокъ. Волгинъ, не помня себя, схватилъ ту самую руку, которая опускалась въ руку женщины и завладѣлъ ею.

— Пойдемте, мы пропустимъ поѣздъ.

Женщина на-лету поймала деньги. Волгинъ почти бѣжалъ, крѣпко держа за руки графиню и ея спутницу. Когда они сѣли въ вагонъ и онъ плотно заперъ двери, послышался свистокъ и поѣздъ тронулся. Нѣсколько минутъ слышалось только прерывистое дыханіе трехъ бѣглецовъ. Волгинъ пришелъ въ себя и въ его головѣ промелькнула мысль о томъ, что должна была подумать о немъ графиня? Онъ сторожилъ ее, какъ тюремщикъ, какъ жандармъ и подобныя приемы должны быть неприяты для всякаго свободного существа. Какое право имѣеть онъ преслѣдовать ее шагъ за шагомъ?.. Но графъ? Онъ далъ слово графу быть неотлучно при ней... Онъ желаетъ ей добра; она молода и неопытна, надъ ней, быть можетъ, тяготѣетъ преступленіе. Онъ далъ слово оберегать ее отъ всѣхъ случайностей, отъ всѣхъ столкновеній. Но, несмотря на всѣ эти уважительныя причины, онъ чувствовалъ себя неловко. Время уходило, онъ не говорилъ ни слова; англичанка раздѣвалась, раскладывала апельсины; блѣдныя щеки Кети были покрыты яркимъ румянцемъ усталости, глаза были опущены въ землю, но она молчала; онъ отдалъ-бы все на свѣтъ, чтобъ узнать ея мысли...

— Вы очень сердитесь на меня, графиня? вымолвилъ онъ и подъ конецъ фразы сдѣлался такъ блѣденъ, что закусилъ губу.

— Я? проговорила Кети съ удивленіемъ;— скорѣе же вы должны на меня сердиться, что я не предупредила васъ о томъ, что выйду изъ вагона... Я соскучилась сидѣть и думать, прибавила она съ покорной грустью;— мнѣ захотѣлось вмѣшаться въ толпу, чтобъ прервать... чтобъ набраться иныхъ впечатлѣній...

— Но я долженъ вамъ казаться тюремщикомъ, жандармомъ; я преслѣдовалъ васъ такъ грубо.

— Вы исполняете желаніе папа; я вполне понимаю ваши поступки и ощущенія; и я поступила-бы также на вашемъ мѣстѣ.

Сколько простоты, доброты и ясности звучало въ каждомъ звукѣ

ея голоса! Какое отсутствіе женской мелочности, какое тонкое пониманіе самыхъ щекотливыхъ вещей! Въ сердцѣ Волгина зашевелилось что-то мягкое и теплое въ отвѣтъ на эти звуки и онъ проговорилъ съ большимъ чувствомъ, чѣмъ обыкновенно:

— Все это такъ; но я въ своемъ излишнемъ рвеніи забылъ, что человѣкъ, кто бы онъ ни былъ и гдѣ бы онъ ни былъ, свободенъ безгранично.

Въ вагонѣ воцарилась тишина. Миссъ Люси, подложивъ подъ голову подушку, вытянула ножки, и по улыбкѣ, засіявшей на ея губахъ, видно было, что она засыпаетъ. Волгинъ держалъ глаза и голову опущенными. Мысли спутаннымъ роемъ толпились у него въ головѣ, мѣнялись словно тѣни волшебнаго фонаря. Тишина и безмолвіе продолжались. Слышенъ былъ только стукъ колесъ локомотива, глухіе свистки; въ воздухѣ алѣли искры на темномъ фонѣ неба; полчаса, часъ или два прошло такимъ образомъ, — никто не могъ сказать навѣрное. Въ вагонѣ стало совершенно темно.

— Огня! послышался чей-то испуганный голосъ. — Огня, ради Бога огня!..

Волгинъ вскочилъ и началъ зажигать спичку. Свѣтъ ея озарилъ блѣдное, какъ мраморъ, лицо Кети, поднявшейся съ широко раскрытыми глазами съ своего мѣста.

— Не бойтесь... я здѣсь! Что съ вами? Я сейчасъ зажгу огонь, говорилъ Волгинъ, торопливо зажигая еще спичку. Ему удалось, наконецъ, освѣтить на минуту вагонъ и онъ невольно пересѣлъ вольѣ графини, стараясь заглянуть въ ея лицо, опущенное на руки.

— Я заснула было... я увидѣла страшный сонъ! глухо вымолвила она севозъ стиснутые зубы.

— Вамъ будетъ лучше не спать теперь: сейчасъ будетъ станція; мы пройдемся по платформѣ; воздухъ васъ освѣжить...

— О, нѣтъ, снова прошептала она чуть слышно. — Это не исчезаетъ такъ легко.

Она сжимала голову обѣими руками; сердце ея усиленно стучало; потъ орошалъ виски, по тѣлу пробѣгала нервная дрожь. Волгинъ, движимый невыразимымъ состраданіемъ, еще ближе подвинулся къ ней и осмѣлился коснуться ея судорожно стиснутыхъ рукъ.

— Дайте мнѣ возможность вамъ помочь, прошептала онъ, самъ не зная, что говорить.

— Мнѣ помочь? Да развѣ есть средство противъ этого?

— Всякій кошмаръ теряетъ свою силу, когда его анализируютъ, когда его передаютъ другому...

Она вдругъ отдернула руки отъ лица и подняла къ нему въ темнотѣ глаза, сверкавшіе зловѣщимъ блескомъ.

— Такъ возьмите его отъ меня... возьмите это чудовище, которое давить меня подъ своей пятой... Оно мнѣ мѣшаетъ жить, мѣшаетъ дышать... Слышите? Я вижу каждую ночь одно видѣніе, одну картину: пунцовое, бархатное кресло, бѣлокурные кудри и холодное дуло револьвера... Я бѣгу къ этому креслу, я хватаюсь за револьверъ... Дуло такое холодное, оно бьется въ мои руки... Напрасно я тащу его, силюсь отбросить въ уголъ комнаты, — оно не подвертывается подъ мои пальцы, борется со мной, какъ живое... и одерживаетъ побѣду... Раздается выстрѣлъ... всегда раздается, каждый разъ раздается... И я просыпаюсь, облитая холоднымъ потомъ, а правая рука, — та самая, которая сжимала оружіе во снѣ, — сжата и теперь... Вѣдь это мука, неправда-ли?..

Она съ невыразимымъ ужасомъ подняла къ нему свою трепещущую, судорожно сжатую руку...

— О, вымолвилъ Волгинъ; — за что?

Онъ больше ничего не прибавилъ, но это восклицаніе было такъ краснорѣчиво, такъ полно состраданія, что нервы графини упали, дрожь оставила ее и двѣ крупныя слезы навернулись ей на глаза. Долго длилось молчаніе. Плакала-ли она, были-ли глаза ея сухи, сидѣла-ли она спокойно, — Волгинъ не видалъ ничего.

— Хотите-ли все знать? вдругъ снова раздался надъ его ухомъ ея глубокой, но уже спокойно звучащей голосъ; — да, я убила моего мужа!.. Не фактически, нѣтъ! Я силилась отнять у него револьверъ, я боролась съ нимъ рѣшительно и упорно, но я его убила, я причина его смерти, я — его лихорадка, его безуміе, его агонія, припадки его тоски, его отвращеніе къ жизни...

Она вдругъ сбросила платокъ, покрывавшій ея голову, какъ будто онъ душилъ ее.

— Вы слушаете меня?.. Слушайте, слушайте! Знаете-ли вы, что онъ любилъ меня до сумасшествія, до галлюцинацій, а я до послѣдней минуты не сочувствовала ему и до послѣдней минуты не любила его... Знаете-ли вы, что и теперь, когда судьба, чтобъ

наказать меня, толкнула мою руку и сдѣлала меня убійцею... я не раскаиваюсь, я не жалѣю, я равнодушна и теперь. Не говорили ли я, что я безъ сердца, что я странно создана? И имѣю право питать отвращеніе къ собственной личности.

— А вашъ бредъ, безсонныя ночи, страданья, которыя выливаются въ каждой чертѣ вашего лица?..

— Физическое разстройство... нервн! презрительно возразила г-финя.— Впечатлѣніе пройдетъ, съмы оставятъ, нервное увннне исчезнетъ и снова вырветъ на поверхность бездушное существо, обреченное на вѣчное созерцаніе собственной негодности и фальшиваго, холоднаго блеска... Вопросъ въ томъ, добросовѣстно-ли оставаться жить въ такомъ положеніи.

Она говорила сама съ собою, будто въ полуснѣ...

— Я знаю себя, продолжала она, вперивъ глаза въ темное пространство:— я изучила, провѣрила себя и въ теоріи, и въ дѣйствительной жизни... Я не могу больше себя обманывать... Было время, когда я жаждала жизни, опыта, дѣятельности, когда я вѣрила въ себя, вѣрила въ способность наслаждаться, въ способность чувствовать красоту, здоровье, страсть. Это былъ миражъ... У меня нѣтъ ни одной струнки наслажденія жизнью... Въ сравненіи съ тѣмъ, что я переживала въ воображеніи,— дѣйствительность оказалась пуста, жертва, ничтожна... Она мнѣ не дала ни одного отвѣта на мои запросы... И вотъ, наконецъ, явился этотъ бичъ: отвращеніе къ жизни.

Волгинъ слушалъ ее внимательно, не сводя глазъ.

— Я ничѣмъ никогда не была удовлетворена... Всегда мечтала о чемъ-то несбыточномъ... всегда грезила великанами, дворцами, обелисками, всегда парила въ облакахъ, или, лучше сказать, въ какихъ-то бездонныхъ пучинахъ,— вотъ и казалось все безцвѣтно, мелко, ничтожно. Зачѣмъ насъ свела судьба?.. Онъ былъ-бы такъ счастливъ съ другою... А я?.. По крайней мѣрѣ, одной преступницей было-бы меньше...

— Я начинаю немного понимать, продолжалъ Волгинъ.— Вы говорите, что до сихъ поръ васъ не удовлетворяла ни одна форма жизненнаго счастья, что ваше воображеніе играло съ вами всегда скверную штуку... вотъ ваша точка зрѣнія... Возьмемъ теперь другую точку зрѣнія: если не вы обманывали, а васъ обманывала жизнь, если вамъ давали виноградъ, когда вамъ

нужно было хлѣба, если жизнь имѣла и имѣть въ запасѣ много формъ, образовъ, могущихъ подойти къ вашему идеалу счастья, и не дала вамъ ихъ,—то кто виноватъ, скажите?.. Ахъ, графиня, есть еще много сферъ, незнакомыхъ вамъ. Вы открыли только одну страницу и думали, что постигли всю суть... Передъ вами еще широкое будущее.

— У меня нѣтъ будущаго... Да и у кого оно есть?

Волгинъ ласково улыбнулся и переѣвилъ тонъ.

— Слышите: свистокъ! замѣтилъ онъ.—Мы пріѣхали на станцію... Не угодно-ли вамъ пройтись?.. Я совѣтую вамъ надѣть пледъ. Теперь-то я буду охранять васъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— Почему же? спросила Кети.

— Потому, что я надѣюсь васъ вылечить отъ вашего недуга...

Они сошли на платформу и прошли въ вокзалъ. Былъ часъ ужина. Столъ былъ накрытъ; дымящіяся блюда красовались на буфетѣ, который осаждали толпы пассажировъ.

— Вы ничего не ѣли отъ самаго Петербурга, графиня; вамъ не мѣшаетъ закусить, говорилъ Волгинъ, повинувъ свою обычную молчаливость и стараясь вліять на свою спутницу хорошимъ расположеніемъ духа.—Я буду ужинать. Вы чего хотите?

— Я, пожалуй, буду ѣсть то-же, что и вы...

Онъ выбралъ удобный уголокъ стола и, позвавъ слугу, распорядился насчетъ ужина.

— Вино какое приважете? спросилъ лакей.

— Никакого. Впрочемъ, я забылъ... Вамъ угодно, графиня?

— Я пью только шампанское... Но доктора запретили: мнѣ вредно всякое вино.

Ужинъ былъ поданъ.

— Какъ жаль, что мы не разбудили миссъ Люси, замѣтила Кети, чувствуя при видѣ аппетита Волгина, что и ея аппетитъ пробудился.

— Она поужинаетъ на другой станціи... Возьмите цыплятъ; это, право, не дурно...

Она чувствовала на себѣ постоянно его заботливый, дружески ласковый взглядъ. Когда они воротились въ вагонъ, миссъ Люси спала какъ ребенокъ, вся разметавшись на диванѣ. Графиня поправила ей платье.

— А я? сказала она со вздохомъ, останавливаясь передъ своимъ диваномъ:—не могу лечь не могу спать...

— Полноте, графиня, ласково проговорилъ Волгинъ:—васъ кло-нить сонъ,—засните; а я буду бодрствовать и охранять васъ.

— И злой духъ убѣжить, оставить меня? проговорила она не то съ сомнѣніемъ, не то съ надеждой, и глаза ея засіяли, какъ у больного при видѣ спасительнаго лекарства.

— Увидимъ, отвѣтилъ онъ съ улыбкой.

— Такъ помогите мнѣ устроить постель...

Онъ бережно и осторожно началъ взбивать подушки и разсти-лять дорожный пледъ. Она улеглась на подушки. Онъ сѣлъ про-тивъ нея.

— Покойной ночи... проговорила она сквозь сонъ, довѣрчиво засыпая подъ стражею его бдительнаго, неусыпнаго взгляда.

Онъ закурилъ сигару и не двинулся съ мѣста. Первые лучи разсвѣта застали его все въ той же позѣ.

Молодая женщина спала, свѣсивъ голову съ подушки. Она ни разу не пошевелилась; тихое и ровное дыханіе вылетало изъ ея полураскрытыхъ, согрѣтыхъ сномъ губъ; брови не двигались; вы-раженіе покоя, отдыха, тишины отпечатлѣлись на ея лицѣ. Нѣсколько разъ Волгинъ поправлялъ сбившіяся подушки; она не просыпалась.

II. ЛѢТНОВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

Она жила одна. Она похоронила
Давно всѣхъ тѣхъ, кого такъ пламенно любила
Въ года минувшіе, и съ горечью въ груди
Ждала теперь одной могилы впереди.
И смерть казалась ей единымъ угѣшеньемъ
За годы, полные слезами и мученьемъ.
Въ вечерніе часы въ своемъ углу пустомъ,
Вязаное скучное оставивъ, о быломъ
Она въ безмолвіи грустила одиноко,—
О томъ, какъ мужъ убитъ былъ въ Венгріи дѣловой:
Какъ сынъ во цвѣтѣ лѣтъ подъ пулями враговъ
Палъ въ Севастополѣ въ числѣ другихъ бойцовъ:
Какъ молодую дочь утраты и лишения
Въ могилу раннюю свели безъ сожалѣнья;
Какъ послѣ радостей семейныхъ ей пришлось
Жить въ одиночествѣ, не осушая слезъ,
Безъ радужныхъ надеждъ, безъ теплаго привѣта,
Съ одною думою: „я не нужна для свѣта;
Я лишняя теперь; устала я терпѣть;
Страдать устала я. О, если-бъ умереть!“
И это горькое ненужности сознанье
Росло и дѣлало мучительнѣйшій страданья,
А жизнь все теплилась... Зачѣмъ и для чего?—
То было вѣдомо для Бога одного.

Рѣзругъ страдалицы иное поколѣнье
Чужихъ дѣтей росло. Ихъ новыя стремленья
И упованія,—все чуждо было ей.
Толпа ея бывшихъ, испытанныхъ друзей
Рѣдѣла съ каждымъ днемъ, да и самой ей стало
Тоскливо въ ихъ кружкахъ: все то, что волновало
И огорчало ихъ, казалось мелочнымъ
Предъ горемъ истиннымъ. Она ходила къ нимъ
Все рѣже и порой на цѣлыя недѣли
Скрывалася отъ всѣхъ,—и эта жизнь безъ цѣли,
Жизнь безучастная давила грудь сильнѣй,
Чѣмъ всѣ тяжелыя потери прошлыхъ дней.

Такъ проходили дни, такъ проходили годы
 Надъ бѣдной женщиной. Но горе и невзгоды
 Не истребили въ ней ни пламенной любви,
 Ни кроткой нѣжности. Лишенная семьи,
 Она любила всѣхъ, нуждавшихся въ привѣтѣ:
 Больные, старики, голодные и дѣти
 Ей были дороги. Она на жертву имъ
 Несла свой трудъ, свой сонъ съ стремленіемъ однимъ—
 Въ болѣзни имъ помочь, утѣшить ихъ совѣтомъ,
 Спасти ихъ въ нищетѣ, хотя порой при этомъ
 Воспоминанія про старое житье
 Терзали душу ей до слезъ, когда ее
 Чужое ей дитя встрѣчало словомъ: „мама“.

Да, эта жизнь была простой мѣщанской драмой
 Съ развязкой старою—и въ тишинѣ ночей
 Молилась каждый разъ страдалица о ней.

Вдругъ въ эти дни тоски, унынія и скуки
 Она услышала извѣстія про муки
 Народа чуждаго. Измученный врагомъ,
 Лишенный правъ людскихъ, обобранный кругомъ,
 Затравленный, какъ звѣрь,—возсталъ онъ поголовно,
 Чтобъ усмирить врага иль пасть въ борьбѣ неравной
 За честь своихъ семействъ, за честь своей страны.
 Услышала она про ужасы войны,
 Давно неслыханной, безумной, беспощадной,
 И съ тайнымъ трепетомъ ловила какъ-то жадно
 Разказы новые о томъ, что каждый день
 Враги сжигаютъ тамъ десятки деревень;
 Что сотни дѣвушекъ, захваченныхъ подъ стражу,
 Уводятъ изверги на рынокъ, на продажу;
 Что въ звѣрской ярости безумцы не падаютъ
 Въ объятія матерей укрывшихся ребятъ;
 Что всѣ пришедшія давнымъ-давно въ забвенье
 Преданья старыя про страшныя гоненья
 На первыхъ христіанъ—воскресли въ наши дни,
 Не вызвавъ ужаса въ сердцахъ людской семьи,
 Забывшей посреди корысти и разврата,
 Что ближняго спасать мы всѣ должны, какъ брата.
 Порой она ждала, что гдѣ-нибудь найдетъ
 Опору вѣрную страдающій народъ;
 Порой ей думалось, что всѣ ея невзгоды

Ничто предъ муками защитниковъ свободы,
 И въ тишинѣ ночей, забывъ про сладкій сонъ,
 Казалось, слышала она далекій стонъ
 Несчастныхъ раненыхъ съ запекшеюся кровью,
 Съ смертельной блѣдностью на лицахъ,—и съ любовью
 Она стремилась къ нимъ, какъ любящая мать,
 Какъ нѣжная сестра. Въ умѣ перебирать
 Свои страданія, утраты и невзгоды
 Подъ стоны страшные святыхъ бойцовъ свободы
 Ей стало тягостно и совѣстно... „Она
 Еще вынослива, здорова и сильна;
 Ей нечѣмъ дорожить и жизнь безъ сожалѣнья
 Она могла-бъ отдать на общее служенье;
 Тамъ нужны женщины для тысячи больныхъ,
 Лишенныхъ помощи заботливой родныхъ;
 Она для страждущихъ замѣнить мать и снова
 Услышать, можетъ быть, сыновней ласки слово“.
 Такъ думала она и въ темнотѣ ночей
 Ей будущность ея казалась все свѣтлѣй,
 Все радужнѣй. Порой ей мнилось въ сновидѣннхъ,
 Что мужъ и сынъ ея ей шлютъ благословенья

И нѣжнымъ шопотомъ ей говорятъ: „иди!“
 Вопросъ былъ разрѣшенъ: цѣль жизни впереди,
 Какъ яркая звѣзда, блеснула въ отдаленнхъ,
 Разсѣявъ мракъ густой покорнаго мученья
 И слезъ о прожитомъ. За рядомъ скучныхъ дней,
 За отчужденіемъ холоднымъ отъ людей,
 Настали дни хлопотъ, усилій и тревоги;
 Жизнь получила смыслъ: заботы о дорогѣ
 Смѣнили ужасы душевной пустоты.
 „Лекарства, корпію, холстину и бинты—
 Все надо взять съ собой; у нихъ всего тамъ мало,
 Имъ пригодится все“, тревожно размышляла
 Она, готовясь въ путь, и только о себѣ,
 О будущихъ трудахъ и о былой судьбѣ
 Она не думала и, съ свѣтлыми слезами
 Прощаясь наскоро съ немногими друзьями,
 Съ улыбкой доброю шептала имъ, шутя:
 „Теперь ужъ лишнею не буду больше я!“

А. М.

РАЗВИТІЕ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ.

III.

Первичный фетишизмъ.

Множество путешественниковъ и этнографовъ упоминають о племенахъ, будто-бы неимѣющихъ никакихъ вѣрованій, никакихъ религіозныхъ представленій. Въ известной книгѣ Лебока, „Pre-historic Times“, собраны свидѣтельства обо всѣхъ подобныхъ народахъ, но ни одно изъ этихъ свидѣтельствъ не выдерживаетъ критики. Говорящіе о мнимомъ атеизмѣ первобытныхъ народовъ путешественники и миссіонеры не находили у нихъ религіи потому только, что прикладывали къ нимъ мѣрку своихъ религіозныхъ понятій. Эта субъективность взглядовъ доходитъ у нихъ до смѣшного, и одинъ миссіонеръ XVIII вѣка называетъ дикарей даже „вольнодумцами и матеріалистами“, приравнивая ихъ къ известнымъ философамъ своего времени! Тенденціозные писатели противоположнаго лагеря, вродѣ Бюхнера, нерѣдко пользуются для своихъ цѣлей подобными свидѣтельствами, не провѣряя ихъ фактически, и видятъ атеизмъ въ той эпохѣ человѣческаго развитія, которая темстична въ высшей степени. Конечно, первобытный дикарь, неимѣющій никакихъ общихъ идей, неспособный даже „пяти перечесть“, не можетъ имѣть сколько-нибудь уточненныхъ религіозныхъ представленій; но онъ такъ слабъ умственно, поставленъ въ такую зависимость и отъ животныхъ, и отъ неодушевленной природы, что чувство этой зависимости ведетъ къ формированію известныхъ вѣрованій и религіозныхъ отношеній къ природѣ. Чувство зависимости отъ

природы неизбѣжно даже на самыхъ низшихъ ступеняхъ чело-вѣческаго развитія, и каковы-бы ни были тѣ представленія и понятія, которыя подъ вліяніемъ этого чувства составлялись въ головѣ первобытнаго челоуѣка, они во всякомъ случаѣ должны быть названы религіей.

Смотря на всю природу съ чисто-субъективной точки зрѣнія, мѣряя все на свой аршинъ, первобытнй челоуѣкъ создалъ ту систему очеловѣчоторенія, которая лежитъ въ основѣ первичныхъ религіозныхъ представленій. Онъ не отдѣлялъ себя отъ природы и всѣ явленія ея объяснялъ тѣмъ, что предполагалъ въ нихъ такую-же точно жизнь, какую сознавалъ въ самомъ себѣ. Перенесеніе психическихъ свойствъ челоуѣка на животныхъ было, конечно, первымъ фазисомъ развитія этой системы. Животныя имѣютъ такъ много общаго съ людьми, что отождествленіе ихъ въ умѣ первобытнаго челоуѣка было неизбѣжно. Дикарь ставитъ многихъ животныхъ гораздо выше себя въ умственномъ отношеніи. Индѣйцы говорятъ, что бобры и бѣлые *самые умные люди* въ мѣрѣ. На Сенегалѣ, въ Кордофанѣ и Бразиліи обезьянамъ приписывается челоуѣческой разумъ и способность говорить, которою они не пользуются изъ боязни попасть въ рабство. Арабъ бесѣдуетъ съ своей лошадыю, а индѣецъ съ своей собакой. Животныя, по первобытному воззрѣнію, ведутъ такой-же образъ жизни и имѣютъ такое-же общественное устройство, какъ люди; у нихъ есть свои совѣщательныя собранія, они ведутъ свои войны и т. д. Все, что впоследствии рассказываетъ въ назиданіе дѣтямъ въ пережившихъ остаткахъ животнаго эпоса, въ басняхъ, — все это въ дѣтскій періодъ рода челоуѣческаго было не аллегоріей, не сказкой, а голою фактической истиной. Первобытнй челоуѣкъ въ своей борьбѣ за существованіе съ остальнымъ животнымъ міромъ извѣдалъ горькимъ опытомъ превосходство надъ собою многихъ животныхъ не только по ихъ физической силѣ, но и по ихъ хитрости. Онъ преклонился передъ ними и призналъ ихъ своими старшими братьями, даже своими родителями. Жители Тибета и нѣкоторыя племена сѣверной Америки, Индіи и Африки считаютъ себя потомками обезьянъ; камчадалы и индѣйцы чипчевей производятъ себя отъ собаки и т. д. Признавъ животныхъ че-

ловѣкоподобными существами и чувствуя ихъ превосходство надъ собой, первобытный дикарь естественно дошелъ до идеи зависимости своей судьбы отъ ихъ произвола, до сознанія необходимости упрашивать ихъ о милости, улаживать жертвами и знаками почтенія. Возникло поклоненіе животнымъ, до сихъ поръ еще существующее въ своей первичной формѣ во многихъ странахъ. Левъ и тигръ, слонъ и китъ, медвѣдь, крокодилъ, орелъ и акула, китъ, змѣя, голубь, скорпионъ — всѣ виды животнаго царства фигурируютъ въ первобытномъ пантеонѣ и будущій царь творенія робко пресмыкается передъ самыми отвратительными гадинами. Сибирскій остякъ до сихъ поръ клянется именемъ медвѣдя, которому финны приписываютъ человѣческой умъ и двѣнадцать человѣческихъ силъ. Жители Суматры поклоняются тигру и считаютъ своимъ долгомъ предупреждать его объ опасности, которою угрожаютъ ему капканы, разставленные европейцами. Въ Сіамѣ еще не такъ давно слонъ считался вторыхъ королямъ и имѣлъ королевскую душу. Во многихъ мѣстахъ Африки божественные крокодилы пользуются величайшими почестями и откармливаются лучшими яствами, даже мясомъ живыхъ дѣтей. Змѣя была самымъ популярнымъ божествомъ на всей поверхности земного шара и до сихъ поръ стоитъ у многихъ народовъ во главѣ ихъ пантеоновъ. Въ западной Африкѣ до сихъ поръ города и селенія кишатъ священными змѣями, которыя окружены всѣми съѣдобными благами и убійство которыхъ европейцами нерѣдко вело за собой истребленіе послѣднихъ фанатичными змѣепоклонниками. Въ Видахѣ, во время Босмана, святая змѣя встрѣчалась на каждомъ шагу; ихъ царемъ считалось громадное чудовище, жившее въ особомъ домѣ и нерѣдко получавшее даже человѣческія жертвы. Самъ царь не удостоивался видѣть этой змѣи и молился ей только въ преддверіи храма. Кромѣ многочисленнаго штата жрецовъ, это божество имѣло свой гаремъ, для котораго набирались и спеціально подготавливались дѣвушки 8—12 лѣтъ. По достиженіи зрѣлости онѣ въ торжественной ночной процесіи, украшенные цвѣтами, приводились въ яму, служившую брачнымъ покоемъ, проводили здѣсь ночь и съ тѣхъ поръ считались женами божества, отъ котораго, однакожь, чудеснымъ образомъ онѣ рождали дѣтей, а не змѣй...

Тѣ-же самыя причины, которыя вели къ очеловѣкотоворенію и затѣмъ къ обоготворенію животныхъ, заставляли первобытнаго челоуѣка распространить свои субъективныя понятія и на міръ растений. Убѣжденіе въ святости хлѣба и въ томъ, что грѣшно небрежно обходиться съ нимъ, есть ничто иное, какъ пережившій остатокъ той эпохи челоуѣческаго развитія, когда люди поклонялись деревьямъ, боготворили рисъ, кукурузу и чеснокъ и считали живымъ божественнымъ существомъ цвѣтокъ лотоса. Древнія, особенно большія и оригинальныя по формѣ деревья, полезныя или вредныя растенія до сихъ поръ еще служатъ божествамъ во многихъ странахъ, напр., въ Африкѣ. Особеннымъ почетомъ первобытнаго челоуѣка пользовались тѣ растенія, возбуждающее и опьяняющее дѣйствіе которыхъ прямо указывало на ихъ сверхъестественную природу. Въ древней Индіи поклонялись, такимъ образомъ, богу *сомъ*, и процессъ приготовления изъ него опьяняющаго напитка былъ таинствомъ. Въ священныхъ санскритскихъ гимнахъ этотъ богъ воспѣвается такъ: „онъ, будучи выпить, возбуждаетъ мою рѣчь; онъ вызываетъ пылкую мысль. Мы напились Сомы, мы стали бессмертными, мы озарились свѣтомъ, мы познали боговъ!“ Тѣмъ-же путемъ возникло поклоненіе цвѣтку лотоса, въ Персіи растенію гаошъ, въ Греціи винограду, превратившемуся впоследствии въ бога Вакха. „Онъ, говорится про Вакха, — рожденный богомъ, течетъ при возліаніяхъ богамъ. Это божество слѣдуетъ назвать прощающимъ, ибо когда этотъ богъ входитъ въ силу въ тѣлѣ челоуѣка, онъ заставляетъ людей, находящихся въ пьяномъ бреду, предсказывать будущее“. Въ Перу табакъ назывался *святою травою* и еще большимъ почтеніемъ пользовалась кока. Многіе дикари обожаютъ ядовитыя растенія и носятъ ихъ на себѣ въ видѣ амулетовъ. Древніе вавилоняне считали святымъ деревомъ пальму, перебродившій сокъ которой до сихъ поръ употребляется вмѣсто вина. Подобно тому, какъ водку французы называютъ *водою жизни*, eau de vie, индійскій Сома давалъ бессмертіе „Сома — источникъ несравненной мудрости, говоритъ гимнъ; — румяный сома одаренъ пониманіемъ мудреца; мы напились Сомы и озарились свѣтомъ“. Наконецъ, тамъ, гдѣ постоянное производство драгоцѣннаго продукта не велико, высшіе

классы естественно запрещаютъ низшимъ употреблять его. Въ Перу, напр., употребленіе возбуждательнаго кока было ограничено только членами царской фамиліи и нѣкоторыми другими избранными, всѣмъ-же остальнымъ было запрещено прикасаться къ этому „древу познанія“...

Первобытный человѣкъ рѣшительно неспособенъ представить себѣ какое-нибудь другое существованіе, кромѣ того, какое ощущаетъ онъ самъ. Онъ живетъ, чувствуетъ, думаетъ, хочетъ, и все въ мірѣ кажется ему живущимъ, чувствующимъ, желающимъ. Жизнь животныхъ и растений только подтверждаетъ такое воззрѣніе, но не порождаетъ его, и предметы, неимѣющіе никакихъ признаковъ животной или растительной жизни, очеловѣчуются фантазіей дикаря такъ-же легко, какъ фантазіей ребенка цивилизованной страны. Мальчикъ, скачущій верхомъ на палочкѣ, находится въ такомъ состояніи иллюзіи, что чувствуетъ себя настоящимъ кавалеристомъ, галопирующимъ на превосходной лошади; кусокъ дерева, которымъ онъ играетъ, можетъ превратиться въ его глазахъ въ корову, въ экипажъ, въ корабль; ребенка съ сильнымъ воображеніемъ достаточно нѣсколькихъ камешковъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ стадо барановъ, и простой палочки, чтобы видѣть въ ней пастуха для этого стада. Та-же способность отождествлять дѣйствительность съ своими фантазіями замѣчается и у всѣхъ дикарей. Бакгаусъ видѣлъ однажды на Ванъ-Дименовой землѣ туземку, раскладывающую камни и бесѣдующую съ ними: это были ея отсутствующіе друзья и родные. У нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ мать, лишившаяся ребенка, наполняетъ его колыбель черными перьями, постоянно носить ее съ собой впродолженіи года и больше, разговариваетъ съ нею, какъ съ живымъ ребенкомъ. У племени ваниамвези одного изъ двойниковъ непременно убиваютъ, но мать заворачиваетъ въ мѣхъ тывку или фляжку изъ тывы, кладетъ ее спать съ собой и съ оставшимся ребенкомъ и кормитъ ее наравнѣ съ послѣднимъ. Эта наклонность и способность олицетворять неодушевленные предметы вполне понятна въ дикарѣ. Онъ не знаетъ специфическихъ внутреннихъ свойствъ предметовъ и различаетъ послѣдніе только по ихъ наружнымъ признакамъ, по формѣ, цвѣту, запаху и т. д. Онъ можетъ имѣть объ этихъ предметахъ только такіа

представленія, которыя находятся въ его умственномъ запасѣ. Но такъ-какъ въ его головѣ есть только одно полное представленіе о внутреннихъ свойствахъ его самого, то онъ по необходимости и переноситъ это представленіе на всѣ другіе предметы. Сомнѣваться при этомъ онъ не въ состояніи, потому что скептицизмъ возможенъ только тогда, когда на ряду съ обычными понятіями возникаютъ другого рода представленія, которыхъ еще нѣтъ у первобытнаго человѣка. Поэтому все, что поражаетъ его вниманіе, онъ считаетъ животнымъ. „Неграмъ, говоритъ Вайцъ,—кажется животнымъ все, что движется, издаетъ звуки и т. д.; первая волынка, которую они видѣли, была животнымъ, первый европейскій корабль былъ тоже животнымъ, а двѣ пушечныхъ амбразуры въ его кормѣ—глазами“. Андерсонъ рассказываетъ, что бушмены считаютъ телѣгу живою и думаютъ, что она нуждается въ травѣ. „Онъ живой“, сказалъ араукакъ Бретту, увидѣвъ у него компасъ. Одинъ изъ спутниковъ Избрандеса показалъ остякамъ часы, имѣвшіе форму медвѣдя. Изумленію и благоговѣнію дикарей не было предѣла, когда часы начали бить. Они сочли ихъ божествомъ выше всѣхъ своихъ боговъ и пожелали купить ихъ. Дикари, видѣвшіе въ первый разъ компасъ, считали его существомъ, которое постоянно стремится въ свою любимую страну. Дикарь, бывшій свидѣтелемъ впечатлѣнія, произведеннаго письмомъ на прочитавшаго его, съ презрѣніемъ отнесся къ письму, какъ къ болтливой твари, которой невозможно довѣрять никакой тайны. Грамматическое раздѣленіе словъ на роды мужескій и женскій было порождено тѣмъ-же умонастроеніемъ. Средневѣковые персіяне различали мужеское и женское начало даже въ такихъ вещахъ, какъ пища, воздухъ, вода. Даяки про сильный ливень говорятъ: „мужчина дождь этотъ!“ Все это остатки первобытнаго міровоззрѣнія, доводившаго олицетвореніе природы даже до половыхъ различій между неодушевленными предметами. При такомъ воззрѣніи на предметы, человѣкъ въ своихъ поступкахъ относится къ нимъ совершенно такъ, какъ если-бы они дѣйствительно имѣли жизнь, чувство и волю. „Сила минутнаго увлеченія можетъ часто преодолѣть укоренившуюся привычку, и даже развитый человѣкъ въ минуту жестокой боли способенъ ударить или укусить безжизненный предметъ, причинившій ему эту боль“.

говорить Гротъ. У дикаря подобныя психическія движенія являются не только рефлексамъ, но и сознательными актами, вполне гармонирующими со всѣмъ его міросозерцаніемъ. Дикій туземецъ Бразиліи кусаетъ камень, о который онъ споткнулся, или стрѣлу, которая его ранила. Если у кукисовъ, въ южной Азіи, человѣкъ погибаетъ отъ паденія съ дерева, родственники его мстятъ послѣднему тѣмъ, что срубали его и раскалывали въ щепки. Въ афинскомъ Пританеѣ собиралось нерѣдко судилище для формальнаго суда надъ топоромъ, камнемъ, деревомъ или другимъ предметомъ, убившимъ человѣка, и если признавали этотъ предметъ виновнымъ, то выбрасывали его за предѣлы города. Не одна месть и злоба возбуждаются въ человѣкѣ неодушевленными предметами, но всѣ тѣ чувства, какія только способны внушать ему живые люди своими разнообразными свойствами, поступками и отношеніями. Въ Германіи, напримѣръ, до сихъ поръ сохранился пережившій трогательный обычай, въ силу котораго извѣстіе о смерти хозяина или хозяйки дома передается не только каждому пчелиному улью въ его саду и каждому животному въ хлѣвѣ, но и каждому мѣшку съ хлѣбомъ; ко всѣмъ предметамъ, которые находятся въ домѣ, должно прикоснуться и, толкнувъ ихъ, сообщить, что хозяина не стало. Поражаясь всѣми рѣдкими и оригинальными предметами, приписывая имъ личную жизнь, умъ и волю, дикарь легко приходитъ къ вѣрованію, что они могутъ вліять на судьбу его. Чувство зависимости отъ природы, порожаемое грозными явленіями послѣдней, начиная съ какого-нибудь кровожаднаго тигра и кончая бурнымъ потокомъ, переносится и на упомянутые предметы, возбуждающіе любопытство и таинственный страхъ своей формой, блескомъ или другими свойствами. Тайлоръ замѣчаетъ, что „между чувствомъ благоговѣнія ослыка передъ камешкомъ, который онъ поднимаетъ съ земли, страстью китайца къ собранью любопытныхъ разновидностей черепашихъ щитовъ и восторгомъ англійскаго конхолога при видѣ раковины, завитой въ обратную сторону, есть много общаго. Направленіе ума, которое-бы заставило негра Золотого Берега завести себѣ цѣлый музей чудовищныхъ и всемогущихъ фетишей, могло-бы побудить англичанина составить коллекцію рѣдкихъ почтовыхъ марокъ или курьезныхъ тростей. Въ страсти

человѣка къ ненормальностямъ и курьезамъ выражается его стремленіе къ чудесному, стараніе освободиться отъ скучнаго чувства законности и однообразія въ природѣ*. Всѣ рѣдкіе предметы возбуждаютъ въ первобытномъ умѣ смутное сознаніе ихъ важности и вліятельности, а случай или особня свойства ихъ заставляютъ дикаря выдѣлять ихъ изъ ряда другихъ предметовъ и превращать ихъ въ своихъ боговъ. Не зная существенныхъ свойствъ явленій, первичный человѣкъ не можетъ правильно судить и о причинной связи ихъ. Явленіе, случайно слѣдующее за другимъ, признается его дѣйствіемъ или производеніемъ. Корабельный якорь, оставшійся отъ европейскаго корабля, возбуждалъ недоумѣніе и страхъ кафровъ, какъ предметъ невиданный, котораго сдѣлать они были не въ состоящи и назначенія котораго не понимали. Одинъ кафръ рискнулъ отбить отъ этого якоря кусокъ желѣза и вскорѣ послѣ этого умеръ. Явное дѣло, что обиженный якорь отомстилъ смертью своему обидчику; онъ существо сильное, могущее вредить людямъ; его слѣдуетъ ублажать и задабривать поклоненіемъ. Дѣйствительно, послѣ упомянутаго случая кафры начали, проходя мимо якоря, оказывать ему знаки божескаго поклоненія, чтобы избѣжать его гнѣва. Одинъ гвинейскій негръ, спасаясь съ своимъ семействомъ отъ враговъ, споткнулся о камень, причинившій ему сильную боль; онъ медленно поднялъ этотъ камень и цѣлую жизнь не разставался съ нимъ, такъ-какъ онъ помогъ ему избавиться отъ угрожавшей опасности. Якуты въ первый разъ увидѣли верблюда во время оспенной эпидеміи и превратили его въ существо, посылающее на людей оспу. Все, что приноситъ человѣку дѣйствительные или только воображаемые имъ пользу и вредъ, будучи очеловѣковано имъ, дѣлается предметомъ благоговѣйнаго страха и поклоненія. Африканскій кузнецъ удивляется собственному молоту, который выковываетъ такіа удивительныя вещи, и ублажаетъ его воскуриваньемъ благовонной травы. „Въ Индіи, говоритъ Дюбуа, — женщина поклоняется корзинѣ, въ которой она носитъ или держитъ свои необходимыя вещи, и приноситъ жертвы ей, равно какъ рисовой мельницѣ и другимъ предметамъ, помогающимъ ей въ ея хозяйственныхъ трудахъ. Такое-же поклоненіе воздастъ плотникъ своему топору и другимъ инструментамъ и

тоже приносить имъ жертвы. Точно такъ-же относятся браминъ въ перу, которымъ пишутъ, солдатъ къ оружію, съ которымъ дерется въ битвѣ, каменьщикъ къ своей киркѣ, а земледѣлецъ къ плугу“. Это остатки того первичнаго фетишизма, въ эпоху котораго люди, одушевляя всѣ отдѣльные предметы и явленія природы, отыскиваютъ среди нихъ каждый для себя своихъ личныхъ фетишей-покровителей. Каждый индѣецъ имѣетъ свое „лекарство“, какъ называется этотъ личный фетишъ. Достигнувъ четырнадцати или пятнадцати-лѣтняго возраста, индѣйскій мальчикъ отправляется въ пустынное мѣсто и постится здѣсь до тѣхъ поръ, пока не увидитъ во снѣ какое-нибудь животное, которое потомъ отыскивается имъ, убивается и шкура дѣлается „лекарствомъ“, фетишемъ-покровителемъ индѣйца на всю жизнь. Въ Африкѣ, Азіи, Австраліи, у инородцевъ европейской Россіи—всюду мы находимъ вѣрованія или остатки вѣрованій въ этихъ личныхъ фетишей, которые продолжаютъ существовать даже среди цивилизованныхъ народовъ въ пережившей формѣ амулетовъ. Съ развитіемъ коллективной жизни на-ряду съ личными фетишами являются фетиши семейные, родовые, національные. Остатки этого первобытнаго вѣрованія, когда фетишъ считался дѣльнымъ, живымъ существомъ, а не виѣстилищемъ какого-нибудь духа, до сихъ поръ сохраняются у многихъ дикарей. „Западная Африка все еще можетъ быть названа страной фетишей, говорятъ Тайлоръ.—Путешественникъ встрѣчаетъ ихъ на каждой тропинкѣ, у каждого брода, на каждой двери; они висятъ въ видѣ амулетовъ на шеѣ у каждого человѣка; они предохраняютъ отъ болѣзни или, наоборотъ, причиняютъ ее, въ случаѣ пренебреженія къ нимъ; они приносятъ дождь, наполняютъ море рыбами, охотно идущими въ сѣти рыбаковъ, ловятъ и наказываютъ вора, придаютъ своимъ обладателямъ храбрость и приводятъ въ смятеніе непріятелей, — словомъ, нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего-бы фетишъ не могъ сдѣлать или уничтожить“. Фетиши эти разнообразны до безконечности; въ числѣ ихъ можно встрѣтить и простые камни, и горшокъ съ красной глиной, въ которую воткнуто пѣтушиное перо, и обыкновенныя палки. Путешествовавшій по Гвинее въ прошломъ столѣтіи Ремеръ разъ заглянулъ въ одну хижину и увидѣлъ стараго негра, окружен-

наго множествомъ фетишей, которыхъ онъ считалъ до 20000. Старикъ говорилъ путешественнику, „что онъ не знаетъ и со-той доли услугъ, оказанныхъ ему этими предметами; ихъ собирали его предки и онъ самъ; каждый оказалъ имъ какую-нибудь услугу. Посѣтитель взялъ въ руки камень величиною съ куриное яйцо, и хозяинъ рассказалъ его исторію. Однажды онъ выходилъ изъ дому по важному дѣлу, но перейдя черезъ поро-гокъ, наступилъ на этотъ камень и ушибъ себѣ ногу. „Ага, подумалъ онъ,—ты здѣсь!“ и онъ взялъ камень, который дѣй-ствительно много помогъ ему тогда въ его дѣлахъ“.

Личными и домашними фетишами, которые дикарь носить съ собою или во множествѣ собираетъ въ своей хижинѣ, его пантеонъ далеко не ограничивается. Онъ держитъ у себя какой-нибудь кусокъ дерева, и въ то же время поклоняется цѣлому, расту-щему дереву, которое обоготворено имъ вслѣдствіе такихъ-же обстоятельствъ, какія заставляютъ его дѣлать своимъ фетишемъ камень, о который онъ споткнулся. Дикарь носить съ собою, какъ фетиша, шкурку горностая или бѣлки, и въ то-же время боготворитъ тигра или медвѣдя, живущихъ въ лѣсу. Въ его фетишискомъ музеѣ лежитъ множество мелкихъ камешковъ, а въ его сердцѣ живетъ вѣра въ большіе камни и величественныя скалы, которые онъ, конечно, сдвинулъ бы съ мѣста и помѣ-стилъ-бы въ свой карманный пантеонъ, если-бы могъ. Скалы и горы служатъ предметомъ фетишискаго поклоненія во всѣхъ странахъ. Ихъ величина, странныя формы, ихъ вершины, то обвитыя облаками, то озаренныя свѣтомъ; вѣтры, дующіе изъ ихъ расщелинъ, и дожди, приносимые съ нихъ тучами,—все это казалось дикарю непосредственнымъ дѣйствіемъ горъ. Вода го-раздо болѣе, чѣмъ неподвижныя, неизмѣнныя камни, скалы и горы, имѣла основаній сдѣлаться въ глазахъ дикаря существомъ одушевленнымъ и фетишемъ. Море съ его шумомъ, бурями, при-ливомъ и отливомъ, горный потокъ, ключъ, рѣка, тихое зер-кальное озеро,—все вошло въ первобытный пантеонъ. Священные Гангъ и Нилъ несомнѣнно имѣли прежде то-же значеніе, какъ и „матушка Обь“, которой до сихъ поръ поклоняются остяки, или Нигеръ, боготворимый живущими на его берегахъ племенами, вѣрующими и въ его притоки, которые они считаютъ его же-

нами. Священные ручьи, рѣки, озера во множествѣ находятъ во всѣхъ частяхъ свѣта; имъ поклоняются, приносятъ жертвы, въ нимъ стекаются толпы пилигримовъ. И это дѣлаютъ не одни дикари: невѣжественный сибирякъ, напримѣръ, поклоняется *святому морю*, Байкалу, и страшно боится его. Еще болѣе страха и благоговѣнія внушаетъ грозный, необозримый океанъ, который у древнихъ перуанцевъ считался сильнѣйшимъ божествомъ и до сихъ поръ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ пантеонѣ дикарей, живущихъ по берегамъ его, напр., въ Дагомѣѣ. Здѣсь жрецъ океана считается высшимъ изъ всѣхъ; онъ — король фетишей въ Видахѣ, гдѣ у него 500 женъ. Въ известное время онъ выходитъ на берегъ и проситъ море не быть бурнымъ, причемъ бросаетъ въ него масло, хлѣбъ, бобы, цѣнныя ткани. Иногда король посылаетъ въ жертву морю челоуѣка на носилкахъ, въ особой одеждѣ, со стуломъ и зонтикомъ; лодка вывозитъ его въ море и тамъ бросаютъ его въ добычу грозному божеству. Животное, пожирающее все своими пламенными языками, истребительное въ своемъ гнѣвѣ, но въ то-же время дающее живительную теплоту и свѣтъ, помогающее челоуѣку готовить пищу, — огонь былъ однимъ изъ главныхъ стихійныхъ божествъ во всѣхъ первобытныхъ религіяхъ и долго удерживалъ это мѣсто даже въ обществахъ высокой культуры, въ Индустанѣ и Перу, въ Мексикѣ, Малой Азій, Египтѣ. Цивилизованные египтяне считали огонь такимъ-же животнымъ, какимъ признаютъ его до сихъ поръ многіе дикари Африки. У древнихъ персовъ огонь считался личнымъ богомъ, подателемъ всѣхъ благъ, требующимъ за это дерева, благовоній и сала. Остатки этого вѣрованія и до сихъ поръ сохраняются въ сектѣ персидскихъ огнепоклонниковъ. Хотя древнеиндійскій Агни и потерялъ въ обрядовомъ индуизмѣ позднѣйшаго времени значеніе натурального божества, однакожь, въ Индустанѣ, какъ и среди грубыхъ монгольскихъ племенъ къ сѣверу отъ Гималая и по всей Сибири, огонь не перестаетъ пользоваться божескимъ поклоненіемъ и принимать въ жертву „вино чашами и жиръ пригоршнями, какъ говорится въ одной бурятской молитвѣ“. Поскільки, миссіонеръ прошлаго вѣка въ сѣверной Америкѣ, рассказываетъ, что въ случаѣ большой опасности индѣецъ падаетъ ницъ на землю и, бросая въ огонь горсть

табаку, громко восклицаетъ: „вотъ, возьми и кури, успокойся и не дѣлай ниѣ вреда!“ Въ древней Мекикѣ, гдѣ огню оказывались величайшія почести, такъ - какъ онъ давалъ тепло, пекъ хлѣбъ и жарилъ мясо, за всякой ѣдой первый кусокъ и первое воздѣяніе бросались въ огонь. То-же дѣлаютъ до сихъ поръ всѣ шаманисты Сибири. Въ Дагомеѣ горшокъ съ огнемъ ставятъ въ комнатѣ и приносятъ ему жертвы, прося его „жить“ здѣсь, а не распространяться далѣе и не вредить дому. Огонь—божество домашнее; каждое семейство имѣетъ очагъ—постоянный алтарь для него. Но необходимость поддерживать постоянный огонь, появившаяся въ ту первобытную эпоху, когда добываніе огня было еще чрезвычайно трудно и погасаніе его было настоящимъ бѣдствіемъ для людей,—необходимость эта породила обычай поддержанія вѣчнаго, священнаго огня, общаго божества для всего племени или государства. Начиная съ дикой жизни, гдѣ священный огонь постоянно горитъ въ особомъ кочевомъ шалашѣ, какъ, напр., у многихъ индѣйскихъ племенъ, этотъ обычай переживаетъ нѣсколько фазисовъ цивилизаціи и сохраняется даже въ государствахъ высокой культуры, гдѣ онъ помѣщается въ отдѣльныхъ великолѣпныхъ храмахъ, а для поддержанія его и жертвоприношеній ему существуетъ многочисленный штатъ жрецовъ или невинныхъ дѣвъ, какъ въ Римѣ и Перу. — Бурный вѣтеръ до сихъ поръ считается у нѣмецкихъ крестьянъ прожорливымъ, голоднымъ существомъ, и они стараются ублаготворить его, бросая навстрѣчу ему горсть муки съ словами: „на, вѣтеръ, вотъ тебѣ мука для твоего дѣтища, но уймись-же ты!“ Нѣмецкій крестьянинъ въ этомъ случаѣ сохраняетъ до сихъ поръ остатки того первобытнаго поклоненія вѣтрамъ, какое встрѣчается въ религіи всѣхъ первобытныхъ народовъ. Не всѣ они, однакожъ, относятся къ вѣтру съ почтеніемъ и ублажаютъ его жертвами. Пайгуасы Южной Америки, когда вѣтеръ грозитъ опрокинуть ихъ шалаши, схватываютъ горящія головы, бѣгутъ съ ними противъ вѣтра и угрожаютъ ему ими. Другіе, чтобы утратить бурю, дѣлаютъ по воздуху удары кулаками. — Вихри и смерчи—тоже живныя, божественныя существа. Песчаные вихри, величественно передвигающіеся по пустынѣ, вѣдутся арабу демонами гигантскихъ размѣровъ. Водяные смерчи, такъ частыя у береговъ Японіи, ничто иное въ глазахъ тузем-

цевъ, какъ длиннохвостые драконы, а жители африканскихъ береговъ считаютъ ихъ большими змѣями. Громъ и молнія, дождь и градъ—такія-же животныя, какъ вѣтеръ, вода или радуга. Послѣдняя до сихъ поръ считается живымъ существомъ даже среди простонародья многихъ цивилизованныхъ народовъ. Въ первобытныхъ-же религіяхъ зооморфическое представленіе о ней гораздо рельефнѣе, чѣмъ о многихъ другихъ явленіяхъ природы. „Радуга, говорятъ бирманскіе карены, — можетъ пожирать людей... Поѣвши людей, у нея появляется жажда, и она спускается напиться, когда ее видятъ на небѣ пьющую воду. „Радуга пришла напиться воды, говорятъ при этомъ; — посмотрите, что кто-нибудь непременно умретъ жестокою или насильственною смертью“. „Радуга пьетъ, говорятъ родители играющимъ дѣтямъ — не играйте болѣе, чтобы съ вами не случилось какого-нибудь несчастія“. То-же представленіе имѣютъ зулусы, дагомейцы, крестьяне восточной Сибири и т. д.

Поклоненіе воздушнымъ явленіямъ и небеснымъ свѣтиламъ значительно расширило умственный кругозоръ первобытнаго дикаря. Было, конечно, время, когда онъ не интересовался этими предметами. когда онъ обращалъ вниманіе только на свою непосредственную, земную обстановку, только на то, что могло поддержать или погубить его жизнь, утолить его голодъ, жажду и половой инстинктъ, когда онъ, по выраженію Вайца, походилъ въ умственномъ отношеніи на животныхъ, которыя имѣютъ совершенно ясныя представленія только о немногихъ предметахъ, ближайшимъ образомъ относящихся къ ихъ насущнымъ потребностямъ и всему образу жизни, между тѣмъ какъ все остальное проходитъ передъ ними почти безслѣдно“. Свѣтъ и тепло, исходящія отъ свѣтилъ, теченіе послѣднихъ, періодическія перемѣны временъ года должны были сильнѣйшимъ образомъ возбуждать вниманіе человѣка и болѣе, чѣмъ что-нибудь другое, наводить его мысль на путь къ точнымъ знаніямъ. Чѣмъ болѣе наблюдалъ человѣкъ сводъ небесный и его отношенія къ земной жизни, тѣмъ болѣе убѣждался онъ въ зависимости послѣдней отъ перваго. Оказывалось, что важнѣйшія перемѣны, совершающіяся на землѣ, зима и лѣто, жаръ и холодъ, засуха и наводненіе, зависятъ отъ неба и сіяющихъ на немъ свѣтилъ. Луна, съ ея

страннымъ дискомъ, на которомъ большинство дикарей видитъ подобіе человѣческаго лица, съ ея переѣнами, болѣе частыми, разнообразными и замѣтными, чѣмъ переѣны солнца, съ ея таинственными и кроткими свѣтомъ, съ ея вліаніемъ на приливъ и отливъ моря и на лунатиковъ, — луна была первымъ по времени мѣриломъ времени и первымъ небеснымъ фетишемъ. Прежде, чѣмъ считать время по солнцу, люди считали его по лунѣ, и до сихъ поръ еще въ весьма многихъ языкахъ названіе *мѣсяцъ*, означающее извѣстный періодъ времени, прилагается и къ *лунѣ*. Нѣкоторыя племена, напр., жители о-вовъ Фиджи, считаютъ время даже не *днями*, относящимися къ солнечному времени-счисленію, а *ночами*. На этой ступени религіознаго развитія луна занимаетъ первое, а солнце второе мѣсто; луна въ грамматическомъ отношеніи принадлежитъ къ мужескому, а солнце къ женскому роду, какъ мы это видимъ въ мифологіи и языкахъ готтентотовъ, пайгуасовъ, греппландцевъ, литовцевъ, арабовъ, индусовъ, грековъ, римлянъ и т. д. Съ теченіемъ времени, когда роль солнца въ міровой жизни значительно выясняется, луна, блѣднѣющая или исчезающая съ небосклона при его восходѣ, неподающая ни тепла, ни холода, отодвигается на второй планъ, превращается въ женщину, въ сестру или жену солнца, которое дѣлается мужчиной, главнымъ фетишемъ и мѣриломъ времени. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ странахъ солнце никогда не возвышалось до степени главнаго божества. Геродотъ рассказываетъ, напр., о жителяхъ Африки, атлантахъ, что „они поносятъ солнце при его восходѣ позорною бранью, за то, что оно посылаетъ на землю свой жгучій зной“. Новѣйшіи путешественники, Бекеръ, свидѣтельствуетъ, что въ Африкѣ дѣйствительно восхода солнца „всегда боятся и смотрятъ на солнце, какъ на всеобщаго врага“. Естественно, что такіе фетишисты предпочитаютъ луну и радостно привѣтствуютъ появленіе на горизонтѣ этого добраго, кроткаго бога. При всемъ томъ, на большей части земной поверхности солнечный культъ одержалъ побѣду надъ луннымъ. Податель тепла, свѣта и жизни, солнце пользуется у дикарей особеннымъ уваженіемъ. Когда туземецъ сѣверной Америки, коняга, собирается на промыселъ въ море, то, вставши до разсвѣта, садится на свой шалашъ или на пригорокъ и умоляетъ

восходящее солнце о помощи въ своихъ дѣлахъ. Потоватомисы при солнечномъ восходѣ влѣзали на свои хижины и предлагали солнцу блюдо маиса. Виргинцы съ поднятыми еверху руками и взорами поклонялись ему при восходѣ и закатѣ. Когда Ковалевскій спросилъ одного негра, почему они не поклоняются никакому высшему существу, негръ отвѣчалъ: „покажи намъ кого-нибудь, кто былъ-бы лучше солнца, и мы будемъ почитать его“. Крестьянинъ въ верхнемъ Пфальцѣ до сихъ поръ снимаетъ шляпу передъ восходящимъ солнцемъ, а въ Помераніи больной лихорадкою долженъ трижды помолиться восходящему солнцу: „Милое солнце, спустись поскорѣе и возьми отъ меня 77 лихорадокъ!“ Солнечный культъ очень рано превращался у нѣкоторыхъ племенъ въ государственное учрежденіе, въ основу всего общественнаго устройства. Такъ было, напр., у начезовъ и муисковъ Америки, такъ было въ Мексикѣ и Перу, гдѣ этотъ культъ развивался вмѣстѣ съ ихъ цивилизаціей. Въ Перу солнце было просвѣтителемъ страны и родоначальникомъ ея государей, считавшихся его наѣстниками. На горахъ паслись безчисленныя стада ламъ, принадлежащія солнцу; въ долинахъ обрабатывались для него обширныя поля; по всей странѣ были разсѣяны его храмы, а въ столицѣ стоялъ главный изъ нихъ, въ которомъ ежегодно зажигался новый огонь въ солнечный праздникъ и находился золотой дискъ съ человѣческимъ лицомъ, поставленный такъ, чтобы отражать первые лучи божественнаго свѣтила при его восходѣ. Въ другихъ религіяхъ солнце не достигало такого высшаго, исключительнаго значенія, но все-таки солнечный культъ былъ всегда однимъ изъ самыхъ первыхъ элементовъ вѣры и въ Индіи, и въ Египтѣ, и въ Персіи, и въ Римѣ.

У нѣкоторыхъ народовъ, неперешедшихъ еще отъ луннаго культа къ солнечному, звѣзды занимаютъ второе мѣсто послѣ луны и предпочитаютъ дневному божеству, солнцу. Абигоны южной Америки поклонялись, такимъ образомъ, плеядамъ, которыхъ они считали своимъ праотцемъ. Индѣйцы пани считали Венеру выше и старше солнца и ежегодно приносили ей человѣческую жертву; въ послѣдній разъ, въ 1838 г., для этой цѣли была зарѣзана дѣвушка. Въ большей-же части религіи звѣзды занимаютъ мѣсто послѣ солнца и луны; онѣ считаются людьми,

сыновьями, братьями двухъ главныхъ свѣтилъ, предками своихъ поклонниковъ и т. д. Онѣ имѣютъ большое вліяніе на судьбу людей и могутъ вступать въ непосредственныя сношенія съ ними. Звѣзда, которую одинъ индѣецъ постоянно любовался съ своего дѣтства, однажды, когда онъ былъ утомленъ охотою, спустилась къ нему, говорила съ нимъ и повела его на мѣсто, обильное дичью. По мнѣнію бенгальскихъ казіевъ, звѣзды — настоящіе люди. Въ древности они взлѣзали по дереву на небо, но оставшіеся внизу ихъ товарищи подрубили дерево и они остались на небѣ. Эти первобытныя воззрѣнія дали начало астрологіи и, благодаря ей, вѣра въ одушевленность звѣздъ изъ дикой жизни переходитъ въ цивилизованную и удерживается здѣсь до позднѣйшаго времени. Оригенъ доказывалъ, что звѣзды — существа одушевленные и разумныя, такъ-какъ въ движеніи ихъ видны порядокъ и умъ, которые невозможны у предметовъ неодушевленныхъ. Даже въ настоящемъ столѣтіи извѣстный апостоль реакціи, Де-Местръ, проповѣдывалъ объ одушевленности и личной волѣ небесныхъ свѣтилъ. Эти пережившія суевѣрія не доказываютъ, однакожь, того, чтобы поклоненіе свѣтиламъ имѣло затмѣвающее вліяніе на умъ человѣческой. Напротивъ, этотъ культъ содѣйствовалъ развитію первыхъ точныхъ и научныхъ знаній, такъ-какъ стоялъ въ тѣснѣйшей связи съ астрономіей. На Каролинскихъ островахъ въ XVIII в. были публичныя школы, въ которыхъ жрецы по грубымъ небеснымъ глобусамъ преподавали астрономію. Въ Мексикѣ изъ всѣхъ научныхъ знаній были наиболѣе развиты астрономическія, равно какъ въ Вавилонѣ, Египтѣ, Индіи.

Мы уже замѣтили выше, что первобытныи умъ, неспособный къ общимъ представленіямъ, индивидуализировалъ всѣ предметы и явленія. Въ природѣ онъ одушевлялъ и боготворилъ своихъ фетишей съ той-же точки зрѣнія; каждый громъ казался ему отдѣльнымъ существомъ и каждый день въ его глазахъ катилось по небу новое солнце, а не то, которое закатилось и поггло вчера вечеромъ. По мѣрѣ умственного развитія, явленія объединялись, предметы обобщались и человѣкъ началъ поклоняться уже не индивидуальнымъ предметамъ, а цѣлымъ родамъ, хотя и въ разной степени относительно входящихъ въ ихъ составъ недѣлимыхъ; каждый громъ превратился у него въ дѣйствіе одного

и того-же существа, а безчисленные солнца, ежедневно погибающія на западѣ, сдѣлались однимъ и тѣмъ-же непобѣдимымъ, вѣчнымъ богомъ. Благодаря тому-же процессу обобщенія, безчисленные фетиши, не теряя своего личнаго значенія, располагались по родамъ и рангамъ и приводились въ родство или подчиненіе нѣсколькимъ главнымъ божествамъ. Горы, скалы, камни, разсѣянные по земной поверхности, растенія, рождаемыя и питаемыя землей, животныя, — все это оказывалось въ тѣсной зависимости отъ земли вообще, — и вотъ явилось верховное божество — *Мать-Земля* или *Земля-Всематерь*, какъ называется она въ греческой религіи. Точно тѣмъ-же путемъ дождь, громъ, радуга, роса, вѣтеръ, звѣзды, луна, солнце, не теряя своего личнаго значенія, были подведены подъ власть другого верховнаго бога, *Неба*. Всѣ второстепенные фетиши, какъ земные, такъ и небесные, составили, такъ-сказать, семейство, дворъ, слугъ, націю высшихъ владыкъ вселенной, Неба и Земли. Сначала Земля имѣла первенствующее значеніе, остатки котораго сохраняются отчасти до сихъ поръ въ вѣрованіяхъ нѣкоторыхъ племенъ. У цыганъ, напр., Небо, *Девель*, возбуждаетъ скорѣе страхъ, чѣмъ любовь; въ случаѣ несчастія они жестоко клянутъ его, а при смерти ребенка говорятъ, что Девель съѣлъ его. Но вѣчная, самобытная Земля, подательница всѣхъ благъ, такъ священна для нихъ, что они берегутся, какъ-бы чашка не прикоснулась къ ней, потому что послѣ этого прикосновенія она становится до того святою, что люди уже недостойны употреблять ея. Впослѣдствіи Земля заняла второе мѣсто и надъ нею возвысился ее божественный супругъ, синее, ясное, „плѣшивое“, высочайшее, вѣчное *Небо*, — отецъ всѣхъ вещей, „Вышній императоръ и владыко вселенной“, какъ его называютъ китайцы. Поклоненіе видимому небу или слѣды этого поклоненія мы находимъ рѣшительно у всѣхъ первобытныхъ народовъ, у туземцевъ Африки и Америки, древнихъ грековъ, римлянъ, германцевъ, славянъ, у инородцевъ Сибири и т. д. Почти у всѣхъ этихъ племенъ слово *богъ*, въ значеніи верховнаго божества, въ то-же время означаетъ и *небо*. Этотъ высшій фетишъ удерживаетъ свое мѣсто и значеніе даже въ религіяхъ высокой культуры. Божествомъ древнихъ арійцевъ было „все пространство небесъ, — само по себѣ чувствующее существованіе,

божество, къ которому взываютъ съ поднятыми руками и хваленими пѣснями“. Высшее божество китайской имперіи, всемогущее, всевѣдущее, грозное, правосудное, любящее свой народъ и проявляющее свою волю въ знаменіяхъ, есть ничто иное, какъ *Тіэнъ*, небо. Небо — производящее, сильное, мужское начало, Земля — воспринимающее, болѣе слабое, женское начало; отъ союза ихъ происходятъ всѣ существа и вещи и самъ китайскій богдханъ есть ничто иное, какъ сынъ неба. Торжественныя жертвоприношенія Небу и Землѣ совершаются самими императоромъ, его великими вассалами и мандаринами; имъ молится и кандидатъ, успѣшно выдержавшій экзаменъ, и молодежь, вступающая въ бракъ, а во время осеннихъ празднествъ весь народъ чествуетъ ихъ, сожигая благоуханія на вершинахъ горъ. То-же самое видимъ мы не только у родственныхъ съ китайцами туранскихъ племенъ, но и у всѣхъ натуральныхъ народовъ. Въ Африкѣ во главѣ боговъ стоятъ небо и земля, а за ними слѣдуютъ другіе фетиши. Передъ каждымъ важнымъ предпріятіемъ негръ дѣлаетъ имъ возліанія и говоритъ: „Творецъ Небо, иди и пей! Земля, иди и пей! Босумбра (фетишъ), иди и пей!“

Таковъ былъ первичный фетишизмъ. Люди смотрѣли на все ихъ окружающее, какъ на подобное себѣ во всѣхъ отношеніяхъ, и наши метафоры, вродѣ *ревъ бури*, *говоръ волкъ*, и т. д., выражали тогда не аналогію, а дѣйствительность. Первобытные люди, говоритъ Тайлоръ, „могли видѣть огненные языки пламени, пожиравшаго свою жертву; они могли видѣть змѣю, которая при взмахѣ меча скользила по немъ отъ рукоятки до острія; они могли чувствовать въ своей утробѣ живое существо, которое грызло ихъ во время мученій голода; они слышали голоса горныхъ карловъ, отвѣчавшихъ имъ въ видѣ эхо, и колесницу небеснаго бога, гремѣвшаго громомъ по тверди небесной“. Анализируя относительную важность всѣхъ своихъ фетишей, выясняя взаимную связь ихъ, человекъ пришелъ къ созданію стройной системы фетишизма, во главѣ которой онъ поставилъ небо и землю. Космогонія этого міросозерцанія была тоже совершенно натуралистическая. Все произошло отъ союза неба и земли. „Вначалѣ небо и земля были слиты, говоритъ японская космогонія;—никто изъ нихъ не произошелъ отъ другого.

Въ этомъ хаосѣ были сѣмена всѣхъ вещей. Чистыя и свѣтлыя частицы подыались вверхъ и образовали небо, а тяжелыя и темныя опустились внизъ и составили землю“. Остатки подобныхъ космогоническихъ понятій можно найти почти во всѣхъ религіозныхъ первобытныхъ системахъ. Но такой натурализмъ только у немногихъ народовъ могъ сохраниться въ значительной степени до позднѣйшаго времени. Очень рано въ исторіи чистой фетишизмъ началъ смѣшиваться съ отвлеченными понятіями о духахъ.

IV.

АНИМИЗМЪ.

Тайлоръ объясняетъ фетишизмъ *анимизмомъ* (отъ *anima*, душа), т. е. тѣмъ возрѣніемъ, которое приписываетъ всѣмъ предметамъ такую-же душу, какую человекъ признаетъ въ себѣ. Но первобытные люди, прежде, чѣмъ составятъ себѣ понятіе о душѣ, уже олицетворяли предметы, воображая ихъ такими-же живыми существами, какими они чувствовали себя, и только. До разсужденій о сущности, причинѣ, факторѣ этой жизни они еще не возвышались. Ребенокъ, въ глазахъ котораго палка можетъ превращаться въ лошадь, а кусокъ дерева въ человека, который съ увлеченіемъ бесѣдуетъ съ своей куклой,—воображаетъ эти предметы такими-же живыми существами, какъ и онъ самъ, но объ одушевляющемъ ихъ началѣ, о душѣ, у него, конечно, нѣтъ и не можетъ быть никакой мысли. Таковъ-же былъ характеръ міросозерцанія и первобытнаго дикаря, какъ мы уже видѣли, говоря о фетишизмѣ.

Что даетъ жизнь и движеніе живому тѣлу и что исчезаетъ изъ него при смерти? Какимъ образомъ спящій человекъ можетъ во снѣ переноситься въ самыя отдаленныя мѣстности, сражаться, охотиться, разговаривать съ другими, посѣщать людей, живущихъ вдали отъ него, между тѣмъ какъ тѣло его остается неподвижнымъ на одномъ мѣстѣ въ состояніи сна или галлюцинаціоннаго экстаза? Какъ могутъ въ этихъ состояніяхъ являться ему лица, давно умершія или живущія такъ далеко, что не имѣ-

ють физической возможности скоро придти къ нему? Такіе вопросы естественно возникали въ первобытномъ умѣ, который, не имѣя никакихъ физиологическихъ знаній, необходимо приходилъ къ той гипотезѣ, что въ человѣкѣ есть начало, отдѣльное и отличное отъ тѣла, душа, которая уходитъ изъ тѣла во время сна, обморока, катаlepsis, когда человѣкъ бываетъ *enъ себя*. Всѣ дикари считаютъ сны дѣйствительностью и любятъ рассказывать, какъ они ночью охотились, съ кѣмъ видѣлись и т. д. Деянъ думаетъ, что если европеецъ видитъ во снѣ свою родину, то душа его посѣщаетъ Европу на короткое время. Обморокъ и летаргія происходятъ оттого, что душа оставляетъ тѣло и отправляется странствовать. На этомъ вѣрованіи основано извѣстное убѣжденіе, что не слѣдуетъ будить спящаго человѣка, чтобы не повредить ему въ отсутствіе души. Человѣкъ видитъ свое изображеніе, когда онъ, напр., ложится на берегу рѣки, ручья или озера, чтобы, принявъ къ водѣ, утолить свою жажду. Онъ видитъ въ водѣ человеческое лицо, и другіе удостовѣряютъ его, что это изображеніе—точь-въ-точь онъ самъ. Онъ идетъ по берегу, и его изображеніе слѣдуетъ за нимъ; онъ останавливается, останавливается и оно. Сколько-бы разъ онъ ни смотрѣлся въ воду, ему всегда показывается одна и та-же фигура. Смотрятся въ воду другіе, и онъ видитъ, что въ водѣ появляются при этомъ ихъ двойники. Свое изображеніе человѣкъ видитъ не всегда, но только при извѣстныхъ условіяхъ; гдѣ-же оно, когда человѣкъ не видитъ его? Не въ немъ-ли самомъ оно пошѣщается въ этомъ случаѣ? Оно появляется отдѣльно отъ человѣка, но, несмотря на эту отдѣльность, оно все-таки находится въ самой тѣсной связи съ тѣломъ: оно такъ похоже на послѣднее, такъ точно повторяетъ всѣ его движенія и перемѣны. Не есть-ли оно *другое тѣло*, которое живетъ въ этомъ осязаемомъ тѣлѣ, животворитъ его и по временамъ выходитъ изъ него? На островахъ Фиджи, дѣйствительно, считаютъ отраженіе человѣка на гладкой поверхности одною изъ его душъ. Одинъ фиджіанецъ, посмотрѣвшійся въ первый разъ въ зеркало, съ благоговѣніемъ воскликнулъ: „теперь я могу смотрѣть въ міръ духовъ!“ Изъ этого-же первобытнаго вѣрованія вытекло и то отвращеніе къ снятію портретовъ, которое мы видимъ не только въ дикой жизни, но даже и у культурныхъ

народовъ въ формѣ пережившаго предрасудка *). Тѣнь чело-
вѣка также считается его душою или жизненнымъ началомъ на
островахъ Фиджи, у индѣйцевъ Сѣверной Америки, у туземцевъ
Бенина и т. д. Какъ всякое изображеніе, тѣнь казалась перво-
бытному челоѣку его двойникомъ, животворящимъ тѣло, и это воз-
зрѣніе подтверждалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что души умер-
шихъ и живыхъ людей являются спящему или духовидцу въ
видѣ *тѣни*. Слѣды этого первобытнаго понятія до сихъ поръ
сохраняются въ языкѣ, отождествляющемъ слова *тѣнь, привидѣ-
ніе (тѣни предковъ и т. д.)*. Тасманійцы, алгокинскіе ин-
дѣйцы зулусы называютъ тѣнь и душу однимъ и тѣмъ-же сло-
вомъ; на языкѣ араваковъ и квике одно слово служить для
выраженія понятій *тѣнь, изображеніе, душа*. Басутосы тоже
называютъ душу тѣнью и думаютъ, что когда челоѣкъ ходитъ
по берегу рѣки, то крокодилъ можетъ поймать его тѣнь и
такимъ образомъ втянуть его самого въ воду. Кромѣ образа и
тѣни, въ составъ первобытнаго представленія о душѣ входятъ
еще нѣкоторыя проявленія жизни челоѣческаго организма. Одинъ
изъ самыхъ замѣтныхъ признаковъ жизни, бѣненіе сердца, наво-
дитъ на мысль, что душа въ сердцѣ. Басутосы, напр., гово-
рятъ про умершаго челоѣка, что „его сердце ушло“, а про
выздоровливающаго отъ тяжелой болѣзни— „его сердце возврати-
лось“. Другой существенный признакъ жизни, дыханіе, еще ча-
ще отождествлялся съ душою. Глухонѣмая Лаура Бриджментъ,
стоявшая по степени своего умственнаго развитія нисколько не
выше самаго первичнаго дикаря, рассказывала однажды посред-
ствомъ знаковъ: „мнѣ снилось, будто Богъ взялъ мое дыханіе
на небо“. Нѣкоторые гренландцы признаютъ у челоѣка двѣ ду-
ши—тѣнь и дыханіе. Въ языкахъ западныхъ австралійцевъ, ту-
земцевъ Калифорніи, малайцевъ, по-еврейски, по-санскритски, по-
гречески, по-латини, по-славянски слова *духъ, душа и дыханіе*—
или синонимы, или происходятъ отъ одного корня. Смерть по
этому воззрѣнію состоитъ въ выходѣ души ртомъ, въ испуска-
ніи послѣдняго вздоха. Поэтому-то при одрѣ умирающаго рим-

*) Въ 1873 г. въ Бобровѣ воронежской губерніи нѣкій купецъ выражалъ мнѣ
серьезное сомнѣніе, не потребуетъ-ли отъ него на страшномъ судѣ души его
фотографическая карточка, которую онъ снялъ по настоянію родныхъ!..

лянина надъ лицомъ его наклонялся ближайшій родственникъ, чтобы вдохнуть въ себя его душу, а у семиноловъ Флориды съ той-же цѣлью подносили ребенка ко рту его умирающей матери. Отожествляя душу съ тѣнью, дыханіемъ, пульсаціей крови и т. д., первобытныи челоуѣкъ не сразу могъ дать своему представленію о душѣ ту ясную и цѣлостную форму, въ какой оно перешло въ міросозерцаніе позднѣйшей культуры. Душа—причина жизни. Въ состояніи сна и экстаза душа покидаетъ тѣло и странствуетъ, но тѣло все-таки живетъ, дышетъ, не холодѣетъ; въ немъ бьется сердце. Отсюда многіе дикари заключаютъ, что у челоуѣка двѣ души, изъ которыхъ одна во снѣ странствуетъ, а другая остается въ тѣлѣ. Душа въ видѣ тѣни тоже оставляетъ тѣло, но послѣднее, несмотря на это, живетъ, чувствуетъ, движется; и вотъ, по воззрѣнію гренландцевъ и нѣкоторыхъ другихъ дикарей, у челоуѣка являются двѣ души—тѣнь и дыханіе. Туземцы Фиджи различаютъ свѣтлую душу, отображеніе челоуѣка въ водѣ или зеркалѣ, и темную душу—его тѣнь. Нѣкоторыя племена, напр., конды и карены, считаютъ четыре души; каранбы вѣрятъ въ нѣсколько душъ, изъ которыхъ одна помещается въ сердцѣ, а другія въ различныхъ артеріяхъ. Идея многодушія переходитъ нерѣдко изъ первобытнаго міросозерцанія даже въ высшую культуру, напр. въ римскую и китайскую *), но все-таки уже въ самыя первыя эпохи развитія міросозерцанія, по мѣрѣ накопленія наблюденій и знаній, умъ челоуѣческій стремится подвести эти понятія къ одному знаменателю. Долго, впрочемъ, идея души остается крайне неясною, соединяя въ себѣ понятія изображенія, тѣни, сердца, дыханія, которыя перестаютъ считаться отдѣльными душами и взаимно перепутываются въ представленіи объ одной душѣ. Изъ разспросовъ, сдѣланныхъ въ XVI в. туземцамъ Никарагвы, оказывается, что „когда люди умираютъ, изъ ихъ рта выходитъ нѣчто, *похожее на челоуѣка*, и отправляется къ мѣсту, гдѣ мужчины и женщины“. Вопросъ: „Сохраняютъ-ли отходяціе туда то-же тѣло, то-же лицо, тѣ-же

*) Римляне различали въ челоуѣкѣ тѣло, тѣнь, душу и духъ; понятія *animus* и *anima*, душа и духъ, до сихъ поръ еще можно встрѣтить въ психологическихъ книгахъ.

члены, какъ и здѣсь, на землѣ?“ Отвѣтъ: „нѣтъ, туда идетъ только *сердце*“. Вопросъ: „Но когда у человѣка вырѣзываютъ сердце при жертвоприношеніи плѣнныхъ, что тогда случается?“ Отвѣтъ: „Уходитъ не самое сердце, но то, что даетъ людямъ жизнь,—*дыханіе*“. При дальнѣйшемъ развитіи представленій о душѣ, одни народы представляютъ ее себѣ бѣлымъ облачкомъ, другіе бабочкой, третьи ароматомъ цвѣтка, но даже и въ менѣе матеріальныхъ представленіяхъ первобытнаго міросозерцанія мы не находимъ никакихъ слѣдовъ идеи духовности. По первобытному возрѣнію, душа, отдѣлившаяся отъ тѣла, сохраняетъ всѣ существенныя свойства послѣдняго. Ее можно поймать, ушибить, даже умертвить; она чувствуетъ голодъ и жажду, ѣсть и пить, имѣетъ голосъ и т. д.

Составивъ себѣ такое понятіе о своей душѣ, первобытный человѣкъ неизбежно долженъ былъ распространить его не только на животныхъ, но и на растенія и на другіе неодушевленные предметы. Онъ считалъ ихъ живыми существами и естественно предполагалъ въ нихъ то-же начало жизни, какое находилъ въ себѣ. Они, подобно человѣку, даютъ свою *тѣнь* и *отображеніе* на гладкой поверхности; они являются во снѣ, и человѣкъ въ этомъ состояніи видитъ свой сгорѣвшій шалаашъ, свою разбитую посуду, свою издохшую собаку такъ-же хорошо, какъ и своего умершаго отца; не ясное-ли дѣло, что всѣ они имѣютъ душу, переживающую ихъ тѣлесную форму? Даяки приписываютъ душу даже рису и совершаютъ особыя торжества, чтобы удержать ее у себя, т. е. получить хорошій урожай. Карены держатся того-же мнѣнія и призываютъ обратно душу плохо растущаго риса, какъ это дѣлается и съ человѣческимъ духомъ, покидающимъ тѣло при болѣзни. „О, приди душа риса, поютъ они,—вернись на поле, вернись къ рису! О, душа риса, вернись къ рису!“ Отаитяне во времена Кука „вѣрили, что не только всѣ другія животныя, но даже деревья, плоды, камни имѣютъ свои души, которыя при смерти или разрушеніи этихъ предметовъ возносятся къ богамъ“ для употребленія обитателями міра духовъ. Тонганцы также думали, что если камень, топоръ или другой предметъ разбиты, то ихъ внутреннее начало, имѣющее ту-же форму, то-же значеніе и тотъ-же составъ, только болѣе утон-

ченныѣ свойства возносятся въ божественныя мѣста, въ которыхъ живутъ души людей, пасутся души животныѣ, стоятъ души хижинѣ, сгорѣвшихъ или разрушенныхъ на землѣ. Таковъ былъ первичный анимизмъ, не только преобразовавшій предшествующее ему чисто-фетишское міросозерцаніе, но перешедшій даже въ философію цивилизованныхъ народовъ. Теорія о предметныхъ душахъ, имѣющихъ утонченную форму и свойство самихъ предметовъ, ясно замѣтна въ философіи Демокрита, учившаго, что всѣ предметы испускаютъ изъ себя образы, которые входятъ въ душу и воспринимаются ею. Лукреціей выработана настоящая теорія призрачныхъ образцовъ предметовъ и объяснялъ ею какъ сновидѣнія, такъ и образы, являющіеся человѣку при мышленіи. Ньютонъ полагалъ, что „чувствительное животнаго есть то мѣсто, въ которомъ находится чувствующая субстанція и къ которому приносятся мозгомъ и нервами *чувственные виды* предметовъ, чтобы они могли быть сознаваемы обитающимъ здѣсь умомъ“. Понятіе *идея* (сѣкъ, видимая форма) въ старинной метафизикѣ имѣло также значеніе, родственное съ первобытнымъ анимизмомъ, такъ-какъ идея считалась реальнымъ образомъ.

С. Шанковъ.

(Продолженіе будетъ.)

ВЪ ПОТЕРЯННОМЪ РАЮ.

. . . . .
Уже впервые дымной мглою
Подернуть былъ Едемскій садъ,
Уже пожёлкнувшей листвою
Усыянь сивій былъ Ефратъ,

Ужь райская не пѣла птица—
Надъ ней орелъ шумѣлъ крыломъ,
И тяжело рычала львица,
Въ пещеру загнанная львомъ.

И озиралъ злой духъ съ презрѣньемъ
Добычу смерти—пышный мѣръ,
И мыслилъ: смертнымъ поколѣньямъ
Отнынѣ буду я кумиръ.

И вдругъ, онъ видитъ, въ райской сѣни,
Уязвлена, омрачена,
Идетъ, подобно скорбной тѣни,
Имъ соблазненная жена.

Неволью прядью косъ волнистыхъ
Она слегка прикрыла грудь,
Уже для помысловъ нечистыхъ
Пролѣгъ ей въ душу знойный путь.

И ей десницу простирая,
Встаетъ злой духъ,—онъ вновь готовъ,
Ей сладкой лестью слухъ лаская,
Пѣть о блаженствѣ грѣшныхъ сновъ.

Но что уста его сковало?
Зачѣмъ онъ пятится назадъ!?
Чѣмъ эта жертва испугала
Того, кому не страшень адъ?

Онъ ждалъ слезы, улыбки рая,
Моленій, робкаго стыда...
И что-жь въ очахъ у ней?—такая
Непримиримая вражда,

Такая мощь души безъ страха,
Такая ненависть, какой
Не ждалъ онъ отъ земнаго праха
Съ его минутной красотой.

Грозы божественной сверканье —
Тѣхъ молній, что его съ небесъ
Низвергли—не безъ содроганья
Въ ея очахъ увидѣлъ бѣсъ,

И въ мглу сокрылся привидѣньемъ,
Холоднымъ облакомъ осѣлъ,
Змѣей въ траву проползъ съ шипѣньемъ,
Въ деревьяхъ бурей прошумѣлъ.

Но сила праведнаго гнѣва
Земнаго рая не спасла,
И канула слеза у древа
Познанія добра и зла...

Я. П. Полонскій.

ЧЕРНОЗЕМНЫЯ ПОЛЯ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IV.

НАДЯ И БАРОНЕСА МЕЙЕНЪ.

Немудрено, что на Ольгу Александровну произвело такое бодрящее вліяніе появленіе Нади въ ея домѣ. Въ ея жизни явилась цѣль, явилось постоянное, обязательное дѣло; оно было необходимо, если не ей самой, то другому существу, о которомъ стоило позаботиться. Тайнственность внезапнаго обращенія Нади къ рисованію придавала занятіямъ съ нею баронесы особенно заманчивый характеръ. Баронеса не желала ничего добиваться, но чуяла общій смыслъ Надиной выдумки, и тѣмъ тѣнлѣе сочувствовала ей. Близость къ Надѣ Суровцова была вообще не тайной для сосѣдей, и естественно, что она невольно прежде всего приходила въ голову баронесы. Надя дѣлала поразительные успѣхи. Ея смѣлая ручка, вдохновенная юношескою рѣшимостью одолѣть всѣ препятствія, набрасывала такія легкія и вѣрныя очертанія, которыя положительно изумляли баронесу.

— Да вы, моя душечка, настоящій артистъ; vous avez manqué à votre vocation, говорила она съ радостной улыбкой, разсматривая первыя работы Нади. — Вы схватываете такъ мѣтко характеры предметовъ... Vraiment, vous avez l'étoffe d'un ex-

celent portraitiste... Цвѣты—это вздоръ для васъ. Вамъ скоро нужно будетъ что-нибудь посерьезнѣе.

Надю безконечно восхищали эти похвалы, которымъ она вѣрила всю душою; она съ радостнымъ, немного сконфуженнымъ смѣхомъ обнимала баронесу и долго шаловливо цѣловала ее въ то глубокое и горячее мѣстечко ея лебединой шеи, подъ величественно-округленнымъ подбородкомъ, которое Надя особенно любила цѣловать у дѣтей. Съ каждымъ днемъ росла настойчивость Нади. Даже Трофимъ Ивановичъ сталъ ворчать, что она цѣлые дни проводитъ у Мейеновъ и что она, вѣрно, давно надоѣла имъ. Сестры просто обижались на нее. Баронъ иногда приходилъ въ кабинетъ жены, гдѣ работали неутомимыя рисовальщицы, и съ улыбкой недовѣрчиваго изумленія слѣдилъ за упорнымъ трудомъ этого хорошенькаго, цвѣтущаго ребенка, глазки котораго глядѣли такъ серьезно. Скоро это сдѣлалось его любимымъ препровожденіемъ времени. Онъ сталъ приносить съ собою книги, которыя пробовалъ читать отрывками работающимъ дамамъ. Но такъ-какъ онъ началъ съ Алана Кардека и съ „Revue spirite“, то Надя очень скоро удовлетворилась сообщенными свѣденіями о сеансахъ нью-йоркскихъ спиритовъ и о бесѣдахъ многоглаголиваго Кардека въ стихахъ и прозѣ съ Александрями Македонскими, Шекспирами и Наполеонами. Чувствуя, что эта раздражительная чепуха только засорить ея голову ни къ чему непригодными бреднями и собьетъ съ толку ея неокрѣпшую мысль, Надя съ большою безцеремонностью попросила барона читать что-нибудь болѣе ей понятное. Послѣ спиритизма баронъ Мейенъ болѣе всего любилъ пропагандировать Токвиля, но шишовская публика, начиная отъ предводителя Каншина до становаго Луки Потапыча, не представляла ровно никакихъ удобствъ для такой пропаганды, такъ-какъ она самымъ искреннимъ образомъ одинаково не желала вѣдать ни „L'ancien regime“, ни „La revolution“ и интересовалась швейцарскою демократіею такъ-же мало, какъ и американскою. Баронъ считалъ весьма счастливымъ случаемъ, что онъ теперь не только могъ сообщать своей слушательницѣ подлинныя идеи Токвиля, но еще въ некоторомъ образомъ былъ обязанъ принять на себя роль профессора политическихъ наукъ по поводу выбранной имъ „Democratie en Amerique“ и разъяснить глупенькой Надѣ, оказавшейся „d'une crasse ignogance“ въ самыхъ основныхъ во-

просахъ государственнаго устройства, азбучныя истины политической жизни народовъ. Надя, съ своей стороны, была этимъ очень довольна, потому что баронъ зналъ свой предметъ хорошо и привыкъ его толковать, такъ что чтеніе такого капитальнаго сочиненія съ популярными, живыми комментаріями освѣтило ей совершенно новый міръ идей и явленій, крайне заинтересовавшихъ Надю и оставившихъ въ ея памяти очень точное представленіе о немъ. Все это вмѣстѣ придавало домашнему быту баронесы то дѣловое содержаніе и смыслъ, о которыхъ она часто тосковала. Нѣкоторая запутанность въ дѣлахъ барона заставляла его на всю зиму остаться въ деревнѣ. Петербургская жизнь оказалась не по силамъ ихъ состоянію, а жизни въ губернскомъ городѣ баронеса предпочитала самую скучную деревенскую жизнь. Обученіе Нади являлось тутъ чистымъ спасеніемъ въ глазахъ баронесы. Вся потребность заботъ и материнской ласки, свойственная женщинѣ, проснулась теперь въ баронесѣ. Она сама никогда не предполагала, что была способна на такое увлеченіе, что въ ней сохранилось еще столько молодости. Она думала о Надѣ даже и тогда, когда Нади не было съ нею; при всей свѣтской выдержанности своего терпѣнья, она не совсѣмъ спокойно считала часы, которые оставались послѣ ея ранняго завтрака до пріѣзда милой дѣвушки, оживлявшей весь ея домъ. Надя скоро сроднилась душою съ баронесою. Она вѣрила своему влеченію и поддавалась ему беззавѣтно. Она никогда не знала ласки матери, никогда не испытывала нѣжнаго покровительства доброй, сочувствующей женщины, богатой знаніями и опытомъ. Въ ней тоже заговорила новая потребность, которой не могла вызвать дружба сестеръ. Она съ радостнымъ замираніемъ сердца нашла теперь материнскую грудь, съ которой могла подѣлить всѣ свои потаенныя надежды, сомнѣнія, желанія. Надя понемногу, безъ намѣренія, безъ яснаго сознанія, рассказала баронесѣ свою тайну. Казалось, она сказала сама собою, безъ участія Нади. Эту тайну вынуло изъ ея сердца другое доброе сердце, къ нему съ любовью прикоснувшееся. Баронеса сейчасъ-же оказалась не только посаженою матерью, но и крестною матерью перваго сына Нади, который, конечно, будетъ названъ Анатолиемъ. Что у нея непремѣнно будетъ сынъ, а не дочь, Надя была увѣрена до запальчивости, и кто-бы сталъ спорить съ нею, глубоко-бы обидѣлъ ее. Она даже почти видѣла его маленькую

мордочку, лобатую, съ глазенками какъ угли, съ темнымъ кудравнымъ пухомъ... Она сообщила баронесѣ эти пророческія подробности въ упоеніи материнскаго восторга. Она перечислила ей всѣ рубашечки, кофточки, распашоночки и одѣяльца, которыя она сдѣлаетъ своему черномазенькому Тонюшкѣ, и описывала при этомъ не только фасонъ ихъ, но и цвѣтъ и даже цвѣтъ ленточекъ, которыми она собственноручно обошьетъ все крошечное приданое своего мальчуганчика. Баронеса совершенно ожила въ свѣжихъ струяхъ молодой, ключемъ бьющей жизни. Всѣ интересы Нади стали ея интересами. Исторія съ уроками рисованья теперь наполняла ее трогательнымъ умиленіемъ. Она наслаждалась созерцаніемъ этого прекраснаго существа во всей непорочной чистотѣ невѣденыя, во всемъ юношескомъ огнѣ надеждъ, во всей роскошной весенней силѣ, запросившей выхода... Прѣжнее ея безотчетное чувство симпатіи къ хорошенькому, наивному ребенку замѣнилось теперь глубокою любовью къ Надѣ и горячимъ желаніемъ стать ей на помощь въ ея жизни во всей серьезности слова.

— У меня нѣтъ дочери, Надя, вы мнѣ позволите любить васъ, какъ свою дочь, говорила Надѣ баронеса своимъ пѣвучимъ, ласкающимъ голосомъ.

И у Нади глаза наполнялись слезами счастья, и она опять душила баронесу своими поцѣлуями подъ шейку, ежась къ ней и мѣжась и тая жаркими улыбками сквозь надвинувшееся слезное облачко... За то ужъ чего не говорила Надя баронесѣ! Заставляла ее участвовать въ судьбѣ бѣленькаго теленка отъ ея любимой „Купчихи“, описала ей подробную біографію Митьки, сына своей кормилицы, котораго Надя начала учить читать, рассказывала всю подноготную о пьяницѣ Кузьмѣ, который не кормитъ семью и колотитъ жену; а объ Анатоліѣ своемъ Надя рассказывала такъ много и все такое удивительно-хорошее, что баронеса утѣшалась безконечно.

— Ну, сhère amie, говорила она шутливо, — вы напрасно рассказали мнѣ столько хорошаго объ Анатоліѣ Николаевичѣ. Какъ бы ни былъ онъ дѣйствительно хорошъ, все-таки я имъ буду недовольна послѣ вашихъ описаній... Право, я никогда не замѣчала въ васъ такого краснорѣчія... Вы всегда, моя душечка, такъ скромны на похвалы...

— Да, но Анатолій, Ольга Александровна, вы не можете себѣ

представить, что это за человекъ, съ увлеченіемъ увѣряла Надя. — Ахъ, если-бы вы его узнали поближе, вы-бы его полюбили, какъ сына. Вы думаете, онъ похожъ на здѣшнихъ нашихъ, шишовскихъ?.. О, онъ совсѣмъ особенный человекъ!.. Ему-бы нужно жить въ самой образованной странѣ, среди самыхъ лучшихъ людей.. Какъ онъ ученъ, если-бы вы знали!.. А какой добрый!.. У него нѣтъ никогда ни одной дурной мысли... Все, что говоритъ онъ, такъ умно, такъ нужно всѣмъ. Если-бы люди слушались его, весь міръ сталъ-бы лучше. Правда, я говорю серьезно и нисколько не преувеличиваю, Ольга Александровна.

— Знаю, знаю, моя душечка; я вамъ вполне вѣрю и радуюсь за васъ, съ сочувственной улыбкой поддерживала баронеса.

— Да вы, можетъ быть, шутите, потому что вы не знаете Анатоля, — а я ей-богу правду говорю, подозрительно настаивала Надя.

Больше всего поражало въ Надѣ баронесу горячее участіе ея къ людямъ и ихъ нуждѣ. Она никогда не видала въ молодыхъ дѣвушкахъ свѣтскаго круга, гдѣ жила до сихъ поръ, такого безкорыстнаго и самоотверженнаго настроенія духа. Хорошенькія, молоденькія созданья обыкновенно бываютъ такъ-же наивно и глубоко эгоистичны и такъ-же граціозны въ своемъ эгоизмѣ, какъ хорошенькіе котята, которые съ одушевленнымъ огнемъ въ глазахъ, съ мягкими, изящными движеніями, въ упоеніи веселой игры замучиваютъ до смерти бѣднаго мышенка... Серьезность Надиныхъ помысловъ, кипѣвшій внутри ея драгоценный ключъ дѣятельной любви ко всему, что требовало этой любви, стали глубокимъ укоромъ передъ совѣстью баронесы. Она чувствовала, что судьба дала ей больше силъ, чѣмъ Надѣ, и что съ нея вправѣ больше требовать. Въ рукахъ ея было образованье, общественное положеніе, матеріальныя средства, умъ, укрѣпленный опытомъ... У Нади всего было такъ мало. И, однако, баронеса думала только о себѣ, Надя — только о другихъ.

Этотъ полудикій деревенскій ребенокъ указывалъ ей, зрѣлой и просвѣщенной женщинѣ большого свѣта, истинный смыслъ существованія; баронеса учила Надю рисовать цвѣты, Надя учила ее, безъ уроковъ, безъ разговоровъ, безъ всякаго намѣренія, тому, что долженъ дѣлать человекъ, чтобы не убить въ себѣ человека. Вглядѣвшись пристально въ энергическій, чистый образъ Нади,

полный жажды добра, баронеса не могла не признать его нравственного превосходства надъ собою. Совѣсть и сознаніе баронесы были гораздо сильнѣе ея привычекъ, и она не любила щадить себя передъ судомъ своего собственнаго анализа. По естественному скромному чувству всѣхъ совѣстливыхъ людей, баронеса представляла себѣ нравственную высоту Нади даже въ нѣсколько преувеличенномъ, идеальномъ свѣтѣ. Ея мысль, никогда серьезно не прикасавшаяся къ вопросамъ общественной пользы, къ нравственной оцѣнкѣ человѣческихъ поступковъ съ возвышенной и строгой точки зрѣнія общечеловѣческихъ интересовъ, страстно ухватила теперь за образъ Нади, какъ за живой, вдохновляющій источникъ собственнаго ея нравственнаго возрожденія; въ глубинѣ своего сердца она съ наслажденіемъ признавала своимъ духовнымъ вождемъ этого искренняго ребенка, прекраснаго какъ ангель. „Она будетъ моею Беатриче, моею путеводною звѣздою на пути добра, говорила баронеса сама себѣ.—Въ ней живетъ добро, и оно влечетъ къ ней, какъ магнитъ... Она сама не знаетъ своей привлекающей силы...“ Жгучее желаніе измѣнить себя, создать себѣ нравственные цѣли и предаться имъ, не на шутку возгорѣлось въ душѣ баронесы. Она ждала отъ этого новаго призванья воскресенія своей молодости, пробужденія всѣхъ своихъ силъ, давно задремавшихъ въ бездѣйствіи... Перевѣздъ ея въ деревню казался ей теперь указаніемъ самой судьбы. Здѣсь, гдѣ такъ мало людей и гдѣ такъ нужны люди, она можетъ сдѣлать многое. Она направитъ къ тѣмъ-же цѣлямъ своего мужа, томящагося въ постыдномъ бездѣльи. Они еще очень богаты. Если ихъ состояніе оказывалось недостаточнымъ для широкихъ затѣй столичной жизни, то оно будетъ вполне достаточно для скромной и трудовой жизни въ деревнѣ, для нѣкоторыхъ добрыхъ дѣлъ, которыя она задумывала. Ей еще нѣтъ сорока лѣтъ и время не ушло. Для нея больше не существуютъ соблазны свѣта. Она извѣдала ихъ и отрывается отъ нихъ навсегда. Она ищетъ теперь жизни, глубокихъ и теплыхъ ощущеній, серьезнаго дѣла, которое-бы наполняло ея жизнь; исполняя его, она-бы могла посмотрѣть на себя съ уваженіемъ; теперь она презираетъ себя, какъ ненужную, какъ безсилную. Она имѣла до сихъ поръ всѣ вышнія условія счастья, но никогда не была счастлива. Теперь на ея глазахъ стоитъ ликующая пара счастливицевъ, лишенныхъ почти всѣхъ этихъ условій.

Они веселы, они вѣрятъ въ себя, въ будущее, въ человѣчество. Ихъ жизнь полна и прекрасна, какъ весенній день, потому что у нихъ одно богатство, одинъ настоящій ключъ къ счастію: они любятъ не однихъ себя, но и своихъ братьевъ. Таковы были чувства баронесы, когда она, не давая Надѣ подозрѣвать о нихъ ни однимъ намекомъ, ласкала ее нѣжною материнскою ласкою и съ терпѣніемъ поправляла неопытные удары ея кисти. Можетъ быть, во времена апостоловъ что-нибудь подобное чувствовали роскошныя свѣтскія женщины грековъ и римлянъ, когда къ праздному и безцѣльному изяществу ихъ жизни прикасался горячій огонь простыхъ, но глубокихъ сердецъ, разносившихъ проповѣдь христіанства.

Уже на второй мѣсяцъ этихъ постоянныхъ, длинныхъ и непрерывавшихся уроковъ Надя довольно свободно набрасывала красками всѣ растенія и цвѣта, которыми могла снабдить ее оранжерея баронесы, но она не удовлетворялась этимъ и работала все дальше и дальше, чтобы къ концу года достигнуть того изящества рисунка и той мѣткости въ подражаніи природѣ, которыя ее восхищали въ картинахъ баронесы и которыя казались Надѣ совершенно необходимыми. И баронеса общалась ей полный успѣхъ и горячо поддерживала ее въ этомъ намѣреніи.

V.

Работа Суровцова.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Суровцовъ отдался своей новой дѣятельности. Хозяйство его было направлено довольно хорошо и позволяло ему, особенно въ зимнюю половину года, поработать земству. Эта работа увлекала его, потому что она не выбивала его изъ излюбленной среды деревенскаго быта. Въ уѣздѣ, гдѣ, среди стотысячнаго повальнаго мужицкаго населенія, стоитъ городишко съ двумя тысячами мѣщанъ, полупахарей, полупрасоловъ,—почти незамѣтна примѣсь городского интереса къ интересу деревенскому. Суровцовъ былъ чловѣкъ добрый и имѣлъ то жгучее чувство обязанности, которымъ было особенно скудно окружавшее его общество; его стремилъ на помощь къ тому, кто дѣйствительно нуждался, чей жребій былъ дѣйствительно тяжелъ

до ужаса. Ни интересъ къ наукѣ, ни самая увлекательная дѣятельность въ высшихъ областяхъ жизни не могли теперь побѣдить въ немъ страстно пробудившагося влеченія стать на помощь мужику въ самой непосредственной близости. Во время своей хозяйственной дѣятельности онъ хорошо узналъ мужика, его труды, его горе, его безпомощность. Узнавъ, онъ не могъ имѣть выбора. Этимъ рѣшеніемъ опредѣлился весь путь Суровцова. Онъ изучилъ земскій бюджетъ, потребности и обязанности земства — и пришелъ въ глубокое негодование. Деньги брали на большія дороги, по которымъ должны были кое-когда ѣздить изъ губерніи въ губернію на почтовыхъ лошадяхъ тѣ самые чиновники, которыхъ жалованье называлось бюджетомъ земства. Брали деньги и на больницу, но пускали лечиться въ ней даромъ не мужика, а опять таки людъ, получавшій жалованье. Мужикъ естественно признавался источникомъ народнаго богатства и непосредственнымъ его хозяиномъ, значитъ, онъ долженъ былъ платить за то, что ложился больнои въ свою больницу.

Не вполне забыто было и „народное образованіе“: нѣсколько тысячъ рублей шишовскими грошами отсчитывалось въ пособіе гимназіямъ, мужской и женской, въ которыхъ обучались барчуки и барышни губернскаго города Крутогорска, но въ которыя, впрочемъ, могли безпрепятственно поступить всѣ безъ исключенія деревенскіе мальчишки и дѣвчонки шишовскаго уѣзда, если-бы они удовлетворяли нѣкоторымъ требованіямъ, именно если-бы въ шишовскихъ деревняхъ были школы, гдѣ деревенская дѣтвора могла научиться русской грамотѣ; если-бы шишовскіе Кирюхи и Авдюхи могли одѣть своихъ Дѣмокъ и Сѣмокъ въ такіе-же хорошенькіе мундирчики съ серебряными лаврами, а Матренокъ и Аленокъ въ такія-же платьица и пелериночки, въ какихъ ходили воспитанники и воспитанницы крутогорскихъ гимназій, и содержать ихъ на квартирахъ въ губернскомъ городѣ. Но такъ какъ Кирюха съ Авдюхой не могли ни того, ни другого и такъ-какъ, кромѣ того, весь шишовскій деревенскій людъ огуломъ не питалъ даже и отдаленнаго подозрѣнія о своихъ правахъ на гимназіи Крутогорска, то и вышло, что напрасно брали съ Кирюхи и Авдюхи ихъ скудные гроши; въ концѣ - концовъ выходило, что самому шишовцу предоставлено было только около десятка сельскихъ училищъ, учителямъ которыхъ земство назначило по 120 рублей въ годъ. Но

и отъ этихъ училищъ оказывалось мало проку: зимою мужики не хотѣли топить училищъ, хотя и посылали въ нихъ своихъ дѣтей, а лѣтомъ, наоборотъ, хотя училища и не нуждались въ топливѣ, но за то мужики нуждались въ ребятишкахъ для пастьбы скота, и потому гоняли ихъ не въ школу, а на парену.

Суровцовъ скоро сообразилъ размѣры своихъ правъ и убѣдился въ ихъ крайней тѣснотѣ. Но и при этой органической связанности своихъ дѣйствій онъ надѣялся нѣсколько поправить прискорбное положеніе земскихъ дѣлъ. Онъ устремилъ всѣ силы на то, чтобы не дать разрастаться графамъ обязательныхъ расходовъ, независимыхъ отъ воли земства и невозвращаемыхъ мѣстному населенію въ видѣ какой нибудь прямой или косвенной выгоды; онъ пользовался каждымъ представлявшимся случаемъ, чтобы сбросить съ плечъ населенія хотя самую маленькую долю тягла, невызываемаго дѣйствительными нуждами мѣстности. Суровцову хотѣлось сосредоточить затраты земства на образованіи „народномъ“ не по одному имени.. Не только завести школы вездѣ, гдѣ можно, но и „доставить“ ихъ до пути, обезпечить имъ необходимыя удобства, и привлечь порядочныхъ учителей—вотъ была главная земская задача Суровцова. Онъ зналъ, что болѣе тѣсное вмѣшательство въ бытъ жителей невозможно ни по существу дѣла, ни по праву. Создать въ деревнѣ хорошую и прочную школу,—лучшей послуги своему земству Суровцовъ не видѣлъ. Въ его глазахъ это былъ единственный могучій рычагъ для начатія серьезной борьбы противъ многолѣтняго зла, придавившаго бѣднаго деревенскаго труженика. Конечно, Суровцовъ не обольщалъ себя розовыми надеждами; онъ зналъ жизнь и зналъ, по какимъ маковымъ росинкамъ можетъ двигаться впередъ благополучіе человѣка. Но это его не останавливало, даже не раздражало. „Развѣ я Архимедъ, надбѣющийся повернуть весь міръ на одной точкѣ? говорилъ онъ по этому случаю въ бесѣдахъ съ друзьями.—Я знаю свое безсиліе: и личное безсиліе Анатолія Суровцова, и безсиліе общественнаго учрежденія, которое онъ представляетъ. Съума я, что-ли, сошелъ, чтобы ждать отъ себя подвиговъ Гераклеса? Сдѣлаю на полушку пользы, и то буду доволенъ!.. Пусть всякій дѣлаетъ такъ-же. Съ міру по ниткѣ—голому рубашка“.

По пути изъ уѣзда заѣхавъ какъ-то вечеромъ къ Кошчевымъ,

Суровцовъ долго и горячо рассказывалъ Надѣ о препятствіяхъ, которыя ставили со всѣхъ сторонъ его дѣятельности.

— Приглядѣлся я теперь и къ слѣдователямъ, и къ посредникамъ, и къ исправникамъ. Хоть-бы ошибкою попался одинъ человѣкъ съ христіанскою душою, съ русскимъ чувствомъ. Словно изъ степенъ киргизскихъ повалетѣли. Карты, да водка, да свои дѣлишки. И гдѣ они жили, гдѣ учились всему этому? И они себя называютъ русскими людьми, да еще православными!.. Право, жида много совѣстливѣе относительно своего брата—жида: у нихъ, по крайней мѣрѣ, кровь крови помогаетъ...

— Неужели они всѣ такіе бездушные и безсовѣстные? спросила Надя, у которой сердце надрывалось отчаяніемъ.

— Да, положимъ, не всѣ, а общій типъ таковъ... Кто лучше—слабы, нерѣшительны; поле и остается за этими воителями. Что съ ними подѣлаешь? Стая грачей на падали: клювы долбять хорошо, перо жесткое, не проймешь. Имъ гдѣ-бы ни навлевется, лишь-бы брюхо набить.

— Но, Боже мой, вѣдь это ужасно, Анатолій Николаевичъ! Не правда-ли, Варя, это выразить нельзя какъ ужасно! твердила Надя, которую уже кинуло въ жаръ отъ сильнаго нервнаго волненія.—Что-же дѣлать въ такомъ случаѣ? Значить, надо все бросить, отъ всего отказаться?

— Это-жь почему?

— Да что-жь сдѣлаетъ одинъ противъ всѣхъ? Онъ капля въ морѣ.

— Помилюйте! Да тутъ-то и бороться, когда такая нужда. Что-жь дѣлать! Сегодня насъ двое, завтра, можетъ быть, четверо будетъ. Вѣдь съ одного и требуется за одного, а не за всѣхъ! Не могу-же я быть виноватъ за вину другихъ и не могу-же своимъ одинокимъ усиліемъ загладить грѣхи тысячъ. Я правъ и доволенъ, если самъ не участвовалъ въ нихъ, если боролся противъ нихъ по мѣрѣ силъ. Требовать больше—юношеское нетерпѣніе, похвальное, но безсильное. А, конечно, за желаніями дѣла не станеть. Желая я очень многого, желаю, можно сказать, Богъ знаетъ чего!

— Да, хорошо, что вы такъ тверды и спокойны, сказала со вздохомъ Надя.—Съ такимъ взглядомъ, конечно, можно больше сдѣлать, чѣмъ съ нетерпѣніемъ и горячностью. Но я не въ си-

лахъ смотрѣть хладнокровно, когда люди относятся къ людямъ, какъ звѣри, истребляющіе другъ друга. Я-бы отдала многое, Анатолій Николаевичъ, желала-бы принести какую-нибудь большую жертву, чтобы сдѣлать для людей очень много добраго. Но я ничего не умѣю и не знаю, что нужно дѣлать.

— Знаете, Надежда Трофимовна, продолжалъ между тѣмъ Суровцовъ.—Я разъ проѣзжалъ черезъ гору, которую надо было срывать подъ желѣзную дорогу. Около нея копошилась кучка рабочихъ. Посмотрѣлъ я на ихъ лопаточки, на горсточки землицы, которую они выковыривали съ такимъ трудомъ изъ громадной горы,—мухи мухами на ней,—и посмѣялся внутри. Ну гдѣ имъ справиться съ этими громадными толщами земли! Проѣзжаю какъ-то опять тѣмъ-же мѣстомъ, мѣсяца черезъ два,—нѣтъ горы! а тѣ-же мухи копошатся, тѣ-же лопатки, тѣ-же горсточки. Вотъ что значитъ непокладная работа! въ одинъ день, въ однѣ руки—ее словно и не видать; а пройдетъ время—горы срыты. Это меня, помню, очень утѣшило и привело въ полезное раздумье. Завтра какъ вынче—великая сила. Къ одному еще одинъ, а къ нему опять одинъ—незамѣтно выростетъ дружина. Вся разгадка въ этомъ: не покладать рукъ! А вѣдь иначе повторится исторія нашей милѣйшей м-ше Каншиной, которая ни за что не хотѣла явиться первой на маскарадъ. Ея примѣру послѣдовали другіе,—и, конечно, на маскарадъ не оказалось не только первой, но и послѣдней.

— Да, это правда! сказала съ одушевленіемъ Надя.—Какъ-бы я была счастлива, если-бы могла работать надъ хорошимъ дѣломъ... вмѣстѣ съ вами и съ моей Варей, прибавила она, слегка зарумянившись и поглядѣвъ на Варю.

— О, мы будемъ работать, мы найдемъ себѣ работу, это такъ не трудно, весело отвѣчалъ Суровцовъ, дружески взявъ въ одну свою руку ручку Нади, а въ другую Варину.—Вѣдь мы не задаемся никакими выдумками, а беремъ то, что даетъ жизнь.

— Анатолій Николаевичъ, сказала Варя,—вы-бы когда-нибудь серьезно объяснились съ этими господами; вы умѣете говорить такъ убѣдительно. Я не вѣрю, чтобы въ нашемъ обществѣ, какъ-бы ни было оно бѣдно, не нашлось людей, способныхъ проникнуться чувствомъ своихъ обязанностей, если только имъ съумѣ-

ють растолковать ихъ. Мнѣ кажется, у насъ много сонныхъ, но положительно дурныхъ и злыхъ не такъ много.

— Вы правы, Варвара Трофимовна: у насъ найдутся люди съ головою; но они умы и практичны только въ своихъ собственныхъ дѣлахъ. Такихъ очень не мало, почти всѣ. А вотъ доброта— другое дѣло! Добрыхъ побужденій почти не встрѣчаешь даже и въ личныхъ отношеніяхъ, между родными, между друзьями; все больше злорадство, зависть. Ужь не говорю о болѣе строгихъ требованіяхъ. На поступки истиннаго великодушія и самоотверженія наталкиваешься здѣсь съ изумленіемъ. Признаюсь, мнѣ тяжело убѣждаться въ этомъ. Я давно знаю, что высокія дѣла и высокіе характеры—рѣдкость. Но все-таки вездѣ, гдѣ я жилъ до сихъ поръ, я видѣлъ вокругъ себя хотя небольшую группу людей, которые были способны на истинно-человѣческіе поступки. Первый разъ въ жизни мнѣ приходится дѣйствовать среди такой безотрадной духовной пустыни. Пошлость, бездушность, безсодержательность такія повальныя, что могутъ запугать робкаго. Но особенно поразительно, что въ цѣломъ обществѣ не жило и не живетъ ни одной истинно-общественной идеи. Вотъ ужъ во всей буквальности уѣздное болото! Ни одна мысль не останавливается на вопросахъ народной нужды и народной пользы. Интересы общества для нихъ то-же, что интересы городского клуба. Собраться выпить вмѣстѣ чаю или водки, поиграть вмѣстѣ въ карты, вмѣстѣ поплясать и посплетничать—вотъ общественная жизнь поубѣжденію уѣздной интеллигенціи. Вы говорите, объяснитесь съ ними. Боже мой, да неужели вы думаете, что я могъ не объясняться? Я не читалъ имъ ни лекціи, ни проповѣди, но я, разумѣется, во всякомъ случаѣ старался затронуть въ нихъ тѣ струны, звука которыхъ я не слыхалъ, а желалъ услышать. Но развѣ вложишь въ зрѣлаго, установившагося человѣка то, чего въ немъ никогда не было, да еще не въ единичнаго человѣка, а въ цѣлое сплотившееся общество, давно и крѣпко укоренившееся въ своихъ вкусахъ и взглядахъ? Расшатать сколько-нибудь замѣтно эти взгляды въ силахъ только такая властительная и грозная рука, какая держала дубинку Петра Великаго. Нужно было генію явиться во всеоружіи непреклоннаго самодержца, чтобы всколыхнуть застывшее болото азіятской жизни. И только всколыхнуть! И съ какими еще жертвами, и съ какимъ вредомъ! Генію

и самодержцу вмѣстѣ—легко сказать! И все-таки, несмотря на громадность потраченныхъ силъ, сдѣлать такъ мало сравнительно съ тѣмъ, что нужно было сдѣлать. Подумайте, съ какимъ снисходительнымъ презрѣніемъ это общество должно было смотрѣть на мое разнорѣчіе съ его житейскими правилами! Въ этомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ общаго грѣха, оно является всегда необыкновенно единодушнымъ, необыкновенно стойкимъ. Это, кажется, единственное знамя, способное его одушевить къ борьбѣ съ врагомъ. Если я говорю съ посредникомъ объ анархіи въ крестьянскомъ управленіи, о необходимости защитить работающаго человѣка отъ разныхъ официальныхъ эксплуатацій, посредникъ смотритъ мнѣ подозрительно въ глаза и старается смекнуть, за что я въ претензіи на него. Если не отыскивается ничего правдоподобнаго, онъ мѣняетъ точку зрѣнія и сообщаетъ по секрету другимъ, что я человѣкъ крайне безпокойный и властолюбивый, сую свой носъ туда, гдѣ меня не спрашиваютъ, и что бѣда вообще съ этими учеными умниками, которые стараются забрать все въ руки и всѣмъ надѣлать непріятностей. Другой точки зрѣнія, кромѣ личной, у него нѣтъ и быть не можетъ. Всѣ они таковы. Разъ я что-то сообщилъ нашему доброму старичку исправнику касательно проказъ станового, выходявшихъ изъ всякаго предѣла, — что-же, вы думаете? Исправникъ выслушивалъ всѣ мои разсужденія, не давши себѣ даже труда опровергать ихъ или соглашаться съ ними; онъ ихъ слушалъ, но, конечно, не слышалъ, потому что они ему были рѣшительно не нужны; онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на известную *manière de parler*, свойственную ученымъ людямъ, а доискивался, какъ и посредникъ, до сути, до того, *за что я сердитъ на станового!* Ей-богу правда! Послѣ я узналъ, что онъ призывалъ станового и очень заботливо разспрашивалъ его, не сдѣлалъ ли онъ мнѣ какой непріятности? О дѣлѣ-же, о которомъ я сообщалъ, ни слова. И становой вполне раздѣлялъ убѣжденіе своего начальника и, порывшись въ памяти, дѣйствительно набрелъ на причину моего „притѣсненія“. — „Это точно, Семень Ивановичъ, отвѣтилъ онъ съ догадливою усмѣшкою;—немножко былъ виновать; тычки меня тогда просили по дорогѣ ихней поставить, ну, а я запаматовалъ; вотъ за то и сердчаютъ. Да сегодня-же народъ стоню—живо поставятъ!“ успокаивалъ онъ исправника. — „Ужь я знаю, что есть что-нибудь, подозрительно замѣтилъ исправникъ.—

Вы знаете, какъ нужно съ этими людьми. Изъ-за пустяковъ да исторію поднимать! И всё, всё такovy. Убѣждайте ихъ тутъ. У нихъ просто не достаетъ органа чувствъ для пониманія общественныхъ интересовъ. А у самихъ нѣтъ, не могутъ и въ другомъ предположить: всёхъ мѣряютъ на свой аршинъ.

— Я дохожу до малодушія, Анатолій Николаевичъ! сказала Надя. — Я никогда не думала, чтобы люди были такъ дурны, чтобы на свѣтѣ было такъ скверно. Но я вижу, что вы правы, когда вспомню и обдумаю все, что дѣлается кругомъ насъ. Сколько нужно имѣть терпѣнія для такой безнадежной борьбы! Если вы имѣете его, я завидую вамъ.

— Дѣта, Надежда Трофимовна; съ лѣтами придетъ и терпѣніе. Я старше васъ. Въ груди и у меня не особенно спокойно, но голова—владыка, ее надо слушать. Я никогда не забываю, что долгъ человѣка дѣлать, а не говорить. А дѣлать иначе нельзя.

— Иначе нельзя, я согласна съ вами. Меня убѣдилъ въ этомъ пожаръ, на которомъ вы сломали ногу. Если-бы я могла быть хладнокровнѣе я была-бы, кому-нибудь полезна. Но меня душили мои чувства, и дѣла не было. Я была глубоко пристыжена тогда своимъ безсиліемъ. Мнѣ казалось, что это удѣлъ женщинъ—трепетать и бездѣйствовать. Но мнѣ не хочется помириться съ этимъ. Это слишкомъ оскорбительно. Если-бы это было дѣйствительно такъ, лучше ужъ не жить.

— Нѣтъ, это не такъ! по крайней мѣрѣ это не должно быть такъ и у васъ это такъ не будетъ! съ теплой улыбкой сказалъ Суровцовъ. — Вы — почти дитя, Надежда Трофимовна, но въ васъ глядитъ человѣкъ дѣла, а не праздныхъ волненій.

И Суровцовъ дѣйствовалъ, какъ говорилъ. Онъ привыкъ вѣрить безошибочному методу точныхъ наукъ и прежде всего постарался ограничить и вполне опредѣлить свою задачу. Онъ зналъ, какъ бесплодно расплываться въ ширь и преслѣдовать цѣли, несообразныя съ средствами, какъ-бы ни манили онѣ его. Оттого и положилъ онъ основнымъ камнемъ своего дѣла устройство сельскихъ училищъ въ шишовскомъ уѣздѣ, въ заранѣе предназначенномъ числѣ и по заранѣе выработанному имъ типу. Въ медицину онъ мало вѣрилъ и цѣнилъ въ народѣ его неиспорченность аптекарскими ядами гораздо болѣе, чѣмъ его вѣру въ докторовъ

и лекарства. Когда земскіе врачи, недавно покинувшіе студенческія скамьи, приставали къ нему съ разными требованіями дорогостоящихъ средствъ, въ которыя они непоколебимо вѣрили, какъ въ спасительные талисманы, Суровцовъ раздражалъ ихъ своей скептической улыбкою и своимъ упорнымъ несочувствіемъ къ предмету ихъ воодушевленія.

— Да, господа, вы напрасно обижаетесь, говорилъ онъ имъ. — Я стою противъ васъ не во имя гомеопатіи или спиритизма, или четверговой водицы. Я стою противъ васъ во имя науки. Вы очень горячитесь и слишкомъ вѣрите профессорскимъ тетрадкамъ. Ну, развѣ вы въ самомъ дѣлѣ знаете, что дѣлаете, пичкая людей ядами? Я сидѣлъ на одной скамьѣ съ многими вашими теперешними знаменитостями. Я видѣлъ, какъ и чему они учились. Скажу вамъ, что они ничего не знаютъ. Не знаютъ ни жизни тѣла, ни вліяній на тѣло; физиологію и химию они проходили какъ дѣти. Знаютъ эмпирику, собраніе рецептовъ, собраніе замѣтокъ ученыхъ знахарей. Болѣзни никто изъ васъ не знаетъ и лекарствъ не знаетъ! Будьте, по крайней мѣрѣ, осторожны. Повѣрьте, что хорошо срубленная изба, которую можно правильно натопить и провѣтрить, сдѣлаетъ для мужика больше, чѣмъ больницы, въ которыхъ умираютъ отъ одного воздуха. Если-бы мы обратили больше средствъ и вниманія на ежедневную обстановку мужика, мы могли-бы смѣло закрыть всѣ больницы и рассчитать всю вашу братію. Я въ это крѣпко вѣрю, не меньше, чѣмъ вы въ іодистый калий.

Однако Суровцовъ не считалъ себя вправѣ подвергать рискованному опыту населеніе, думавшее иначе, и очень много хлопоталъ объ устройствѣ земской больницы. Онъ добился того, что всѣхъ крестьянъ принимали въ нее на земскій счетъ, и всѣ педонжки, числившіяся втеченіи многихъ лѣтъ на крестьянскихъ общинахъ за несостоятельныхъ крестьянъ, были сложены земскимъ собраніемъ. Больница возмущала Суровцова своимъ убійственнымъ казеннымъ характеромъ. Въ ней все было на строжайшемъ отчетѣ: управѣ доносилось, какая доля золотника перцу и соли расходовалась ежедневно на каждого больного и сколько кружекъ квасу оставалось въ запасъ отъ 30 сентября къ 1 октября; вѣдомостямъ не было числа и ни въ одной изъ нихъ не было ошибки ни въ одной цифрѣ; подъ крыльцомъ былъ постоянно разсыпанъ песокъ и въ комнатахъ накурено можжевельникомъ, а

дежурный служитель встрѣчалъ посѣтителей всегда въ формѣ. Но когда приходилось вѣшать говядину, отпускаемую на обѣдъ, оказывалось, что ея уваривалось болѣе половины и что тотъ-же процесс варки дорого оплаченную говядину первого сорта обращалъ въ прескверныя, жесткія сухожилія; когда приходилось справляться, часто-ли парятся въ банѣ больные мужики и бабы, привыкшіе париться всякую субботу даже и здоровыми въ своихъ избахъ, оказывалось, что въ баню ихъ водили въ мѣсяцъ разъ, не давая мыла, хотя въ отчетныхъ вѣдомостяхъ акуратно каждую недѣлю показывалось: „ $\frac{3}{7}$ сажени однополѣнныхъ сухихъ дубовыхъ дровъ, съ распилюю на мѣстѣ, по 30 рублей за одну сажень“ и „по 10 золотниковъ бѣлаго ядроваго мыла для бани на каждаго больного, а на 20 больныхъ столько-то, цѣною за одинъ пудъ столько-то“. Суровцовъ ненавидѣлъ эти научно-точные таблицы, удобнѣе всего скрывавшія плутни всякаго рода: онъ безъ дальнихъ околичностей прекратилъ департаментскіе порядки, находя, что заболѣвшихъ бабъ и мужиковъ можно лечить, кормить и обмывать безъ всякаго участія канцеляріи. Вмѣсто чиновника-смотрителя приставилъ къ больницѣ вдову-понадью, довольно тупую, но добрѣйшую бабу, за которую очень просила его Надя и которая хотя и не умѣла писать бумагъ за Лѣ, вычислять суточные пропорціи и выводить среднія цифры заболѣвшихъ, выздоровѣвшихъ и умершихъ, по сословіямъ, званіямъ и вѣроисповѣданіямъ, но за то и не умѣла хорошую говядину обращать въ дурную и расходовать массы сургучу и бумаги, которыхъ никогда не покупалось. Она просто-на-просто стала кормить больныхъ вкусной похлебкой да кулешомъ и пить ихъ чайкомъ въ прикуску, по распоряженію Суровцова, а сама ни вѣсть какъ была рада, что на старости лѣтъ жила при теплѣ и достаткѣ. Больные скоро повеселѣли и поправились въ новыхъ порядкахъ. Вмѣсто солдатъ за ними ходили старушки-сидѣлки: бѣлье имъ мѣняли и чинили, лекарства подавали во-время и безъ ругни, и самый юный докторъ, немножко недовольный на то, что его больница перестала напоминать знакомые порядки столичныхъ клиникъ, съ удивленіемъ замѣтилъ добрые плоды простоты и естественности.

По старанію Суровцова въ разныхъ мѣстахъ уѣзда были, кромѣ того, открыты пріемные покои для крестьянъ, приходившихъ къ

доктору за даровымъ лекарствомъ и помощію. Еще одинъ вопросъ занималъ мысль Суровцова. Онъ видѣлъ, какими путями окружала бѣдность мужика. Образование и здоровье должны были помочь бѣдности, а бѣдность подкапывала и то, и другое. Какъ-было выйти изъ этого ложнаго круга? Смѣшно было помышлять объ устраненіи бѣдности изъ жизни народа. Но можно было помочь народу въ тѣ трудныя минуты его жизни, когда нужда подступаетъ къ горду хозяина и онъ поневолѣ своими руками губить плоды своихъ собственныхъ трудовъ. Ссудо-сберегательныя кассы могли, по убѣжденію Суровцова, значительно пособить мужику въ этомъ отношеніи, оттого онъ и задался устройствомъ хотя-бы двухъ-трехъ товариществъ подобнаго рода съ пособіемъ земства. Работы и предположенія Суровцова не встрѣчали явнаго отпора. Собраніе, конечно, скудилось на многое, но при очень упорномъ натискѣ уступало. И, однако, одобряя его мѣры, довольное его отчетами, оно смотрѣло на него не особенно дружелюбно. Его предприимчивая дѣятельность и отрицательное отношеніе ко многому, что существовало прежде безъ всякаго протеста, возмущали самолюбіе наиболѣе вліятельныхъ. Роль Суровцова имъ казалось нѣсколько обидною. Зачѣмъ онъ смѣетъ видѣть это и понимать это, когда они сами этого не видѣли и не понимали? Это чувство ревнивой ограниченности одинаково копошилось въ его явныхъ и тайныхъ врагахъ. Они, конечно, трубили о немъ, какъ о какомъ-то агитаторѣ, разжигателѣ сословной вражды, вредномъ теоретикѣ, либералѣ, за которымъ надо зорко слѣдить и не давать ему ходу. Суровцовъ былъ крайне миролюбивъ и по своему мягкому характеру, и по своимъ философскимъ убѣжденіямъ. „Tout connaitre, c'est tout pardonner“, говаривалъ онъ, вспоминая изрѣченіе г-жи Сталь. Кто-бы ни обращался къ Суровцову съ личными просьбами, онъ спѣшилъ исполнить ихъ съ большою готовностію. Никто не могъ выставить противъ него никакой опредѣленной претензіи. Дѣлами онъ занимался ревностно, лично со всѣми ладилъ, ни на кого не сплетничалъ, ни о комъ ничего не зналъ и не могъ ни съ кѣмъ ссориться уже потому, что вовсе не участвовалъ въ этомъ уныломъ кочеваніи однихъ и тѣхъ-же людей изъ одного дома въ другой, которое называлось въ шишовскомъ уѣздѣ „сношеніемъ съ обществомъ“. Напротивъ того, всѣ обычные участники этого безсодержательнаго

и бесплоднаго кочеванія, занимавшаго большую часть времени шишовскаго общества, такъ переплелись между собою всякими сплетнями, интригами, глухими недоброжелательствомъ и открытыми ссорами, что со стороны надо было удивляться, что заставляеть ихъ искать встрѣчи другъ съ другомъ. Если-бы шишовскіе господа умѣли мыслить отчетливо и безпристрастно, они-бы, подумавъ немного, убѣдились, что честнѣе всѣхъ относительно ихъ поступалъ Суровцовъ, почти никогда ихъ не посѣщавшій. непитавшій къ нимъ никакой вражды и недѣлавшій имъ никакого вреда. Но они считали его вреднымъ человекомъ и въ душѣ не любили его гораздо болѣе, чѣмъ тѣхъ друзей, которые тайкомъ жили съ ихъ женами, обманывали ихъ въ карты, не платили имъ долговъ, клеветали на нихъ, завидовали имъ и радовались всякому ихъ несчастію. Такова натура людей. Они спокойно сносятъ сосѣдство себѣ подобнаго звѣря, съ которымъ грызутся за всякую кость, а видъ самаго безопаснаго животнаго другой породы волнуетъ ихъ и заставляеть съ лаемъ бросаться на него, потому только, что онъ не ихней, а своей собственной породы.

— „Mondo“! философски говаривалъ Суровцовъ, замѣчая во-кругъ себя это безпричинное всеобщее отчужденіе и вспоминая любимую поговорку итальянца. И онъ заворачивался еще плотнѣе въ тогу своего стоицизма и начиналъ работать надъ своимъ дѣломъ еще ретивѣе, забывая шишовскихъ людей и шишовское міровоззрѣніе.

Ревнивѣе всѣхъ и внимательнѣе всѣхъ слѣдилъ за Суровцовымъ Каншинъ. Онъ не могъ простить ему своего пораженія на выборахъ и, кромѣ того, прежде всѣхъ почувалъ въ Суровцовѣ человека, антипатичнаго шишовскимъ вкусамъ.

Мучимый внутреннимъ сознаниемъ своей нравственной нечистоты, своего худо прикрытаго невѣжества, своего темнаго прошлаго, Каншинъ ненавидѣлъ людей, у которыхъ душа была проста, цѣльна и открыта, какъ вся ихъ жизнь. Онъ былъ на-столько уменъ, чтобы понять всю разницу между Суровцовымъ и другими шишовцами. Онъ внутри себя не только признавалъ, но даже значительно преувеличивалъ таланты Суровцова, и глубоко боялся его. Ученый человекъ прежде всего представлялся ему литераторомъ, который непременно пишетъ тайныя или явныя статьи въ газетахъ обо всемъ, что происходитъ. Суровцовъ представлялся ему

именно этимъ опаснымъ внутреннимъ соглядатаемъ закулисной жизни шишовцевъ. Кромѣ того, Суровцовъ, по предположенію Каншина, непремѣнно долженъ быть ужасный гордецъ, надменный своею ученостію и презирающій всѣхъ обыкновенныхъ смертныхъ. Оттого-то онъ, конечно, не дѣлаетъ никому визитовъ и рисуется какимъ-то анахоретомъ; онъ-де не нуждается въ подобномъ обществѣ, слишкомъ для него невѣжественномъ. Но большѣ всего для Демида Петровича была неусыпная дѣятельность Суровцова. Онъ видѣлъ его вездѣ; гдѣ не видѣлъ, слышалъ о немъ. Собираются карты, попойка—всѣ на-лицо, только Суровцова нѣтъ. Поднимается какое-нибудь дѣло—Суровцовъ здѣсь первый. Досада брала Демида Петровича.

— И чего онъ лѣзетъ всюду, изъ-за чего онъ бьется? задавалъ онъ себѣ безпокойный вопросъ. — Свои дѣла бросаетъ, къ чужимъ прилипаетъ. Это не спроста. Онъ хочетъ все захватить въ свои руки, чтобы потомъ сѣсть всѣмъ на голову и хозяйничать какъ его душѣ угодно! О, я всегда считалъ его самымъ опаснымъ иезуитомъ, несмотря на его наружную простоту!

Каншинъ дѣйствовалъ, впрочемъ, осторожно. Съ Суровцовымъ онъ былъ на хорошей ногѣ и даже не рисковалъ открыто высказываться противъ него на земскомъ собраніи. Ему постоянно казалось, что при первой стычкѣ Суровцовъ собьетъ его своими фразами и публично назоветъ консерваторомъ. Этой клички онъ почему-то инстинктивно трепеталъ. По странному капризу его самолюбія, Каншину безконечно хотѣлось прослыть за человѣка передовыхъ идей, друга просвѣщенія и всякихъ реформъ. Даже въ ненависти его къ Суровцову огромную роль играло то обстоятельство, что онъ почиталъ Суровцова восхитителемъ и затемнителемъ его либеральной славы. При всей раздутости его самолюбія, онъ все-таки чувалъ, что самъ онъ хотѣлъ только невинно играть въ либерализмъ, несопровожаемый никакими послѣдствіями, а Суровцовъ дѣйствительно добивался разныхъ жѣръ въ этомъ смыслѣ. Демида Петровичъ просто не могъ утѣшиться въ потерѣ своего авторитета въ земскомъ собраніи. То, бывало, онъ по цѣлымъ часамъ ласкаетъ свой слухъ собственными риторическими измышлениями, которыми покорно внимааетъ публика, непривыкшая къ злостной критикѣ, а теперь онъ едва рѣшается склеить двѣ-три робкія фразы, ежеминутно ожидая на нихъ яростнаго нападенія

Суровцова и обвиненія въ отсталости. Демида Петровичъ ласково улыбался Суровцову, а самъ потихоньку сколачивалъ въ одну плотную дружину всѣхъ его недоброжелателей. Суровцовъ забылъ всѣхъ и не говорилъ ни о комъ. О немъ-же всѣ помнили и толковали. Подозрѣвали его въ самыхъ вредоносныхъ нахѣреніяхъ, раздували до невѣроятныхъ размѣровъ всякое двусмысленное слово, всякую случайную неловкость его. Матеріалы для его вины должны были быть собраны, и хотя ихъ не было, они явились. Настойчивое желаніе создаетъ то, чего желаешь. Люди, которымъ Суровцовъ не дѣлалъ ничего, кромѣ одолженія, вслѣдствіе постоянного поджиганія самихъ себя, уже стали искренно считать себя его естественными и законными врагами. Каншинъ былъ душою всѣхъ и не выпускалъ изъ рукъ сплетавшейся нити. Старичекъ-исправникъ, относившійся сначала къ Суровцову довольно добродушно и вообще державшійся въ сторонѣ, теперь не сносилъ его имени. Ему казалось, что его голова не безопасна, пока въ уѣздѣ будетъ дѣйствовать этотъ назойливый и безпокойный человѣкъ. „Какая-же это служба, когда ты не можешь спокойно съѣсть куска и выпить рюмки водки? Куда ни сунешься, надъ тобою чужой глазъ. Человѣкъ слабъ, а тоже человѣкъ. Отъ своего развѣ удержишься? Въ избѣ много сору, да его выносить не слѣдъ... Врагъ въ своемъ домѣ—хуже петли; та, по крайней мѣрѣ, разомъ задушить, а этотъ томить. А вѣдь намъ тутъ не одну недѣлю жить!“ Словомъ, постоянное сосѣдство дѣлалъ Суровцова почти со всѣми дѣлами исправника донекдо этого браваго капитана до того, что онъ серьезно сталъ подумывать махнуть въ другой уѣздъ. Такимъ образомъ къ концу перваго года своей дѣятельности Суровцовъ убѣдился со всею ясностью, что шишовцы, надъ дѣлами которыхъ онъ хлопоталъ съ такимъ наивнымъ и безразсчетнымъ увлеченіемъ, считали его за самаго вреднаго и самаго антипатичнаго человѣка изъ своей среды. Конечно, далеко не всѣ относились къ Суровцову такъ враждебно; были люди болѣе справедливыя, болѣе доступныя впечатлѣнію добра; они хорошо думали о Суровцовѣ и цѣнили его дѣятельность. Но эта оцѣнка была не въ силахъ побудить ихъ сдѣлать рѣшительный шагъ на защиту его репутаціи, на которую вели на ихъ глазахъ такія яростныя и незаслуженныя атаки. Никто изъ этихъ друзей не хотѣлъ открыто рискнуть своими отношеніями къ уѣзднымъ властямъ и

показать себя рѣшительнымъ сторонникомъ челоуѣка, подвергшагося преслѣдованію большинства. Это казалось имъ требованіемъ приличія и извѣстной почтенности.

Если я не всё они были „люди Шмидта“, то все-таки поступали подобно шмидтовцамъ, вращаясь въ безысходномъ кругу личныхъ расчетовъ и сторонясь отъ болѣе широкаго и справедливаго мѣрила челоуѣческихъ дѣйствій.

Надя знала обо всемъ этомъ и отъ Анатолія, и отъ отца, и приходила въ невыразимое негодованіе.

— О, какъ люди гадки и глупы! говорила она, выслушивая насмѣшливые рассказы Анатолія о разныхъ потайныхъ козняхъ противъ него. — Какъ глубоко презираю я ихъ! И вы имѣете духу служить имъ, хлопотать о нихъ?

— Не имъ и не о нихъ, Надежда Трофимовна, поправляясь съ шутливою улыбкою Суровцовъ. — Я служу истинѣ. Чѣмъ больше у нея враговъ, тѣмъ болѣе она нуждается въ друзьяхъ. А для Каншинныхъ и К°, конечно, не было-бы большаго удовольствія, какъ вытравить отсюда послѣдняго порядочнаго челоуѣка. Чѣмъ горячѣе желаютъ они этого, тѣмъ упрямѣе буду отстаивать я свой постъ. Значить, я дѣйствительно дѣлаю что-нибудь полезное, если негодяи такъ встревожены.

— О, какъ гадки, какъ низки люди! повторяла словно сама себя Надя, ломая себѣ руки съ самымъ сокрушеннымъ выраженіемъ лица.

VI.

Э п и д е м і я.

Только-что тронулась зима и въ воздухѣ почувались первые признаки наступающей весны, въ десяткахъ селеній разомъ открылась повальная оспа. Она зашла изъ сосѣднаго уѣзда и охватила, какъ пожаръ, шмидтовскій уѣздъ. Дѣти умирали сотнями; умирали даже двадцатилѣтніе. Народъ умиралъ безъ протеста, безъ воплей, съ тѣмъ изумительнымъ равнодушіемъ, съ которымъ русскій челоуѣкъ вездѣ и всегда встрѣчаетъ смерть. Сколотятъ гробикъ, отпоютъ, попьютъ съ понами водки, справятъ сорокоусть и забудутъ о томъ, кого нѣтъ. Но господа шмидтовскаго уѣзда при-

шли въ неописанный ужасъ. Кто только могъ, всё бросились изъ деревень въ Крутогорскъ, въ Москву. Душныя мужицкія хаты, въ которыхъ здоровые лежали на одной печи, на однихъ полатахъ съ больными, были по-прежнему набиты-биткомъ мужиками, бабами и ребятишками. Русскій человекъ твердо вѣритъ, что смерть вездѣ найдетъ и что отъ Бога не спрячешься; поэтому онъ спокойно пилъ изъ одного ковша съ зараженнымъ и накрывалъ его своимъ собственнымъ полушубкомъ. Онъ не ждалъ и не звалъ ни лекарь, ни докторовъ. Когда умиравшему дѣлалось ужъ очень тяжело, все нутро жгло, то кто-нибудь изъ бабъ бѣжалъ за кваскомъ, за соленымъ огурчикомъ, а если были близки хоромы, за моченымъ яблочкомъ больному „душеньку отвести“. Это было единственное пособіе въ болѣзни, до котораго рѣшались доходить обитатели избы. Баба Огуревна въ Прилѣпахъ, правда, вспрыскивала больныхъ прямо въ пылающее лицо свѣговой водицей, но это дѣлала только она одна по своей обязанности знахарки. Половина шишовскихъ ребятишекъ уже лежала въ некрашенныхъ тесовыхъ гробикахъ подъ свѣжевскопанними глинистыми насыпями, когда шишовская полиція встрепенулась, что люди мрутъ и что объ этомъ должно быть донесено по начальству подъ заглавіемъ: „свирѣпствующей въ уѣздѣ эпидемической болѣзни оспы“. Донесеніе, впрочемъ, было послано въ Крутогорскъ съ нарочнымъ, такъ что уже черезъ двѣ недѣли послѣ него могъ быть составленъ губернскій комитетъ общественнаго здравія, на засѣданіе котораго было приглашено столько лицъ, что успѣшность борьбы противъ болѣзни приобрѣла сразу серьезные шансы. Многіе изъ приглашенныхъ только въ этотъ день узнали изъ повѣстокъ, что въ Крутогорскѣ, какъ во всякомъ благоустроенномъ губернскомъ городѣ, существуетъ комитетъ общественнаго здравія и что они состоятъ непремѣнными его членами. Губернскій комитетъ принялъ энергическія мѣры къ прекращенію появившейся эпидеміи. Онъ въ томъ-же засѣданіи подписалъ инструкцію, составленную инспекторомъ врачебнаго отдѣленія, о томъ, какъ жители шишовскаго уѣзда должны предохранять себя отъ заразы и какъ должны лечить заболѣвшихъ. Инструкція эта была послана на другой-же день въ городъ Шиши съ строжайшимъ предписаніемъ немедленно открыть дѣйствіе уѣзднаго комитета общественнаго здравія, распространить среди обывателей прилагаемую инструкцію и доставлять

въ крутогорскій губернскій комитетъ общественнаго здравія еженедѣльные вѣдомости о числѣ заболѣвшихъ, умершихъ и выздоровѣвшихъ, съ раздѣленіемъ оныхъ по волостямъ и съ прописаніемъ ихъ лѣтъ, званія, сословія и вѣроисповѣданія, а также съ объясненіемъ мѣръ, какія были приняты къ прекращенію болѣзни со стороны подлежащихъ вѣдомствъ и лицъ. Пока становые и доктора наполняли бланки вѣдомостей фантастической статистикой своего собственнаго вдохновенія, оспа пожирала сотнями босоногихъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, наполнявшихъ шишовскія деревни...

Суровцовъ гораздо раньше полиціи бросился на помощь жителямъ. Официально онъ не имѣлъ права дѣлать распоряженія къ прекращенію эпидеміи; эта обязанность лежала на комитетѣ общественнаго здравія, который могъ быть собранъ только предводителемъ дворянства; исправникъ не давалъ ему полиціи, а безъ нея рѣшительныя мѣры не могли быть исполнены. Денегъ точно также не было; земское собраніе не ассигновало ничего на расходы по эпидеміи, а доктора и фельдшера требовали суточныхъ за командировки. Суровцовъ былъ въ затруднительномъ положеніи. Онъ сообразилъ, что лечить было бесполезно, что нуженъ былъ только чистый воздухъ и уходъ, а главное, нужно было какъ можно скорѣй отдѣлать больныхъ отъ здоровыхъ. Тутъ доктора могли помочь столько-же, сколько и всякій здравомыслящій человѣкъ. Но этихъ здравомыслящихъ нужно было очень много. Суровцовъ задумалъ поднять все шишовское дворянство на борьбу съ бѣдствіемъ. Ободряя себя воспоминаніями англійской и американской жизни, гдѣ, безъ всякаго участія казенныхъ вѣдомствъ, общество встаетъ какъ одинъ человѣкъ противъ всякой угрожающей опасности, Суровцовъ развѣзжалъ изъ деревни въ деревню, горячо уговаривая всѣхъ, кого считалъ мало-мальски образованнымъ, помѣщиковъ, поповъ, управляющихъ, взять въ свое завѣдываніе сосѣднюю деревню, перенести въ двѣ-три избы больныхъ и установить за ними дѣятельный уходъ; онъ обѣщалъ выслать на помощь фельдшеровъ съ необходимыми пособіями и рѣшился на свой рискъ, вопреки всѣмъ смѣтамъ и счетнымъ уставамъ, тратить земскія деньги, какого-бы ни были онѣ наименованія, на спасеніе умиравшаго населенія. Онъ уговаривалъ крестьянъ отводить избы, давать сидѣлокъ, грозилъ бездѣтельными старостамъ и старшинамъ, назначалъ смотрителей участковъ, которые должны были извѣщать его

обо всемъ, что дѣлалось и что кому было нужно. Словомъ, онъ дѣйствовалъ какъ энергическій начальникъ отряда, отрѣзанный непріятелемъ отъ своего войска, который по необходимости принимаетъ въ свои руки все управленіе странюю, объятаю паническимъ ужасомъ и покинутою своими обычными управителями. На всѣ вопросы, сомнѣнія, предостереженія онъ твердилъ одно:

— Знаю, знаю, да что-жь дѣлать? Будемъ только спасать, а тамъ пусть подводятъ подъ статьи, какъ себѣ хотять... Кто думаетъ, что я не правъ, пусть беретъ это на свою совѣсть и умываетъ руки. А я не отстану.

Энергія Суровцова навела на помѣщиковъ такой-же ужасъ, какъ сама эпидемія. Почти всѣ торопились отъѣзжать, проклиная внутренно этого безпокойнаго человѣка, который даже дома не даетъ покоя и суетъ свой носъ въ дѣла совѣтъ его некасающіяся. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ было очень совѣстно и досадно, что приходилось обнаруживать такъ явно свою робость и свое безучастіе къ человѣчеству. Во многихъ мѣстностяхъ, впрочемъ, и обратиться было не къ кому: всѣ, кто могъ, покинули деревни. Священники брались, правда, охотѣе, но не принимались серьезно за дѣло; только въ трехъ-четырехъ мѣстахъ уѣзда удалось Суровцову дѣйствительно добиться того, чего ему хотѣлось, съ помощью немногихъ добрыхъ людей. Въ Пересухѣ основался главный штабъ Суровцова. Тамъ Варя съ Надей и сестрами дѣлали чудеса. Эти добрыя, серьезныя дѣвушки до такой степени прониклись сознаниемъ страшной опасности, угрожавшей всему населенію края, что съ samozабвеніемъ предали борьбѣ противъ нея... Въ старой усадьбѣ Колтевыхъ былъ очищенъ для больныхъ цѣлый флигель, устроены нары, кровати. Надя, предводительствуя старостю, сотскимъ и своимъ неизмѣннымъ помощникомъ, ключникомъ Михѣемъ, обходила одну за другою всѣ избы и забирала всѣхъ заболѣвавшихъ, то силою, то уговоромъ. Надя распоряжалась съ такою воодушевленною твердостью, что грубые пересухинскіе бородачи поддавались ей въ какомъ-то нѣмомъ и благоговѣнномъ изумленіи. На нее скоро привыкли смотрѣть какъ на вождя, въ рукахъ котораго тайна спасенія и успѣха. Если она переступала порогъ избы, все дѣлалось тамъ такъ, какъ требовала она. Казалось, отъ стройной фигуры этой дѣвушки, съ серьезнымъ и мужественнымъ выраженіемъ архангела, поражающаго зло, съ

вдохновенной красотой этого архангела,—на всѣхъ простыхъ и темныхъ людей изливалась переполнявшая ее глубокая и самоотверженная любовь къ человечеству. Никогда, дѣйствительно, Нада не была такъ хороша и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько страшна. Съ нею невозможно было говорить теперь ни о чемъ другомъ. Она вся духомъ и тѣломъ была въ своемъ дѣлѣ. Она сознавала опасность своего подвига, и это постоянное сознаніе сообщало ей настроенію еще больше какой-то грозной торжественности. Съ утра до ночи Нада была около больныхъ или на розыскѣ больныхъ. Даша подчинилась ей вполне и дѣлала только то, что приказывала Нада. Въ минуты важныхъ событій жизни характеръ Нади дѣлался непобѣдимо-властительнымъ, мало напоминавшимъ ее обычную скромность. Другой центръ борьбы былъ въ огромномъ селѣ Никольскомъ, гдѣ баронеса Мейенъ, подъ вліаніемъ своихъ новыхъ отношеній, съ самымъ серьезнымъ увлеченіемъ принялась за дѣло. Она не умѣла ничего сдѣлать лично, но за то не щадила ничего. Ея ближайшій сосѣдъ, молодой Зыковъ, работалъ вмѣстѣ съ нею съ неутомимостью и самоотверженіемъ. Варя съ Лизой почти переселились въ Спасы, которые онѣ взяли на свое попеченіе; только поздно вечеромъ пріѣзжали онѣ ночевать домой и обдумывать вмѣстѣ съ Надею и Суровцовымъ, если онѣ тутъ случался, мѣры на будущее время.

Для Суровцова эти минуты доставляли много утѣшенія. Онѣ были для него лучшею наградою за цѣлыя недѣли бессонныхъ ночей, непрерывныхъ переѣздовъ съ мѣста на мѣсто, за всѣ столкновения, хлопоты, непріятности и неудачи, которыя его встрѣчали на каждомъ шагу во время этой горячей суеты. Нада тоже окрылялась духомъ и укрѣплялась въ своей юношеской рѣшимости послѣ каждаго свиданія съ Анатоліемъ. Имъ рѣдко приходилось быть наединѣ въ зимніе вечера и потому ихъ отношенія въ послѣдніе мѣсяцы не переступали формы простой дружеской связи. Отъ этого долгаго вынужденнаго притворства часто возмущалось сердце Суровцова; но въ сущности оно было очень полезно, потому что менѣе отвлекало отъ дѣла и Суровцова, и Наду, менѣе дразнило нетерпѣніе и заставляло ихъ вспоминать драгоценныя минуты своего откровеннаго сближенія съ такимъ восторженно-поэтическимъ чувствомъ, какого не въ силахъ была бы возбудить полная нестѣсненность отношеній.

— Война во всемъ разгарѣ! Огонь по всемъ линіямъ! сбѣялся Суровцовъ, передавая двѣицамъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ въ одинъ изъ такихъ вечеровъ. — Знаете, я, должно быть, рожденъ не профессоромъ, а солдатомъ. Я замѣчаю, что меня увлекаетъ борьба и опасность. Признаюсь вамъ, я немножко таки затрепалъ себя: вѣдь не вылѣзаю изъ перекладной, и потому эти дразги: то того уломать, то другого, то это, то то добыть. Общее недоброжелательство, стѣсненія всякія, подставленіе ногъ, — все это меня очень утомляетъ. И, однако, я никогда не чувствовалъ себя такимъ бодрымъ! Я вѣдь не особенно нервнъ, я не страдаю, какъ вы, Варвара Трофимовна, или какъ Надежда Трофимовна, отъ иррациональных картинъ. Если ужъ когда наглядѣлся ихъ, такъ теперь. Ну, что-жь? умираютъ, страдаютъ. Помогать нужно, а хныкать не зачѣмъ. Когда видишь, что дѣйствительно помогаешь, что одолѣлъ врага, что тебя дѣлается больше, а его меньше, право, радуешься не на шутку. Такое хорошее состояніе! Вотъ и теперь тоже! говорилъ весело Суровцовъ вливаясь въ Надіно личико какими-то дрожащимъ и расплывающимся взглядомъ, такъ мало подходившимъ къ его шутилой рѣчи. Надя смотрѣла прямо въ глаза ему тѣмъ-же растроганнымъ и понимающимъ взглядомъ. Они говорили съ другими, о другомъ, но смотрѣли другъ на друга и говорили другъ для друга.

— Что теперь въ Никольскомъ? Не ослабѣло? освѣдомилась Варя.

— Ужасы просто!.. Вчера двѣнадцать схоронили... Тамъ Зыковъ моледцомъ распоряжается... Отличный малый, не даромъ его не любятъ въ шишовскомъ уѣздѣ. Сколько они съ баронесою денегъ тратятъ! нельзя повѣрить, все на свой счетъ... Если-бы такихъ побольше, какъ баронеса да Зыковъ, мы-бы скоро одолѣли эпидемію.

— А что комитетъ? открылся, наконецъ?

— Открылся, какъ-же! отвѣчалъ Суровцовъ, насмѣшливо махнувъ рукою. — Меня приглашали въ засѣданіе, мѣры обдумывать; это мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ весь уѣздъ охватила эпидемія. Чудаки!..

— Какія-же мѣры?

— Да тамъ у нихъ всегда есть мѣры; открой любую медицинскую книжку и валяй: живи, мошь, въ хорошей избѣ, носи

крѣпкую обувь, ѣшь хорошую пищу; обыкновенныя ихъ мѣры. А мнѣ нѣчто вродѣ выговора предводитель сдѣлалъ, приличнымъ образомъ укорялъ въ торопливости дѣйствій и некомпетентности. Приглашалъ передать въ завѣдыванье комитета открытыя мною „по слуху“ сборныя избы для больныхъ и всякую всячину. Ну, разувѣется, не разжился. Я-таки не былъ въ особенно кроткомъ духѣ и обрѣзалъ его какъ слѣдуетъ. Имъ только-бы по начальству отписать, что состоялось засѣданіе комитета и приняты подобающія мѣры, а народъ хоть огнемъ гори. А тоже къ людямъ лѣзутъ, дѣло дѣлать мѣшаютъ.

— Что вы отвѣчали Каншину, Анатолій Николаевичъ, скажите мнѣ? спросила Надя.

— Да что отвѣчалъ? По-правдѣ сказать, еще слишкомъ милостиво. Такому нахалу не такъ надо. Отвѣтилъ ему, что я дѣйствую не какъ благотворительный комитетъ, а какъ частный человѣкъ, и что въ сводѣ законовъ я не нашелъ статьи, которая запрещала-бы гражданамъ спасать погибающихъ; комитету, говорю, ничего я не передамъ, потому что хорошо знаю наши русскіе комитеты; вы, говорю, отрываете свое первое засѣданіе тогда, когда дѣло кончено другими и когда половина уѣзда вымерла. Но я не желаю, чтобы вымерла и остальная половина, а потому буду дѣйствовать самъ, съ тѣми добрыми людьми, которые взяли помочь народу вмѣстѣ со мною, когда было нужно. Вотъ что я ему отвѣтилъ. Если, говорю, есть у васъ деньги и люди, посылайте ихъ, мы найдемъ мѣсто, но у васъ, кажется, ни того, ни другого нѣтъ, а строчить вѣдомости, право, теперь не время. Съ тѣмъ и ушелъ. Исправникъ тутъ что-то о правахъ: нужно, видите-ли, законное полномочіе имѣть. Я и толковать съ нимъ не сталъ. Если, говорю, по-вашему я поступаю противозаконно, можете доносить на меня кому угодно. А теперь мнѣ некогда. Взялъ да и махнулъ сейчасъ-же въ Никольское. Перекладная подъ крыльцомъ стояла. Шуты, право!.. Въ преступники тоже записываютъ. Граждане великіе! А по нихъ-то иенно и плачешь острогъ.

— Въ Ольховатомъ какъ? спросила опять Варя.

— Тамъ совѣтъмъ кончилась, слава-богу!.. Теперь только и осталась въ четырехъ мѣстахъ. Въ Ольховатомъ пощъ много помогалъ; не ожидалъ я отъ него: на видъ такой-же долгогривый,

а оказалось — славный малый, съ душою. Да вообще, знаете, какъ закипѣло дѣло, стали больше принимать участія. Барынька тоже одна, вдова, дѣльно работала; такая храбрая! у самой дочка молоденькая, а ничего, ходила себѣ къ больнымъ, хоть-бы нашъ братъ!.. Ну, а у васъ какъ?

— Ужъ выпускаемъ многихъ. Новыхъ не слышно, отвѣчала Варя. — Я вѣдь тамъ безъ церемоніи. Будетъ Татьяна Сергѣевна сердиться или не будетъ — это ужъ ея дѣло, а я отбила флигель управляющаго; онъ такой большой, свѣтлый, тамъ отлично можно помѣстить двадцать пять человѣкъ. Пускай потѣснится немного съ Ивлѣмъ; онъ человѣкъ одинокій. Я слышала, онъ написалъ Татьянѣ Сергѣевнѣ въ Крутогорскъ; обижайся, не обижайся, мнѣ все равно; я вѣдь не для себя.

— Что, Демка еще у васъ? спросилъ Суровцовъ у Нади.

— Еще у меня. Вѣднѣй! онъ, кажется, совсѣмъ ослѣпнетъ, на бѣлкахъ такіе страшные прыщи. Я ему дѣлаю одну примочку, но врядъ-ли поможетъ. А мнѣ будетъ его такъ жалко. Вы знаете, это большой другъ Алеши, его первый пріятель.

— Да, слышалъ. Слѣпныхъ оказывается очень много. Вчера въ Мужлановѣ откопалъ мальчишку. Мать сначала на печкѣ прятала, чтобы не увели, а потомъ сама къ намъ привела. А ужъ у него оба глаза лопнули и вытекли. Каковъ народъ?!..

— Вы слышали, что въ Озеркахъ появилась оспа? сказала Варя.

— Слышалъ; я туда-то и ѣду; только переночую у себя, а чуть свѣтъ въ Озерки; тамъ ужъ у меня два фельдшера. Тамъ мы не дадимъ ходу, сейчасъ захватимъ.

— Такъ оспа очень уменьшилась, Анатолій Николаевичъ? Это вѣрно? спросила Надя послѣ нѣкотораго раздумья.

— Совсѣмъ на ущербѣ, отбой бьетъ! Струсилъ насъ! смѣялся Суровцовъ.

— О, какъ я рада! съ чувствомъ сказала Надя. — Я была въ такомъ страхѣ за бѣднѣй народъ. Дѣти мрутъ, что стануть дѣлать старые?.. Подумать ужасно.

— Да, это все равно, что лѣсъ безъ подростковъ: пришелъ часъ — повалился, а на смѣну никого нѣтъ, отвѣчалъ Суровцовъ.

— Анатолій Николаевичъ! Вы должны быть очень довольны.

что помогли людямъ въ такомъ дѣлѣ, продолжала Надя, собиравшаяся что-то высказать. — Человѣку не можетъ быть больше наслажденія, какъ сдѣлать добро. Не правда-ли?..

— Конечно, правда! и вы сами чувствуете это лучше всѣхъ. Я не сдѣлалъ и половины того, что сдѣлали вы и ваши сестры... Я никогда не забываю, чѣмъ вы рискуете; вы — молодая дѣвушка, вы рискуете больше, чѣмъ жизнью.

Когда Суровцовъ собрался ѣхать домой, Надя одна провожала его изъ диванной; сестры, по деликатному чутью, свойственному женщинѣ, остались подъ разными предлогами на мѣстѣ. Въ коридорѣ Суровцовъ остановился и, обернувшись къ Надѣ, быстро взялъ ее за обѣ руки.

— Прощайте, Надежда Трофимовна, сказалъ онъ. — Благословите меня на новые труды. Вы одушевляете меня. Знаете-ли, когда я васъ встрѣтилъ на прошлой недѣлѣ среди деревни, во главѣ цѣлой толпы мужиковъ, слушавшихъ васъ, какъ пророка, вы показались мнѣ орлеанской дѣвой. Вашъ взглядъ дѣлается неземнымъ, когда вы одушевлены торжественнымъ настроеніемъ. Изъ всѣхъ угловъ своего странствованія я смотрю на васъ, угадываю воображеніемъ вашу мысль и стараюсь дѣлать такъ, чтобы вы остались довольны мною. Всѣ мои труды во имя ваше.

— Прощайте, не заболѣйте. О, смотрите, ни за что не заболѣйте... отвѣчала Надя, глаза которой вдругъ наполнились непривычными ей слезами. — Я отпускаю васъ какъ на войну, какъ мать отпускаетъ сына, прибавила она, улыбувшись сквозь слезы нѣжною материнскою улыбкою. — О, когда это кончится!

Она крѣпко стиснула своими маленькими ручками сильную руку Суровцова.

— Вы совершаете святое дѣло, прошептала Надя. — Я благословляю васъ. Кончайте, возвращайтесь скорѣе къ намъ. Я буду ждать васъ.

Суровцовъ хотѣлъ броситься ей на шею и покрыть ее поцѣлуями. Но онъ только сказалъ:

— Вы славная, славная дѣвушка... и чуть не плача выѣхалъ вонъ.

Предводитель шиповскаго дворянства былъ оскандализованъ поступкомъ Суровцова до крайнихъ предѣловъ. Теперь не оста-

вадось сомнѣнія, что Суровцовъ хочетъ играть въ шишовскомъ уѣздѣ роль диктатора. Теперь ясно обнаружился смыслъ всѣхъ его прежнихъ посягательствъ, его безпокойнаго вмѣшательства и въ дѣла крестьянскаго управленія, и въ дѣла полиціи, и въ ходъ народнаго образованія. Онъ презираетъ здѣсь всѣхъ и считаетъ способнымъ на дѣло только себя одного. Но на этихъ непрощенныхъ Петровъ Великихъ существуетъ, къ счастью, законъ. Демида Петровичъ и самъ хорошо знакомъ съ Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, потому что цѣлыхъ шесть лѣтъ былъ главнымъ представителемъ земства, въ качествѣ предсѣдателя земскаго собранія. Самаго земскаго собранія, а не какой-нибудь земской управы! Что такое управа? Контора! Что такое предсѣдатель управы? Прикащикъ... Въ Положеніи прямо сказано: „попеченіе, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи, и въ предѣлахъ закономъ указанныхъ... Что-жъ тутъ толковать?

Волковъ самъ отыскалъ Положеніе и принесъ его къ Демиду Петровичу, развернутое на четвертой статьѣ. Никакого сомнѣнія нѣтъ. Волковъ не имѣлъ никакой особенной причины претендовать на Суровцова, такъ-какъ усиліями Суровцова въ его селѣ прежде всего была прекращена эпидемія; но этотъ мрачный и жолчный человѣкъ до такой степени привыкъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ отыскивать только поводы къ какой-нибудь гадкой интригѣ, къ смутѣ и ссорѣ всякаго рода, и такъ органически ненавидѣлъ всѣхъ простыхъ, честныхъ и полезныхъ людей, что съ особеннымъ увлеченіемъ присоединился къ планамъ Каншина и исправника — подвести Суровцова. Если-бы онъ откровенно искалъ въ своемъ сердцѣ причину своего недоброжелательства къ Суровцову, съ которымъ ему почти не приходилось встрѣчаться, то напелъ-бы только одну, не особенно убѣдительною: Волковъ былъ безмѣрно самолюбивъ и, чувствуя инстинктомъ отсутствіе въ себѣ всякаго положительнаго достоинства, всякой дѣйствительной заслуги, онъ силился позировать въ уѣздѣ ролью стариннаго барина-магната, коренного столпа уѣзда, безъ участія котораго, безъ воли котораго ничто въ уѣздѣ не должно свершаться. Онъ напрягалъ послѣднія усилія своего разстроенаго, далеко не магнатскаго состоянія, чтобы проживать въ Петербургѣ нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ и поддерживать, важныя, какъ онъ полагалъ, связи съ разными чиновными гос-

подами Петербурга. Этими сомнительными знакомствами своим онъ старался поддерживать въ уѣздѣ свою репутацію вліятельнаго человѣка, но результатомъ этой мнимой вліятельности являлась только ежегодная продажа по кускамъ родовой земли и наростаніе благопріобрѣтенныхъ долговъ. Какъ ни топорщился Волковъ въ знатнаго барина, какъ ни подражалъ въ своихъ манерахъ и одеждѣ пріемамъ сановныхъ миліонеровъ, съ которыми ему удавалось иногда играть въ петербургскихъ клубахъ, какъ ни пытался онъ прослыть среди своихъ шиповцевъ за политическаго и хозяйственнаго мудреца рѣшающею краткостью приговоровъ и глубокомысленностью морщинъ,—шиповцы не поддавались на удочку и, несмотря на свою наивность, продолжали видѣть подъ англійскими драпами и подъ государственною фізіономіею Волкова того самаго мелкаго интригана и завистника, который, подъ скромнымъ титуломъ племянника виннаго пристава Кузьмы Андреича, былъ знакомъ еще шиповскому уѣзду въ то давнее время, когда наслѣдство разворовавшагося дяди не давало нынѣшнему магнату средствъ ни на раззолоченные гусарскіе мундиры его юности, ни на банкирскія замашки его позднихъ лѣтъ. Вслѣдствіе такого обстоятельнаго знакомства шиповцевъ съ свойствами Волкова, куда-бы ни балотировался онъ, вездѣ проваливался. Никому не хотѣлось пускать козла въ огородъ Волкова, и безъ того жолчнаго, раздражало это и бѣсило до чрезвычайности. Этотъ ярый крѣпостникъ не умѣлъ помириться до сихъ поръ съ неизбѣжнымъ рокомъ; онъ находилъ великую отраду въ ворчаніи на правительство и либераловъ, осуждалъ всякое правительственное нововведеніе сколько-нибудь гуманнаго характера и пророчилъ такіе ужасы въ самомъ непродолжительномъ времени, которые могли серьезно обезпокоить легковѣрнаго человѣка. Обойденный своими, обиженный и разоренный реформами, онъ щетинился на всѣхъ и на все и естественно становился заклятымъ врагомъ всякаго сколько-нибудь замѣтнаго общественнаго дѣятеля. Кто былъ у дѣла, тѣхъ или другихъ, кто такъ или иначе служилъ современнымъ порядкамъ, имъ, Волковымъ, проклятымъ и осужденнымъ, тотъ этимъ самымъ дѣлался его личнымъ врагомъ. Слово „земство“ Волкову казалось синонимомъ всякаго расхищенія и распущенности. Но хотя его коробило отъ одной мысли, что его крѣпостной староста, попавшій потомъ въ волостные старшины,

сидѣлъ рядомъ съ нимъ за однимъ и тѣмъ-же столомъ, въ качествѣ земскаго гласнаго, — тѣмъ не менѣе Волковъ употреблялъ самыя недозволительныя усилія, чтобы помощью того-же крѣпостного старосты попасть въ гласныя отъ крестьянъ. Онъ опанывалъ крестьянъ, раздавалъ имъ деньги, дѣлалъ имъ поблажки при раздачѣ земли и второе трехлѣтіе сряду являлся въ собраніи представителемъ крестьянскихъ интересовъ, столько-же разъ забалотированный представителями своего сословія. Являлся-же онъ за тѣмъ, чтобы въ Петербургѣ выдавать себя за практическаго мѣстнаго дѣятеля, почвенную силу и органическій оплотъ судьбы отечества, а въ уѣздѣ останавливать по мѣрѣ силъ всякое полезное дѣло и искажать правильное теченіе земской жизни своими узкословными стремленіями. Въ головѣ этого „представителя земли“, какъ онъ съ наигранною шутивостью любилъ называть себя въ клубныхъ кружкахъ Петербурга, постоянно сплетались темныя нити безсильнаго заговора личной корысти противъ насущныхъ пользъ той именно „земли“, почтеннымъ именемъ которой онъ кокетничалъ передъ столичными горожанами. Къ счастью, этотъ заговорщицкій пошибъ Волкова казался таинственнымъ ему одному, а для всѣхъ остальныхъ всплывалъ, какъ масло на воду, въ каждомъ сказанномъ имъ словѣ, въ каждомъ сдѣланномъ предложеніи. Суровцову тоже случалось принимать участіе въ проваливаніи на земскихъ собраніяхъ разныхъ предложеній Волкова, дѣлаемыхъ во имя весьма возвышенныхъ цѣлей, подъ прикрытіемъ самыхъ честныхъ знаменъ, но сквозь которые, какъ волчьи зубы изъ-подъ овечьей шкуры въ дѣтской сказкѣ, сейчасъ-же оскаливались нечистые и темныя замыслы. Такъ-какъ Суровцовъ былъ въ состояніи разоблачать истинныя цѣли Волкова съ большею тонкостью и остроуміемъ, чѣмъ другіе члены собранія, и такъ-какъ ему были ближе другіхъ тѣ общественныя интересы, противъ которыхъ Волковъ затѣвалъ свои козни, то понятно, что Волковъ очень скоро отождествилъ съ личностью Суровцова всѣ ненавистныя ему элементы современнаго разврата, демократизмъ, социализмъ, нигилизмъ и даже атеизмъ. Забывъ свои хроническія неудачи на всевозможныхъ выборахъ и собраніяхъ, Волковъ искренно убѣдилъ себя, что его новыя неудачи устроены никѣмъ другимъ, какъ Суровцовымъ, наглѣмъ говорунимъ, котораго дураки считаютъ за умнаго и боятся ему перечить. Пе-

этому ему даже издали было пріятно слышать о какомъ-нибудь промахѣ Суровцова или какой-нибудь неудачѣ его. А принять собственноручное участіе въ подготовкѣ этой неудачи — Волковъ считалъ почти призваніемъ своимъ. Открытое столкновение Суровцова съ Каншинымъ и исправникомъ въ комитетѣ просто вдохновило Волкова. Онъ принялъ это дѣло цѣликомъ на свои плечи. Онъ рылся въ статьяхъ закона, обдумывалъ проекты... По его убѣжденію написанъ былъ протоколъ, въ который занесено въ искаженномъ видѣ заявленіе Суровцова. Къ губернатору была послана жалоба съ приложеніемъ этого протокола, въ которой дѣйствія Суровцова представлялись крайне опасными для населенія, такъ-какъ они имѣли въ виду подорвать довѣріе къ уѣздному начальству и къ распоряженіямъ крутогорскаго губернскаго комитета народнаго здравія. Въ заключеніе заявлялось, что шиповскій уѣздный комитетъ общественнаго здравія не можетъ взять на свою отвѣтственность, если вслѣдствіе столь-же необдуманыхъ, сколь самовольныхъ мѣропріятій лицъ, къ тому неприванныхъ, ужасный бичъ, сплутающій предѣлы уѣзда — оспенная эпидемія — приметъ болѣе опасные размѣры; въ-концѣ-концовъ сдѣлана была ссылка на статью уложенія о наказаніяхъ, предусматривающую занятіе врачеваніемъ безъ узаконеннаго свидѣтельства. Стилъ былъ Волкова, который внутренно находилъ, что бумага написана поминистерски и что невозможно было сочинить болѣе дипломатическаго подхода. Волкова такъ интересовало это дѣло, что, надѣясь на свое знакомство съ губернаторомъ, онъ припоровилъ свою поѣздку въ Крутогорскъ какъ-разъ съ полученіемъ тамъ бумаги; онъ нарочно отправился вечеромъ къ губернатору, съ которымъ нерѣдко игралъ въ карты, и, сдѣлавъ видъ, что не знаетъ о бумагѣ, между прочимъ, рассказалъ ему съ самымъ патетическимъ негодованіемъ преступныя дѣйствія Суровцова.

— Какъ жалко видѣть, ваше превосходительство, нынѣшнихъ молодыхъ людей! гнусилъ онъ въ носъ своимъ жалостливымъ голосомъ, такъ мало подходившимъ къ его тучной и громоздкой фигурѣ. — Вѣдь вотъ, напримѣръ, этотъ Суровцовъ: я ничего не скажу противъ него, онъ человѣкъ и способный, и знающій... А вѣдь какое испорченное направленіе! Ничего у нихъ не дѣлается просто, все какія-нибудь заднія мысли... И знаете, ваше превосходительство, — я, конечно, говорю съ вами какъ съ хорошимъ зна-

комымъ, а не какъ съ официальнымъ лицомъ, — мысли-то эти превреднаго характера. Вотъ хоть-бы эпидемія эта... Развѣ я не понимаю его цѣли?.. Мы всё не меньше Суровцова жалѣемъ народъ. Вашему превосходительству извѣстно, кажется, въ какихъ отношеніяхъ я всегда находился къ своимъ крестьянамъ, даже въ самое критическое время... (Волковъ тутъ замаялся, потому что не могъ сразу сообразить, извѣстна-ли нынѣшнему губернатору давняя исторія его съ эвакуаціею цѣлаго села.)—Но мы, однако, не лѣземъ впередъ, не навязываемся въ спасители. Мы знаемъ, что въ благоустроенномъ государствѣ на все есть свои порядки, свои компетентныя органы, и что они лучше насъ сдѣлаютъ то, что нужно. А вѣдь это выходитъ изъ всякихъ границъ! Подрывать уваженіе ко всѣмъ, кромѣ себя, показывать, что онъ одинъ обо всемъ думаетъ, обо всемъ заботится, вѣдь это прямо сказать: не рассчитывайте на правительство... рассчитывайте на меня... По крайней мѣрѣ, мы въ уѣздѣ такъ это понимаемъ, ваше превосходительство! У насъ всё возмущены этимъ самовольствомъ... всё считаютъ его положительно за соблазнъ...

Губернаторъ, какъ человѣкъ, привыкшій къ свѣту и къ дѣламъ, имѣлъ довольно вѣрное чутье преувеличенія всякаго рода. Онъ и теперь почувствовалъ какую-то нескладницу и какой-то пристрастный характеръ въ словахъ Волкова и въ донесеніи комитета. Но такъ-какъ въ правилахъ его было дружитья съ предводителями и вообще опираться въ уѣздахъ на крупныхъ землевладѣльцевъ, то онъ сдѣлалъ серьезную мину и объявилъ Волкову, что уже получилъ объ этомъ свѣденія и что немедленно командируетъ въ шишовскій уѣздъ инспектора врачебнаго отдѣленія.

Прошло около двухъ недѣль послѣ свиданія Волкова съ губернаторомъ. Благодаря дѣятельности Суровцова, Коптевыхъ и всѣхъ тѣхъ, кто подъ его вліяніемъ взялся за дѣло, не ожидая официального вмѣшательства, болѣзнь уступила дружнымъ усилямъ. Только изрѣдка появлялись отдѣльные случаи заразы, заносимой изъ сосѣднихъ уѣздовъ, гдѣ дѣйствовали съ своею классическою вялостью и своимъ классическимъ безсиліемъ официальные комитеты общественнаго здравія. Изъ пересухинскаго флигеля былъ выпущенъ послѣдній больной, и Иванъ Семеновичъ въ Спасгахъ опять воцарился въ своемъ помѣстительномъ домикѣ, откуда такъ

безцеремонно изгнала его Варя. Въ Спасахъ и Пересухѣ за то почти не было умершихъ, кромѣ немногихъ первыхъ случаевъ. Надя и сестры ея были переполнены радостнымъ утѣшеніемъ, что и онѣ послужили, сколько могли, въ этомъ общемъ бѣдствіи; въ этой радости не малую долю играло и сознание опасности, избѣгнутой съ такимъ поразительнымъ счастіемъ. Никакой стоицизмъ не защититъ молодой красоты отъ ужаса уродства. Когда прошелъ чадъ неугомонныхъ хлопотъ и Суровцовъ въ первый разъ втеченіи двухъ мѣсяцевъ на цѣлый день очутился въ своемъ родномъ саду, у него словно скорлупа свалилась съ глазъ и онъ вдругъ разомъ понялъ, чѣмъ рисковала Надя, чѣмъ рисковала съ ней онъ. Его глубоко и больно ударило въ сердце; но въ то-же мгновеніе приливъ жгучей, опьяняющей радости потопилъ всякую боль.

— Она—герой, она женщина великаго духа! прошепталъ онъ въ восторгѣ. — Кто любимъ такой женщиной, тотъ никогда не сдѣлается пошлымъ... Ея любовь поднимаетъ къ облакамъ...

Суровцовъ, несмотря на остатки снѣга, дѣлалъ теперь раннюю вырѣзку своихъ яблонь, и, горячо работая ножомъ, не переставалъ думать о Надѣ.

— Скоро-ли, скоро-ли влетитъ въ мое гнѣздышко моя райская птичка? шепталъ онъ себѣ, въ то-же время оглядывая опытнымъ глазомъ неправильность кроны и быстро формируя ее ловкими ударами ножа.

Онъ забылъ и думать о Каншинныхъ, исправникахъ и комитетахъ здравія. Онъ объ нихъ вообще никогда не думалъ. Его время было такъ наполнено счастливыми мечтами о Надѣ, дѣловыми заботами, работами по хозяйству, привычными занятіями микроскопомъ или палитрою, что не оставалось минуты досуга для міра сплетень, интригъ и бездѣльничанія всѣхъ видовъ, столь роскошно процвѣтающаго на навозной почвѣ увѣдной жизни. А теперь, когда въ пронзительномъ тепломъ вѣтрѣ, отъ котораго словно сгорали послѣдніе остатки снѣга, чуялась налетавшая издалека весна, когда счастливо оконченная отчаянная война со смертію давала ему вздохнуть нѣсколько часовъ, онъ ужъ, разумѣется, никакими-бы судьбами не вспомнилъ, что есть городъ Шиши съ своими казенными зданіями и казеннымъ образомъ мыслей... А между тѣмъ, прямо отъ яблонь, отъ

прививки въ прищепъ, отъ пилы и ножа, ему пришлось нежданно-негаданно попасть въ цѣлый сонмъ Каншинныхъ, исправниковъ и всякихъ другихъ шишовскихъ людей. Оказалось рожденіе Трофима Ивановича, и онъ былъ потребованъ къ обѣду.

Трофимъ Ивановичъ собиралъ гостей рѣдко, но на рожденіе у него бывалъ обыкновенно весь уѣздъ. У него нельзя было разжиться ни мараскинами, ни трюфелями, ни особенно дорогими винами. Но за то неизмѣнно въ этотъ день подавался необыкновенно вкусный, откормленный павлинъ, украшенный своимъ великолѣпнымъ хвостомъ, замѣчательные грибки и соленья, наливки, настойки и водицы стариннаго завѣта, какихъ невозможно было сыскать въ нашъ развращенный вѣкъ на тысячу верстъ въ округности.

Трофимъ Ивановичъ даже нѣсколько кокетничалъ старинными обычаями своего стола и подбиралъ въ день своего праздника такія русскія блюда, которыя и у него подавались очень рѣдко. Однако, это сообщало его столу характеръ большой оригинальности, которую высоко цѣнили даже испорченные Парижемъ уѣздные гурманы, вродѣ Протасьева и Овчинникова. Половина гостей пріѣхала изъ Крутогорска, потому что уѣздъ весною былъ почти пустъ. Каншинъ и Волковъ были въ числѣ прочихъ; исправника не было, потому что Трофимъ Ивановичъ, по неуклюжей рѣзкости всѣхъ своихъ убѣжденій и поступковъ, еще давнымъ-давно напрямки объявилъ своимъ сосѣдямъ, что никогда порогъ его дворянскаго дома не переступить нога полицейскаго, и что онъ вообще удивляется, какъ можно принимать въ благородномъ домѣ, какъ гостей, исправника, становыхъ и всю эту приказную орду. Каншинъ былъ замѣтно смущенъ появленіемъ Суровцова, какъ всякій человѣкъ, который тайкомъ надѣлалъ пакостей своему ближнему и боится, чтобы его не уличили. Всѣ въ уѣздѣ, кромѣ самого наивнаго Суровцова, давно и подробно знали исторію губернаторской бумаги, и вчера всѣмъ стало извѣстно, что въ городъ Шиши пріѣхалъ, наконецъ, инспекторъ врачевнаго отдѣленія производить секретное дознаніе о дѣйствіяхъ Суровцова во время эпидеміи... Хотя это было, очевидно, нѣсколько поздно, но тѣмъ не менѣе крайне интриговало шишовцевъ и утѣшало друзей Каншина. Поэтому Каншинъ былъ необыкновенно доволенъ, когда, вмѣсто ожидаемыхъ колкостей и надутаго взгляда, онъ встрѣтилъ со стороны Суровцова обычный любезный пріемъ. Онъ

очень не любилъ явныя ссоры и всегда предпочиталъ имъ худой миръ подѣ маскою приличныхъ отношеній. Поступокъ Суровцова онъ въ душѣ очень одобрилъ и, съ облегченнымъ сердцемъ приблизившись къ Волкову, сказалъ ему вполголоса: „Видѣли? каковы? Бровью не моргнулъ! У-у! Дипломатъ!“

Однако, Волковъ былъ другого мнѣнія объ этомъ предметѣ и, сообразивъ, что Суровцовъ еще ничего не знаетъ, онъ поторопился на всякій случай подѣстать къ нему и полюбезничать тѣмъ своимъ жалостливымъ и добренькимъ тономъ, который такъ напоминалъ подкованный языкъ волка, старающагося выдать себя за козу, въ старой дѣтской сказкѣ. Этотъ приемъ Иуды Искаріотскаго господинъ Волковъ совершенно безкорыстно продѣлывалъ съ каждымъ человѣкомъ, которому онъ устраивалъ какую-нибудь скверную штуку, и именно въ тотъ моментъ, когда штука эта должна была разыграться. Когда въ этихъ случаяхъ Волковъ приближался къ своей жертвѣ съ умильной улыбкой и горячими рукопожатіями, опытные шшовцы поталкивали другъ друга и подмигивали на него съ многозначительною гримасой. Но Суровцовъ былъ такъ далекъ отъ всѣхъ шшовскихъ интересовъ, что не зналъ и этого общеизвѣстнаго маневра Волкова, и если онъ не принималъ за чистую монету безпричиннаго ласкательства Волкова, то просто-на-просто потому, что вообще не вѣрилъ ни одному слову, исходящему изъ устъ этого фальшиваго и нравственно-износившагося господина.

— Какъ я радъ васъ встрѣтить здѣсь... Васъ нигдѣ не видно! гнулъ господинъ Волковъ, удерживая въ своихъ рукахъ дольше, чѣмъ требуетъ приличіе, руку Суровцова;—не знаю, какъ благодарить васъ за свою Ольховатку. Если-бы не вы, тамъ-бы просто моръ поднялся. Что, батюшка, узнали теперь нашу полицію, наши официальные порядки?—(Волковъ считалъ необходимымъ немножко либеральничать, говоря съ Суровцовымъ.)— А вѣдь чье это дѣло? Разумѣется, предводителя... То-то вотъ господя! Мы все думаемъ: предводитель—ничего, кого-бы ни выбрать, лишь-бы спокойный человѣкъ. А выходитъ не такъ: теперь предводитель—великое дѣло! Надо голову да голову... Ну, хоть взять Демида Петровича. Я прямо скажу: онъ мнѣ пріятель, я его высоко цѣню, какъ знакомаго, какъ человѣка, и души добрѣйшей, и честный, и все... Ну, а какъ хотите, не такихъ намъ нужно те-

перь! Я, батюшка, слышалъ, какъ вы его отдѣляли!.. Что-же-съ? Всегда скажу, за дѣло... Пожалуйста только между нами. Знаете, я терпѣть не могу этихъ личныхъ претензій... А въ провинціи такъ трудно не натенуться на нихъ. Уѣздныя самолюбія какъ-то особенно раздуты! съ насмѣшливой гримасой докончилъ господинъ Волковъ, стараясь показать, что ни себя, ни Суровцова онъ не считаетъ людьми провинціи.

На заднемъ планѣ ему мерещились предстоящіе дворянскіе выборы и балотировка въ предводителя, составлявшая предѣлъ его мечтаній. Онъ считалъ Суровцова до такой степени простымъ въ житейскихъ дѣлахъ, а свою хитрость до такой степени тонкою и ловкою, что даже полагалъ возможнымъ привлечь его на свою сторону, когда Суровцову обнаружатся всѣ враждебныя дѣйствія Каншина. Въ убѣжденіяхъ Волкова эти іезуитскіе приемы безъ всякаго труда сживались съ тщеславною претензією на какое-то кровное дворянское благородство. Суровцовъ догадался, что Волкову нужно что-то выпытать отъ него.

— Вотъ охота о чемъ вспоминать! сказалъ онъ съ безпечною улыбкой, стараясь какъ-нибудь отдѣлаться отъ непрощенныхъ изліяній.—Я и забылъ совсѣмъ, что произошло у насъ съ Каншинымъ. Это было такъ давно!.. Пойдемте-ка лучше отвѣдаемъ вонъ тѣхъ маринованныхъ груздей... я большой до нихъ охотникъ.

Волкову стало досадно, что онъ сказалъ въ одно и то-же время и слишкомъ мало, и слишкомъ много. Равнодушіе Суровцова показалось ему нѣсколько презрительнымъ и, стало быть, обиднымъ.

Поэтому онъ поспѣшилъ придать своимъ словамъ болѣе важное значеніе, увѣренный, что Суровцовъ теперь не отнесется къ нему такъ поверхностно. Равно онъ былъ не прочь мотнуть хвостомъ въ сторону, какъ дѣлаютъ лисицы, чтобы сбить съ толку догоняющихъ собакъ. Пусть, молъ, себѣ ссорится съ Каншинымъ да съ исправникомъ, а я буду пока въ сторонѣ.

— Вотъ что, Анатолій Николаевичъ, началъ онъ шопотомъ, усѣвшись въ углу столовой наединѣ съ Суровцовымъ. — Если я позволилъ себѣ говорить вамъ объ этомъ дѣлѣ, то только потому, что принимаю въ васъ сердечное участіе; я знаю по опыту, какъ тяжело положеніе просвѣщеннаго человѣка, затертаго въ эту татарскую сторону... Вамъ, можетъ быть, извѣстно, что ваше столѣ-

новеніе съ Каяшинымъ имѣло послѣдствія болѣе серьезныя, чѣмъ вы предполагаете... Я считаю долгомъ честнаго человѣка предупредить васъ. На васъ была подана жалоба... отъ имени комитета... И вчера пріѣхалъ отъ губернатора врачебный инспекторъ произвести секретное дознаніе. Я вамъ передаю факты, а не слухи. Только повторяю: пожалуйста, между нами... Я такъ васъ уважаю...

Суровцовъ вдругъ приснулъ такимъ юношескимъ хохотомъ, что недоѣденные грузди вылетѣли у него изо рта.

— Господи! Неужели они такъ глупы, что и на это пошли? Такъ чиновникъ производить дознаніе? Это неподобно!

Темное, жолчное лицо Волкова сдѣлалось еще темнѣе и ротъ его немножко передернулся.

— Прошу васъ не такъ громко, говорилъ онъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ.—Я считалъ своимъ долгомъ предупредить васъ; но, повторяю вамъ, это должно остаться между нами. Я, наконецъ, не имѣю права... Не понимаю, что вамъ тутъ кажется особенно смѣшного.

— Помилуйте, да это прелесть! Да какой-же Гоголь можетъ быть смѣшнѣе этого? Подать губернатору жалобу, что народу мѣшавтъ умирать безъ спроса начальства! Вѣдь это драгоценный историческій документъ. Его непременно нужно добыть и издать для публики! продолжалъ хохотать Суровцовъ.

— Очень буду радъ, если мои опасенія окажутся напрасными и вы будете имѣть причину смѣяться и впоследствии! съ ѣдкой ироніей сказалъ Волковъ, вставая и уходя отъ Суровцова, грубо оскорбленный.

Демида Петровичъ Каяшинъ, какъ мы уже сказали, въ высшей степени боялся открытыхъ скандаловъ; поэтому, разжевывая послѣ рюмки настойки копченый утиный полотокъ, мастерски приготовлявшійся у Трофима Ивановича, онъ все время обдумывалъ, какъ-бы умясить Суровцова такъ, чтобы онъ не вполне догадался объ истинѣ. По-лиси вильнуть хвостомъ и въ глазахъ Демида Петровича казалось ни въ какомъ случаѣ великимъ. Такъ или не такъ, а хоть немножко отведеть глаза. Какъ только Волковъ освободилъ отъ себя Суровцова, Демида Петровичъ былъ уже около него съ разсѣянно-пріятной улыбкой. Ни одинъ изъ этихъ господъ не смѣлъ от-

кровенно взять на свою отвѣтственность то, что онъ дѣлалъ, хотя было совершенно непонятно, какую собственно опасность могло представлять для этихъ мѣстныхъ тузовъ неудовольствіе такого скромнаго человѣка, какъ Анатолій Николаевичъ Суровцовъ. Робкій духъ по инстинктивной привычкѣ боится смѣлаго и откровеннаго голоса даже тамъ, гдѣ ничто не грозитъ ему.

— *Escoutez, mon cher*, заговорилъ Каншинъ, по привычкѣ вставляя въ начало своей рѣчи пустышныя французскія фразы.— *J'ai mot à vous dire.*

Онъ фамильярно взялъ подъ руку Суровцова и увелъ его въ залу, гдѣ было меньше народа. Суровцовъ шелъ съ тарелкой въ рукахъ, доѣдая свои грузди и готовый опять прыснуть со смѣха, при воспоминаніи объ извѣстіи Волкова. На Каншина онъ даже не взглянулъ ни разу, чувствуя къ нему въ эту минуту какое-то особенное омерзѣніе.

— Видите-ли, *mon cher*, я считаю нелишнимъ предупредить васъ, конфиденціальнымъ тономъ сообщалъ между тѣмъ Каншинъ на ухо Суровцову.— На васъ тамъ смотреть не совѣмъ хорошо.— (При словѣ „тамъ“ Каншинъ мотнулъ головою въ высь по направлению къ Крутогорску.)— Я имѣю кое-какія свѣденія. Направленіе ваше не нравится. Я знаю, вы вѣдь не придаете этому большого значенія. Но знаете-ли, если вы позволите мнѣ, старику, посовѣтовать вамъ по дружбѣ... Мы вѣдь съ вашимъ батюшкой были старые друзья... Не мѣшало-бы немножко ихъ по шерсти иногда погладить. Тамъ вѣдь это любятъ. Начальникъ губерніи принималъ, кажется, очень серьезно ваши послѣднія дѣйствія по эпидеміи. Вы знаете духъ администраціи. Ужъ у нихъ это въ крови. Они, батюшка, въ своихъ правахъ воѣ чего не уступятъ. Ну и дѣйствительно, сами согласитесь, вы погорячились немножко, увлеклись. Я-бы очень желалъ какъ-нибудь поправить дѣло. Вы, можетъ быть, слышали, что сюда пріѣхалъ чиновникъ. Если-бы вы были, извините меня за откровенность, какъ-бы это выразиться?... ну, поуступчивѣе наконецъ, помягче,—бѣдовый этотъ народъ—молодежь!—даю вамъ слово, я-бы постарался такъ уладить, что все-бы окончилось ничѣмъ.

Суровцовъ далъ Каншину время высказать всю эту тираду, хладнокровно пережевывая свои грузди и запивая ихъ смородиною наливкой. Когда онъ съѣлъ послѣдній груздь и втянулъ въ

себя послѣднія душистыя капли наливки, онъ вдругъ остановился передъ Каншинимъ и, скрестивъ на груди руки, молча посмотрѣлъ ему въ глаза. У Демида Петровича пробѣжали по спинѣ мурашки въ предчувствіи чего-то нехорошаго; Суровцовъ сказалъ ему спокойно:

— Помилуйте, господинъ Каншинъ, вы, кажется, принимаете меня за дурачка? Сначала соболѣзновалъ и предупреждалъ меня пріятель вашъ Волковъ, теперь соболѣзнуете и предупреждаете вы. Зачѣмъ вы играете эту комедію? Вѣдь вы сами писали губернатору доносы и вызвали этого чиновника? Въ чемъ-же теперь дѣло? Или вы поняли теперь вашу глупость? Такъ я-то тутъ чѣмъ могу помочь вамъ?.. Знаете, я сейчасъ смѣялся надъ вами, но теперь думаю, что надъ вами нельзя смѣяться... И вы—дворянинъ, вы—предводитель, вы—мужчина, наконецъ? Сдѣлали гадость, ну и имѣйте, по крайней мѣрѣ, смѣлость стоять за нее... Не трусьте, не подличайте... Не будьте бабой...

— Господинъ Суровцовъ, это не можетъ такъ кончиться между нами!.. пробормоталъ Каншинъ, бѣлый, какъ платокъ; губы и даже подбородокъ его тряслись въ лихорадкѣ. — Я буду требовать отъ васъ удовлетворенія... Вы оскорбили во мнѣ не только дворянина...

— Можете успокоиться, сухо остановилъ его Суровцовъ. — Никто не слышалъ моихъ словъ, и я никому не буду рассказывать о нихъ; я не изъ шишовскихъ сплетниковъ. Совѣтую вамъ не поднимать скандала; меня онъ не устрашитъ, а для васъ онъ совѣмъ лишній. Все равно, на дуэль я не выйду никогда и ни съ кѣмъ, да думаю, что и вы на нее не соберетесь... А что я сказалъ вамъ, такъ поберегите себѣ на память для другого случая...

— Я никогда не былъ такъ оскорбленъ, никогда... шепталъ Каншинъ, ненавншій, какъ замать дѣло, и въ глубинѣ души обрадовавшійся предложенію Суровцова. Онъ былъ-бы безконечно радъ, если-бы Суровцовъ хоть для виду произнесъ какую-нибудь смятительную фразу. Но Суровцовъ, какъ нарочно, былъ безжалостенъ.

— Слушайте, сказалъ онъ: — вы, кажется, не на шутку считаете меня за какого-то возмутителя общественнаго спокойствія. Но вѣдь вы должны знать себя и всю вашу братію лучше, чѣмъ

я васъ знаю. Скажите на милость, когда это именно вы занимаетесь высокими дѣлами? Можетъ быть, это ради семейнаго начала вы держите по пяти любовницъ и продаете своихъ дочерей ходячимъ развратникамъ? Или ночи проводите въ пьянствѣ и картахъ, а дни въ надувательствахъ ближняго во имя религіи? Знайте это и помните, и молчите и не смѣйте заикаться ни какой дуэли. Кромѣ палки на васъ нѣтъ оружія!

Суровцовъ не помнилъ, чтобы когда-нибудь онъ позволялъ себѣ доходить до такого самозабвенія, до какового дошелъ теперь. Всегда смирный и привѣтливый, онъ теперь сыпалъ на растерявшуюся голову Каншина самыми жестокими и оскорбительными грубостями. Ему казалось, что въ лицѣ этого жалкаго Каншина онъ бичевалъ всю пошлость и низость пишовскихъ инстинктовъ и что этотъ суровый урокъ былъ роковой необходимостью.

— Мы съ вами увидимся. Это не пройдетъ вамъ такъ, бормоталъ Каншинъ въ неописанномъ смущеніи.— Я заставлю васъ отвѣчать за эти неслыханныя оскорбленія. Мнѣ 60 лѣтъ. Вы не пожалѣли даже сѣдинъ моихъ. Вы не пощадили во мнѣ званія предводителя.

— Не беспокойтесь, больше не буду! Я и то говорилъ слишкомъ много! перебилъ его Суровцовъ,—нѣсколько опомнившись. Вѣдь вамъ никто не скажетъ правды, кромѣ меня, а правду знать не мѣшаетъ даже вамъ.

Онъ пошелъ не въ столовую, а въ переднюю, и сейчасъ-же приказалъ подать лошадь. Каншинъ тоже уѣхалъ, не простившись съ хозяиномъ. Въ тотъ-же день по Шишамъ разнеслась вѣсть, что Суровцовъ узналъ о доносѣ предводителя, что они поссорились за обѣдомъ у Коптевыхъ не на животь, а на смерть, что на-дняхъ произойдетъ дуэль и что у Каншина секундантомъ Волковъ, а у Суровцова Трофимъ Ивановичъ Коптевъ.

— Нашли дурака! хладнокровно замѣтилъ Трофимъ Ивановичъ, когда долетѣла до него эта вѣсть.

Евгеній Марковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЭРА ПРОСВѢЩЕНІЯ ЯПОНІИ.

(Мей-Дзи.)

На двухъ противоположныхъ окраинахъ Востока передъ нами открываются, въ настоящую минуту, двѣ противоположныя картины событій: одна представляетъ намъ медленный и мучительный процессъ разложенія государственнаго организма, парализованнаго внутреннимъ истощеніемъ во всѣхъ своихъ частяхъ; на другой мы видимъ быстрое и цвѣтущее возрожденіе народа, выступающаго на сцену культурной міровой дѣятельности. Въ то время какъ въ Турціи все распадается и догниваетъ, на крайнемъ Востоцѣ, въ Японіи, все оживаетъ и крѣпнетъ. Причины различія въ судьбахъ этихъ двухъ народовъ совершенно понятны. Турція, основавшая свое могущество на силѣ меча и религіознаго фанатизма, остановилась въ своемъ развитіи только на этой силѣ и не хотѣла или не могла принять въ себя другихъ, прогресивныхъ и обновляющихъ элементовъ народной жизни. Она окаменѣла въ своемъ застоѣ, который рано или поздно приводитъ къ тому состоянію, въ которомъ жизнь дѣлается болѣе невозможной. Японія распорядилась собой иначе. Когда она поняла, что ея традиціонные тиски ужъ слишкомъ стѣсняють ея жизненные отправления, что отсталость ея должна привести ее къ тяжелому болѣзненному кризису, она энергически сбросила ихъ и пошла новымъ реформаціоннымъ путемъ.

Не болѣе восьми лѣтъ, какъ она вышла на этотъ путь послѣ 20-ти-лѣтней мертвящей косности, и нельзя не удивляться необыкновенному ея преобразованію. Это полный и радикальный переворотъ, какой только мы знаемъ въ исторіи. Начиная уни-

чтоженіемъ феодальной системы и преобразованіемъ всего правительственного механизма и окончивая организациею самаго широкаго народнаго образованія, ни одна отрасль социальнаго и политическаго быта не осталась нетронутою въ этой реформаціонной ломкѣ. Въ странѣ, еще такъ недавно на-глухо запертой для всякаго иностраннаго вліянія, теперь всѣ главныя государственныя предпріятія находятся въ рукахъ европейцевъ; отъ школы и до государственнаго совѣта вездѣ проникаетъ европейскій умъ и европейская культура. Менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ Японія обзавелась телеграфами, желѣзными дорогами, арсеналами и флотомъ, пароходами, промышленными и торговыми ассоціациями, общими и спеціальными школами, поставивъ народное образованіе высшей задачей своей преобразовательной дѣятельности. Страна относительно бѣдная, какъ всѣ исключительно земледѣльческія страны, она, однакожъ, находитъ средства разсылать своихъ молодыхъ людей во всѣ европейскіе университеты, содержать до 300 иностранныхъ учителей, выплачивая имъ ежегодно 1 1/2 миліона долларовъ; съ самыми скромными финансовыми средствами она произвела выкупъ феодально-поземельной собственности у князей и духовенства, вознаградила дворянство за утраченныя имъ привилегіи и въ то-же время нашла возможность создать множество новыхъ техническихъ и административныхъ учреждений. Но такъ-какъ въ народной жизни все совершается медленно и новыми идеямъ приходится пролагать себѣ путь сквозь многочисленныя преграды человѣческой ограниченности и укоренившихся предрассудковъ, то, нѣтъ сомнѣнія, что многія реформы въ Японіи еще далеко не созрѣли и не привились къ общественному сознанію. Только время и опытъ произнесутъ надъ ними окончательный приговоръ. Но сущность дѣла не въ этомъ, а въ томъ прогрессивномъ направленіи, которое сдвинуло такую страну, какъ Японія, съ ея неподвижнаго устоя. Разъ избранный ею новый путь, дѣлается для нея логически и въ силу самыхъ вещей неизбежнымъ путемъ; медленно или скоро, ошибочно или правильно, но она должна слѣдовать имъ, порвавъ свои органическія связи съ прошлымъ. Станетъ-ли Японія во главѣ возрожденія остальнаго Востока или нѣтъ?—на этотъ вопросъ отвѣтитъ время, но ее не могутъ болѣе игнорировать цивилизованныя націи, не могутъ и не должны пренебрегать ея настоящимъ и будущимъ значеніемъ. Изу-

ченіе ея и болѣе или менѣе рациональныя отношенія къ ней дѣлаются обязательными особенно для ея ближайшихъ сосѣдей. Не надо забывать, что солидарность народовъ въ человѣческой семьѣ, какъ солидарность отдѣльныхъ членовъ общества становится въ наше время главнымъ руководящимъ принципомъ политической, соціальной и умственной ихъ силы.

Японія, ближайшая сосѣдка нашихъ владѣній на Тихомъ Океанѣ, имѣетъ для Россіи такое значеніе, котораго она, конечно, не можетъ имѣть для другихъ европейскихъ народовъ. Для англичанъ или французовъ, даже для американцевъ — восточныхъ своихъ сосѣдей — она служитъ только торговымъ рынкомъ для обиха ихъ продуктовъ на мѣстные и на звонкую монету или станціею въ ихъ сношеніяхъ съ Китаемъ. Для нашего-же Уссурийскаго края, для Камчатки и даже для восточной Сибири Японія становится центромъ или разсадникомъ европейскаго просвѣщенія, несмотря на то, что она сама только восемь лѣтъ тому назадъ, дѣятельно и окончательно прикнула къ цивилизованной жизни. Наши чиновники и морскіе офицеры, долго прожившіе въ Приморской области или въ другихъ отдаленныхъ частяхъ русскихъ владѣній, въ Йокагамѣ отдыхаютъ отъ тягости и дикости своей жизни. Здѣсь, по ихъ собственному неоднократному признанію, на нихъ снова вѣетъ европейской атмосферой; здѣсь они приходятъ въ соприкосновеніе съ самымъ разнообразнымъ международнымъ обществомъ и дѣлаются очевидцами энергической реформаціонной дѣятельности по всѣмъ отраслямъ государственнаго устройства. Отсюда они могутъ на удобныхъ французскихъ, английскихъ, а скоро, вѣроятно, и на японскихъ пароходахъ отправляться въ Европу и въ Петербургъ, вмѣсто того, чтобы подвергать себя неудобствамъ примитивной дороги черезъ Сибирь. Изъ Японіи жители Владивостока снабжаются европейскими товарами и звонкою монетою. Наши военныя суда сибирской эскадры ходятъ для починки въ превосходные доки Йокоски близъ Йокагамы, которые теперь уже находятся совершенно въ рукахъ японцевъ. Наши портовые суда, — правда, крайне немногочисленны, — находятъ въ японскихъ портахъ возможность дешеваго снабженія необходимыми припасами, удобныя стоянки и помощь на случай

кораблекрушенія, какъ это недавно испытала на себѣ русская шкуна „Надежда“, разбившаяся о скалы Японскаго моря. Правда, мы имѣемъ торговый флотъ въ этихъ водахъ, состоящій изъ одного только парохода „Курьеръ“ и нѣсколькихъ парусныхъ судовъ, совершающихъ въ кои-то вѣки разъ плаваніе на Курильскіе острова, но онъ на-столько ничтоженъ, что это преимущество едва-ли можетъ быть принимаемо въ расчетъ.

Однако, если всѣхъ этихъ выгодъ, извлекаемыхъ нашими крайне-восточными окраинами изъ ихъ непосредственнаго сосѣдства съ возрождающеюся Японіей, все-таки окажется мало, то виновата въ этомъ не Японія, которая изъ нашихъ окриинъ не извлекаетъ вовсе никакихъ выгодъ и, слѣдовательно, не имѣетъ поводовъ заботиться о развитіи своихъ сношеній въ этомъ направленіи на западъ. Жизнь нашихъ восточныхъ окраинъ до-того бѣдна, до-того на-глухо замкнута въ себѣ, что если официальная инициатива не даетъ ей внѣшняго толчка, то она сама по себѣ неспособна ничего ни предпринять, ни организовать. Съ уступкою Японіи Курильскихъ острововъ (взамѣнъ японской половины Сахалина), единственная торговля этого края — пушной промыселъ, служившій весьма обильнымъ источникомъ обогащенія для гг. Филипеуса и К°, ускользаетъ изъ русскихъ рукъ. Датско-американская компанія, занимавшаяся разработкою каменно-угольныхъ копей въ русской части Сахалина, также недавно была приглашена прекратить свою дѣятельность, такъ-какъ правительство имѣетъ какіе-то спеціальныя виды на этотъ островъ. „Не оживеть, аще не умретъ“, — наша торговая и промышленная дѣятельность на Тихомъ океанѣ за эти послѣдніе два-три года умерла такъ рѣшительно, что препятствій къ ея оживленію, по крайней мѣрѣ съ этой стороны, никакихъ быть не можетъ. Какъ-бы то ни было, но въ этомъ направленіи мы не можемъ ступить ни шагу безъ того, чтобы не встрѣтиться съ Японією, и что преуспѣванія на пути прогресса „Имперіи восходящаго солнца“ представляютъ для жителей нашихъ отдаленныхъ восточныхъ окраинъ чрезвычайно благоприятный шансъ, котораго они, конечно, не могли имѣть, пока эта страна оставалась мертвою въ своей традиціонной восточной скорлупѣ.

Россія и Японія не только непосредственныя сосѣди, но еще онѣ обѣ имѣютъ общихъ сосѣдей — Китай и Корю, отношенія

съ которыми рано или поздно должны выясниться и опредѣляться. Отсюда естественно вытекаетъ извѣстная общность политическихъ интересовъ, очень хорошо сознаваемая Японіей, которая, съ своей стороны, дѣятельно стремится ознакомиться какъ можно тѣснѣе съ Россіей, съ ея государственнымъ строемъ, исторіей, нравами и языкомъ. Правительство не только содержитъ въ Петербургѣ многочисленное посольство, посылаетъ туда своихъ студентовъ, но и заводитъ у себя три школы русскаго языка: одну въ нынѣшней столицѣ То-кьо или Іедо, предназначенную болѣе или менѣе специально для приготовленія переводчиковъ министерству иностранныхъ дѣлъ; другую въ Хакозатѣ, содержащую на счетъ министерства колоній (Кай-таку-си) и третью въ Нагасаки (гдѣ между прочимъ, вслѣдствіе частаго привала русскихъ военныхъ судовъ, образовалась уже цѣлая деревня, жители которой отъ мала до велика всѣ говорятъ или, по крайней мѣрѣ, понимаютъ по-русски). Надо замѣтить, что въ столицѣ существуетъ еще самостоятельная школа русскихъ миссіонеровъ, постоянно имѣющая полный комплектъ учениковъ, и, конечно, не интересъ религіозной пропаганды привлекаетъ туда японское юношество. Не слѣдуетъ забывать, что японцы уже въ XVI вѣкѣ шокировали католическихъ миссіонеровъ своимъ скептицизмомъ и что едва-ли существуетъ страна, менѣе пригодная для миссіонерской дѣятельности, какъ современная Японія.

Рѣшившись выступить на дорогу европейской культуры и цивилизаціи, Японія поставлена была въ необходимость ознакомиться поближе съ европейскими учрежденіями и порядками и призвать къ себѣ, какъ руководителей и наставниковъ, иностранцевъ со всѣхъ концовъ Европы. Такъ, напр., она отдала свое военное устройство въ руки французскихъ офицеровъ; морское вѣдомство было поручено англичанамъ; устройство народныхъ и нормальныхъ школъ ведется и до сихъ поръ подъ американскимъ надзоромъ, а для учрежденія медицинской школы были приглашены нѣмцы. Какъ ни странно это можетъ показаться на первый взглядъ, тѣмъ не менѣе языкомъ юридическаго и дипломатическаго развитія Японіи предполагалось сдѣлать русскій. Это ихъ намѣреніе слѣдуетъ приписать тому, что горсть государственныхъ людей Японіи, вліянію которыхъ страна обязана тѣмъ, что переворотъ 1868 г., начатый съ открытій намѣреніемъ если не совсѣмъ уничтожить, то, по край-

ней иѣрѣ, значительно обкорнать сдѣланныя иностранцамъ уступки, закончился, однакожь, полнымъ торжествомъ просвѣтительныхъ началъ... Руководители возрожденія Японіи — Ивакура, глава посольства, объѣхавшаго въ 1872—4 гг. всю Европу и Соединенные Штаты сѣверной Америки, Кизо, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, Соезима, долго бывшій министромъ иностранныхъ дѣлъ, и многіе другіе остаются до настоящаго времени ревностными поклонниками „Петер-Верки“, — такъ они называютъ Петра Великаго, біографія котораго была одною изъ первыхъ европейскихъ книгъ, переведенныхъ на японскій языкъ. Психологически весьма понятно, что именно дѣятельность преобразователя Россіи должна была сильнѣе, чѣмъ дѣятельность всякаго другого государственнаго дѣятеля Европы, поразить японскій умъ, благодаря той аналогіи, которую стремящаяся къ преобразованію Японія представляла съ Россією петровскаго времени. Многія другія соображенія заставляли японцевъ искать себѣ образцовъ не въ Англіи или Америкѣ, столь далеко опередившихъ даже своихъ европейскихъ сверстниковъ, а именно въ Россіи, выступившей еще такъ недавно на преобразовательный путь, а потому и представляющей собою идеаль легче достижимый. Не слѣдуетъ забывать, что ближайшею задачею реформаторовъ Японіи было образованіе въ странѣ сильно централизованной государственной власти, способной обуздать феодальныя стремленія удѣльныхъ князей или *дай-мьо*, и кичливость многочисленной шляхты — *самураевъ* и *хатамото*, которая все теряла съ этимъ переворотомъ и по необходимости должна была служить тормозомъ къ развитію японскаго просвѣщенія. Нигдѣ въ Европѣ эта централизующая государственная власть не стоитъ на той высотѣ, которой она достигла въ Россіи, а потому и немудрено, что японское правительство, имѣвшее въ виду измѣнить не только политическія рамки, но и самую социальную сущность японскаго быта, обращало свои взоры на насъ, своихъ западныхъ сосѣдей. Къ этому присоединялось множество другихъ побочных соображеній. Такъ, наприм., Англія, Франція и Америка имѣютъ въ Японіи слишкомъ серьезные коммерческіе интересы. Многочисленные выходцы изъ этихъ странъ, наѣхавшіе сюда съ единственною и исключительною цѣлью нажиться на счетъ японскихъ кармановъ, постоянно втягивали и дипломатическія представительства своихъ странъ въ

разнаго рода скандальныя исторіи, столь существенно компрометирующія дѣло цивилизаціи въ отдаленныхъ колоніяхъ. Американскій комодоръ Перри, убѣдившій вашингтонскій конгрессъ снарядить достопамятную экспедицію 1852—54 гг., которой мы и обязаны открытіемъ Японіи, уже предвидѣлъ подобныя столкновенія и заранѣе рекомендовалъ своему правительству въ будущихъ своихъ сношеніяхъ съ вновь открываемой страной не жертвовать интересами гуманности и справедливости ради выгоды спекуляторовъ, если правительство хочетъ извлечь изъ открытія Японіи ту пользу, которую оно способно принести американской націи вообще *). Совѣтъ его, однакожь, былъ исполненъ такъ плохо, что г. Андрю Скардъ, посѣтившій Японію въ 1869 г., и въ изданномъ имъ описаніи своего путешествія вокругъ свѣта, и въ частныхъ запискахъ конгрессу вынужденъ повторить его снова, въ то-же время выставляя въ крайне невыгодномъ свѣтѣ тѣ отношенія, въ которыя стали къ японцамъ не только заморскіе спекулянты-просвѣтителы, но и различные посланники и консулы. Скардъ утверждаетъ между прочимъ, будто японское правительство до того было запугано хищническою требовательностью иностранцевъ, что препятствіемъ къ сооруженію желѣзной дороги между Йокагамою и То-кьо (Токио) долгое время служило соображеніе, что иностранцы будутъ ѣздить или отправлять товары этимъ путемъ и за малѣйшую неисправность со стороны служащихъ на желѣзной дорогѣ лицъ взыскивать съ правительства чудовищные проторы и убытки, а посланники и консулы ихъ будутъ поддерживать ихъ требованія. Не ручаясь за достовѣрность этого увѣренія, замѣтимъ только, что въ Японіи еще существуетъ „экстерриторіальность“, т. е. что живущіе здѣсь иностранцы подвѣдомственны только юрисдикціи своихъ консуловъ.

Совершенно иное положеніе Россіи въ этомъ отношеніи. Не имѣя ни торговыхъ факторій, ни промышленныхъ предпріятій въ Японіи, она *могла-бы* очень удобно обойти этотъ подводный камень, на что, повидимому, рассчитывали и сами японцы. Мы говоримъ „могла-бы“, такъ-какъ въ дѣйствительности она его не миновала и наши власти нашимъ-таки случай показать, что

*) См. Narrative of the Expedition of an americ. Squadron to the China Seas and Japan.—Washington, Beverley Tuckler, 1856 г.

и они, не хуже другихъ, считаютъ японцевъ за стадо барановъ, обреченное на то, чтобы его стричь безъ зазрѣнія совѣсти въ пользу консульскихъ и посольскихъ протезе.

Гораздо прежде, чѣмъ иностраннымъ державамъ удалось заключить съ Японіею торговые договоры, въ Японіи уже существовалъ страхъ, что европейцы—особенно англичане—явятся завоевывать Японію, какъ они уже завоевали Индію. Извѣстно, что Японія до 1868 г. управлялась преемниками Токугава-Іеясу, прозваннаго по смерти Гогенсамоу, которому удалось въ концѣ XVI вѣка укротить междоусобія удѣльныхъ князей, доведившія страну и народъ до крайняго разоренія. Какъ и всѣ историческіе дѣятели, Гогенсама, совершая весьма своевременную и національно полезную задачу, преслѣдовалъ въ то-же время своекорыстную цѣль возвеличенія своего потомства. Цѣль эта ему удалась и его преемники пользовались въ Японіи такою властью, что иностранцы считали этихъ правителей—сіогуновъ или тайкуновъ—за свѣтскихъ императоровъ Японіи. Завѣщаніе Гогенсамы служило замѣною всякаго рода кодексовъ для страны. Высшіе чиновники японской администраціи обязаны были имѣть постоянно при себѣ экземпляръ этого завѣщанія, отпечатанный почти микроскопическимъ шрифтомъ, но распространеніе его въ народъ было строжайше запрещено. Одною изъ главныхъ заботъ Гогенсамы было желаніе упрочить навсегда тотъ выгодный для его потомства государственный строй, надъ созданіемъ котораго онъ такъ неутомимо работалъ. Для достиженія этой цѣли ему важно было оторвать Японію отъ всего міра. Той ненависти къ иностранцамъ, которую и до настоящаго времени питаетъ большинство китайскаго народонаселенія, въ японскомъ народѣ не было никогда. Португальцы, прибывшіе сюда съ Мендесомъ Пинто, были встрѣчены и народомъ, и правительствомъ крайне дружелюбно. Одинъ изъ правителей, предшественниковъ Гогенсамы, Ода Нобунага покровительствовалъ даже католическимъ миссіонерамъ, волтеріански подтрунивая надъ религіозными предметами вообще, но видя въ христіанской пропагандѣ орудіе противъ враждебнаго ему буддійскаго духовенства. Подъ его покровительствомъ миссіонеры до того зазнались, что при преемникѣ его Хидаеюси наималѣйшее стѣсненіе казалось имъ уже діоклетіановскимъ гоненіемъ. А между тѣмъ они-же сами на каждомъ шагѣ вызывали эти стѣсненія, мѣшаясь

въ политическую жизнь страны и оскорбляя гордость дай-мьосовъ. Въ особенности съ отъѣздомъ Франциска Ксаверія и иезуиты, и францисканцы выказываютъ такую безтактность, что можно подумать, что они умышленно добиваются преслѣдованія и изгнанія. Подробности этого дѣла читатели найдутъ въ превосходной книгѣ Диксона „*Ярап*“. Мы хотѣли только замѣтить, что для Хидеіоси преслѣдованіе христіанъ было политическою необходимостью; Гогенсама-же драконовскими мѣрами противъ всякаго сближенія съ иностранцами старался предохранить дѣло рукъ своихъ отъ всякихъ постороннихъ вліяній. Однакожь, потребность въ торговыхъ сношеніяхъ съ просвѣщеннымъ міромъ успѣла уже развиться въ Японіи на-столько, что и онъ вынужденъ былъ дозволить, по крайней мѣрѣ, голандскимъ торговымъ судамъ приходить ежегодно въ гавань Нагасаки. Какъ ни кратковременны были сношенія японцевъ съ иностранцами, тѣмъ не менѣе они оставили на японскомъ народѣ глубокіе слѣды. Японцы заимствовали отъ португальцевъ огнестрѣльное оружіе, стекло, бархатъ, хлѣбъ, куреніе табаку и пр. Многого, впрочемъ, эти выходцы и дать не могли, будучи сами или морскими разбойниками, вродѣ Пинто, либо фанатиками вродѣ Франциска Ксаверія, или и того хуже. Слѣдуетъ замѣтить, что вліяніе европейцевъ оставило тѣмъ болѣе глубокіе слѣды, чѣмъ далѣе уходило отъ центровъ правительственной власти — отъ городовъ Камакура и Іедо. На сѣверѣ, особенно въ областяхъ Сендай и Шо-най, до настоящаго времени сохранились многочисленныя христіанскія общины. Даже въ окрестностяхъ священнаго города Кьото или Міако, небывшаго подъ непосредственнымъ контролемъ сіогунскаго правительства, можно еще находить слѣды вліяній первыхъ европейскихъ выходцевъ. Это прямо указываетъ на то, что отчужденіе Японіи было чисто дѣломъ правительственнымъ, а не народнымъ. Чтобы узаконить эту мѣру въ глазахъ общественнаго мнѣнія, правительство весьма естественно было вынуждено указывать на европейскихъ переселенцевъ — миссіонеровъ или купцовъ — какъ на тайныхъ агентовъ, высылаемыхъ будто-бы своими правительствами для того, чтобы высмотрѣть и увѣдомить его, когда наступитъ удобный часъ для завоеванія Японіи. Вездѣ-же, гдѣ представлялась возможность столкновеній съ иностранцами такъ, что изъ этого никакимъ образомъ не могло произойти никакого

ущерба для цѣлостности японской территоріи и неприкосновенности націи, само правительство жадно ловило всякій случай научиться отъ нихъ чему-нибудь полезному. У голандцевъ японцы учились постоянно медицинѣ, естествознанію, картографическому искусству, часовому мастерству. Когда англійскій лопманъ Адамсъ попалъ въ Японию, то ему сдѣланы были крайне выгодныя предложенія съ тѣмъ, чтобы онъ навсегда остался въ Японіи и прервалъ совершенно всякія связи съ своею родиною, на что, какъ извѣстно, онъ и согласился.

Угроза католическихъ миссіонеровъ, что ихъ король пришлетъ военныя суда и войско для покоренія Японіи, будучи, такимъ образомъ, популяризуема правительствомъ, принесла свои плоды. Когда эскадра Перри появилась въ гавани Урага (1854), требуя заключенія мирныхъ договоровъ, то по всей странѣ распространился паническій страхъ и увѣренность, что наступилъ конецъ японской независимости. Единственный энергическій человѣкъ, оказавшійся въ это время въ правительствѣ сіюгуна Іесада, былъ князь Мито. Не дожидаясь приказанія свыше, онъ принялъ всѣ мѣры къ отчаянной защитѣ и приказалъ даже перелить въ пушки колокола всѣхъ храмовъ въ своихъ владѣніяхъ, за что и былъ посаженъ въ тюрьму. Но уже въ это время въ молодой части японскаго общества потребность сближенія съ цивилизованною жизнью была настолько сильна, что множество юношей, несмотря на строгій дозоръ, являлись къ офицерамъ эскадры, прося увести ихъ съ собою. Перри, не желая раздражать японское правительство, строго запретилъ принимать ихъ на суда, а одного изъ нихъ даже выдалъ японскимъ чиновникамъ. Его тотчасъ-же заключили въ тюрьму и подвергли строжайшему допросу. Оказалось, что содержатель одной весьма извѣстной въ Іедо школы проповѣдывалъ своимъ ученикамъ о преимуществахъ христіанской цивилизаціи надъ японскою и о необходимости для японскаго юношества усвоить ее себѣ. Когда явились американскія суда, наставникъ этотъ рѣшился воспользоваться благоприятнымъ случаемъ. Выбравъ лучшаго изъ своихъ воспитанниковъ, онъ снабдилъ его деньгами на дорогу, на-сколько позволяли его скудныя средства. Оба—и ученикъ, и наставникъ, были казнены; но трагическій примѣръ этотъ не запугалъ японскихъ юношей, и едва-ли хоть одинъ европейскій

пароходъ оставилъ Японию, не увезя съ собою нѣсколько молодыхъ японцевъ, рисковавшихъ головою ради желанія ознакомиться съ тою свѣтлою и свободною жизнію, о которой до нихъ доходили только темныя и отрывочныя извѣстія.

Въ тѣхъ частяхъ японскаго народонаселенія, которыя имѣли возможность познакомиться съ „господами варварами“ какъ вѣжливо величаютъ насъ еще и до сихъ поръ наиболѣе дружески расположенные къ иностранцамъ „сыны восходящаго солнца“, опасенія за то, что прибытіе чужеземцевъ угрожаетъ Японіи потерей ея независимости, быстро начали разсѣваться. Но они и до сихъ поръ еще живутъ въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ частяхъ страны, и въ особенности въ фанатической средѣ самураевъ или шляхтичей, въ которыхъ военная доблесть и національное чувство развиты дѣйствительно очень сильно, да которые къ тому-же лишены возможности праздно жить на счетъ крестьянства подъ эгидою феодальныхъ князей съ тѣхъ поръ, какъ феодальный строй и привилегіи кастъ въ Японіи уничтожены. Собственно съ этого и начался тотъ реформаціонный періодъ въ Японіи, которому не даромъ удивляется вся Европа и который открылъ доступъ иностранцамъ въ эту страну. Основываясь на своихъ личныхъ наблюденіяхъ, собранныхъ мною въ продолженіи пятилѣтняго пребыванія въ Японіи и знакомства съ ея литературой, я попытаюсь здѣсь въ немногихъ словахъ очертить картину социальнаго быта Японіи непосредственно передъ ея открытіемъ для иностранцевъ.

Начиная съ эпохи „Тен-по“ (небесная защита), соответствующей тридцатимъ годамъ нынѣшняго столѣтія, порядокъ, введенный Гогенсамой и временно избавившій страну отъ удѣльной неурядицы, изжился окончательно. Такъ-какъ званіе сіюгуновъ не было наследственно въ непосредственномъ потомствѣ Гогенсамы, а избранію могли подлежать всѣ князья, состоявшіе въ родствѣ съ крайне-многочисленнымъ семействомъ Токугавы, то между ними возникаютъ распри и интриги за это званіе. Южные князья: Сацума на островѣ Кіу-сіу, Тоза на Сикокѣ и Чьо-сіу на самомъ островѣ Ниппонѣ, совершенно не признавая сіюгунскаго достоинства, оказываютъ открытое сопротивленіе центральному правительству и вѣчно ссорятся между собою, втягивая въ свои распри мелкихъ владѣльцевъ. Хатамото, т. е. шляхта дома То-

кугавы, простираетъ свою дерзость въ отношеніяхъ къ народу и къ самураямъ, т. е. къ дворянству удѣльныхъ княжествъ, до неслыханнаго предѣла. „Думая, что могуществу Токугавы никогда не будетъ конца, говорить японскій историкъ, — они (хатамото) коснѣли въ праздности, развратѣ и хищничествѣ“.

Между аристократіею императорскаго двора, „куге“, и въ численно ничтожномъ меньшинствѣ образованныхъ самураевъ всѣхъ княжествъ начинаетъ созрѣвать болѣе и болѣе мысль о необходимости покончить радикальнымъ образомъ съ феодальною анархіею. Тотъ самый князь Мито, о которомъ мы уже упоминали выше, издавъ многотомное сочиненіе по японской исторіи, въ которомъ, рядомъ съ необыкновенной эрудиціей и начитанностью по китайско-японскимъ источникамъ, онъ проводитъ мысль о необходимости уничтоженія сіюгунства и восстановленія императорской власти въ той ея чистотѣ, которую она уже въ началѣ XII вѣка успѣла утратить. Суда по аналогіи съ исторіею европейскихъ государствъ, гдѣ дѣйствительно сильная королевская или императорская власть являлась при концѣ среднихъ вѣковъ освободительницею народа отъ ига феодаловъ, мы не можемъ не признать эту тенденцію японскаго историка вѣрною. Она дѣйствительно встрѣчаетъ сочувствіе образованныхъ классовъ, въ средѣ которыхъ возникаетъ патриотическое общество, имѣвшее опредѣленною цѣлью низверженіе сіюгуновъ и всего, завѣщаннаго Гогенсамою государственнаго строя.

Низшіе классы народонаселенія, совершенно отторгнуты Гогенсамою отъ всякаго участія въ государственной жизни, не остаются однакожь, праздными свидѣтелями этого движенія: въ Осака, главномъ центрѣ японской промышленности и торговли, вспыхиваетъ демократическое возстаніе подъ предводительствомъ нѣкоего Од-сиво, „вадзра“, т. е. человѣка самаго низкаго званія, какъ говорятъ о немъ японскіе историкъ, который вскорѣ былъ схваченъ сіюгунскими чиновниками и казненъ.

„Какъ заслуженное наказаніе за подобныя злодѣянія, небо посылаетъ рядъ неурожайныхъ годовъ. Нужда и голодъ доходятъ до необычайныхъ размѣровъ. Мудрецъ хмурилъ брови, видя трупы умершихъ голодною смертію людей, валяющіеся по большимъ дорогамъ, какъ падалъ. Бѣдняки, лишеныя всякихъ средствъ къ существованію, увеличивали число бродягъ и раз-

бойниковъ, доводившихъ до отчаянія осѣдлыхъ гражданъ дерзостью своихъ нападеній. Общественное мнѣніе находилось въ крайне возбужденномъ состояніи“.

Разбойниковъ ловили, варили въ кипяткѣ или распинали на крестахъ; но положеніе отъ этого не улучшалось ни на волосъ. Крестьянство, т. е. единственный производительный классъ въ этой исключительно земледѣльческой странѣ, было слишкомъ задушено подъ гнетомъ паразитическихъ сословій, которыя въ Японіи составляли высшую аристократическую расу. Эти аристократическія сословія смѣшиваются у первыхъ европейскихъ писателей о Японіи подъ общимъ именемъ „людей съ двумя саблями“, хотя, надо замѣтить, двухъ сабель они не носили никогда, а по общему восточному обыкновенію носили саблю и кинжалъ, которыми совершали „хара-кири“, т. е. распарывали себѣ брюхо въ тѣхъ случаяхъ, когда по обычаямъ европейскаго рыцарства слѣдовало вызывать противника на дуэль. Однако же ни на что неспособная, кромѣ хищничества и войны, эта старая аристократія дѣлилась на двѣ категоріи: „кэа-зоку“ (цвѣтистый родъ) и си-зоку (офицерскій родъ), т. е. на титулованное и не титулованное дворянство. Это подраздѣленіе существуетъ еще и до настоящаго времени, хотя политическія привилегіи дворянства отмѣнены окончательно; но правительство еще выплачиваетъ кэа-зокамъ и си-зокамъ небольшое ежегодное пособіе и признаетъ ихъ, какъ корпораціи, имѣющія свои періодическія собранія и свои частные интересы.

Купечество въ Японіи составляло третій классъ, презираемый дворянствомъ, „такъ-какъ они постоянно должны лгать, выдавая дрянной товаръ за хорошій“, и ненавидимый народомъ, на которомъ оно дѣйствительно лежало тяжелымъ бременемъ. Въ странѣ, живущей тою несложною и замкнутою жизнью, которою жила тогдашняя Японія, элементовъ для серьезной торговой дѣятельности существовать не могло; единственнымъ источникомъ для обогащенія торговаго сословія служило ростовщичество, страшно разорявшее крестьянъ.

Четвертый нисшій классъ—работники или пролетаріатъ, находился въ состояніи еще болѣе бѣдственномъ, чѣмъ крестьянство. Налоговъ они не платили никакихъ, но и не владѣли ничѣмъ, ни даже собственною своею особою. При полномъ отсутствіи круп-

ной промышленности въ странѣ, пролетаріатъ вынужденъ былъ болѣею частью группироваться въ видѣ многочисленной дворины вокругъ не только князей и дворянъ, но даже вокругъ бѣднѣйшихъ домовладѣльцевъ. Каждый глава семьи, по японскимъ обычаямъ, имѣлъ право жизни и смерти надъ всѣми своими членами.

Въ 1848 г. на престолъ императорскій вступилъ отецъ нынѣшняго микадо, прозванный по смерти Ко-мьо-Зинъ и обозначаемый въ исторіи этимъ посмертнымъ своимъ прозвищемъ. Японскій этикетъ не допускаетъ употребленія въ печати или даже въ разговорѣ собственнаго имени государя: оно замѣняется эпитетами „Тен-си“ (сынъ неба) или „Ко-тей“ (державный царь). Впрочемъ, должно замѣтить, что собственныя имена, точно также какъ и родственныя связи, въ Японіи вовсе не имѣютъ того характера неподвижности, какъ у насъ: императоры и простѣйшіе изъ смертныхъ мѣняютъ собственныя свое имена при каждомъ мало-мальски знаменательномъ событіи своей жизни, какъ, на примѣръ, при вступленіи въ каждый новый возрастъ, при полученіи чина и т. п. Начиная съ XII столѣтія, императоры въ Японіи только тѣмъ и заявляли о своемъ существованіи, что давали особыя названія періодамъ японской исторіи. Эта императорская хронологія и до настоящаго времени составляетъ единственный употребительный здѣсь способъ лѣтосчисленія. Эра настоящаго царствованія есть „Мей-дзи“, т. е. „просвѣщенія“. Нынѣшний годъ у японцевъ, слѣдовательно, обозначается, какъ VIII годъ Мей-дзи. Этотъ способъ лѣтосчисленія, очевидно, еще неудобнѣе, чѣмъ китайскій циклическій, однакожь, онъ почему-то упорно держится, и официальныя попытки замѣнить его непрерывнымъ счетомъ лѣтъ не прививаются совершенно.

Съ воцареніемъ Ко-мьо-Зина начинается періодъ „нескончаемаго благополучія“. Несмотря на такую громкую вывѣску, царствованіе это при самомъ своемъ началѣ уже имѣетъ характеръ даже болѣе мрачный, чѣмъ предыдущая эпоха „небесной защиты“. Явившійся въ Японію въ VI году эры „нескончаемаго благополучія“, американцы и русскіе, сами того не подозревая, застали государственный ея строй въ полномъ процесѣ разложенія. Всѣ элементы страны были въ полномъ броженіи и только недостатокъ программы или какого-бы то ни было единства дѣйствія препят-

ствоваль этому движенію дать окончательный импульсъ. Програма князя Мито и патриотическаго союза, т. е. возстановленіе императорской власти, сама по себѣ для живыхъ элементовъ японской націи могла представлять очень мало интереснаго, такъ-какъ весьма сомнительно, чтобы націа что-нибудь выиграла отъ простаго перемѣщенія правительственнаго центра изъ Іедо въ Міако, изъ рукъ выродившихся преемниковъ Токугавы въ руки сомнительныхъ потомковъ Зин-му Тен-о. А личность императора Ко-мьо-Зина была такова, что ожидать отъ него какой-бы то ни было вдохновительной инициативы не было ни малѣйшаго основанія. Такъ, напримѣръ, при началѣ веденія переговоровъ съ американскою эскадрою императору представлялась полнѣйшая возможность безъ борьбы овладѣть положеніемъ и забрать все дѣло въ свои руки, потому что слабый сіюгунъ Іесада только о томъ и думалъ, чтобы отклонить отъ себя всякую отвѣтственность и потому обращался къ Ко-мью-Зину за совѣтомъ и руководствомъ. Императоръ, однакожь, ничего лучшаго не нашелъ сдѣлать въ отвѣтъ на его обращеніе, какъ приказать по всей странѣ молиться объ избавленіи отечества отъ нашествія варваровъ; онъ сочинилъ даже молитву въ стихахъ къ душамъ своихъ предковъ и умолялъ князей и дворянство дѣйствовать единодушно, чтобы поддержать достоинство японской націи въ столь рѣшительную минуту. Видя, что съ этой стороны поддержки ему быть не можетъ, а что между тѣмъ американскій комодоръ держитъ себя слишкомъ рѣшительно и что ему нельзя отвѣчать такъ, какъ отвѣчали японцы русскимъ посланцѣ, отъ времени до времени появлявшимся въ Японіи уже съ конца прошлаго столѣтія, Іесада слагаетъ съ себя сіюгунское достоинство. На мѣсто его выбираютъ новаго сіюгуна; но японское положеніе дошло уже до того предѣла, что какъ ни мѣняются личности, повидимому, имъ управляющія, оно развивается какъ - будто подъ вліяніемъ роковой, стихійной силы.

На-сколько можно подвести общій итогъ той путаницѣ, которая длится здѣсь четырнадцать лѣтъ, начиная съ появленія американскихъ судовъ и кончая смертью послѣдняго императора, положеніе это рисуется въ слѣдующихъ чертахъ: сіюгуны стоятъ за необходимость уступить требованіямъ Америки и Россіи, не потому, чтобы они внезапно прониклись сочувствіемъ къ замор-

ской цивилизаціи, а потому, что въ качествѣ лицъ, завѣдующихъ дѣятельною политикою, они лучше, чѣмъ кто-либо въ цѣлой странѣ, понимаютъ неотразимость этихъ требованій. Императоръ, однажды заявившій о своемъ намѣреніи отстаивать молитвами, т. е. единственными находящимися въ его распоряженіи мѣрами, вѣковую отчужденность страны, болѣе ни во что уже не мѣшается; но уже вслѣдствіе одного этого своего первоначальнаго заявленія, въ глазахъ націи онъ служитъ представителемъ политики отчужденія, вовсе несообразной съ его личными и династическими интересами. Князья и дворянство, повидимому, гораздо меньше интересуются исходомъ самыхъ переговоровъ, чѣмъ вопросомъ, какъ выйдутъ преемники Токугавы изъ этого труднаго положенія? Въ то-же самое время они очень быстро поняли всѣ тѣ громадныя военныя преимущества, которыя можно извлечь изъ европейскихъ открытій и усовершенствованій, и слѣшать на переговоры другъ съ другомъ обзаводиться ружьями Ремингтона и Шаспо, пушками, паровозами и т. п., чуть только открывається къ тому первая возможность. Народъ глухо волнуется, но не выражаетъ въ ясно-опредѣленныхъ протестахъ своихъ требованій.

Дворянство области Хизенъ, составлявшей одинъ изъ многочисленныхъ удѣловъ княжества Мито, первое открыто возстаетъ противъ сіюгуна, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ будто-бы превышаетъ свою власть, вступая въ переговоры съ иностранцами. Оно требуетъ возвращенія государственной власти въ руки императора; но японскіе историки слѣшать прибавить, что подобное заявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ съ ихъ стороны было только маскою. Императоръ находитъ нужнымъ заявить, что самъ онъ противъ сіюгуна лично или противъ сіюгунской власти вообще ничего не имѣетъ, и выдаетъ за него свою сестру, принцессу Кацно-мیا. Вслѣдствіе столь значительнаго событія названіе эпохи „нескончаемаго благополучія“ измѣняется на „Бунъ-кіу“ („вѣрность преданіямъ“), и добродушные японцы начинаютъ считать свою хронологию снова.

„Во 2-мъ году эпохи Бунъ-кіу, въ 7-мъ мѣсяцѣ, осенью, небо однажды ночью представило чудное зрѣлище: на немъ появилось такое большое количество падающихъ звѣздъ, что онѣ образовали какъ-бы сверкающій дождь. Кромѣ того, начиная съ послѣднихъ лѣтъ эпохи Тен-по, часто стали появляться звѣзды

съ длинными хвостами, какъ метлы. Невѣжественный народъ вообразилъ, что эти необычайныя небесныя явленія состоятъ въ таинственной связи съ тѣмъ, что дѣлается на землѣ; онъ волновался и трепеталъ, ожидая войны и всякихъ бѣдствій“.

Семейственный союзъ императора съ сіогуномъ, представлявшій собою фактъ, до сихъ поръ еще небывалый въ лѣтописяхъ Японіи, не произвелъ, однакожь, рѣшительно никакого дѣйствія. Новая и гораздо болѣе энергическая попытка была сдѣлана къ восстановленію единства власти въ Японіи тѣмъ, что въ должность сіогуна избранъ былъ менѣе, чѣмъ двадцати-лѣтній князь Хьшоц-баси, старшій сынъ того-же самаго князя Мито, въ которомъ общественное мнѣніе видѣло литературнаго родоначальника и политическаго вождя имперіалистскаго движенія. При этомъ послѣднемъ сіогуна было послано въ Европу первое японское посольство, вмѣстѣ съ которымъ отправленъ былъ въ Парижъ и младшій братъ правителя, чтобы съ юныхъ лѣтъ и въ юмъ источникѣ ознакомиться съ европейскими нравами и цивилизаціею. Это обстоятельство заставляетъ предполагать, что едва-ли старшій князь Мито былъ такимъ ревностнымъ ненавистникомъ иностранцевъ, какъ можно-бы предположить изъ обзора его предыдущей дѣятельности. Но уже и въліянію Мито былъ положенъ конецъ.

Сильные южные князья: Сацума, Тоза, Чо-Сіу, споконъ вѣку враждебные традиціоннымъ порядкамъ Гогенсамы, только потому и не играли первенствующей роли въ послѣдніе годы японскихъ тревоженій, что были заняты междуособными распрями у себя дома. Сацума въ особенности пользовалась громкою репутаціею, какъ единственное княжество, сохранившее среди всеобщаго нравственнаго упадка древнюю воинскую доблесть. Ея самураи получали съ дѣтства совершенно спартанское воспитаніе, щеголяли своимъ искусствомъ въ гимнастическихъ упражненіяхъ и своимъ презрѣніемъ жизненныхъ удобствъ, доходившимъ до того, напримѣръ, что тамошняя *jeunesse dorée* ѣла мясо дохлыхъ собакъ или безъ надобности подвергала себя мучительнымъ ранамъ и т. п., единственно съ цѣлью выказать свою независимость отъ побужденій чувственности, столь сильно развитыхъ въ массѣ японскаго общества. Рядомъ съ физическимъ сацумская молодежь получала и соответственное умственное и

нравственное развитіе. Китайскихъ книгъ здѣсь читалось мало, но знаніе отечественной исторіи поставлялось въ обязанность каждому благовоспитанному самураю. Въ школахъ опытные воины обучали молодежь разнымъ тонкостямъ тактики, стратегіи, а также и дипломатическаго искусства; устраивались публичныя собранія знатней, на которыхъ имъ предлагался на обсужденіе какой-нибудь головоломный вопросъ изъ практики войны и междоусобій и т. п.

За малолѣтствомъ князя въ разбираемую нами теперь эпоху этимъ своеобразнымъ княжествомъ управлялъ дядя его, по имени Симадзу Сабуро, стяжавшій себя за послѣдніе годы громкую извѣстность реакціонера и ненавистника иностранцевъ, убійствомъ одного изъ секретарей англійскаго посольства, Ричардсона, и своею попыткою вооруженнаго сопротивленія англійскому флоту. Вначалѣ, однакожь, Симадзу держалъ себя совершенно инымъ образомъ по отношенію къ иностранцамъ; по крайней мѣрѣ, онъ былъ первымъ изъ японскихъ владѣтельныхъ князей, оцѣнившихъ преимущества европейской военной организаціи и стремившагося акклиматизировать ее въ своихъ владѣніяхъ. Онъ также очень хорошо понималъ, что для привитія плодовъ цивилизаціи нужно приготовить и рачистить подходящую для нихъ почву, а потому первымъ заветъ въ Японіи медицинское училище и школу иностранныхъ языковъ въ своей столицѣ Кагосима, и готовился сдѣлать больше на этомъ поприщѣ, когда обще-японскія дѣла приняли оборотъ, совершенно поглотившій собою его вниманіе, т. е. когда приспѣлъ моментъ, по его мнѣнію, удобный для того, чтобы вырвать въ свою пользу изъ слабыхъ рукъ рода Токугавы первенство и власть, по которымъ втеченіи двухъ вѣковъ вздыхали его предшественники.

Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ выходцы изъ всѣхъ странъ цивилизованнаго міра стали селиться въ Японіи, заводя въ открытыхъ по договору портахъ свои торговыя факторіи, строя невиданные въ Японіи многоэтажные каменные дома, очаровывая добродушныхъ японцевъ и импонируя ихъ въ глаза бросающимися преимуществами европейской культуры надъ ихъ отечественною. Многіе успѣли за это время убѣдиться, что появленіе „варваровъ“ вовсе не грозитъ гибелью японской національности и независимости, но уже служитъ источни-

коучъ обогащенія для производительныхъ классовъ, открывая новый сбытъ для японскихъ продуктовъ по небывало выгодной цѣнѣ. Стоимость сѣмянъ шелковичныхъ червей въ сацый короткий промежутокъ времени возросла почти въ двадцать разъ; спросъ на японскій шелкъ, ткани, мѣдь, бронзу и на тѣ продукты японскаго рукодѣлія, которые съ замѣчательнымъ совершенствомъ выдѣлывались японскими работниками изъ-за скуднаго дневнаго пропитанія, достигъ громадныхъ размѣровъ. Коротче говоря, въ эти первые, такъ-сказать, медовые годы нашихъ сношеній съ Японіею, иностранцы являлись положительными благодѣтелями для японскихъ производителей, что, однакожь, отнюдь не препятствовало имъ самимъ наживать крупныя состоянія въ короткое время. Не вдаваясь въ подробности, приведемъ только немногое примѣровъ: серебро, вслѣдствіе трудности своего добыванія при отсутствіи техническихъ свѣдѣній, цѣнилось японцами только втрое дешевле золота; шерсть и сукно, невѣдомыя прежде въ Японіи, гдѣ, вслѣдствіе сырого климата, овцы и козы не могли существовать, а между тѣмъ потребность въ теплой одеждѣ не менѣе сильна зимою, чѣмъ въ средней Европѣ, стоили дороже шелка и бархата. Недостатокъ мясной пищи при вовсе почти неразвитомъ скотоводствѣ заставлялъ платить съумасшедшія деньги за свиней, а первые, привезенные сюда кролики, прельстившіе японцевъ своею плодовитостію, доходили въ цѣнѣ до пяти и до шестисотъ месячанскихъ долларовъ за штуку и послужили предметомъ такихъ неслыханныхъ биржевыхъ спекуляцій, что правительство вынуждено было запретить ихъ продажу наравнѣ съ азартными играми, до которыхъ японцы страшные охотники, но которыя съ давнихъ поръ уже здѣсь гораздо строже, чѣмъ въ Европѣ, преслѣдуются властями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и для образованнаго меньшинства представилась возможность освоиться съ демократическимъ духомъ европейской цивилизаціи. Несмотря на необыкновенную любознательность японцевъ вообще, несмотря на повсемѣстное развитіе здѣсь грамотности и литературы, — сколько-нибудь основательныя свѣденія о бытѣ европейскихъ государствъ не могли здѣсь легко популяризироваться до тѣхъ поръ, пока, съ одной стороны, правительство препятствовало ихъ распространенію; съ другой — не-

достатокъ въ лицахъ, знакомыхъ съ европейскими языками, дѣлать возможнымъ переводъ на японскій языкъ только голландскихъ книгъ или тѣхъ немногихъ сочиненій о Европѣ и Америкѣ, которыя существуютъ въ китайской литературѣ. Только немногіе счастливы изъ князей и дворянства имѣли, слѣдовательно, возможность тотчасъ-же по открытіи для иностранцевъ японскихъ портовъ заводить интимное знакомство съ иностраннымъ государственнымъ бытомъ и культурою. Но дворянство, какъ сословіе, очень скоро поняло, что сближеніе съ иностранцами, столь благотворное для производительныхъ классовъ, ему грозитъ окончательною гибелью его вѣковыхъ привилегій. Поэтому, будучи взято въ общемъ составѣ, оно вѣстѣ съ буддистскимъ духовенствомъ, по меньшей мѣрѣ, выказывало къ иностранцамъ мало сочувствія, а часто даже звѣрски вымещало на неосторожныхъ европейцахъ вредъ, который эти послѣдніе наносили уже самымъ своимъ появленіемъ геральдическому паразитизму въ Японіи. Но изъ числа самураевъ всѣхъ княжествъ и аристократіи придворной, самой отсталой, нашлись люди, сумѣвшіе стать выше интересовъ и предрасудковъ своей касты. Вмѣсто того, чтобы довольствоваться археологическою программою князя Мито или поддерживать честолюбивые замыслы Симадзу, члены этого „патріотическаго союза“, о которомъ мы сказали выше, проникаются сознаніемъ необходимости радикально преобразовать весь социальный и государственный бытъ Японіи по европейскому образцу и дѣлать честолюбіе Сацумы и имперіализмъ Мито орудіемъ къ достиженію своихъ высокихъ цѣлей. При этомъ имъ приходится выказать такую зрѣлость и обдуманность своихъ плановъ, такое умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ, какія мы весьма рѣдко встречаемъ у европейскихъ преобразователей. Главные дѣятели этого союза почти всѣ занимаютъ въ настоящее время высшія государственныйя должности и имена ихъ извѣстны читателямъ по газетнымъ извѣстіямъ.

Этотъ-то дѣятельный передовой кружокъ держится тѣсно сплоченной оппозиціей во все время борьбы, которая завязывается между южными дай-мьосами съ Сацумою во главѣ, поднявшими знамя чистаго имперіализма, и сѣверными, которыхъ побудило взяться за оружіе желаніе обуздать кичливость сацумцевъ. Однакожь, понимая, что борьба эта сама по себѣ не можетъ за-

трогивать за-живо интересы японскаго народа, члены этого союза добиваются того, что три сильнѣйшіе корифея южной коалиціи: князья Сацума, Тоза и Чьо-Сіу, подаютъ императору адресъ съ просьбою, когда власть его будетъ восстановлена въ своей первоначальной чистотѣ силою ихъ оружія, воспользоваться ею для того, чтобы избавить націю отъ оковъ феодализма, и выражаютъ готовность пожертвовать своими сословными привилегіями народному благу. Только начиная съ этого заявленія, японскіе южане становятся дѣйствительными ратоборцами за возрожденіе Японіи; до тѣхъ-же поръ они, по крайней мѣрѣ, по внѣшности имѣли совершенно видъ поборниковъ застоя и отчужденія, ополчившихся противъ правительства сіюгуновъ за то, что оно открыло страну для иностранцевъ. Неудивительно, что европейскіе негоціанты, бывшіе очевидцами разсказываемыхъ здѣсь событій, опасались торжества южанъ и считали себя до извѣстной степени солидарными съ князьями сѣвера, которые постоянно нуждались въ оружіи и, слѣдовательно, давали ежедневные заказы иностраннымъ фирмамъ, а иногда даже вербовали легіоны иностранныхъ авантюристовъ подъ свои знамена. Не только иностранцы, но даже пингвиній японскій посланникъ въ Петербургъ, адмиралъ Енамото, высланный отрокомъ въ Голандію для обученія морскому искусству, возвратившись въ Японію въ самый разгаръ этой борьбы, былъ введенъ въ заблужденіе либеральною внѣшностью сѣверной коалиціи, которой онъ и предложилъ свои услуги, несмотря на то, что ни по своему положенію, ни по развитію онъ, очевидно, не могъ питать сочувствія къ сіюгунскому правительству, какъ это и оказалось впоследствии.

Борьба закончилась торжествомъ юга и смертью императора Ко-мьо-Зини (1868), случившеюся такъ кстати для приведенія въ исполненіе преобразовательныхъ замысловъ „патріотическаго союза“, что общественное мнѣніе приписываетъ ее отравленію. Новому дѣлу нужны новые люди, а умершій императоръ, не будучи еще старикомъ, однакожь, слишкомъ тѣсно былъ связанъ съ разъ навсегда отжившими въ Японіи порядками, тогда-какъ наследникъ его, имѣя отъ роду едва шестнадцать лѣтъ и не будучи связанъ никакими вліяніями, представлялъ именно то, въ чемъ Японія всего болѣе нуждалась въ данную минуту, т. е. объединяющее знамя, подъ покровомъ котораго диктаторская власть

могла предписывать странѣ необходимыя преобразованія, не вызывая ни въ комъ сомнѣнія насчетъ своего права ихъ предписывать.

Феодальная власть удѣльныхъ князей и дворянства была на первыхъ-же порахъ отиѣнена вовсе, налоги, сперва собиравшіеся дай-мьосами съ крестьянства и купечества ихъ владѣній, стали поступать въ государственную казну; правительство-же опредѣлило выплачивать прежнимъ владѣльцамъ ежегодную выкупную сумму, равную одной десятой части прежде получаемымъ ими доходовъ. Если принять во вниманіе, что прежде удѣльные князья несли на себѣ все бремя администраціи и военныя издержки, отъ которыхъ ихъ избавлялъ государственный переворотъ перваго года эры „Мей-дзи“, что они были подчинены разорительному *санко*, т. е. пребыванію въ столицѣ втеченіи цѣлой половины года и періодическимъ подачкамъ сіогуну и императору, то подобное уменьшеніе ихъ доходовъ не должно казаться намъ слишкомъ значительнымъ. Однакожь, въ дѣйствительности оно было значительнѣе, такъ-какъ доходы князей опредѣлялись числомъ *коку* или четвертей риса, собираемаго ими съ своихъ крестьянъ. Со времени открытія Японіи для иностранцевъ цѣна одного *коку* риса колебалась здѣсь между шестью и десятью *енъ* (т. е. мексиканскими долларами), смотря по урожаю и по спросу на этотъ драгоценный продуктъ на китайскихъ рынкахъ. Правительство-же, платя ежегодно выкупную сумму князьямъ деньгами, выплачиваетъ имъ только по одному *енъ* за *коку*. Что-же касается дворянства, то оно, какъ уже сказано было выше, было раздѣлено на двѣ категоріи: *квэ-зоковъ* и *си-зоковъ*, которымъ было предложено на выборъ или получить единовременный выкупъ отъ пяти до семисотъ долларовъ, или-же втеченіи неопредѣленнаго промежутка времени получать изъ государственной казны ежегодное пособіе, котораго размѣры измѣнялись по категоріямъ, но за средній терминъ котораго можно принять цифру отъ сорока до семидесяти долларовъ. Правительство, впрочемъ, предупреждало дворянъ, что эта мѣра временная, и приглашало ихъ заняться серьезно коллективнымъ обсужденіемъ своихъ интересовъ- и прінсканіемъ средствъ къ существованію безъ обремененія государственнаго бюджета. Монастырскія и церковныя имущества были тоже взяты въ казну, и жрецы и боны стали получать опредѣленное пра-

вительствомъ жалованье. Кстати замѣтить, что когда мы говоримъ о духовенствѣ въ Японіи, то имѣемъ исключительно въ виду духовенство буддійское, котораго организація представляетъ замѣчательную аналогію съ римско-католическою іерархією. Свѣтскому могуществу буддизма въ Японіи положенъ конецъ Нобунаго еще въ XVI вѣкѣ; но духовенство, а въ особенности монашество и до настоящаго времени составляетъ здѣсь элементъ, сильный своею численностью. И здѣсь, точно также какъ въ католическихъ странахъ Европы, опорю клерикальнаго вліянія составляетъ прекрасный полъ и крестьянское народонаселеніе нѣкоторыхъ горныхъ провинцій. Излишне распространяться о томъ, что буддизмъ въ Японіи, споконъ вѣка переплетаясь съ національными традиціями и суевѣріями и высасывая изъ нихъ все, что могло содѣйствовать его аклиматизаціи въ этой странѣ, существенно отклонился отъ своего первобытнаго идеала. Чго - же касается національно-японскаго культа — „син-то“, то онъ едва ли можетъ быть даже названъ религією или, по крайней мѣрѣ, представляетъ религію въ такомъ зачаточномъ состояніи, что едва ли ей суждено когда-нибудь развиться въ законченную форму. Жрецы этого культа ничѣмъ не отличаются отъ свѣтскихъ аристократовъ дворянъ императорскаго дома; они носятъ оружіе, вѣздятъ верхомъ, — что по японскимъ понятіямъ не подобаетъ вовсе духовнымъ особамъ, — и не отправляютъ никакого богослуженія, а только распоряжаются національными праздниками и процесіями въ честь отжившихъ или легендарныхъ національныхъ героевъ и родоначальниковъ Син-му. Въ то время, какъ буддизмъ породилъ здѣсь цѣлую литературу дидактическихъ трактатовъ и популярныхъ обрядниковъ, имѣющихъ цѣлью регулировать всю жизнь благомыслящаго японца до мельчайшихъ подробностей, — синтоизмъ имѣетъ одну только книгу „Ко-зи-ки“ („Сказаніе о древнихъ дѣлахъ“) — сводъ національныхъ легендъ и преданій, написанную столь чистымъ старо-японскимъ языкомъ и такимъ своеобразнымъ способомъ, что она непонятна не только для простолюдина, но и для большей части образованныхъ людей. Буддійское духовенство, не пользуясь ни благорасположеніемъ правительства, ни уваженіемъ со стороны общественнаго мнѣнія, разоренное въ конецъ и скептицизмомъ народныхъ массъ, и правительственными преобразованіями, однакожь до послѣдняго времени дѣлаетъ геройскія попытки

вмѣшиваться въ народную жизнь, слѣдить за измѣняющимися событіями каждаго дня, устраиваетъ публичные диспуты и рекламируетъ въ проповѣдяхъ, выдвигая изъ своей среды на каждомъ шагѣ такихъ замѣчательныхъ проповѣдниковъ, что ихъ фанатизирующему краснорѣчію могутъ позавидовать отцы Гіацинты и другіе ихъ европейскіе собраты и кумовья. Образованные японцы, съ давнихъ поръ прикрывающіе вѣшной преданностью традиціонному культу свой полный религіозный индифферентизмъ, любятъ однакожъ слѣдить за этими проповѣдями съ тѣмъ интересомъ, который они питаютъ къ пѣтушиннымъ боямъ, театрамъ и другимъ зрѣлищамъ; а христіанскіе миссіонеры, т. е. по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которымъ удалось совладать съ трудностями японскаго языка. поучаются у бонзъ, такъ-сказать, технической сторонѣ своего дѣла... Но возвратимся къ вопросу медиатизаціи свѣтскаго и духовнаго феодализма въ Японіи.

Вудучи лишены вѣковыхъ своихъ привилегій и уравниены въ смыслѣ политическихъ правъ съ простыми смертными, дай-мьосы были, однакожъ, на первое время оставлены, по крайней мѣрѣ, административными распорядителями прежнихъ своихъ владѣній, но уже не на правахъ ленныхъ владѣльцевъ, а только на правахъ простыхъ губернаторовъ, назначаемыхъ центральнымъ правительствомъ. Но они такъ мало оказались способными въ этой новой роли, что уже въ 1871 г. правительство рѣшилось смѣнить ихъ всѣхъ безъ исключенія. При этомъ даже прежнее подраздѣленіе страны на области или провинціи, совершенно соотвѣтствовавшее тому, которое существовало во Франціи до революціи, было официально уничтожено и замѣнено раздѣленіемъ на „кенъ“ — департаменты, имѣющіе во главѣ префектовъ или „кен-рей“, и на „кунъ“ или подпрефектуры. Къ этой мѣрѣ правительство прибѣгло вовсе не изъ желанія рабскаго подражанія европейскимъ образцамъ, а по-необходимости сгладить возможно-радикальнѣе слѣды феодализма. Мы упоминаемъ объ этой административной подробности только потому, что видимъ въ ней новое доказательство тождественности законовъ политическаго развитія въ разныя историческія эпохи и у совершенно различныхъ между собою народовъ.

Въ настоящее время въ Японіи ни въ должности губернаторовъ, ни на другихъ сколько-нибудь значительныхъ администра-

тивныхъ или государственныхъ мѣстахъ не оказывается уже ни одного князя; очень мало даже представителей титулованнаго дворянства, но всего болѣе бывшихъ самураевъ, которые собственно одни представляли здѣсь нѣчто подобное тому, что въ Европѣ называется третьимъ сословіемъ, и одни обладали необходимымъ для государственной службы развитіемъ. Однакожь касты и сословныя привилегіи съ самаго начала эпохи Мей-дзи уничтожены вовсе и доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ открытъ каждому не только по мертвой буквѣ правительственныхъ декретовъ и предписаній, но и въ дѣйствительности. Въ теперешнемъ высшемъ правительствѣ мы находимъ нѣкоторыхъ даровитѣйшихъ членовъ, вышедшихъ изъ крестьянства или изъ такъ называемыхъ „заоблачныхъ владѣльцевъ“, какъ здѣсь называется тотъ многочисленный классъ бѣдняковъ, который на землѣ не владѣлъ рѣшительно ничѣмъ, составлялъ одно изъ низшихъ подраздѣленій пролетаріата и снискивалъ свое скудное дневное пропитаніе подневною работою на Токай-до, т. е. на большой дорогѣ, ведущей изъ столицы сіогуновъ Іедо—въ столицу императоровъ Кьото. Нельзя не упомянуть здѣсь, что понятіе бессословности настолько уже успѣло соврѣтъ въ японскомъ обществѣ, что мнѣ никогда не приходилось слышать, чтобы какой-бы то ни было магнатъ, хотя бы въ разгаръ ядовитаго спора или за глаза, упрекнулъ своего „вышедшаго въ люди“ противника его низкимъ происхожденіемъ, тогда какъ въ глазахъ живущихъ здѣсь европейцевъ почти заурядъ поставляется въ укоръ тому или другому важному японскому сановнику то, что онъ былъ простымъ поденщикомъ или слугою какого-нибудь важнаго барина.

Однакожь, еще недостаточно открытъ, хотя-бы и фактически, доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ даровитымъ людямъ всѣхъ классовъ для того, чтобы привить идею бессословности къ обществу, вѣками пріученному презирать работника и производительный трудъ. Правительство, повидимому, очень хорошо сознаетъ это и стремится облагородить въ глазахъ отсталой аристократіи именно тотъ родъ производительной дѣятельности, который здѣсь пользовался наиболѣе дурной репутаціей. Такъ, напримеръ, вмѣсто того, чтобы завести государственный банкъ, оно способствуетъ образованію на аѣціяхъ обширнаго кредитнаго и разнѣннаго учрежденія, въ которомъ принимаютъ участіе и нѣко-

торые изъ высшихъ сановниковъ, но во главѣ котораго поставлена богатѣйшая въ Іедо купеческая фирма Мицу-и. Рядомъ съ этимъ банкомъ заводится большое предпріятіе на акціяхъ для заграничной торговли, тоже подъ купеческою фирмою Оно-я, но съ участіемъ въ немъ даже родственниковъ императора. Нѣкоторые князья и дворяне спѣшаютъ слѣдовать этому примѣру: такъ, напримѣръ, князь и нѣкоторые самураи княжества Тоза складываютъ деньги для учрежденія большого торговаго дома „Хорай-сьо“, управление которымъ поручается нѣкому Готоо, занимавшему высшія государственныя должности сперва въ своемъ княжествѣ, а потомъ въ центральномъ правительствѣ.

Предубѣжденія, вѣками вкоренившіяся въ японскомъ обществѣ противъ торговли вообще, и негодованіе на то, что страна доблестныхъ потомковъ Зин-му становится страной торгашей и барышниковъ, были, однакожъ, еще на-столько сильны въ нѣкоторыхъ патріархальныхъ слояхъ японскаго общества, что вышеупомянутые результаты достигались не легко. Кромѣ дѣйствія на общественное мнѣніе примѣрами, официальные и неофициальные преобразователи должны были вести литературную полемику противъ отсталыхъ воззрѣній на эту важную отрасль общественной самодѣятельности. Наиболѣе энергическимъ памфлетомъ въ пользу торговаго развитія считается манифестъ, изданный въ Осака въ самомъ началѣ эпохи „Мей-дзи“ нѣкимъ Като-Сукэ-ици и переведенный на англійскій языкъ г. Астономъ *). Считаю не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторые отрывки изъ этихъ, крайне интересныхъ по нашему мнѣнію, „Замѣчаній о торговлѣ“ цивилизованнаго японца, такъ-какъ они лучше, чѣмъ наши собственныя размышленія, ознакомятъ читателя и съ мировоззрѣніемъ современнаго японскаго общества, и съ литературными приемами этой страны:

„Великая Японія, управляемая мудрымъ нашимъ императоромъ, безспорно лучшая страна въ свѣтѣ. Въ ней нѣтъ ни сильныхъ жаровъ, ни невыносимаго холода и потому растительность здѣсь роскошная; рисъ, пшеница и другія питательныя растенія родятся въ изобиліи; овощи достигаютъ очень большихъ размѣровъ.

См. „The Phoenix“, a monthly magasin. edit. by the Rev. J. Summers. Vol. II, 1872 г.

Чай и шелковица первоначально занесены къ намъ изъ Китая, по они усовершенствованы на японской почвѣ, и это одно уже доказываетъ ея превосходство. Намъ могутъ возразить, что и въ Китаѣ и въ Европѣ есть страны съ климатомъ столь-же хорошимъ, какъ и Японія, но тамъ есть пустыни или высокія цѣпи горъ, негодныя къ воздѣлыванію. Въ Японіи нѣтъ такихъ мѣстностей *). Правда, и у насъ въ Дева, Осіу и нѣкоторыхъ другихъ провинціяхъ есть земли еще невоздѣланныя, но онѣ остаются невоздѣланными по недостатку рукъ **), а не по природной негодности...

„Японія отчуждена отъ остального міра океаномъ, раскидывающимся на большія пространства, и, казалось, Создатель озаботился снабдить ее всѣмъ, необходимымъ для ея существованія. Вслѣдствіе этого сердца людей, будучи свободны отъ подавляющей заботы и опасенія за свою обезпеченность, естественно расположены къ обходительности, добру и справедливости. Въ Китаѣ и другихъ странахъ являлись пророки и мудрецы и ревностно поучали народъ. Тѣмъ не менѣе, тамъ люди грабили и убивали другъ друга, сильный притѣснялъ слабого. Такой образъ дѣйствій по-истинѣ унижителенъ для людей; но онъ является послѣдствіемъ того, что страна недостаточно снабжена съѣстными припасами и другими необходимыми для жизни предметами, и жители вынуждены отнимать ихъ другъ у друга. Въ нашей Японіи ничего подобнаго не было... Какая счастливая участь быть рожденнымъ въ странѣ, гдѣ всякій безсознательно и безъ усилій стремится къ добру, потому что всякій тепло одѣтъ и сытъ отъ плодовъ земли своей!

*) Почти треть японской территоріи непригодна къ воздѣлыванію по причинѣ горъ. Д-ръ Гринъ находилъ на самомъ о-вѣ Ниппонѣ мѣста, гдѣ $\frac{3}{4}$, а иногда и $\frac{7}{8}$ территорія были свободны отъ посѣвовъ. См. его „Report upon the Agriculture in Japan“—въ экспедиціи Перри. Не надо забывать, что памфлетъ этотъ писанъ съ цѣлью привлечь на сторону новыхъ идей людей, наиболее зараженныхъ въковомъ языкомъ національнаго самохвальства, нашего пресловутаго: „забросаемъ шапками!“ Авторъ умышленно высказываетъ въ панегирической формѣ такіе факты, которыхъ ошибочность ясна для каждаго, хорошо знакомаго съ экономическимъ положеніемъ страны.

**) Японія, состоящая изъ 3800 острововъ, по величинѣ будучи почти равна Англіи, имѣетъ 33 миліона народонаселенія, т. е. она значительно болѣе населена, чѣмъ Великобританское королевство, и изъ европейскихъ странъ уступаетъ только Бельгіи въ густотѣ своего населенія.

„Мы не нуждались въ сношеніяхъ съ заморскими государствами, но ихъ граждане стали прѣзжать къ намъ, просить о дружескихъ сношеніяхъ съ нами, торговать съ нами и удивляться богатству нашей страны. Нѣтъ мѣсяца, въ который оборотъ не доходилъ-бы до двухъ миліоновъ долларовъ. Но хотя мы и имѣемъ все необходимое для жизни у себя дома, все-жъ-таки существуютъ весьма уважительныя причины для поддержанія иностранной торговли. Продукты разныхъ странъ совершенно различны и объѣмъ взаимныхъ избытковъ, если онъ совершается сообразно съ требованіями справедливости и взаимной помощи, выгоденъ для обоихъ. Взаимная помощь должна служить руководящимъ принципомъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій.

„Въ старія времена иностраннымъ кораблямъ было позволено приходить только въ Нагасаки; причиною этого ограниченія былъ страхъ, чтобы они не завладѣли странюю. Но съ тѣхъ поръ иностранныя государства все болѣе и болѣе цивилизовались. Они изобрѣли пароходы, снабженные такимъ механизмомъ, что они въ однихъ сутки могутъ проходить по 100 или даже по 200 ри и отовсюду могутъ скоро достигать береговъ Японіи. Нашъ микадо убѣдился въ необходимости завести съ ними дружескія сношенія; только этимъ путемъ мы и можемъ занять подобающее намъ мѣсто въ ряду другихъ націй, не отступаясь отъ принципа взаимной помощи и справедливости.

„Я сказалъ уже, что страна наша снабжена вдоволь. Но, напримѣръ, къ намъ во всякое время привозили цѣлебныя травы изъ Китая, и мы покупали ихъ очень дорого. Европейцы придумали множество машинъ, которыхъ устройство чрезвычайно умно и изобрѣтательно и которыя оказываютъ имъ неоцѣнныя услуги. Конечно, мы жили и безъ машинъ, но развѣ можно не признать, что онѣ вещи крайне поучительныя и полезныя! Къ тому-же, иностранцы уступаютъ намъ эти свои изобрѣтенія за тотъ избытокъ нашихъ отечественныхъ произведеній, который пропалъ-бы вовсе, если-бы мы не отдавали его имъ, исполняя такимъ образомъ долгъ общежитія и въ то-же время извлекая выгоды для себя. А между тѣмъ находятся люди, живущіе далеко отъ центровъ просвѣщенія, которые на иностранцевъ смотрятъ какъ на враговъ, а въ торговлѣ видятъ причину бѣдности, являющейся результатомъ всеобщаго вздорожанія цѣвъ на всѣ продукты. Это

большая ошибка. Люди въ разныхъ странахъ бываютъ хорошіе и дурные, но иностранцы—дѣти того-же міра, къ которому принадлежимъ и мы, и человѣческая природа вездѣ одна и та-же. Что-же касается вздорожанія цѣнъ, то виноваты въ немъ не иностранцы, а упадокъ стоимости золота. Цѣны управляются естественными законами и зависятъ отъ сравненія между собою различныхъ предметовъ. Цѣна денегъ не всегда остается одинакова. Изъ того, что мы платимъ теперь три ріо (долара) за вещь, за которую прежде платили одинъ ріо, еще не слѣдуетъ, что вещь эта вздорожала втрое противъ прежняго; три ріо въ настоящее время представляютъ стоимость нѣсколько даже ниже той, которую прежде выражалъ одинъ ріо. Тотъ, кто взвѣситъ эти аргументы, легко найдетъ, что кажущаяся дороговизна часто оказывается только номинальной“.

„Теперь разсмотримъ пути, которыми должна быть ведена торговля. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что иностранцы обладаютъ такимъ знаніемъ разныхъ странъ міра и такою торговою опытностью, которыхъ у насъ еще нѣтъ. Къ тому-же они имѣютъ торговныя общества и товарищества всякаго рода, основанныя на началахъ взаимной асоціаціи. Въ Японіи тоже были торговныя общества, но въ нихъ не было и помину ни о взаимной помощи, ни объ общемъ благѣ. Крупные торговцы путемъ этихъ обществъ освобождались только отъ конкуренціи мелкихъ своихъ собратій, а потому правительство запретило ихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но если кто-нибудь теперь попроситъ у правительства разрѣшенія учредить торговую асоціацію по европейскому образцу, то правительство не только не откажетъ, но будетъ еще очень радо этому, потому что наступило такое время, когда Японія должна имѣть свою систему прочныхъ асоціацій, основанныхъ на началахъ взаимной помощи и справедливости. Только этимъ путемъ наше торговое развитіе можетъ быть расширено.

„Когда система асоціацій будетъ усвоена и дастъ большія выгоды, тогда мы начнемъ строить корабли, на которыхъ станемъ отправлять наши товары въ иностранныя государства. Это будетъ для насъ въ десять разъ выгоднѣе, чѣмъ вести иностранную торговлю у нашихъ дверей. Цѣна вещей дорожаетъ пропорціонально числу рукъ, черезъ которыя эти вещи проходятъ. Возь-

мешъ, напримѣръ, рыбу. Море производитъ ее даромъ; рыбакъ ловить ее и продаетъ на рынкѣ только за нѣсколько копеекъ. Тамъ ее покупаетъ разнощикъ, продающій ее мелочному торговцу или прямо потребителю. Прежде, чѣмъ она попала на столъ потребителя, она прошла черезъ нѣсколько рукъ; каждый взявъ на ней нѣкоторый барышъ, и потребитель долженъ заплатить три бу (четверть рію) или и цѣлый рію за то, что рыболовъ продалъ за нѣсколько копеекъ. Теперь мы ведемъ торговлю съ иностранцами подобно тому, кто покупаетъ рыбу за цѣлый рію; когда-же мы будемъ на своихъ судахъ отправлять къ нимъ свои товары, мы уподобимся тому, кто покупаетъ эту самую рыбу за нѣсколько копеекъ у рыболова. Это будетъ такъ выгодно, что издержки путешествія въ два конца нечего будетъ и принимать въ соображеніе. Но только надо, чтобы наши купцы, отправляясь въ иностранныя государства для сбыта своихъ или для покупки чужихъ произведеній, находили тамъ компаніоновъ, готовыхъ дать имъ всѣ необходимыя указанія и оказать всякую поддержку. Купецъ изъ Іедо, отправляясь въ Кьото или Осака съ большимъ складомъ товара и въ надеждѣ на барыши, очень часто бываетъ радъ отдать свой товаръ за безцѣнокъ, чтобы выбраться изъ чужого города. Тѣмъ болѣе невозможно вести выгодно дѣла съ отдаленными государствами, не имѣя тамъ никого, кто-бы могъ оказать нужную помощь въ расчетѣ на взаимность.

„Японія втеченіи многихъ вѣковъ была запертою для иностранцевъ; внѣшній міръ насъ не касался, и все-таки черезъ то, что мы держались между собою принципа взаимной помощи, наши необходимѣйшія потребности были удовлетворены. Это былъ спокойный и легкій образъ жизни, который можно сравнить съ бытомъ отшельника, поселившагося гдѣ-нибудь въ прелестной глуши между неприступными горами. Для любителя красотъ природы такая жизнь можетъ служить источникомъ чистыхъ и глубокихъ наслажденій; но все-же, безъ знанія того, что дѣлается вокругъ него, онъ необходимо будетъ осужденъ на нѣкоторую дикость; его потребности будутъ удовлетворены грубымъ и первобытнымъ образомъ. Сто лѣтъ тому назадъ говорилось, что тѣмъ лучше, чѣмъ меньше у человѣка потребностей и чѣмъ проще онѣ удовлетворяются; но съ тѣхъ поръ времена измѣнились. Европейцы посте-

пенно цивилизовались и, при помощи изобрѣтенныхъ ими машинъ, люди, живущіе на разстояніи тысячи *ри* (японская *ри* = четыре рѣшъ вѣрстамъ), могутъ разговаривать между собою; а поѣздка за 1,000 *ри* такъ-же для нихъ легка, какъ визитъ къ сосѣду. Должна-ли Японія одна оставаться вѣчно позади, когда кругомъ все движется и преуспѣваетъ? Развитіе есть законъ природы; повинуваясь ему, мы должны отбросить вѣковыя привычки отчужденія и ознакомиться съ остальнымъ міромъ. Наше сближеніе съ нимъ должно быть тѣсное и дружеское. Перестанемъ быть пустышками, погруженными въ созерцаніе красотъ природы... Тѣ, которымъ излишняя привязанность къ старымъ понятіямъ мѣшаетъ искренно отдаться дѣлу прогресса, не понимаютъ ни духа времени, ни законовъ природы; они просто безумцы, на которыхъ можно вовсе не обращать вниманія. Вѣдь примѣняются-же они къ различнымъ временамъ года и довольствуются одною легкою одеждою, когда на дворѣ тепло, а зимою надѣваютъ на себя свое теплое платье. Почему-же они не хотятъ дѣлать соответственныхъ уступокъ постоянно измѣняющимся требованіямъ духа времени? Войдемъ-же смѣло въ открывающуюся для насъ новую жизнь, отдадимся всецѣлостно развитію промышленности и торговли, не упуская никогда изъ вида блага страны“.

Мы пропускаемъ нѣсколько рубрикъ, которыя авторъ посвящаетъ обличенію уловокъ, которыми иностранные купцы искусственно повышаютъ или понижаютъ цѣны товаровъ на японскихъ рынкахъ, и выставляетъ на видъ читателямъ пользу, которую они могутъ извлечь изъ солидарности и принципа взаимной помощи, приложенныхъ къ торговой практикѣ.

„Японскій шелкъ, сѣмена шелковичныхъ червей и чай признаны за лучшіе на всемъ свѣтѣ; иностранцы привыкли къ ихъ употребленію и спросъ на нихъ постоянно превышаетъ спросъ на другія произведенія японской почвы, несмотря на повышеніе цѣнъ. Наши земледѣльцы должны приложить особое стараніе къ производству этихъ предметовъ въ возможно большемъ количествѣ, такъ-какъ этого требуетъ и ихъ выгода, и общее благо страны. Затѣмъ слѣдуетъ хлопчатая бумага, трепангъ, морская капуста, грибы, растительныя масла и рыбій жиръ, растительный воскъ, лакъ, желѣзо, свинецъ, бронза, шѣдь, бамбукъ, фарфоръ, камфора, кар-

тофель, красильныя и лечебныя растенія, изъ числа которыхъ японскій жень-шень цѣнится особенно дорого, и сѣра... Продажа нѣкоторыхъ продуктовъ иностранцамъ запрещена правительствомъ. Таковы: рисъ, овесъ, пшеничная мука и селитра, которые могутъ быть продаваемы только для непосредственнаго потребленія иностранныхъ судовъ, стоящихъ на якорѣ въ японскихъ портахъ, или живущихъ въ Японіи иностранцевъ, но отнюдь не для вывоза. Продавать бобы и горохъ не запрещено; но такъ-какъ они составляютъ главную пищу народа, то лучше ихъ не вывозить, въ большихъ количествахъ за-границу, какъ-бы ни была заманчива предлагаемая цѣна. Ничего не можетъ быть безчеловѣчнѣе, какъ дѣлать источникомъ собственнаго обогащенія обѣднѣніе народа...“

Изъ опасенія слишкомъ растянуть эту выписку, мы не цитируемъ дальше этого воззванія, хотя оно до конца интересно именно тѣмъ, что рисуетъ рельефно и ярко настроеніе лучшей и дѣятельнѣйшей половины японскаго общества. Не сангвиническое увлеченіе новизною, а сознательное стремленіе къ новой, свѣтлой и привольной жизни вдохновляетъ преобразователей этой страны, которые не падаютъ ницъ передъ внезапно открывшеюся передъ ними западною цивилизаціею, не отказываются въ виду ея отъ всякихъ самобытныхъ и національныхъ требованій, а сознательно-хотятъ усвоить несомнѣнныя преимущества этой цивилизаціи, сдѣлать ихъ своимъ національнымъ достояніемъ.

Усвоеніе чуждой государственности и общественности, впрочемъ, составляло для Японіи органическую необходимость съ тѣхъ поръ, какъ рушился тотъ порядокъ, который японская исторія выработала въѣвами отчужденія. Съ восстановленіемъ императорской власти государственныи бытъ этой страны представляетъ *tabula rasa*, пустыя рамки. Императорская власть представлялась здѣсь порожденіемъ вполне національнымъ, ненуждающимся въ чуждыхъ заимствованіяхъ, только въ отдаленную эпоху перваго возникновенія японской національности и государственности, формировавшихся точно такъ-же, какъ и романо-германскія національности, путемъ завоеванія. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что нынѣшніе японцы не коренные жители своего архипелага, который первоначально былъ заселенъ *айнами*, племенемъ, чрезвычайно сходнымъ

съ нашими гилеями, до сихъ поръ сохранившимися въ своей первоначальной чистотѣ только на самомъ сѣверномъ изъ большихъ японскихъ острововъ—Иезо. Элементы монгольскій и малайскій слишкомъ очевидно вошли въ составъ расы завоевателей, т. е. *ямато* или собственно японскаго племени. Не только баснословныя преданія, но и достовѣрныя лѣтописи прямо говорятъ о „борьбѣ съ варварами“, которую втеченіи нѣсколькихъ вѣковъ вели японцы, прежде чѣмъ они стали единственными хозяевами нынѣшней своей территоріи. Такъ-какъ страна состоитъ изъ отдѣльныхъ острововъ, которые къ тому-же перерѣзаны въ разныхъ направленіяхъ высокими цѣпями горъ, представлявшими естественныя оплоты и крѣпости для невоинственныхъ туземцевъ, то понятно, что окончательное ея завоеваніе требовало большихъ прощелутокъ времени. Пока длится этотъ завоевательный періодъ и національная жизнь ограничивается здѣсь немногосложными процессами непосредственной борьбы за землю, то Японія безпрекословно подчиняется власти одного вождя; но чуть только функции общественной жизни начинаютъ усложняться, какъ тотчасъ-же является потребность и въ болѣе развитой или сложной государственности, которую первые императоры цѣликомъ заимствуютъ изъ сосѣдняго Китая. Здѣсь учреждается верховный правительственный совѣтъ, который по настоящее время сохраняетъ свое китайское названіе „Дайзю-канъ“. Во главѣ этого верховнаго правительства поставлены „три сановника“ (сан-го), стоящіе внѣ табели о рангахъ (тоже цѣликомъ перенесенной на японскую почву изъ Китая, откуда, какъ извѣстно, она проникла и къ намъ, гдѣ и процвѣтаетъ до настоящаго времени). Старшій изъ этихъ трехъ сановниковъ извѣстенъ въ японской исторіи подъ различными, но неизмѣнно китайскими названіями и соотвѣтствуетъ государственному канцлеру. Члены совѣта, „сан-ги“, назначаются императоромъ обыкновенно изъ числа высшихъ чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ; но императоръ можетъ давать титулъ „сан-ги“ и лицамъ, вовсе несостоящимъ на государственной службѣ; такъ, напримѣръ, помннутый выше Готоо, распорядитель одного изъ обширнѣйшихъ въ Японіи торговыхъ обществъ, былъ призванъ въ государственный совѣтъ новымъ правительствомъ. Затѣмъ слѣдуютъ восемь министерствъ, очень немногимъ разнящихся отъ соотвѣтственныхъ европейскихъ учре-

жденій; во главѣ каждаго министерства стоитъ „кьо“ — министръ, и два товарища: „тай-ю“ (старшій помощникъ) и „сю-ю“ (младшій помощникъ). Министерства раздѣляются на департаменты. Во главѣ войска стоятъ одинъ „тай-сіогунъ“ или фельдмаршалъ и „дзинзифъ-сіогунъ“ — его товарищъ или помощникъ.

Японскіе историки, не опредѣляя съ точностью времени, когда эта китайская организація власти проникаетъ въ Японію, совершенно справедливо, однакожь, считаютъ это время за начало упадка здѣсь императорской власти. И дѣйствительно, съ одной стороны, сами императоры, очутившись во главѣ стройно-организованной власти, какъ-будто-бы пользуются этимъ для того, чтобы отдохнуть отъ дѣятельной боевой жизни своихъ предшественниковъ. Они или пишутъ пасторальныя стихотворенія, какъ извѣстный своею поэтическою дѣятельностью Тензи-Тен-о, или увлекаются живописью, какъ родоначальникъ императорскаго поколѣнія Тоба-но-инъ, но государственными дѣлами не занимаются вовсе, сдѣлавъ власть государственнаго канцлера наследственною въ родственномъ имъ семействѣ Фузивара. Съ другой стороны, гордые японскіе феодалы вовсе не считаютъ нужнымъ подчиняться демократизирующей централизаціи Китая и заводятъ нескончаемыя междоусобія. Двѣ аристократическія семьи борются между собою за первенство, какъ будто никакой центральной власти не существуетъ надъ ними и вся Японія вынуждена раздѣлиться на два враждебные лагеря: *Хей* или *Тайра* съ одной стороны, *Генъ* или *Минамото* — съ другой. Въ этомъ проходитъ весь XII-й вѣкъ, пока, наконецъ, *Йори-томо* изъ рода Минамото не склоняетъ побѣду на свою сторону. Родъ Тайра подвергается столь окончательному истребленію, что только за послѣдніе годы въ горахъ найдена была община, жившая въ совершенномъ отчужденіи отъ цѣлаго міра, и въ жителяхъ ея японцы признали одичалыхъ потомковъ этого могущественнаго семейства.

Йори-томо придумалъ для себя небывалый титулъ „Сей-и-Тай-сіогуна“ (великаго военачальника для укрощенія варваровъ) и подъ этимъ титуломъ не только самъ управлялъ Японію въ качествѣ неограниченнаго государя, но завѣщалъ ту-же власть своимъ внукамъ. Городъ Камакура, резиденція *Йори-томо*, сталъ дѣйстви-

тельною столицею, между тѣмъ какъ императоръ со всѣмъ своимъ штатомъ жилъ въ священной глуши Кьото, „подобно тому, кто держитъ ключъ отъ пустой кассы, какъ характерно выражается о немъ японскій историкъ,—смирятся передъ Йори-томо, какъ курица смирится передъ пѣтухомъ, распѣтующимся на птичьемъ дворѣ“.

До 1868 г. императорская власть не выходила изъ того ничтожества, въ которое ее повергъ первый ея протекторъ. Власть сѳогуновъ переходитъ изъ рукъ въ руки разныхъ династій и въ каждой изъ нихъ только мелькаетъ и изнашивается, какъ залежавшаяся платье; такъ что когда при послѣднемъ представителѣ ея смѣлый военачальникъ Оа-Нобунага изъ рода Тойотома, укротивъ феодальную неурядицу, даже и не думаетъ о томъ, чтобы принять износившійся сѳогунаскій титулъ. Точно также и второй диктаторъ Японіи, Хидейоси или Тайкосама, никогда не былъ сѳогуномъ. Только Гогенсама, занятый своими династическими соображеніями, не брезгаетъ сѳогунаскимъ званіемъ и, возродивъ его въ новой японской исторіи, придаетъ ему совершенно новое значеніе и силу.

Мы уже рассказали, какимъ образомъ на развалинахъ этой новой сѳогунаской власти возстановилась императорская власть въ 1868 г., а вмѣстѣ съ нею возрождено было и то, заимствованное изъ Китая, государственное устройство, которое мы описали выше. Номинально оно во всѣ вѣка существовало въ Кьото, и полный штатъ государственныхъ сановниковъ и министровъ постоянно существовалъ при императорскомъ дворѣ, разумѣется, не играя никакой дѣйствительной роли: министры вынуждены бывали плести бамбуковыя корзины или тростяиковую обувь, которую носить японскіе простолюдины, а государственный канцлеръ поучалъ столичное юношество китайской грамотѣ и отечественной исторіи.

Первою заботою правителей Японіи естественно должно было быть избраніе какого-бы то ни было внутреннего содержанія для возстановленныхъ ими политическихъ формъ. Это-то содержаніе они рѣшились взять изъ европейской цивилизаціи, будучи вполне готовы передѣлывать и измѣнять самыя формы, если онѣ окажутся непригодными для новаго содержимаго. Читатель однако-же,

легко могъ замѣтить, что между формами китайско-японской и европейской государственности не оказывается столь существенныхъ различій, какъ можно было-бы предполагать à priori. Отъ японцевъ потребовалось чрезвычайно мало инициативы для того, чтобы взамѣнъ китайской организаціи исполнительной власти обзавестись полнымъ штатомъ министерствъ по европейскому образцу, со всѣми атрибутами этого сложнаго и крайне дорогого механизма. Въ настоящее время здѣсь существуютъ, вмѣсто прежнихъ восьми, одиннадцать министерствъ, съ спеціальнымъ управленіемъ колоніями.

Главнѣйшею и труднѣйшею задачею преобразователей Японіи было образованіе вѣдомства юстиціи, какъ дѣла, совершенно новаго въ странѣ, вовсе неизвѣстной до тѣхъ поръ писанныхъ законовъ. Для этой столь настоятельной реформы было много самыхъ побудительныхъ стимуловъ; не говоря уже о сильно развитомъ въ лучшихъ частяхъ народонаселенія стремленіи перейти къ формамъ просвѣщенной общественности, существовалъ еще весьма уважительный поводъ торопиться осуществленіемъ радикальнаго преобразованія юстиціи. Я говорю объ „экстериторіальности“, т. е. подвѣдомственности живущихъ въ Японіи иностранцевъ исключительной юрисдикціи своихъ консуловъ, что въ высшей степени оскорбляло національное самолюбіе японцевъ и въ то-же самое время ложилось крайне тяжелымъ на нихъ бременемъ, при веденіи какихъ-бы то ни было дѣлъ съ европейцами. На неоднократныя обращенія японскаго правительства къ иностраннымъ державамъ съ просьбою признать въ отношеніяхъ къ „имперіи восходящаго солнца“ тѣ-же принципы, которыми европейскія государства руководятся во взаимныхъ отношеніяхъ между собою, постоянно получался одинъ и тотъ-же оскорбительный отвѣтъ, что граждане цивилизованнаго общества не можетъ подчиниться дикому суду бамбуковой палки. Такимъ образомъ, потребность юридическаго образованія и развитія становилась для Японіи настоятельнѣйшею необходимостью. Японскіе студенты отправлялись въ значительномъ числѣ въ Европу для изученія юридическихъ наукъ по преимуществу передъ всѣми другими; но такъ-какъ они, по большей части, еще не знали ни одного европейскаго языка и вовсе не имѣли пригтовительныхъ свѣденій, необходимыхъ для этого изученія,

то ждать скорого достиженія желаемыхъ результатовъ этимъ путемъ было, конечно, невозможно. Единственнымъ исходомъ представлялось непосредственное заимствованіе уже готовыхъ юридическихъ формъ у одного изъ европейскихъ народовъ. Это-то заимствованіе, какъ мы уже говорили въ самомъ началѣ этой статьи, Японія предполагала сдѣлать у насъ, своихъ ближайшихъ сосѣдей.

Серьезнаго знакомства съ внутреннимъ бытомъ европейскихъ государствъ у японскихъ государственныхъ людей того времени и быть не могло, при недавности и односторонности взаимныхъ сношеній между Европою и Японіею. Усвоеніе Японіею тѣхъ или другихъ чуждыхъ образцовъ могло основываться не на подробной сравнительной оцѣнѣ учреждений разныхъ странъ, а только на общемъ впечатлѣніи, которое различныя національности успѣли произвести на японцевъ при своихъ столкновеніяхъ съ ними. Авторитетъ Англіи, которой языкъ и техническое развитіе всего больше насаждались въ Японіи, въ это время стоялъ чрезвычайно низко. Вслѣдствіе-ли случайности или вслѣдствіе того, что японцы, опираясь на примѣръ Индіи, всего болѣе боялись захвата именно со стороны, Англіи, но только жертвами ненависти японскихъ старовѣровъ къ иностранцамъ вообще были преимущественно англичане. Убіиство англійскаго секретаря Ричардсона по приказанію сацумскаго князя Симадзу вызвало со стороны Англіи вооруженную экспедицію, которая, даже по мнѣнію совершенно незаинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ американцевъ, повела принципъ возмездія слишкомъ далеко своими дѣйствіями въ проливѣ Симоносеки. Самое наложеніе денежной пени на княжество Сацуму за это убійство произвело на японцевъ совершенно не то впечатлѣніе, на которое англичане рассчитывали. Правительство приняло эту уплату на себя и, когда Англія предложила ему нѣкоторыя послабленія и уступки, то оно гордо отвѣчало, что въ денежныхъ подачкахъ не нуждается и принять ихъ не хочетъ, а князя Симадзу возвело въ должность са-дайзина. Америка, которой вліяніе въ настоящее время въ Японіи стоитъ чрезвычайно высоко, первоначально была сильно скомпрометирована тамъ скандальною дѣятельностью посланника Делонга; въ тому-же японцы ровно на-столько знали о ея учрежденіяхъ,

чтобы и не пытаться пересажать ея зрѣлое самоуправленіе на свою сравнительно дѣвственную почву. Выбирать, собственно говоря, только и оставалось между Франціею и Германіею...

Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ только, что японское посольство, объѣхавшее Америку и Европу въ 1871—73 гг. съ цѣлю главнѣйшимъ образомъ тѣснѣе ознакомиться съ государственными учрежденіями и юридическимъ бытомъ разныхъ странъ, вернулось, привезя съ собою французскихъ юрисконсультовъ, которымъ и было поручено чтеніе юридическихъ курсовъ при министерствѣ юстиціи и приспособленіе къ Японіи наполеоновскаго кодекса.

И. Мечниковъ.

ГРЕЗЫ О МИРѢ

ВЪ

ЭПОХУ МИЛИТАРИЗМА.

(*V. Tissot, Les prussiens en Allemagne. E. Renan, Dialogues et fragments philosophiques.*)

Deos fecit timor.

I.

Вражда народностей—это язва, которая развивалась историческимъ путемъ втеченіи цѣлыхъ столѣтій и противъ которой оказывались до настоящаго времени безсильными всѣ противодѣйствующія средства. Исторія злопамятна, и каждый народъ хранить въ своихъ лѣтописяхъ преданія о томъ, какъ его давилъ другой народъ, какъ его сосѣдь опустошалъ его поля во время войны, какъ та или другая нація относилась во время своего процвѣтанія съ презрѣніемъ къ нему. Эти старыя счеты долго не забываются. Нужно быть очень развитыми, высокогуманными людьми, чтобы протянуть дружески руку потомкамъ тѣхъ людей, которые разорили, втоптали въ грязь, унизили нашихъ предковъ и тѣмъ самымъ повліяли и на нашу судьбу. Но если это еще возможно для отдѣльныхъ личностей, для небольшихъ группъ, то это далеко не такъ легко, когда дѣло касается всего народа. При современномъ положеніи нельзя указать ни на одинъ народъ, который-бы дошелъ до такой степени развитія и гуманности, чтобы понять, что потомки враговъ его предковъ могутъ быть искренними его друзьями, что они не могутъ быть отвѣтственными за грѣхи своихъ предковъ.

Вражда отдѣльныхъ личностей часто совершенно забывается съ теченіемъ лѣтъ; о враждѣ народовъ говоритъ исторія, пѣсня, преданіе. Отдѣльной личности кажутся нерѣдко чѣмъ-то чуждымъ ея дѣды и прадѣды, которыхъ она никогда не видала; народу его предки, жившіе за триста-четыреста лѣтъ, кажутся близкими, какъ будто онъ жилъ ихъ интересами, страдалъ ихъ страданіями. Ему достаточно знать, что когда-то англійскія войска опустошали его поля и сожгли на кострѣ Жанну д'Аркъ, чтобы ненавидѣть этихъ англичанъ. Ему достаточно помнить, что когда-то папскіе агенты обирали его страну и едва не погубили его Лютера, чтобы ненавидѣть все, что предано папству. Эта „вражда по преданію“ поддерживается и подогрѣвается очень нерѣдко честолюбіемъ правителей, политическими соображеніями государства, фанатизмомъ духовенства, тенденціозною узкостью народнаго образованія. Покуда эта затаенная вражда выражается въ простой конкуренціи народовъ въ дѣлѣ торговли и промышленности, въ промышленномъ антагонизмѣ тѣхъ или другихъ націй, она часто ведетъ только къ развитію народныхъ силъ, но какъ только она принимаетъ „острый“ характеръ, народы начинаютъ страдать: война со всѣми ея бѣдствіями, стремленіе подавить побѣжденный народъ или отомстить въ новой войнѣ побѣдителю, развитіе милитаризма— все это губитъ народныя силы и мѣшаетъ ихъ правильному развитію. Очень часто народы втеченіи десятковъ лѣтъ не могутъ оправиться послѣ острыхъ періодовъ этого недуга, называемаго враждою народовъ, — недуга, выражающагося иногда въ обыкновенное время едва замѣтно, такъ что наблюдатель можетъ судить о немъ только по нѣкоторымъ симптомамъ вродѣ того, что одинъ народъ называетъ другого „москалемъ“ вмѣсто „русскаго“, „жидомъ“ вмѣсто „еврея“, „ляхомъ“ вмѣсто „поляка“. Такихъ прозвищъ въ одношъ турецкомъ языкѣ найдете вы десятки: тамъ „бездѣльникъ“ значитъ „испанецъ“, „коварный“ значитъ „французъ“, „тысячецвѣтный“ значитъ „итальянецъ“ и т. д. Къ несчастію, этотъ затаенный недугъ очень часто доводятъ до остраго состоянія безъ всякой видимой нужды, помимо воли народовъ или, вѣрнѣе сказать, обманывая волю народовъ. Такъ, на примѣрѣ, произошла франко-прусская война.

У французовъ и нѣмцевъ были свои старые счеты, была зата-

енная непріязнь другъ къ другу. Но была-ли необходима для нихъ послѣдняя война? Нѣтъ. Эта война была, съ одной стороны, нужна для объединительныхъ цѣлей Бисмарка и, съ другой стороны, для поднятія падавшей популярности Наполеона III. Предлогъ къ войнѣ былъ найденъ самый пустой, самый ничтожный, но этого предлога было довольно для Бисмарка и Наполеона III, чтобы побудить къ рѣзнѣ два народа.

„Куда мы идемъ? писалъ тогда Луи Бланъ.— Неужели рѣшено, что золото Франціи бросится на вѣтеръ, что французы пойдутъ убивать и умирать, что Европа будетъ потрясена, что промышленность остановится, что торговля будетъ находиться въ агоніи, что работа остановится, что прогрессъ отложится въ сторону, что человечество будетъ страдать для удовлетворенія самолюбія неудавшихся дипломатовъ, для прикрытія ихъ неспособности, высказавшейся на дѣлѣ, и для пополненія новой картою колоды, находящейся въ рукахъ смущеннаго Цезаря? Имперія призываетъ войну къ себѣ на помощь,—это истина. Утраченное обаяніе дѣлаетъ для нея войну неизбежной. Она боится померкнуть подъ ударами, нанесенными ей славѣ при Садовой, она боится умереть подъ ударами, нанесенными ей мексиканскою экспедиціей. Она знаетъ, что только пушечнымъ громомъ можно заглушить крики подавленнаго народа. Она знаетъ, откуда почерпается пурпурная краска плащей милитарныхъ вождей. Алармистскіе крики органовъ печати, преданныхъ имперіи, умышленно преувеличены. Они стараются увеличить мнимую опасность, чтобы разжечь ненависть въ народѣ, а ненависть разжигается именно за тѣмъ, чтобы вновь прибѣгнуть къ помощи „шаспо“. И по какому праву мы виѣшиваемся въ дѣла Испаніи, мѣшаемъ ей быть госпожею у себя дома? Въ отношеніи къ ней мы сами—чужіе, иностранцы, виѣшательство которыхъ она можетъ считать узурпаціей, оскорбленіемъ. Войны подобнаго рода неприличны генію Франціи. Франція, поднявъ оружіе за правое дѣло, непобѣдима. Замѣшанная въ личныя страсти своихъ повелителей, преслѣдующихъ низкую цѣль, она обрѣчена въ-концѣ-концовъ на потери и несчастія. При Сольферино мы бились за справедливость—мы вышли побѣдителями. Въ Мексикѣ, мы бились противъ справедливости—конецъ извѣстенъ. Этого не слѣдуетъ забывать“. „Если интересы отечества состоятъ только въ

тошъ, чтобы идти въ крови для завоеванія военнаго значенія, котороу нужно для болѣе успѣшнаго подавленія Франціи; если честь Франціи заключается въ томъ, чтобы вызвать снова къ жизни эру убійствъ для сохраненія на свѣтѣ наполеоновской династіи, — о, въ такомъ случаѣ правы тѣ, которые упрекаютъ насъ, республиканцевъ, въ томъ, что мы не патріоты, что мы не французы. Для насъ Франція — вооруженная охранительница права; она избранныя нація, мечъ которой принадлежитъ справедливости, отвага которой принадлежитъ человечеству“ ... „Я удивляюсь, какъ смѣютъ сеиды имперіи, говоря о положеніи Франціи, указывать на объединеніе Германіи и на Садовую. Объединеніе Германіи! Но кто-же его подготовилъ, кто сдѣлалъ его неизбежнымъ, если не Наполеонъ I, который, раздробивъ Германію своими мечомъ, подавивъ ее, растоптавъ ногами, такъ послѣдовательно продолжалъ придерживаться политики ненависти, — политики, начавшейся при Людовикѣ XIV? Не онъ-ли вложилъ въ сердце каждаго нѣмца неутирающее желаніе имѣть одно отечество вмѣсто многихъ? И если Германія нашихъ дней такъ слѣпо бросилась въ объятія Пруссіи, то это случилось потому, что она увидала, какъ Франція отдалась въ руки Наполеона III; Пруссія вспомнила, что наполеоновскіе орлы — хищныя птицы. Объединеніе Германіи опасно. Я отвѣчу на это, что это объединеніе, трудное и медленное во время мира, будетъ сдѣлано тотчасъ при первомъ звукѣ военныхъ трубъ. Поставленная подъ угрозы войны, Германія, какъ и слѣдуетъ ожидать, поднимется и соединится въ единомышленномъ порывѣ. Не будемъ говорить, что нужно раздавить Пруссію: намъ придется давить Германію. О, великій народъ Франціи, возможно-ли, чтобы люди осмѣливались разсчитывать до такой степени на помраченіе твоего ума и надѣяться до такой степени поймать на удочку твое мужество!“

Это были пророческія слова.

Въ несчастію, то, чего боялись такіе люди, какъ Луи-Бланъ, совершилось: нѣтъ ничего легче, какъ увлечь и обмануть народныя массы, когда разжигаются ихъ страсти. Когда были только разговоры о войнѣ — всѣ толковали во Франціи о необходимости обуздать гордость собственно пруссаковъ, а не нѣмцевъ вообще, о необходимости отплатить Пруссіи за датчанъ и австрійцевъ; въ

Германія всё толковала, что война будетъ вестись не противъ французовъ, а противъ Наполеона III. Но это были фразы и фразы. Первые пушечные выстрѣлы, первыя капли крови, первыя пораженія и побѣды пробудили въ душѣ враждующихъ сторонъ всё тѣ старыя, наслѣдственныя антипатіи, которыя до сихъ поръ были едва замѣтны. Вражда, которая, повидимому, успѣла исчезнуть безслѣдно съ 1812 года, теперь вспыхнула снова, вспыхнула надолго. Кровь всегда опьяняетъ народы. Война началась ожесточенная, безпощадная, и Франція, какъ пророчилъ Луи-Бланъ, проиграла ее. Это было неудивительно.

Наполеонъ III, какъ утопающій за соломенку, ухватился внезапно, неожиданно за первый предлогъ къ войнѣ, чтобы поддержать свое распавшееся значеніе, чтобы отвлечь Францію отъ внутреннихъ вопросовъ. Онъ рассчитывалъ, что его власть получитъ новое обаяніе въ глазахъ народа, если онъ явится побѣдителемъ. Онъ могъ рассчитывать даже и на то, что народъ проститъ ему многое, если онъ, императоръ Франціи, явится побѣжденнымъ, страдающимъ. Народъ гордится своими правителями-побѣдителями; народъ сочувствуетъ своимъ страдающимъ правителямъ. Но рассчитывая такъ, Наполеонъ III вовсе не былъ готовъ къ войнѣ. Пруссія-же давно систематически готовилась къ борьбѣ, чтобы достигнуть своихъ объединительныхъ цѣлей, чтобы захватить прирейнскія провинціи, бывшія въ рукахъ французовъ. Пруссія шла къ объединенію постоянно, медленно, но вѣрно. Вся ея исторія — исторія объединенія; объединеніе-же — это война со всѣми государствами, въ составъ которыхъ входятъ нѣмецкія провинціи.

Пруссія, возникшая изъ небольшого бранденбургскаго маркграфства, постоянно стремилась захватить въ свои руки власть надъ всѣми германскими народами и овѣмечить тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые принадлежали къ другимъ національностямъ. Школа и военная сила были главными орудіями, которыми она пользовалась для достиженія своихъ цѣлей. Уже въ 1540 году курфюрстъ Іохимъ II заботился, чтобы школа явилась охранительницей „христіанской религіи и хорошей полиціи“, а въ 1618—1620 году начинаются завоевательныя стремленія маленькаго государства, превращающагося въ 1701 году въ королевство.

Съ этого времени въ Пруссіи начинается царить милитаризмъ. Фридрихъ-Вильгельмъ I является королемъ-солдатомъ; онъ бѣгалъ съ палкою по улицамъ, вторгался въ дома, билъ собственноручно своихъ подданныхъ; онъ былъ грубымъ, простымъ, но честнымъ солдатомъ. Онъ говорилъ: „я твердъ, какъ булыжникъ на улицѣ, и я долженъ быть еще болѣе твердымъ, потому что мои предки сдѣлали народъ празднымъ и лѣнивымъ“. Главное его стремленіе заключалось въ образованіи хорошаго войска и для этого онъ покупалъ и воровалъ въ чужихъ земляхъ солдатъ; на это, скупой во всемъ другомъ, онъ тратилъ огромныя деньги. При немъ школы должны были, главнымъ образомъ, заботиться о развитіи въ юношества „страха божія и любви къ порядку“. Фридрихъ II, воевавшій всю свою жизнь съ своими сосѣдями, тоже заботился только о томъ, чтобы школа развивала „хорошихъ вѣрно-подданныхъ“. Это направленіе должно было развиваться еще сильнѣе, когда настала французская революція и войны нѣмцевъ съ французами, когда въ Германіи раздались слова: „теперь прежде всего нужно быть патриотами“! Все начало нынѣшняго столѣтія прошло среди этого патриотическаго одушевленія, которое было вызвано страхомъ предъ наполеоновскими завоевательными стремленіями. Въ это время прусскія школы стремились дать всему юношеству „національное“ образованіе, не дѣлая исключенія ни для какихъ провинцій, принадлежавшихъ Пруссіи. Съ каждымъ годомъ этотъ характеръ школъ дѣлался все ярче и ярче; Пруссія шла неуклонно къ одной цѣли: къ превращенію всѣхъ своихъ подданныхъ въ пруссаковъ. Но до 1848 года характеръ этотъ былъ еще не такъ одностороненъ, какъ послѣ этого времени, когда въ народныхъ школахъ главнымъ предметомъ преподаванія явились церковныя и патриотическія пѣсни, когда въ географіи приказано было признавать центромъ всего Пруссію, когда исторія сводилась на исторію Пруссіи и т. д. Стремясь, такимъ образомъ, при помощи школы развить изъ своихъ гражданъ только патриотовъ-пруссаковъ, Пруссія могла смѣло преслѣдовать свои планы и при помощи войска. Она не щадила ничего, чтобы только поставить его на ту степень развитія, при которой возможна борьба съ сосѣдями за тѣ или другія земли съ нѣмецкимъ населеніемъ. Ея войска были образцовыми войсками и скоро Данія и

Австрія узнала ихъ силу. Когда настала чередъ для Франціи — Франція не выдержала борьбы. Наполеоновское правительство, мотавшее деньги безъ всякаго расчета, только истощало страну. Въ 1852 году наполеоновское правительство обременило Францію долгомъ на 1 миллиардъ 858 миліоновъ; въ 1857 году оно потребовало 2 миллиарда 287 миліоновъ. Съ 1854 года по 1868 годъ оно сдѣлало шесть займовъ отъ 250 до 750 миліоновъ франковъ на каждый. Въ 1851 году долгъ доходилъ до 5 миллиардовъ 345,637,360 франковъ, а въ 1868 году онъ уже достигъ колоссальной цифры 13 миллиардовъ 520,132,639 франковъ. Но при этихъ затратахъ войско находилось далеко не въ блестящемъ положеніи, такъ-какъ воровство шло повальное. Воровали всѣ, начиная съ пресловутаго Гаусмана до послѣдняго интендантскаго чиновника. Когда настала франко-прусская война, всѣ увидѣли, до какой распущенности, до какого жалкаго состоянія доведены французскія военныя силы: продовольственная часть, вооруженіе, — все было въ исправности только на бумагѣ, на дѣлѣ-же оказалось, что все это было только предметомъ для набиванія кармановъ разныхъ высшихъ и низшихъ правительственныхъ лицъ.

Франція была побѣждена, Пруссія отмстила ей за всѣ прошлыя обиды и оскорбленія, за Людовика XIV, за первую республику, за Наполеона I.

Но была-ли эта война окончательнымъ расчетомъ двухъ національностей? Можетъ-ли забыть Франція перенесенное ею несчастіе? Можетъ-ли успокоиться на этой войнѣ Пруссія, въ которой болѣе, чѣмъ когда-нибудь, пробудилась страсть и жажда къ военной славѣ? Могутъ-ли, наконецъ, Эльзась и Лотарингія примириться съ своимъ новымъ положеніемъ? Конечно, нѣтъ.

До войны, втеченіи многихъ лѣтъ, Пруссія и Франція, жили довольно мирными сосѣдями и только отъ времени до времени слышались ихъ споры о Рейнѣ, раздавались шипящіе голоса о гордости „современнаго Вавилона“, толковалось о честолюбіи Бонапартовъ. Теперь ненависть сдѣлалась страстною, непримиримою, кровожадною и, смотря на нее, можно смѣло сказать, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ мы будемъ свидѣтелями новой франко-прусской войны. Говорятъ, что неизбежное слѣдствіе войны есть миръ. Въ настоящемъ случаѣ неизбежнымъ слѣдствіемъ войны

является продолженіе войны, и покуда не будетъ этого продолженія, до тѣхъ поръ Европа не можетъ разсчитывать на продолжительное спокойствіе.

Чтобы понять это вполне ясно, стоить взглянуть на современное положеніе Пруссіи.

II.

Ненависть нѣмцевъ и, главнымъ образомъ, пруссаковъ въ Франціи высказывается со всею чисто-нѣмецкою грубостью и беззащитчивостью на каждомъ шагѣ.

Литература, какъ лучшій органъ выраженія общественнаго мнѣнія, наполняется въ Германіи тысячами книгъ, брошюръ, стихотвореній и замѣтокъ, проникнутыхъ этою ненавистью, доходящихъ иногда до площадныхъ ругательствъ. Нѣтъ такой клеветы, передъ которою остановились-бы безстыдные писаки этихъ сочиненій. „Верть былъ вторично взятъ у нѣмцевъ, пишетъ одинъ изъ нихъ, Эгбертъ Гершенъ. — Улицы селенія были переполнены ранеными; туркосы, эти дикіе сыновья пустынь, не щадили ничего, они нападали на несчастныхъ нѣмецкихъ солдатъ съ ножомъ въ рукахъ и, по своему обыкновенію, отрѣзали головы отъ тѣловищъ. Шайки фанатизированныхъ крестьянъ, предводимые священникомъ, скоро прибыли въ Верть; онѣ хладнокровно рѣзали раненыхъ и засовывали въ ротъ каждому просившему пить только-что отрѣзанные члены ихъ тѣла (ein abgeschnittenes Glied)“. Эта клевета написана романистомъ. Такою-же ненавистью дышатъ стихи, напечатанные въ „Кладерадачѣ“ на годовщину седанской побѣды. „День безприхѣрной побѣды, говоритъ поэтъ. — День высшей радости! Восходите до неба изъявленія радости всего народа. Дерево свободы, дерево соединенія, распусти надъ нами свои защищающія вѣтви и сохрани чистоту нашего торжества. Да будетъ благословенъ праздникъ Седана. Не для того, чтобы проплясать пляску войны, зажгли мы факелы войны; не для того, чтобы добыть славу, сражались мы въ бою гигантовъ. Святой гнѣвъ вооружилъ наши отмщающія руки. Онъ далъ намъ возможность совершить божественный подвигъ. День Седана да будетъ святъ. Корсижанскій цезарь разбитъ. Мы прекратили жажду грабежа, овладѣвшую

Франціей. Наши императорскія войска остались побѣдителями. Единство Германіи восторжествовало и Германія сброситъ каждое новое иго. Имперія прекратила раздоры, она уничтожила страхъ передъ чужеземцами. Вотъ нашъ день Седана“. Не лучше этихъ стиховъ Эрнеста Шеренберга стихи другого поэта, восклицающаго: „Съ саблей и ружьемъ встанемъ противъ французовъ, чтобы не осталось больше ни клочка отъ красныхъ панталонъ“. Въ третьемъ стихотвореніи говорится: „Мнѣ хотѣлось идти въ Парижъ, теперь это мнѣ не стоитъ и крейцера и я могу тамъ попить и поѣсть. Я пью шампанское, ѣмъ трюфели и французскія мамзели должны плясать передъ нами“.

Продолжать подобныя выписки можно до безконечности. Но разрывать эту грязь въ сорной ямѣ нѣмецкой патріотической литературы не особенно пріятно. Довольно сказать, что выраженія ненависти пруссаковъ къ французамъ доходятъ иногда до бѣшенства, до безпамятства, до состоянія невмѣняемости. Крайнимъ выразителемъ этой злобы, превращающейся въ идіотизмъ, является знаменитый Рихардъ Вагнеръ. Это личность мелочная, грязневкая. Когда-то онъ былъ героемъ майскихъ волненій 1849 года въ Дрезденѣ; онъ сражался на баррикадахъ; потомъ этотъ „врагъ королей“ бѣжалъ въ Швейцарію, гдѣ былъ натурализованъ; въ тяжелые годы жизни онъ нашелъ себѣ убѣжище въ Парижѣ и жилъ поддержкою французовъ. Теперь этотъ революціонеръ пресмыкается при дворахъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ особъ, живетъ у нихъ на хлѣбахъ изъ милости и, забывъ о своихъ яростныхъ нападеніяхъ на нѣмецкихъ королей, громитъ всѣхъ, кто не преклоняется передъ императорскимъ титуломъ Вильгельма и кто не сочувствуетъ новымъ прусскимъ порядкамъ. Вся эта революціонная буффонада, смѣнившаяся буффонадою вѣрнопопданничества, дѣлаетъ личность Вагнера крайне отталкивающею, крайне подозрительною въ политическомъ отношеніи. Это ренегатъ въ полномъ смыслѣ слова. Но онъ не только политическій ренегатъ, онъ мелочно-самолюбивый и неблагодарный человѣкъ. На французовъ онъ золъ въ качествѣ поклонника пруссаковъ и въ качествѣ оскорбленнаго композитора, творенія котораго не признаны въ Парижѣ геніальными. Его месть парижанамъ выразилась въ его сатирическомъ произведеніи, которое не имѣетъ ничего себѣ подобнаго по негѣпости, по идіотизму и по бѣшенству во всей европейской

литературѣ. Онъ написалъ комедію „Капитуляція“. Это произведеніе такъ грубо и глупо, что за него нельзя даже обижаться, но можно только удивляться, какъ не попалъ еще въ сьумасшедшій домъ его творецъ.

Въ этомъ произведеніи нѣтъ ни складу, ни ладу; здѣсь французскія слова мѣшаются съ нѣмецкими; Troschu рифмуется съ ragarluie, turgos съ sauce, Mac-Mahon съ Sedon; здѣсь Седонъ превращается для рифмы въ Седонъ, Блонденъ въ Блондель, чтобы рифмоваться съ словомъ Gondel, которое, въ свою очередь, ставится вмѣсто слова Gondole. Дѣйствующими лицами являются Викторъ Гюго, хоръ національныхъ гвардейцевъ, Моттю, батальонный командиръ, Перрэнъ, директоръ оперы, Лефевръ, Келлеръ, Дольфусъ, Жюль Фавръ, Жюль Симонъ, парижскія крысы и т. д.

Сцена представляетъ площадь ратуши, посрединѣ возвышается алтарь Республики съ отверстіемъ внизу вродѣ суфлерской будки; античная лѣстница ратуши образуетъ балконъ; вдали видны башни церкви парижской Богоматери и куполь Пантеона; направо и налево стоятъ статуи Страсбурга и Меца, увѣнчанныя цвѣтами. Прежде всего является изъ-подъ алтаря Республики Викторъ Гюго; онъ старается выбраться изъ дыры и съ его лица льетъ потъ. Онъ говоритъ глупѣйшій монологъ и слышитъ въ это время голоса, кричащіе ему: „Викторъ, Викторъ, останься у насъ“. „Что это значитъ? говоритъ Гюго.— Меня зовутъ изъ глубины kloaz? Кто тамъ?“ „Мы духи-покровители Парижа“, отвѣчаютъ ключные голоса. Гюго не знаетъ, что дѣлать, но въ это время раздаются звуки Марсельезы и онъ восклицаетъ: „О, сладостные звуки! Я не музыкантъ, но я узнаю Марсельезу на разстояніи четырехъ километровъ. Я вылѣзу, я долженъ показаться“. На сцену прибываетъ хоръ національныхъ гвардейцевъ. Онъ переходитъ вокругъ алтаря Республики и поетъ:

Republic! Republic! Republic, blick, blick, blick!
 Repubel, Repubel, Repubel, blick, blick!
 Repubel, pubel, pupubel, pupubel, blick, blick!

Моттю командуетъ: „Стой! Отдавай честь Страсбургу!“

Хоръ приближается къ статуѣ Страсбурга, и Моттю, командуя: „на плечо!“ спрашиваетъ: „Гдѣ эльзасецъ, чтобы пропѣть гимнъ?“ Эльзасецъ Келлеръ отвѣчаетъ: „здѣсь“. „Приблизься и пой!“ говоритъ Моттю. Келлеръ поетъ на эльзасскомъ жаргонѣ: „О,

Страсбургъ! о, Страсбургъ!“ Въ это время національные гвардейцы кладутъ на колѣни статуѣ букеты, которые они держутъ на штывахъ. „Теперь клянитесь!“ говоритъ Моттю и эльзасецъ начинаетъ слѣдующую клятву: „Небо!.. Кресты!.. Громъ!.. Тысяча!..“ Безсмыслица выходитъ полнѣйшая. Затѣмъ отрядъ идетъ къ статуѣ Меца, снова повторяется предъидущая сцена и Моттю кричитъ: „Граждане-гренадеры! Запечатлѣйте въ вашихъ сердцахъ, что вы клялись защищать эти два города до послѣдней капли крови и не потерпѣть, чтобы варвары-враги взяли хоть одинъ камень изъ этихъ городовъ“. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Диденгоферъ, проситъ позволенія спѣть небольшой куплетъ, на что Моттю замѣчаетъ: „Довольно легкихъ пѣсенокъ! Положеніе слишкомъ серьезно. Станемъ плясать вокругъ алтара Республики“. Начинается пляска съ припѣвомъ: „Republic! Republic, blick, blick! и т. д. Начнутся разговоры Виктора Гюго, Дольфуса, Флуранса, Лефевра, Жюля Симона и другихъ. Наконецъ хоръ возвѣщаетъ приходъ Перрена:

Voyez, bourgeois, Perrin,
 Qui monte sur le perron,
 Perron, Perrin,
 Mirliton-ton-ton!
 Prenons-le au lieu de Plon-plon-plon!

Хоръ парижанъ начинаетъ отыскивать правительство, чтобы имѣть силы дѣйствовать. Стихи здѣсь являются совсѣмъ невообразимыми:

Etes-vous au rocher de Cancale?
 Paris souffre d'une soif de Tantale.
 Général Trochu, le galérien,
 Fais donc parler le mont Valérien!
 Faut canonner, canonner!
 Gouvernement! bombardement!
 Bombardement! gouvernement!
 Gouvernement! gouvernement, gouvernement-ment-ment!

Въ эту минуту Гамбета и Надаръ улетаютъ на воздушномъ шарѣ, а хоръ продолжаетъ пѣть все тѣ же пасквильные вирши.

Во время пѣнія этихъ виршей изъ дыры подъ алтаремъ вылѣзаютъ члены посольства и содержатели нѣмецкихъ театровъ, которымъ авторъ „Тангейзера“ не можетъ простить того, что они берутъ главныхъ артистовъ изъ Парижа; эти новыя дѣйствующія лица комедіи начинаютъ плясать самымъ уморительнымъ образомъ

и ихъ освистываетъ хоръ. Виктора Гюго освѣщаютъ бенгальскимъ огнемъ и занавѣсъ падаетъ.

Если-бы даже содержаніе этой сатиры не было гнусно и мерзко, то и тогда отечество Шиллера, Гёте и Гейне должно было-бы краснѣть за то, что въ немъ могутъ являться такія произведенія, и являться съ подписью человѣка, претендующаго на гениальность. Можно смѣло сказать, что комедія Вагнера — фактъ безпримѣрный въ исторіи всѣхъ литературъ, начиная съ русской и кончая англійской. Впрочемъ, нужно отдать справедливость нѣкоторымъ нѣмцамъ: если, быть можетъ, король баварскій, императоръ прусскій и тому подобныя нынѣшніе покровители Рихарда Вагнера и восхищались этимъ остроумнымъ произведеніемъ своего protégé, то содержатели нѣмецкихъ театровъ наотрѣзъ отказались поставить этотъ „фарсъ носорога, старающагося проплясать на канатѣ“, какъ удачно выражается Тиссо.

Просматривая всѣ эти злобныя выходки противъ французовъ, невольно вспоминаешь слова Гейне: „Нѣмцы питаютъ патриотическую германскую ненависть къ французскому Вавилону, къ изобрѣтенію мыла, къ азыческой греческой грамматикѣ Тирша, къ Квинтелію Вару, къ перчаткамъ и ко всѣмъ людямъ, имѣющимъ чуткіе носы“. Дѣйствительно, ненависть нѣмцевъ къ французамъ выражается въ грязныхъ и пошлыхъ нападкахъ. Она выражается вездѣ: даже знаменитый Каульбахъ нарисовалъ нѣмецкаго архангела Михаила, попирающаго пятою и католическую церковь, и Францію, и украшеннаго прусскою каскою и орденомъ Желѣзнаго Креста. Смотри на это произведеніе, сознаешь, что даже самый сильный талантъ доходитъ до площадной грубости, взявшись за служеніе „цивилизаторской миссіи“, какъ называютъ пруссаки свои нападенія на французовъ. Эти нападенія имѣютъ иногда очень и очень печальный конецъ. Одинъ французъ вздумалъ заговорить въ пивной по-французски, но какой-то дюжій нѣмецъ вскочилъ съ мѣста и крикнулъ: „я вамъ запрещаю говорить по-французски“. Начался споръ и разжій нѣмецъ объявилъ, что онъ офицеръ и что онъ велитъ патрулю исколотить француза за ослушаніе. Въ одномъ изъ погребовъ Берлина збили бѣднаго учителя-француза, Греги. Его разрѣзали на куски, ушили въ мѣшокъ и бросили въ Шпрее. Той-же участи долженъ былъ подвергнуться берлинскій корреспондентъ одного боль-

шого парижскаго журнала за то, что онъ не хотѣлъ отдать своего кошелька приставшимъ къ нему людямъ, и т. п. Всѣхъ этихъ мелочей ненависти не перечесть.

III.

„Наука есть оружіе и оружіе есть наука“,—эту истину могла выработать только Пруссія. При помощи этой истины она превратила массу различныхъ народностей, составлявшихъ части прусскаго государства, въ единую и цѣлую Пруссію, съ прусскимъ патриотизмомъ, съ прусскими стремленіями, съ прусскими цѣлями. И уже мелькомъ указалъ, какую роль играетъ въ этомъ дѣлѣ школа. Теперь къ укрѣпленію вражды пруссаковъ къ французамъ главнымъ орудіемъ является опять та-же школа. Вотъ что говоритъ объ этомъ швейцарскій професоръ Рамбертъ: „Многіе курсы исторіи во Франціи оставляютъ въ сторонѣ современную исторію, несмотря на попытки имперіи обучать ей въ лицахъ. Нѣмцы-же, и въ особенности на сѣверѣ, уже воспользовались войною 1870—1871 года. Нѣкоторые изъ ихъ рассказовъ хорошо составлены, ясны, правильны, свободны отъ разсужденій; нѣкоторые исполнены извѣстнымъ направленіемъ, которое ясно проглядываетъ уже въ самыхъ заглавіяхъ, напримѣръ, „Божій судъ надъ Франціей“. Нѣмецкая „Книга для чтенія“ для среднихъ и высшихъ классовъ народныхъ школъ, составленная Эдуардомъ Бовомъ, описываетъ съ удовольствіемъ бомбардированіе Парижа. Она воспламеняетъ воображеніе дѣтей картинами летающихъ бомбъ и причиняемыхъ ими разрушеній, потомъ прибавляетъ: „несчастье было велико, но парижане хотѣли этого. Зачѣмъ они настаивали на безплодномъ сопротивленіи?“ Можно насчитать много аналогическихъ примѣровъ. Большая часть этихъ рассказовъ сопровождается поэзіей, стихами, имѣвшими успѣхъ во время войны. Въ книгѣ для чтенія Альберта Гестера насчитывается такихъ стихотвореній, серьезныхъ и комическихъ, до тридцати штукъ. Выборъ ихъ не былъ внушенъ строгимъ вкусомъ. Трудно было представить, чтобы въ книгѣ, предназначенной для чтенія въ школахъ, встрѣтилось стихотвореніе, неимѣющее другого достоинства, кромѣ осмѣянія г. Бенедетти,—но они въ ней есть. Книга,

предназначенная для чтенія въ Эльзасѣ и Лотарингіи, имѣетъ нѣсколько менѣе подобныхъ пьесъ и прозаическіе рассказы здѣсь сведены на двѣ, на три страницы для каждаго разсказа. Любимая пьеса этихъ книгъ для чтенія озаглавлена: „О, Эльзась, о, Эльзась!“ Почти во всѣхъ школахъ Германіи дѣтямъ внушаютъ патріотическій принципъ, который выражается словами:

„Bis dorthin deutsche Zunge,
Bis dorthin deutsches Land“.

т. е. гдѣ нѣмецкій языкъ, тамъ и нѣмецкая земля. Это, конечно, напоминаетъ пѣсню Маргариты изъ „Маленькаго Фауста“:

Ueberall, wo wir sind,
Da ist das Vaterland,

но что за дѣло до этого пруссакамъ? Они заботятся только о томъ, чтобы прусскіе нѣмцы захватывали все, что можно захватить въ свои руки.

Эта мысль проводится вездѣ, гдѣ возможно. Географическія карты и книги проповѣдуютъ войну. Съ 1867 года на стѣнныхъ географическихъ картахъ въ границы нѣмецкаго государства включены Тироль, Вѣна, Триестъ, Данія. Въ книгѣ „Руководство для преподаванія географіи“ профессора А. Даниеля, — въ книгѣ, обязательно-введенной во всѣ нѣмецкія школы, значится подъ общимъ заглавіемъ „Германія“ слѣдующій параграфъ: „Параграфъ 103. Нѣмецкія внѣшнія земли (Швейцарія, Лихтенштейнъ, Бельгія, Нидерланды, Люксембургъ, Данія), шесть названныхъ въ заглавіи государствъ, разсматриваются какъ дополненіе къ Германіи, потому что они, большею частію, лежатъ внутри естественныхъ границъ Германіи, потому что, за небольшими исключеніями, эти земли принадлежали къ старому нѣмецкому государству и частью до 1866 года къ нѣмецкому союзу“. Въ „Книгѣ для чтенія въ народныхъ школахъ“, составленной обществомъ воспитателей въ Баваріи, изъ 61 пѣсни, по крайней мѣрѣ, 30 пѣсней принадлежатъ къ числу военныхъ. Во главѣ стоитъ „Утренняя пѣснь солдатъ“, начинающаяся слѣдующими профанирующими молитву словами: „Поднимитесь съ земли, спящіе, покиньте сонъ. Лошади ржутъ, возвѣщая утро. Дорогое оружіе блеститъ превосходно подъ огнемъ зари. Всѣмъ снятся вѣнцы побѣды, но думается и о смерти. О, Воже всемогущій, взгляни на насъ съ высоты своего голубого неба. Ты самъ призвалъ насъ идти на

поле сраженія. Веди насъ въ битву и дай намъ побѣду. Вотъ развѣваются христіанскія знамена. Эта война, Господи, — твое дѣло“. Дѣти поютъ эту пѣсню съ юныхъ лѣтъ и, можетъ быть, они всю жизнь будутъ убѣждены, что война—дѣло Бога. Вторая пѣсня сборника есть „Пѣсня о фельдмаршалѣ“, о томъ, какъ Блюхеръ вездѣ билъ французовъ. Въ одной пѣснѣ говорится: „Оставь убійства французамъ. Ты будь честенъ, смиренъ и свободенъ. Оставь французамъ цѣпи рабства. Да будетъ въ тебѣ простая откровенность“. Въ другомъ мѣстѣ говорится: „Кто можетъ смотрѣть безъ отвращенія на грязныхъ французовъ? То, что прикрывалось розовымъ тѣломъ, явилось теперь гнойнымъ нарывомъ. Гниющіе трупы покрываютъ со всѣхъ сторонъ этотъ благоухавшій садъ, подъ которымъ скрывалось кладбище. Никто никогда не видалъ такого гніенія; оно возмущаетъ всякое благородное чувство. Этотъ народъ былъ достоинъ своего Бонапарта“. Еще въ одномъ мѣстѣ говорится: „Бейтесь, какъ безбрежное море, поднимаясь надъ этими французами. Всѣ поля, всѣ мѣста убьютъ разсѣянными на нихъ костями! Что отбросили-бы вороны и лисицы, то бросьте на съѣденіе рыбамъ! Остановите Рейнъ, сдѣлавъ изъ ихъ труповъ плотины. Это веселая охота, какъ охота стрѣлка, преслѣдующаго волка. Бейте его! Судь исторія не спроситъ васъ: за что?“

И послѣ подобныхъ „поэтическихъ“ произведеній нѣмцы ижили еще смѣлость оскорблять французовъ, когда тѣ печатали во время войны патріотическія стихотворенія! „Нѣмцы истощали всѣ ругательства, чтобы доказать и бездарность этихъ поэтовъ, и риторичность ихъ произведеній, и безцѣльность ихъ озлобленія. Они насмѣхались надъ разбитыми врагами, когда тѣ въ отчаяньи рыдали:

Frères, ils sont en France! Ils sont sur notre terre,
 Il foulent notre sol, les os de notre mère,
 Les pierres du champ natal!
 Et leurs chevaux, lâchés parmi nos cimetières,
 Broutent l'herbe arrachée à la chair de nos pères,
 Les heurtant de leur pied bruta!
 Frères, de nos tombeaux ils ont fait de risées.
 Il se vautrent joyeux dans nos maisons pillées,
 Et sur notre lit nuptial,
 Accouplés galamment à des filles impures,
 Ils prennent pour témoin de leurs folles luxures
 Le passé saint et virginal!

Этотъ стонъ несчастнаго народа назывался нѣмцами „аростнымъ воемъ“. Они не стыдились глумиться даже надъ побѣжденными, какъ это видно изъ статей вродѣ „Взгляда на французскую военную поэзію“, появившагося въ августовскихъ тетрадахъ журнала „Auf Wacht an der Mosel“ за 1872 годъ. Но если стихотворенія французовъ, написанныя во время бѣдствій войны, назывались нѣмцами „аростнымъ воемъ“, то какъ-же слѣдовало-бы назвать всѣ тѣ вызывающія пѣсни нѣмцевъ, жаждущихъ крови, которыя написаны въ мирное время и которыя преподаются въ нѣмецкихъ школахъ?

„Вотъ что даютъ въ руки дѣтямъ, пишутъ въ „Эльзасскомъ журналѣ“. — Мы прибавимъ: вотъ что даютъ въ руки эльзасскимъ дѣтямъ, которыя родились французами, которыя имѣютъ отцовъ, братьевъ, друзей во французской арміи и которыя, быть можетъ, оплакиваютъ еще и теперъ кого-нибудь изъ близкихъ, убитыхъ подъ французскими знаменами. Спросимъ-же у всѣхъ людей съ возвышенными и безпристрастными взглядами: хорошо-ли, что дѣти читаютъ такія вещи? Оставимъ въ сторонѣ особенныя обстоятельства, въ которыхъ находятся эльзасцы при видѣ подобныхъ вызововъ къ ненависти и къ презрѣнію сосѣднаго народа, и спросимъ: разумно-ли и педагогично-ли развивать подобными чтеніями воинственныя чувства, мстительность, дикую страсть къ братоубійству въ сердцахъ, въ которыя нужно, напротивъ того, открыть доступъ чувствамъ болѣе чистымъ, болѣе гуманнымъ?“ Дѣйствительно, нельзя не возмущаться, когда видишь, какъ цѣлыя поколѣнія систематически приучаются ненавидѣть цѣлый народъ, цѣлую націю, и, такимъ образомъ, подготавливаются къ жестокой и беспощадной войнѣ въ будущемъ. Смотра на эти явленія, невольно начинаешь бояться за будущее Европы, и безъ того страдающей отъ нищеты народныхъ массъ, отъ внутреннихъ неурядиць. Недаромъ-же находятся и среди нѣмцевъ люди вродѣ одного оратора, который воскликнулъ на одномъ политическомъ собраніи: „Я сказалъ своимъ дѣтямъ: „уберите съ глазъ моихъ эти гнусныя страницы“. Вѣдь такимъ образомъ прививаютъ къ юнымъ умамъ ядъ милитаризма. Чему должна служить школа? Она должна воспитать людей, свободныхъ гражданъ, а не болвановъ, способныхъ чистить и лизать кирасирскіе ботфорты“. Но подобные голоса покуда вопіютъ въ пустынѣ и люди, вродѣ извѣст-

наго педагога, доктора Макалда, говорятъ: „Наши юноши должны прежде всего научиться чувствовать по-нѣмецки и думать по-нѣмецки: именно исторія должна ихъ питать и наполнять нѣмецкими идеями, *въ самой ограниченной односторонности*, въ исторіи должны они видѣть преимущественно передъ другими націями нѣмецкую націю, чтобы научиться познавать ее и удивляться ей; они должны съ узкою, ограниче^нною любовью привязаться къ своему отечеству и не цѣнить ничего, кро^мѣ него“. Тутъ не знаешь, чему удивляться: умственной-ли ограниченности подобныхъ педагоговъ или ихъ подлости. Они губятъ и извращаютъ сознательно цѣлыя поколѣнія и говорятъ объ этомъ во всеуслышаніе, съ безграничною развязностью, съ безстыднымъ цинизмомъ: вѣдь не понимать того, что подобное воспитаніе не сдѣлаетъ хорошихъ гражданъ, не могутъ даже и они. Но что имъ за дѣло до этого? Ихъ девизъ: *percat mundus et fiat...* конечно, не *justitia*, а Пруссія.

Рядомъ съ этой проповѣдью идетъ поощреніе военныхъ наклонностей народа. Такъ, напримѣръ, правительство поощряетъ развитіе публичныхъ стрѣльбищъ, бывшихъ когда-то въ опалѣ. Первое федеральное стрѣльбище было открыто въ 1848 году. Этотъ турниръ былъ устроенъ для того, чтобы дать свободу республиканскимъ стремленіямъ, которыя проявлялись тогда въ Германіи. Здѣсь въ собраніи стрѣлковъ провозносились зажигательныя рѣчи и нѣмецкія правительства сочли нужнымъ закрыть эти сходки, представлявшія дѣйствительно не малую опасность. Стрѣльбища были запрещены, какъ собранія опасныя, вплоть до 1871 года. Когда въ 1866 году было устроено большое стрѣльбище въ Вѣнѣ, гдѣ сказалась анти-прусская манифестация, — въ Берлинѣ такъ встревожились, что былъ сдѣланъ обмѣнъ довольно рѣзкихъ нотъ и Бейстъ едва усмиривъ бурю. Но послѣ побѣдъ надъ французами прусской имперіи нечего было бояться республиканскихъ идей и она стала поощрять учрежденіе подобныхъ военныхъ собраній. Наслѣдныи прусскій принцъ всталъ во главѣ центральной секціи этихъ обществъ въ Берлинѣ и къ этой секціи применили всѣ остальные. Въ настоящее время нѣтъ ни одной деревушки, гдѣ-бы не было „тира“. Матушки и ребята играютъ и пьютъ въ каждомъ саду Schisshaus'a, а папаша заряжаютъ карабины и выигрываютъ призы въ видѣ фото-

графическихъ изображеній челоѣка съ тремя волосками, въ видѣ подтяжекъ, въ видѣ трубокъ и тому подобной дряни: народъ готовится быть хорошимъ стрѣлкомъ для „охоты на людей“.

IV.

Такъ старается Пруссія поддерживать и развивать въ народѣ вражду къ Франціи и воинственный духъ народа. При такой системѣ трудно ручаться за то, что завтра не вспыхнетъ новая война. Этой войны ждуть постоянно и государству приходится быть на-готовѣ, т. е. тратить миліоны, чтобы не быть пойманнымъ врасплохъ. Объ этой готовности къ войнѣ говоритъ вамъ все, на что-бы вы ни взглянули въ Пруссіи.

Съ 1870 года Пруссія взяла на себя администрацію желѣзныхъ дорогъ имперіи. Локомотивы и вагоны составляютъ часть принадлежностей арміи и при нихъ находятся спеціальныя служащіе, которые носятъ военную форму и которыхъ служба считается, какъ служба въ арміи. Одни баталіоны желѣзныхъ дорогъ насчитываютъ отъ 3,000 до 6,000 челоѣвъ. Эти отряды спеціально обязаны исправлять поврежденные линіи, поддерживать и обезпечивать сообщенія съ непріятельскими землями. Въ случаѣ мобилизаціи матеріальная часть желѣзныхъ дорогъ готова во всякое время и во всякій часъ къ услугамъ войскъ. „Быть всегда на-готовѣ“ — это девизъ новой имперіи. Она сдѣлала все, чтобы имѣть возможность напасть на кого угодно при первомъ удобномъ случаѣ и чтобы обезопасить себя отъ нападенія враговъ. Ни одно государство не имѣетъ такого множества сильныхъ крѣпостей, какъ крѣпости Пруссіи. Всѣхъ крѣпостей, окружающихъ Германію желѣзнымъ кольцомъ, до пятидесяти и нѣкоторыя изъ нихъ очень сильны, такъ Майнцъ имѣетъ восемь фортовъ, укрѣпленія которыхъ простираются на 600 метровъ, и десять фортовъ, укрѣпленія которыхъ доходятъ до 1,400 метровъ. Согласно съ „Военнымъ альманахомъ“ за 1875 годъ военныя силы Германіи доходятъ до 1,324,940 челоѣвъ, съ 97,000 лошадьми и 2,740 пушками. Ландштурмъ можетъ прибавить къ этимъ цифрамъ еще 300 тыс. челоѣв. Когда Тиссо осматривалъ Майнцъ, ему показали

обширныя зданія, гдѣ сохраняется мясо, гороховая колбаса, провизія, которою могутъ питаться восемнадцать армейскихъ корпусовъ втеченіи трехъ мѣсяцевъ. Съ купцами сдѣланы условія насчетъ доставки въ случаѣ надобности извѣстнаго количества скота подѣ опасеніемъ въ случаѣ неисправности заплатить очень большой штрафъ. Однимъ словомъ, Пруссія всегда на-готовѣ къ войнѣ.

Такое положеніе требуетъ огромныхъ затратъ и потому неумудрено, что на народъ обрушивается вся тяжесть этихъ расходовъ. Ропотъ начинаетъ слышаться вездѣ. „Вообще дѣла идутъ самымъ плачевнымъ образомъ, говоритъ Тиссо одинъ нѣмецъ. — Миліарды, которые должны были обогатить насъ, разорили насъ. На насъ теперь лежитъ вдвое больше налоговъ, чѣмъ до войны, и вопросъ идетъ еще о новомъ увеличеніи ихъ. Нужно-же найти 60 лишнихъ миліоновъ для военнаго бюджета да двадцать миліоновъ для флота. Теперь все облагается пошлинами: табакъ, пиво, петролеумъ, биржевыя операціи. Погодите, еще будутъ пивныя бунты: цѣна на пиво всегда была у насъ барометромъ общественнаго спокойствія. Два года тому назадъ уже лилась кровь у насъ на улицахъ; десятка четыре головъ были разбиты вслѣдствіе повышенія на крейцеръ каждаго литра пива. А что будетъ, когда трудящемуся человѣку придется вычеркнуть изъ своего бюджета кружку пива утромъ и двѣ вечеромъ?“ На одномъ изъ собраній народный ораторъ замѣчаетъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ мы находимся въ прусскихъ когтяхъ, на насъ лежатъ двойные налоги, а жизнь вздорожала втрое. Чтобы построить какую-нибудь крѣпость или соорудить какой-нибудь блиндированный корабль, налагаютъ пошлину на нашъ насущный хлѣбъ — на пиво. Налагать пошлины на пиво — это значитъ вырывать у насъ изо рта хлѣбъ! Пиво — національный напитокъ нѣмцевъ. Что-же будутъ дѣлать мастеровые люди? Они покораются, они будутъ вознаграждать себя, потребляя вредные напитки, они будутъ пить картофельную водку, какъ пьютъ ее въ восточной Пруссіи, гдѣ встрѣчаешь только огрубѣвшихъ людей, дошедшихъ до идиотизма. По послѣднимъ статистическимъ свѣденіямъ въ послѣдній годъ въ Германіи перегоняли 300 миліоновъ литровъ водки; 50 миліоновъ литровъ вывезено въ Россію и Бельгію. Но кто-же выпилъ остальные 250 миліоновъ литровъ? Это нище — пруссаки. Они

хотятъ увеличить цѣну на пиво, чтобы отравить насъ своею бортофельною водкою. Но этого не будетъ: наши депутаты должны защитить наши права и спасти насъ отъ полного опруссачиванія“. Другой ораторъ замѣчаетъ: „Товарищи и братья, мы околѣваемъ (kerigen) съ голоду. Господа офицеры, которые пьютъ только шампанское, Бисмаркъ и его товарищи, которые заставили насъ воевать, прикарманили миліоны, полученные государствомъ. Они и Кампгаузенъ, получающій ежегодно отъ 30 до 40,000 талеровъ за веденіе финансовъ имперіи, не знаютъ, сколько нужно усилій, чтобы прокормить работою жену и дѣтей“.

Это положеніе народа все болѣе и болѣе ухудшается, а бюджеты государства растутъ и растутъ. Такъ, напримѣръ, въ Баваріи военный бюджетъ на 1876 годъ былъ опредѣленъ въ 41,600,283 марки, т. е. на 1,088,624 марки болѣе, чѣмъ въ 1875 году.

„Куда ушли мои прекрасные золотые дукаты?“ восклицаетъ Гейне въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. „Но куда-же ушли французскіе миліарды?“ спрашиваютъ нѣмцы. 793 миліона были розданы Баваріи, Виртембергу, Гессену, великому герцогству Баденскому и пошли на реорганизаціи военныхъ силъ этихъ государствъ. Львиная часть досталась Пруссіи и распредѣлилась слѣдующимъ образомъ:

Императорскій фондъ для инвалидовъ.	187,000,000 тал.
Крѣпости въ Германіи	72,000,000 —
Крѣпости въ Эльзасъ и Лотарингіи.	40,250,000 —
Въ военную императорскую казну.	40,000,000 —
Въ морскую казну.	30,509,000 —
Авансы для администраціи арміи	6,270,000 —
Генераламъ и государственнымъ людямъ.	4,000,000 —
На артиллерійскую стрѣльбу.	1,375,000 —
За убытки на войнѣ.	37,700,000 —
За убытки торговаго флота.	5,000,000 —
Нѣмцамъ, изгнаннымъ изъ Франціи.	2,000,000 —
На вооруженіе крѣпостей	9,847,187 —
На осаду	9,394,821 —
На дворецъ парламента	3,000,000 —
На оборотный капиталъ кассы имперіи.	5,750,000 —

Итого: 454,696,008 —

Такимъ образомъ всё деньги поглотила, главнымъ образомъ, военная администрація. Земледѣліе, промышленность, наука и искусство остались не при чемъ. Налоги не уменьшились, а возросли. Жизнь дѣлается съ каждымъ днемъ все труднѣе и труднѣе; все вздорожало вдвое послѣ войны. Чего-же удивляться, что эмиграція все растетъ и принимаетъ необыкновенные размѣры? Весною втеченіи какого-нибудь мѣсяца въ Америку переселилось до 1,500 нѣмцевъ. Это зловѣщій фактъ: люди бѣгутъ изъ страны, вышедшей побѣдительницей, захватившей миліоны, грозящей всѣмъ и каждому своими военными силами.

V.

Такое положеніе Пруссіи не можетъ не возбуждать тревоги въ Европѣ: всё видятъ, что Пруссія вооружается, что ея войска находятся на военномъ положеніи, что она каждый день готова броситься на какое-нибудь государство. Но на какое государство направятся теперь ея завоевательные планы? Это тайна для всѣхъ и всё сознаютъ только одно, что имъ нужно тоже быть наготовѣ, и горе тому государству, которое будетъ застигнуто врасплохъ при нападеніи врага. Это напряженное состояніе Европы, обязанной заботиться не о развитіи земледѣлія и промышленности, а о приготовленіяхъ къ войнѣ, объ увеличеніи военныхъ силъ, крайне ненормально и крайне пагубно для прогресса. Оно совершенно походитъ на то состояніе, въ которомъ была Европа въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда французская республика, а потомъ Наполеонъ I такъ-же грозили войною всей Европѣ.

Въ жизни народовъ повторяется все: и событія, и идеи. Мы сказали, что теперешнія отношенія Пруссіи къ Европѣ напоминаютъ бывшія отношенія Франціи къ Европѣ, и теперь, какъ и тогда, всплываютъ на свѣтъ Божій почти одни и тѣ-же соображенія, вызванныя, быть можетъ, отчаяніемъ при видѣ готоваго къ братоубійственной рѣзнь чловѣчества, при мысли о томъ, что этой рѣзнь никогда не будетъ конца. Объ этихъ соображеніяхъ встаетъ поговорить теперь, такъ-какъ они начинаютъ высказываться все чаще и чаще людьми, неимѣющими между со-

бою ничего общаго. Вы, конечно, знаете, что Ренанъ недавно высказалъ мысль, что все идетъ «на свѣтъ» къ тому, чтобы былъ одинъ вождь для всего міра. Вы, конечно, помните, что этою мыслью воспользовался одинъ изъ сотрудниковъ нашего журнала, г. Мордонцевъ, какъ подтвержденіемъ раньше высказанныхъ имъ взглядовъ. Всѣ подобныя парадоксальныя мнѣнія слагаются, конечно, подъ тѣмъ болѣзненнымъ впечатлѣніемъ, которое производитъ на cadaго челоуѣка современное положеніе Европы, лихорадочно ожидающей новыхъ войнъ, невидящей конца этимъ войнамъ, ищущей найти какую-нибудь такую теорію, которая обезпечила-бы для будущихъ вѣковъ спокойствіе и миръ, дающіе возможность челоуѣческимъ обществамъ идти къ развитію, къ прогрессу при помощи промышленности, земледѣлія и торговли. Одною изъ такихъ теорій является парадоксъ о томъ, что война есть миръ, а миръ есть война, что при помощи войны мало-по-малу власть перейдетъ въ однѣ руки, что сосредоточеніе всей власти въ однѣхъ рукахъ есть законъ природы, воля Провидѣнія. Этотъ парадоксъ не новъ: его выдумали не Ренаны и не гг. Мордонцевы. Гораздо раньше ихъ, но подъ вліяніемъ тѣхъ-же причинъ, былъ вполне развитъ этотъ парадоксъ Шарлемъ Фурье. Какъ-бы ни были странны и дикі для нашего времени мечты этого челоуѣка о единой власти, мы изложимъ ихъ, потому что онѣ любопытны именно теперь.

25 фримера XII года, т. е. 17 декабря 1803 года, въ „Bulletin de Lyon“ появилась статья подъ заглавіемъ „Triumvirat Continental et paix perpétuelle sous trente ans“. Въ началѣ статьи говорилось, что „великія событія, ознаменовавшія конецъ восемнадцатаго столѣтія, ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя готовятся въ будущемъ, что для Европы готовится великая катастрофа, результатомъ которой будетъ страшная война и потомъ настанетъ вѣчный миръ“. Что-же приведетъ Европу къ вѣчному миру? Континентальный триумvirатъ. Изъ четырехъ государствъ: Франціи, Россіи, Австріи и Пруссіи, послѣдняя прежде всего подпадетъ раздѣленію, такъ-какъ „она всегда предвидитъ грозящій ей толчекъ, но никогда ничего не смѣетъ предпринять“. Такимъ образомъ останется триумvirатъ, изъ котораго одно государство будетъ погублено двумя другими. Эти два государства, Франція и Россія, погубивъ Австрію, будутъ бороться

другъ съ другомъ надъ ея трупомъ и одно изъ нихъ останется побѣдителемъ. „Какое-же изъ варварскихъ государствъ устоитъ передъ побѣдителемъ-тріумвиромъ, который сдѣлается властителемъ всей Европы? Не Китай-ли, который привели въ трепетъ 8,000 русскихъ, а лордъ Клайвъ обѣщаль завоевать съ 20,000 англичанъ? Кромѣ того, каждое варварское государство совершенно безсильно при нынѣшнемъ развитіи искусства мореплаванія.“

„Все будетъ добычею побѣдившаго тріумвира и потому Франція должна не истощать себя, а принять надлежащія мѣры, чтобы сыграть первенствующую роль въ тріумвиратѣ“. Но Фурье не вѣрилъ во Францію и полагалъ, что она будетъ до тѣхъ поръ увлекаться своими коммерческими химерами, пока Россія не останется побѣдительницей. „Мы не безызвѣстно, говоритъ Фурье, — какъ покровительствуютъ небеса Франціи и какую самоувѣренность пробуждаютъ въ ней ея недавніе тріумфы. Но кто видитъ нешного далѣе, тотъ не обманется этимъ блескомъ. Франція погибнетъ, и Россія, послѣ паденія Австріи, захватитъ всѣ земли за Эльбою и за Адриатическимъ моремъ и выставитъ изъ Азіи и Европы два миліона солдатъ противъ Франціи“. Такова была первая теорія, высказанная Шарлемъ Фурье насчетъ всеобщаго мира. Какъ извѣстно, эта статья обратила на себя вниманіе перваго консула и о Фурье были наведены справки, по которымъ оказалось, что авторъ статьи былъ скромный прикащикъ въ суконномъ магазинѣ, человекъ не честолюбивый и не интриганъ, личность, отличавшаяся среди прикащиковъ своими познаніями, особенно въ географіи. Конечно, Бонапартъ могъ заинтересоваться гипотезою молодого Фурье, но удовлетворить будущаго завоевателя, мечтавшаго тоже о всемірномъ владычествѣ, она не могла уже потому, что Фурье далеко не лестно говорилъ о Франціи.

Прошло пять лѣтъ; основная идея Фурье о вѣчномъ мирѣ не измѣнилась, только теперь онъ далъ первенствующую роль Англіи. При написаніи своей первой статьи онъ полагалъ, что властителю Европы стоитъ только послать армію для завоеванія Индіи да запретить англичанамъ^c европейскіе и азіатскіе рынки — и Англія рухнетъ. Теперь было не то. Онъ придалъ большое значеніе британской монополіи и доведенной до крайнихъ предѣловъ меркантильной системѣ англичанъ и ожидалъ, что единство міра подготовитъ та-же нація, которая довела до послѣдней крайно-

сти язвы цивилизаціи. Онъ говорилъ, что „Богъ, чтобы посрамить общество, избралъ для его обновленія именно ту страну, которая была позоромъ человѣчества“. „Пиратство и разбойничество этого острова, опустошающаго весь свѣтъ, является въ одно и то-же время и наказаніемъ, и благодѣяніемъ Бога. Въ этомъ обстоятельствѣ видна мудрость Провидѣнія“. Въ англійской монополіи лежатъ задатки административнаго единства міра. „Нарожденіе монополіи заботливо подготовлено самимъ Богомъ, помѣстившимъ острова посреди наиболѣе посѣщаемыхъ морей и сдѣлавшимъ эти острова самыми удобными пунктами торговли. Англія, Мадагаскаръ, Зондскіе острова, Новая Гвинея, Борнео, — однимъ словомъ, всѣ большіе архипелаги лежатъ на самыхъ главныхъ проѣздныхъ пунктахъ. Если эти острова съ 15 или 20 миліонами жителей могутъ прокормиться, образоваться и соединиться подъ скипетромъ одного владѣтеля, ихъ главный принципъ будетъ — монополія, стремящаяся покорить весь міръ“. „Да, это сѣмена монополіи, посѣянная Богомъ вокругъ континентовъ“. Какую цѣль имѣло Провидѣніе, создавъ эти архипелаги съ ихъ монополіей? „Конечно, не тиранію, находящуюся въ рукахъ нѣсколькихъ купцовъ, царящихъ надъ всѣми владѣтелями міра, но ниспроверженіе и посрамленіе существующей цивилизованной политики, что и дѣлаетъ Англія. Въ рукахъ Англіи монополія осмѣяла современную узкую политику, которая думала повредить ей. Несмотря на союзъ континентальныхъ державъ противъ Англіи, она съ своею монополією торжествуетъ надъ ними“. Она подкупаетъ слабѣйшихъ владѣтелей и вооружаетъ ихъ противъ сильнѣйшихъ, оставаясь покуда въ сторонѣ. Она остается спокойною, когда континентальные владѣтели воюютъ между собой. У нея одни неизмѣнные средства для борьбы, тогда какъ континентальные владѣтели мѣняютъ и средства, и цѣли, и губятъ сами себя. Подкупъ и субсидіи будутъ главными орудіями Англіи, при помощи которыхъ она покоритъ міръ. Фурье развиваетъ цѣлую систему, при помощи которой Англія закупитъ чужія войска, будетъ выдавать субсидіи государствамъ, станетъ ссорить ихъ между собою, — однимъ словомъ, будетъ поступать съ ними, какъ она поступаетъ теперь съ Турціей и съ Египтомъ и какъ совѣтуетъ ей одинъ изъ ея писателей поступить съ славянскими землями, вооруживъ ихъ противъ Россіи. Этою системою, по мнѣнію Фурье, она

дovedеть до паденія континентальныхъ государствъ и, наконецъ, сама „континентализируется“. Тогда на землѣ будетъ одинъ правитель, имѣющій вездѣ покорныхъ себѣ вассаловъ. Къ этому и ведетъ Провидѣніе весь міръ, все человѣчество. Но такъ-какъ къ тому времени весь міръ будетъ состоять изъ *фалангъ*, то онъ и приметъ слѣдующее устройство: надъ одной фалангой будетъ господствовать *унархъ*, надъ четырьмя — *дуархъ*, надъ двѣнадцатью — *триархъ*, надъ сорока восемью — *тетрархъ*, надъ миллиономъ — *дузархъ*, наконецъ, надъ всѣмъ міромъ будетъ господствовать — *омніархъ*.

Эта гипотеза Фурье давно была всѣми забыта, когда Прудонъ въ своемъ неоконченномъ сочиненіи „France et Rhin“ высказалъ почти ту-же мысль. Онъ, правда, говорилъ не о всемірной монархіи, но замѣтилъ, что Франція по своему географическому положенію сдѣлается въ-концѣ-концовъ, владычицею Европы и тогда у Европы будетъ одна столица — Парижъ. Высказывая эту мысль, Прудонъ замѣтилъ, что Франція или соединитъ Европу въ одну монархію, или просто станетъ въ отношеніи къ Европѣ, какъ главное феодальное государство. Но эта мысль была имъ высказана мимоходомъ и не обратила на себя никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что сочиненіе Прудона „France et Rhin“ появилась послѣ его смерти, неоконченнымъ. Возникнуть теоріи Фурье съ новою силою было суждено въ наше милитарное время.

Изложивъ теорію, возникшую въ тѣ страшные годы, когда завоеванія Наполеона I угрожали всей Европѣ, мы изложимъ теперь теорію Ренана, возникшую въ то время, когда Пруссія ежедневно грозитъ войною всѣмъ сосѣднимъ государствамъ.

„Въ первые дни мая 1871 года Евтифронъ, Евдоксъ и Филаретъ, всѣ трое философы той школы, которая основываетъ свои принципы на служеніи идеалу, на отрицаніи сверхъестественнаго, на опытномъ изслѣдованіи дѣйствительности, покинули Парижъ. Они прогуливались, *отягченные несчастіями своего отечества*, въ самой уединенной части версальскаго парка“. Этими словами начинается Ренанъ свои философскіе разговоры и эти слова знаменательны. Они написаны не безъ цѣли: они показываютъ, подъ вліяніемъ какихъ событій сложились эти разговоры, являющіеся, повидимому, чѣмъ-то вродѣ очень скучныхъ, очень монотонныхъ разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ, гдѣ вмѣсто французовъ являются

Евтифоны, Евдоксы и Филалеты. Только этимъ можно хотя отчасти если не оправдать, то объяснить смыслъ этихъ крайне странныхъ разсужденій, приходящихъ въ своихъ крайнихъ выводахъ почти къ тому-же, къ чему приходилъ когда-то Фурье, съ тою разницею, что Фурье писалъ какъ-бы политическую програму для Европы, а Ренанъ пустился въ отвлеченные философскіе выводы, которые онъ самъ называетъ „грезами“. Смыслъ этихъ разговоровъ очень немногосложенъ, хотя они и расплываются на множество страницъ. Дѣло въ томъ, что Ренанъ старается найти цѣль всего существующаго и успокоить людей, объяснивъ имъ, къ чему они идутъ. Цѣль міра — это выработка сознанія. Къ этой цѣли идетъ человѣчество. Въ-концѣ-концовъ все человѣчество соединится въ одно органическое цѣлое. Это соединеніе можетъ совершиться тремя способами: при помощи демократіи, при помощи олигархіи или при помощи монархіи. Первые двѣ формы Ренанъ считаетъ невозможными и признаетъ, что въ-концѣ-концовъ должна осуществиться третья форма, т. е. „единая монархія для всего міра“. „Такимъ образомъ весь міръ, говоритъ онъ, — поглотится въ одномъ организованномъ цѣломъ, въ безконечности котораго выразятся отдѣльныя части жизни прошлыхъ и настоящихъ. Вся живая природа произведетъ одну центральную жизнь, великій гимнъ, исходящій изъ миллиардовъ голосовъ, какъ животное является результатомъ миллиардовъ кѣлочекъ, дерево миллионовъ почекъ. Одно сознаніе будетъ для всѣхъ и всѣ раздѣлять его; міръ будетъ безконечнымъ гнѣздомъ полиповъ, гдѣ всѣ существа, жившія когда-нибудь, будутъ связаны однимъ основаніемъ и будутъ жить и своей собственной жизнью, и своей общей жизнью“. Итакъ, Ренанъ пришелъ къ тому-же, къ чему пришелъ Фурье, мечтавшій о единой монархіи и говорившій, что монополія — это зло настоящаго, будетъ для человѣчества добромъ будущаго. Такія философствованія въ сущности очень легки: тысячи, миліоны людей теперь воюютъ между собою; прекратить эту войну, повидимому, нельзя, куда будутъ тысячи и миліоны людей съ различными страстями, интересами, взглядами; нужно, значитъ, подвести ихъ подъ одинъ уровень; но уровнять характеры и взгляды, развитіе и интересы невозможно, вслѣдствіе чего и признаетъ Ренанъ демократію несостоятельной формой общественнаго строя; отдать человѣчество въ руки нѣсколькихъ избранныхъ

ковъ тоже не удобно; слѣдовательно, лучше всего заставить всѣхъ подчиниться одной волѣ, одному сознанию, одному центральному правителю; не станеть-же онъ враждовать самъ съ собою. Но чтобы доказать вѣрность этой простой философіи, Ренану пришлось встрѣтиться съ возраженіями утилитаристовъ, толкующихъ объ эгоизмѣ, о стремленіи къ личной пользѣ, и дарвинистовъ, говорящихъ о борьбѣ за существованіе. Что возразить имъ? Ренанъ сдѣлалъ это очень просто; подобно Фурье, онъ началъ толковать о предопредѣленіи, о конечныхъ цѣляхъ природы, о неисповѣдимыхъ путяхъ. „Принципъ, что общество существуетъ для блага и свободы отдѣльныхъ индивидовъ, составляющихъ его, кажется, не согласенъ съ цѣлями природы, съ цѣлями, при которыхъ принимается въ расчетъ только видъ, а личность, повидимому, приносится въ жертву. Цѣль, преслѣдуемая міромъ, далека отъ сглаживанья вершинъ и, напротивъ того, состоитъ въ созданіи боговъ, высшихъ существъ, которыхъ остальные сознательныя существа будутъ обожать, которымъ будутъ они служить, наслаждаясь этимъ счастіемъ подчиненія. Потому демократія въ этомъ смыслѣ является антиподомъ божественныхъ путей“ ... Чтобы подчеркнуть еще болѣе свои мнѣнія, основанныя на предопредѣленіи, цѣляхъ природы, неисповѣдимыхъ путяхъ, Ренанъ прибѣгаетъ даже къ такимъ фразамъ: „Доброта собаки не пропадаетъ, хотя за эту доброту ее часто бьютъ; низость человѣка не уязвляетъ ее, потому что она любитъ человѣчество, чувствуя его превосходство и гордясь возможностью принимать участіе въ дѣлахъ высшаго міра...“ „Въ настоящее время подобная формула единой монархіи кажется неосуществимой, но она можетъ осуществиться въ будущемъ. Франція во времена Людовика XIV и Людовика XV представляла-же собою страну, служившую для созданія блестящей и полной жизни одного человѣка, короля, къ славѣ и удовольствіямъ котораго были приурочены всѣ общественныя отправления. „Думать, что можно отнять у міра это чувство смиренія и свести все къ чистому эгоизму—это такъ-же невозможно, какъ отнять у женщины ея материнскіе органы. Даже самые эгоисты, мечтающіе создать теорію личной пользы, являются игрушками въ рукахъ природы“. „Предадимся-же цѣлямъ природы, допустимъ обманъ съ ея стороны, сознавая ея макиавелизмъ. Поймемъ ея цѣли и покоримся имъ. Возмущаться противъ природы, видя, что она обманываетъ насъ, это—зло. Да, она насъ

обманываетъ, но подчинимся ей...“ Этихъ выписокъ довольно, чтобы повяты силу философствованій Ренана, неимѣющихъ серьезной научной подкладки, неоснованныхъ на строгомъ изученіи природы, толкующихъ о томъ, что „собака испытываетъ счастье, служа высшему міру“, и забывающихъ объяснить, почему тысячи другихъ животныхъ, показывающихъ свои зубы человѣку, не ощущаютъ этого счастья. Тамъ, гдѣ человѣкъ указываетъ на таинственные пути Провидѣнія, на цѣли природы, на предопредѣленіе и не обращаетъ никакого вниманія на факты, добытые наукою,—никакой споръ немыслимъ. Мало того, самъ Ренанъ даетъ своимъ противникамъ оружіе въ руки. § Онъ говоритъ: „неоправимое извращеніе человѣческаго рода возможно; отсутствіе здравыхъ идей объ антагонизмѣ расъ можетъ привести къ полному паденію. Опасность для земной планеты заключается въ томъ, что эгоизмъ поглотитъ большую часть дѣятельности отдѣльныхъ личностей и служеніе добру, истинѣ, прекрасному будетъ практиковаться только немногимъ числомъ избранныхъ; опасность эта заключается въ томъ, что наша планета придетъ въ то состояніе, когда всѣ отдѣльныя личности пріобрѣтутъ различное сознаніе своихъ правъ и будетъ невозможно возникновеніе въ немъ безкорыстной идеи. Если такой духъ будетъ господствовать между нами—это будетъ концомъ цивилизаціи, всякаго стремленія къ умственному развитію. Такой будущности можно бояться, если не найдется средствъ возвысить господство генія надъ низкими идеями матеріалистической толпы, послушной только своимъ грубымъ желаніямъ“. Итакъ, несмотря на предопредѣленіе, таинственные пути и цѣли міра, возможенъ и другой исходъ для человѣчества. Впрочемъ, Ренанъ надѣется, что человѣчество не пойдетъ на этотъ путь, такъ-какъ для массъ очень отраднo принимать побои съ сознаніемъ, что эти побои принимаются ради высшихъ цѣлей міра. „Идея среднихъ вѣковъ о людяхъ, молящихся за тѣхъ, у которыхъ нѣтъ времени молиться, очень вѣрна, говоритъ онъ.—Масса работаетъ, немногіе исполняютъ за нее высшія обязанности жизни, — вотъ человѣчество. Результатомъ темной работы тысячъ крестьянъ, слугъ аббатства, былъ готическій сводъ въ прекрасной долинѣ, освѣщенный высокими тополями, куда смиренные люди приходили шесть или восемь разъ въ день пѣть псалмы Творцу... Въ наши дни тысячи

мужиковъ, бывшихъ крестьянами аббатства, теперь освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости, предаются, быть можетъ, грубому веселью при помощи земель этого аббатства, безъ всякаго идеальнаго результата. Налогъ, налагаемый на эти земли, одинъ немного очищаетъ ихъ, заставляя ихъ служить высшимъ цѣлямъ... Немногіе живутъ за всѣхъ. Если измѣнить этотъ порядокъ, никто не будетъ жить. Египтянинъ, умершій за постройкой пирамидъ, жилъ гораздо болѣе, чѣмъ тотъ, кто провелъ бесполезную жизнь подъ своими пальмами. Вотъ въ чемъ благородство народа; ничего другого онъ не жаляетъ; его никогда не удовлетворишь эгоизмомъ. Если онъ самъ не наслаждается, то онъ хочетъ, чтобы другіе, по крайней мѣрѣ, наслаждались. Онъ охотно умираетъ для славы вождя, то-есть за что-то, что не приноситъ ему самому никакой прямой выгоды". „Вообще конечная задача чело-вѣчества состоитъ въ созданіи великихъ людей... Безъ великихъ людей нѣтъ ничего; спасеніе зависитъ отъ великихъ людей... Мы несправедливы къ странамъ, которыя, какъ Франція, производятъ только изящное, фабрикують кружева, а не домашнее полотно. Эти-то страны и служатъ болѣе всего прогресу. Главная задача не въ созданіи просвѣщенныхъ массъ, а въ созданіи великихъ геніевъ... Если невѣжество массъ необходимо для этого — тѣмъ хуже“.

Такова философія Ренана. Философъ, какъ оказывается, онъ плохой. Если у Фурье появлялись абсурды вродѣ превращенія воды въ моряхъ въ лимонадъ или созданія въ будущемъ противольвовъ, противокитовъ, или принятія чело-вѣческою душою 810 различныхъ формъ, то у Ренана являются не менѣе странныя вещи вродѣ „собаки, чувствующей счастье служить высшимъ цѣлямъ міра“, или вродѣ слѣдующей фразы: „зачѣмъ дитя заставляеть себя страдать, производя зубы? отчего оно не обойдется безъ нихъ?“ Это вѣдь нѣчто хуже, чѣмъ разсужденія гоголевскаго старосвѣтскаго помѣщика. Но насъ интересуетъ не безсиліе Ренана въ области философіи, а совпаденіе его теоріи о будущемъ мирѣ со временемъ наибольшаго развитія милитаризма, какъ это было и съ Фурье. Обѣ эти теоріи создались подъ однимъ и тѣмъ-же вліяніемъ страха, создающаго, какъ извѣстно, кумировъ. Ренана и Фурье поразили вѣчныя войны различныхъ народностей, вѣчныя столкновенія эгоистическихъ личностей,—и вотъ они при-

бѣгли къ созданію новаго божка, который долженъ умиротворить всѣхъ. Этотъ *deus ex machina*, соединивъ въ своихъ рукахъ управленіе всѣмъ міромъ, поневолѣ заставитъ всѣхъ положить оружіе. Въ немъ и только въ немъ все спасеніе человечества отъ грустныхъ явленій, смущающихъ насъ теперь. Дѣйствительно, эти явленія смущали и смущаютъ не однихъ Фурье и Ренановъ. Смотря на такія „броненосныя“ государства, какъ современная Германія и Франція, видя такіе ужасы, какъ борьба славянъ и турокъ, наблюдая ежедневно въ своемъ кругу вражду отдѣльныхъ лицъ, невольно можешь задуматься о томъ, когда и чѣмъ все это кончится. Отвѣтъ на эти вопросы попробовали дать Фурье и Ренанъ, но, къ сожалѣнію, ихъ отвѣтъ оказался крайне несостоятельнымъ и объ этихъ отвѣтахъ приходится упоминать, только какъ о знаменіяхъ времени, какъ о свидѣльствѣ того, что человечество устало воевать и жаждетъ мира.

Не приведутъ-ли къ миру совершенно другія причины, неизмѣнчивія ничего общаго съ всемірною монархіею, съ подчиненіемъ массъ одному генію, одному кумиру?

Жажда мира наиболѣе громко и ясно высказывается тѣми тружениками, которымъ приходится жить работою, которые сильнѣе всего чувствуютъ застой въ промышленности во время войны. которые выносятъ на себѣ всѣ безчисленные кризисы, являющіеся слѣдствіемъ вражды народовъ. Эти труженики все громче и громче заявляютъ, что они устали воевать, что имъ необходимъ миръ для развитія земледѣлія, промышленности и торговли, для обезпеченія себѣ и своимъ дѣтямъ и куска хлѣба, и образованія. Ихъ голоса все яснѣе и яснѣе слышатся въ послѣднее время въ Германіи и, прислушиваясь къ ихъ нерѣдко суровымъ звукамъ, невольно чувствуешь, что реакція недалека отъ насъ, что приверженцы милитаризма нашли уже сильнаго противника въ мирныхъ подданныхъ дѣтей промышленности. Теперь на каждомъ шагу въ Германіи вы встрѣтите людей, которые ропшутъ на развитіе милитаризма. Голоса этихъ людей раздаются на улицахъ, въ народныхъ собраніяхъ, въ парламентѣ, — еще нѣсколько шаговъ Пруссіи къ развитію милитаризма, еще одна-двѣ обременительныхъ для прусскихъ подданныхъ войны, еще нѣсколько промышленныхъ кризисовъ въ Пруссіи вслѣдствіе военнаго положенія — и прусская милитарная система пошатнется подъ мирнымъ, но дружнымъ и твердымъ

натискомъ людей, живущихъ промышленностью, видящихъ въ развитіи промышленности все свое спасеніе. Милитаризмъ, подобно рабству, губить народныя силы, разрушаетъ народное благосостояніе, и народъ, узнавъ все это по опыту, такъ или иначе освободится отъ этой системы, — освободится уже потому, что она сама для поддержанія себя требуетъ огромныхъ средствъ, а этихъ-то средствъ и не можетъ ей дать народъ, доведенный ею вслѣдствіе застоя промышленности, вслѣдствіе денежныхъ кризисовъ, вслѣдствіе регресса въ торговлѣ до нищеты. Милитаризмъ самъ въ себѣ носитъ зародыши не развитія, а смерти, и потому можетъ развиваться только до извѣстныхъ предѣловъ. Такимъ образомъ, умиротвореніе народовъ въ будущемъ, вѣроятно, будетъ зависеть не отъ той или другой политической системы, не отъ какого-нибудь соединенія всѣхъ народовъ въ одну монархію, а отъ причинъ чисто-экономическихъ и социальныхъ.

VI.

Мысль о томъ, что человѣчество устало воевать, давно уже высказалъ съ свойственной ему энергіею Прудонъ. Онъ въ то-же время попытался указать, какой порядокъ вещей смѣнить нынѣшнія войны, и мы считаемъ нелишнимъ напомнить нѣкоторыя его мысли, составляющія противоположность страннымъ — чтобы не сказать болѣе — грезамъ Фурье и Ренана *).

„Война есть нормальное явленіе въ жизни человѣчества, хотя она и не есть такое явленіе, которое-бы мы должны были признать вѣчнымъ, говоритъ онъ. — Она есть только первоначальная форма, въ которую облекается антагонизмъ; этотъ законъ человѣчества, какъ и законъ природы, — необходимое условіе общественнаго развитія. Слѣдовательно, можно разсматривать войну съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія политической и законодательной и съ точки зрѣнія экономической. Съ точки зрѣнія политической и законодательной война есть органъ самаго первоначальнаго изъ всѣхъ правъ, *права силы*. Существованіе этого права свидѣтельствуется всемірнымъ сознаніемъ:

*) Прудонъ. „Война и миръ“, Москва. Изданіе Черенина. 1876 г.

безъ этого права рушится все зданіе правосудія, безъ него необъяснимы ни строеніе общества, ни ходъ цивилизаціи, ни смыслъ религіозныхъ мифовъ. Съ признаніемъ-же этого права, напротивъ, все становится рационально и ясно, становится яснымъ, какъ цивилизація постоянно развивалась войною, какъ законъ установилъ свои формулы, какъ всѣ виды права: право войны, право международное, право политическое, право гражданское, право экономическое, право философское, право разума, право свободы, право любви и право семейное, право труда, какъ всѣ эти виды права, истекають одни изъ другихъ, различаются и опредѣляются по принципу и образцу права сильнѣйшаго. Впрочемъ, компетентность войны, какъ спеціальнаго органа силы, ограничивается только вопросами силы. Вотъ почему, создавъ государство, какъ свой субститутъ, для рѣшенія споровъ между частными лицами, она предоставила себѣ только рѣшеніе споровъ между народами. Ужасна эта юрисдикція безъ судей, безъ свидѣтелей, безъ присяжныхъ, безъ аудиторіи, гдѣ спорящіе суть въ то-же время и свои собственные судьи, и свои собственные адвокаты. Но тѣмъ не менѣе приговоры войны безошибочны, дѣйствительны, неподкупны! Горе тому, кто вздумалъ-бы уклониться отъ нихъ! Горе тому, кто отказался-бы отъ битвы или, принявъ битву, нарушилъ-бы ея законы! Побѣда будетъ для него безплодна и рано или поздно оскорбленная имъ сила обратится противъ него. Я не буду повторять здѣсь причины паденія первой наполеоновской имперіи; эта имперія была болѣе дѣловитости, чѣмъ дѣломъ силы, и потому сила сокрушила ее. Я не стану здѣсь повторять этого рѣшительнаго аргумента противъ папства, которое, обладая духовною властью, повелѣвая міру во имя вѣры и нравственности, осуждено теперь влачить жалкую жизнь, потому что не умѣло, не могло или не хотѣло воевать, потому что не признало юрисдикціи силы. Я напомню только, что приговоры войны суть приговоры окончательные и что нѣтъ такой власти, которая-бы подтверждала или кассировала ихъ. Послѣ побѣдъ при Мадженто и Сольферино присоединеніе Савойи и Ниццы къ Франціи, Тосканы и Мархій къ Пиемонту, могло-бы обойтись и безъ формальности поголовной подачи головъ. Какое значеніе можетъ имѣть это свидѣтельство гражданъ,

опускающихъ въ урну свои билеты, предъ свидѣтельствомъ солдатъ, проливающихъ свою кровь?..

„Война, создавая право и возводя изученіе этого права въ науку положительную, объективную, — выше всѣхъ теорій; ея авторитетъ выше всѣхъ возможныхъ авторитетовъ. Право любви не произвело ничего, что могло-бы сравниться съ созданіями права силы. Война раскрыла намъ, наконецъ, что, вопреки всѣмъ господствующимъ до сего времени ученіямъ, ни монархія всемірная, ни федерація, ни іерархія, какъ ее понимали средніе вѣка, не могутъ быть политической конституціею человѣчества. Всемірная монархія была-бы сліяніемъ всѣхъ силъ, слѣдовательно, отрицаніемъ антагонизма, абсолютной неподвижностію; всемірная федерація привела-бы къ инерціи силъ, подчинивъ ихъ общей власти: федеративная система примѣнима только по отношенію къ небольшимъ государствамъ, соединяя ихъ для взаимной защиты противъ нападений со стороны большихъ государствъ; всемірная іерархія, наконецъ, была-бы ничто иное, какъ всемірное порабощеніе, и необходимо повлекла-бы за собой прекращеніе антагонизма и, слѣдовательно, смерть. Политическая система человѣчества состоитъ въ общемъ равновѣсіи государствъ, взаимно другъ друга ограничивающихъ, причемъ свобода, жизнь непрестанно истекали-бы изъ взаимнаго воздѣйствія государствъ одного на другое, скажу даже — изъ угрожающаго положенія ихъ въ отношеніи другъ къ другу. Это равновѣсіе есть миръ въ значеніи отрицательномъ; война, съ точки зрѣнія экономической, представитъ намъ его положительное значеніе...

„Первоначальнымъ военнымъ оружіемъ были орудія труда и охоты — лукъ охотника и его пика, ножъ мясника, коса жнеца, молотъ кузнеца, посохъ пастуха, замѣчаетъ Прудонъ въ другомъ мѣстѣ. — Новѣйшая наука присоединила къ этому свои разрывныя снаряды и разныя издѣлія металлургіи, коническія ядра и пули. Противъ которыхъ ничто не можетъ устоять. Іюньское возстаніе 1848 года доказало самымъ недальновиднымъ, что промышленность дѣлаетъ человѣка способнымъ стать въ одну минуту артиллеристомъ, инженеромъ, тактикомъ и стратегомъ. Въ четыре дня іюньской битвы инсургенты научились воздвигать укрѣпленія, дѣлать порохъ, лить пули, орудія, ядра. Можно сказать, что въ этомъ отношеніи прогрессъ арміи обуславливается прогрессомъ

промышленности, и что трудъ всегда будетъ въ состояніи одолѣть всевозможныя арміи. Война, однимъ словомъ, все болѣе и болѣе принимаетъ характеръ промышленности: какъ-же ей считаться съ этою промышленностію, отъ которой она не умѣетъ даже отличить себя? Очевидно для каждаго, кто взглянется внимательно въ общій ходъ войны, что въ человѣчествѣ существуетъ стремленіе не къ уничтоженію, а къ преобразенію антагонизма, къ тому, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ общество, носить названіе мира.

„Антагонизмъ, который мы признаемъ за законъ человѣчества и природы, не состоитъ для человѣка въ кулачномъ бою, въ рукопашной борьбѣ. Онъ можетъ быть также борьбою промышленности и прогресса: что по смыслу войны и высшей цивилизаціи, къ которой она стремится, въ сущности одно и то-же“. „Власть принадлежитъ наиболѣе доблестному“, сказала война. Согласны, отвѣчаютъ трудъ, промышленность, экономія; но въ чемъ состоитъ доблесть человѣка, доблесть народа? Не состоитъ-ли она въ геніи, добродѣтели, характерѣ, знаніи, искусствѣ, промышленности, трудѣ, богатствѣ, воздержности, свободѣ и патріотической преданности? Не сказалъ-ли великій полководецъ, что на войнѣ нравственная сила относится къ силѣ физической, какъ 3 къ 1? Законы войны, рыцарская честь не учатъ-ли насъ, въ свою очередь, что въ нашихъ битвахъ мы должны уважать другъ друга, воздерживаться отъ всякой обиды, измѣны, грабежа, хищничества. Будемъ-же бороться; но намъ не нужны для борьбы ни штыкъ, ни ружье. Подобно тому, какъ право, будучи сначала исключительно личнымъ, стало чрезъ вліяніе войны правомъ общимъ, такъ и война, въ свою очередь, должна перестать быть личною и должна сдѣлаться исключительно предметною. Въ этихъ новыхъ битвахъ отъ насъ потребуются не менѣе рѣшимости, преданности, презрѣнія къ смерти и къ чувственности, какъ и въ битвахъ прежнихъ; намъ придется также считать своихъ убитыхъ и изувѣченныхъ; все, что низко, слабо, грубо, малодушно, слабоумно, не избѣжитъ своей участи, не избѣжитъ порабощенія, презрѣнія, нищеты. Наемничество, пауперизмъ, нищенство, — однимъ словомъ, все, что есть самаго позорнаго, — вотъ что ожидаетъ побѣжденнаго. Такимъ образомъ, преобразеніе антагонизма истекаетъ изъ его опредѣленія, изъ его развитія, изъ

его закона; оно истекаетъ также изъ его конечной цѣли. Антагонизмъ цѣлью не имѣетъ разрушеніе, непроеводительное потребленіе, уничтоженіе ради уничтоженія; онъ имѣетъ цѣлью порожденіе высшаго порядка на мѣсто существующаго—безконечное совершенствованіе. Въ этомъ отношеніи надо признать, что трудъ представляетъ антагонизму болѣе обширное и богатое поле дѣйствія, чѣмъ война. Замѣтимъ прежде всего, что на этой аренѣ промышленности силы находятся въ борьбѣ не менѣе яростной, какъ и на полѣ кровопролитной битвы; что тутъ также происходитъ уничтоженіе и обоюдное поглощеніе. Я скажу даже, что въ трудѣ, какъ и на войнѣ, главный матеріалъ битвы, главный расходъ, одинъ и тотъ-же—кровь человѣческая. Мы живемъ тѣмъ, что потребляемъ самихъ себя и посредствомъ мѣны потребляемъ своихъ ближнихъ: и въ этихъ выраженіяхъ нѣтъ ничего метафорическаго. Но надо также замѣтить ту громадную разницу, что въ борьбѣ промышленности дѣйствительно побѣжденные суть только тѣ, которые не сражались или которые сражались малодушно: это ведетъ за собою то послѣдствіе, что трудъ возвращаетъ своимъ арміямъ все, что онѣ потребляють, и часто даже съ излишкомъ, чего война не дѣлаетъ, чего война никогда не въ состояніи сдѣлать. Въ трудѣ производство слѣдуетъ за разрушеніемъ; потребленныя силы возрождаются болѣе энергичными, чѣмъ были. Этого требуетъ самая цѣль антагонизма. Если-бы это было иначе, міръ возвратился-бы къ хаосу: наступилъ-бы день, когда вслѣдствіе войны, какъ въ первый день творенія, въ мірѣ ничего-бы не было, кромѣ пустоты и атомовъ: *Terra autem erat inanis et vacua*. Идея мира, говорятъ, есть идея отрицательная. Общество образовалось войною: какъ-же можетъ оно жить отрицаніемъ войны? Но изъ всего сказаннаго нами ясно, что миръ не есть конецъ антагонизма, что было-бы дѣйствительно равносильно концу свѣта; миръ есть конецъ рѣзни, конецъ непроеводительнаго потребленія людей и богатствъ. До сихъ поръ дурно понимали значеніе мира. Столько-же и даже болѣе, чѣмъ война, миръ есть вещь положительная, имѣющая дѣйствительное бытіе, имѣющая форму. Черезъ него законъ антагонизма получаетъ истинную свою формулу и свое высокое значеніе, что даетъ намъ предчувствовать, какова будетъ его органическая сила. До сихъ поръ, по причинѣ неточности выраженій, миръ принимался за противо-

возможность войны. Онъ по отношенію къ войнѣ то-же, что философія по отношенію къ мифу: мифъ пригоденъ теперь только для забавы дѣтей и для украшенія литературы; одному разуму принадлежитъ управленіе совѣстію и дѣйствіями человѣка. Однимъ словомъ, гипотеза всеобщаго и окончательнаго мира имѣетъ основаніе. Она основана на законѣ антагонизма, на феноменальности войны, взятой въ ея цѣломъ, на противорѣчій между юридическимъ понятіемъ войны и ея экономической причиною, на все болѣе и болѣе возрастающемъ преобладаніи труда въ управленіи обществами, наконецъ, на прогресѣ права, права силы, права международнаго, права политическаго, права гражданскаго, права экономическаго. Война была символъ, миръ есть осуществленіе. Водвореніе права между людьми и есть ничто иное, какъ уничтоженіе войны и организація мира. Всѣ народы приняли это обѣтованіе; всѣ мечтаютъ обмѣнить шкуру на соху и серпъ. До сихъ поръ человѣчество имѣло только временные миры: въ послѣднія два столѣтія оно имѣло миры вестфальскій, нимвегенскій, утрехтскій, ахенскій, амьенскій, тильзитскій, вѣнскій. Теперь намъ нуженъ просто миръ; человѣчество не понимаетъ и не желаетъ другого мира, какъ этотъ. На какихъ условіяхъ получимъ мы этотъ организованный миръ, статьи котораго будетъ писать не дипломатія, не то или другое государство, и котораго гарантія, заключааясь въ правильной борьбѣ силъ, неизмѣримо выше всякой гарантіи, какую могутъ дать всевозможныя арміи земного шара? Не посредствомъ адресовъ и митинговъ, федерацій, собраній, конгрессовъ, какъ это предлагалъ аббатъ Сен-Пьеръ, можетъ установиться этотъ миръ и стать недоступнымъ для всякаго нарушенія. Государственные люди въ этомъ случаѣ такъ-же безсильны, какъ и философы; священный союзъ потерпѣлъ неудачу; никакая филантропическая пропаганда тутъ ничего не подѣлаетъ. Миръ, подписанный остріемъ меча, не можетъ быть иначе, какъ перемиріемъ; миръ, вышедшій изъ совѣщанія экономистовъ и бваркоровъ, будетъ не менѣе смѣшонъ, какъ и знаменитый поцѣлуй Ламурета. Только одно трудящееся человѣчество въ состояніи покончить съ войною, создавъ правильныя экономическія отношенія, что предполагаетъ сильную перемѣну въ идеяхъ и правахъ. Чтобы установить царство мира, *racis impregne shogesh*, мы должны прежде всего сами измѣниться, какъ выразился предвѣстникъ евангелія: „*Metanoite*“. Но для этого прежде всего мы должны

очистить войну отъ всякой идеи споліаціи, примѣняя къ ней правило Декалога: Non fugaberis; во-вторыхъ, мы должны уразумѣть наше земное назначеніе, столь хорошо опредѣленное этимъ изрѣченіемъ стоиковъ: Iustine et abstinere; наконецъ, мы должны соблюдать законъ производства и распредѣленія, это высшее условіе правильныхъ отношеній между людьми. Возможно-ли это преобразование? Можетъ-ли оно скоро совершиться? На этотъ категорическій вопросъ вотъ что я отвѣчу: ни метафизика филозофовъ, ни компиляція юристовъ, ни практичность промышленниковъ, равно какъ и протоколы дипломатовъ и всякаго рода октроированныя конституціи не дадутъ намъ средствъ осуществить эту великую надежду. Мудрость индивидуумовъ, школь, государственныхъ совѣтовъ здѣсь бессильна. Прошло уже время политической и социалистической спекуляціи. Война, какъ правосудіе, какъ трудъ, поэзія и искусство, была выраженіемъ всемірной совѣсти; миръ также не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ всемірной совѣсти.

„Впрочемъ, какъ-бы люди ни рѣшили, намъ нечего бояться за будущее. Люди ничтожны: они могутъ только до нѣкоторой степени потревожить ходъ вещей и этимъ сдѣлаютъ вредъ только самимъ себѣ. Только одно человѣчество—велико; оно—непогрѣшительно. И я смѣло говорю отъ его имени: человѣчество не хочетъ болѣе войны!“

Чѣмъ энергичнѣе будетъ оно заявлять это желаніе, тѣмъ скорѣе настанетъ царство мира; заявленія-же этого желанія будутъ дѣлаться тѣмъ настойчивѣе и громче, чѣмъ тяжелѣе будетъ отзываться милитаризмъ на трудѣ, нуждающемся прежде всего въ мирѣ и имѣющемъ возможность существовать только при мирѣ. Такимъ образомъ миръ будетъ зависѣть въ будущемъ не отъ объединенія всѣхъ государствъ подъ одною державною десницею, а отъ труда. Война почерпаетъ свои средства въ трудѣ, но въ то же время она тормозитъ, останавливаетъ трудъ. Когда онъ не въ состояніи будетъ давать ей этихъ средствъ, когда онъ не захочетъ тратить на нее свои средства,—война отживетъ сама собою и уступитъ ему свое мѣсто.

А. М.

ВОЗСТАНИЕ СЛАВЯНЪ.

(Съ сербскаго.)

Богъ мщенія! къ тебѣ воззвалъ народъ,
Поруганный, гонимый, нищій:
Приди къ нему съ мечомъ своимъ! Онъ ждетъ
Рѣшенія судьбы своей грядущей.

Онъ вынесъ все, безропотно скорбя,
Что могъ снести. Но, кровью истекая,
Онъ поднялся теперь не за себя:
Онъ вынулъ мечъ, дѣтей своихъ спасая.

Ихъ рабство ждетъ, а онъ узналъ вполне,
Что значить быть нѣмымъ рабомъ собрата:
Дрожать за жизнь при каждомъ новомъ днѣ,
Или идти дорогою разврата.

Дать дочь врагу, пожертвовать женой,
Предать родныхъ, кривить душой лукаво,
Забуть свой храмъ,—одной такой цѣной
Могло на жизнь имъ покупаться право.

Онъ поднималъ мечъ, чтобы спасти дѣтей
Отъ этого духовнаго позора,
Чтобы они у божьихъ алтарей
Могли стоять, не потупляя взора.

Вотъ почему, разрушивъ свой очагъ,
Свои поля забросивъ безъ посѣва,
Онъ вышелъ въ бой: онъ нищъ, и босъ, и нагъ,
Но полнъ въ душѣ рѣшимости и гнѣва.

Два слова имъ на мрачныхъ знаменахъ
Начертаны: одно изъ нихъ—„свобода“,
Другое—„смерть“. Теперь въ твоихъ рукахъ
Рѣшить судьбу возставшаго народа.

А. Михайловъ.

ГАЛИЦІЙСКІЯ ПОВѢСТИ

ЗАХЕРЪ-МАЗОХА.

Нѣмецкій писатель, не по своимъ симпатіямъ, принадлежащимъ не нѣмцамъ, а русскимъ галичанамъ, а потому, что пишетъ на нѣмецкомъ языкѣ, Леопольдъ Захеръ-Мазохъ родился 27 января 1836 года въ Львовѣ (Лембергѣ), главномъ городѣ Галиціи. Фамилія его испанскаго происхожденія. Одинъ изъ его предковъ, Захеръ, сражавшійся въ войскахъ императора Карла V противъ нѣмецкихъ протестантовъ, раненый, остался лѣчиться въ Богеміи, женился тамъ на чешкѣ и поселился навсегда. Дѣдъ Леопольда переселился въ Галицію вскорѣ послѣ того, какъ она, по раздѣлѣ Польши, была присоединена къ Австріи. Сынъ его и отецъ писателя женился на наслѣдницѣ старинной галиційской фамиліи Мазохъ и присоединилъ фамилію жены къ своей собственной. Онъ занималъ должность начальника полиціи въ Галиціи во время польскихъ возмущеній въ 1837, 46 и 48 годахъ. Ребенкомъ, Леопольдъ видѣлъ такія сцены, которыя глубоко запечатлѣваются въ дѣтскомъ умѣ. Часовые съ свирѣпыми фізіономіями, шпіоны съ угрюмыми замашками, лица преступниковъ и бродягъ, ежедневно доставляемыхъ въ полицію солдатами, палочныя экзекуціи, „рѣшетчатыя окна, куда дѣвушки, проходя, бросали взгляды блѣднымъ, меланхоличнымъ польскимъ заговорщикамъ“—навсегда остались въ памяти впечатлительнаго Захеръ-Мазоха, какъ мы можемъ заключить изъ его произведеній. Въ тоже время его кормилица, крестьянка изъ Малороссіи, прекрасная, по его словамъ, „какъ Мадонна на креслѣ, Рафаеля“, познакомила его съ народными легендами, которыя онъ воспроизвелъ въ исторіи гайдамака Добоша, несчастной Варвары Радзивилль, прекрасной еврейки Эстерки, польской Помпадуръ, гетмана Богдана Хмѣльницкаго „суроваго истребителя польской шляхты“, и воеводы Потоцкаго, память о которомъ сохранилась въ народныхъ пѣсняхъ. Эти народныя пѣсни и легенды, въ которыхъ такъ много потрясающей грусти, нѣжныхъ симпатій, мужества и даже юмора, кормилица Леопольда умѣла передавать съ вдохновеніемъ и страстностію, которыми отличается героическая „Дѣло“, № 10, 1876 г.

поэзія малороссійскаго народа. Она съумѣла передать свои симпатіи своему питомцу: Захеръ-Мазохъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается въ своихъ произведеніяхъ на эпизодахъ легендарной и героической жизни русскаго народа.

Каждое лѣто его семья ѣздила въ свое имѣніе. Много прекрасныхъ страницъ въ произведеніяхъ Захеръ-Мазоха посвящено описанію этихъ имѣній, продолжительныхъ охотъ, поѣздокъ по степямъ, безграничнымъ, какъ море, гомерическихъ пировъ, дружескихъ бесѣдъ за самоваромъ. Тутъ вы непреимѣнно встрѣчаетесь съ евреемъ факторомъ, съ экономомъ, лѣсникомъ, священникомъ; съ сосѣдями, пьющими на славу, провозглашающими тостъ за царицу праздника съ дамскимъ башмакомъ въ рукѣ, наполненномъ венгерскимъ; съ дамами, въ одно время кокетками и величественными, щеголющими кацавейками, обшитыми мѣхомъ и пр.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ Захеръ-Мазохъ привязался къ галиційскимъ крестьянамъ и они стали его лучшими друзьями. Съ ними онъ ходилъ въ горы и тамъ слышался отъ нихъ разсказовъ о привольѣ былой казацкой жизни и о подвигахъ карпатскихъ гайдамаковъ. Блуждая часто, съ своимъ маленькимъ ружьемъ за плечами, по болотамъ, полямъ и лѣсамъ, онъ воображалъ, что самъ принадлежитъ къ расѣ гайдамаковъ. Онъ былъ еще ребенкомъ, когда отецъ взялъ его съ собой на охоту за волками; по своему желанію онъ сталъ учиться у полицейскаго солдата военному ремеслу и предавался этому занятію, какъ и гимнастикѣ, съ особеннымъ увлеченіемъ. Проводя цѣлый день въ физическихъ упражненіяхъ, онъ, вечеромъ, записывалъ для своихъ маленькихъ сестеръ исторіи и сказки, которыя слышалъ отъ крестьянъ.

Особенно сильное впечатлѣніе на мальчика произвели ужасныя сцены возмущенія 1848 года. Въ то время какъ австрійскія войска сражались съ возставшими поляками, русскіе крестьяне Галиціи возстали въ свою очередь не столько въ помощь Австріи, сколько для утоленія своей старинной ненависти къ польскимъ панамъ. Много было сожжено помѣщичьихъ домовъ; много варварскихъ жестокостей было совершено крестьянами надъ панами. Десятилѣтній мальчикъ видѣлъ, какъ „по улицамъ Лемберга въ телегахъ везли убитыхъ и раненыхъ инсургентовъ; кровь ихъ сочилась черезъ солону и ее лизали псы“.

Въ 1848 году семья Захеръ-Мазоха перѣехала въ Прагу. Здѣсь будущій писатель получилъ свое научное образованіе. Онъ пристрастился къ естественно-научнымъ знаніямъ и по-прежнему страстно занимался фетованіемъ и гимнастикой и предавался охотѣ. Ему было шестнадцать лѣтъ, когда одинъ изъ его професоровъ посоветовалъ ему испробовать свои силы въ литературѣ, но Захеръ-Мазохъ не внялъ этому совѣту. Въ это время успѣхъ на любительскомъ театрѣ вскружилъ ему голову; онъ игралъ безразлично Шекспира, Шиллера, Гете, Скриба и Коцебу и мечталъ сдѣлаться знаменитымъ актеромъ. Вскорѣ его потянуло въ военную службу, но, къ

его счастью, онъ увлекся сперва математикой, потомъ химіей, и забылъ о своемъ намѣреніи. Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ лѣтъ университетской жизни, когда онъ, по его словамъ, „пилъ много пива и ижѣлъ нѣсколько дуэлей“,—онъ, двадцати лѣтъ отъ роду, имѣя степень доктора, работалъ уже въ вѣнскихъ архивахъ. Вскорѣ онъ получилъ кафедру исторіи въ грацскомъ университетѣ.

Онъ прилежно читалъ лекціи студентамъ, когда чистая случайность указала ему на его настоящее призваніе. На вечерѣ у одной умной, пожилой женщины, онъ увлекъ слушателей своимъ рассказомъ о возмущеніи 1846 года. „Какой прекрасный романъ вы могли-бы написать на эту тему“, сказала хозяйка. На этотъ разъ Захеръ-Мазохъ внялъ совѣту, принялся за работу и очень скоро написалъ свое первое литературное произведеніе „Графъ Донскій“. Въ романѣ паралельно идетъ рассказъ о двухъ возмущеніяхъ въ Галиціи: польскомъ, панскомъ, и русскомъ, крестьянскомъ. Съ одной стороны блестящія собранія пановъ-заговорщиковъ, слѣшеніе интригъ политическихъ съ любовными, театромъ которыхъ была краковская республика; съ другой тайныя собранія крестьянъ по приказанію эконома, который вооружалъ ихъ для освобожденія Польши цѣпами, косами и пиками, а они въ то-же время рѣшали, что слѣдуетъ имъ обратить свое оружіе противъ ненавидимыхъ ими поляковъ. Паны рассчитывали на пассивное повиновеніе крестьянъ,—точно крестьяне могли забыть тѣ угнетенія, которыя они терпѣли сотни лѣтъ,—и, послушные зову патера и ободряемые своими дамами, весело и беззаботно примыкали къ возстанію. Крестьяне, однакожь, не забыли панской расправы и панскихъ угнетеній; на крикъ пановъ: „да здравствуетъ Польша!“ они отвѣчали: „да здравствуетъ императоръ!“ и стали избивать поляковъ.

Такова канва перваго романа Захеръ-Мазоха, имѣвшаго значительный успѣхъ. Авторъ посвятилъ его своимъ землякамъ.

Работая надъ этимъ романомъ, Захеръ-Мазохъ долженъ былъ безпрестанно переноситься мыслями на родину. Онъ до болѣзненности сталъ тосковать о ней, бросилъ университетскія занятія и поспѣшилъ въ свою милую Галицію. По его признанію, слезы потекли изъ его глазъ когда показалась первая галиційская деревня. Онъ провелъ два мѣсяца среди крестьянъ и, возвратившись, написалъ повѣсть „Лазутчикъ“, темой для которой послужило возмущеніе 1848 г. Эта повѣсть была принята такъ же сочувственно, какъ и „Графъ Донскій“. Затѣмъ въ хронологическомъ порядкѣ идутъ болѣе слабыя произведенія Захеръ-Мазоха, его историческіе романы „Послѣдній мадьярскій король“, „Кауницъ“ и другіе.

Изъ своего романа „Кауницъ“, Захеръ-Мазохъ извлекъ историческую комедію „Стихи Фридриха Великаго“, подавшую поводъ къ большому скандалу. Эта комедія съ успѣхомъ была сыграна во многихъ нѣмецкихъ городахъ, и наконецъ попала на берлинскую сцену. Первое и единственное представленіе ея состоялось 22 января 1866 года, т. е. въ такой моментъ,

когда Пруссія особенно не желала заключенія союза между Австріей и Франціей. Первый актъ прошелъ успѣшно, но когда во второмъ актѣ Кауницъ, обращаясь къ Людовику XV, произнесъ слѣдующія слова: „Австрія и Франція теперь раздѣлены, но соединенныя онѣ будутъ управлять Европой“, публика начала свистѣть, топтать ногами, стучать стульями. Конечно, эта враждебная демонстрація была направлена не противъ пьесы, а противъ Австрій и возможности союза, котораго страшались пруссаки. Часть публики, желая потушить скандалъ, начала аплодировать, но ничего не могла сдѣлать: буря еще болѣе усилилась. Любопытно, что эта пьеса была запрещена къ представленію въ Вѣнѣ именно потому, что цензура признала ее направленной противъ Пруссіи, съ которой Австрія не находилась еще во враждебныхъ отношеніяхъ.

Захеръ-Мазохъ сражался противъ Пруссіи не только перомъ: однимъ изъ первыхъ онъ записался волонтеромъ въ дѣйствующую армію, выступившую въ Богемію противъ прусскихъ войскъ.

Успѣхи пруссаковъ не заставили Захеръ-Мазоха, какъ многихъ нѣмецкихъ писателей, переѣхать свое мнѣніе о Пруссіи. Онъ не увлекся Бисмаркомъ и его системой и, послѣ „невиданныхъ“ побѣдъ, какъ только окончилась франко-нѣмецкая война, онъ, въ одно изъ своихъ произведеній, обращается къ опрусившейся Германіи съ слѣдующей тирадой: „Священный огонь погасъ у тебя, Германія и, что печальнѣе всего, ты сама его погасила! Долго онъ блестѣлъ какъ звѣзда, указывающая путь; но у тебя нѣтъ болѣе звѣзды, нѣтъ болѣе идеала! Ты лила кровь, ты собирала золото, ты можешь гордиться твоими побѣдами и твоими миллиардами. Что для тебя значить ненависть народовъ? Какая нужда тебѣ въ твоихъ добродѣтеляхъ, въ твоихъ прошлыхъ величіи? Истина? Это щитъ несчастія, а твое благостояніе увѣнчано ложью. Прекрасное? Ты предпочитаешь кровавую славу Рима безсмертной славѣ Афинъ; у тебя болѣе не будетъ ни Гомера, ни Фидія. Свобода? Что сдѣлала ты съ нею? Ея нѣтъ тамъ, гдѣ господствуютъ чувства, бывшія достояніемъ античныхъ когорть и плебса во время римской имперіи“.

Эти слова были написаны въ эпоху самаго фанатическаго увлеченія нѣмецкими побѣдами, охватившаго даже нѣмецкія провинціи австрійскаго государства,—въ ту эпоху, когда фанатизмъ обуялъ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ мыслителей Германіи, когда слышались грубыя инсинуаціи на честнаго старика Гервинуса, осмѣливаго напомнить, что существуетъ гуманность, что не умерла еще идея. Понятно, что нѣмцы также недоброжелательно встрѣтили страстные слова Захеръ-Мазоха и отплатили ему недостойными инсинуаціями при разборѣ его галиційскихъ повѣстей, имѣвшихъ общее заглавіе „Наслѣдство Каина“. Къ чести нѣмцевъ, не всѣ ихъ критики безусловно обрушились на Захеръ-Мазоха. Между ними оказалось нѣсколько горячихъ почитателей молодого писателя. Доказательствомъ, что на мнѣнія нѣмецкихъ критиковъ вліяли постороннія соображенія, служитъ то, что

первыя повѣсти Захеръ-Мазоха, написанныя до обнаруженія имъ своихъ симпатій, встрѣтили спокойный разборъ; послѣдующія-же, въ особенности написанныя послѣ франко-прусской войны, вызвали самое пристрастное отношеніе къ нему.

Такихъ образомъ одни изъ нѣмецкихъ критиковъ, подъ вліяніемъ оскорбленнаго узкаго патріотизма, провозгласили, что произведенія Захеръ-Мазоха вредны, безнравственны, что онъ опасный и неблагонадежный человѣкъ. Другіе, напротивъ, отнеслись къ Захеръ-Мазоху съ энтузіазмомъ; извѣстный критикъ Готшалъ сравнилъ „Наслѣдство Каина“ по силѣ и значенію съ „Божественной Комедіей“ Данта; нѣкоторые критики уподобляли скептицизмъ Захеръ-Мазоха скептицизму Байрона.

Главное достоинство произведеній Захеръ-Мазоха, въ особенности лучшихъ изъ нихъ, которыми мы считаемъ „Наслѣдство Каина“, по нашему мнѣнію, заключается въ неподражаемой красотѣ описаній, въ художественномъ воспроизведеніи характеровъ, въ ихъ искренности, наконецъ, въ тѣхъ честныхъ убѣжденіяхъ, которыми всѣ они проникнуты. „Я предпочитаю дурную истину обольстительной лжи“, сказалъ Захеръ-Мазохъ и ни разу не измѣнилъ этому принципу въ своихъ произведеніяхъ. Онъ и силенъ этой истиной, она-то и побуждаетъ людей, дорожащихъ ею, питать глубокое уваженіе къ талантливому писателю.

Идея „Наслѣдства Каина“ зародилась у Захеръ-Мазоха еще въ бытность его професоромъ гарцскаго университета. Его другъ, Кюрнбергеръ, авторъ замѣчательнаго произведенія объ Америкѣ, посоветовалъ ему бросить изображеніе нѣмецкой жизни, ставшей скучной, безцвѣтной и неинтересной, и заняться исключительно русскими, населяющими Галицію, съ которыми онъ связанъ глубокой симпатіей. Черезъ двѣ недѣли Захеръ-Мазохъ окончилъ своего „Коломіяскаго дон-Жуана“, внушеннаго столько-же воспоминаніемъ о родинѣ, сколько страстной привязанностію автора къ странной личности, послужившей типомъ для героини, какъ этого произведенія, такъ и другого, „Разлучница“. Главный типъ этого увлекательнаго произведенія, „провинціальный дон-Жуанъ“ воспроизведенъ съ совершенствомъ. Глубоко оригинальнымъ этотъ соблазнитель, который, любя и обманывая всѣхъ женщинъ, не можетъ забыть своей жены; хвастовство этого распутника трогательно какъ слезы. „Коломіяскій дон-Жуанъ“ одно изъ самыхъ лучшихъ произведеній Захеръ-Мазоха.

Война 1866 года на нѣкоторое время отвлекла Захеръ-Мазоха отъ литературныхъ занятій. Послѣ пораженія подъ Садовой онъ основалъ газету, оппозиціонную Пруссіи, и принялъ на себя роль защитника галиційской русской партіи, которая торжественно вручила ему защиту своего дѣла. Публицистическая дѣятельность, однакожъ, не помѣшала ему продолжать такъ блистательно начатое произведеніе „Наслѣдство Каина“. Одну за другой онъ издалъ двѣ повѣсти: „Фринко Балабанъ“ и „Ольга“. Послѣдняя, своей нѣжной сентиментальностію и введеніемъ фантастическаго эле-

мента болѣе удовлетворяла нѣмецкому вкусу, возмущенному нѣсколько грубой реальностью „Дон-Жуана“, „истиннаго, какъ сама жизнь“. Въ „Балабанѣ“ Захеръ-Мазохъ въ первый разъ выставилъ типъ женщины, повторяющейся потомъ въ нѣсколькихъ другихъ его произведеніяхъ: крестьянки, достойной самаго высокаго положенія по ея честолюбію, способностямъ и красотѣ, которая изъ скромной деревенской дѣвушки, мечтавшей о красномъ фуляровомъ платкѣ, изъ любовницы сельскаго простака становится графиней съ самыми безграничными желаніями. Въ разныхъ произведеніяхъ она является подъ именемъ Катерины, Дзвинки и Федосьи.

Окончательно отказавшись отъ кафедры въ гарцскомъ университетѣ, Захеръ-Мазохъ отправился въ путешествіе по Европѣ. Во время этого путешествія онъ еще болѣе утвердился въ своемъ намѣреніи продолжать „Наслѣдство Каина“. По странной случайности, любуясь роскошными видами Италіи, онъ получилъ извѣстіе, потребовавшее его немедленнаго возвращенія въ Галицію. Карпаты, Черная гора, Черное озеро, бесѣды съ крестьянами дали ему обильный матеріалъ для будущихъ его произведеній.

Первымъ произведеніемъ, написаннымъ Захеръ-Мазохомъ по возвращеніи въ Галицію, былъ „Скиталець“, который долженъ былъ служить прологомъ къ изданнымъ уже и задуманнымъ авторомъ повѣстямъ, входящимъ въ составъ „Наслѣдства Каина“. Враждебная Захеръ-Мазоху часть нѣмецкой критики напала съ ожесточеніемъ на „Скитальца“.

Захеръ-Мазохъ поднялъ брошенную ему перчатку. Онъ вступилъ въ полемику съ своими хулителями, которая еще болѣе разожгла вражду противъ него. Передавъ своимъ почитателямъ право защищать его, Захеръ-Мазохъ сталъ отвѣчать своимъ противникамъ новыми произведеніями, входящими въ серію „Наслѣдства Каина“. Онъ написалъ и издалъ „Крестьянскій судъ“, „Гайдамакъ“ и „Газара-Раба“. Въ нихъ онъ описываетъ поразительными красками сцены убійствъ, жестокостей и страшнаго возмездія; здѣсь снова появляется надменная, торжествующая Далила, вампиръ съ золотистыми волосами, сосущая кровь изъ сердца и придавливающая своей пятой мужчину, обезоруженнаго волшебствомъ ея поцѣлуя. Въ этихъ новыхъ произведеніяхъ своихъ Захеръ-Мазохъ является удивительнымъ живописцемъ дикой природы и человѣка, еще почти невышедшаго изъ патріархальнаго состоянія. Въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ сходство съ американскимъ писателемъ Бретъ-Гартомъ, дарованію котораго онъ удивляется, но самъ превосходить его своимъ талантомъ.

Изъ другихъ произведеній Захеръ-Мазоха, неотгѣченныхъ въ этомъ краткомъ очеркѣ, отличающихся талантливостью исполненія, мы назовемъ его комедію „Человѣкъ безъ предразсудковъ“, очень милый рассказъ „Женитьба Валеріана Кошанскаго“ и въ особенности романъ его „Стремленія нашего времени“, въ которомъ мастерски разоблачены поползновенія нѣмецкаго общества къ наживѣ, его продажность и отсутствіе въ немъ идеаловъ.

Захеръ-Мазохъ женатъ на баронесѣ Вандѣ Дунаевой, также извѣстной писательницѣ.

Въ заключеніе скажемъ, что „Галиційскіе рассказы“ Захеръ-Мазоха невольно переносятъ русскаго читателя въ нашу Малороссію и нашъ юго-западный край. Вѣрованія, предрассудки, обычаи, весь складъ жизни одинаковы, какъ здѣсь, такъ и въ Галиціи. Въ настоящей книжкѣ мы публикуемъ одинъ изъ этихъ галиційскихъ рассказовъ „Гайдамакъ“, предполагая въ будущемъ познакомить нашихъ читателей и съ другими произведеніями талантливаго автора.

I.

Гайдамакъ.

I.

Я только-что поднялся съ постели. За неизвѣнѣмъ болѣе достойнаго предмета наблюденія, я разсматривалъ воздушный дворецъ, сотканный надъ моею головою паукомъ-крестовикомъ, когда я замѣтилъ моего казака *). Онъ стоялъ у порога, переминаясь съ ноги на ногу и внимательно уставившись на кончики своихъ сапоговъ. Такая поза означала у него всегда, что онъ имѣетъ сообщить нѣчто интересное.

— Что новаго, Ивашъ? не безъ любопытства спросилъ я его.

— Господа изъ Львова желаютъ отправиться въ горы, отвѣчала онъ очень громко, — когда ему случалось терять мужество, онъ всегда призывалъ къ себѣ на помощь всю силу своихъ легкихъ, — да-съ! И знаете-ли, панъ, мнѣ кажется, что и мы могли-бы присоединиться къ нимъ... Съ ними прехорошенькія дамы, прибавилъ онъ съ одушевленіемъ.

Я наскоро одѣлся, захватилъ съ собой ружье, кой-какой провизіи и мы отправились въ корчму, гдѣ я, дѣйствительно, встрѣтилъ компанію туристовъ, пріѣхавшихъ изъ столицы съ цѣлью посѣтить наши восточныя Карпаты, а главное, Черную гору и Черное озеро. Я представился дамамъ. Одна изъ нихъ, панна Лѣля, была по-истинѣ очаровательна; у нея были чудные, искрающіеся глаза и она обладала той шаловливой граціей, которая составляетъ исключительную привадежность юныхъ полекъ и ко-

*) Казаками въ Галиціи такъ-же, какъ и у насъ въ юго-западномъ краѣ, называютъ слугъ, пользующихся довѣріемъ помѣщика, сопровождающихъ его на охоту, для посылокъ и пр.

тятъ. Ея подруга, панна Лодонска, напротивъ, не имѣла ничего замѣчательнаго въ своей фигурѣ, кромѣ развѣ выраженія скуки на ея лицѣ, подобнаго тому, какое придавалъ Гольбейнъ своимъ мадоннамъ; она достигла того возраста, когда дамы увлекаются магнетизмомъ, искусствомъ, литературой, микроскопомъ, идеей високаго призванія женщины и открытіями истоковъ Нила. Дѣвицъ сопровождалъ ученый профессоръ естественныхъ наукъ. Лицо этого профессора представляло собою обезьянью маску, которую, изъ вѣжливости, зовутъ головой Сократа; исхудалый, съ желтой пергаментной кожей онъ походилъ на мумію фараона, пять тысячъ лѣтъ поконившюся въ летаргическомъ снѣ въ своей пирамидѣ; за то его черная борода поражала своей величественностью. Онъ имѣлъ на себѣ нанковый костюмъ, лакированные башмаки и сумку; онъ запасся двумя сѣтками: одной для ловли бабочекъ, другой, болѣе плотной, для плѣненія жестко-крылыхъ насѣкомыхъ. Въ компаніи также принадлежали: священникъ изъ Забін, очень развитый, еще молодой, человекъ, и лекаръ, болтливый, дамскій любезникъ, щеголяющій своимъ синимъ фракомъ съ металлическими пуговицами. Мое предложеніе сопутствовать имъ, было принято съ удовольствіемъ. Самое важное было — найти опытнаго проводника.

— Возьмемъ гуцула Николая Оброка; лучшаго проводника нѣтъ, заявилъ лекаръ тономъ, недопускающимъ возраженія. — Онъ намъ дастъ лошадей и сѣдла, въ которыхъ мы нуждаемся... Это старый гайдамакъ.

— Разбойникъ! вскричала панна Лодонска съ дрожью въ голосѣ.

— Почти что такъ, подтвердилъ сухо лекаръ. — Да, сударыня, эта сторона напоминаетъ собой американскія преріи, и наши гуцулы ни въ чемъ не уступаютъ краснокожимъ.

— Объясните, пожалуйста, что это значить „гуцулъ“, спросила панна Лодонска. — Можете вы сказать, что это такое?

— Я вамъ объясню, сказалъ священникъ. — Прежде всего считаю нужнымъ замѣтить, что гуцулы, несмотря на общность языка съ малоросами, во многомъ съ ними различаются. Въ то время, какъ всѣ славянскія племена занимаются земледѣліемъ, гуцулы, поселившись на вершинахъ скалъ, ведутъ жизнь пастушескую и воинственную, подобно тому, какъ вели ее въ старину казаки. Мужчины, женщины и дѣти у нихъ неразлучны съ лошадьми. Отваж-

ные, страстно любящіе свободу, они во всякое время въ состояніи защищать свою независимость. Никогда ни одинъ гуцулъ не былъ вѣрнопослушнымъ. И хотя ихъ почва очень бѣдна, ихъ жилье, ихъ одежда показываютъ, что они пользуются благосостояніемъ. Они обладаютъ необычайною физической силой, между ними вы не встрѣтите людей малокровныхъ или съ тѣлесными недостатками. Большинство изъ нихъ народъ рослый, живутъ они обыкновенно до глубокой старости. Не рѣдкость встрѣтить у нихъ столѣтнихъ стариковъ; мнѣ самому, въ 1852 году, привелось хоронить ста двадцати-лѣтняго Петра Будцула, служившаго гренадеромъ при императрицѣ Маріи-Терезіи.

Профессоръ широко раскрылъ глаза.

— А каковъ у нихъ характеръ? спросила панна Лѣля, показавъ при этомъ свои маленькіе, бѣлые зубы, какъ это дѣлаютъ мыши, грызуція сухарь.

— Въ основаніи ихъ характера лежитъ гордость, отвѣчалъ пасторъ. — Постороннимъ людямъ они говорятъ „ты“ или „вы“, но о себѣ говорятъ непремѣнно „мы“, точно владѣтельные государи. Они въ высшей степени гостепріимны; въ каждомъ домѣ есть непремѣнно комната, предназначенная собственно для гостя. Они веселаго нрава и никогда не отчаиваются. „Не заботься ни о чемъ, но всегда дѣйствуй“ — вотъ ихъ философія. Въ то-же время они храбры, мужественны, искренни, неспособны на подлость, низость и коварство. Они охотно жертвуютъ собой за того, кто сдѣлалъ имъ добро, но горе тому, кто ихъ оскорбилъ! Въ мести они не знаютъ границъ.

— Мой Богъ! какъ пріятно жить здѣсь, произнесла со вздохомъ панна Лодонска, — среди этого простого, благороднаго и нравственнаго народа!

— О! что касается нравственности!.. вскричалъ лекарь, но тотчасъ-же остановился и сталъ закуривать ситару.

— Еще я долженъ прибавить, продолжалъ священникъ, — что наши горцы отличаются національною гордостью, весьма рѣдкою у людей безъ образованія. Они очень дорожатъ своимъ именемъ; гуцулы...

— Что оно означаетъ? прервала панна Лѣля съ нетерпѣніемъ.

— Нѣкоторые производятъ его отъ валахскаго слова „гуць“, поясняя внушительно священникъ; — другіе полагаютъ, что гуцу-

лы, самостоятельное племя, скрывшееся въ горы на своихъ вороныхъ лошадяхъ отъ преслѣдованія татаръ, охотившихся за жителями долинъ, какъ за дикими звѣрами, которыхъ они убивали или обращали въ рабство. Что касается меня, я полагаю, основываясь на ихъ нравахъ, на ихъ пѣсняхъ, указывающихъ, что они не забыли свое первобытное отечество, съ его моремъ, съ его высокими скалами...

— Гдѣ, полагаете вы, это отечество? спросилъ профессоръ съ живымъ интересомъ.

— На Кавказѣ. Ученый путешественникъ, профессоръ Коленаги нашель, что какъ на Кавказѣ, такъ и здѣсь, не только одинаковый типъ и одинаковые обычаи, но даже одинаковая раса лошадей, одинаковые рисунки вышивокъ на рубахахъ и другой одеждѣ. Кстати замѣчу, что русскіе такъ-же, какъ и ихъ ближайшіе родичи, германцы, по большей части блондины, между тѣмъ гуцулы почти всѣ брюнеты; золотистый цвѣтъ волосъ такая рѣдкость между ними, что они присвоиваютъ его карпатскимъ вампирамъ, „летавицамъ“, какъ они называютъ. Все это побуждаетъ меня признавать, что гуцулы переселились сюда съ Кавказа во время великаго переселенія народовъ, во главѣ котораго шли славяне. Въ то время, какъ ихъ братья, поселившіеся въ равнинахъ, были раздѣлены, разбѣяны и поработены сперва германцами, а позже гуннами, венгерцами, татарами, монголами и турками, гуцулы сохранили чистымъ, безъ всякой помѣси, характеръ славянской или, если хотите, кавказской. Надо полагать, что они уже занимали мѣста ихъ настоящаго поселенія во время основанія Коломіи римлянами, такъ-какъ у нихъ до сихъ поръ сохранились воспоминанія о той эпохѣ; напримѣръ, гуцульскіе воины зовутъ себя „легинцами“, легионерами; они клянутся Плутономъ и призываютъ Марса. Гора подлѣ Куты зовется горой Овидія; а озеро — озеро Овидія. Можетъ быть, великій латинскій поэтъ провелъ время своей ссылки на классической почвѣ Коломіи, богатой раскопками римскихъ древностей, гдѣ часто находятъ монеты съ изображеніемъ цезарей.

— Это очень вѣроятно, подтвердила панна Лодожска.

— Очень хорошія исторіи вы рассказываете, перебилъ рѣзкой мой казакъ грубымъ голосомъ, охрипшимъ отъ горилки (вод-

ки), — но, съ позволенія вашихъ милостей, я долженъ напомнить, что пора идти, если мы хотимъ избавиться отъ жары.

— Ты говоришь правду, мой сынъ, сказалъ лекарь, и, поджавшись, затанулъ про себя пѣсню.

Ивашъ пошелъ впереди насъ, нашимъ путеводителемъ.

II.

— Вотъ здѣсь живетъ старый гайдамакъ, объявилъ почтительнымъ тономъ мой казакъ.

Мы находились на крутомъ, скалистомъ холмѣ. Посреди мрачныхъ елей возвышались обширныя четырехугольныя зданія, выстроенныя изъ почернѣвшихъ бревенъ, покрытыя гонтомъ и обнесенныя колючей изгородью. Вокругъ царствовала глубокая тишина, нарушаемая только шумомъ теченія ручья въ долинѣ. Въ то время, какъ мы карабкались ко входу, внезапно появилась широкая, бѣлая морда, покрытая длинной шерстью, съ маленькими срѣзанными ушами и горящими глазами, и спокойно смотрѣла на насъ.

— Боже мой! что это такое? вскричала панна Лодоиска.

— Бѣлый медвѣдь, рѣшила Лѣля.

— Это волкодавъ гайдамака, замѣтилъ, улыбаясь, мой казакъ;— днемъ онъ ягненокъ, истинный ягненокъ.

Съ этими словами онъ отодвинулъ засовъ и поласкалъ огромное животное.

— Гей! Николай! спишь ты? кричалъ онъ въ то-же время.

Мы вошли на внутренній широкій дворъ, отдѣлявшій домъ отъ риги и хлѣва, за которыми находился огородъ. На восточной сторонѣ дома были два рѣшетчатыхъ окна и двѣ двери; къ дому примыкала низкая деревянная галерея, соединяющая домъ съ кладовой; у южной стѣны дома были разставлены улья.

— Вы видите теперь домъ настоящаго гуцула, сказалъ священникъ.

— Но къ чему служить эта изгородь, которой домъ окруженъ точно валомъ? спросила Лѣля.— Въ равнинахъ мнѣ не приходилось видѣть ничего подобнаго.

— Она служить защитой отъ медвѣдей и волковъ.

— О, Боже! произнесла дрожащимъ голосомъ панна Лодоиска.

Въ эту минуту изъ дому вышелъ мужчина, въ которомъ мы

легко признали стараго гайдамака, хотя въ его взглядѣ не было ничего свирѣпаго, а въ костюмѣ ничего фантастическаго. Вся его фигура говорила о спокойной, подавляющей силѣ; его лицо, изобрѣженное жизненными бурями, производило то-же впечатлѣніе, возбуждающее почтеніе, какое производитъ старое знамя, изодранное пулями. Онъ былъ высокаго роста и сложенъ пропорціонально; грудь у него была высокая, сильная; на немъ была рубашка бѣлая и чистая; его смуглыя, худощавыя руки, съ налитыми кровью жилами, были засунуты за широкій кожаный поясъ. Его блѣдное лицо съ выразительными чертами обрамлялось густыми кудрями черныхъ волосъ, въ которыхъ мѣстами пробивалась сѣдина. Густыя брови, сходявшіяся на переносицѣ, окаймляли блестящіе черные глаза, которые, казалось, говорили: „не трудись притворяться, братъ, я вижу тебя насквозь, я знаю людей, знаю жизнь“. Его красиво очерченныя губы были покрыты длинными усами. Онъ бросилъ быстрый взглядъ на всѣхъ насъ и принялъ насъ болѣе вѣжливо, чѣмъ сердечно. Когда священникъ сообщилъ ему о нашемъ желаніи, онъ отвѣчалъ:

— Невозможно. Нашъ атаманъ женится и мы оскорбимъ его, если не будемъ на свадьбѣ.

— Это пустой предлогъ, замѣтила панна Лодойска;—онъ просто желаетъ выманить у насъ побольше денегъ.

— Вы ошибаетесь, сказалъ я,—онъ не возьметъ съ насъ денегъ, если мы войдемъ въ его домъ; но за двѣ горсти пороку онъ сдѣлаетъ все, что мы захотимъ.

— Попробуйте, панъ Захеръ, сказалъ священникъ.

Какъ только произнесли мое имя, на губахъ стараго разбойника появилась почти непримѣтная улыбка и выраженіе его лица совершенно измѣнилось.

— Я зналъ вашего дѣдушку; сказалъ онъ, — также вашего отца и вашего дядю въ Калишѣ, въ особенности вашего дядю... О, доброе старое время!.. Войдите ко мнѣ, прошу васъ.

— Вы согласны проводить насъ?

— Увидимъ, мой милый господинъ, увидимъ, у насъ еще много времени впереди.

Мы вошли внутрь дома, который раздѣлялся на двѣ половины, изъ которыхъ каждая состояла изъ большой комнаты. Въ той комнатѣ, въ которую мы вошли, подлѣ большого камина,

служившаго скорѣе для копченія, чѣмъ для жаренья мяса, стоялъ большой шкафъ, украшенный разрисованными цвѣтами. Вдоль стѣнъ были разставлены широкія скамьи, въ углу стояла массивная кровать, далѣе сундукъ того-же стила, какъ и шкафъ, и посрединѣ комнаты столъ. Гайдамакъ отворилъ дверь въ „комору“, гдѣ каждый гуцулъ сохраняетъ свою праздничную одежду. Другая комната предназначалась для гостей; на одной стѣнѣ ея блестялъ удивительный трофей: два перекрещенныхъ дамаскированныхъ ружья, подъ ними два превосходныхъ арнаутскихъ пистолета, деревянная пороховница, охотничья сумка и топоръ. Стѣны нештукатуренныя, но тщательно обструганныя, также какъ полъ и потолокъ. Дверь запиралась толстымъ болтомъ изъ кедроваго дерева; тарелки, ложки и вилки, артистически выточенные изъ липоваго дерева. На всемъ была видна опрятность. Между образами особенно выдавался образъ св. Николая, замѣчательный своими размѣрами и золотымъ византійскимъ фономъ.

На тихій и короткій свистъ гайдамака, поворная, какъ собака, вошла красивая женщина въ цвѣтной шерстяной юбкѣ и вышитой рубашкѣ, босоногая.

— У насъ гости, сказалъ старикъ.

Черезъ минуту показался мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати; онъ вошелъ смѣло, не такъ, какъ входятъ у насъ обыкновенно дѣти его возраста, пробирающіяся по стѣнѣ; его прекрасные глаза блестяли, какъ у молодого козленка. Поклонившись намъ, онъ поцѣловалъ руку у священника и спросилъ его:

— Куда вы идете?

— На Черную гору, ласково отвѣтилъ священникъ.

— Можно мнѣ идти съ вами?

— Да, Минда, ты пойдешь, сказалъ съ нѣжностью въ голосѣ гайдамакъ. — Приготовься-же.

Мальчикъ быстро исчезъ и тотчасъ-же вошла молодая женщина, неся бутылку, обернутую соломой и наполненную горилкой, на одной тарелкѣ бриндзу (сыръ изъ овечьяго молока), а на другой свѣжее масло и хлѣбъ.

— Прошу васъ садиться, сказалъ гайдамакъ привѣтливымъ тономъ и сколько въ его приглашеніи было благородства и гостеприимства.

Когда мы усѣлись вокругъ стола, онъ налилъ рюмку и ска-

завѣ: „желаю долгоденствія моимъ милымъ гостямъ!“ выпилъ за-
помъ и остатокъ выплеснулъ на полъ съ неподражаемымъ вели-
чіемъ.

Водворилась тишина; вдругъ раздались жалобные крики надъ
моей головой. Сѣро-серебристый филинъ, выйдя изъ-подъ крыши,
медленно прохаживался, точно часовой; по временамъ онъ качалъ
своей головой и смотрѣлъ на насъ своими мигающими глазами.

— Ну! Николай Оброкъ, не полагаете-ли вы, что время сдѣ-
лать лошадей? сказалъ мой казакъ.

— Не представится-ли намъ случай выстрѣлить разъ, другой?
замѣтилъ я. — Я могу подѣлиться съ вами моимъ англійскимъ
порохомъ.

— Конечно, случай представится, подтвердилъ гайдамакъ. —
Такъ у васъ, паничъ, есть англійскій порохъ? Превосходный по-
рохъ... Я сейчасъ переодѣнусь, я буду скоро готовъ.

— А я посмотрю на лошадей, сказалъ мой казакъ, выходи
изъ комнаты.

— Скажите, Николай Оброкъ, почему вашъ домъ такъ уда-
ленъ отъ другихъ домовъ? спросилъ я. — Ищете вы уединенія?
Или, можетъ быть, вы не любите людей?

— Я не чувствую къ нимъ ненависти.

— Эта женщина ваша жена?

— Нѣтъ.

— А мальчикъ сынъ вашъ?

— Нѣтъ.

Онъ поклонился намъ, слегка и важно наклонивъ голову, и
пошелъ въ комнату переодѣться.

— Въ силахъ-ли этотъ старикъ быть нашимъ проводникомъ?
спросилъ професоръ.

— Оброкъ! Онъ всегда первымъ погружается въ іорданъ, от-
вѣтилъ священникъ.

— Въ іорданъ? что подразумѣваете вы подъ этимъ? спросили
дамы.

— Не можетъ быть, чтобы вы не слышали объ освященіи
воды въ праздникъ крещенія. На замерзшей рѣкѣ дѣлаютъ обы-
кновенно прорубь. Послѣ погруженія креста въ эту прорубь, на-
зываемую народомъ іорданью, всѣ присутствующіе мочатъ себѣ лицо
освященною водою. Гудулы при этомъ торжествѣ стрѣляютъ изъ

ружьей и пистолетовъ; самыя смѣлыя и самыя набожныя изъ нихъ погружаются въ іордань, въ воспоминаніе крещенія Іисуса Христа.

Вскорѣ вышелъ Оброкъ въ военномъ костюмѣ; короткая рубаха, безъ ворота, богато-вышитая шерстями, застегнутая латунной пряжкой, доходила только до бедръ. Широкіе шаровары изъ снятаго сукна были стянуты нѣсколько ниже колѣна; ноги обуты въ красныя чулки и хоудаки (башмаки съ шнуровкой) изъ сыромятной кожи. Поверхъ коричневаго открытаго жилета былъ накинутъ малиновый сардакъ, родъ доломана, обшитый на плечахъ синей тесьмой. На груди было надѣто нѣчто вродѣ римской кирасы: четыре перекрещивающіяся широкія кожанія полосы съ металлическими украшениями. За поясомъ были воткнуты пистолеть и кинжалъ; къ поясу-же цѣпочками были прикрѣплены пузырь, наполненный табакомъ, небольшая деревянная трубка съ мѣдной крышккой, огниво и кремьнь. На лѣвой сторонѣ была привѣшена вышитая торба, а на правой—пороховой рогъ. На груди гайдамака висѣлъ большой мѣдный крестъ. Ружье было перекинуто черезъ плечо; широкополая шляпа, украшенная лентами, монетами и перьями, была надвинута на лобъ. Въ рукѣ онъ держалъ топоръ.

— Ахъ! какъ это великолѣпно! вскричала съ восторгомъ Лѣля.— Совершенно рыцарское одѣяніе!

И она стала играть цѣпочкой, на которой былъ привѣшенъ пороховой рогъ. Въ то-же время панна Лодоиска держалась въ сторонѣ.

— Ужасный нарядъ! бормотала она, устремивъ свой взоръ на красныя чулки гуцула. — Это, правда, романтичeskій, но настоящій костюмъ разбойника... такъ и кажется, что онъ весь въ крови.

Она осмотрѣла руку гайдамака съ короткими пальцами — признакъ, по ея мнѣнію, жестокости — и, вскочивъ на лавку сзади него, стала ощупывать заднюю часть его головы.

— Нашла! вскричала она съ торжествомъ: — равнина! гора!..

— Что такое? спросилъ озадаченный лекарь.

— Инстинктъ убійства... ощупайте, и вы сами узнаете, сказала она, соскакивая со скамьи. — Много народу вы убили? спросила она дрожащимъ голосомъ, обращаясь къ гайдамаку.

Онъ не отвѣтилъ ни слова и вышелъ изъ комнаты.

— По крайней мѣрѣ, три дюжины человекъ, отвѣчалъ за него лекаръ.

— Ужасно! ужасно! и такой страшный убійца будетъ нашимъ путеводителемъ во все время нашей прогулки...

Во дворѣ маленькія, вороныя гуцульскія лошадки въ нетерпѣннѣи били своими твердыми копытами въ землю; хотя онѣ не были подкованы, изъ почвы тѣмъ не менѣ выходили искры. Въ этихъ лошадакахъ не было ничего похожего съ нашими худыми замороженными крестьянскими лошадыми; напротивъ, при своей арабской изящности, онѣ имѣли округленныя формы и глянцевитую шерсть; только хвостъ и грива у нихъ были всклокоченныя, на манеръ корсиканскихъ лошадей. Ихъ никогда не запрягаютъ, оттого онѣ такъ веселы, кротки и быстры на ходу. Моя лошадь стояла между ними; она широко отерывала глаза и ноздри и насторожила уши, внимательно разсматривая новое для нея общество. Стали садиться на лошадей; гайдамакъ помогъ сперва дамамъ, а потомъ профессору. Вскочивъ въ свою очередь на своего вѣрнаго друга, Оброкъ, кивнулъ головой молодой женщицѣ, стоявшей у дверей, и крикнулъ: „съ Богомъ!“ — и мы тронулись. За нимъ ѣхали мой казакъ и я; за нами дѣвицы, потомъ священникъ и мальчикъ, а въ арьергардѣ лекаръ и профессоръ, нагруженный своимъ багажемъ, предназначеннымъ для научныхъ изслѣдованій.

Проѣхавъ узкій оврагъ, затемняемый гигантскими елями, растущими по краямъ его, мы вошли въ широкую равнину, обрамленную по обѣимъ сторонамъ роскошной растительностію, и предъ нашими глазами во всей красотѣ открылись восточные Карпаты. Они возвышались изъ равнины почти перпендикулярно; крутые, перерѣзанные пиками, съ голыми вершинами, они казались въ два раза выше, чѣмъ были въ дѣйствительности. Синеватая туманная даль представлялась зубчатой стѣной; невольно лѣзла въ голову идея, что эту стѣну строили циклопы и она треснула подъ вліяніемъ дѣйствія подземнаго огня, слѣды котораго не изгладились и до сихъ поръ. „Черная гора“, съ ея тремя грозными зубцами, возвышалась надъ своими двадцатью семью товарищами, какъ черная башня, уцѣлѣвшая отъ громаднѣйшаго укрѣпленнаго замка, находящагося въ развалинахъ. Изъ этой стѣны мѣстами вырывались источники, стремительно текущіе внизъ, а по ея вер-

шияѣ тянулась свѣжая лента, мѣстами покрытая туманомъ отъ свѣга, согрѣваемого солнечными лучами.

Леля радостно смѣялась и отъ восторга прыгала на своемъ сѣдлѣ; Лодюска и профессоръ тоже обмѣнивались восторженными восклицаніями.

Гайдамакъ спокойно набилъ трубку, положилъ пахучій труть на кремень, высѣкъ огонь и закурилъ. Наши маленькія лошадки быстро карабкались на скалы, покрытыя мхомъ и папоротникомъ и шли ровной рысью какъ по водѣ, такъ и по камнямъ; профессоръ не разъ схватывался за гриву, изъ боязни выскочить изъ сѣдла. На-право и на-лѣво колыхались вѣтви столѣтнихъ дубовъ и раскрывали темныя дупла великановъ, служація, когда поспѣютъ желуди, хлѣвомъ для свиней. Чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ все больше сближались эти великолѣпныя деревья. Наконецъ, мы вѣхали въ обширный дѣвственный лѣсъ; на насъ пахло ароматомъ зелени; мы почувствовали свѣжесть и сырость; невидимые источники расцвѣтали свои заунывные аріи. Какая разница съ пейзажами, гдѣ все веселитъ сердце человѣка, возбуждаетъ въ немъ радостныя впечатлѣнія. Самые Альпы, несмотря на ихъ громадныя массы, въ своихъ долинахъ производятъ подобныя-же отрадныя впечатлѣнія. Наши-же Карпаты, подобно нашему народу, имѣютъ характеръ нѣмой, дикой, невыразимой меланхоліи. Ни пѣніе птицы, ни какой ясный переливающійся звукъ не оживляли этого уединенія; только бѣлка, прыгая въ вѣтвяхъ бука, провожала насъ своими маленькими, круглыми глазами.

Мы поднялись къ истоку широкаго и чистаго источника, бѣгущаго между скалъ. Трясогузка сидѣла на большомъ сѣромъ камнѣ, какъ ковромъ покрытомъ свѣжимъ мохомъ, гдѣ кишѣли насѣкомыя. Она болтала своимъ хвостомъ, ворочала во всѣ стороны свою маленькую, черную голову и кончила тѣмъ, что полетѣла по тому направленію, по которому бѣжали серебристыя волны источника. Посреди веселой лужайки стояло высохшее дерево и внутри его ствола слышалось непрерывное жужжаніе. Гайдамакъ остановилъ свою лошадь.

— Здѣсь, сказалъ онъ, —рой дикихъ пчелъ.

Далѣе намъ встрѣтилась масса нагроможденныхъ сѣрыхъ камней, представлявшихъ видъ естественнаго вала.

— Здѣсь, вѣроятно, логовище какого-нибудь разбойника, проборютала панна Лодоиска.

— Не разбойника, а лисицы, отвѣчалъ добродушно гайдамакъ и, пустивъ свою лошадь, подскочилъ къ камнямъ; осмотрѣвъ ихъ внимательно, онъ продолжалъ: — Ушелъ... большой волокита этотъ звѣрь: я видѣлъ, какъ онъ прогуливался съ своей любезной при свѣтѣ луны.

Мы подѣхали къ рѣчкѣ Черемоху, имѣющей необычайно быстрое теченіе. Черезъ нее былъ перекинутъ узкій мостикъ, поддерживаемый тонкими еловыми столбиками. Къ великому ужасу дамъ и профессора, наши лошади быстро перенеслись черезъ него. Издали доносились жалобные крики удода. За мостомъ, взобравшись на высокій берегъ рѣки, мы вѣхали въ еловый лѣсъ. Онъ былъ такъ густъ, вѣтви его до того сплетались, что сюда не проникали солнечные лучи и здѣсь чуть брезжалъ блѣдный, слабый свѣтъ. Въ этой таинственной темнотѣ, въ этомъ глубокомъ уединеніи, казалось, прекращалась всякая жизнь. Самый кервель, покрывающій здѣсь почву, не хрустѣлъ подъ ногами лошадей, такъ-какъ онъ на-половину сгнилъ. Мною овладѣла невыразимая грусть, ощущеніе одиночества и смерти; здѣсь, казалось, ничто не дышало, здѣсь не билось ничье сердце. Наконецъ, открылось голубое небо. Какая радость! Въ высотѣ парилъ орелъ, крылья распущены, но неподвижны, точно воздухъ поддерживаетъ его. Въ лѣсу, который мы только-что оставили за собой, попадались ели въ сто, сто пятьдесятъ, даже двѣсти футовъ вышины. На правой сторонѣ открывалась широкая пропасть, куда съ шумомъ низвергался ручей, пѣнясь и разбрасывая миліоны брызговъ. Нѣсколько далѣе показалась просѣка, продѣланная бурей; точно на полѣ сраженія, послѣ битвы, скелеты деревьевъ лежали, нагроможденные одинъ на другой.

Во ста шагахъ отсюда гайдамакъ указалъ намъ пещеру, обвитую плющомъ и барвинкомъ и покрытую мохомъ, — одну изъ тѣхъ пещеръ, въ которыхъ, по преданіямъ языческихъ временъ нашего народа, до сихъ поръ еще сохранившимса, обитали демоны, или злые, или покровительствующіе человѣку. Оставляя за собою эту пещеру, старикъ перекрестился и ускорилъ шагъ своей лошади.

Мы подвигались впередъ нѣсколько времени, какъ внезапно

могильная тишина была прервана страннымъ шумомъ: это не былъ ни шелестъ деревьевъ, ни плескъ ручья; онъ походилъ на угрозу, въ которой слышались рокотанія грома. Предъ нашими очарованными глазами появился бушующій каскадъ. Лошади остановились сами собой. Волшебный видъ представляла эта стремительно падающая масса воды, переходящая въ своемъ движеніи отъ зеленоизумруднаго до сѣжно-бѣлаго цвѣта; она бѣшено перескакивала черезъ сотни подводныхъ камней, разбивавшихъ ее на тысячи частей, которыя, въ свою очередь, разбрасывались миліонами серебристыхъ брызговъ. Папоротники въ ростъ человѣка вобрались по обѣимъ натуральнымъ стѣнамъ, ограничивающимъ каскадъ, и образовали собой волнующуюся діадему. Здѣсь было прохладно и свѣжо. Въ купѣ гибкихъ ольхъ, представлявшей веселый островокъ среди океана мрачной зелени елей, расплывала птичка, въ экстазѣ горделиво топорща свою красную грудь. Губы панны Лодонски что-то произносили, но никто не слышалъ ни ея словъ, ни пѣнія птицы; всякій звукъ покрывался гулкимъ раскатомъ отъ паденія водопада. Гайдамакъ поднялъ свой топоръ и мы тронулись въ путь. Горный хребетъ постепенно развертывался передъ нами; солнечные лучи ярко освѣщали известковую поверхность горъ, и всѣ предметы, на которые они падали, казались въ какомъ-то металлическомъ туманѣ, а каждая отдѣльная остроконечная вершина казалась золотою короною, которою была увѣнчана гора, служащая ей пьедесталомъ. Дикая горная цѣпь сворачивала на западъ, а на югъ предъ нами открылась живописная долина; вдали на оконечности ея синѣлъ лѣсъ; при взглядѣ на нее становилось на душѣ легко и являлось ощущеніе спокойной меланхоліи.

Звонъ колокольчиковъ возвѣстилъ о близости человѣческаго жилья. Между листовъ заблестѣлъ крестъ. Прошелъ караванъ въ двадцать лошадей, навьюченныхъ кожами; за ними шли два гуцула съ трубками во рту; ни у одного изъ нихъ не было въ рукахъ кнута, ни одинъ не крикнулъ на животныхъ, идущихъ между тѣмъ ровнымъ шагомъ; гуцульскую лошадь нѣтъ надобности понуждать: она знаетъ свое дѣло.

Мрачныя стѣны елей постепенно все болѣе и болѣе раздвигались; снова послышалось веселое журчаніе Черемоха. Открылся лугъ, на которомъ паслось стадо овецъ и коровъ, а за нимъ Гри-

нѣва, гуцульская деревня, перерѣзанная на двое рѣчкой. Каждый домъ въ ней стоитъ отдѣльно, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга; обнесенный, точно валомъ, густой изгородью, каждый изъ нихъ походитъ на небольшую крѣпостцу; не видать снаружи ни оконъ, ни дверей. Видъ деревни напоминаетъ Востокъ. Посрединѣ деревни возвышается деревянная церковь, съ пятью блестящими круглыми византійскими куполами.

Повстрѣчалась женщина верхомъ; она одѣта въ широкіе турецкіе панталоны, синюю юбку и богато вышитый кептаръ (коротенькая кофточка безъ рукавовъ); черные волосы ея подобраны красной лентой; въ свободной рукѣ у нея прялка.

— Слава Іисусу Христу, сказала она.

— Во вѣки вѣковъ, аминь, отвѣчалъ гайдамакъ.

Послышался выстрѣлъ, десять разъ повторенный эхомъ, затѣмъ другой, потомъ нѣжные и жалобные звуки трембита (карпатскаго рога) и мы вѣхали въ деревню.

III.

Послѣ лукуловскаго обѣда въ домѣ атамана, давшаго случаю дамамъ испробовать мамалыги (кушанье изъ кукурузы) и пироговъ съ творогомъ, мы продолжали нашъ путь въ томъ-же порядкѣ; мы ускорили шагъ нашихъ лошадей, намѣреваясь попасть до захода солнца въ балтагулевую долину (пастбище.)

Дорога мѣстами до того съуживалась, что намъ приходилось ѣхать гуськомъ; часто мы ѣхали по краю открытой пропасти, изъ глубины которой неслись холодныя, влажныя испаренія; нерѣдко большіе камни и сорванныя бурей деревья загромождали тропинку. Солнце постепенно опускалось и освѣщало теперь только вершины горъ; растенія испускали сильный, пріятный запахъ, распространявшійся въ неподвижномъ воздухѣ. Снѣгъ блестялъ въ мрачныхъ расщелинахъ. Слышалось журчаніе скрытыхъ въ чащѣ лѣса источниковъ. Иногда открывалось широкое видимое пространство и въ отдаленіи виднѣлись сѣрые дома, византійскіе куполы и луга. Встрѣчались въ сторонѣ стада и слышны были голоса пастуховъ, звавшихъ собакъ: „Эй, Бетьарь! Марсь! Плутонъ!“ Если встрѣчались два стада между собой, слышался свистъ, а затѣмъ выстрѣлъ изъ ружья. Эхо повторяло ихъ и намъ представлялось, что двѣ непріятельскія арміи задѣваютъ одна

другую. Передъ вечеромъ мы достигли круглой горы Балтагуль на венгерской границѣ. На высотѣ пяти тысячъ футовъ надъ поверхностью моря лежитъ полонина, цѣль нашей поѣздки. Этотъ обширный лугъ имѣетъ волнообразную поверхность и сверху кажется, что скачущіе всадники и бѣгущія животныя плаваютъ по немъ. Въ каменистой и безводной части этой равнины, посреди овецъихъ загонѣвъ, стоитъ, точно замокъ, стай, довольно большая хижина, обнесенная каменнымъ заборомъ, гдѣ, въ бурю и грозу укрываются пастухи. Передъ стаемъ горѣлъ большой костеръ, зажженный пастухами. Едва замѣтивъ насъ, пастухи затрубили въ трембиты и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей и пистолетовъ. Мы тоже отвѣчали выстрѣлами, а гайдамакъ соскочилъ съ лошади, чтобы позвать руку ватажкѣ (старшему надъ пастухами.)

Пастухи имѣли на себѣ башмаки съ шнуровкой, широкіе панталоны, рубашки, вымазанныя дегтемъ для предохраненія отъ насѣкомыхъ, черныя сардаки, а на головѣ шляпу съ широкими полями. Со всѣхъ сторонъ доносились крики, пѣсни, бляеніе и звонъ колокольчиковъ. Овцы щипали траву съ особеннымъ стараніемъ, точно на ихъ долю выпала задача до ночи скосить траву со всего луга.

Професоръ набросился на камни, стараясь опредѣлить по нимъ древность образованія почвы. Затѣмъ, въ великому изумленію гучуловъ, онъ сталъ внимательно разглядывать старыя коровьи экскременты, въ надеждѣ отыскать тамъ жестко-крылыхъ насѣкомыхъ.

Ватажко, при содѣйствіи моего казака, сварилъ нѣсколько форелей, пойманныхъ въ сосѣднемъ ручьѣ. Мы разлеглись на густой травѣ, чтобы расправить усталыя члены и затѣмъ поѣли рыбы съ большимъ аппетитомъ. Раздались сильныя, рѣзкіе звуки трембита, служащія сигналомъ, что время доить овецъ. Добродушныя животныя со всѣхъ сторонъ сбѣгались въ загонъ, точно солдаты по тревогѣ. Храбрыя бараны бодались, ягнята скакали и рѣзвились, а ихъ матери бляели, терпѣливо ожидая, когда придетъ очередь ихъ доить.

Надъ нами въ вышинѣ парилъ ястребъ, быстро разсѣвая воздухъ.

— Повали его, стараго разбойника, сказалъ ватажко, обра-

щаясь въ гайдамаку; — не надѣлалъ-бы онъ бѣдъ нашему стаю.

Не успѣлъ гайдамакъ прицѣлиться въ обреченную ему жертву, какъ раздался выстрѣлъ, сдѣланный нечаянно однимъ изъ пастуховъ.

— Разрази тебя, Перунъ, вскричалъ гайдамакъ въ гнѣвъ, но тотчасъ-же успокоился и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Ястребъ, услышавъ выстрѣлъ, встрепенулся, быстрымъ и сильнымъ движеніемъ поднялся высоко въ воздухъ и исчезъ за горизонтомъ. Вскорѣ густой, сѣрый туманъ сталъ подниматься снизу, точно наводненіе, грозящее поглотить все, что встрѣтитъ въ своемъ стремительномъ движеніи; только вершина горы нѣкоторое время оставалась еще свѣтлой и розоватой. Уже сдѣлалось совершенно темно, когда мы поднялись, чтобы отправиться на ночлегъ въ стай; только звѣзды своимъ слабымъ мерцаніемъ нѣсколько освѣщали землю. Вдругъ что-то пролетѣло надъ нами и густая тѣнь легла на гайдамака, идущаго впереди насъ; въ воздухъ три раза пронесся крикъ, похожій на плачь новорожденного младенца. Въ этомъ крикѣ было что-то злобщее; дамы перекрестились, никто изъ насъ не промолвилъ ни слова. При третьемъ крикѣ гайдамакъ поднялъ руку и сказалъ торжественнымъ голосомъ:

— Крещу тебя во имя Отца и Сына и святаго Духа. Аминь.

— Что это значитъ? спросила панна Лодонска, съ нервной дрожью въ голосѣ. — Не знаменуетъ-ли это какое-нибудь предсказаніе?

— Это сова, возразилъ сухо натуралистъ.

— Слышали вы, какъ онъ закричалъ три раза: „крещенія! крещенія! крещенія!“ спросилъ меня гайдамакъ тономъ спокойнаго убѣжденія.

— Кто-же онъ? спросила въ свою очередь Лѣля.

— Душа, блуждающая по свѣту, ребенокъ, умершій некрещенымъ; онъ носится между небомъ и землею; каждыя семь лѣтъ онъ прилетаетъ къ своимъ роднымъ или другимъ христіанамъ и проситъ о крещеніи.

— И вы его крестили?

— Я крестилъ его, отвѣчалъ набожно гайдамакъ, — теперь онъ покойно будетъ лежать въ землѣ.

— А я могу завѣрить васъ, что вы крестили сову, сказалъ профессоръ.

— Они обращаются иногда совою. пояснилъ старикъ, вѣру котораго, видимо, ничѣмъ нельзя было поколебать. — Такъ вы согласны провести ночь въ стаѣ, а рано утромъ мы подымемя на Черную гору, пережѣнилъ онъ разговоръ.

Мы вошли въ хижину, куда собрались уже всѣ пастухи, за исключеніемъ двухъ, оставшихся сторожить загоны. Посреди стая горѣлъ огонь; пастухи, подобно эмигрантамъ античныхъ временъ, приносятъ съ собой въ полонину огонь съ своего домашняго очага и поддерживаютъ его во все время пребыванія своего здѣсь, съ 15 мая по 15 августа. Если священный огонь погаснетъ, это считается ими признакомъ большого несчастья. Внутри стая ярче всего выдѣлялся образъ св. Николая. Убранство комнаты было чисто спартанское: голыя скамьи и вязки соломы вмѣсто постелей. Мы сѣли на скамьяхъ. Комната освѣщалась только огнемъ камина, а также краснымъ отраженіемъ костра, разложеннаго на землѣ, за дверью. Нѣкоторое время мы всѣ молчали; наше молчаніе было прервано лаемъ сначала одной, а затѣмъ и другой собаки.

Вскорѣ къ этому сиплому и свирѣпому лаю присоединились голоса людей, приближавшихся къ стаю. Ватажко медленно поднялся. На порогѣ отворенной двери, освѣщенной вѣшнымъ огнемъ, появилось существо самой оригинальной и дикой красоты, взволнованная дѣвушка съ большими черными глазами, блестящіе зубы которой составляли рѣзкій контрастъ съ сильно загорѣвшимъ отъ солнца лицомъ. На ней была шерстяная юбка цвѣта крови; открытая кофточка, отороченная чернымъ барашкомъ, красиво обрисовывала ея дѣвственныя формы. Босоногая, съ топоромъ въ рукѣ, окруженная своими козами, — фавнообразныя морды которыхъ смотрѣли на насъ насмѣшливо и гримасничали, — дѣвушка держала подъ мышкой маленькаго козленка, чернаго, какъ сатана. Наши дамы невольно вскрикнули.

— Не бойтесь, сказалъ ватажко, улыбаясь съ видомъ сожалѣнія, — это добрая дѣвушка, пасущая свое стадо въ горахъ. Чего ищешь ты у насъ, Атанка?

— Пріюта, отвѣчала пастушка, — для себя и моихъ козъ.

— Въ окрестностяхъ, кажется, идетъ хорошая охота, замѣтилъ съ улыбкой ватажко.

— Не хотите-ли вы, чтобы насъ заѣли волки, меня и моихъ?

— Нѣтъ, ты можешь оставаться здѣсь.

— А мои козы?

— Онѣ проведутъ ночь въ загонѣ.

— А маленькія? Могу я положить ихъ съ собою? спросила она робко.

— Можешь.

— Атанѣа исчезла въ темнотѣ, но вскорѣ вернулась, сопровождаемая тремя козлятами, которые стали рѣзвиться, подобно маленькимъ гномамъ, скача на скамьи и барахтаясь въ соломѣ.

— Я надѣюсь, что наши благородные гости не побрезгуютъ нашимъ угощеніемъ, сказалъ ватажко. — Сильвестръ, принеси молока.

Сильвестръ привезъ кадку съ молокомъ, а другой пастухъ зажгъ сосновый факель и воткнулъ его надъ очагомъ.

— Плутонъ тебя зарѣжь! вскричалъ ватажко, посмотрѣвъ на молоко;— оно свернулось! Готовъ биться объ закладъ, что это штуки дѣда (домового)! Но, подожди, я тебя не помилю.

— Неблагоразумно обвинять его, не зная навѣрное, что онъ виноватъ, замѣтилъ гайдамакъ.

— Онъ можетъ отомстить, сказалъ маленькій Минда.

— Ты откуда знаешь? спросилъ ватажко.

— Я его знаю, живо отвѣтилъ мальчижь, — онъ маленькаго роста, не больше локтя ($\frac{3}{4}$ аршина), съ огромной головой, длинными волосами и сѣрой бородой; онъ живетъ въ бузинномъ кустѣ.

— Такъ ты его видѣлъ, мальчуганъ?

— Я не видалъ его, отвѣчалъ серьезно ребенокъ, — но я слышалъ его; онъ помогаетъ въ хозяйствѣ, если жить съ нимъ въ мирѣ, не оскорблять его.

— Это правда, добавилъ гайдамакъ;— мы испытали это на нашихъ лошадахъ и коровахъ.

— Я не хочу ему зла, сказалъ ватажко, осматриваясь кругомъ;—если онъ пришелъ съ вами, пусть остается, но если онъ станетъ портить наше молоко и дѣлать намъ непріятности безъ всякой причины, то онъ будетъ наказанъ въ коленду (празднованіе Рождества) нашими заклятіями; я его выгоню, хотя для этого мнѣ придется безпокоить мои старыя кости прыганьемъ черезъ рождественскій огонь.

Изъ темнаго угла стая раздався звукъ, похожій на смѣхъ и какъ-бы служащій отвѣтомъ на похвалбу ватажко.

— Вы слышали? пробормотала Мианда.

— Козленокъ, объявилъ професоръ.

— Нѣтъ, это дидъ, возразилъ одинъ изъ пастуховъ.

— Смѣйся! вскричалъ ватажко, — ты знаешь теперь, какъ вести себя.

Водворилось молчаніе; взглядъ Атанки, остановливавшійся послѣдовательно на каждомъ изъ насъ, опустился печально въ землю.

— Не видали вы Грегора? сказала она, не поднимая глазъ и стараясь казаться хладнокровной. — Недѣля прошла, какъ онъ ушелъ.

— Ты боишься за него? спросилъ гайдамакъ.

— Случается, что охотникъ погибаетъ, почти прошептала пастушка.

— Этотъ Грегоръ, вѣрно, твой женихъ? спросила Дѣля съ интересомъ.

Бѣдная дѣвушка молчала.

— Желаю тебѣ всякаго благополучія; ты красавица, продолжала Дѣля.

Атанка, замѣтивъ, что взглядъ юной польки устремленъ на нее, вздрогнула и торопливо плюнула.

— Что это значить? спросила обиженная панна.

— Она хочетъ избѣжать несчастія, пояснилъ священникъ, — потому что вы похвалили ея красоту, пожелали ей благополучія. У васъ большіе, черные, блестящіе глаза, которымъ нашъ народъ приписываетъ дурное вліяніе. Дѣти и животныя заболѣваютъ, женщины теряютъ свою красоту, любовь и счастье разрушаются, — все это производится дурнымъ глазомъ; самые лучшіе люди, не желая, могутъ причинять несчастіе...

Священникъ еще не успѣлъ кончить своего объясненія, какъ до нашего слуха долетѣлъ рѣзкій крикъ, а затѣмъ донеслась трогательная, фантастическая мелодія, сопровождаемая звуками трембита. Это была дикая пѣснь гайдамаковъ, въ которой рассказывалось о томъ, какъ они расправлялись съ своими угнетателями. Атанка вскочила съ своего мѣста и стала тревожно и внимательно прислушиваться.

— Неужели это разбойники! вскричали обѣ дамы разомъ съ ужасомъ.

Пѣсня смѣнилась другой, воинственной пѣснью гайдамаковъ, призывавшей гуцульскій народъ къ возстанію за свою независимость и свободу. Она раздалась уже у самыхъ дверей и на порогъ остановился молодой, статный, высокаго роста гуцулъ, съ открытой и мужественной фізіономіей; онъ былъ вооруженъ и несъ на своихъ плечахъ убитую серну; за нимъ слѣдовала большая, черная собака. Это былъ Грегоръ, охотникъ.

Тутъ выказалась вполне деликатная стыдливость нашихъ крестьянъ. Пастушка осталась на мѣстѣ съ опущенными глазами.

— Здравствуй, Атанка, сказалъ онъ.

— Я очень рада, что ты возвратился, Грегоръ, отвѣчала она. Они даже не пожали руки другъ другу.

Грегоръ показалъ намъ серну, которая, ростомъ будетъ меньше альпійской серны, но превосходить ее быстротою бѣга. Потому онъ занялъ мѣсто подлѣ своей невѣсты и молодые люди стали разговаривать между собою вполголоса.

— Вы хорошо сдѣлали, что развели огонь на дворѣ, сказалъ Грегоръ, — въ сосѣдствѣ шатается медвѣдь; я видѣлъ слѣды его лапъ на землѣ, и когтей — на деревьяхъ. Онъ, кажется, намѣренъ забраться къ намъ.

— Теперь понимаю: вы развели костеръ на дворѣ для того, чтобы удалить дивихъ звѣрей? спросилъ профессоръ.

— Да, панъ, отвѣчалъ охотникъ, — но медвѣдь не слишкомъ-то пугается огня; собаки и ружья — вотъ настоящая охрана противъ него, съ ними его нечего бояться. Медвѣдь лукавый и храбрый звѣрь, но добрый. Только голодъ и побуждаетъ его на грабежъ и убійство. Но такъ поступаютъ и люди.

— Скажите, какъ охотятся на него?

— Правду сказать, я еще ни разу не охотился на медвѣдя. Это охота очень трудная. У насъ здѣсь два хорошихъ охотника на медвѣдя: Левъ Скоматчукъ и Андрей Бегатчукъ; они убили девять медвѣдей втеченіи восьми лѣтъ. Вотъ какъ дѣйствуетъ Скоматчукъ: онъ намѣчаетъ двѣ пули крестомъ, погружаетъ ихъ въ святую воду во время обѣдни, исповѣдывается, причащается, потомъ заряжаетъ ружье и идетъ на охоту, надѣясь на Божью помощь. Еще ни разу не ушелъ отъ него медвѣдь, за который

онъ охотился. Такой-же пулей Степанъ убилъ Добоша, прибавилъ молодой человекъ. Устрашенный своими собственными словами, онъ взглянулъ на стараго гайдамака, но успокоился, замѣтивъ, что тотъ не разсердился.

— Добошъ! вскричалъ профессоръ;—извѣстный разбойникъ.

— Не разбойникъ, но славный герой, отвѣчалъ Грегоръ.

— Народъ сложилъ прекрасную пѣсню о его подвигахъ и она извѣстна во всѣхъ нашихъ деревняхъ, сказалъ я. — У васъ прекрасный голосъ, Грегоръ, спойте ее.

Молодой человекъ посмотрѣлъ на гайдамака, взглядомъ прося у него разрѣшенія.

— Пой, сказалъ старикъ.

Грегоръ присанился и чистымъ, звучнымъ голосомъ запѣлъ слѣдующую пѣсню:

„На зеленой вершинѣ горы, при слабомъ свѣтѣ звѣздъ, въ кущѣ темныхъ елей стоитъ Добошъ, молодой герой.

„Съ топоромъ въ рукѣ звучнымъ голосомъ сзываетъ онъ своихъ товарищей. Смѣлый молодецъ, будьте веселы, уберитесь въ дорогіе уборы.

„У насъ праздникъ сегодня, мы идемъ на свадьбу, ужинать, смѣяться, пить хорошее венгерское вино,

„Танцовать подъ звуки нашей военной пѣсни, подъ нѣжную музыку цимбаловъ, у любезной жены Степана... Присаньтесь-же, присаньтесь...“

Гайдамакъ слушалъ эту пѣсню, опустивъ голову; глаза его наполнились слезами.

— О, прекрасное время моей молодости, шепталъ онъ, точно въ бреду;—прошло время героевъ. Вернется-ли оно?

Всѣ обернулись къ нему. Грегоръ не смѣлъ продолжать прерванную пѣсню.

— Что-же не поешь ты дальше, легионецъ? спросилъ старикъ.

Грегоръ не отвѣчалъ.

— Да, господа, продолжалъ гайдамакъ, — надо было жить въ то время, чтобы понимать его. Теперь, конечно, настало лучшее время, болѣе человѣчное, болѣе спокойное и мы... Мы много переносили, мы должны были вынести тяжкую борьбу; тогда никто не могъ ручаться, что сегодня у него не отнимутъ

всего, чего онъ достигъ своимъ трудомъ. И развѣ могли-бы спокойно пользоваться наши братья въ равнинѣ плодами своего труда, безопасно владѣть своимъ имуществомъ, своимъ очагомъ, наслаждаться нѣкоторой свободой, если-бы мы не пролили за нихъ крови нашей и другихъ. Вѣрьте мнѣ, ни за какія блага въ мірѣ я не отдамъ своихъ воспоминаній о нашей борьбѣ, гдѣ было много горя, но много и радостей.

Онъ впалъ въ глубокія размышленія.

— Развѣ теперь нѣтъ разбойниковъ? спросила панна Лодонска послѣ минутнаго молчанія.

— Разбойниковъ? повторилъ старикъ, презрительно пожимая плечами.—Есть обыкновенные негодяи, грабящіе путешественниковъ на дорогахъ... но тѣхъ, кого вы подразумѣваете подъ этимъ названіемъ. дѣйствительно не существуетъ послѣ 1848 года.

— О комъ вы говорите? спросилъ профессоръ.

— О тѣхъ честныхъ молодцахъ, которые уходили въ горы, побуждаемые не корыстолюбіемъ, но ненавистію къ своимъ угнетателямъ, любовью къ свободѣ.

— Въ первый разъ слышу объ этомъ, сказалъ профессоръ. — Будьте добры, расскажите намъ что-нибудь о гайдамакахъ.

— Что рассказывать... все это исторія кровавая и дикія...

Онъ снова задумался.

— Мы всё просимъ васъ объ этомъ... всё...

— Отецъ, прибавилъ Грегоръ, —мы просимъ о томъ-же; для насъ празднѣе слушать тебя. Для гуцула нѣтъ лучшаго удовольствія, какъ слушать рассказы о войнѣ и войнахъ.

— Хорошо, если ваши милости желаютъ слушать меня, я буду рассказывать, сказалъ старикъ, набивая и закуривая свою трубку.

Мы стѣснились вокругъ него и притаили свое дыханіе. Настала тишина, прерываемая только трескомъ горѣвшихъ угольевъ въ очагѣ. Потомъ старикъ вздохнулъ, три раза покачалъ головою и началъ слѣдующій рассказъ:

IV.

— Вамъ интересно знать, что за люди были гайдамаки, что

они дѣлали, какъ они жили и какъ умерли. Я не ученый, расскажу, какъ умѣю и что знаю. Я изъ тѣхъ, которые сами носили ружье за плечами, вели войну въ горахъ, которые могутъ сказать о себѣ: „все это я видѣлъ самъ; я самъ участвовалъ во всемъ“. Говорю по-совѣсти, солнцу не разъ приходилось видѣть, что честный, мужественный человѣкъ качается на висѣлицѣ. Вы, пожалуй, скажете: „этотъ старшій негодай, вѣрно, хочетъ оправдывать свои убійства“. Не торопитесь осуждать. Мы, крестьяне, не читаемъ книгъ, и не изъ книгъ мы знаемъ то, о чемъ рассказываемъ; наши рассказы передаются отъ дѣда къ внуку и о многомъ не прочтете вы ни въ какой книгѣ. Въ старыя времена человѣкъ хорошаго происхожденія, мужественный, научившійся владѣть оружіемъ, ходилъ по свѣту искать приключеній; въ битвѣ онъ овладѣвалъ чужимъ имуществомъ; его называли рыцаремъ; короли и императоры награждали его золотой цѣпью; нынче его называли-бы разбойникомъ и если-бъ ему пожаловали цѣпь, то не золотую, а желѣзную, а то, можетъ быть, и веревку на шею. Гайдамакъ не разбойникъ... Сотни лѣтъ мы жили свободной, независимой жизнію, мы трудились и пользовались плодами трудовъ своихъ; всѣ мы были земледѣльцы или пастухи и сами выбирали себѣ своихъ судей; о войнѣ у насъ тогда никто не думалъ, такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывалъ мой дѣдъ. Но вотъ пришли нѣмцы на бѣлыхъ чолнахъ, поляки на черныхъ коняхъ и захотѣли они властвовать надъ нами; поляки побѣдили насъ, захватили нашу землю, отдали ее своимъ, которыхъ прозвали шляхтой, поставили эту шляхту надъ нами панами и объявили, что мы, ихъ рабы, своей воли не имѣемъ и должны ихъ слушаться; далѣе они сказали, что мы находимся въ подданствѣ ихъ государя. Но государь-то ихъ былъ только для нихъ, ихъ защищалъ, а мы были отданы на полную ихъ волю. Между тѣмъ, до польскаго ига, мы считали своимъ княземъ великаго князя кіевскаго и жили съ нимъ мирно. Какъ только поляки завладѣли нашей землей, начались притѣсненія; панъ гораздо больше жалѣлъ своихъ лошадей, чѣмъ своихъ крестьянъ; случилось, лошади устанутъ, запрягаютъ въ плугъ крестьянъ. Кто былъ послабѣе, склонилъ голову подъ ярмо; а кто посильнѣй да похрабрѣй, если имѣлъ лошадь, бѣжалъ на ней въ донскія и днѣпровскія степи; кто не имѣлъ лошади, уходилъ въ болота, лѣса и горы. И тамъ, собравшись вмѣстѣ, бѣглецы вели войну про-

тивъ своихъ притѣснителей; правда, иногда они мстили слишкомъ жестоко, но и ихъ не миловали, если они попадались въ плѣнъ. Въ донскихъ и днѣпровскихъ степяхъ ихъ называли казаками, въ нашей странѣ—гайдамаками. Вѣроятно, вы слышали разсказъ о крестьянинѣ Мухѣ, который съ десятью тысячами товарищей навелъ ужасъ на поляковъ и жидовъ, завладѣвшихъ нашимъ краемъ. Этотъ Муха былъ гайдамакъ. Но развѣ Богданъ Хмельницкій, у котораго чигиринскій староста отнялъ имѣніе и жену, и который, тщетно добиваясь правосудія, поднялъ казаковъ и билъ во многихъ сраженіяхъ поляковъ,—развѣ этотъ народный герой былъ не гайдамакъ? А Гонта и Желѣзнякъ, своей жестокой расправой въ Умани наведшіе ужасъ на Польшу, безжалостно истреблявшіе въ краѣ поляковъ и жидовъ, развѣ они не гайдамаки? Конечно, въ нашемъ краю гайдамаки часто совершали ужасныя жестокости; а съ нашимъ народомъ поступали развѣ не жестоко? У насъ отнимали нашу землю, нашихъ женъ, если онѣ были красивы, насъ заставляли работать безустанно, подъ ударами бича, точно животныхъ. Правда, когда нашъ край подпалъ подъ власть австрійскаго императора положеніе крестьянъ нѣсколько улучшилось; прежнія жестокости случались гораздо рѣже, но все-таки власть польскихъ пановъ надъ крестьянами осталась неприкосновенной, все-таки бичъ продолжалъ расхаживать по ихъ спинамъ; все-таки ключи отъ нашихъ церквей часто отдавались въ аренду жидамъ и мы по воскресеньямъ должны были платить за право отворить церковь, точно мы шли въ театръ, а не въ храмъ Господень. Поэтому война не могла прекратиться въ нашихъ горахъ, она продолжалась, хотя велась уже не съ такимъ остервенѣніемъ, какъ прежде, но все-же это была война угнетенныхъ противъ угнетателей. Скажу вамъ, что до 1848 года у насъ считалось стыдомъ не принадлежать къ гайдамакамъ, да и теперь еще почетно быть гайдамакомъ... но я заговорился; не о томъ я хотѣлъ разсказывать вамъ.

Вы хотите познакомиться съ жизнью гайдамака. Съ чего-бы мнѣ начать? Ну, слушайте. Мой отецъ былъ гуцулъ, бѣднякъ; мать моя тоже была бѣдная дѣвушка, но съ равнины. Не знаю, что побудило, ихъ сойтись, но только они поженились. На первыхъ порахъ бракъ принесъ имъ счастье. Двоюродный братъ моего отца, умирая, оставилъ ему въ наслѣдство,

десятину лѣса, т. е. деревья были срублены и проданы, остались только пни, мелкій хворостъ, да кое-гдѣ молодые побѣги. Какъ ухитриться тутъ построить избу? время было осенью; жатва кончена; моимъ родителямъ удалось добыть соломы. Крыша была запасена и они принялись за постройку: накопили земли, смѣшали ее съ водою, надѣлали родъ кирпичей, высушили ихъ на солнцѣ и изъ этихъ кирпичей выстроили себѣ домъ; крышу сдѣлали изъ ивовыхъ прутьевъ, росшихъ по берегу сосѣднаго источника, и прикрыли ихъ соломой. Объ окнахъ и дверяхъ не было и помину въ этомъ домѣ; черезъ небольшую дыру въ стѣнѣ во внутренность дома заходило солнце; чрезъ болѣе широкую входили и выходили люди. Мать моя не разъ мнѣ рассказывала объ этой постройкѣ. Окончивъ ее, мои родители сплели изъ ивовыхъ вѣтвей нѣчто въ родѣ колпака, обмазали эту фигуру снаружи и внутри глиной, высушили ее и поставили посрединѣ избы; она должна была служить очагомъ; дымъ при топкѣ выходилъ черезъ дыру, замѣнявшую дверь. Отецъ выкорчевалъ нѣсколько пней и они замѣнили мебель въ его неприспособленномъ жилищѣ. Когда все было окончено и въ первый разъ затоплена печь, мои родители, задыхаясь дымомъ, тѣмъ не менѣе считали себя счастливыми. Потомъ они принялись за разработку своей земли. У нихъ былъ небольшой дрянный плужокъ, но не было никакой рабочей скотины; мой отецъ запрегся самъ въ плугъ, а мать работала вмѣсто плугаря. Они сѣяли рожь, просо, садили картофель; они обработали небольшой огородъ для овощей, засадили нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ. Чего-же больше нужно человѣку? Они почти не замѣчали своей бѣдности.

Мои родители, однакожъ, стали чувствовать недостатокъ, какъ пошли у нихъ дѣти. Я былъ старшій и, долженъ сознаться, доставлялъ имъ мало удовольствія. Совсѣмъ еще малый ребенокъ, я былъ бунтъ и рвался на свободу. Что прикажете дѣлать, во мнѣ текла истинная кровь гуцуловъ! Какъ только я сталъ ходить твердо, я взбирался на вершину горы и проводилъ тамъ цѣлые часы лежа на спинѣ и слѣдя за движеніемъ облаковъ, которыя казались мнѣ то бѣлыми лебедями, то лодками, то какииъ-то фантастическимъ стадомъ животныхъ: въ молодой головѣ часто зарождаются безумныя мысли. Я любилъ ловить птицъ въ тенета, надѣлалъ имъ влѣтокъ, такъ что нашъ домъ обратился въ птич-

никъ. Мать жарила пойманных мною птицъ. Разъ я притащилъ зайца; при этомъ случаѣ отецъ разсмѣялся въ первый разъ послѣ долгаго времени.

Когда мнѣ исполнилось двадцать лѣтъ, меня не занимали ни дѣвушки, ни танцы, ни пѣсни; но мое сердце билось сильнѣе, если я видѣлъ ружье и порохъ.

— Я хочу имѣть ружье, сказалъ я однажды.

— Ружье! но чѣмъ ты заплотишь за него? возразилъ отецъ.

— Я пойду работать къ какому-нибудь пану.

— Это сказано разумно, рѣшилъ отецъ.

Я пошелъ въ равнину и нанялся работать у одного графа; я жалъ и молотилъ. Получивъ заработокъ, я тотчасъ-же отправился въ Коломию, купилъ тамъ ружье, пороховницу и форму для литья пуль. По возвращеніи домой я бросилъ ловлю мелкихъ птицъ и сталъ уже бить ястребовъ, орловъ, сернъ, козъ, а зимой волковъ и лисицъ; разъ убилъ я рысь; наконецъ, мнѣ удалось пристрѣлить медвѣдя.

Въ это время я встрѣтилъ Аполонію Березенку, жену богатаго хозяина въ Гринѣвѣ; Аполонія была истинная гуцулка: высокая, стройная, сильная, красивая. У нея были пламенные глаза, которые, казалось, прожигали насквозь сердце. Она любила меня, но она была женой другого. Что тутъ было дѣлать? Я былъ робокъ съ Аполоніей, но она умѣла вселять въ меня мужество своимъ веселымъ, звонкимъ смѣхомъ. Могла-ли эта чертовка, смиравшая самыхъ свирѣпыхъ лошадей, бояться мужчины, тѣмъ болѣе такого, какъ ея мужъ. Она меня приглашала зайти къ нему въ гости. Я долго не рѣшался, наконецъ... Вы знаете, можетъ быть, что у насъ, въ горахъ, существуетъ обычай радиться съ перваго дня рождества до крещенія. Мужчины обыкновенно радятся жидами, старыми бабами или животными. Моя мать зашла меня въ медвѣжью шкуру; для предосторожности, на случай, я захватилъ съ собой ружье и отправился вечеромъ въ Крещенье въ Гринѣву. Черезъ окно я увидѣлъ, что Березенко съ женой сидятъ за столомъ. Приставивъ ружье къ двери, я началъ ревѣть по-медвѣжьи самымъ свирѣпымъ образомъ. Березенко вскочилъ; принявъ меня за настоящаго медвѣдя, онъ сталъ звать на помощь; трусъ забился на сѣноваль и втащилъ за собой лѣстницу. Я могъ задушить его жену, а онъ не поше-

велилъ-бы пальцемъ для ея спасенья; зарывшись въ сѣно, онъ сталъ бормотать молитвы. Аполонія-же сыграла со мной славную штуку: она взяла вилы и приперла ими меня къ стѣнѣ. Сильная была баба, какъ я уже говорилъ.

— Гэй! кричала она своему мужу, — сходи, я поймала медвѣдя, помоги мнѣ убить его.

И что, вы думаете, отвѣчалъ этотъ храбрецъ?

— Если ты поймала медвѣдя безъ моей помощи, моя милая, ты можешь и убить его безъ меня.

— Аполонія, однакожь, вы очень дружелюбно принимаете своихъ гостей, сказалъ я.

Она покатила со смѣху и отпустила меня.

Черезъ нѣсколько минутъ ея мужъ, выглянувъ въ окошко чердака, увидѣлъ, что медвѣдь уже въ его комнатѣ и сидитъ рядомъ съ его женою.

— Аполонія, закричалъ онъ; — что-жь это значить? Медвѣдь не сожралъ тебя?

— Какъ видишь, онъ съѣлъ только твой ужинъ.

— Ахъ, ты вѣдьма! вскричалъ Березенко, — я всегда говорилъ, что ты ѣдишь на метлѣ въ Кіевъ, на Лысую гору. Оборони меня Богъ!

И, перекрестившись, онъ забился въ самую средину чердака.

Мы могли свободно бесѣдовать; такія бесѣды часто возобновлялись; но Аполонія все-таки не хотѣла отдаться мнѣ вполне. Принужденный вымалывать поцѣлуй, подобно нищему, вымаливающему кусокъ хлѣба, я возненавидѣлъ людей. Я сталъ избѣгать встрѣчи съ Аполонією; я прятался между скалъ, какъ сова, я жилъ корнями, какъ пустынный. Въ этомъ уединеніи я закалялъ себя. Въ деревнѣ я былъ ягненкомъ; но, скитаясь одинъ въ горахъ и видя, какъ лисица душитъ зайца, какъ коршунъ бьетъ маленькихъ птичекъ, я самъ становился волкомъ.

Наступили для меня печальныя времена; мои родители, старѣясь, часто болѣли. Я зарылъ въ землю свое ружье, надо было работать, чтобы заплатить налоги. Мой отецъ умеръ, надо его похоронить, а денегъ нѣтъ, пришлось занять у жида. А тутъ наступилъ голодъ; мы ѣли хлѣбъ, который только по названію былъ хлѣбомъ: въ немъ было больше глины и соломы, чѣмъ ржаной муки. Мы дошли до такой крайности, что у насъ уже хо-

тѣмъ отнять нашу хижину и поле. Моя мать умерла съ горя. Но прежде она дала мнѣ свое благословеніе, не подозрѣвая, на какое ремесло она меня благословляетъ. Я и теперь вижу ея кроткое, слегка улыбающееся лицо; лежитъ она холодная съ крестомъ въ сложенныхъ рукахъ; я одинъ подлѣ нея и нѣтъ у меня ни гроша, нечѣмъ заплатить за ея похороны. Проплакавъ до ночи, я взвалилъ себѣ на плечи мою мертвую мать и при свѣтѣ звѣздъ понесъ ее въ лѣсъ; я вырылъ могилу, окропилъ землю святой водой и сталъ зарывать дорогой мнѣ трупъ. Окончивъ это грустное дѣло, я вырылъ изъ земли свое ружье, зарядилъ его, выстрѣлилъ; затѣмъ поджогъ свою избу и хлѣбъ, еще не снятый съ поля; когда пламя поднялось къ небу, я почувствовалъ себя нѣсколько удовлетвореннымъ.

Въ эту-же ночь я отправился въ горы, къ Добошу, предводителю гайдамаковъ. Это былъ герой, неимѣвшій никого себѣ равнаго; онъ былъ добръ и сердеченъ съ товарищами, суровъ съ тѣми, кто совершалъ несправедливости, жестокъ съ людьми жестокосердыми, съ мучителями и угнетателями народа. Еще въ колыбели Добошъ отличался необычайной силой. Рассказываютъ, что однажды голодный волкъ вскочилъ въ хижину матери Добоша и бросился на него; ребенокъ задушилъ хищника своими рученками. Рассказываютъ также, что въ одну ночь Спаситель и св. Петръ, переодѣтые нищими, попросили пріюта у матери Добоша, были приняты ею и накормлены; желая вознаградить ее за гостепримство, они обѣщали ей, что сынъ ея будетъ неуязвимъ. Двадцати лѣтъ Добошъ уже не боялся никого и ничего; своимъ высокимъ ростомъ онъ превосходилъ всѣхъ людей. Онъ возвышался надъ толпой подобно колокольнѣ, возвышающейся надъ сосѣдними домами. Онъ былъ удивительный стрѣлокъ; каждый выстрѣлъ его попадалъ въ цѣль. Въ это время паннъ еще часто отдавали на откупъ жидамъ ключи отъ нашихъ церквей. Въ одно воскресенье, идя къ обѣднѣ, Добошъ увидѣлъ, что народъ торгуется съ жидомъ, держащимъ въ рукѣ ключи отъ церкви. Священникъ былъ тутъ-же, ожидая окончанія торга. Жидъ ломилъ такую сумму, которую рѣшительно не могли заплатить нищіе прихожане. Добошъ всплылъ, схватилъ жида за поясъ, поднялъ его и перебросилъ черезъ кладбищенскую загородку, говоря:

— Не нужно намъ ни тебя, ни твоихъ ключей.

Затѣмъ, однимъ напоромъ своихъ богатырскихъ плечъ, высадилъ двери церкви и перебросилъ ихъ черезъ загородку вслѣдъ за жидомъ, который, между тѣмъ, вскочивъ на ноги, удиралъ во всѣ лопатки. Въ этотъ день крестьяне бесплатно молились Богу, чего давно уже не выпадало на ихъ горькую долю.

Несправедливости, жестокости и оскорбленія, которыя терпѣлъ нашъ бѣдный народъ, возмущали возвышенную душу Добоша. Онъ собралъ самыхъ рѣшительныхъ молодцовъ, удалился съ ними въ горы и объявилъ войну угнетателямъ. Вскорѣ онъ сдѣлался атаманомъ всѣхъ гайдамаковъ и сталъ творить судъ и расправу въ своемъ стану на Черной горѣ. Сидящій на скалѣ, съ колпакомъ (такъ зовутъ гуцулы свою шляпу) на головѣ, почти черный отъ солнечнаго загара, съ блестящими глазами, пронизательнаго взгляда которыхъ никто не могъ вынести, окруженный своими храбрецами, — такимъ увидалъ я его въ первый разъ, когда пришелъ къ нему. Тутъ-же стояла толпа крестьянъ, пришедшихъ къ нему жаловаться на несправедливости, которыя они терпѣли. Добошъ съ вниманіемъ выслушивалъ жалобу каждаго изъ нихъ, а также приведенныхъ ими свидѣтелей. Когда дошла очередь до меня, я заявилъ, что желаю быть принятымъ въ число гайдамаковъ. Осмотрѣвъ меня, онъ утвердительно кивнулъ головою; его товарищи пожали мнѣ руку и дали выпить вина изъ ихъ тыквенной бутылки. Я сдѣлался гайдамакомъ.

Съ этой поры мнѣ нерѣдко приходилось принимать участіе въ ловкихъ засадахъ и кровавыхъ бояхъ. Добошъ былъ такъ силенъ и рѣшителенъ, что никто изъ намѣченныхъ не могъ избѣжать его мести. Одинъ патеръ спустилъ своихъ собакъ на старика нищаго, просившаго у него убѣжища въ ночь подъ Рождество; загнанный въ поле, несчастный упалъ отъ изнеможенія и замерзъ. Черезъ три дня Добошъ ночью вторгнулся въ домъ патера, стащилъ его съ постели, раздѣлъ его до-гола и облилъ холодною водою; затѣмъ гайдамаки положили остолбенѣлаго патера у дверей костела и усаkali. Экономъ князя Сапѣги за ничтожную вину засѣкъ до смерти одного крестьянина; вдова убитаго пожаловалась Добошу. Черезъ недѣлю экономъ былъ взятъ нашими гайдамаками. Добошъ сталъ укорять его за его преступленіе, а экономъ имѣлъ наглость предложить ему выкупъ, и очень

хорошій выкупъ. Но развѣ золото могло имѣть какую-нибудь цѣну въ глазахъ Добоша. Взбѣшенный Добошъ приказалъ пригвоздить эконома между двухъ досокъ и пилить. Ужасно было слышать раздирающіе крики несчастнаго... Добошъ еще жестоко расправился съ молодымъ паномъ, который приказалъ своимъ людямъ притащить къ нему одну молоденькую дѣвушку крестьянку, изнасиловалъ ее и помѣстилъ у себя въ домѣ. Женихъ дѣвушки, осмѣлившійся пожаловаться судѣ на это насиліе, былъ отданъ въ военную службу. У отца ея, требовавшаго дочь назадъ, была отнята усадьба и поле. Панъ, вдоволь натѣшившись дѣвушкой, выгналъ ее изъ своего дома. Она пришла въ нашъ станъ требовать мести. Совершить ее было не легко, панъ принялъ мѣры предосторожности; его домъ пришлось осадить и взять штурмомъ. Съ обѣихъ сторонъ было уже не мало убитыхъ и раненыхъ, наконецъ, мы выломали двери нашими топорами и захватили въ плѣнъ все населеніе дома, оставшееся въ живыхъ. По приказанію Добоша, управляющій, схватившій дѣвушку, былъ пригвожденъ къ дверямъ чердака, точно сова; слуги, помогавшіе ему, были повѣшены на деревьяхъ. Молодой панъ былъ привязанъ къ хвосту лошади и она увлекла его въ горы до большого муравейника, возвышавшагося, точно башня, у подножія стараго дуба. Вымазавъ медомъ голову несчастнаго, гайдамаки повѣсили его за ноги надъ муравейникомъ... Ужасно!..

Случалось, иногда, дѣло оканчивалось смѣхомъ. Галицкій епископъ былъ извѣстенъ своею скупостію; изъ жадности къ деньгамъ онъ унижался до ростовщичества. Добошъ рѣшился наказать его. Однажды два монаха изъ Святой земли представились епископу, окруженному своими канониками.

— Братъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ епископу, — ты великій грѣшникъ; изъ любви къ золоту ты мучаешь людей; ты копишь деньги, какъ барсукъ свою провизію на зиму. Отдай-же сейчасъ твое богатство.

Раздраженный епископъ приказываетъ выгнать монаховъ, но въ эту минуту одинъ изъ нихъ выхватываетъ изъ-за пояса пару пистолетовъ и кричитъ зычнымъ голосомъ, отъ котораго дрожь проникаетъ епископа до костей:

— Я Добошъ! теперь ты знаешь, что долженъ дѣлать.

Епископъ и каноники упали на колѣни; товарищъ Добоша

сорвалъ ключи съ пояса епископа, открылъ бюро и вынулъ всѣ деньги. Во все это время Добошъ не опускалъ своихъ пистоле-товъ. Взявъ деньги, Добошъ облачился въ платье архіепископа, а его товарищъ въ платье одного изъ канониковъ, сѣли въ епископскую карету и проѣхали черезъ городъ, раздавая благослове-нія. Любопытнѣе всего, что гусары, прискакавшіе на помощь епи-скопу, арестовали его и долго не хотѣли вѣрить, что онъ и есть настоящій епископъ, а не самозванецъ. Добошъ-же, смѣясь, раз-дѣлилъ добычу по-ровну съ своими товарищами.

Да, мои почтенные господа, это было тяжелое время для па-новъ, патеровъ и жидовъ; но мы не трогали никого, кто слылъ за челоуѣка добраго и справедливаго; мы оказывали уваженіе императорскимъ чиновникамъ; мы вѣрили, что императоръ любитъ нашъ народъ и правосудіе...

Однажды вечеромъ, въ концѣ лѣта, мы разложили большіе костры въ нашемъ стану; одни изъ насъ спали, другіе играли. Звѣзды ярко блестяли; Добошъ, растанувшись на камнѣ, покры-томъ ихомъ, такъ-же удобно, какъ на кровати, смотрѣлъ на небо. Не знаю, что онъ видѣлъ, но только выраженіе его лица было менѣе мрачно, чѣмъ обыкновенно. Упала звѣзда; когда она проносилась по небу, она казалась снопомъ огня. Она быстро исчезла во мракѣ. Добошъ внимательно посмотрѣлъ на насъ.

— Кто изъ васъ произнесъ проклятіе во время пути? спро-сидь онъ.

Всѣ молчали.

— Ну, зло уже сдѣлано, сказалъ атаманъ. — Летавица *) еошла на землю; она оборотится мужчиной или женщиной.

— Ее не трудно будетъ узнать по ея красотѣ, по ея золоти-стымъ волосамъ, замѣтилъ старикъ гайдамакъ;—отъ нея можно уберечься.

— Какъ-бы не такъ; околдуетъ она своимъ поцѣлуемъ и не спасешься ты отъ нея. Тайкомъ пробирается она къ юношѣ или дѣвушкѣ, которыхъ желаетъ соблазнить, и если онъ или она коснется ея губъ, то чахнетъ и затѣмъ умираетъ.

Добошъ погрузился въ размышленія.

*) Вампиръ, сходящій на землю въ видѣ падающей звѣзды. Убѣжденіе это силь-но распространено въ Карпатахъ.

На зарѣ слышались выстрѣлы. Мы схватились за оружіе. „На насъ напали въ расплохъ“, говорили одни. „Измѣна!“ кричали другіе. Раздался звукъ рога и лай собакъ. Добошъ спокойно поднялъ свой топоръ.

— Не бойтесь, друзья, пока я съ вами, насъ не выгонять съ этой горы.

Скоро объяснилось, что стрѣляли крестьяне, желавшіе предупредить насъ о своемъ прибытіи. Ихъ было двое; они пришли съ жалобой къ Добошу. Одинъ изъ нихъ, по имени Степанъ, желая избавить свою жену отъ тяжелой работы на барщинѣ, работалъ за двоихъ. Его панъ, которому нравилась его жена, приказалъ привести ее на жнитво; Степанъ не послушалъ приказа; за первое ослушаніе панъ засадилъ его въ колодки, обѣщая, что во второй разъ отдеретъ его палками. Добошъ выслушалъ Степана съ улыбкой.

Вскорѣ послѣ этого панъ отправился на охоту; онъ стоялъ между кустами, ожидая, что загонщики крестьяне выгонять на него серну, какъ вдругъ раздвинулись кусты и онъ очутился лицомъ къ лицу съ Добошемъ.

— Степанъ жаловался мнѣ на тебя, сказалъ онъ, — оставь въ покоѣ его и его жену; иначе, я буду бить тебя палками до тѣхъ поръ, пока душа твоя не отправится въ адъ.

Панъ, вмѣсто отвѣта, прицѣлился въ Добоша.

— Стрѣляй, сказалъ атаманъ, — ты не можешь убить меня.

И въ самомъ дѣлѣ пуля упала на землю возлѣ Добоша, не причинивъ ему вреда.

— Видишь, я говорилъ правду, продолжалъ Добошъ, — сдѣлай-же то, что я тебѣ приказываю.

Панъ, дрожа, какъ листъ, далъ слово повиноваться.

Въ ту-же ночь Добошъ отправился къ Степану, чтобы увѣрить его, что ему нечего теперь бояться. Онъ самъ думалъ, что шель только за этимъ, между тѣмъ его влекла туда какая-то волшебная сила: онъ хотѣлъ убѣдиться, дѣйствительно-ли жена Степана такая красавица, какъ о ней говорили. Онъ постучалъ въ дверь, Степанъ отворилъ ее и ввелъ дорогого гостя въ комнату для гостей. Потомъ онъ разбудилъ жену и велѣлъ ей подать ужинать знаменитому атаману. Добошъ сидѣлъ на скамьѣ, подлѣ очага, когда вошла Дзвинка, жена Степанова, босоногая, въ одной

любѣ, такъ-какъ она спѣшила подавать ужинъ и не успѣла одѣться. Увидѣвъ ее, онъ вздохнулъ и не нашелся что сказать; она-же улыбнулась и отбросила назадъ свои золотистые волосы, которые упали почти до земли. Добошу въ эту минуту пришла на мысль упавшая звѣзда. „Если она летавица, думалъ онъ, — она пришла на землю для меня. Она можетъ сосать, сколько ей угодно, кровь моего сердца“.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этой встрѣчи, Степанъ отправился на полонину. Въ его отсутствіе Добошъ встрѣтилъ Дзвинку въ уединенномъ ущельи, покрытомъ лѣсомъ. Она была на лошади, какъ и онъ. Она убралась коралами и монетами, что еще болѣе увеличивало ея красоту. Двѣ бѣлыя собаки бѣжали подлѣ ея лошади, на которой она сидѣла верхомъ, по-мужски. Добошъ поздоровался съ нею; она остановила свою лошадь и поправила вышитую рубаху.

— Куда вы ѣдете, Дзвинка Степанова, спросилъ Добошъ.

— Степанъ на полонинѣ, отвѣчала она. — Мнѣ нечего дѣлать. Я ѣду теперь на базаръ въ Шигеть.

— Зачѣмъ вамъ ѣздить туда самой: стоитъ вамъ захотѣть и сами короли нанесутъ вамъ столько подарковъ, сколько вы захотите.

— Я-бы многого хотѣла, но до сихъ поръ очень рѣдко исполнились мои желанія.

Добошъ задумался. Въ эту минуту надъ ихъ головами раздался крикъ орла.

— И что мнѣ могутъ дать? продолжала она. — Ожерелье изъ бусъ, платокъ на голову, красные сапоги. Экіе, подумаешь, прелести! Нѣтъ, я желала-бы жить, какъ знатная дама, въ домѣ съ колонами... чтобъ на крыльцѣ висѣлъ гербъ съ графской кацавейкой; я-бы хотѣла имѣть право бить моихъ служителей... чтобъ передо мной на колѣняхъ ползали паны... Я-бы желала имѣть возможность ставить мои ноги на луну, какъ на золотую скамеечку... Мало-ли чего пожелала-бы я еще! Я-бы хотѣла, чтобъ орелъ, летящій теперь надъ нами, сейчасъ упалъ на землю къ моимъ ногамъ...

Раздался выстрѣлъ и орелъ лежалъ у ногъ этой женщины.

Съ этого дня Добошъ совершенно измѣнился. Онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ и почти ничего не ѣлъ и не пилъ. Наши экспе-

дипці пріостановились; онъ лежалъ цѣлыми днями, уткнувъ голову въ землю; сонъ совсѣмъ покинулъ его. „Онъ болѣнъ“, говорили одни; „любовь жгетъ ему сердце“, увѣряли другіе. Опытные старики старались вразумить его. „Атаманъ, говорили они, — не довѣрйяй женщинѣ; ты можешь довѣриться тысячѣ мужчинъ скорѣе, чѣмъ одной женщинѣ“. Но все это было напрасно. Никто изъ людей не можетъ избѣжать того, что предназначено ему судьбою. Вскорѣ Добошъ снова пошелъ къ Степану. Дзвинка пріяла. Она посмотрѣла на него своими большими глазами, но не тронулась съ мѣста.

— Гдѣ Степанъ? спросилъ Добошъ.

— Степана нѣтъ дома. Развѣ ты забылъ, что онъ ушелъ на полонину.

Добошъ сѣлъ на скамью подлѣ очага.

— Если ты пришелъ, чтобъ съ нимъ повидаться, сказала Дзвинка послѣ нѣкотораго молчанія, — ты можешь уходить, потому что онъ не скоро вернется; если-же ты хочешь остаться со мной, я приготовлю тебѣ ужинать.

— Я хочу остаться съ тобой.

— И ты ничего не боишься?

— Чего мнѣ бояться?

— А тѣхъ людей, что преслѣдуютъ тебя.

— Я никого и ничего не боюсь.

Дзвинка встала и принялась за приготовленіе ужина. Добошъ страстно разсматривалъ ея красивую фигуру, ярко освѣщенную пламенемъ очага. Когда ужинъ былъ готовъ, она поставила на столъ форель, говядину, кислое молоко и медъ и сама сѣла за столъ. Она начала ѣсть, но Добошъ не прикасался ни къ одному кушанью.

— Почему ты не ѣшь? спросила она.

— Не могу.

— Такъ я закурю тебѣ трубку.

Она набила табакомъ его трубку, схватила пальцами горящій уголь и сама закурила имъ трубку Добоша. Но атаманъ не могъ ни ѣсть, ни пить, ни курить, онъ только смотрѣлъ на Дзвинку, едва сознавая, что онъ дѣлаетъ.

— Что ты дѣлаешь? спросилъ онъ, замѣтивъ, что она дуетъ на свои пальцы.

— Ничего.

— А! ты, кажется, обожгла пальцы?

— Ну, такъ что-жь, это пустяки.

— Разумѣется, въ сравненіи съ болью, когда обожжено сердце.

— Я думаю, если бываетъ больно и тогда, какъ обожжешь пальцы.

Добошъ долго цѣловаль ея обожженные пальцы, она и бровью не повела.

— Дзвинка, сказалъ атаманъ,—я не въ силахъ выносить это положеніе.

— О чемъ ты говоришь?

— Я желаю, чтобы ты была знатной дамой, а я буду твоимъ слугой, который съ радостью приметъ отъ тебя побори.

— Это будетъ очень любопытно.

— Дзвинка, я жажду твоей красоты, какъ серна воды, въ которой отражается солнце, луна и звѣзды.

— Подумай о грѣхѣ, подумай о Богѣ.

— Я думаю о Богѣ, вздохнулъ Добошъ;—но мы слабы, мы грѣшимъ, а Онъ милостивъ, Онъ прощаетъ насъ.

— Ну, такъ и быть, мнѣ жаль тебя, сказала она и пошла въ свою комнату. Добошъ послѣдовалъ за нею. Она сѣла на сундукъ, покрытый краснымъ сукномъ и подставила ему свою ногу, какъ дѣлаетъ новобрачная, вечеромъ, въ день свадьбы. Добошъ ставъ на колѣни, разулъ ее...

Съ этого дня Дзвинка стала часто ѣздить къ намъ въ горы на черномъ конѣ, покрытомъ богатымъ чепракомъ: Добошъ дѣлалъ ей подарки, достойные султанши. Мы предвидѣли, что это не можетъ хорошо кончиться. Эта рыжая женщина приковала къ себѣ нашего атамана. Несомнѣнно—она была летавица, падучая звѣзда, которая влекла его въ пропасть. Нѣкоторые изъ насъ пытались образумить любимаго атамана, но онъ не хотѣлъ ничего слышать. Онъ часто ходилъ къ Дзвинкѣ, а когда возвратился Степанъ, водилъ и насъ съ собою. Молодые деревенскія дѣвушки и женщины танцовали съ нами; жида играли на скрипкѣ, басѣ и цимбалахъ.

Скоро и Степанъ, до сихъ поръ ничего не подозрѣвавшій, сталъ замѣчать, что въ его домѣ происходитъ что-то неладное. Разъ онъ услышалъ, какъ жена его напѣваетъ вполголоса слѣду-

ющій припѣвъ пѣсни: „подъ стопами моего милаго цвѣтутъ розы и бузина“. Далѣе она просила солнце, луну и вѣтеръ перенестись въ горы и поклониться ея любезному. Степанъ зналъ, что для передачи поклона ему нѣтъ надобности въ посредничествѣ луны и что подъ его стопами не цвѣтутъ ни чертополохъ, ни крапива, тѣмъ болѣе роза. Онъ покачалъ головой и выразилъ на своемъ лицѣ неудовольствіе.

— Тебѣ, кажется, не нравится эта пѣсня, сказала она.

— Не нравится.

Съ этихъ поръ Степанъ сталъ совѣмъ шальной, говорить съ нимъ не было никакой возможности. Онъ мучился, не спалъ по ночамъ. Разъ ночью жена его бредила; сдерживая дыханье; онъ наклонился надъ ней, рассчитывая, не измѣнитъ-ли она себѣ во снѣ. Она лежала на спинѣ, грудь ея высоко подымалась, она тяжело дышала. „Я люблю тебя! приди ко мнѣ!“ говорила она во снѣ. Степанъ еще ниже наклонился. Она обхватила его шею и продолжала: „Мой гордый Добошъ!“ Потомъ крѣпко поцѣловала и поцѣлуй этотъ былъ похожъ на ужалніе змѣи. Степанъ зналъ теперь, что ему было нужно и вышелъ изъ комнаты, проливая горькія слезы

Дзвинка, конечно, гордилась тѣмъ, что околдовала страшнаго Добоша, котораго до сихъ поръ никто не могъ поверить, гордилась, что онъ снималъ съ ея ноги красныя туфли — она носила теперь такія-же туфли, какъ носятъ графини; но, любя Добоша, она жалѣла своего мужа.

Разъ, когда Добошъ вмѣстѣ съ товарищами, уходилъ отъ нея, она замѣтила, что ея мужъ сжалъ кулаки и услышала, какъ онъ сказалъ: „Чтобъ тебя горой задавило, чтобъ ты полетѣлъ съ утеса такъ, чтобъ нельзя было собрать твоихъ костей“. Это было въ субботу. По уходѣ гостей она вымыла мужу голову и стала расчесывать ему волосы; онъ сидѣлъ неподвижно, точно истуканъ. Желая его расшевелить, она крѣпко потянула его за волосы. Онъ не чувствовалъ.

— Кажется, я тебѣ сдѣлала больно? сказала она.

— Рви волосъ сколько хочешь, когда ты вырвала мнѣ душу, отвѣчалъ онъ.

— Я? мой милый, съ чего ты это взялъ?

— Ты мнѣ невѣрна! Ты таскаешься съ Добошемъ. Неужели, ты думаешь, я ничего не вижу?

— Какъ смѣешь ты взводить на меня эту напраслину! вскричала она высокогортно.— Хочешь, я поклянусь...

— Поклянись, если смѣешь...

— Клянусь, я тебѣ вѣрна!..

— Врешь! закричалъ взбѣшенный Степанъ. — Клянись своей душой.

Дзвинка страшно поблѣднѣла.

— Клянись-же! кричалъ Степанъ въ изступленіи.

Она молчала.

— А, ты сознаешься, змѣя!

— Ну, хорошо, рѣшительнымъ тономъ сказала она,—ты вынуждаешь меня сказать горькую правду; подавился ею и не пеняй на меня. Да, я люблю Добоша и мы весело проводили время всякій разъ, какъ ты уходилъ изъ дому. Доволенъ ты теперь?

— Отрави меня, ты обоимъ намъ окажешь услугу, сказалъ Степанъ глухимъ голосомъ.

— Зачѣмъ, возразила она, пожавъ плечами; — я за себя несколько не боюсь. Если-бы я считала тебя способнымъ предпринять что-нибудь противъ насъ, кто помѣшалъ-бы мнѣ выдать тебя головою; но я не боюсь тебя.

— Говорю тебѣ, баба, я убью его.

— Ты не можешь этого сдѣлать; твоя пуля не коснется его, а гайдамаки тебя замучаютъ до смерти.

— Пускай будетъ и такъ; ты, по крайней мѣрѣ, не станешь считать меня трусомъ.

— Въ добрый часъ! наконецъ и ты заговорилъ почти какъ гайдамакъ. Почему раньше ты не былъ такимъ смѣлымъ. Я никогда не позволила-бы другому разуть меня. Ахъ! если-бъ ты былъ способенъ убить его, котораго всѣ боятся... но онъ неуязвимъ!

Степанъ заскрежеталъ зубами и отправился бродить въ лѣсъ. Онъ воротился домой почти мертвый отъ усталости, но все-таки не могъ заснуть.

На другой день Добошъ пришелъ навѣстить Дзвинку; если онъ приходилъ одинъ, то о своемъ приходѣ всегда предупреждалъ ее свистомъ.

— Уходи! сказала она мужу, — идетъ Добошь.

Степанъ вылѣзъ въ окошко собственнаго дома, точно воръ, а красавица Дзвинка отворила дверь своему любовнику. Когда она упоила его виномъ, медомъ и любовью до потери разсудка, она стала выпрашивать его, дѣйствительно-ли онъ неуязвимъ.

— Какое горе, сказала она, — что я должна умереть, тогда какъ смерть не имѣетъ власти надъ тобой! Мнѣ-бы хотѣлось какъ жить, такъ и умереть вмѣстѣ съ моимъ милымъ Добошемъ.

— Кто тебѣ сказалъ, что я не умру, отвѣчалъ неосторожный; — когда придетъ мой часъ, я умру, какъ и всѣ остальные люди.

— Слѣдовательно, ты не совсѣмъ неуязвимъ.

— Да, меня можно свалить освященной пудей.

Бѣднага довѣрчиво предавалъ самъ себя въ руки своихъ враговъ.

— Ты шутишь! продолжала она. — Но если тебя, дѣйствительно, убьютъ, что станется со мною!

— Ты будешь знатной дамой; я закопалъ сокровище, которое, послѣ моей смерти, будетъ принадлежать тебѣ.

— Сумасшедшій! Если ты умрешь, какъ-же я найду сокровище?

— На Черной горѣ, подъ тремя большими дубами; тамъ лежатъ три камня; своротивъ ихъ, ты найдешь дверь, подъ ней яма, а тамъ сокровище.

Дзвинка обвила своиими руками вокругъ шеи Добоша.

— Мать, сказала она, — вѣрно ты купала своего сына въ меду, что я ощущаю такую сладость, цѣлуя его! О, мой великанъ, какъ ты хорошъ! Цѣлую я тебя, ласкаю и все не могу насытиться, мнѣ все кажется мало.

И змѣя ласкала и цѣловала его.

Когда онъ ушелъ, она позвала своего мужа, бѣшено слонявшагося вокругъ дома. Степанъ посмотрѣлъ на нее такъ грустно, что ей стало жаль его, но это продолжалось недолго: всѣ ея мысли теперь всецѣло были заняты сокровищемъ Добоша и надеждой сдѣлаться знатной дамой.

— Ты не оставилъ своего намѣренія убить Добоша? спросила она.

— Какой прокъ въ моемъ желаніи, если онъ неуязвимъ! сказалъ онъ съ отчаяніемъ.

— Его жизнь теперь находится въ моихъ рукахъ.

— Тогда дозвожь мнѣ убить его.

— Да, Степанъ, ты долженъ убить его и мы раздѣлимъ сокровище.

— Значить, ты знаешь, гдѣ онъ спрячетъ свои деньги?

— Да. Ты не ожидалъ этого. Убей его и сокровище мое. Я буду наряжаться, какъ графиня, у меня будетъ сто слугъ, которыхъ ты можешь наказывать, сколько хочешь; но я буду бить тебя, мой милый Степанъ.

— Бей, но позволь убить Добоша.

— Хорошо, сказала Дзвинка, переходя въ свою комнату; — ты можешь разуть меня.

И этотъ дуракъ былъ въ восторгѣ отъ полученнаго разрѣшенія.

Въ первую ночь Степанъ вылилъ пули, во вторую вырѣзалъ на нихъ крестъ, въ третью положилъ ихъ въ освященную воду и вынулъ оттуда во время церковной службы. Потомъ зарядилъ ружье.

— Теперь, сказалъ онъ, — пусть приходитъ Добошъ, я готовъ.

Все, что дальше случилось, произошло на моихъ глазахъ.

— Друзья, сказалъ Добошъ, — одѣньтесь въ праздничное платье, мы пойдемъ ужинать къ Дзвинкѣ.

Когда мы вечеромъ подошли къ дому Степана, дверь была заперта на ключъ; Степанъ стоялъ на-готовѣ съ заряженнымъ ружьемъ. Надъ домою кружился орелъ.

— Атаманъ, сказалъ одинъ изъ стариковъ, — дурное предзнаменованіе. Воротимся.

Вмѣсто отвѣта Добошъ постучалъ въ дверь.

— Неужели ты уже спишь, братъ? Или, можетъ быть, ты готовишь намъ ужинъ? сказалъ онъ.

— Ужинъ еще не готовъ, отвѣчала Дзвинка, — потому что Степана нѣтъ дома; но скоро васъ поподчуютъ такъ, какъ никто изъ васъ не ожидаетъ.

— Пусти насъ.

— Не пушу.

— Не хочешь-ли ты, чтобы мы вошли силой? спросил Добошъ, смѣясь.

— Экое, подумаешь, нетерпѣніе! отвѣчала она также со смѣхомъ. — Надо собирать свои силы по крайней мѣрѣ семь лѣтъ, чтобы можно было сбить мои задвижки.

Добошъ легко сбиль задвижки первой двери и отворилъ вторую.

— Уходи! закричала Дзвинка звонкимъ голосомъ. — Говорю, уходи.

— Зачѣмъ мнѣ бѣжать? спросилъ Добошъ, замѣтивъ, что она пятится назадъ и поблѣднѣла отъ ужаса.

— Ты умрешь! Уходи-же! кричала Дзвинка.

Степанъ выстрѣлилъ. Добошъ упалъ, изъ его груди заструилась кровь. Прибѣжали товарищи, подняли его; онъ не могъ говорить и только знаками показалъ, чтобы его унесли далѣе и положили на траву. Дзвинка бросилась къ нему, плача и ломая руки. Тогда къ Добошу возвратился голосъ; онъ остановилъ товарищевъ, желавшихъ сжечь домъ и наказать убійцу.

— Не трогать никого и ничего, я запрещаю, сказалъ онъ; потомъ, онъ посмотрѣлъ на свою любовницу, которая рыдала, закрывъ лицо своими густыми рыжими волосами, и прибавилъ:

— Зачѣмъ ты ревешь, женщина, когда это твое дѣло? Не плачь и убирайся. Ты мнѣ измѣнила. Зарытыя мной двѣ тысячи дубатовъ принадлежать тебѣ; ими я расплачиваюсь съ тобой за все.

Мы стояли вокругъ него, опутивъ головы; казалось, никто изъ насъ не дышалъ.

— Молодцы, приказалъ онъ, — поднимите меня и перенесите на Черную гору; тамъ только нѣтъ измѣны.

Подойдя къ тремъ дубамъ, мы остановились, но Добошъ сдѣлалъ знакъ головой и съ усиленіемъ прошепталъ:

— Подъ букъ!

Мы отнесли его, куда онъ желалъ; съ почернѣлымъ лицомъ, орошая своей кровью зеленый мохъ, онъ всталъ на ноги и, опираясь на двухъ товарищевъ, простился съ нами такими словами:

— Наступило время намъ разстаться... Я умираю, товарищи, похороните меня подъ этимъ букомъ; раздѣлите по-ровну общественныя деньги и разоидитесь... Разсѣйтесь по свѣту... Вы уже не гайдамаки, потому что у васъ нѣтъ атамана!

Мы плакали на-взрыдъ. До захожденія солнца его трупъ оста-

вался на этомъ-же мѣстѣ. Мы его похоронили, какъ война, по нашему горькому обычаю; рядомъ съ нимъ положили его оружіе, на грудь—золотую монету; послѣдній разъ надъ нимъ раздались звуки карпатскихъ рожковъ, но это были не боевые, призывающіе на битву, не торжественные, въ знакъ побѣды, а печальные звуки, — звуки отчаянья. Каждый изъ насъ разряжалъ свое ружье и пистолеты въ могилу послѣ того, какъ, роя ее, лопатой выбрасывалъ землю. Могилу мы вырыли подъ скалой. Какъ только скрылись послѣдніе лучи заходящаго за горой солнца, началась буря; послышались удары грома и заблестѣла молнія. Такъ былъ погребенъ Добощъ гайдамакъ. Мы тотчасъ-же разошлись, но не навсегда; мы дали себѣ слово сойтись здѣсь, въ годовщину смерти нашего атамана. Нѣкоторые изъ насъ, спустившіеся въ равнину, были арестованы и заключены въ тюрьму, но большая часть осталась въ горахъ и продолжала жить, какъ жила прежде, гайдамаками. Я былъ въ числѣ тѣхъ, которые годъ спустя, послѣ смерти Добоща, сошлись на Черной горѣ. Мы смѣялись и плакали отъ радости, клялись въ вѣчной дружбѣ, дали себѣ слово болѣе не раздѣляться и на могилѣ Добоща выбрали ватажку; не знаю, какъ это случилось, но былъ выбранъ я, хотя и не считалъ себя достойнымъ начальствовать надъ столькими мужественными людьми.

Мы снова стали продолжать войну, но вели ее уже съ несравненно большими предосторожностями, чѣмъ велъ ее нашъ покойный атаманъ; теперь мы уже не имѣли такой увѣренности въ своихъ силахъ, какъ при немъ; изрѣдка мы появлялись на равнинѣ, но чаще дрались въ нашихъ горахъ, давая отпоръ солдатамъ, которые насъ преслѣдовали. Когда насъ сильно тревожили съ нашей стороны, мы переходили въ венгерскія горы; когда поднимали противъ насъ венгерскихъ пандуровъ, мы отступали въ Галицію.

Какъ-то разъ вечеромъ мы были приглашены на деревенскій праздникъ. Мои товарищи ѣли съ большимъ аппетитомъ и много пили; наконецъ еврейская музыка заставила насъ всѣхъ собраться въ кружокъ. Можетъ-ли русскій галичанинъ оставаться хладнокровнымъ при звукахъ „колошійки“? О, колошійка, дикій и величественный танецъ, — дикій, какъ полетъ орла, величественный, какъ танецъ звѣздъ, — создать тебя могъ только мужественный,

воинственный и ловкій народъ, — народъ, умѣющій радоваться всей душой, плакать всѣмъ сердцемъ, страдать, не жалуясь, и сражаться на смерть! Пока молодежь съ пылающими отъ удовольствія глазами кружилась въ танцѣ, я сѣлъ въ сторонѣ, имѣя у себя на колѣняхъ нѣсколькихъ дѣтей. Милыя малютки облѣпили меня, задавая мнѣ множество вопросовъ. Я гладилъ ихъ волоса, цѣловалъ ихъ чистый лобъ, неомраченный еще никакой злой думой, и на меня нашло не раскаяніе, нѣтъ! а воспоминаніе о дняхъ моего дѣтства, о томъ времени, когда моя мать также нѣжно цѣловала и мой еще чистый лобъ. Ночью я не могъ уснуть. Мы развели большой костеръ; товарищи мои разлеглись вокругъ него; я пристально смотрѣлъ на пламя костра и почувдилось мнѣ, что на меня все еще смотрятъ невинные, любопытные, добрые глазенки дѣтей. И я думалъ, думалъ... да, въ первый разъ мнѣ пришла мысль, заключить миръ съ людьми, поставить въ уголъ мое ружье. Въ воздухѣ была невозмутимая тишина вдругъ деревья склонились на мою сторону, огонь погасъ; правда дрова продолжали еще тлѣть, но пламени не было видно, а только густой дымъ застилалъ пространство; наконецъ, онъ поднялся сѣрымъ столбомъ до самыхъ звѣздъ и упалъ у моихъ ногъ. Изъ дыма вышелъ... я узналъ его по его внушающему отчаяніе взгляду, по его льстивой рѣчи... вышелъ бѣсъ, злобный сатана.

— Ты, вѣрно, потерялъ голову, Николай, сказалъ онъ, — что хочешь разстаться съ жизнью гайдамака, повинуть твоихъ вѣрныхъ товарищей и зеленяя горы. Посмотри вокругъ себя, все что ты видишь, можетъ принадлежать тебѣ, ты можешь владѣть всей этой страной...

Я не далъ ему кончить; дрожь, пронявшая меня сначала, нѣсколько успокоилась; я все еще не могъ произнести ни слова, однакожь, успѣлъ перекреститься. Бѣсъ зашипѣлъ, какъ шипитъ вода, брызнутая на раскаленное желѣзо, поднялся до звѣздъ, но, видя, что не можетъ устрашить меня, быстро исчезъ, виѣсть съ дымомъ, пожраннымъ пламенемъ. Я окончательно пришелъ въ себя и вижу: огонь по-прежнему ярко пылаетъ, а товарищи спать крѣпкимъ сномъ...

Рано утромъ я вошелъ въ деревню; встрѣчавшіеся со мною люди смотрѣли на меня съ удивленіемъ. Я не поворачивалъ головы ни на-право, ни на лѣво и шелъ прямо къ церкви, чтобъ

исповѣдаться передъ священникомъ обо всемъ, что со мною случилось, и причаститься. Потомъ я пошелъ къ галиційскому губернатору. Въ это время формировали тѣ распущенные отряды, состоящіе изъ крестьянъ и помилованныхъ гайдамаковъ, которые, подъ именемъ горныхъ стрѣлковъ, предназначались для борьбы съ гайдамаками. Вѣрно вы слышали объ нихъ. Когда я рассказъ губернатору, какъ искушалъ меня бѣсъ, а также о томъ, какая произошла во мнѣ переиѣна, онъ сказалъ мнѣ:

— Хорошо, я поговорю съ начальникомъ отряда. Тебѣ не сдѣлають зла, ты поступишь въ горные стрѣлки и, можетъ быть, тебя назначать ватажкомъ.

Конечно, у губернатора были добрыя намѣренія относительно меня, но никакое золото въ мѣръ не побудило-бы меня измѣнить товарищамъ. „Нѣтъ, сказалъ я самъ себѣ, — мы не хотимъ этого; лучше спать на голой скалѣ, подвергаться непріятному, сознанию что тебя травятъ, какъ хищное животное, чѣмъ поднять руку на тѣхъ, кто раздѣлялъ съ нами всѣ тяжести военной жизни и дрался рядомъ съ нами“.

Что сказать вамъ далѣе? Я остался гайдамакомъ и въ такое время, господа, когда, кроиъ горя, ничего не доставалось на его долю, когда насъ преслѣдовали, какъ волковъ; но мы все перенесли...

Когда въ 1848 году были окончательно уничтожены крѣпостная зависимость и барщина, когда крестьянинъ сталъ свободенъ, война прекратилась сама собою. Гайдамаки, оставя свои притоны, сложили оружіе въ кладовыя и стали мирными гражданами. Я выкопалъ мои деньги; никто не могъ попрекнуть меня ими: я собралъ ихъ не ростовщицествомъ, по-жидовски, а приобрѣлъ съ оружіемъ въ рукахъ, въ правильномъ бою. Я купилъ кусокъ лѣса, выстроилъ усадьбу, которую вы знаете, и жилъ себѣ одинъ, вдали отъ людей, съ моими лошадьми и собаками, когда насталъ голодный годъ. Много людей тогда умерло съ голоду, умирали на дорогахъ. Разъ ночью, слышу я, кто-то стонетъ у моей двери; я вышелъ и нашелъ женщину съ мальчикомъ. „Богъ посылаетъ мнѣ ихъ“, подумалъ я и впустилъ. Они остались у меня жить.

V.

Старикъ остановился, выколотилъ свою трубку и посмотрѣлъ на мальчика, который между тѣмъ задремалъ и улыбался во снѣ.

— Полагаю, что вашимъ милостямъ пора отдохнуть, сказалъ онъ.

Каждый легъ, гдѣ пришлось. Дамы зарылись въ солому; профессоръ растянулся на сѣмьѣ со сложенными руками, подобно рыцарямъ на каменныхъ саркофагахъ. Лекаръ тоже скоро захрапѣлъ. Но на меня рассказъ стараго гайдамака произвелъ такое впечатлѣніе, что я не могъ заснуть. Ночью, до моего слуха издали довольно явственно долетѣли слѣдующія слова пѣсни:

„И они нашли своего Добоша на землѣ, истекающимъ кровью. Семь ранъ въ сердцѣ, семь на головѣ.

„И онъ сказалъ имъ: братья, никогда не довѣряйтесь женщинамъ, иначе кончите, какъ я“...

Утомленный бессонницей, я всталъ тихо и вышелъ. Легкія облака проносились по небу, ослабляя свѣтъ луны; только нѣкоторыя звѣзды блестяли, какъ уединенные часовые.

— Полночь, сказалъ чей-то голосъ, — посмотри на „Колесницу“.

Передъ зарей пастухи одинъ за другимъ стали выходить изъ стая; они направлялись къ вершинѣ горы, откуда во всѣ стороны открывался широкой горизонтъ. Тамъ они сошлись въ кружокъ, лицомъ къ востоку, обнажили головы и нѣкоторое время хранили молчаніе. Наконецъ ватажекъ сказалъ: „О, далекія скалы! о море! море холодное, море синее, море далекое!“ А какъ только показался первый разсвѣтъ зари, они запѣли хоромъ молитву: „Царю небесный!“ потомъ торжественнымъ, медленнымъ шагомъ спустились къ ближайшему источнику и умыли свои лица. Затѣмъ одинъ изъ нихъ взялъ трембитъ и, по слову ватажки: „Труби, гордый легионецъ!“ раздались звуки меланхолической, воинственной аріи. Въ этотъ-же часъ всѣ пастухи въ гуцульскихъ горахъ, вспоминая о своемъ древнемъ отечествѣ на берегу моря и произносятъ тѣ-же самыя слова; одна и та-же пѣсня звучитъ на зарѣ на всемъ протяженіи Карпатовъ, занимаемыхъ гуцульскимъ народомъ.

Пастухи съ такой-же торжественностью возвратились въ стай, какъ и вышли изъ него. Не знаю, когда я заснулъ, но только я былъ разбуженъ старымъ гайдамакомъ въ то время, когда солнце уже ярко свѣтило. Я тотчасъ-же отправился съ Грегоромъ на охоту и убилъ глухаря. По возвращеніи я засталъ нашихъ дамъ въ вознѣ съ козлятами Атанки. Позавтракавъ, мы

простились съ нашими хозяевами и отправились по дорогѣ на Черную гору. Атанка и Грегоръ пошли вмѣстѣ съ нами.

Вершина горы была покрыта розовымъ туманомъ, точно нѣжной тканью, скалы блестяли сильнымъ металлическимъ блескомъ; внизу разстился первобытный лѣсъ, волнующийся океанъ зелени, въ листьѣ свистѣли дрозды; но вскорѣ водворилась тишина, туманъ все болѣе и болѣе сгущался вокругъ насъ, такъ что, наконецъ, въ двухъ шагахъ уже ничего нельзя было различить. Онъ иногда разсѣвался на-столько, что въ первый разъ мы увидѣли на отдаленной скалѣ стадо сернь, которое вызвало веселую усмѣшку на губахъ Грегора, показавшаго при этомъ свои зубы ослѣпительной бѣлизны; а въ другой — бездонную пропасть, внушившую ужасъ нашимъ дамамъ и профессору; къ ихъ благополучію, туманъ на-столько сгустился, что скрылъ отъ нихъ ужасный видъ. По совѣту гайдамака, мы бросили поводья, и умныя и осторожныя животныя, предоставленныя сами себѣ, съ большой ловкостью понесли насъ по опасной тропинкѣ.

Мы достигли Чернаго озера; окруженное скалами, оно покоится на вершинѣ горы значительной высоты; въ Карпатахъ оно болѣе извѣстно подъ именемъ „морского глаза“.

— Здѣсь, сказалъ гайдамакъ, — намъ часто приходилось сражаться; здѣсь погребены вмѣстѣ и друзья и недруги.

Онъ набожно снялъ шляпу и прочелъ молитву. Затѣмъ всѣ мы сошли съ лошадей. Подбѣжали два гуцула; одинъ остался смотрѣть за нашими лошадьми, а другой — повелъ насъ къ лодкѣ, которая была истиннымъ новымъ ковчегомъ: мы всѣ въ ней легко размѣстились. Мы выѣхали на средину мрачнаго озера; въ его зеркальной поверхности не отражались ни скалы, надъ нимъ нависшія, ни ели, ни небо.

— Вотъ, г. профессоръ, великолѣпная чернильница, сказалъ врачъ. — Много рукописей можно-бы было исписать при ея помощи.

Лѣля почерпнула горстью воды изъ озера и удивилась, что она такъ-же прозрачна, какъ вода источниковъ. Профессоръ объяснилъ ей, что глубина озера причиной, почему оно кажется чернымъ.

— Надобно допустить, сказалъ онъ, — что это кратеръ потухшаго вулкана, въ которомъ скопилась атмосферная вода; этимъ только и можно объяснить, что масса воды забралась на такую невѣро-

ятную высоту, на шесть тысячъ триста футовъ надъ поверхностью моря. По народному убѣжденію, это озеро имѣетъ подземное сообщеніе съ моремъ, которое и волнуетъ его при всякой бурѣ. Вотъ почему они называютъ его „глазъ моря...“ Горцы увѣряютъ, что въ озерѣ находили остатки кораблей...

Раздался свистъ, нѣсколько разъ повторенный. Панна Лодонска вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

— Онь, навѣрное, разбойникъ, прошептала она, указывая на Грегора: свистѣлъ онъ и эхо нѣсколько разъ повторило его свистъ.

— Нѣтъ болѣе разбойниковъ въ этихъ мѣстахъ, сказалъ гайдамакъ, покачивая головой.— Миръ царствуетъ въ этихъ горахъ.

— Здѣсь прекрасное эхо, замѣтилъ профессоръ.

Старикъ гайдамакъ услужливо разрядилъ свое ружье и пистолеты; эхо подхватывало звукъ выстрѣла и разносилось громовымъ раскатомъ. Каковъ-же раскатъ былъ въ то время, когда, при звукѣ трембита, гайдамаки перестрѣливались съ нападавшими на нихъ солдатами... Между тѣмъ, мы переѣхали на противоположный берегъ озера. Тамъ, за каменистой отлогостью, простирался лугъ, покрытый цвѣтами сокольника, фіалки и голубой незабудки; здѣсь болѣе всего выдѣлялась зелень черники, бодана и сибирскаго папоротника. Исландскій мохъ покрывалъ скалы; тутъ-же рододендронъ, который гуцулы зовутъ карпатской розой, испускалъ свой пріятный ароматъ. Здѣсь поражаало грандіозное уединеніе пустыни. Вдали виднѣлись зубчатая скалы, вершины которыхъ были покрыты блестящимъ снѣгомъ; онѣ казались гранитными стѣнами, у которыхъ зубцы яркаго бѣлаго цвѣта, а самая стѣна блѣдно-зеленаго. Невдалекѣ отъ насъ на камнѣ грѣлась змѣя. Дамы вскрикнули, а профессоръ бросился къ змѣѣ, съ видимымъ намѣреніемъ убить ее.

— Не убивай мудрую, не то умреть твоя мать, сказалъ гайдамакъ и прибавилъ, обращаясь къ дамамъ:— змѣя, встрѣченная въ дорогѣ, приноситъ счастье и потому не слѣдуетъ ей дѣлать зла.

На этотъ разъ повѣрье оправдалось: змѣя принесла намъ счастье, ибо въ тотъ моментъ, какъ мы взобрались на вершину, туманъ совершенно разсѣялся и передъ нами открылась Черная гора съ ея тремя королевскими коронами и двадцатью-семью

спутниками. Сердце перестало биться отъ восхищенія, такъ величественъ былъ видъ, открывшійся въ обѣ стороны, на югъ и западъ, черезъ лысыя вершины горъ, ярко-освѣщенныя, и надъ мрачнымъ еловымъ лѣсомъ. Мы парили какъ орелъ надъ этой безграничной далью. Вѣлыя облака качались въ сверкающемъ эфирѣ, отражая огромныя волнующіяся тѣни. Съ одной стороны глазъ различалъ Венгрію, съ другой онъ обнималъ равнины Галиціи. Утренній туманъ подымался вверхъ столбомъ, точно дымъ жертвенника. Зеленые луга отливали изумрудомъ рядомъ съ темной зеленою елей, а далѣе колыхались золотистыя волны океана ржи и другихъ злаковъ; они тянулись далеко, далеко до самой розовой линіи горизонта. Въ этомъ золотистомъ пространствѣ скользили рѣчки и ручьи, точно серебряныя змѣи и утопали деревни, кажущіяся кораблями, мачтой которымъ служили колокольни...

Мои товарищи давно уже сошли внизъ, а я все еще стоялъ, очарованный прелестью вида. Внизу, подо мной разстилался дымъ изъ деревенскихъ трубъ и заразителныя міазмы городовъ; тамъ, лихорадочно суетясь, копошился человѣческой муравейникъ; его раздирали ненависть, война, убійство; тамъ безумная роскошь и безысходная нищета; тамъ прикрашенная, подрумяненная жизнь... Старый гайдамакъ сказалъ правду: только въ горахъ можно найти миръ, на тѣхъ высотахъ, гдѣ растетъ лишь бѣдный мохъ на безплодномъ камнѣ, гдѣ не можетъ долго дышать человѣческое сердце, потому что каждое изъ его біеній выражаетъ раздоръ, споръ, преслѣдованіе... Здѣсь прекращается область жизни, здѣсь царятъ элементарныя, первобытныя силы — смерть! Все мое существо притушилось; казалось, я самъ сталъ камнемъ между камнями. Внезапно меня разбудилъ человѣческой голосъ и произвелъ на меня отрадное впечатлѣніе журчанія источника въ пустынѣ.

— Пора! произнесъ старый гайдамакъ, самъ подобный величественному, сѣрому камню. — Пора! повторилъ онъ теплымъ трогательнымъ голосомъ, медленно поднимаясь со скалы, на которой онъ сидѣлъ; — сойдемъ къ расѣ Каина.

ВОЙНА И МИРЪ.

Опустѣвшія селенья,
Разоренія слѣды,
Обгорѣлыя строенья,
Опаленные сады,
Жатвы стоптанной остатки,
На травѣ измятой кровь,
Груды тѣлъ, убитыхъ въ схваткѣ
Безымянныхъ храбрецовъ,
Кровожадныхъ птицъ станицы,
Ужасъ мертвой тишины,—
Это грозныя страницы
Изъ исторiи войны.

Но довольно для народа,
Чтобъ блеснула надъ страной
Животворная свобода
Съ животворною весной,
И загладить терпѣливо
Мирнымъ плугомъ онъ слѣды
Вражскихъ ядеръ, сердце нивы
Истерзавшихъ въ дни вражды.
Въ землю, гдѣ въ разгарѣ гнѣва
Истребляла все война,
Плодотворнаго посѣва
Онъ забросить сѣмена.
Съ безграничною любовью
Воскресить онъ, мать-земля,
Человѣческую кровью
Обагреныя поля,
И недавнія могилы
Истребительной вражды
Принесутъ съ двойною силой
Жизни полные плоды.

А. М.

ДАНИЕЛЬ ДЕРОНДА.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

МАТЬ И СЫНЪ.

ГЛАВА I.

„Моему сыну Даниелю Дерондѣ.

„Нашъ добрый другъ, сэръ Гюго Малинджеръ, сообщилъ уже тебѣ, что я желаю тебя видѣть. Мое здоровье очень разстроено и я хочу, не теряя времени, передать тебѣ то, что я долго скрывала. Будь непремѣнно въ Генуѣ въ отелѣ „Италія“ къ 14 числу. Дождись меня тамъ. Я навѣрно не знаю, когда буду въ состояніи пріѣхать изъ Спеціи. Это зависить отъ многихъ обстоятельствъ. Не уѣзжай, не поводишь меня, княгиню Гольмъ-Эберштейнъ. Привези съ собою брилліантовый перстень, подаренный тебѣ сэромъ Гюго. Я желаю его видѣть.

„Твоя неизвѣстная тебѣ мать

„Леонора Гольмъ-Эберштейнъ“.

Таково было содержаніе письма, переданнаго сэромъ Гюго Дерондѣ. Оно, по своимъ безцвѣтнымъ выраженіямъ, не давало молодому человѣку ни малѣйшаго ключа къ объясненію загадки его жизни; а сэръ Гюго упорно молчалъ, очевидно давъ слову матери Даниеля не открывать ему тайны. Деронда-же самъ не могъ не подчиниться этому молчанію и къ тому-же, разочаровавшись въ своей всегдашней увѣренности, что сэръ Гюго его отецъ, не хотѣлъ дѣлать болѣе никакихъ предположеній, а рѣшился мужественно встрѣтить свою судьбу, какова-бы она ни была.

Въ подобномъ настроеніи, онъ не желалъ кому-бы то ни было сообщать о причинѣ своего отъѣзда, тѣмъ болѣе Мардохею, который, узнавъ, что Деронда ѣдетъ для того, чтобъ открыть тайну своего происхожденія, могъ-бы возъимѣть новую надежду, которая причинила-бы ему вредное волненіе. Онъ объявилъ Мардохею, что уѣзжаетъ по дѣлу сэра Гюго, не зная самъ на сколько времени, но, вѣроятно, не на долго.

— Я попрошу, чтобъ мнѣ дали на это время маленькаго Іакова, сказалъ Мардохей, надѣясь въ обществѣ этого мальчика хотя нѣсколько утѣшиться въ разлугѣ съ Дерондой.

— Я поѣду къ м-съ Коганъ и уговорю ее отпустить внука, прибавила Мира.

— Старуха бабушка вамъ ни въ чемъ не откажетъ, сказалъ Деронда, и прибавилъ съ улыбкой, смотря на Мардохея;—я очень радъ, что вы ошиблись. Вы думали, что старой м-съ Коганъ будетъ неприятно смотрѣть на Миру.

— Я недостаточно высоко цѣнилъ ея доброе сердце, отвѣчалъ Мардохей:—она способна радоваться, что цвѣтетъ чужое растеніе, хотя ея собственное завяло.

— О! они всѣ очень добрые, славные люди! Мнѣ кажется, что мы всѣ другъ другу родня! воскликнула Мира, весело улыбаясь.

— Что-бы вы чувствовали, еслибъ Эзра оказался вашимъ братомъ? спросилъ Деронда, недовольный, что она такъ сочувственно отзывается о людяхъ, причинившихъ ему столько безпокойства на счетъ ея.

— Онъ недурной человекъ, сказала Мира, съ удивленіемъ взглянувъ на Деронду:—онъ, я думаю, не бросилъ-бы никого изъ своихъ близкихъ.

Но не успѣла она произнести этихъ словъ, какъ вдругъ покраснѣла и, бросивъ изъ подлобья взглядъ на Мардохея, отвернулась отъ него. Она думала теперь о своемъ отцѣ, который составлялъ предметъ многихъ грустныхъ разговоровъ ея съ братомъ. Мысль, что отецъ можетъ явиться во всякое время, пугала ее и его страшный образъ мерещился ей повсюду.

Деронда понялъ ея ненамѣренный намекъ и послѣдовавшее за тѣмъ смущеніе. И какъ было ему не понять чувствъ, совершенно сродныхъ съ его теперешними чувствами! Судя по письму его

матери, онъ могъ догадаться, что его отношенія къ ней не будутъ очень утѣшительными; дѣйствительно, это письмо, фактически приблизившее его къ матери, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы удалило ее изъ его сердца. Съ давнихъ поръ въ его мечтахъ мать являлась существомъ не пользовавшимся должными ей уваженіемъ и состраданіемъ, существомъ, жизнь котораго была не полна, за отсутствіемъ его любви и попеченія. Но теперь это представленіе казалось ему столь-же несправедливымъ, какъ и предположеніе, что сэръ Гюго его отецъ. Онъ съ удивленіемъ сознавалъ, что, читая холодныя строки матери, самъ сталъ неожиданно чувствовать къ ней совершенное равнодушіе. Тайственная маска съ неясной, неопредѣленной рѣчью замѣнила мѣсто дорогого его сердцу существа, созданнаго его воображеніемъ и сосредоточившаго на себѣ его теплую, преданную любовь. Отправляясь въ Геную, онъ болѣе думалъ о Мардохеѣ и Мирѣ, чѣмъ о матери, которую ему предстояло впервые увидѣть.

— Христось съ тобою, Данъ, сказалъ сэръ Гюго, прощаясь съ нимъ, — какія-бы перемѣны не произошли въ твоей судьбѣ, я останусь всегда твоимъ самымъ старымъ и любящимъ другомъ. Я не могъ-бы тебя любить болѣе, если-бъ ты былъ моимъ сыномъ, но, конечно, тогда было-бы лучше и ты наслѣдовалъ-бы мнѣ, вмѣсто моего блестящаго племянника. При томъ-же ты былъ-бы обязанъ тогда выдти на политическое поприще. Впрочемъ надо покориться судьбѣ.

Прибывъ въ указанный отель въ Генуѣ, Деронда узналъ, что княгиня Гольмъ-Эберштейнъ еще не пріѣзжала; черезъ два дня онъ получилъ второе письмо, въ которомъ она увѣдомляла, что обстоятельства удерживали ее отъ путешествія и просила терпѣливо подождать ее недѣли двѣ, а быть можетъ и болѣе.

Такимъ образомъ Деронда долженъ былъ оставаться неопредѣленное время въ безпокойной неизвѣстности и отыскивать для себя въ этотъ промежутокъ такое препровожденіе времени, которое-бы успокоило его взволнованныя чувства. Хотя онъ и прежде бывалъ въ Генуѣ, но только проѣздомъ и потому теперь находилъ много интереснаго для изученія на улицахъ, набережныхъ и въ окрестностяхъ города. Но всего чаще онъ катался въ лодкѣ по морю, любуясь великолѣпнымъ видомъ на гавань и городскія зданія. Однако, на что онъ ни смотрѣлъ, о чемъ ни думалъ, не

исключая и предстоявшаго свиданія съ матерью, всѣ его мысли вращались вокругъ Мардохея и Миры. Такъ, катаясь по громадной, живописной гавани, онъ думалъ о тѣхъ испанскихъ евреяхъ, которые, за нѣсколько столѣтій до насъ, во время бѣгства изъ Испаніи, остановились въ Генуѣ, и, сойдя на берегъ, распространили по всему городу чуму. Какъ-то невольно мечты о предполагаемыхъ своихъ предкахъ соединялись въ его головѣ съ историческими фактами, которые получили въ его глазахъ новый, громадный интересъ, со времени знакомства съ Мирой и особенно съ Мардохеемъ. Онъ прямо не желалъ, даже въ глубинѣ своего сердца, чтобъ надежды Мардохея исполнились, и постоянно повторялъ себѣ, что не имѣлъ выбора въ этомъ дѣлѣ; что желать одного исхода предпочтительно передъ другимъ, было чѣмъ-то вродѣ отреченія заранѣе отъ своихъ родителей. Ему оставалось только признать совершившійся фактъ, тѣмъ болѣе, что, разочаровавшись въ своей увѣренности на счетъ родства съ сэромъ Гюго, онъ не могъ составить никакихъ опредѣленныхъ предположеній о томъ, кто были его родители.

Среди этой мучительной неизвѣстности онъ чувствовалъ еще нѣкотораго рода безпокойство о Гвендолинѣ. Въ сложномъ механизмѣ нашей внутренней природы существуетъ чувство, совершенно отличное отъ страстной любви (на которую однако способны не всѣ), и въ то-же время это не дружба и не сочувствіе отъ восторженнаго уваженія или отъ состраданія. Ощущая подобное чувство къ женщинѣ, мы обыкновенно говоримъ: я любилъ-бы ее, если-бы... Это *есмбз* подразумѣваетъ ранѣе пробудившуюся привязанность или другое какое-нибудь обстоятельство, служащее плотной противъ разлива страсти. Что касается Деронды, то это *есмбз* относилось къ тому и другому, но все-же Деронда постоянно сознавалъ, что его отношенія къ Гвендолинѣ носили опасный характеръ не только для нея, но и для него; именно онъ могъ бояться необдуманной, минутной вспышки и замѣны избраннаго сердцемъ вѣчнаго сокровища скоро преходящимъ капризомъ.

Такъ шли дни; въ воздухѣ Италіи слышалось, что война объявлена Австріи и что событія одно за другимъ быстро подвигаются къ Садовскому бою, измѣнившему судьбы всего свѣта. Между тѣмъ въ Генуѣ жара усиливалась около полудня, дороги покрывались густымъ слоемъ бѣлой пыли, олеандры въ садахъ прини-

мали видъ уставшихъ бутылъ и только прохладный вечеръ вызывалъ на небережннхъ все населеніе, которое жило веселой, общественной жизнью лишь въ эти вечерніе часы до тѣхъ поръ, пока воцарялась ночная тишина и среди окружающаго мрака свѣтились однѣ звѣзды на небѣ и маякъ на берегу. Деронда безсознательно слѣдилъ за этимъ правильнымъ круговоротомъ сутокъ, ожидая торжественнаго сигнала. Неизвѣстность такъ томила его, что онъ отворачивался отъ всякаго занятія, даже отъ чтенія и смотрѣлъ на какую-бы то ни было дѣятельность глазами узника, съ минуты на минуту ожидающаго свободы.

Наконецъ, однажды утромъ онъ услышалъ странный стукъ въ дверь его номера. Въ комнату вошелъ ливрейный лакей и сказалъ по-французски, что княгиня Гольмъ - Эберштейнъ пріѣхала, но будетъ отдыхать весь день, а вечеромъ въ семь часовъ приметъ къ себѣ м-ра Деронду.

ГЛАВА LI.

Когда Деронда явился въ отель „Италія“, онъ чувствовалъ себя снова юношей и сердце его тревожно билось при одной мысли о матери. Два лакея, сидѣвшіе въ передней большого номера, занимаемаго княгиней, посмотрѣли на него подозрительно, удивляясь, что докторъ, съ которымъ желала посовѣтоваться ихъ госпожа, былъ такой изящный джентльменъ въ модномъ фракѣ. Но Деронда ничего не видалъ вокругъ себя, пока не вошелъ во вторую комнату, гдѣ посрединѣ стояла женская фигура, очевидно ожидавшая его. Она была какъ-бы окутана съ головы до ногъ черными кружевами, ниспадавшими съ ея роскошныхъ, но сѣдѣющихъ уже волосъ. Руки, обнаженныя до локтей, были украшены богатыми браслетами, гордая осанка еще поразительнѣе выставляла ея былую красоту. Но Дерондѣ не было времени разсматривать ее подробно, онъ схватилъ протянутую ему руку и поднесъ ее къ губамъ. Княгиня впилась въ него глазами; ея взглядъ и выраженіе лица были такъ подвижны, что каждую минуту она казалась новымъ существомъ. Деронда не смѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія, онъ не зналъ, какъ слѣдуетъ ему вести себя; онъ чувствовалъ, что краснѣлъ, какъ молодая дѣвушка, и въ то-же

время удивлялся отсутствію въ себѣ искренней радости. Онъ пережилъ много идеальныхъ встрѣчъ съ матерью, созданныхъ его воображеніемъ и всѣ онѣ казались реальнѣе настоящей. Онъ даже не могъ себѣ представить на какомъ языкѣ она заговорить, но былъ увѣренъ, что не на англійскомъ. Неожиданно она положила обѣ свои руки на его плечи и на лицѣ ея выразилось неограниченное восхищеніе.

— Какъ ты прекрасенъ! сказала она по-англійски, мелодичнымъ голосомъ, но съ иностраннымъ, хотя и пріятнымъ акцентомъ; — я знала, что ты будешь красавцемъ.

Съ этими словами она поцѣловала его въ обѣ щеки; онъ отвѣчалъ на эти поцѣлуи, — но эта ласка казалась не выраженіемъ материнской и сыновней любви, а пріѣтствіемъ двухъ царственныхъ особъ.

— Я твоя мать, продолжала княгиня болѣе холоднымъ тономъ; — но ты не можешь меня любить.

— Я думалъ о васъ болѣе, чѣмъ о комъ-либо на свѣтѣ. отвѣчалъ Деронда съ нервной дрожью въ голосѣ.

— Ты меня воображалъ не такой, произнесла она, снимая руки съ его плечъ и скреживая ихъ на груди.

Она отступила шагъ назадъ и, не спуская съ него глазъ, какъ-бы приглашала разглядѣть ее съ головы до ногъ. Онъ часто рисовалъ въ своемъ воображеніи ея лицо, имѣвшее сходство съ нимъ; теперь предъ нимъ было дѣйствительно похожее на него лицо, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко отъ него разнившееся. Она была замѣчательной красоты, но въ ея поблекшихъ прелестяхъ было что-то странное, какъ-будто она была не обыкновенная мать, а Мелюзина, связанная таинственными узами съ другимъ сверхъестественнымъ міромъ.

— Я думалъ, что вы, можетъ быть, страдаете и желалъ быть вамъ утѣшеніемъ, сказалъ Деронда, боясь, главнымъ образомъ, какъ-нибудь невольно оскорбить свою мать.

— Я дѣйствительно страдаю, но ты не можешь облегчить моихъ страданій, отвѣчала княгиня рѣзкимъ тономъ и опустилась на диванъ, гдѣ были заранѣе приготовлены для нея подушки. — Сядь, прибавила она, указывая на стулъ, но, замѣтивъ безпокойство на лицѣ Деронды, сказала гораздо нѣжнѣе: — я теперь не страдаю. Я могу говорить.

Деронда съѣлъ и терпѣливо ждалъ, пока она возобновитъ свою рѣчь. Ему казалось, что онъ въ присутствіи не желанной давно матери, а своей таинственной судьбы. Она сразу его оттолкнула своею холодностью и теперь онъ уже смотрѣлъ на нее съ любопытствомъ и изумленіемъ, какъ на совершенно чужое для него существо.

— Я не послала за тобою для того, чтобъ ты меня утѣшала, начала она наконецъ; — я не могла знать, и теперь не знаю твоихъ чувствъ ко мнѣ. Я не воображала, чтобы ты могъ полюбить меня, только потому, что я твоя мать, хотя ты никогда въ жизни не видалъ меня и не слыхалъ обо мнѣ. Но я полагаю, что предоставила тебѣ лучшую судьбу, чѣмъ жизнь со мною. Я была увѣрена, что не лишала тебя ничего полезнаго или пріятнаго.

— Вы не можете меня увѣрить, чтобъ ваша любовь не была мнѣ пріятна и полезна, отвѣчалъ Деронда, полагая, что она, нарочно остановившись, ждала его отвѣта.

— Я нисколько не уменьшаю своего достоинства, сказала княгиня съ пламенной гордостью, — но я не могла дать тебѣ своей любви и сама не нуждалась въ твоей. Я хотѣла сама жить широкой жизнью, не стѣняя себя чужими привязанностями. Я тогда еще не была княгиней.

Она неожиданно встала и Деронда также поднялся съ мѣста, едва переводя дыханіе.

— Я не была тогда княгиней и не вела своей теперешней прозаичной жизни. Я была великой пѣвицей и не менѣе великой актрисой. Всѣ мои родственники были бѣдны, а я жила въ роскоши. Пламенные поклонники слѣдовали за мною изъ одной страны въ другую, и я, упиваясь славой, жила тысячьмя жизнями. Ребенокъ могъ быть мнѣ только помѣхою.

Въ ея словахъ звучало искреннее желаніе оправдать и предупредить упреки сына, который слушалъ ее съ тревожнымъ біеніемъ сердца, точно присутствовалъ при исполненіи страннаго, религіознаго обряда, придававшаго преступленію священный характеръ.

— Я не хотѣла выдти замужъ, но меня насильно принудили обвиняться съ твоимъ отцомъ; я говорю насильно, потому что отецъ мой желалъ и требовалъ этого, а для меня не было дру-

того пути къ свободѣ. Я могла повелѣвать своимъ мужемъ, но не отцомъ. Я имѣла право быть свободной и сбросить съ себя ненавистныя узы рабства.

Она снова съѣла, а Деронда продолжалъ стоять.

— Я хотѣла освободить и тебя отъ такого-же рабства, продолжала она гораздо нѣжнѣе;—но какая любящая мать не могла бы сдѣлать большаго для своего ребенка! Я избавила тебя отъ проклятiя быть евреемъ.

— Такъ я еврей! воскликнулъ Деронда, съ такой пламенной энергiей, что его мать откинулась съ испугомъ на спинку кресла;—мой отецъ былъ еврей и вы еврейка?

— Да, твой отецъ былъ моимъ двоюроднымъ братомъ, отвѣчала княгиня, пристально слѣдя за выраженiемъ Деронды и какъ-бы замѣчая въ немъ что-то для нея опасное.

— Я очень радъ! произнесъ Деронда съ жаромъ.

Онъ никогда не воображалъ, что наступитъ минута, когда онъ заявитъ нѣчто подобное, тѣмъ болѣе въ видѣ протеста противъ матери. Онъ чувствовалъ невольную злобу къ этой женщинѣ, которая, какъ-бы противъ воли, родила его, добровольно его бросила и теперь, быть можетъ, открыла ему свое существованiе, также противъ своей воли. Но и мать его была одинаково потрясена чувствомъ злобы. Глаза ея широко раскрылись и она мгновенно поблѣднѣла.

— Чему ты радуешься? Ты англійскiй джентльменъ. Я для тебя это устроила.

— Вы не знали какую готовили мнѣ судьбу! Какъ могли вы выбирать для меня новую родину, произнесъ Деронда, опускаясь въ кресло и отворачивая голову отъ матери.

Онъ чувствовалъ, что въ его сердцѣ кипѣла злоба, но старался всѣми силами сдержать себя, боясь сказать что-нибудь лишнее.

— Я выбрала тебѣ такую судьбу, какую-бы желала для себя. сказала она твердо послѣ нѣкотораго молчанiя.—Какъ могла я подозрѣвать, что въ тебѣ воскреснетъ духъ моего отца! Какъ могла я знать, что ты будешь любить то, что я ненавидѣла, если ты дѣйствительно радъ быть евреемъ.

Послѣднiя слова были произнесены съ такой горечью, что каждый постороннiй человѣкъ могъ-бы предположить, что мать и сынъ ненавидѣли другъ друга.

Однако, Деронда мало-по-малу совершенно овладѣлъ собою. Передъ нимъ была женщина, очевидно многое пережившая и пострадавшая. Объективная точка зрѣнія, съ которой онъ всегда смотрѣлъ на окружающихъ, помогла ему и въ этомъ случаѣ. Лицо его приняло спокойный видъ и онъ произнесъ серьезно:

— Простите меня за мою поспѣшность. Но почему вы теперь рѣшились открыть мнѣ то, что такъ долго старательно скрывали?

— Не легко объяснить каждое свое дѣйствіе, отвѣчала княгиня съ презрительной ироніей; — когда ты поживешь съ моею, то тебѣ не покажется простымъ вопросомъ: „отчего вы такъ поступили, а не иначе?“ Каждая женщина, повидимому, должна дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ другія, иначе ее признаютъ за чудовище. Но я не чудовище, хотя чувствую не всегда то-же самое, что чувствуютъ другія женщины. Я, на примѣръ, не ощущала къ тебѣ того чувства, которое питаютъ къ дѣтямъ матери. Я была рада избавиться отъ тебя. Но я поступила съ тобою хорошо и отдала тебѣ все состояніе отца. Я нисколько не отказываюсь отъ своихъ дѣйствій и не рисуюсь любовью, которую не чувствую. Но въ послѣдній годъ во мнѣ развилась смертельная болѣзнь и я долго не прожила. Если я поступила несправедливо къ памяти покойныхъ, то мнѣ остается не много времени для того, чтобы загладить свою вину и сдѣлать то, что я до сихъ поръ не исполнила.

Она говорила съ такимъ разнообразіемъ тоновъ, что ей позавидовала-бы самая знаменитая актриса. Она дѣйствительно въ эту минуту играла естественно, но совершенно искренно, такъ-какъ въ ея натурѣ всякое сильное ощущеніе принимало драматическую форму. Подобное явленіе встрѣчается не рѣдко, но игра княгини отличалась удивительнымъ совершенствомъ мимики, экспрессіи и голоса. Деронда не замѣтилъ всего этого, а обращалъ вниманіе только на ея слова. Хотя онъ жаждалъ узнать всѣ подробности той странной, умственной борьбы, которая сопровождала его появленіе на свѣтъ, онъ терпѣливо ждалъ, пока она сама нарушитъ наступившее молчаніе.

— Сэръ Гюго мнѣ много писалъ о тебѣ, продолжала она, наконецъ, снова пристально смотря на него. — Онъ говоритъ, что ты удивительно уменъ, все понимаешь и гораздо смысленнѣе его, хотя ему шестьдесятъ лѣтъ. Ты увѣряешь, что радъ своему еврей-

скому происхожденію. Но не думай, чтобъ я перемѣнила свое мнѣніе о еврейской расѣ. Твои чувства прямо противоположны моимъ. Ты не благодаришь меня за то, что я сдѣлала. Желаетъ ты понять дѣйствія твоей матери или будешь ихъ огульно порицать?

— Я всѣмъ сердцемъ желаю понять васъ, отвѣчалъ Деронда, — мысль объ осужденіи вашихъ дѣйствій прямо противорѣчитъ всѣмъ моимъ стремленіямъ. Я всегда старался понять людей, расходившихся со мною во мнѣніяхъ.

— Такъ ты не походишь на своего дѣда, продолжала княгиня, — хотя по внѣшности вылитый его портретъ. Онъ никогда меня не понималъ и думалъ только о томъ, какъ подчинить меня своей волѣ. Подъ опасеніемъ его проклятія, я должна была сдѣлаться „еврейкой“, чувствовать то, чего я не чувствовала и вѣрить тому, чему я не вѣрила. Мнѣ слѣдовало любить безконечныя молитвы въ уродливыхъ синагогахъ, исполнять всѣ обряды, какъ они глупы ни были, соблюдать скучныя посты и постоянно слушать непонятныя разглагольствованія отца о *нашемъ народѣ*. Мнѣ приказывали вѣчно думать о прошломъ величіи Израиля, а меня это нисколько не интересовало. Я любила свѣтъ и все, что онъ мнѣ сулилъ. Я ненавидѣла свою жизнь, благодаря строгостямъ отца и жаждала свободы. А! прибавила она съ ироническою горечью, — ты радъ, что родился евреемъ. Это потому, что ты не воспитанъ по-еврейски и не знаешь того, отъ чего я тебя спасла.

— Рѣшившись на это, вы намѣревались никогда не отерывать мнѣ тайны моего происхожденія, сказалъ Деронда съ жаромъ, — почему-же вы измѣнили свое намѣреніе?

— Да, я хотѣла, чтобы ты никогда не узналъ своего настоящаго происхожденія и я до сихъ поръ не измѣняла своей рѣшимости. Но обстоятельства измѣнились противъ моей воли. Я все та-же Леонора и въ моемъ сердцѣ все тѣ-же желанія, та-же воля, та-же рѣшимость; но, прибавила она, трагично сжимая губы и глухо, скороговоркой, произнося свои слова, — но обстоятельства сильнѣе меня. Мысли, чувства, видѣнія, являющіяся во мракѣ, такія-же обстоятельства, какъ и факты всенедневной жизни. Я подчиняюсь, но не добровольно; добровольно мы подчиняемся только любви. Я поддаюсь тираническому вліянію. Я страдаю, сохну и медленно умираю. Что-же дѣлать, я принуждена исполнить волю

моего умершаго отца, я принуждена сказать тебѣ, что ты еврей и передать тебѣ то, что онъ велѣлъ.

— Умоляю васъ, скажите мнѣ, что побудило васъ избрать артистическую карьеру, противъ которой, судя по вашимъ словамъ, возставалъ вашъ отецъ, сказалъ Деронда, стараясь ссылкой на прошедшее освободиться отъ печальнаго зрѣлища борьбы между страданіемъ и гордымъ, вызывающимъ всѣхъ на бой духомъ его матери, — хотя я на опытъ не могъ чувствовать ничего подобнаго, но могу себѣ представить всю тяжесть подобнаго положенія.

— Нѣтъ, отвѣчала княгиня, качая головой и скрещивая руки, — ты не женщина и никогда не въ состояніи вообразить въ какомъ положеніи находится женщина, чувствующая въ себѣ гений мужчины и обязанная нести узы рабства молодой дѣвушки. Мой отецъ говорилъ мнѣ: „ты должна быть еврейской женщиной; вотъ въ чемъ состоитъ этотъ типъ; вотъ, что ты должна дѣлать и думать; сердце твое должно имѣть такіе-то размѣры, а если оно больше, то его надо сжать, какъ китайцы сжимаютъ ноги; твое счастье должно быть достигнуто по рецепту“. Отецъ всегда сожалѣлъ, что я дочь, а не сынъ и дорожилъ мною только, какъ звеномъ, которое соединить его съ послѣдующими поколѣніями. Онъ всецѣло былъ преданъ еврейской идеѣ и ненавидѣлъ мысль, что христіанскій міръ смотритъ на евреекъ, какъ на глину, изъ которой валяютъ великихъ пѣвицъ и актрисъ. Но въ этомъ именно и заключается наша завидная доля и возможность избѣгнуть узъ рабства.

— Мой дѣдъ былъ ученый человѣкъ? спросилъ Деронда, желая узнать подробности, которыя онъ боялся, чтобъ мать не пропустила.

— Да, отвѣчала она, нетерпѣливо махая рукой, — онъ былъ умный, добрый человѣкъ и хорошій докторъ. Я не отрицаю его достоинствъ. Это былъ человѣкъ съ желѣзной волей, вродѣ старика Фоскари до сены прощенья. Но подобные люди возбуждаютъ восторгъ на сценѣ, а въ жизни тиранятъ женъ и дочерей. Они, если-бъ могли, повелѣвали-бы всѣмъ міромъ, но такъ-какъ это невозможно, то они сосредоточиваютъ всю силу своей воли на несчастныхъ подчиненныхъ имъ женщинахъ. Впрочемъ, судьба по временамъ ставитъ имъ преграды. Такъ и у моего отца была одна дочь, равная ему по силѣ характера.

Говоря это, она приняла величественную позу, словно вызывая на бой всякаго, кто вздумалъ-бы подчинить ее себѣ.

— Твой отецъ былъ совершенно иной человѣкъ, продолжала она, — онъ не походилъ на меня. Это было олицетвореніе доброты, нѣжности, любви. Я знала, что могу повелѣвать имъ и, прежде, чѣмъ выдти за него замужъ, взяла съ него слово не мѣшать мнѣ поступить на сцену. Отецъ уже находился на одрѣ смерти, когда мы обвѣнчались, но съ самаго начала онъ желалъ, чтобъ я была женою его племянника, Ефраима. Если воля женщины такъ-же сильна, какъ воля мужчины, старающагося ее подчинить, то все-же она должна прибѣгать къ хитрости. Я рѣшилась въ-концѣ-концовъ поставить на своемъ, но для этого, мнѣ надо было принять на себя маску повиновенія. Я боялась отца, но хотя ненавидѣла это чувство страха и жаждала открыто возстать противъ него, это было невозможно. Я не могла вообразить, чтобъ, вызвавъ на бой отца, я одержала побѣду, а рисковать пораженіемъ я никогда не умѣла.

Послѣднія слова она произнесла съ трагическимъ пафосомъ и умоляла, точно длинный рядъ воспоминаній пересѣкъ ея рѣчь. Деронда слушалъ ее, едва переводя дыханіе; въ сердцѣ его происходила сложная борьба самыхъ разнообразныхъ чувствъ: въ первую минуту холодность матери оттолкнула его, а ея слова возбудили въ немъ негодованіе; но мало-по-малу онъ сталъ смотрѣть на нее съ сочувствіемъ, состраданіемъ и уваженіемъ къ необыкновенной силѣ ея характера, которая возбудила-бы въ немъ всякая посторонняя женщина, прибѣгающая къ его помощи. Однако, онъ все-же не могъ оставаться хладнокровнымъ слушателемъ и боялся, чтобы она не сказала чего-нибудь еще болѣе ему ненавистнаго; онъ готовъ былъ воскликнуть: „разсказывайте только то, что крайне необходимо“; но его сдерживало чарующее вліяніе, которое она сразу взяла надъ нимъ. Онъ молча смотрѣлъ на нее и слушалъ. Когда-же она замолчала, то онъ, желая навести ее на интересовавшія его подробности дѣтства, спросилъ:

— А гдѣ жилъ дѣдъ?

— Здѣсь, въ Генуѣ; тутъ я вышла и замужъ. Его семейство искони обитало въ этомъ городѣ, но онъ путешествовалъ по различнымъ странамъ.

— Вы, конечно, бывали въ Англіи?

— Моя мать англичанка, т.-е. еврейка португальскаго происхождения. Отец женился на ней въ Англии. Эта женитьба помѣшала осуществленію его плановъ и нѣкоторыя, связанныя съ нею обстоятельства, имѣли рѣшительное вліяніе на мою судьбу. Сестра матери была пѣвица; выйдя потомъ замужъ за англійскаго купца, компаніона одной генуэзской фирмы, она переселилась сюда. Я лишилась матери восьми лѣтъ, и отецъ позволилъ мнѣ быть постоянно у тетки Леоноры, которая учила меня пѣнію и онъ этому не противился: онъ не опасался, что я захочу сдѣлаться актрисой, какъ она. Онъ всегда такъ поступалъ, вполнѣ увѣренный, что ему не надо принимать предосторожностей, такъ-какъ онъ въ силахъ помѣшать тому, что ему не нравилось. Прежде, чѣмъ тетка уѣхала изъ Генуи, во мнѣ уже проснулись инстинкты пѣвицы и актрисы; отецъ это зналъ, но онъ рѣшилъ, что я выйду замужъ за моего двоюроднаго брата, единственнаго представителя его семейства. Я сначала противилась этому и составляла различные планы, чтобъ обойти волю отца; но, наконецъ, убѣдившись, что я буду въ состояніи повелѣвать мужемъ—я согласилась. Отецъ умеръ черезъ три недѣли послѣ моей свадьбы и тогда я поставила на своемъ.

При этомъ лицо ея приняло торжествующее, восторженное выраженіе, но черезъ минуту она прибавила съ горькой улыбкой:

— Но мнѣ не суждено было повелѣвать всегда. Теперь снова исполняется воля отца. Ты похожъ на него, но ты мягче, продолжала она, послѣ нѣкотораго молчанія, — въ тебѣ есть что-то и твоего отца. Онъ всю свою жизнь посвятилъ мнѣ, бросилъ свои банкирскія дѣла, измѣнилъ свои убѣжденія и служилъ мнѣ, какъ рабъ. Какъ я любила свое искусство, такъ онъ любилъ меня. Дай мнѣ свою руку. Этотъ перстень твоего отца.

Деронда пододвинулъ свое кресло и протянулъ руку, которая очень походила на ея миниатюрную ручку. Чувствуя прикосновеніе ея руки, видя передъ собою черты лица, столь схожія съ его чертами, онъ невольно почувствовалъ, что жажда преданной любви беретъ верхъ надъ всѣмъ въ его сердцѣ и онъ съ жаромъ воскликнулъ:

— Матушка! соедините насъ всѣхъ живыхъ и мертвыхъ въ вашемъ сердцѣ. Простите тѣмъ, которые заставляли васъ страдать въ прошедшемъ и не отвергайте моей любви.

Она взглянула на него скорѣе съ восторгомъ, чѣмъ съ нѣжной привязанностью, поцѣловала его въ лобъ и сказала грустно:

— Я не отвергаю твоей любви, но сама не могу любить!

Она выпустила его руку и откинулась на спинку дивана. Деронда поблѣднѣлъ отъ мучительнаго сознанія, что его любовь была презрительно отвергнута. Она это замѣтила и продолжала тѣмъ-же мелодичнымъ, грустнымъ тономъ:

— Повѣрь, что такъ лучше. Мы должны снова разстаться и ты ничѣмъ мнѣ не обязанъ. Я не хотѣла, чтобъ ты родился и разсталась съ тобою добровольно. Послѣ смерти твоего отца, я рѣшилась не связывать себя никакими узами, которыхъ я сама не могла-бы расторгнуть во всякое время. Я — знаменитая Алькариси, о которой ты, конечно, слыхалъ. Мое имя пользовалось вездѣ магической славой и всѣ мужчины поклонялись мнѣ. Сэръ Гюго Малинджеръ былъ одинъ изъ многихъ, предлагавшихъ мнѣ руку и сердце. Онъ былъ влюбленъ въ меня до безумія. Я однажды спросила его: „есть-ли на свѣтѣ человѣкъ, готовый изъ любви ко мнѣ исполнить мое желаніе, не ожидая никакой награды?“ Онъ отвѣчалъ: „чего вы желаете?“ Я сказала: „возьмите моего ребенка, воспитайте его, какъ англичанина и никогда не говорите ему объ его родителяхъ“. Тебѣ тогда было два года и ты сидѣлъ у него на колѣняхъ. Онъ отвѣчалъ, что готовъ былъ-бы заплатить деньги за такого прелестнаго ребенка. Но сначала онъ принялъ мои слова за шутку, а когда я убѣдила его въ ихъ искренности, то онъ согласился со мною, что подобная судьба была-бы для тебя наибольшимъ счастьемъ. Великая пѣвица и актриса, безъ сомнѣнія, царица, но она не передастъ своему сыну царственной порфиры. Все это происходило въ Неаполѣ и хотя мой планъ неожиданно возникъ въ моей головѣ, но я не могла успокоиться пока онъ не осуществился. Впослѣдствіи я назначила сэра Гюго опекуномъ надъ твоимъ состояніемъ. Сдѣлавъ это, я почувствовала себя счастливой, я торжествовала. Мой отецъ тиранилъ меня потому, что онъ считалъ меня за ничто, а заботился только о своемъ будущемъ внугѣ. Ты долженъ былъ оставаться такимъ-же евреемъ, какъ онъ, ты долженъ былъ исполнить его задушевную идею. Но ты былъ мой сынъ и пришла моя очередь исполнить мою волю. Я не хотѣла, чтобъ ты былъ еврей.

— Обстоятельства послѣднихъ мѣсяцевъ заставили меня съ

радостью узнать, что я еврей, произнесъ Деронда, чувствуя, что въ немъ снова пробудилось негодование противъ матери, — лучше было-бы, если-бы я съ самаго начала зналъ правду. Я всегда возставалъ противъ тайны, имѣющей постоянно характеръ позора. Не стыдно быть евреемъ, но стыдно отрекаться отъ своихъ родителей.

— Такъ мнѣ стыдно было скрывать отъ тебя твое происхождение! воскликнула княгиня, гнѣвно сверкая глазами, — нѣтъ, мнѣ нечего стыдиться. Я освободила себя отъ еврейскаго клейма, заставляющаго всѣхъ отворачиваться отъ насъ, какъ отъ прокаженныхъ. Я избавила тебя отъ позорнаго подчиненія всѣмъ нелѣпостямъ еврейскаго сепаратизма. Я нисколько этого не стыжусь. Я обезпечила твое счастье.

— Такъ зачѣмъ-же вы теперь нарушили тайну, зачѣмъ уничтожили то, что сами сдѣлали, хотя послѣдствія вашего поступка неизгладимы? Зачѣмъ вы вызвали меня и объявили, что я еврей?

Въ голосѣ Деронды звучало еврейское упорство, какъ-бы сохранившееся въ его натурѣ помимо воли матери.

— Зачѣмъ? Зачѣмъ? воскликнула княгиня, быстро вставая.

Пройдя по комнатѣ съ нервной послѣшностью, она остановилась передъ нимъ и продолжала глухимъ голосомъ:

— Я не могу этого объяснить. Я теперь такъ-же мало люблю религію отца, какъ и прежде. До моего второго замужества, я приняла христіанство, чтобы быть равной съ тѣми, среди которыхъ мнѣ приходилось жить. Я имѣла полное на это право; я не животное, обязанное пасть со своимъ стадомъ. Я никогда въ этомъ не раскаявалась и теперь не раскаяваюсь; но, прибавила она, еще ближе подходя къ нему и въ то-же мгновеніе отступая назадъ, какъ-бы рѣшившись не поддаваться какому-то невѣдомому страху, овладѣвавшему ею, — вѣроятно, по причинѣ моей болѣзни, вотъ уже годъ, какъ мои мысли постоянно переносятся въ прошедшее. Я вдругъ опустилась, вдругъ посѣдѣла. Нестерпимыя страданія уничтожили мои силы; вѣроятно, сегодня ночью будетъ такой-же припадокъ, во время котораго все исчезаетъ: мысли, воля, жизнь, избранная мною и жгучая мука приковываетъ меня къ прошедшему. Мое дѣтство, молодость, день первой свадьбы, смерть отца — вотъ все, что я вижу передъ собою. Невѣдомый страхъ овладѣваетъ мною. Я начинаю думать, что меня держитъ въ когтяхъ то, что отецъ при-

знавалъ истиной. Вотъ поэтому я и рѣшилась прежде, чѣмъ сойти въ могилу, удовлетворить его желаніе. Быть можетъ, тогда мнѣ будетъ легче. Я благодарю Бога, что не сожгла того, что онъ мнѣ вручилъ и могу передать тебѣ по его назначенію.

Она снова опустилась на подушки, видимо изнемогая. Деронда, при видѣ ея страданій, забывъ обо всемъ и, приблизившись къ ней, сказалъ съ чувствомъ:

— Поберегите себя. Не отложить-ли намъ этотъ разговоръ до завтра.

— Нѣтъ, отвѣчала она рѣшительно, — я окончу свою исповѣдь, начавъ ее однажды. Бываютъ минуты, когда всѣ эти мрачныя грезы исчезаютъ и я чувствую себя совершенно хорошо, но онъ снова возвращаются. Я по своей натурѣ говорю себѣ, что буду сопротивляться и дѣйствительно сопротивляюсь, пока хватаетъ силъ. Но по временамъ даже въ свѣтлыя минуты какія-то мрачныя видѣнія витаютъ вокругъ меня и невѣдомая сила гнететъ меня. Теперь ты еще удвоилъ мои страданія, сказавъ, что ты радъ быть евреемъ, прибавила она съ горькой улыбкой. — Но я тебѣ скажу все. Іосифъ Калонимъ упрекалъ меня въ томъ, что я сдѣлала тебя гордымъ англичаниномъ, отворачивающимся съ презрѣніемъ отъ евреевъ. Какъ-бы я желала, чтобъ это была правда!

— Кто этотъ Іосифъ Калонимъ? спросилъ Деронда, вспомнивъ о старомъ еврейѣ, взявшимъ его за руку во франкфуртской синагогѣ.

— Злой рокъ привелъ его съ востока и натолкнулъ его на тебя. Онъ былъ другомъ твоего отца. Онъ зналъ о твоёмъ рожденіи и о смерти твоего отца; двадцать лѣтъ тому назадъ онъ вернулся изъ Малой Азіи и, явившись ко мнѣ, спросилъ гдѣ ты. Я отвѣчала, что ты умеръ. Если-бъ я этого не сказала, онъ принялъ-бы на себя роль твоего отца и помѣшалъ-бы мнѣ сдѣлать тебя англичаниномъ. Я должна была скрыть отъ него правду, потому что иначе онъ поднялъ-бы скандальную исторію и совершенно бесполезно, такъ-какъ не ему побороть меня. Я была тогда въ полномъ цвѣтѣ силъ и славы; я во всякомъ случаѣ одержала-бы побѣду, какая-бы жаркая ни была борьба, а потому нашла лучшимъ прибѣгнуть къ хитрости, желая избавить себя отъ непріятностей. Онъ мнѣ повѣрилъ и просилъ передать ему шва-

тулку, которую мой отецъ вручилъ мнѣ и моему мужу для передачи старшему внуку. Я знала, что въ этой шкатулкѣ хранился его завѣтъ, столь часто раздававшійся въ моихъ ушахъ и такъ ужасно стѣснявшій мою юную жизнь. Послѣ смерти мужа, я хотѣла сжечь эту шкатулку, но какъ-то стыдно жечь семейныя бумаги, данныя на сохраненіе, а я никогда въ жизни ничего не дѣлала, за что могла-бы краснѣть. Поэтому я сохранила шкатулку и передала ее Іосифу Калониму. Онъ ушелъ печальный, мрачный, говоря: „если вы выйдете снова замужъ и дадите внука покойнику, то я передамъ ему шкатулку“. Я молча кивнула головой. Я тогда не думала, что выйду вторично замужъ и стану когда-нибудь такой развалиной, какъ теперь.

Она умолкла, поникла головой и мысли ея унеслись далеко въ прошедшее.

— Но нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Калонимъ увидѣлъ тебя во франкфуртской синагогѣ, продолжала она, наконецъ, печальнымъ тономъ, — онъ прослѣдилъ тебя до отеля, въ которомъ ты остановился и узналъ тамъ твою фамилію. Никому на свѣтѣ, кромя Калонима, эта фамилія не могла напомнить обо мнѣ.

— Такъ мое имя не настоящее? спросилъ Деронда съ неудовольствіемъ.

— Такое-же настоящее, какъ всякое другое, отвѣчала княгиня равнодушно, — евреи всегда перемѣняли свои фамиліи. Семейство моего отца называлось Каризи и мужъ мой былъ также Каризи. Когда я сдѣлалась пѣвицей, то мы измѣнили это имя въ Алькаризи. Но была одна вѣтвь нашего семейства, носившая фамилію Деронда; когда сэръ Гюго посовѣтовалъ мнѣ дать тебѣ иностранную фамилію, я вспомнила о Дерондѣ и назвала тебя Дерондой. Іосифъ Калонимъ слышалъ отъ моего отца о родственникахъ этого имени и потому вознижалъ тотчасъ подозрѣніе. Онъ розыскалъ меня въ Россіи, когда я уже была слаба и силы мои исчезли. Онъ сталъ гнѣвно упрекать меня за неисполненіе завѣта отца, за лишеніе сына его наслѣдія. Онъ обвинялъ меня въ томъ, что я скрыла отъ тебя твое происхожденіе и дала тебѣ воспитаніе англійскаго джентльмена. Двадцать лѣтъ тому назадъ, я доказала-бы ему, что я имѣла на это право, но теперь я ничего не могу доказать. Въ моемъ сердцѣ нѣтъ никакой твердой вѣры. Быть можетъ, отецъ былъ правъ и Богъ на его сторонѣ. Среди

моихъ физическихъ страданій слова Калонима жгли меня, а угрозы отца усиливали муки. Я сказала тогда себѣ, — если я все скажу сыну и отдамъ ему шкатулку, то имъ нечего болѣе требовать отъ меня. Я не могу любить народъ, котораго я никогда не любила; довольно ужъ того, что я лишилась той жизни, которую я только и любила на свѣтѣ!

Послѣднія слова она произнесла съ едва сдержаннымъ воплемъ и протянула руки, какъ-бы съ мольбою. Сердце Деронды надрывалось отъ состраданія. Онъ забылъ, что она уже однажды оттолкнула его отъ себя и, вставъ на колѣни, онъ взялъ ея руку и сказалъ нѣжно:

— Матушка, позвольте мнѣ васъ утѣшить.

Теперь она не оттолкнула его, а сосредоточила на немъ свой пламенный взглядъ. Въ глазахъ ея блеснули слезы, но она мгновенно ихъ отерла и прильнула щекой къ его горячему лбу.

— Развѣ я не могу жить съ вами и постараться утѣшить васъ? спросилъ Деронда подъ вліяніемъ чувства состраданія, для котораго нѣтъ невозможной жертвы.

— Нѣтъ, это невозможно, отвѣчала она, поднимая голову и освобождая свою руку изъ его руки, — у меня мужъ и пятеро дѣтей. Никто изъ нихъ не знаетъ о моемъ существованіи.

Деронда ничего не отвѣчалъ и, вставъ, грустно отошелъ къ окну.

— Ты удивляешься, зачѣмъ я вышла замужъ, продолжала княгиня, — дѣйствительно я никогда не намѣревалась вступить въ новый бракъ. Я хотѣла всегда оставаться свободной и жить только для своего искусства. Разставшись съ тобою, я уже не знала никакихъ узъ. Впродолженіе девяти лѣтъ я царила безгранично и была счастлива. Но вдругъ я начала брать фальшивыя ноты. На меня нашло какое-то забытье. Я старалась сначала это скрыть, но друзья меня предупредили. Другая пѣвица старалась занять мое мѣсто. Я не могла вынести мысли объ упадкѣ своей славы. Это было слишкомъ страшно и я рѣшилась выдти замужъ. Я увѣрила всѣхъ, что предпочитаю сдѣлаться женою русскаго аристократа, чѣмъ остаться первой пѣвицей въ свѣтѣ. Мнѣ повѣрили и никто не догадался, что я вышла замужъ съ отчаянія, не желая дожить до той минуты, когда меня прогонять со сцены. Но я горько раскаялась въ этой минутной вспышкѣ. Фальшивыя но-

ты были только послѣдствіемъ временной усталости. Я отдохнула и голосъ вернулся во всемъ своемъ блескѣ. Но было уже поздно.

Она умолила и страшная блѣдность покрыла ея лицо, но Деронда не предложилъ снова отложить до завтра конецъ разговора, такъ-какъ онъ понималъ, что эта исповѣдь приносить ей нравственное облегченіе. Молчаніе длилось долго. Наконецъ она промолвила.

— Я больше не могу говорить.

Она протянула ему руку, но тотчасъ ее отдернула, говоря:

— Подожди, я не знаю увидимся-ли мы еще. Я терпѣть не могу показывать другимъ свои страданія. Вотъ письмо Иосифа Калонима, прибавила она, вынимая конвертъ изъ бумажника, — на имя банкирскаго дома въ Майнцѣ, гдѣ хранится шкатулка твоего дѣда. Если ты не найдешь тамъ самого Калонима, то тебѣ передадутъ шкатулку по этому письму.

Деронда взялъ конвертъ и она съ усиліемъ, но гораздо нѣжнѣе прежняго проговорила:

— Встань на колѣни и дай мнѣ поцѣловать тебя.

Онъ повиновался. Она взяла его голову обѣими руками и торжественно поцѣловала въ лобъ.

— Ты видишь, что у меня не осталось силъ любить тебя, произнесла она шепотомъ,—но ты будешь счастливъ и безъ меня. Я сохранила тебѣ все состояніе твоего отца. Сэръ Гюго оставилъ его въ резервъ. По крайней мѣрѣ, меня не упрекнутъ въ томъ, что я тебя обокрала.

— Я съ большой радостью сталъ-бы работать для васъ, сказалъ Деронда, чувствуя, что всѣ его розовыя мечты исчезли навѣки.

— Мнѣ ничего не нужно, отвѣчала княгиня, впиваясь глазами въ его лицо,—но, быть можетъ, теперь, когда я исполнила волю моего отца, мнѣ будетъ вѣчно мерещиться не его грозное лицо, а твои юныя, любящія черты.

— Но я васъ еще увижу? спросилъ Деронда съ безпокойствомъ.

— Да, вѣроятно. Подожди, не уѣзжай. А теперь оставь меня.

ГЛАВА LII.

На слѣдующее утро Деронда получилъ отъ матери только извѣстіе черезъ слугу, что она нездорова и не можетъ его принять. Черезъ два дня ему вручили записку такого содержанія:

„Я уѣзжаю сегодня, приходи тотчасъ“.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова былъ въ той-же комнатѣ, какъ въ первое свое посѣщеніе; только въ ней царствовалъ полумракъ отъ спущенныхъ сторъ и занавѣсей. Княгини не было въ комнатѣ, но она вскорѣ вошла въ дверь; на ней былъ широкій темный шелковый капотъ, съ головы по-прежнему опускались волни кружевъ и руки виднѣлись изъ-подъ широкихъ рукавовъ обнаженными до локтей. Въ полумракѣ ея лицо казалось еще паразителнѣе, глаза больше, очертанія энергичнѣе. Ее легко было принять за чародѣйку, которая приготовляла снадобья возвращающія юность старикамъ, но съ презрѣніемъ отворачивалась отъ нихъ сама, достаточно поживъ въ юности.

Она положила обѣ свои руки на плечи сына, поцѣловала его и величественно опустила на диванъ, приглашая Деронду сѣсть рядомъ.

— Вы совершенно оправились? спросилъ онъ, повинувъ ея жесту.

— Да, мнѣ теперь лучше. Хочешь ты спросить у меня что-нибудь о прошедшемъ? произнесла она, скорѣе тономъ царицы, чѣмъ матери.

— Могу я найти въ Генуѣ домъ, гдѣ вы жили вмѣстѣ съ моимъ дѣдомъ? спросилъ Деронда.

— Нѣтъ, отвѣчала она, нетерпѣливо махнувъ рукою, — онъ сломанъ. Но о нашемъ семействѣ и о странствіяхъ по свѣту отца, ты найдешь всѣ подробности въ бумагахъ, находящихся въ шкапулѣ. Мой отецъ, какъ я уже сказала, былъ докторъ, и мать принадлежала къ семейству Мортера. Я родилась въ этой средѣ не по своей волѣ и, какъ только была въ состояніи, покинула ее на вѣки.

Деронда старался скрыть непріятное впечатлѣніе, произведенное на него этими словами и поспѣшно сказалъ:

— Я желаю слышать отъ васъ только то, что вы сами сочтете нужнымъ мнѣ сказать.

— Я полагаю, что передала тебѣ уже все, что только можно отъ меня требовать, отвѣчала княгиня холоднымъ, задумчивымъ тономъ.

Повидимому, она въ прошлое свиданіе съ сыномъ израсходовала весь запасъ своихъ чувствъ. Дѣйствительно, она сказала себѣ: „я во всемъ призналась: нечего повторять по нѣсколько разъ одно и то-же, лучше предохранить себя отъ излишняго волненія“. Согласно этому она и дѣйствовала.

Но для Деронды настоящая минута была очень тяжела; материнской любви, которой онъ такъ жаждалъ, ему все-таки не привелось испытать. Чисто женское чувство, котораго недоставало княгинѣ, громко сказалось въ немъ и онъ проговорилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Неужели мы должны разстаться и я никогда не буду вашимъ настоящимъ сыномъ?

— Такъ лучше, отвѣчала она болѣе нѣжнымъ тономъ;—если-бъ и было возможно тебѣ занять мѣсто моего сына, ты только принялъ-бы на себя тяжелыя обязанности. Ты не можешь меня любить. Не отрицай этого, прибавила она, махнувъ рукой;— я знаю, что ты сердиться на меня за то, что я сдѣлала. Ты стоишь за своего дѣда и будешь всегда противъ меня.

Деронда ничего не отвѣчалъ, но, поднявшись съ мѣста, всталъ подлѣ матери и ждалъ, что она скажетъ далѣе.

— Но ты ошибаешься, произнесла она, смотря на него съ восхищеніемъ;— все, что я сдѣлала, послужило только къ твоему благу. А что ты намѣренъ теперь дѣлать? прибавила она неожиданно.

— Вы говорите о настоящемъ или будущемъ? спросилъ Деронда.

— Конечно, о будущемъ. Какую переиѣну въ твоей жизни сдѣлаетъ мое признаніе, что ты рожденъ евреемъ?

— Громадную переиѣну, отвѣчалъ Деронда торжественно;— большей, кажется, и придумать нельзя.

— Что-же ты намѣренъ сдѣлать съ собою? спросила княгиня довольно рѣзко;—ты послѣдуешь примѣру твоего дѣда и станешь такимъ-же евреемъ, какъ онъ?

— Это невозможно. Я не могу отрѣшиться отъ моего воспи-

танія; христіанскія чувства, съ которыми я взросъ, не могутъ во мнѣ умереть, произнесъ Деронда твердымъ тономъ, — но я считаю своимъ долгомъ на-сколько возможно слиться во-едино съ своимъ народомъ и я всею душою готовъ служить ему.

Княгиня нѣсколько минутъ смотрѣла молча на него, стараясь прочитать на его лицѣ затаенные помыслы его души. Онъ выдержалъ этотъ взглядъ очень твердо, но она наконецъ нагнулась къ нему и сказала рѣшительно:

— Ты влюбленъ въ еврейку?

— Еслибъ это и было въ дѣйствительности, то такая случайность не могла-бы руководить моимъ рѣшеніемъ работать на пользу евреевъ, отвѣчалъ Деронда, покраснѣвъ.

— Я знаю лучше тебя, что такое любовь мужчины, произнесла рѣзко княгиня. — Скажи мнѣ всю правду. Она еврейка и выйдетъ замужъ только за еврея. Говорять, что есть такія женщины, прибавила она съ презрительной улыбкой.

Деронда молчалъ.

— Ты любишь ее такъ-же, какъ твой отецъ любилъ меня; она тянетъ тебя за собою, какъ я тянула его. Но я вела его въ другую сторону. Въ твоёмъ лицѣ мнѣ иститъ отецъ.

— Матушка, отвѣчалъ Деронда, — не будемъ смотрѣть на совершившееся съ этой точки зрѣнія. Я согласенъ, что воспитаніе, которое вы мнѣ дали, будетъ для меня полезно. Я готовъ скорѣе съ благодарностью цѣнить полученное благо, чѣмъ упрекать васъ за сдѣланный мнѣ вредъ. Вы теперь возвратили мнѣ мое наслѣдіе и избавились отъ нареканія за лишеніе меня моихъ обязанностей, а мой народъ—услугъ, которыя я, можетъ быть, въ состояніи ему оказать. Отчего-же вы не можете искренно помириться съ этимъ?

Деронда остановился на мгновеніе; мать смотрѣла на него пристально и хотя его мелодичный голосъ пріятно раздавался въ ея ушахъ, но она качала головой, не соглашаясь съ его словами.

— Вы сказали, что стремились только къ тому, что считали моимъ благомъ; откройте-же ваше сердце для любви къ моему дѣду, который также жаждалъ только блага для васъ.

— Нѣтъ, онъ никогда не думалъ обо мнѣ, отвѣчала она, еще рѣшительнѣе, качая головой:—я въ его глазахъ была только орудіемъ для достиженія извѣстной цѣли, а такъ-какъ я не призна-

вала этой цѣли, то онъ меня и подвергалъ мучительной пыткѣ. Если мои дѣйствія были дурны, если Богъ повелѣваетъ мнѣ уничтожить все, что я сдѣлала, и караетъ меня за то, что я обманула отца, то я подчинилась и высказала тебѣ все. Большаго я не могу ничего сдѣлать. Твоя душа возрадовалась, что ты еврей. Чего-же больше! Въ концѣ-концовъ, я оказалась орудіемъ, къ достиженію цѣлей отца, какъ онъ и желалъ? „Я желаю имѣть внука съ истинно-еврейскимъ сердцемъ, говорилъ онъ.—Каждый еврей долженъ такъ воспитывать своихъ дѣтей, какъ будто онъ надѣется, что изъ среды ихъ выйдетъ Мессія“.

Говоря это, княгиня прищурила глаза, закинула назадъ голову и произносила медленно каждое слово глухимъ голосомъ.

— Это подлинныя выраженія дѣда? спросилъ Деронда.

— Да, и ты много найдешь подобнаго въ шкатулкѣ, отвѣчала она съ жаромъ—Ты хочешь, чтобы я любила то, что я ненавижу съ дѣтства: это невозможно. Но мое противодѣйствіе ничего не значило; онъ держалъ меня подъ своимъ игомъ противъ моей воли, а ты именно такой внукъ, какового онъ желалъ.

Ея рѣзкій, презрительный тонъ, непріятно дѣйствовалъ на Деронду и только вспоминая, что она его мать, онъ удержался отъ жестокаго возраженія.

— Матушка, сказалъ онъ, тономъ мольбы,—не говорите такъ. Я нахожусь въ самомъ затруднительномъ положеніи и не вижу другого пути, чтобъ выйти изъ окружающаго меня мрака, какъ придерживаться правды, а не скрывать отъ себя фактовъ, которые влекутъ за собою новыя обязанности; подобные факты, рано или поздно, открываются, несмотря на всѣ усилія скрыть ихъ. То, что подготовлено цѣлыми поколѣніями, должно восторжествовать надъ эгоистичнымъ планомъ одного человѣка. Ваша воля была сильна, но завѣтъ моего дѣда, который вы приняли и не исполнили, оказался могущественнѣе. Вы отреклись отъ меня, вы и теперь не хотите признать меня своимъ сыномъ, но судьбѣ было угодно, что-бы я все-же сдѣлался тѣмъ внукомъ, котораго желалъ дѣдъ.

Княгиня смотрѣла на него съ восхищеніемъ пока онъ говорилъ, и, послѣ непродолжительнаго молчанія, сказала повелительнымъ тономъ:

— Сядь.

Онъ повиновался и она продолжала, положивъ ему руку на плечо:

— Ты упрекаешь меня за то, что я сдѣлала въ прошедшемъ, и сердисься на то, что я расстаюсь теперь съ тобою. Живя со мною, ты не могъ-бы служить мнѣ утѣшеніемъ, а только мучилъ-бы себя. Твоя мать отжила свой вѣкъ. Для меня жизнь болѣе не существуетъ. Ты упрекаешь меня за то, что я рассталась съ тобою. Но я была тогда счастлива въ жизни и безъ тебя. Теперь ты вернулся ко мнѣ, но я не могу доставить тебѣ счастья. Неужели въ тебѣ живетъ непреклонный духъ еврея? Неужели ты не можешь простить меня? Неужели ты будешь радоваться, что судьба меня наказала за мой отказъ быть для тебя настоящей еврейской матерью?

— Какъ вы можете это говорить! воскликнулъ Деронда съ жаромъ; — вѣдь я просилъ, чтобъ вы позволили мнѣ быть открыто вашимъ сыномъ. Но вы, къ несчастью, отвѣчали, что я не могу быть для васъ утѣшеніемъ. Я многими пожертвовалъ-бы, чтобъ избавить васъ хоть отъ минутнаго страданія.

— Ты ничѣмъ не пожертвуешь для меня, сказала его мать съ замѣтнымъ волненіемъ. — Ты будешь счастливъ. Я не сдѣлала тебѣ никакого вреда и тебѣ нѣтъ причины меня проклинать. Ты будешь думать обо мнѣ, какъ объ умершей, и будешь желать, чтобъ я поскорѣе освободилась отъ всякихъ страданій. А я буду видѣть твое лицо передъ собою въ мои мрачныя минуты, вмѣсто строгаго образа моего отца. Неужели ему хуже на томъ свѣтѣ потому, что въ продолженіи одиннадцати лѣтъ никто не произносилъ по немъ несчастнаго *кадиша*? Если ты думаешь, что *кадишъ* принесетъ мнѣ пользу, произноси его послѣ моей смерти. Ты будешь звеномъ, соединяющимъ меня съ твоимъ дѣдомъ. Вспомни-наю обо мнѣ, ты будешь всегда казаться мнѣ, какъ въ эту минуту, добрымъ, нѣжнымъ сыномъ, точно я была доброй, нѣжной матерью.

Она, повидимому, рѣшилась не поддаваться сердечному волненію, но Деронда чувствовалъ, что рука ея дрожала на его плечѣ. Глубокое состраданіе не дозволило ему промолвить ни слова; онъ, молча обвивъ рукою ея станъ, прижалъ ея голову къ своей груди. Черезъ нѣсколько минутъ она нѣжно освободилась изъ его объятій, глубоко вздохнула и встала съ дивана. Деронда

послѣдовалъ ея примѣру, боясь, что наступила минута разставанія. Но въ умѣ ея вдругъ блеснула какая-то новая мысль.

— Она хороша собою? спросила вдругъ княгиня.

— Кто? произнесъ Деронда, поблѣднѣвъ.

— Женщина, которую ты любишь?

— Да, принужденъ былъ отвѣтить Деронда.

— Не самолюбива?

— Нѣтъ, не думаю.

— Она не похожа на это? спросила княгиня, подавая сыну миниатюрный портретъ, усыпанный драгоцѣнными каменьями.

Деронда взглянулъ съ грустнымъ восхищеніемъ на портретъ: это была его мать во всемъ блескѣ ея юной красоты.

— Не правда-ли, я имѣла законное право не довольствоваться скромной долей дочери и матери? продолжала она. — Мой голосъ и драматическій геній вполнѣ соответствовали этому лицу. Не правда-ли, что я имѣла право сдѣлаться артисткой, помимо воли отца? Моя натура побуждала меня къ этому.

— Я долженъ это признать, отвѣчалъ Деронда, смотря то на портретъ, то на оригиналъ, въ глазахъ котораго сверкала такой огонь, какого ни одинъ живописецъ не можетъ изобразить.

— Возьми этотъ портретъ, сказала княгиня нѣжно; — если она добрая женщина, то пусть иногда думаетъ обо мнѣ.

— Благодарю васъ отъ всей души за портретъ, произнесъ Деронда, — но я не увѣренъ, отвѣчаетъ-ли она на мою любовь тѣмъ-же. Я никогда еще не высказалъ ей своихъ чувствъ.

— Кто она такая? спросила княгиня повелительнымъ тономъ.

— Ее готовили съ дѣтства въ пѣвицы, отвѣчалъ неохотно Деронда, — отецъ увезъ ее отъ матери ребенкомъ и жизнь ея была самая несчастная. Она очень молода; ей нѣтъ еще двадцати лѣтъ. Отецъ старался развить въ ней презрѣніе къ еврейской вѣрѣ и ея народу, но она упорно сохранила любовь къ матери и своимъ соплеменникамъ.

— А, такъ она походитъ на тебя! Она предана еврейству, вовсе его не зная. Это поэтично только на сценѣ, а не въ жизни. Нравится-ли ей жизнь артистки? Она хорошая пѣвица?

— Она поетъ прелестно, но ея голосъ недовольно великъ для

сены. Что-же касается привязанности къ артистической профессіи, то, кажется, она ей опротивѣла.

— Значить, она тебѣ пара. Сэръ Гюго мнѣ говорилъ, что ты ни за что не хотѣлъ сдѣлаться актеромъ, и я вижу, что ты никогда не согласился-бы, подобно твоему отцу, совершенно ступе-ваться передъ своей женой.

— Но я повторяю, сказалъ Деронда съ жаромъ,—что я не увѣренъ въ ея любви и въ возможности нашего брака. Можетъ быть, мнѣ предстоитъ грустная жизнь. Я всегда думалъ, что надо приучать себя къ мысли, что счастье невозможно. Будетъ-ли оно или нѣтъ нашимъ удѣломъ, лучше быть готовымъ обойтись безъ него.

— Ты это чувствуешь? произнесла его мать, пристально смотря на него и медленно, задумчиво произнося каждое слово. — Бѣдный мальчикъ... Если-бъ я оставила тебя при себѣ... сталъ-ли-бы ты придерживаться старины... возникъ-ли-бы въ тебѣ духъ дѣда... и ссорились-ли-бы мы съ тобою?

— Я думаю, что моя любовь превозмогла-бы всѣ мелкія сооры и послужила-бы вамъ утѣшеніемъ, замѣтилъ Деронда, становясь все грустнѣе и грустнѣе.

— Не тогда... тогда мнѣ не надо было утѣшенія... но теперь я была-бы этому рада, если-бъ могла чему-нибудь радоваться.

— Но вы любите вашихъ другихъ дѣтей и онѣ любятъ васъ? спросилъ Деронда съ безпокойствомъ.

— О, да! отвѣчала она машинально и потомъ прибавила болѣе искреннимъ тономъ:—но надо сказать правду, я не любящая женщина. Любовь — своего рода искусство, и я имъ не одарена. Другіе меня любили, а я изображала любовь на сценѣ. Я знаю очень хорошо, что такое любовь: это подчиненіе себя другому, а я никогда не подчиняла себя ни одному мужчинѣ. Всѣ мужчины подчинялись мнѣ.

— Можетъ быть, тотъ, кто подчинялся, былъ счастливѣе, замѣтилъ грустно Деронда.

— Можетъ быть; но я была счастлива... впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ я была совершенно счастлива. Если-бъ я не боялась упадка славы, то, вѣроятно, это счастье продолжалось-бы долѣе. Я плохо рассчитала. Что-же дѣлать? Теперь все кончено.

Говорятъ, что „другая жизнь“ начинается для человѣка за могилою. Это не правда: я ужь давно живу другою жизнью.

Она закрыла глаза, подняла руки къ своему омраченному лбу и въ этой позѣ, при своей широкой, длинной одеждѣ, она казалась какинъ-то призракoмъ, явившимся на землю изъ области духовъ.

Волненіе Деронды достигло до того, что онъ не могъ удержаться отъ глухого стона. Его мать тотчасъ открыла глаза и снова положила ему обѣ руки на плечо.

— Прощай, сынъ мой, сказала она: — прощай, мы никогда болѣе не услышимъ другъ о другѣ. Поцѣлуй меня.

Онъ обнялъ ее и они поцѣловались.

Деронда не помнилъ, какъ вышелъ изъ комнаты. Онъ чувствовалъ, что вдругъ постарѣлъ. Всѣ его юношескія стремленія и жажда материнской любви исчезли разомъ. Онъ сознавалъ въ глубинѣ своего сердца, что этотъ трагическій эпизодъ наложилъ печать на всю его жизнь и что онъ впередъ будетъ гораздо серьезнѣе относиться ко всѣмъ узамъ, связывающимъ людей между собой.

ГЛАВА LIII.

Между обоими свиданіями Деронды съ матерью, онъ получалъ письмо отъ Ганса Мейрика, который въ шуточномъ тонѣ описывалъ ихъ житье-бытье въ Лондонѣ. По его словамъ, онъ утѣшалъ себя въ отсутствіи друга „посѣщеніями еврейскаго пророка, во время которыхъ онъ изучалъ его голову и соглашался съ тѣмъ общимъ принципомъ, что все лучшее на свѣтѣ было непременно еврейское“. „Я сознаюсь, прибавлялъ онъ, что всегда относился легко къ твоимъ похваламъ Мардохею, зная, что ты готовъ усвоить себѣ допотопную точку зрѣнія, чтобъ не отнестись несправедливо къ ихтиозавру. Но теперь, самъ лично бесѣдуя съ нимъ, я дѣйствительно готовъ признать, что это философско-мистическій энтузіастъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень умный діалектикъ. Подобное смѣшеніе, можетъ быть, составляетъ привиллегію евреевъ. Я никогда съ нимъ не спору и вполне соглашаюсь, 1) что цѣлый христіанинъ равняется тремъ четвертямъ еврея, 2) что со времени александрійскихъ философовъ, самые глу-

божіе уми были еврей; я даже хочу доказать Мирѣ, что за исключеніемъ рожденія въ Аравіи и другихъ обстоятельствъ жизни, между мною и Маймонидомъ нѣтъ никакого различія. Однакожь послѣднее время твой легкомысленный влюбленный никакъ не можетъ рѣшиться на объясненіе. Если-бъ Мира была не такъ очаровательна и сидѣть съ нею не составляло райскаго блаженства, то я давно бросился-бы къ ея ногамъ и потребовалъ отвѣта. хочеть-ли она, чтобъ я съ отчаянія застрѣлился. Правда, я питаюсь надеждами, которыя чрезвычайно полезный капиталъ, если только не стараешься ихъ осуществить. Мои надежды странствуютъ среди цвѣтовъ и ничего не боятся, кромѣ чудовищной, на подобіе Януса, богини Дѣйствительности. Однакожь, серьезно говоря, я убѣжденъ, что правда восторжествуетъ, предразсудки исчезнуть и соединеніе различныхъ достоинствъ будетъ наконецъ признано или, иначе сказать, что еврейка, которую я предпочитаю всѣмъ женщинамъ, предпочтетъ меня всѣмъ мужчинамъ“. Но, говоря о Мирѣ, Гансъ сообщалъ, что она въ послѣднее время стала немного грустна, и постоянно старалась это скрыть; онъ объяснялъ это ея печальнымъ сознаніемъ, что братъ ея таялъ на ея глазахъ. Вообще-же ихъ домашняя жизнь, по его словамъ, разнообразилась посѣщеніями его товарища по университету Рекса Гаскойна, готовившагося въ адвокаты, и его сестры, которая оказалась „двоюродной сестрой Вандиковой герцогини“. „Гаскойнъ хочеть непременно, писалъ Мейрикъ, чтобъ я погостилъ у его отца въ августѣ мѣсяцѣ, но я сталъ такъ знаменить, что меня рвутъ на части, и сэръ Гюго предлагаетъ мнѣ отправиться къ нему въ аббатство и, да проститъ ему Господь его смѣлость, написать портреты его трехъ дочерей въ стилѣ Генсборо. Я думаю что мой прямой интересъ принять это приглашеніе. Къ тому-же онъ, изъ любви къ тебѣ, удивительно со мною любезенъ и его болтовня меня очень забавляетъ. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что твоя Вандикова герцогиня отправилась съ мужемъ на яхтѣ въ Средиземное море. Мнѣ тогда неожиданно пришла въ голову мысль, что, вѣроятно, съ яхты можно сойти на берегъ и съ берега можно поѣхать на яхту. Не будешь-ли ты имѣть случая продолжать съ нею ваши богословскіе споры? А герцогъ Альфонсо также богословъ? Можетъ быть, онъ принадлежитъ къ сектѣ аріанъ и не признаетъ троицы. Я вижу, какъ ты, насупивъ брови,

бросаетъ мое письмо и принимаешь гнѣвную позу, оглашая воздухъ восклицаніями: „о, мракъ! о, ночь!“

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ это письмо произвело-бы непріятное впечатлѣніе на Деронду, именно тѣ строки, которыя касались Миры. Но съ тѣхъ поръ Мира переѣхала къ брату и въ судьбѣ Деронды произошла громадная перемѣна, увѣнчавшаяся наконецъ открытіемъ его происхожденія и долженствовавшая освѣтить совершенно новымъ свѣтомъ его будущность. Поэтому разглагольствованія Ганса объ его надеждахъ возбудили въ Дерондѣ не гнѣвное раздраженіе, а только удивленіе къ подобному капризу фантазіи, такъ-какъ онъ считалъ натуру Ганса слишкомъ легкомысленной, чтобъ ему была доступна истинная любовь.

„Онъ уже начинаетъ играть въ любовь, думалъ Деронда, и придаетъ исторіи комическій характеръ. Онъ очень хорошо знаетъ, что не можетъ одержать побѣды. Бѣдный Гансъ! Онъ и не подозреваетъ, что мнѣ могутъ быть непріятны изъясненія его любви къ Мирѣ! Кажется, если-бъ мы оба находились въ огнѣ, то онъ, никогда не подумалъ-бы, что я могу также горѣть. И однакожъ, онъ добрый, любящій человѣкъ, но никогда не заботится о другихъ, а думаетъ исключительно о себѣ“.

Отстранивъ такимъ образомъ мысль о любви Ганса къ Мирѣ и подумавъ, что отъѣздъ Гвендолины съ мужемъ за границу, вѣроятно, былъ послѣдствіемъ его послѣдняго страннаго свиданія съ нею, Деронда остановился съ безпокойствомъ на извѣстіи о таинственной грусти Миры. Онъ не соглашался съ объясненіемъ Ганса этого неожиданнаго явленія и спрашивалъ себя: не случилось-ли чего-нибудь во время его отсутствія, или не боялась-ли она какого-нибудь угрожающаго ей въ будущемъ событія? Наконецъ, можетъ быть, Мардохей сообщалъ ей свои надежды насчетъ еврейскаго происхожденія Деронды и она, по своей впечатлительной натурѣ, заподозрила, что Деронда относился, къ ея брату не съ искреннимъ уваженіемъ, какъ сначала казалось, а съ унижительнымъ состраданіемъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, Деронда вѣрно понималъ благородную, щекотливую натуру молодой дѣвушки, которая всегда, хотя и тайно, протестовала противъ обращенія съ нею окружающихъ ее лицъ во всѣ эпохи жизни до встрѣчи съ нимъ. Даже та пламенная благодарность, которую она питала къ нему и ста-

ралась выразить при всякомъ удобномъ случаѣ, большею частью происходила отъ сравненія его поведенія съ нею и поведениемъ другихъ. Отгадать эту тайну, Деронда могъ только благодаря замѣчательному средству ихъ чувствъ. Но за то, онъ совершенно ошибался, предполагая, что Мардохей нарушилъ обѣтъ своего безмолвія. Никому, кромѣ Деронды, онъ не говорилъ ни слова о своихъ отношеніяхъ къ нему и о питаемыхъ надеждахъ; онъ поступалъ такъ не только потому, что этотъ предметъ былъ слишкомъ священнымъ для пустой болтовни, но и потому, что онъ видѣлъ, какъ неприятно было Дерондѣ упоминать о своемъ происхожденіи.

— Отчего это, Эзра, когда я говорю съ Дерондой, мнѣ всегда кажется, что онъ еврей? сказала однажды Мира.

— Вѣроятно потому, что онъ обращается съ нами, какъ съ братомъ и сестрой, отвѣчалъ Мардохей съ спокойной улыбкой;— но онъ не любитъ, чтобы говорили при немъ о различіи происхожденія.

— М-ръ Гансъ говорилъ, что Деронда никогда не жилъ съ своими родителями, продолжала Мира.

— Не разспрашивай о немъ м-ра Ганса, отвѣчалъ Мардохей,—все, что хочеть намъ сказать о себѣ Даниель Деронда, онъ передастъ самъ.

Мира почувствовала въ этихъ словахъ упрекъ, точно такъ-же, какъ Деронда въ отказѣ Мардохея, открыть ему тайну семейства Когановъ. Но подобнымъ упрекомъ Мардохея, она только гордилась?

— Я не знаю никого возвышеннѣе моего брата, сказала однажды Мира, сидя глазъ-на-глазъ съ м-съ Мейрикъ въ маленькомъ домикѣ въ Чельси,—трудно повѣрить, что онъ принадлежитъ къ той средѣ, въ которой я нѣкогда жила. Она мнѣ казалась прежде сумасшедшимъ домою, но, смотря на Эзру, я прихожу къ убѣжденію, что его жизнь приноситъ всѣмъ громадное добро, хотя онъ самъ очень страдаетъ и мнѣ стыдно, что я хотѣла умереть отъ временнаго и столь незначительнаго сравнительно горя. Его душа такъ полна, что ему невозможно желать смерти. Смотри на него, я чувствую то-же, что ощущала вчера, возвращаясь усталая домой по парку, гдѣ яркое солнце весело блестяло въ безчисленныхъ капляхъ дождя, дрожавшихъ на листьяхъ и цвѣтахъ. Все

на небѣ и на землѣ было такъ прекрасно, такъ цѣломудренно, что заботы и горе казались ничтожной мелочью и я чувствовала себя болѣе терпѣливой, болѣе спокойной.

Грустный тонъ этихъ словъ побудилъ м-съ Мейрикъ посмотрѣть пристально на молодую дѣвушку и она замѣтила на лицѣ ясныя слѣды сдерживаемыхъ страданій.

— У васъ есть новое горе, голубушка? спросила м-съ Мейрикъ.

— Можетъ быть, я слишкомъ боязлива и во всемъ вижу опасность, произнесла Мира, послѣ минутнаго колебанія; — притомъ, не слѣдуетъ беспокоить другихъ, безъ крайней необходимости.

— О, милая Мира, матери для того и существуютъ, чтобъ выслушивать горести и заботы дѣтей. Вы беспокоитесь о томъ, что у васъ мало уроковъ и что они даже прекратятся съ окончаніемъ сезона?

М-съ Мейрикъ была увѣрена, что она не задѣла больной струны Мира, но все-же надѣялась, что ея догадка облегчитъ исповѣдь молодой дѣвушки.

— Нѣтъ, отвѣчала Мира, нѣжно качая головой; — правда, мнѣ было очень грустно, что многія дамы, общавшія мнѣ уроки, не сдержали своего слова, но я надѣюсь, что послѣ праздниковъ, я достану занятія въ школахъ. Къ тому-же вы знаете, что я теперь богата, какъ принцеса. Я еще не тронула сто фунтовъ стерлинговъ, которые мнѣ дала м-съ Клесмеръ, а что касается Эздры, то я не боюсь, чтобъ онъ когда-нибудь нуждался, такъ-какъ м-ръ Деронда сказалъ мнѣ: „Я считаю для себя величайшею честью раздѣлить съ вашимъ братомъ все, что имѣю“. Нѣтъ, я не боюсь нуждаться въ кускѣ хлѣба.

— Чего-же вы боитесь? Чтобъ не нарушилось ваше душевное спокойствіе? Но, милое дитя мое, думать объ опасностяхъ только тогда полезно, когда ихъ можно предотвратить. Иначе, придется беспокоиться всегда безъ всякаго основанія. Развѣ вы теперь имѣете болѣе данныхъ для безпокойства, чѣмъ мѣсяць тому назадъ?

— Да, отвѣчала Мира. — я скрыла это отъ Эздры, но, простите, вамъ не могу не сказать. Я видѣла отца.

М-съ Мейрикъ съ трудомъ удержалась, чтобъ не осыпать этого непрошеннаго гостя самыми худшими эпитетами.

— Онъ очень измѣнился, продолжала Мира; — онъ уже, въ послѣднее время, передъ моимъ бѣгствомъ былъ очень слабъ, изнуренъ и часто плакалъ. Я рассказала Эддрѣ все вамъ извѣстное и онъ говоритъ, что отецъ предавался игрѣ, а потому былъ постоянно въ нервномъ волненіи. Увидавъ его, я невольно остановилась, такъ онъ похудѣлъ; одежда его вся въ лохмотьяхъ, а товарищъ, съ которымъ онъ шелъ, еще страшнѣе его на взглядъ. Они торопились съѣсть въ дилижансѣ.

— Я надѣюсь, онъ васъ не видалъ.

— Нѣтъ, я только-что вышла отъ м-съ Раймондсъ и стояла подъ аркой. Но эта минута была страшная. Вся моя прежняя жизнь, казалось, воскресла и я вздохнула свободно, когда онъ уѣхалъ, не замѣтивъ меня. Но въ то-же время мнѣ стало больно, стыдно, что я отвернулась отъ отца. Что онъ дѣлалъ, гдѣ онъ жилъ? Какъ могла я не признать его, не помочь ему хоть чѣмъ-нибудь? Самые разнообразныя чувства терзали мое сердце и право не помню, какъ я возвратилась домой. Я знаю только, что я повторяла про себя: „я не могу, я не должна говорить объ этомъ Эддрѣ“.

— Вы боитесь его встревожить? спросила м-съ Мейрикъ.

— Да, отвѣчала Мира и прибавила съ замѣтнымъ колебаніемъ:—меня удерживаетъ и нѣчто другое. Это чувство, я скрывать даже отъ матери, но вамъ я скажу все. Я стыжусь за отца и, странно, всего болѣе стыжусь за него передъ Эддрой. Мнѣ больно, что Эдра знаетъ всю правду объ отцѣ и невыносима мысль, что онъ когда-нибудь явится и принужденъ будетъ выслушать упреки сына. Мнѣ кажется, что я съ радостью согласилась бы содержать его въ тайнѣ на мою трудовую копейку, только, чтобъ не видалъ его братъ.

— Вы не должны развивать въ себѣ этого чувства. Мира, отвѣчала м-съ Мейрикъ послѣшно; — оно нехорошее и опасное. Вы не должны ничего скрывать отъ своихъ друзей.

— Вы думаете, что я обязана сказать Эддрѣ, что видѣла отца? спросила Мира.

— Нѣтъ, я не считаю это необходимою, потому что онъ можетъ не попадаться болѣе вамъ на встрѣчу и вы, такимъ об-

разомъ, избавите брата отъ излишней тревоги. Но общайте мнѣ Мира, что если когда-нибудь отецъ васъ найдетъ, то вы сообщите объ этомъ всѣмъ намъ. Дайте мнѣ слово; я, кажется, имѣю право этого требовать отъ васъ.

Мира задумалась и потомъ, протянувъ руку м-съ Мейрикъ, сказала торжественно:

— Вы этого желаете? Я даю слово. Давно уже я привыкла закрывать въ своемъ сердцѣ подобныя горькія чувства. Но вы не повѣрите, какъ тяжело, какъ жестоко стыдиться своего отца!

На глазахъ Мира не было видно слезъ, такъ-какъ она не позволяла себѣ такого проявленія слабости, но въ ея голосъ слышалось самое искреннее горе. М-съ Мейрикъ, несмотря на всю свою доброту, не могла въ этомъ отношеніи сочувствовать молодой дѣвушкѣ и считала ея симпатію къ такому недостойному отцу за совершенно излишнюю щекотливость, еще понятную въ матери относительно сына, но не въ дочери. Она едва не высказала своего желанія, чтобы отецъ Мира скорѣе попалъ въ тюрьму, и только успокоилась мыслью, что обѣщаніе, данное Мирой, удержать ее отъ вредной для нея слабости.

Этотъ эпизодъ былъ единственной причиной, которую Мира могла представить въ объясненіе ея странной грусти, о которой писалъ Гансъ Дерондѣ. Въ ея настроеніе входилъ еще одинъ новый элементъ, но онъ былъ такъ неопредѣленъ и смутенъ, какъ, напримѣръ, предчувствіе переменъ погоды, и потому Мира не могла даже дать себѣ въ немъ отчета. Быть можетъ, первыя сѣмена этой грусти были заброшены въ сердце молодой дѣвушки страннымъ поведеніемъ Гвендолины, которая, очевидно, пріѣзжала къ ней не для приглашенія ея на вечеръ, а чтобы разспросить о Дерондѣ. Мира скрыла отъ всѣхъ это посѣщеніе, но оно возбудило въ ней впервые тревожныя мысли объ отношеніяхъ Деронды къ тому обществу, которое она знала довольно близко по своей сценической дѣятельности и разнообразному чтенію, хотя сама не принадлежала къ нему. Мало-по-малу все, что было ей извѣстно о свѣтскихъ интригахъ и любовныхъ похиженіяхъ, стало сосредоточиваться вокругъ центральной фигуры м-съ Грандеортъ, становившейся все болѣе и болѣе ей ненавистной, и хотя она прямо не признавала за собою никакихъ правъ на Деронду, но ее мучила мысль, что онъ вращался въ такомъ свѣтѣ, гдѣ его чувства и

дѣйствія могли придти въ столкновение съ подобной женщиной. Ей никогда не приходило въ голову, чтобъ она сама или кто-нибудь другой могли думать о Дерондѣ, какъ объ ея женихѣ; объ этомъ не могло быть и вопроса не только по ея мнѣнью, но и по убѣжденію всего семейства Мейрикъ, которое считало его отношенія къ молодой дѣвушкѣ, такими опредѣленными, что всякое подозрѣніе любовныхъ замысловъ показалось-бы имъ оскорбительнымъ для ея избавителя и покровителя. Въ этомъ съ ними вполне соглашался и Гансъ. Дѣйствительно, нѣкоторые люди стоятъ на такомъ пьедесталѣ, что обыкновенное, житейское чувство, особенно любовь, какъ-бы унижаетъ ихъ въ глазахъ поклонниковъ. Благодаря этому невинному взгляду, добрые Мейрики послужили первой причиной къ тревожному пробужденію юнаго сердца Миря. Конечно, поводъ къ этому былъ самый незначительный, но онъ подготовилъ почву и ея впечатлительная натура пламенно отозвалась на послѣдующія событія.

Познакомившись съ Анной Гаскойнъ, какъ мы видѣли изъ письма Ганса, Мейрики очень естественно устроили ей свиданіе съ своей любимицей Мирой, причемъ были дома, кромѣ хозяйки, и всѣ три ея дочери. Усѣвшись вокругъ чайнаго стола, эти юныя созданія вскорѣ завели самую дружескую, оживленную бесѣду.

— Представьте себѣ наше удивленіе, Мира, сказала Кэти, — когда, упомянувъ о м-рѣ Дерондѣ и Малинджерахъ, мы узнали, что миссъ Гаскойнъ съ ними знакома.

— Я, собственно говоря, съ ними незнакома, отвѣчала Анна, — но нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, моя двоюродная сестра вышла замужъ за м-ра Грандборта, племянника сэра Гюго Малинджера.

— Изъ этого выйдетъ что-нибудь необыкновенное! воскликнула Мабъ; — м-съ Грандвортъ, Вандикова герцогиня — ваша двоюродная сестра?

— Да, наши матери сестры. Въ прошломъ году онѣ обѣ потеряли все свое состояніе. Папа пасторъ и потому намъ пришлось только отказаться отъ званыхъ обѣдовъ и экипажей, но бѣдная тетя Давило была въ очень грустномъ положеніи, такъ какъ у нея четыре дочери, кромѣ Гвендолины. Но когда Гвендолина вышла замужъ за Грандборта, дѣла ихъ поправились, потому что онъ очень богатъ.

— А м-ра Деронду вы видали? спросила Мабъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Анна, — но онъ бывалъ въ Дипло, гдѣ живетъ м-ръ Грандкорть, до свадьбы Гвендолины и я слыхала, что тетка говорила отцу о немъ почти то-же, что вы, только не такъ много. Я помню также, что я сама спросила однажды у Гвендолины ее мнѣніе о немъ и она мнѣ отвѣчала: „не говори никому, Анна, но у него, кажется, черные волосы“. Она всегда была очень странная и любила шутить. Но, право, удивительно, что мнѣ пришлось услышать о немъ такъ много, благодаря тому, что я имѣла удовольствіе познакомиться съ вами.

— Все удовольствіе съ нашей стороны, отвѣчала м-съ Мейригъ;— но удивительно было-бы, если-бъ вы въ нашемъ домѣ ничего не услышали о м-рѣ Дерондѣ, не правда-ли Мира?

Мира молча улыбнулась, но соединеніе нѣкоторыхъ именъ и образовъ возбудило въ ней какое-то странное неудовольствіе.

— Мой сынъ называетъ м-съ Грандкорть Вандиковой герцогиней, продолжала м-съ Мейригъ, обращаясь къ Аннѣ, — онъ ходитъ ее удивительно блестящей и картинной.

— Да, Гвендолина всегда была прекрасна и всѣ мужчины влюблялись въ нее до безумія. Я ихъ, бѣдныхъ, очень сожалѣла, потому что они были несчастны.

— А какъ вамъ нравится м-ръ Грандкорть, ея мужъ? спросила м-съ Мейригъ.

— Папа одобрилъ выборъ Гвендолины, а тетя говоритъ, что онъ очень щедръ, сказала Анна, рѣшившись скрыть свое собственное мнѣніе, но потомъ, не выдержавъ, прибавила: — мнѣ онъ не нравится: такой гордый и апатичный. Мнѣ кажется, Гвендолинѣ лучше было выйти за болѣе живого и молодого человѣка. Впрочемъ, можетъ быть, я говорю такъ потому, что у меня есть братъ, и всѣ мужчины мнѣ кажутся хуже его.

— Подождите, вы увидите м-ра Деронду, сказала Мабъ знаменательно,— и никакой братъ не выдержитъ съ нимъ сравненія.

— Наши братья должны всѣмъ годиться въ мужья, потому что никто недостойнъ выдти замужъ за м-ра Деронду, замѣтила Кэти.

— Ни одна женщина не должна даже желать выдти за него замужъ! воскликнула Мабъ съ негодованіемъ.— Мнѣ кажется, что никому въ голову не прійдетъ мысль, что у него есть счетъ отъ

портного или машинка для снятія сапогъ, какъ у Ганса. Я, по крайней мѣрѣ, не могу себѣ представить, чтобъ онъ могъ жечься.

— А я не только представляла его себѣ женихомъ, сказала Кэти, — но и нарисовала его портретъ, какъ жениха въ одной картинкѣ для романа „Бубны и черви“, только мнѣ стоило много труда найти ему достойную невѣсту. Я такъ и не нашла никого подходящаго.

— Тебѣ надо было посмотрѣть на м-съ Грандкортъ, замѣтила мать; — по словамъ Ганса, она и м-ръ Деронда прекрасная пара. Она очень высокаго роста, блѣлая. Но вы ее знаете, Мира, и умѣете въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризовать человѣка. Что вы думаете о м-съ Грандкортъ?

— Я полагаю, что она похожа на принцессу Эболи въ Дон-Карлосѣ, отвѣчала Мира съ неожиданнымъ жаромъ.

— Ваше сравненіе намъ не понятно, отвѣчала съ улыбкой м-съ Мейрикъ.

— Вы сказали, что м-съ Грандкортъ высокаго роста и блѣлая, произнесла Мира, слегка поблѣднѣвъ: — это совершенно справедливо.

Зоркій глазъ и чуткое ухо м-съ Мейрикъ тотчасъ примѣтили что-то необыкновенное во взглядѣ и голосѣ молодой дѣвушки, но она объяснила себя это тѣмъ, что многія аристократки оскорбляли Миру своимъ гордымъ обращеніемъ.

— М-съ Грандкортъ желала брать уроки у Миры, замѣтила м-съ Мейрикъ, обращаясь къ Аннѣ, — и многія свѣтскія красавицы выразили то-же желаніе, но, вѣроятно, у нихъ не хватило времени на уроки.

Послѣ этого общій разговоръ перешелъ на другіе предметы и уже никто болѣе не упоминалъ о принцессѣ Эболи. Это сравненіе сорвалось съ языка Миры подъ впечатлѣніемъ удара, поразившаго ее въ самое сердце. Этотъ разговоръ съ самаго начала былъ ей непріятенъ, но замѣчаніе м-съ Мейрикъ, что фигуры Гвендолины и Деронды подходятъ другъ къ другу, какъ нельзя болѣе подтвердило ея тайное, еще смутное убѣжденіе, что эта рослая красавица имѣла какое-то вліяніе на его судьбу. Долго послѣ возвращенія отъ Мейриковъ она чувствовала во всемъ своемъ существѣ нервную дрожь.

На другой день, прильнувъ горячей щекой къ плечу брата, она спросила:

— Грустно-ли тебѣ думать, что ж-ръ Деронда, котораго ты такъ любишь, проводитъ большую часть своей жизни среди людей и заботъ о людяхъ, столь отличныхъ отъ насъ, то есть отъ тебя?

— Нѣтъ, нисколько, отвѣчалъ Мардохей, — напротивъ, я очень радъ, что онъ имѣетъ подготовку, которой мнѣ не доставало, что онъ развитый египтянинъ. Тѣмъ лучше, что у насъ сокровища разныя, прибавилъ онъ, вспомнивъ, что его сестра не знаетъ и не должна знать объ его надеждахъ на счетъ Деронды;—тѣмъ отраднѣе наша дружба.

— Однакожь, продолжала Мира послѣ минутнаго молчанія,— твоей любви было-бы дано тяжелое испытаніе, если-бъ его свѣтская жизнь отвлекла его отъ тебя, не на время, какъ теперь, а навсегда. Какъ-бы ты это перенесъ?

— Плохо, сестра, плохо, но этого никогда не случится, отвѣчалъ Мардохей, смотря съ нѣжной улыбкой на сестру, которая, онъ полагалъ, говорила это изъ сожалѣнія къ нему.

Мира замолчала. Она мысленно сравнивала свое настроеніе съ настроеніемъ брата и сознавала всю свою сравнительную мелочность. Отчего она не могла довольствоваться тѣмъ, чѣмъ удовлетворялся онъ? Отчего ее тревожили смутныя, неопредѣленныя опасенія, среди которыхъ главную роль играло ненавистное ей имя. Вотъ гдѣ скрывался главный источникъ той затаенной грусти, которую въ молодой дѣвушкѣ замѣтилъ Гансъ.

ГЛАВА LIV.

Мадонна Піа, мужъ которой, чувствуя себя оскорбленнымъ, отвезъ ее въ свой замокъ среди мѣзми Маремы и тамъ извелъ ее, представляетъ патетическую фигуру въ дантовомъ Чистилищѣ, между грѣшниками, раскаявшимися подъ конецъ и желающими сохранить о себѣ добрую память въ соотечественникахъ. Мы очень мало знаемъ подробностей о взаимныхъ неудовольствіяхъ этой Сиенской четы, но все-же можемъ заключить, что мужъ не былъ очень пріятнымъ товарищемъ жизни и что среди болотъ Маремы,

его отталкивающія манеры еще усугубились; но, желая подвергнуть жену крайней степени наказанія, онъ былъ вынужденъ, освобождая себя отъ нея, освободить и ее отъ себя. Такимъ образомъ, не высказывая особой жестокости къ бѣдной тосканкѣ, мы имѣемъ полное право не питать къ ней такого сильнаго сочувствія, какое мы выказываемъ къ лучше намъ извѣстной Гвендолинѣ, которая вмѣсто того, чтобы быть освобожденной отъ ея грѣховъ на землѣ и очищенной отъ нихъ въ чистилищѣ, находилась въ самомъ роковомъ безысходномъ положеніи.

Взявъ съ собою жену для прогулки на яхтѣ, Грандвортъ, конечно, не желалъ извести ее; онъ только хотѣлъ быть во всякое время спокойно увѣреннымъ, что она его и что онъ можетъ съ ней поступать, какъ хочетъ. Къ тому-же онъ очень любилъ жизнь на яхтѣ съ ея апатичной, деспотической обстановкой, не нарушаемой никакими свѣтскими требованіями; онъ не считалъ подобнаго существованія одинаковымъ съ заточеніемъ въ замкѣ среди Маремы. Онъ имѣлъ причины удалить на время Гвендолину отъ всякаго посторонняго общества, но эти причины были вовсе не мрачнаго, кроваваго характера. Онъ подозрѣвалъ, что въ ней развивался духъ сопротивленія его волѣ, а то, что онъ чувствовалъ при видѣ ея сантиментальнаго влеченія къ Дерондѣ, онъ самъ назвалъ-бы во всякомъ другомъ человѣкѣ ревностью. Въ отношеніи-же къ себѣ, онъ считалъ это только рѣшимостью положить конецъ тѣмъ глупостямъ, которыя должны были произойти отъ свиданія, назначеннаго его женою Дерондѣ и прерваннаго его неожиданнымъ появленіемъ. Грандвортъ могъ себя оправдывать тѣмъ, что онъ имѣлъ полное право принимать мѣры для исполненія его женою всѣхъ принятыхъ на себя обязательствъ. Его бракъ заключался въ добровольномъ контрактѣ, всѣ матеріальныя преимущества котораго были на ея сторонѣ и въ числѣ ихъ заключалось условіе, что мужъ долженъ былъ не допускать ее ни до какого вреднаго соблазна или неприличнаго поведенія. Онъ зналъ очень хорошо, что она вышла за него замужъ и превозмогла свое отвращеніе къ нѣкоторымъ фактамъ изъ его жизни, не по любви къ нему: онъ купилъ ее своимъ богатствомъ и положеніемъ въ свѣтѣ, которыми она теперь вполне пользовалась, слѣдовательно, онъ исполнилъ свои обязательства.

Гвендолина, съ своей стороны совершенно понимала то положеніе, въ которое она сама себя поставила. Она не могла оправдывать себя тѣмъ, что въ контрактъ было одно тайное условіе, именно преобладаніе надъ мужемъ. Несмотря на ея привычку повелѣвать всѣми ее окружающими, она не принадлежала къ числу тѣхъ ограниченныхъ женщинъ, которыя считаютъ свои эгоистическія требованія непреложными правами, а всякую свою обязанность оскорбительной обидой. Въ ней была совѣсть и процессъ чистилища начался для нея еще на землѣ: она знала, что поступила дурно.

Но заглянемъ въ сердце этого юнаго существа, которое очутилось на синихъ водахъ Средиземнаго моря, отдѣлявшихъ ее отъ всего міра на утломъ деревянномъ островѣ, представляемомъ яхтой мужа, которому она продала себя и отъ котораго получила условленную плату, даже большую, такъ-какъ щедрая поддержка ея матери вовсе не была условлена.

На что она могла жаловаться? Яхта была прехорошенькая каюта-игрушка, украшенная шелковыми матеріями, зеркалами, рѣзбой изъ кедроваго дерева; экипажъ былъ подобранъ самый отличный и даже былъ одинъ матросъ съ вьющимися кудрями, смуглымъ лицомъ и бѣлыми зубами, наконецъ, на яхтѣ не было Луша, который, устроивъ все, удалился въ Англію. Кромѣ того, Гвендолина любила море, не страдала морской болѣзнью, а подготовленіе яхты къ выходу въ море, составляло такую дѣятельность, которая удовлетворяла вполнѣ ея жаждѣ повелѣвать; погода была прекрасная и они шли вдоль южнаго берега, гдѣ даже солнцемъ припеченная и дождемъ размытая глина, походитъ на пурпурный драгоценный камень и гдѣ можно мирно колыхаться въ безконечномъ, синемъ пространствѣ, отрѣшившись отъ всего міра съ его горестями и заботами.

Но что можетъ утолить жажду сердца, которая лишаетъ глазъ способности любоваться красотою и дѣлаетъ спокойное довольство нестерпимой тираніей? Какой мусульманскій рай можетъ заглушить нравственное отвращеніе и гнѣвный протестъ возставшей воли? Пока Гвендолина, сидя вечеромъ на роскошныхъ шелковыхъ подушкахъ, безсознательно смотрѣла на блестящія красоты моря и неба, какъ-бы окружавшихъ ее безконечною любовью и надѣялась, что Грандкортъ, ходившій взадъ и впередъ по па-

любѣ, не остановится передъ нею, не посмотритъ на нее, не заговоритъ съ нею—гдѣ-нибудь въ отдаленномъ уголкѣ, подъ закоптѣлымъ небомъ несчастная женщина, готовившая сама обѣдъ для своего семейства, весело прислушивалась къ поспѣшнымъ шагамъ, возвращавшагося съ работы мужа или счастливая чета, прижавшись щекою къ щекѣ, считала заработанные гроши, на которые она могла позволить себѣ отдохнуть въ воскресенье отъ городского шума среди зеленыхъ дубравъ.

Подозрѣвалъ-ли Грандкорть, что происходило въ сердцѣ его жены? Онъ зналъ, что она его не любитъ; но необходима-ли любовь? Она подчинялась его власти и онъ не привыкъ утѣшать себя мыслью, какъ многие добродушные люди, что всѣ окружающіе его любятъ. Но онъ не хотѣлъ допустить предположенія, что она можетъ чувствовать къ нему отвращеніе. Это было немислимо. Онъ зналъ лучше всякаго, что такое личное отвращеніе; онъ самъ сознавалъ, какъ скучны были его ближніе мужчины и женщины, какъ нестерпимо фамиллярно они обращались, какія нелѣпны одежды носили, какими противными духами душили свои платки, какими глупостями старались снискать общее расположеніе. Въ этомъ критическомъ взглядѣ на человѣчество, онъ до свадьбы сходился съ Гвендолиной и его отрицательныя качества тогда сильно ее привлекали. Поэтому онъ понималъ ея отвращеніе къ Лушу. Но какъ онъ могъ допустить, чтобъ она питала отвращеніе къ Генлею Грандкорту? Нѣкоторые люди утверждаютъ, что не существуетъ вѣшняго міра, а другіе считаютъ себя достойнымъ предметомъ отвращенія для женщинъ, не дожидаясь, чтобъ имъ это прямо объяснили. Но Грандкорть не принадлежалъ ни къ тому, ни къ другому кружку эксцентриковъ. Во всю свою жизнь онъ имѣлъ основательныя причины питать лестное мнѣніе о своей привлекательной особѣ и считать себя антитезой человѣка, долженствующаго, по его мнѣнію, возбуждать отвращеніе въ развитой женщинѣ. Онъ не имѣлъ понятія о нравственномъ отвращеніи и не повѣрилъ-бы, если-бъ ему сказали, что подобное чувство мало-по-малу можетъ сдѣлать красоту болѣе ненавистной, чѣмъ уродство. Какимъ-же образомъ, послѣ этого, могъ Грандкорть отгадывать, что дѣлалось въ сердцѣ Гвендолины?

Что касается ихъ вѣшнихъ отношеній, онъ не скандализировалъ постороннихъ, даже иностранную горничную и опытнаго ка-

мердинера Грандкорта, а тѣмъ менѣе приличный экипажъ, смотрѣвшій на нихъ, какъ на образцовую, великосвѣтскую чету. Ихъ взаимныя отношенія главнымъ образомъ выражались въ приличномъ молчаніи. Грандкортъ никогда не позволилъ себѣ юмористическихъ замѣчаній, которыя могли не вызвать улыбки на лицѣ Гвендолины и не отличался любовью къ пустой болтовнѣ, которая могла бы служить источникомъ для мелочныхъ ссоръ. Онъ очень учтиво поправлялъ на ней пледъ, подавалъ ей то, что въ данную минуту было ей необходимо; она-же не могла отказываться отъ такихъ слишкомъ обыкновенныхъ любезностей.

Постоянно происходили сцены въ родѣ слѣдующей:

— Вонъ, у подножія той скалы виднѣется плантація сахарнаго тростника, хочешь взглянуть, спрашивалъ Грандкортъ, подавая ей телескопъ.

— Да, съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчала Гвендолина, помня, что ей слѣдовало интересоваться сахарнымъ тростникомъ, какъ всякимъ первымъ, попавшимся въ руки предметомъ, въ области внутреннихъ чувствъ.

Потомъ Грандкортъ ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ, останавливаясь и указывая на парусъ, виднѣвшійся на горизонтѣ; наконецъ, онъ сѣлся противъ Гвендолины и смотрѣлъ на нее своимъ пристальнымъ, неподвижнымъ взглядомъ, точно она составляла неотъемлемую часть яхты. А Гвендолина, чувствуя на себѣ этотъ взглядъ, всячески старалась не встрѣтиться съ нимъ глазами. Во время обѣда онъ замѣчалъ, что фрукты испортились и надо зайти въ какой-нибудь портъ за новой провизіей; или видя, что она не пьетъ вина, онъ спрашивалъ не предпочитаетъ-ли она другое. Приличная женщина не могла не отвѣчать, какъ слѣдуетъ, на подобныя замѣчанія и если-бъ она даже хотѣла поссориться съ Грандкортъ, конечно, не изъ-за такихъ пустяковъ, то ссора съ нимъ была немислима: онъ не обратилъ-бы никакого вниманія на ея досаду. Къ тому-же какая гордая, уважающая себя женщина, стала-бы ссориться съ мужемъ на маленькой яхтѣ.

Грандкортъ былъ очень доволенъ подобной жизнью; онъ держалъ свою жену въ золотой клѣткѣ; эта жизнь на виду у всѣхъ, лишенная всякаго интимнаго характера и по заранѣе опредѣленному, почти придворному этикету, совершенно подходила къ его холодному, гордому характеру. Всѣ ему повиновались, начиная

съ жены, а скрываемый ею горячій протестъ противъ подобнаго рабства только увеличивалъ для него прелесть деспотизма.

Что-же касается Гвендолины, которая во времена своей дѣвичьей свободы не знала стремленій къ возвышеннымъ, героическимъ цѣлямъ, то жизнь теперь представлялась ей сквозь призму мужа и ея отношеній къ нему. Существо ближайшее къ намъ, все равно по любви или по ненависти, часто является для насъ фактическимъ истолкователемъ міра. Его тривиальныя выраженія, мелочныя взгляды, низкія подозрѣнія, мучительная скука могутъ превратить нашу жизнь въ вѣчную прогулку по Пантеону уродливыхъ идоловъ. Нѣкоторыя, несчастныя жены утѣшаются надеждой быть матерями; но Гвендолина чувствовала, что желать ей дѣтей значило стремиться къ окончательному довершенію того вреда, который она причинила себѣ своимъ бракомъ. Поэтому она боялась сдѣлаться матерью. Не образъ новой зарождающейся счастливой жизни являлся ей мечтою спасенія, а нѣчто совершенно иное. Среди мрачныхъ вспышекъ отчаянія сверкалъ иногда лучъ надежды, въ видѣ неожиданной случайности, служившей спасительнымъ убѣжищемъ отъ худшаго соблазна.

Развитіе въ человѣческомъ сердцѣ ненависти, часто такъ-же необъяснимо для постороннихъ зрителей, какъ возникновеніе любви, и дѣйствительно, она не зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ. Всякая страсть, какъ зерно, находитъ пищу въ самомъ себѣ и становится мало-по-малу центромъ, стягивающимъ всѣ фибры жизни. А самая жгучая ненависть зиждется на страхѣ, который заглушаетъ всякую вспышку безмолвной, старательно-подготовленной местию и ностояннымъ, воображаемымъ уничтоженіемъ ненавистнаго существа. Подобному мрачному процессу мщенія предѣвалась Гвендолина въ глубинѣ своего сердца; но это ее не утѣшало, а напротивъ какой-то мрачный ужасъ овладѣвалъ ею. Параллельно съ боязнью мужа развивалась въ ней боязнь къ самой себѣ и она съ лихорадочнымъ трепетомъ отворачивалась отъ преслѣдовавшихъ ея ееровыхъ образовъ. Сознаніе совершеннаго ею поступка и его послѣдствій освѣщало багровымъ блескомъ всякую смѣлую, безумную попытку къ освобожденію, вродѣ ея брака. Кроме того, она привыкла смотрѣть на каждый свой поступокъ съ той точки зрѣнія, съ которой долженъ былъ взглянуть на него Де-

ровда; какого-бы утѣшенія она ни ждала отъ того или другого поступка, онъ всегда былъ нераздѣльно связанъ въ ея умѣ съ тѣмъ мнѣніемъ, которое онъ могъ внушить Дерондѣ о ней. Онъ казался Гвендолинѣ строгимъ ангеломъ съ насупленными бровями, отъ котораго она ничего не могла скрыть; всѣ ихъ отношенія были основаны на полномъ довѣрїи и правдѣ, такъ-какъ его вліяніе началось съ возбужденія въ ней недовольства собою. Впрочемъ, теперь она и не видала пользы скрывать что-бы-то ни было: она сознавала ясно, что ей слѣдовало всего болѣе опасаться жестокой, страстной вспышки, безумнаго поступка, совершеннаго, какъ во снѣ, за которымъ послѣдовало-бы немедленное пробужденіе. Увидя при дневномъ свѣтѣ мрачный образъ смерти, она ощутила-бы не удовлетворенное чувство мести, а ужасъ преступленія, не радость свободы, а страхъ блѣднаго, мертваго лица, вездѣ ее преслѣдующаго. Она помнила слова Деронды, раздававшіяся вѣчно въ ея ухахъ: „Обратите вашъ страхъ въ орудіе самообороны. Бойтесь увеличить число упрековъ совѣсти. Этотъ страхъ можетъ постоянно сосредоточивать ваше вниманіе на возможныхъ послѣдствіяхъ каждаго поступка“. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Во внутреннемъ сознаніи Гвендолины соблазнъ и страхъ встрѣчались, какъ блѣдныя призраки, отражающіеся другъ въ другѣ, и она молила небо объ освобожденіи ея отъ этихъ ужасныхъ призраковъ. Смутныя, неопредѣленныя мольбы дрожали на ея губахъ среди могильнаго безмолвія ночи, прерываемаго лишь дыханіемъ мужа, плескомъ воды и скрипомъ мачтъ; мысль-же о помощи не представлялась ей иначе, какъ въ формѣ присутствія Деронды, его совѣтовъ и нѣжной симпатїи. Часто послѣ того, какъ ея воображеніе представляло ей кровожадныя роковые призраки, и она чувствовала страшныя страданія и непожѣрное утомленіе, она впадала въ забытїе, а затѣмъ наступали эти свѣтлыя минуты мольбы о помощи и она, съ счастливыми слезами умиленія на глазахъ, говорила себѣ: „Если смогу, я удержусь отъ грѣха“.

Такъ шли дни за днями и яхта Грандворта, нѣжно колыхаемая волнами, медленно двигалась вокругъ Балеарскихъ острововъ, Сардинїи и Корсики. Но это тихое, мирное существованіе становилось хуже всякаго кошмара для Гвендолины.

— А долго мы будемъ кататься на яхтѣ? спросила Гренина, послѣ того, какъ она выходила на берегъ въ Ая

небольшое разнообразіе изгнало на время изъ ея головы тревожныя мысли, заставлявшія ея съ ужасомъ отворачиваться отъ моря.

— Что-жъ намъ дѣлать? спросилъ Грандкортъ, — мнѣ эта жизнь не надѣла. Почему-жъ намъ не продолжать ея? На яхтѣ насъ никто не стѣсняетъ. И буда намъ вѣхать? Мнѣ противны всѣ заграничныя города, а въ Райландсѣ мы и такъ достаточно проживемъ. Или ты желаешь непремѣнно вернуться въ Райландсѣ?

— Нѣтъ, отвѣчала равнодушно Гвендолина, которой всякое жилище казалось отвратительнымъ, если она должна была жить въ немъ съ мужемъ;—я только удивляюсь, что тебѣ такъ долго нравится жизнь на яхтѣ.

— Я предпочитаю ея всякой другой жизни; къ тому-же въ прошломъ году я вовсе не пользовался яхтой, отвѣчалъ Грандкортъ;—но тебѣ она, кажется, уже надѣла. Женщины чрезвычайно капризны, онѣ всегда хотять, чтобъ имъ всѣ уступали.

— Нисколько, произнесла Гвендолина съ презрительной улыбкой;—я никогда не ожидаю, чтобъ ты мнѣ уступилъ.

— Да и къ чему мнѣ уступать? промолвилъ Грандкортъ холодно.

Послѣ этого разговора она помирилась съ мыслью, что жизнь на яхтѣ будетъ продолжаться безконечно; но на другой-же день, послѣ бурной ночи, она впервые почувствовала морскую болѣзнь, и Грандкортъ, войдя въ ея каюту, сказалъ:

— Буря надѣлала много вреда; капитанъ говоритъ, что намъ надо зайти починить яхту въ Геную, по крайней мѣрѣ, на недѣлю.

— А тебѣ это не нравится? спросила Гвендолина, сильно поблѣднѣвшая отъ морской болѣзни.

— Еще-бы, кому охота жариться на улицахъ Генуи.

— Все-же это разнообразіе, замѣтила Гвендолина, забивъ свою обычную осторожность.

— Я не желаю никакого разнообразія. Къ тому-же Генуя прескучный городокъ; единственное утѣшеніе для насъ будетъ въ томъ, что мы станемъ кататься на лодкѣ. Такимъ образомъ, можно убить нѣсколько часовъ въ день довольно пріятно, вмѣсто того, чтобъ торчать въ прескверномъ отелѣ.

Въ сердцѣ Гвендолины воскресла надежда. Она могла теперь

оставаться одна в продолженіи нѣсколькихъ часовъ, пока Гранд-кортъ будетъ кататься на лодкѣ, такъ-какъ, конечно, онъ не потребуетъ, чтобъ она его сопровождала. Въ первую минуту радости при этомъ неожиданномъ освобожденіи отъ ненавистнаго общества мужа, она составляла сотни днейхъ, фантастическихъ плановъ и бѣгство, казавшееся ей до сихъ поръ худшимъ зломъ, приобрѣтало въ ея глазахъ чарующую прелесть, какъ средство избавиться отъ своихъ преступныхъ стремленій. Эта надежда возбуждала въ ней новую энергію и придавала ей необыкновенно оживленный, веселый видъ, что не могло ускользнуть отъ вниманія Грандкорта.

На другое утро ее разбудилъ стукъ якоря, брошеннаго въ генуэзской гавани. Она очнулась отъ сна, въ которомъ видѣла себя спасающей бѣгствомъ черезъ Сенись и встрѣчающей Деронду, который уговаривалъ ее вернуться домой.

Черезъ часъ послѣ этого пробужденія она дѣйствительно увидала Деронду. Эта неожиданная встрѣча произошла на роскошной лѣстницѣ отеля „Италія“, по которой она поднималась подъ руку съ мужемъ.

Деронда невольно вздрогнулъ и, молча снявъ шляпу, прошелъ мимо. Онъ не считалъ эту минуту удобной для разговора, тѣмъ болѣе, что сомнѣвался, отнесется-ли къ нему дружелюбно Гранд-кортъ послѣ сцены, происшедшей въ Англіи.

Это сомнѣніе было вполне основательно. Грандкортъ, увидавъ Деронду, сталъ тотчасъ съ неудовольствіемъ соображать, не явился-ли онъ въ Геную по тайному уговору съ Гвендолиной. Конечно, онъ скорѣе долженъ былъ сознаться, что для осуществленія подобнаго заговора, Гвендолина должна была выказать необыкновенный даръ предвидѣнія, а Деронда—птичье свойство мгновенно перелетать громаднаго пространства. Какъ-бы то ни было, Деронда находился въ Генуѣ и хотя Грандкортъ рѣшился не терять времени на нелѣпыя объясненія его неожиданнаго пріѣзда, онъ все-же не могъ отнести его къ одной случайности. Это былъ, во всякомъ случаѣ, отвратительный фактъ и, безъ сомнѣнія, онъ привелъ Гвендолину въ восторгъ. Человѣкъ, выйдя изъ себя отъ гнѣва, не ищетъ доказательствъ своихъ подозрѣній, а прямо обвиняетъ всѣхъ въ тайномъ заговорѣ противъ него. Такъ именно и отнесся теперь Грандкортъ къ Дерондѣ и Гвендолинѣ, ко-

торая, какъ онъ былъ убѣжденъ, захочетъ видѣться съ Дерондой во время его отсутствія.

Сидя за чашкой кофе и пристально наблюдая издали за женою, онъ ясно замѣчалъ въ ней необыкновенное оживленіе и особенный блескъ глазъ, обнаруживавшіе неожиданную радость. Пережитыя въ послѣднее время волненія нисколько не уменьшили красоты Гвендолины. Она была еще очаровательнѣе, чѣмъ до свадьбы: ея грація и выраженіе лица пріобрѣли новую прелесть, благодаря болѣе оживленной игрѣ личныхъ мускуловъ и плавности всѣхъ движеній; вся ея фигура обнаруживала то неизъяснимое нѣчто, которое дѣлаетъ женщину послѣ свадьбы болѣе интересной, болѣе человѣчной.

Въ это утро ея лицо неожиданно обнаружило благолѣтельныя послѣдствія морского путешествія. Вставъ изъ-за стола и по обыкновенію заложивъ за спину свои бѣлыя, украшенныя брилліантами руки, она не могла скрыть того радостнаго ожиданія, которое дѣлаетъ терпимой настоящую непріятность. Грандкортъ, объясняя съ узкой, свѣтской точки зрѣнія, эту перемѣну въ Гвендолинѣ, также всталъ, закурилъ сигару и, взявъ шляпу, сказалъ:

— Пожалуйста, позвони и прикажи Джобсу, чтобъ обѣдъ былъ готовъ къ тремъ часамъ. Я пошлю Ангуса на берегъ найти парусную лодку: мы поѣдемъ съ тобою вечеромъ кататься по морю. Я буду управлять парусомъ, а ты сядешь на руль. Лучшаго препровожденія времени намъ не придумать въ этомъ скучномъ городѣ.

Морозъ пробѣжалъ по тѣлу Гвендолины; она не только чувствовала жестокое разочарованіе, но была убѣждена, что мужъ бралъ ее съ собою для того, чтобъ не оставить одну, и, вѣроятно, эта прогулка казалась ему тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ она болѣе должна была принести неудовольствія Гвендолинѣ. Они теперь находились не на утломъ, деревянномъ островѣ и она сочла возможнымъ вступить съ нимъ въ борьбу. Взглядъ довольства, сверкавшій въ ея глазахъ, быстро померкъ, и въ ней произошла такая громадная перемѣна, какъ въ альпійскомъ ледникѣ послѣ заката солнца.

— Я не желала-бы этой прогулки, отвѣчала она, — возьми съ собою кого-нибудь другого.

— Хорошо, если ты не хочешь и я не поѣду, сказалъ Грандкортъ; — мы оба останемся и будемъ дышать проклятой пылью.

— Я терпѣть не могу кататься въ лодкѣ, произнесла Гвендолина съ сердцемъ.

— Это для меня новость, возразилъ Грандкортъ съ саркастической улыбкой;— но если ты желаешь, мы останемся.

Онъ положилъ на столъ шляпу, снова закурилъ сигару и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, останавливаясь по временамъ у окна. Гвендолина рѣшилась не уступить; она знала, что безъ нея онъ не поѣдетъ, но если уже ему суждено было тиранствовать надъ нею, то, по крайней мѣрѣ, она не позволить ему поставить на своемъ относительно формы этой тираніи. Она заставитъ его остаться дома. Не говоря ни слова, она вышла въ сосѣднюю комнату и бросилась въ кресло; она сознавала, что ея гнѣву не было никакого исхода, и роковыя мысли снова овладѣли ея сердцемъ, изгнавъ изъ него только-что воскресшую надежду.

Черезъ нѣсколько времени Грандкортъ подошелъ къ ней въ шляпѣ и, усѣвшись прямо противъ ея кресла, сказалъ небрежно:

— Ты обошлась или все еще капризничаешь? Ты нарочно стараешься сдѣлать мнѣ что-нибудь непріятное.

— А ты зачѣмъ хочешь сдѣлать мнѣ непріятность? спросила Гвендолина, чувствуя неожиданный припадокъ безпомощнаго горя.

— Скажи пожалуйста, на что ты можешь жаловаться? сказалъ Грандкортъ, пристально смотря на нее;— развѣ только на то, что я остаюсь съ тобою.

Она не могла произнести ни слова. Правды сказать было нельзя, и слезы душили ее. Черезъ минуту отчаяніе и униженіе до того овладѣло ею, что она горько расплакалась, впервые выказывая передъ мужемъ такую слабость.

— Я надѣюсь, что это тебя успокоитъ, сказалъ Грандкортъ послѣ нѣкотораго молчанія;— но, признаюсь, подобныя сцены очень непріятны и не ведутъ ни къ чему. Право, я не понимаю, зачѣмъ прибѣгаютъ къ нимъ женщины. Ты, вѣроятно, имѣешь какую-нибудь цѣль, но я вижу только одинъ результатъ: скучный вечеръ дома вмѣсто пріятной прогулки по морю.

— Такъ поѣдемъ! воскликнула съ жаромъ Гвендолина, — можетъ быть, мы и утонемъ.

И слезы снова потекли по ея щекамъ. Это странное поведение

жены еще болѣе убѣдило Грандкорта, что дѣло шло о Дерондѣ. Онъ пододвинулъ стулъ къ креслу Гвендолины и сказалъ вполголоса:
— Выслушай меня.

Въ этихъ словахъ заключалась какая-то магическая сила. Гвендолина отшатнулась отъ него, но перестала плакать и, крѣпко сжавъ руки, поникла головою.

— Намъ надо понять другъ друга, продолжалъ Грандкортъ тѣмъ-же тономъ;—я очень хорошо знаю, что все это значить. Но если ты думаешь, что я позволю тебѣ дурачить меня, то ты жестоко ошибаешься. Что ждетъ тебя, если ты будешь вести себя, не такъ, какъ слѣдуетъ моей женѣ? Одинъ позоръ; твое дѣло выбирать; но подумай, что Деронда тебя и знать не хочетъ.

— Все это ложь! воскликнула съ горечью Гвендолина; — ты меня не понимаешь. Гораздо лучше будетъ, если ты станешь дозволять мнѣ говорить съ кѣмъ я хочу. Это будетъ безопаснѣе.

— Предоставь мнѣ объ этомъ судить, отвѣчала Грандкортъ, вставая и подходя къ окну.

Слова Гвендолины имѣли для нея самой такой ясный, роковой смыслъ, что она испугалась, когда ихъ произнесла. Она думала, что и Грандкортъ ихъ пойметъ. Но онъ былъ застрахованъ отъ всякихъ предчувствій и опасеній; онъ отличался мужествомъ и самоувѣренностью человѣка, убѣжденнаго въ своей силѣ; въ эту минуту онъ чувствовалъ только удовольствіе при мысли, что держалъ жену на мундштукѣ. „Не пройдетъ и года, думалъ онъ,—она совсѣмъ обвѣздится и тогда будетъ достаточно одной уздечки“. Онъ стоялъ у окна, проводя рукою по бакенбардамъ, очевидно, дожидаясь чего-то. Между тѣмъ Гвендолина чувствовала, что по-прежнему ее душитъ кошмаръ и эта ужасная, неподвижная фигура застилаетъ передъ нею весь міръ.

— На что-же ты рѣшилась? спросилъ онъ, наконецъ, взглянувъ на нее.—Что мнѣ приказать?

— Поѣдемъ, отвѣчала Гвендолина.

Она сознавала, что ее окружали мрачныя стѣны темницы, и что этотъ человѣкъ, пока онъ живъ, будетъ безгранично повелѣвать ею. Его слова жгли ее, какъ-бы раскаленнымъ желѣзомъ; сопротивляться ему было совершенно бесполезно, даже глупо.

Лодка была нанята и Гвендолина передъ обѣдомъ пошла съ мужемъ на берегъ посмотрѣть ее. Грандкортъ былъ теперь въ

прекрасномъ расположеніи духа и съ презрительной улыбкой самоудовольствія смотрѣлъ на общее вниманіе, которое онъ возбуждалъ во всѣхъ группахъ, встрѣчавшихся на берегу. Вездѣ слышался одобрительный говоръ объ англійскомъ лордѣ, который только-что прибылъ на своей роскошной яхтѣ и отправляется въ море одинъ на лодкѣ, умѣя, какъ всякій англичанинъ, такъ-же ловко обращаться съ парусомъ, какъ съ лошадыю. Утромъ Гранд-кортъ замѣчалъ въ Гвендолинѣ необычайное одушевленіе, теперь она видѣла въ немъ что-то необыкновенное; онъ рѣшился во что-бы то ни стало совершить эту прогулку на лодкѣ и чувствовалъ гордое удовольствіе, что поставилъ на своемъ, что поборолъ Гвендолину. Къ тому-же онъ отличался замѣчательной физической силою и презиралъ опасность.

Они оба явились снова на берегъ въ пять часовъ.

Нѣкоторые изъ стоявшихъ на берегу говорили между собою, что къ заходу солнца могъ подняться вѣтеръ и что надо будетъ осторожно поворачивать парусъ, но самоувѣренная осанка Гранд-корта убѣждала всѣхъ, что лучше не вмѣшиваться, такъ-какъ онъ самъ зналъ не хуже ихъ, что дѣлать.

Какъ только лодка отошла отъ пристани, Гвендолина погрузилась въ тяжелую думу. Она не боялась внѣшнихъ опасностей, а страшилась своихъ собственныхъ желаній и роковыхъ адскихъ образовъ, витавшихъ вокругъ нея. Ее ужасала ненависть къ мужу, достигшая въ этотъ день, благодаря его холодной тирании, крайняго напряженія. Держа въ рукахъ руль и повинуясь распоряженіямъ мужа, она искала спасенія отъ овладѣвавшего ею страха самой себя при мысли о Дерондѣ. Она была увѣрена, что онъ не уйдетъ, не повидавшись съ нею, такъ-какъ онъ, конечно, зналъ, что она нуждалась въ его помощи. Сознаніе объ его близости могло спасти ее отъ всякаго зла. Но все-же роковые образы, преступные помыслы и злыя надежды терзали ея сердце, какъ трагическія фуріи, подготовлявшія свое кровавое дѣло, быстро сопровождаемое суровымъ возмездіемъ.

Лодка плавно скользила по морю. Дулъ легкій, западный вѣтерокъ. Небольшія тучи заволакивали горизонтъ, умѣряя блескъ солнечныхъ лучей, склонявшихся къ закату. Тамъ и сямъ мелькали другіе паруса. Вдали смутно видѣлся городъ и надъ нимъ неясныя очертанія горъ. Гробовая тишина царила повсюду.

— Какъ тебѣ нравится прогулка? спросилъ Грандкорть.

— Очень.

— Ты теперь согласна, что намъ не предстояло ничего лучшаго?

— Да, мы будемъ всегда носиться по волнамъ, какъ вѣчный жидь, промолвила Гвендолина, дико сверкнувъ глазами.

Грандкорть пристально посмотрѣлъ на нее.

— Если ты хочешь, сказалъ онъ, — мы можемъ завтра поѣхать въ Спецію и яхта придетъ за нами туда.

— Нѣтъ, такъ лучше.

— Хорошо, мы завтра опять можемъ сдѣлать то-же. Но пора и назадъ. Я поверну парусъ.

ГЛАВА LV.

Когда Деронда встрѣтилъ Гвендолину и Грандкорта на лѣстницѣ отеля „Италія“, онъ отправлялся на второе свиданіе съ матерью и всѣ его мысли были сосредоточены на этомъ предметѣ.

Часа черезъ два послѣ этого свиданія, онъ узналъ, что княгиня Гольмъ-Эберштейнъ уѣхала изъ Генуи и онъ могъ теперь отправиться въ Майнцъ для отдачи Іосифу Калониму письма и полученія отъ него семейной шкатулки. Но сложныя нравственныя побужденія, не принимавшія однакожь формы опредѣленныхъ причинъ, удерживали его въ Генуѣ. Долго послѣ отъѣзда матери онъ оставался въ какомъ-то апатическомъ состояніи, переживая вновь событія послѣднихъ дней. Теперь наединѣ онъ плакалъ съ женскимъ состраданіемъ надъ несчастной судьбой этой женщины, столь близкой ему и вмѣстѣ столь далекой. Свѣтъ въ его глазахъ вдругъ измѣнился; его надежды, опасенія и сочувствія стали совершенно иныя; точно, во мракѣ ночи, онъ присталъ не къ своему стану и утромъ, при первыхъ лучахъ солнца, замѣтилъ, что шатры его соплеменниковъ раскинуты въ другомъ мѣстѣ. Онъ тревожно сознавалъ, что имѣлъ много общаго съ своимъ дѣдомъ и что въ его сердцѣ воскресаютъ пламенныя стремленія и энергичныя чувства стараго еврея. Къ этимъ мыслямъ примѣшивались образы Мардохея и Миры, которые никогда его не покидали и какъ-бы сочувственно ему улыбались.

Вой часовъ вывелъ его изъ этого безчувственнаго положенія.

онъ взглянулъ въ „путеводитель“ и рѣшилъ отправиться съ слѣдующимъ поѣздомъ, но не двинулся съ мѣста. Онъ мысленно стремился въ Майнцъ, гдѣ его ожидало наслѣдіе предковъ, и въ Лондонъ, куда его влекла любовь, но другія чувства удерживали его въ Генуѣ. Онъ не говорилъ себѣ прямо: „я останусь здѣсь, потому что сегодня пятница и я пойду въ синагогу; къ тому-же, можетъ быть, я увижу еще разъ Грандкорта“, но просто сидѣлъ неподвижно и мысленно представлялъ себѣ синагогу, вѣроятно, неизмѣнившуюся съ тѣхъ поръ, какъ въ ней молился его дѣдъ, и думалъ, что было-бы жестоко съ его стороны уѣхать, не высказавъ Гвендолинѣ своего сочувствія послѣ ихъ послѣдняго, прерваннаго Грандкортомъ свиданія.

Въ подобномъ настроеніи, онъ отложилъ свой отъѣздъ, отобѣдалъ безъ всякаго аппетита и пошелъ въ синагогу; по дорогѣ узналъ, что Грандкортъ еще оставались въ отелѣ, но вечеромъ предприняли морскую прогулку въ лодкѣ. Это извѣстіе отвлекло отчасти его мысли отъ искренно набожныхъ лицъ евреевъ, собравшихся въ синагогѣ, и возбудило въ немъ какое-то странное, безпокойное чувство, которое заставило его уйти до окончанія службы. Почти безсознательно онъ направилъ свои шаги къ набережной, гдѣ могъ встрѣтить Грандкортовъ, возвращавшихся съ прогулки и рѣшилъ прямо подойти къ нимъ, какъ-бы забывая о нерасположеніи къ нему мужа Гвендолины.

Солнце сѣло за тучами и только слабый, желтоватый свѣтъ дрожалъ на поверхности моря, волнуемой довольно сильнымъ вѣтромъ. Подходя къ пристани, Деронда замѣтилъ, что многочисленныя группы сосредоточили свое вниманіе на маленькой лодкѣ, которая быстро подвигалась къ берегу, благодаря усиліямъ двухъ гребцовъ. Говоръ былъ шумный и на различныхъ языкахъ; но Деронда нашель, что лучше было не разспрашивать о случившемся, а пробраться впередъ и убѣдиться, въ чемъ дѣло. Нѣкоторые изъ присутствующихъ смотрѣли въ зрительныя трубы и громко говорили, что въ лодкѣ лежалъ утопленникъ. Одни утверждали, что это былъ *милордъ*, отправившійся съ женою въ море, а другіе полагали, что фигура, лежавшая на днѣ лодки, была миледи. Какой-то французъ громко кричалъ, что это долженъ быть милордъ, который по англійскому обычаю утопилъ свою жену; шкиперъ англичанинъ вступилъ съ нимъ въ жаркій споръ, доказывая, что въ лод-

кѣ была женщина. Въ головѣ Деронды при этомъ толпились разнородныя мысли и опасенія. Неужели это была м-съ Грандкортъ?

Вскорѣ всякое сомнѣнiе исчезло: лодка пристала къ берегу, и Гвендолина медленно поднялась съ ея дна, гдѣ она лежала, покрытая смоляной парусиной. Блѣдная, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ распущенными волосами и дико блуждающими глазами, она со страхомъ озиралась по сторонамъ, точно всѣ стоявшіе на берегу хотѣли ее схватить и бросить въ тюрьму. Одинъ изъ гребцовъ, мокрый съ головы до ногъ, выскочилъ изъ лодки и побѣжалъ въ своей хижинѣ; Деронда хотѣлъ поспѣшить на помощь къ Гвендолинѣ, но находившіеся внутри матросы помѣшали ему и бережно высадили на берегъ Гвендолину, которая бросала на нихъ безчувственные, испуганные взгляды. Вдругъ она увидала Деронду и, какъ-бы ожидая его, протянула къ нему руки и промолвила глухимъ голосомъ:

— Свершилось! Онъ умеръ!

— Тихе, тихе! воскликнулъ Деронда повелительнымъ тономъ;— успокойтесь. Я родственникъ мужа этой дамы, прибавилъ онъ, обращаясь къ матросамъ:— проводите ее въ отель „Италія“, а все остальное я беру на себя.

Оставшись на берегу, онъ разспросилъ о случившемся у второго гребца и узналъ, что Грандкортъ утонулъ, а его лодка унесена теченіемъ. Что-жь касается Гвендолины, то она была спасена въ ту самую минуту, когда съ отчаянія бросилась въ воду за мужемъ.

Послѣ этого Деронда поспѣшилъ въ отель, послалъ за лучшими докторами и телеграфировалъ сѣру Гюго, прося его немедленно пріѣхать, а также м-ру Гаскойну для передачи грустнаго извѣстія м-съ Давило. Онъ помнилъ, что Гвендолина, въ минуту откровенной исповѣди, говорила, что присутствіе матери служить ей всегда большимъ утѣшеніемъ.

(Продолженіе будетъ.)

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГОРЬКІЙ СМѢХЪ — НЕЧЕЛОВѢЧІЙ СМѢХЪ.

(«Благонамѣренныя рѣчи». Т. I и II. Соч. М. Е. Салтыкова (Щедрина). Сиб. 1876.)

I.

Въ одномъ изъ своихъ дружескихъ писемъ къ Байрону поэтъ Шелли говоритъ: „Я всегда боялся популярности, особенно въ такомъ обществѣ, какъ наше, — боялся ея, какъ фальшиваго патента, подъ которымъ ловкій лавочникъ сбываетъ съ рукъ гнилой товаръ за хорошій. Популярность писателя часто покупается цѣной самыхъ лучшихъ его стремленій, независимости его идей и чувствъ. Чтобы добиться ея, онъ долженъ отказаться отъ самого себя и весь принадлежать толпѣ; ея вкусы и требованія вполнѣ подчиняютъ себѣ его личные взгляды и симпатіи. Какъ актеръ, онъ долженъ плакать или смѣяться не тогда, когда ему хочется, а когда аплодируетъ ему публика. Онъ не болѣе, какъ отголосокъ ея, слуга и рабъ ея капризовъ и желаній. Еще шагъ впередъ — и онъ падаетъ до уровня ея, онъ нравственно умираетъ. Вотъ почему всѣ лучшіе наши писатели никогда не пользовались популярностью при жизни, и слова ихъ во мнѣніи потомства были тѣмъ выше, чѣмъ меньше значенія они имѣли въ глазахъ современниковъ. Ихъ дикій свистъ былъ предвѣстникомъ рукоплесканій другого поколѣнія, другого міра. Это грустно, но это такъ вѣрно и для насъ съ вами такъ поучительно“. Въ этихъ словахъ англійскаго поэта столько-же горькой ироніи, сколько глубокаго смысла. По-

пулярность еще не выражаетъ достоинства писателя, точно такъ-же какъ самый достойный писатель не всегда бываетъ популяренъ. Есть и такіе литературные періоды, когда быть популярнымъ гораздо хуже, чѣмъ непопулярнымъ, когда извѣстность имени создается его полнѣйшимъ униженіемъ. Это мы знаемъ и по себѣ; многія популярности нашего времени такого сорта, что едва-ли кто рѣшится позавидовать имъ... Но какъ-бы то ни было, популярный писатель всегда по плечу тому обществу, которое его любитъ и читаетъ; оно не выше и не ниже его, а стоитъ именно на одинаковомъ уровнѣ съ нимъ. Его достоинства и недостатки отражаются въ немъ вполне, такъ что, по пословицѣ, это шапка — какъ шапка. Сатира Щедрина какъ-разъ отвѣчаетъ требованіямъ и степени своей публики, и въ этомъ весь секретъ ея популярности и влияния, вся сила производительности и энергіи его таланта.

Литературная критика не обходила своимъ вниманіемъ Щедрина; она указывала и на художественную, и на общественную сторону его сатиры, она опредѣляла мѣру его дарованія, и лучшіе представители ея въ этомъ отношеніи не расходились въ своемъ окончательномъ приговорѣ. Дѣтъ двѣнадцать назадъ была сдѣлана оцѣнка Щедрина, и до сихъ поръ сохранившая всю свѣжесть правды. Мы напомнимъ читателю эту оцѣнку изъ статьи автора „Цвѣтовъ невиннаго юмора“.

„Щедринъ, какъ вождь нашей обличительной литературы, съ полною справедливостью можетъ быть названъ чистѣйшимъ представителемъ чистаго искусства въ новѣйшемъ видоизмѣненіи. Г. Щедринъ не подчиняется въ своей дѣятельности ни силѣ любимой идеи, ни голосу взволнованнаго чувства. Принимаясь за перо, онъ не предлагаетъ себѣ вопроса о томъ, куда направится его обличительная стрѣла—въ своихъ или чужихъ, „въ титулярныхъ совѣтниковъ или въ нигилистовъ“. Онъ пишетъ рассказы, обличаетъ неправду и смѣшитъ читателя единственно потому, что умѣетъ писать легко и игриво, обладаетъ огромнымъ запасомъ диковинныхъ матеріаловъ и очень любитъ потѣшаться надъ этими диковинками вмѣстѣ съ добродушнымъ читателемъ. Вслѣдствіе этихъ свойствъ автора, его произведенія въ высшей степени безвредны, для чтенія пріятны и съ гигиенической точки зрѣнія даже полезны, потому что смѣхъ помогаетъ пищеваренію, тѣмъ болѣе,

что въ смѣху Щедрина, заразительно дѣйствующему на читателя, вовсе не примѣшиваются тѣ грустныя и серьезныя ноты, которыя слышатся въ глубоко-прочувствованномъ смѣхѣ Диккенса, Теккерея, Гоголя, Гейне и всѣхъ дѣйствительно замѣчательныхъ юмористовъ“. Писаревъ обвиняетъ Щедрина въ томъ, что онъ слишкомъ отдается желанію смѣшить читателя и ради этого пускаетъ въ ходъ не только граматическія и синтаксическія *salto mortale*, но даже умышленно искажаетъ дѣйствительную правду своихъ разсказовъ. Такъ-какъ возбудить смѣхъ и заразить имъ читателя—главная цѣль Щедрина, то ради него онъ готовъ на всякія натяжки и охотно жертвуетъ ему всѣми другими условіями сатиры“. „Но безпредметный и безцѣльный смѣхъ Щедрина самъ по себѣ приноситъ нашему общественному сознанію и нашему человѣческому совершенствованію такъ-же мало пользы, какъ безпредметное и безцѣльное воркованіе г. Фета. Мы легко можемъ заснуть на этомъ смѣхѣ и, продолжая смѣяться, воображать себѣ, что мы дѣлаемъ дѣло, идемъ за вѣкомъ и обновляемъ нашими невинными смѣхомъ старыя бытовыя формы. Смѣхъ Щедрина убаюкиваетъ, располагаетъ ко сну, потому что, возбуждая собою этотъ серебристый смѣхъ, онъ не даетъ намъ чувствовать того тяжелого безобразія нашей жизни, которое подавляетъ насъ. Мы смѣемся и теряемъ силу негодовать. Личность веселаго разсказчика, неистощимаго балагура заслоняетъ для насъ темную и трагическую сторону живыхъ явленій. Мы смѣемся, склоняемъ голову на подушку и тихо засыпаемъ съ дѣтскою улыбкою на губахъ“. Далѣе критикъ упрекаетъ Щедрина въ томъ, что у него нѣтъ никакой мысли, что прежде всего онъ любитъ стоять въ первомъ ряду прогресистовъ, и, чтобы удерживать за собою это положеніе, онъ осторожно производитъ въ своихъ убѣжденіяхъ разныя передвиженія и изъ тона г. Каткова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ котораго онъ началъ работать, онъ перешелъ въ другой тонъ. Придерживаясь лагеря прогресистовъ, Щедринъ очень отчетливо и благообразно разсуждаетъ, очень мило смѣшить читателя своей простодушной веселостью, но вы можете прочесть отъ доски до доски его сатиры и разсказы, и вы ни надъ чѣмъ не задумаетесь, и впечатлѣніе останется точно такое, какъ-будто вы побывали въ Михайловскомъ театрѣ и прослушали французскій водевиль.

Въ эти двѣнадцать лѣтъ Щедринъ окрѣпъ и установился; силы его на-столько опредѣлились и выяснились, что никакой критикѣ его не измѣнить и не передѣлать, и какииъ онъ былъ, такииъ онъ и останется. Слѣдовательно, къ Щедрину нужно относиться, какъ къ извѣстному, непреложному факту, взглянуть на него въ связи съ тѣмъ обществомъ, для котораго онъ пишетъ, надъ которымъ онъ сатиризируетъ и смѣется, а въ самомъ Щедринѣ видѣть естественный продуктъ сформировавшей его среды и вѣрное отраженіе ея общественнаго темперамента.

Что-же касается негодованія этого невиннаго юмора, то мы можемъ только сказать, что блаженъ тотъ, кто сохранилъ въ себѣ способность возмущаться не ближнимъ, а самимъ собой, кто умѣетъ возмущаться всякой жервостью и глупостью, гдѣ-бы и въ комъ-бы онъ ихъ не встрѣтилъ. Но гдѣ эти люди? Много утекло воды съ тѣхъ поръ, когда мы, бывало, критически относились къ себѣ, калялись и возмущались своими недостатками.—То было лганье, въ повальности котораго теперь укоряетъ насъ Щедринъ; но тогдашнее лганье было все-таки лучше нынѣшняго. Теперь негодованіемъ никого не заразишь, и мы, самодовольные, жалаемъ только смѣха, а отъ смѣха требуемъ только пріятнаго развлеченія. Въ этомъ отношеніи Щедринъ какъ нельзя лучше попадаетъ въ общій тонъ. Но скажите, надъ кѣмъ вы смѣетесь? Надъ собой смѣетесь.

II.

Когда-то по Россіи путешествовалъ сербъ Крижаничъ. Это былъ человѣкъ европейски образованный, и потому, что онъ отозвался нелестно о нашемъ обществѣ и тогдашнемъ правительствѣ, съ нимъ поступили вовсе не гостепріимно. До-петровская Русь, гордая не дѣйствительной своей силой, а своимъ самоиънѣиемъ, упорная въ отрицаніи всего европейски-прогрессивнаго, но не въ отрицаніи своихъ съ вѣками унаслѣдованныхъ безобразій, не могла простить Крижаничу, рѣшившемуся назвать насъ народомъ коснаго ума и жестокихъ нравовъ. Она заставила его замолчать грубой силой, и слѣды этой умственной нетерпимости, этого безотчетнаго самоиънѣія остались въ насъ и до сихъ поръ. Мы не

прочь посмотрѣть на весь міръ, какъ на подножіе своего величія, возложить на себя великую миссію цивилизаторовъ востока и наставниковъ запада. Европа! Но что такое Европа для насъ?.. И начинается самовосхваленіе той-же до-петровской Руси, только подъ другимъ соусомъ, и огульный смѣхъ надъ всѣмъ,—и надъ тѣмъ, что достойно осмѣянія, и надъ тѣмъ, что вовсе не заслуживаетъ его. Въ этомъ бессознательномъ юморѣ, въ этомъ смѣшеніи понятій, гдѣ здоровая патриотическая идея укладывается рядомъ съ мальчишескимъ задоромъ, свѣтлая критическая мысль съ мрачнымъ самодурствомъ, не знаешь, на чемъ остановиться, чего держаться—до того все пестро и спутано въ борьбѣ одного отжившаго міросозерцанія съ другимъ, еще не успѣвшимъ размежевать своихъ границъ съ старымъ наслѣдственнымъ воззрѣніемъ. Прочитайте Щедрина, начиная съ его невинныхъ рассказовъ до послѣдняго очерка, который онъ печатаетъ теперь,—прочитайте и вы узнаете самого себя. Да, вы отражаетесь въ Щедринѣ и Щедринъ—въ васъ. Въ каждомъ словѣ его чувствуется, повидимому, самое отчаянное отрицаніе, злой смѣхъ, безжалостный сарказмъ; но вчитайтесь въ него по-глубже, да посмотрите на себя безпристрастнѣе, и вы увидите, что во всемъ этомъ отрицаніи нѣтъ никакого отрицанія, что въ искусствственномъ жолчномъ смѣхѣ нѣтъ ни капли искренняго негодованія. Ни смѣхъ, ни кажущееся ѣдкое слово сатиры не выражаетъ въ себѣ никакого активнаго протеста. Все это отрицаніе разрѣшается веселымъ смѣхомъ ради одного добродушнаго смѣха. Передъ вами, точно въ „Сандрильонѣ“ проходитъ церемоніальнымъ маршемъ цѣлая галерея презабавныхъ карикатуръ, уморительныхъ уродцевъ; вы отдаетесь первому впечатлѣнію и отъ души хохочете. Но за первымъ впечатлѣніемъ слѣдуетъ анализъ, и вы ставите вопросъ; почему-же это смѣшно и карикатурно? И дѣйствительно-ли это такъ смѣшно, какъ показалось съ перваго взгляда? Когда въ смѣхѣ есть мысль, когда за нимъ скрывается положительная идея, тогда человекъ, смѣясь, понимаетъ, а понимая, онъ знаетъ, что ему дѣлать. Если-же въ смѣхѣ нѣтъ ни ясно сознаваемой мысли, ни цѣли, онъ дѣлается искусствомъ для искусства, сатирической солью безъ сатирическаго содержанія. Но какую мысль, какую идею находить читатель за смѣющейся сатирой и за ея бичемъ? Читатель только приучается играть въ жгуты и хлестать направо и налево, хлестать встрѣч-

наго и поперечнаго, не понимал, что онъ дѣлаетъ и для чего онъ это дѣлаетъ. И, занимаясь этимъ хлестаньемъ, читатель вмѣстѣ съ сатирикомъ бьетъ безъ пощады другихъ и очень вѣжно оберегаетъ свою особу. И вотъ свершается повальное бичеванье: каждый дуется другого, каждый гогочетъ, а для чего онъ дуется, изъ-за чего онъ гогочетъ—не знаетъ этого ни самъ читатель, ни самъ сатирикъ, который вложилъ ему въ руки бичъ и научилъ его смѣяться надъ всякимъ встрѣчнымъ и поперечнымъ.

Говорятъ, что сатира процвѣтаетъ только въ моментъ высшаго упадка нравственности и общественныхъ идей. Когда въ древнемъ мірѣ все сгнило и распаталось, и общественный порядокъ зависѣлъ отъ произвола ничтожной горсти преторіанцевъ, безсиліе лучшихъ людей выразилось въ сатирическомъ смѣхѣ. Лучшимъ людямъ не оставалось ничего больше дѣлать, какъ смѣяться надъ тѣмъ, чего они измѣнить не могли. Смѣхъ этотъ былъ смѣхомъ болѣзненнаго, изстрадавшагося безсилія. Это былъ смѣхъ сквозь слезы, смѣхъ, отъ котораго ныла душа. И такъ бывало не въ одномъ древнемъ мірѣ. Сатира процвѣтала въ тѣ эпохи, когда не было положительной дѣятельности, когда жизнь давила, а силы противъ нея ни у кого не доставало. И вотъ люди поневолѣ смѣялись, какъ смѣется горе, когда оно не видитъ себя выхода. Конечно, лучше смѣяться, чѣмъ плакать. Но когда смѣхъ холодитъ, когда онъ только рѣжетъ ухо, когда въ немъ нѣтъ ни мысли ни идеи,—онъ производитъ расслабляющее и деморализирующее вліяніе. Смѣхъ этотъ отучаетъ видѣть въ человѣкѣ человѣка, онъ вамъ рисуетъ одну повальную, всеобщую глупость, онъ васъ выдѣляетъ изъ людей и уводитъ въ самый крайній индивидуализмъ. И къ чему эти проповѣди объ общественномъ интересѣ, когда каждый сторонится отъ другого, тычетъ ему пальцемъ въ лобъ и приучается самоувѣренно одного себя считать непогрѣшимымъ! Такой смѣхъ, чѣмъ онъ заразительнѣе, тѣмъ хуже, чѣмъ ядовитѣе, тѣмъ вреднѣе. Онъ окрашиваетъ ложнымъ свѣтомъ какъ фонъ сатирической картины, такъ и ея второстепенныя детали; онъ закрываетъ отъ васъ все то, что даетъ чувству содержаніе и возводитъ это содержаніе въ идею.

Я напомню о Чаадаевѣ. Въ словарѣ Толля о немъ сказано вотъ что: „Чаадаевъ Петръ Яковлевичъ родился въ 1793 году, умеръ въ 1856 году. Воспитывался въ московскомъ университетѣ

и въ 1812 году поступилъ въ семеновскій полкъ, потомъ служилъ въ гусарахъ. Въ 1815 году, Чаадаевъ познакомился съ Пушкинымъ, который написалъ ему три посланія“. О Чаадаевѣ можно-бы было сказать больше, гораздо больше. Гусарскій офицеръ, три посланія отъ Пушкина,—точно въ этомъ вся сила. А отомъ, что Чаадаевъ былъ атріотомъ и мыслящимъ сатирикомъ,—ни слова.

Чаадаевъ былъ ярый западникъ, глубокой поклонникъ идей Петра Великаго и европейской цивилизаціи. Нѣсколько склонный къ религиозному мистицизму, Чаадаевъ былъ однако настолько уменъ, чтобы не уйдти въ односторонность и не закрыть окончательно глазъ отъ жизни и дѣйствительности. Заблужденія и ошибки Чаадаева ушли вмѣстѣ съ нимъ въ могилу, а его умное слово осталось и сохранило за нимъ его общественную заслугу. Чаадаевъ былъ родоначальникомъ того умственного движенія, которое господствовало у насъ въ 30—40 годахъ. Немногимъ извѣстно, что мысли, съ которыми познакомили насъ публицисты московскаго брѹжка сороковыхъ годовъ, принадлежали Чаадаеву. Чаадаевъ говорилъ, что исторія не оставила намъ никакого умственного наслѣдія, и мысль, создавшая прогрессъ, принадлежит не намъ, а Европѣ. Чаадаевъ глубоко вѣрилъ въ идею прогресса, въ христіанскую цивилизацію, въ умственное богатство Европы. Онъ говорилъ, что если-бы на $\frac{3}{4}$ земного шара исчезла цивилизація и сохранилась только на одной четверти, то и этого-бы было довольно, чтобы ей снова разлиться по всему земному шару. Поэтому гнилью онъ считалъ не Западъ, а Востокъ. На Россію онъ смотрѣлъ не какъ на Востокъ, или Западъ, а какъ на „полночную страну“. Чаадаевъ скорбѣлъ за наше умственное убожество, скорбѣлъ, что зади насъ нѣтъ ничего, но за то съ тѣмъ большимъ упованіемъ смотрѣлъ въ наше будущее, вѣрилъ въ народныя силы, вѣрилъ, что намъ предназначена исторической судьбой извѣстная почетная роль среди народовъ, и что мы рано или поздно займемъ это почетное мѣсто. Но въ чемъ-же эта почетная роль? Роли этой, конечно, Чаадаевъ опредѣлить не могъ, но онъ говорилъ, что она наступитъ тогда, когда русскій умъ себя сознаетъ,

Чаадаевъ былъ тоже сатирикомъ, но совѣмъ иного склада. Въ его саркастическомъ умѣ чувствовалась всесторонность, чувствовалось то, что называется сердцемъ. О Чаадаевѣ можно сказать,

какъ говорилъ о себѣ Берне, что онъ писалъ сокомъ своихъ нервовъ. Чаадаевъ не былъ объективнымъ писателемъ и, когда онъ писалъ о Россіи, онъ чувствовалъ, что онъ самъ частица той Россіи, о которой онъ скорбѣлъ, въ которую вѣрилъ, которую онъ любилъ, потому что онъ любилъ и самого себя. И эта любовь и солидарность съ Россіей была идеей Чаадаева. Она дала ему глубокую вѣру въ русскія силы и въ свѣтлое будущее Россіи. И идея Чаадаева оставила послѣ себя плодотворное сѣмя. Онъ, такъ-сказать, водворилъ Россію въ Европѣ, онъ разъяснилъ ея прошедшее, толкнулъ русскую мысль въ будущее. Конечно, было-бы преувеличеніемъ утверждать, что Чаадаевъ создалъ историческую философскую школу, но несомнѣнно то, что его мысли имѣли необыкновенно сильное вліяніе на лучшихъ русскихъ людей, смѣнившихъ его въ русской публицистикѣ. Мы, не зная и никогда не читая Чаадаева, думали въ шестидесятыхъ годахъ его думами и чувствовали его чувствами. И мысли Чаадаева о реформѣ Петра. о нашихъ отношеніяхъ къ Западу, мысли о томъ, на-сколько мы обязаны Западу, на-сколько его культура важна для нашего будущаго развитія, на-сколько безъ западныхъ идей и его науки намъ не сдѣлать и шага впередъ—уже были не мыслями Чаадаева, они были нашими собственными мыслями. Мы не знали Чаадаева, какъ сатирика, который лучше, чѣмъ мы нынче, умѣемъ негодовать, плакать и смѣяться. Но, негодуя и смѣясь, уворя общество въ застоѣ, онъ, при самомъ крайнемъ отрицаніи, никогда не терялъ изъ виду прогрессивныхъ стремленій и реформаціонныхъ началъ.

Прошло 40 лѣтъ, прошли шестидесятыя года, наступили семидесятыя. Мы въ эти пятнадцать лѣтъ опять стали смѣяться. Но какая разница въ смѣхѣ! Теперешній нашъ смѣхъ—смѣхъ холодный, эпикурейски-равнодушный и безсодержательный. Неужели мы идемъ назадъ, а не впередъ? Неужели у насъ нѣтъ и будущаго, какъ нѣтъ прошедшаго? Что за причина этого холоднаго, безнадежнаго, мертвящаго смѣха, смѣха надъ всѣмъ, смѣха ради смѣха смѣха объективнаго, выгораживающаго изъ жизни того, кто смѣется, смѣха личной безошибочности, для которой все остальное глупо, пусто и нелѣпо; смѣха, для котораго Россія „рукосуя“, смѣха, который смѣшиваетъ все въ одну кучу, не отличая титулярнаго совѣтника отъ „нигилиста“, идіота отъ человѣка мыслящаго, слезъ отъ самодовольной тупости. Дайте отдохнуть хотя секунду и от-

вести душу: съ такимъ смѣхомъ жить невозможно, дышать трудно; только одна пошлость вокругъ: ни одного свѣтлаго луча, нѣтъ ни вѣры, ни надежды, ни въ будущее, ни въ настоящее. И вотъ вамъ хочется только хохотать, но это хохотъ нервный, отъ него вѣетъ не жизнью, а смертью, и вы неудержимо смѣетесь надъ всѣмъ и всѣ вамъ кажутся такими пошлыми, погибшими, глупыми и только вы одинъ выдѣляетесь изъ всѣхъ на этомъ темномъ и безобразномъ фонѣ. Ну, а что-же дальше? И въ мысляхъ, и въ чувствахъ послѣ этого смѣха у васъ остается пустота. Смѣхъ вамъ не далъ ничего, кромѣ судорогъ. Для чего-же вы смѣялись, чему научилъ васъ смѣхъ? Вамъ казалось, что вы смѣялись надъ всѣми, кромѣ себя, а въ сущности, вы смѣялись только надъ самимъ собой, смѣялись надъ своимъ бездушіемъ,—смѣялись надъ тѣмъ, что вы не знали, надъ чѣмъ-бы вамъ посмѣяться.

III.

Щедрина укоряютъ въ томъ, что его сатира не ясна. Еще-бы смѣху быть яснымъ, когда смѣхъ не щадитъ никого и переходитъ въ какое-то платоническое сладострастіе.

Въ обращеніи къ читателю, обращеніи, служащемъ вмѣсто введенія, дается туманный очеркъ „простеца“, возведеннаго въ обобщеніе. „Простецъ“— это наша повальность, это что-то неосмысленное, затвердившее азбучные афоризмы, съ которыми „простецъ“ суется и по нимъ регулируетъ всю свою жизнь. „Простецъ“, это тотъ-же „рукосуй“, подъ видомъ котораго мы, вмѣстѣ съ Щедринимъ, въ „Исторіи одного города“ надсмѣялись надъ всею Россіей. „Простецъ“, какъ и „рукосуй“, ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ, не имѣетъ никакого понятія о самозащитѣ и, когда съ нимъ случится что-нибудь необыкновенное и выбьетъ его изъ будничной колеи, онъ видитъ себя, какъ въ лѣсу. „Простецъ“ это какая-то непроходимая тупость, жалость и беспомощность. „Онъ не можетъ сказать себѣ: устрою свою жизнь по новому;—потому, что онъ весь опутанъ афоризмами, и нѣтъ для него другого выхода, кромѣ изнурительнаго маяченья отъ одного афоризма къ другому. Онъ никогда ничего не ждалъ, ни къ чему не готовился. Онъ самый процессъ собственнаго существованія выносилъ только

потому, что не понималъ ни причинъ, ни послѣдствій своихъ и чужихъ поступковъ. И вдругъ для него наступаетъ моментъ какой-то загадочной ликвидаціи, въ которой онъ ровно ничего не понимаетъ. Жена сбѣжала съ юнкеромъ, сосѣдъ завладѣлъ полемъ, другъ оказался предателемъ. Что случилось? въ смущеніи спрашиваетъ онъ себя;—не обрушился-ли міръ? не прекратила-ли свое существованіе преданіемъ завѣщанная мудрость? Но и міръ, и общественная мудрость стоятъ неприкосновенныя и нисколько не тронутыя тѣмъ, что въ ихъ глазахъ гибнетъ простецъ, котораго бросила жена, которому измѣнилъ другъ, у котораго сосѣдъ отнялъ поле. Ничто не измѣнилось кругомъ, ничто не прекратило обычнаго ликованія и только онъ, злосчастный простецъ, тщетно вопіетъ къ небу о побѣгѣ жены съ юнкеромъ, съ тѣмъ самымъ юнкеромъ, который при немъ столько разъ и съ такимъ искреннимъ чувствомъ говорилъ о святости семейныхъ узъ!

Простецъ, надъ которымъ стряслась бѣда, даже не въ состояніи задуматься надъ ея причинами, а только чувствуетъ себя несчастнымъ. Несчастіе, правда, вызываетъ въ немъ протестъ, но это какой-то подавленный и смутный протестъ. Простецъ мечется, какъ въ предсмертной агоніи, онъ предпринимаетъ тысячу разныхъ выходовъ, одинъ нелѣпѣе и безсильнѣе другого, и попеременно является, то отомстить своимъ обидчикамъ, то самому себѣ разбить голову. Это единственный практическій результатъ, къ которому приходитъ самый выносливый изъ „простецовъ“ и, когда ему случается подумать хотя разъ въ жизни, въ хаосѣ его понятій является только раздраженіе.

Если жизнь „простеца“ не настолько интересна, чтобы вникать въ нее и сожалѣть о ней, если „простецъ“ не больше, какъ незамѣтная тля, то вѣдь имя этой тли—легионъ. „Простецъ“, по словамъ сатиры, — нарождается безпрерывно, какъ тля, которой онъ служить представителемъ въ человѣческомъ обществѣ.

„Ахъ, какъ мы просты!“ твердятъ повсюду сами „простецы“, — народъ сталъ слабъ, нѣмецъ насъ одолѣлъ, долить нѣмецъ да и шабашъ! Крестьянъ Ивановичъ скупаютъ у помѣщиковъ роши; Федоръ Карлычъ покупаетъ деревни, Абрамъ Абрамычъ устраиваетъ фабрики, Иванъ Карлычъ снимаетъ монастырскія озера, а русскіе нынче только кабаками занимаются“. И, замѣтивъ этотъ фактъ, сатиригъ заливается своимъ холоднымъ и безотчетнымъ смѣхомъ. Но

надъ вѣмъ онъ смѣется тутъ — ничего не поймешь. „Еще ударъ чувствительному сердцу! еще леза для оскорбленнаго національнаго самолюбія! Иванъ Парамоновъ! Сидоръ Терентьевъ! Антипъ Егоровъ! Столпы, на которыхъ утверждалось благополучіе отечества! Вы, въ три дня созидавшіе и въ три минуты разрушавшіе созданное! Гдѣ вы? Гдѣ ирежи, которыми вы уловляли вселенную? Ужели и онѣ лежатъ заложенныя въ кабаки и ждутъ покупателя въ лицѣ Ивана Карлыча? Ужели и ваши таланты, и ваша удача, и ваше „небось“ — все, все погибло въ волнахъ очищенной“?

Вездѣ, гдѣ-бы вы ни были, черезъ девять словъ на десятое вы услышите: „ужь какъ нынче народъ слабъ сталъ?“ Повторяетъ это и вельможа въ раззолоченныхъ палатахъ, и кабатчикъ за стойкой, и земледѣлецъ за сохой, хозяйка постоялаго двора, ямщикъ; всякій только и твердитъ: „ужь какъ нынче народъ слабъ сталъ!“ Заѣхали-ли вы на постоялый дворъ и завели разговоръ объ огородничествѣ, жена содержателя двора говоритъ вамъ: „нѣтъ ужь нынче прежней общи“. — „Отчего-же? земля, что-ли, отошала?“ — „Нѣтъ и не земля, а народъ нынче слабъ сталъ, ахъ, какъ нынче слабъ народъ!“ Затѣмъ приходитъ хозяинъ съ покоса и сообщаетъ вамъ, что „прежде паръ триста пѣуновъ отправлялъ, а прошлой зимой и ста паръ не выходилъ.“ — „Не выгодно, что-ли?“ — „Выгода-то есть, да птицы нынче совсѣмъ не стало“. — „Отъ чего-жъ?“ — „Да отъ того, что народъ сталъ слабъ“.

Ямщикъ встрѣтилъ пастуха. „Ты что-же отъ насъ ушелъ, Мартынь?“ — „У васъ дверей у кабаковъ больно много“. — „А ты-бы не во всякую попадалъ“. — „Да, убережешься у васъ! да развѣ я одинъ? Нынче ужь такъ народъ слабъ сталъ, ужь такъ слабъ!“ вторять и ямщикъ, и хозяинъ, и всякій.

И послѣ картины: „какъ мы слабы! какъ спился народъ! какъ все погибло въ волнахъ очищенной, какъ вездѣ только расплодились кабаки да кабатчики, какъ русскіе только кабаками занимаются, а прочее все къ нѣмцамъ отошло,“ вамъ показываютъ другую картину, — картину, въ которой мы оказываемся „такъ просты, такъ просты!“, картину, въ которой тычутъ всѣхъ насъ пальцемъ въ лобъ и говорятъ: „какъ вы просты, какъ вы просты!“ Какъ въ первой картинѣ вы увидите только пьяницъ, такъ здѣсь вы увидите только дураковъ. Всѣ разговоры, всѣ раз-

сказы о случаяхъ и дѣлахъ, только одинъ безконечный возгласъ: „очень вы ужь просты, ахъ, какъ просты!“

Разговариваютъ чиновники на крылечкѣ одинокого домика: „а вѣдь хозяинъ-то проигралъ дѣло“!— „Что-ты!“— „Проигралъ, это вѣрно, дуракъ—ну, и проигралъ. Потому и кошель одѣлъ на плечи, что дуракъ. Дуракъ и больше ничего...“ И въ темнотѣ раздается: „дур-р-ракъ!“

У сосѣдняго домика смѣхъ и визгъ. На крыльцѣ сидятъ мужчина и женщина. „Этакой случай былъ—и упустилъ. Дуракъ!“— „Да ты знаешь-ли, дура, чѣмъ Сибирь пахнетъ“!— „Для дурака, куда ни оглянись, вездѣ Сибирь,—дуракъ!“ И въ темнотѣ раздается вновь: „дуракъ...“

На улицѣ играютъ дѣвочки. „Не въ десятый разъ мнѣ горѣтъ!“— „Ты, дура, ты и гори“! Слышатся возгласы: дура, дура! „Щипъ, поскуда!“ раздается съ крыльца. Шумъ смолкаетъ, горѣлки продолжаютъ, и безмолвіе нарушается только крикомъ: „дура!“

На крыльцѣ бесѣдуютъ двѣ сибирки. „А ужь какую аферу сдѣлалъ нынче нашъ хозяинъ! Какъ онъ продалъ партію сѣмени Семену Архипичу“. — „Дуракъ!“ — „Нѣтъ, ты вообрази...“ — „Дуракъ!“ — „Нѣтъ, ты...“ — „Дуракъ! дуракъ! дуракъ!“

Станція желѣзной дороги. Въ залѣ третьяго класса, на полу и на скамьяхъ сидятъ и лежатъ мужики.— „И какъ-же онъ его нагрѣлъ!“ восклицаетъ кто-то въ одной группѣ.— „Дуракъ“!— „Дуракъ и есть“. — „Ха, ха, ха!“ — „Нѣтъ, ты слушай, какъ онъ нѣмца объегорилъ!“ говорятъ въ другой группѣ.— „Просты еще насчетъ этихъ дѣловъ нѣмцы!“ — „Просто дураки!“

— „Ловко онъ тебя объѣхалъ!“ говорится въ четвертой группѣ. „Однако, простъ вѣдь и ты!“ — „Чего простъ, совсѣмъ дуракъ!“

— „Такъ онъ меня измучилъ, такъ надо мною насмѣялся“, говоритъ одна барыня.— „Очень ужь вы просты, сударыня!“

— „Дуракъ, розиня!“ объясняетъ жандармъ растерявшемуся передъ нимъ малому. И, какъ перекрестный огонь, раздается повсюду: дуракъ! простофиля! фалалей!

Вагонъ второго класса. Чистенькій старичекъ разговариваетъ съ женщиной въ цилиндрѣ и щегольскомъ пальто. Разсѣвъ идетъ о томъ, какъ Баясины состояніе приобрѣли, и какъ они объегорили Скачкова. „Чего простъ! одно слово дуракъ! дуракъ, какъ

есть скотина!“ — „Что-же такое Скачковъ?“, — „Ду-р-ракъ“. — „А что у нихъ за исторія съ мужемъ была!“ — „Съ дуракомъ-то?“

Станція Александровская. Поѣздъ стоитъ десять минутъ. Половой дуетъ въ стаканы и вытираетъ ихъ полотенцемъ. — „Да ты что такъ чистишь стаканы?“ — „Будутъ и такъ пить, дураки“.

Поѣздъ тронулся. Сидятъ два вупчика съ бородами и въ сибиркахъ. „А вы знали Сашку? бывало, Сашка, да Сашка! Сашка, рыло вымой! Сашка, сбѣгай туда! а теперь смотри-ка какой дождь на Волконѣвъ взбодрилъ! Вотъ ты и думай съ ними!“ — „Да вѣдь и Бакулинъ-то простъ!“ — „Чего простъ! дуракъ, какъ есть!“

— А нашъ хозяинъ генеальный, говоритъ одинъ приващикъ другому и рассказываетъ, какъ онъ надулъ брата. — „Дуракъ! Поэтому если мы дураковъ учить не будемъ, то намъ самимъ на полку зубы власть придется“. И опять повсюду слышится только: „дуракъ! дуракъ! дуракъ!..“

IV.

И какія-бы ни представлялись кажущіяся различія въ характерахъ, наружности, положеніяхъ, — все сводится къ одному: дуракъ и простецъ! Это какая-то Вальпургіева ночь, гдѣ всѣ другъ друга обзываютъ дураками, гдѣ всѣ глупы, страшно глупы; глупъ и простецъ, — это тля, которой имя легіонъ. Но почему-же простецъ только тля? Правда, онъ глупъ и безсознательнъ. Когда жена его сбѣжитъ съ юнкеромъ, онъ только дѣлаетъ круглые глаза. Когда его объегаютъ, онъ начинаетъ ежиться. Но простецъ и дуракъ, эта тля, которой имя легіонъ, — въ то-же время и хищникъ: онъ норовитъ повсюду сорвать и вырвать, и только подвернись случай, онъ изъ Антошки превращается немедленно въ Дерунова.

Ужъ начто простецъ Николай Батищевъ. Какой онъ масляный и угодливый, и смиренный, и маленькій, а только и норовитъ, какъ-бы вылѣзти изъ тли, какъ-бы заграбастать сорокъ тысячъ, или добыть мѣсто прокурора. Ну, совершенный Антошка, только въ другомъ теченіи. Когда Антошка былъ тлей и вмазывался въ милость генералу, чтобы его объежить, онъ говорилъ то-же самое, что и Николай Батищевъ съ генераломъ, поручив-

шимъ ему политическое дѣло. Это двойники. Только одинъ ходитъ въ вицъ-мундирѣ, а другой—въ сибиреѣ. И разница въ ихъ рѣчахъ не по существу, а, такъ сказать, по формѣ. „Оснѣлюсь повергнуть на усмотрѣніе вашего превосходительства одинъ почтительнѣйшій вопросъ“, говоритъ Коленъка Батищевъ. — „Говорите, мой другъ“, отвѣчаетъ генераль. — „Я положительнѣе убѣжденъ, что найденный списокъ съ пятнадцатью фамиліями...“ И голосъ, которымъ говоритъ это Батищевъ, звучитъ искренностью. Генераль видимо пораженъ. — „Такова была моя первая мысль...“ — „И, сверхъ того, я убѣжденъ...“ отвѣчаетъ Коленъка Батищевъ, и, увлекаясь все больше и больше, незамѣтно для самого себя онъ переходитъ въ запальчивость. — „Итакъ, молодой человекъ, въ походъ!“ весело говоритъ генераль, голосомъ и взоромъ ободряя Коленъку. — „Всѣ силы... вся кровь... ваше превосходительство...“ — „Вѣрю!“ — „Я не имѣю словъ, ваше превосходительство...“ — „Успокойтесь, великодушный молодой человекъ!“ — „Рабочіе даже сейчасъ рассказываютъ, смѣются“, говоритъ Антошка. — „Однако, это важно, это даже очень важно!“ — „Помилуйте, ваше превосходительство...“ — „Нѣтъ, мой другъ, не говори этого... Вотъ что я прошу тебя понять...“ — „Помилуйте, позвольте вамъ доложить... Теперича сами въ поле съ сохой выходятъ!“ — „Негодяи!“ — „Истинное, ваше превосходительство, вы это слово сказали. А все-таки, позвольте вамъ доложить, напрасно себя изъ-за нихъ беспокоить изволите...“ — „Нѣтъ, мой другъ, это слишкомъ важно...“ — „Оно, конечно, ваше превосходительство, только коли-ежели таперича все сообразить...“ И Антошка махаль рукой и умолкаль, какъ-бы нѣмѣя передъ открывавшеюся передъ нимъ перспективой. Ну, совершенно какъ Коленъка Батищевъ! И Коленъка объегориваль своего генерала, какъ Антошка объегориваль своего. Одному удавалось, другому нѣтъ. Но это все равно. Батищевъ все-таки не потеряль своего и изъ тли превратилъ въ „крѣпкаго“, хоть и не въ формѣ прокурора; и Антошка тоже сдѣлалъ крѣпкимъ. Онъ обобраь генерала и изъ Антошки превратилъ въ Антона Валерьяновича Стрѣлова. Хрисашка — такой-же Антошка и такой-же Коленъка Батищевъ. Хрисашка и Антошка, быть можетъ, полукавъѣ, тогда какъ Коленъка больше упитанный теленокъ. Перепутайте ихъ всѣхъ, научите ихъ разнымъ манерамъ — и Хрисашка могъ-бы

быть такъ-же прокуроромъ и генераломъ, какъ при другихъ условіяхъ Антошка сдѣлался-бы Деруновымъ. Тутъ разница больше въ темпераментахъ и въ формаціи тѣла, чѣмъ въ чемъ-нибудь другомъ. Коленька Батищевъ просто упитанная булка; онъ менѣе врокъ и поворотливъ, чѣмъ Антошка, только потому, что жирнѣе его. Но эти частныя различія нисколько не измѣняютъ общаго тона картины: повсюду и во всѣхъ вы видите у Щедрина одно голое подхалюзинство, факторство, искательство, принижѣнность, думающую только о томъ, какъ-бы нажитья на счетъ другого.

Если-бы мы писали критическую статью и говорили о Щедринѣ собственно какъ о художникѣ, мы провели-бы паралель рисуемыхъ имъ характеровъ и читатель увидѣлъ-бы, на-сколько всѣ герои „Благонамѣренныхъ рѣчей“ вылѣплены изъ одной и той-же глины. Если въ нихъ и можно усмотрѣть какую-нибудь разницу, то развѣ только количественную, но не качественную. Въ одной фигуркѣ поменьше глины или растворъ жиже, въ другой всего этого побольше или тѣсто погуще, но рука мастера остается одной и той-же и характеръ рисунка и лѣпки не измѣняется. Въ фигуркахъ „Благонамѣренныхъ рѣчей“ вы видите также одинъ и тотъ-же рѣзецъ, какъ въ памятникахъ Мигѣшина. У Мигѣшина главную роль играетъ всегда самоваръ — круглое тѣло, служащее основаніемъ, и вся разница въ томъ, что около одного самовара больше мужчинъ, около другого больше женщинъ, но всегда этотъ самоваръ на слащавой бомбоньеркѣ. Въ фигурахъ Щедрина этой слащавости нѣтъ. Тутъ чувствуется верховое, презрительное, объективное отношеніе, точно лѣпщикъ, взявшись лѣпить фигурку, уже заранѣе ее ненавидитъ. Онъ лѣпять и бьетъ ее по щекамъ, бьетъ и хохочетъ, хохочетъ холодно, злорадно, точно самъ радуется своей собственной злости.

Вылѣпить онъ носъ, — дать въ него щелчокъ и захохочетъ; вылѣпить лобъ, ткнетъ въ него пальцемъ и опять захохочетъ; вылѣпить щеки, отдуетъ ихъ съ права и съ слѣва, и опять тотъ-же неистовый хохотъ! Такъ вамъ и слышится, какъ лѣпщикъ бьетъ свою фигурку по щекамъ и приговариваетъ: „эка рожа, эка глупая рожа!“ и опять хохотъ, хохотъ безконечный, язвительный и холодный хохотъ, доходящій до болѣзненности, до судорогъ, хохотъ, заражающій и весь кажимъ-то бездушнымъ и

безотчетнымъ смѣхомъ, послѣ котораго у васъ остается только болѣзненное ощущеніе щекотанья. Взгляните на кабинетъ фигурокъ.

Послѣ „обращенія къ читателю“, приглашающаго васъ въ мастерскую, лѣпщикъ говоритъ вамъ: „я покажу вамъ простецовъ, глухихъ, безсознательныхъ“, и, въ видѣ эпиграфа къ рекомендаціи прибавляетъ:

Въ семь омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья.

Вотъ пароходная пристань и хозяинъ трактира. Молва не любитъ этого человѣка и называетъ его воромъ и кровопійцей. Онъ соблазнилъ жену своего хозяина и вмѣстѣ съ ней обокралъ его. За это онъ судился и оставленъ въ подозрѣніи. Слѣдуетъ пощечина и смѣхъ.

Вотъ Сергій Ивановичъ Колотовъ, исправникъ и бюрократъ новѣйшаго закала. Это Держиморда, приглашенный, выправленный, подчищенный, готовый во всякое время и отца родного съ кашей съѣсть и самому себѣ въ глаза наплевать. Опять пощечина и смѣхъ.

Вотъ длинная и тонкая фигура, полинялая и износившаяся, очень узкая въ кости, съ маленькой головкой безъ подбородка, съ крошечнымъ остаткомъ волосъ на вискахъ и затылкѣ. Это отставной капитанъ Никифоръ Петровичъ Терпибѣдовъ. Послѣ крѣпостного права онъ точно канулъ куда-то, но не погибъ, а всталъ безкорыстно на стражѣ общественной безопасности и занимается доносами. Пощечина и смѣхъ.

Вотъ отецъ Арсеній, запрещенный пошъ. Переиживилъ до двадцати приходовъ въ свою жизнь; нигдѣ не уживался, вляузничалъ и за вляузы отставленъ. Онъ и теперь занимается вляузами и политическими доносами и стоитъ на стражѣ общественной нравственности. Пощечина и хохоть!

Вотъ Николай Ватищевъ, съ которымъ мы уже знакомы. А вотъ его маменька, тоже Коробочка, но съ великосвѣтскимъ, аристократическимъ пошибомъ. Это смѣсь какой-то душевной мерзости, безвѣрія съ набожностью, душевнаго хамства съ наружнымъ достоинствомъ и неисходной жадности къ деньгамъ. Щелчки въ носъ и хохоть!

А вотъ Осипъ Ивановичъ Деруновъ, большая, массивная фи-

гура, какіе вы себѣ представляете Овсянникова. Человѣкъ этотъ взялъ засиліе, и засиліе его чувствуется во всей его фигурѣ; вообще, сановитый и даже шеголеватый. Но это снохачъ, кровопійца и разбойникъ, какъ и первая фигура кабинета, Пантелѣй Егоровъ, соблазвившій чужую жену, и о которомъ молва говоритъ, что онъ не только ограбилъ, но и отравилъ ея мужа. Пощечина и хохоть!

Вотъ старшій сынъ Дерунова, Николай. Парень съ понятіемъ. Онъ пока маленькій и тоненькій, потому что не вошелъ въ силу, смотритъ ласково своими голубыми глазами и улыбается такъ-же пріятно, и такіе-же у него вьющіеся, каштановые волосы, какіе у отца его, когда онъ былъ молодъ. Но въ немъ уже намѣтился будущій кровопійца и снохачъ, намѣтился будущій Овсянниковъ, которому ни почемъ съечь все, что вы хотите, не только мельницу, но, пожалуй, и живого человѣка. И опять пощечина, и опять хохоть!

Вотъ Яковъ Осипычъ, младшій сынъ, съ женой котораго живетъ Деруновъ и о которой снохачъ говоритъ: „такъ она мнѣ пріятна, пріятна и покорна, и къ дому раделъна, словомъ сказать, для родителей лучше не надо“. Пощечина и хохоть!

Вотъ жена Якова Осипыча, Марья Потапьевна, красивая, мясистая, но глухая баба, къ которой, какъ мухи къ меду, льнуть штатскіе и военные бѣлошапошники, чувствующая себя, какъ сыръ въ маслѣ, въ обществѣ сквернослововъ. Тыканье пальцемъ и хохоть!

Вотъ прикащикъ Тихонъ Ивановичъ по прозванію Заяцъ. Онъ маклеритъ и надуваетъ своего хозяина и готовъ продать его за закуску въ трактирѣ.

Вотъ другой прикащикъ вупца Владыкина—Филипъ Ильичъ. Онъ продаетъ своего хозяина за пуншъ.

Вотъ еще прикащикъ, Павелъ Фомичъ, такой-же хриstopродавецъ, но только съ амбиціей. Скажите ему: „Деруновъ, молъ, Осипъ Ивановичъ пять тысячъ давалъ,—сейчасъ онъ шесть тысячъ отвалитъ“.—Аршинники, аршинники!

Вотъ Антошка, подлець и хриstopродавецъ. Онъ гнулъ, пока не обобралъ генерала Утробина, а теперь зоветъ его „гнилою колодою“. Началъ Антошка тѣмъ, что никакъ не могъ выбиться изъ коленъ мелкаго торговца - зазываетеля и облопашивателя. Но

вотъ подвернулся случай, и онъ вышелъ Антономъ Валерьяновичемъ Стрѣловымъ.

Вотъ генералъ Павелъ Петровичъ Утробинъ. Служилъ онъ нѣкогда губернаторомъ, обсадилъ почтовые дороги березками, выстроилъ почтовые станціи съ иглочки, хлѣбные запасные магазины пополнилъ, недоимки взыскалъ, выписалъ для губернскаго города новую пожарную трубу, а для типографіи новый шрифтъ. Поселившись въ усадьбѣ, онъ обзавелся шустрой поповной, затѣмъ попалъ въ руки Антошки, который обобралъ его совсѣмъ.

А вотъ сынъ Павла Петровича, Петинька. Это тотъ-же Колянька Батищевъ. Бывши въ 1860—61 года прогресистомъ, въ 1862 году онъ поглядывалъ по сторонамъ и обнюхивалъ чѣмъ пахнетъ, а въ 1863 году прямо объявилъ себя консерваторомъ. Петинька вознамѣрился сообщить блескъ фамиліи Утробиныхъ, какъ это вздумалъ сдѣлать и Колянька. Петинька уже въ школѣ смотрѣлъ государственнымъ младенцемъ, теперь-же, въ 35 лѣтъ онъ, не шутя, мнилъ себя государственнымъ человѣкомъ. Петинька, и Сережа, и Федя, и Колянька собирались по извѣстнымъ днямъ въ ресторанъ Бореля и за изящнымъ обѣдомъ разсматривали текуція государственныйя распоряженія и развивали ихъ въ государственные вопросы. Въ заключеніе, компанія отправлялась въ циркъ или въ театръ Буффъ. Одинъ только червь подѣдалъ Петиньку Утробина: онъ по-уши погрязъ въ долгахъ. Петинька, подобно Антошкѣ, выуживаетъ всѣми средствами деньги отъ отца и не хуже Антона Валерьяновича готовъ пустить своего папеньку по міру. Для этого онъ снюхался съ Антономъ Валерьяновичемъ и продалъ ему родного отца съ землей, на которую давно зарился Антошка, за 20,000 рублей. Черезъ шесть мѣсяцевъ были предъявлены старику генералу четыре документа. Генералъ призналъ ихъ подлинными, приступили къ описи и оцѣнкѣ Воплина, и вечеромъ того-же дня генералъ лежалъ въ своей спальнѣ, разбитый параличемъ. Щелчки и хохотъ!

Вотъ цѣлая группа Антошекъ, Хрисашевъ, юркихъ, находчивыхъ, бойкихъ, христопродавцевъ и душителей, готовыхъ, какъ и Петинька Утробинъ, выпустить въ трубу родного отца и родную мать. Ихъ дѣло схватить за горло, утащить и надуть. Они извели всѣ лѣса, истощили всѣ поля, выловили повсюду рыбу, построили вездѣ кабаки, вездѣ растянули свои сѣти и ловятъ въ

нихъ простецовъ и слабыхъ. Завели они повсюду такой порядокъ, что постоянный человѣкъ между этихъ дошлыхъ пропадетъ; они окружаютъ его такъ, что нигдѣ онъ ни найдетъ ни расчета, ни суда, такъ что постоянный человѣкъ подумаетъ, да махнетъ рукой. Зачѣмъ, скажетъ постоянный, работать, когда обманомъ да калотырничаньемъ жить можно. И вотъ всѣ они калотырничаютъ, да обманываютъ. И вотъ кто умнѣе, набьетъ себѣ мошну, сдѣлается Деруновымъ, а кто поглупѣе таскается по кабакамъ и пьетъ смертную. Щелчки и смѣхъ.

Вотъ цѣлый рядъ помѣщичьихъ усадебъ. И надъ каждой, точно вороны, летаютъ разные прожженные и вырываютъ другъ у дружки куски. Они забрали и земли помѣщичьи, и мельницы, и скотные дворы. Придетъ какой-нибудь Хрисашка, въ карманѣ ни гроша, но насядетъ ворономъ, заберетъ въ руки какого-нибудь Голлобова, сначала высмотрѣвъ его хорошенько, потомъ, какъ Антошка расправился съ генераломъ Утробинымъ, спуститъ все до нитки, скотину выпродаетъ, стройку сгноитъ, поля выпашетъ, даже кирпичъ какой есть и тотъ вывезетъ. И никому ничего не жаль; всякій ищетъ какъ-бы сорвать сейчасъ, сію минуту, и вмѣсто прежнихъ палестинъ, гдѣ прежде цвѣло довольство и изобиліе, стоятъ разоренные дома, безъ оконъ. Опять щелчки и смѣхъ.

Вонъ женская фигура.—Это Меропа Петровна Кучеравина, по прозванью сахарница, потому-что любитъ обсахарить всякаго мужчину. У нея погостить все равно, что побывать въ Москвѣ на Дербеновѣ. Тамъ побывать, такъ тебя оберутъ, а она тебя напоятъ да вексель подсунетъ.

Волга. По одну сторону паромъ, на противоположной идетъ суета, нагружаются и разгружаются воза съ кладью. Воздухъ насыщенъ севернословіемъ. Между переправляющимися на паромѣ идетъ оживленный разговоръ. „Сапогъ въ заминнѣ, говоритъ одинъ голосъ“.— „Сердитыя, времена настали! отзывается другой.— Сочти, сколько теперь народу безъ хлѣба осталось!“— „Что это случилось, что здѣшній сапогъ остановился?“— „Аршавскій сапогъ въ ходъ пошелъ, а отъ начальства поддержки нѣтъ“.— „А вы-бы не фальшили“.— „Бренчишь ты, словно балалайка, а ничего въ нашемъ дѣлѣ не смыслишь: у насъ колесо-то съ какихъ поръ заведено“. И въ концѣ-концевъ оказывается, что варшавскій сапогъ истребить надо, а стариннымъ сапожникамъ слѣдуетъ предоставить

вести заведенное колесо во всей ихъ волѣ. И опять щелчки, и опять смѣхъ.

Каютка перваго класса на пароходѣ. Адвокатъ доказываетъ, что собственность самое священное понятіе и, вслѣдъ затѣмъ, опять доказываетъ, что собственность не можетъ быть вѣчною, что нѣтъ безотносительной истины на свѣтѣ и что положеніе адвоката очень трудно. Публика слушаетъ его тоскливо и ничего не понимаетъ. Глаза у него, словно сверло, языкъ сухонный, что захочетъ, то на тебя и налетитъ, думаетъ она. А адвокатъ думаетъ, глядя на публику, что онъ новый сборщикъ, наложившій налогъ на невѣжество.

Группа женщинъ и все сахарницы. Только обираютъ мужчинъ, да подсовываютъ имъ векселя, какъ Мерепа Петровна.

Еще группа мужчинъ и женщинъ въ переижку. Крыльцо Дюссо, тройки. Между мужчинами больше видны военные всякаго оружія. Между женщинами молоденькія красавицы, пышущія здоровьемъ. Разрѣшается женскій вопросъ. Голосъ изъ толпы: „а ты еще сомнѣвался, что женскій вопросъ рѣшенъ.“

— „Давно, mon cher! Еще „Прекрасная Елена“ порѣшила съ нимъ“.

Цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ картинъ. Жены убѣгаютъ отъ мужей съ инверами, матери ѣдятъ собственныхъ дѣтей, братья продаютъ сестеръ, сестры братьевъ, каждый залѣзаетъ другому въ карманъ и вытаскиваетъ все, что попадется подъ руку. Попалось портъ-моне, — хорошо, а нѣтъ, — годится носовой платокъ, папиросница, коробочка со спичками. И надъ всѣмъ этимъ раздается въ воздухѣ:

A-och, mein lieber Augustin,
Augustin, Augustin!

Но громче „Augustin“ раздается ѣдкій хохотъ мастера, слѣпившаго всѣ эти фигурки и нарисовавшаго всѣ эти картинки, да щелчки и пощечины, которые онъ раздаетъ на всѣ стороны. Вы чувствуете себя въ туманѣ, вокругъ васъ какая-то каша, да повсюдное разореніе. Никто не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ, и въ то-же время всѣ плачутъ: и мужчины, и женщины, и старики, и молодые, и мужики и господа. Повсюду слышится, что прежде было лучше, а теперь хуже; а отъ чего оно хуже — кто его знаетъ! Прежде какъ-будто было больше глушцовъ, да простецовъ; теперь-

же пошли Хрисашки да Антошки, Коленьки Батищевы да Петиньки Утробины. И всё эти Хрисашки и Антошки, Коленьки и Петиньки, точно гля какая. Есть изъ нихъ и маленькіе, еще пока жиденькіе и тоненькіе, другіе по-больше и по-толще. Наконецъ, они вырастаютъ въ сановитыхъ Деруновыхъ да Овсянниковыхъ, и никто ужъ не зоветъ ихъ хриstopродавцами, а отъ всякаго имъ почетъ и уваженіе.

Но если прежде было лучше, если и сапогъ аршавскій не вытѣсняли, если не было ни Хрисашки-хриstopродавца, ни Антошки, съвшаго отца родного съ масломъ, ни Петиньки Утробина, продаваго родного отца за 20,000, если не было разоренія, зачѣмъ-же смѣются и надъ старикомъ Утробинимъ, и надъ „столпами“, зачѣмъ эта галерея старыхъ лицъ, зачѣмъ вводятъ въ галерею этихъ самыхъ Хрисашекъ и Антошекъ, Петинекъ, и Коленекъ? А вѣдь вы именно только для нихъ лѣпите свои фигурки и рисуете свои картинки. И приходитъ въ галерею Антошка и вѣстѣ съ вами смѣется надъ Антошкой, вытѣпленнымъ вами изъ глины, и не понимаетъ онъ того, что онъ смѣется надъ самимъ собой. И Петинька смотритъ въ зеркало и не узнаетъ самого себя, а только тычетъ пальцемъ въ собственный образъ и заливается невиннымъ хохотомъ, что есть на свѣтѣ такіе Петиньки. И всякій смотритъ на свою статуэтку и думаетъ, что это кто-нибудь другой, а не онъ. Онъ-же и чистенькій, и умный, и честный, и хорошій, и непогрѣшимый. О, какая это старая сказка, извѣстная со временъ еще Эзопа. Да, печально, когда сатирикъ становится моралистомъ-баснописцемъ. Вы скажете, что сатира не можетъ быть другой, кромѣ личной, что она должна стоять внѣ, должна быть объективной, карающей и бичующей. Относительно бичеванія, пожалуй, можно согласиться: пусть бичуетъ, пусть бьетъ. И если она не умѣетъ смѣяться сквозь слезы, если она только можетъ быть рѣжущей, объективной, стоящей внѣ, то пусть она будетъ общественной, политической, сатирой съ точнымъ содержаніемъ, ясной и понятной. Припомните Свифта.

Если-же сатирикъ стоитъ на правоученіи, на морали, если онъ ищетъ личнаго совершенства и проповѣдуетъ индивидуализмъ, — такая сатира только сбиваетъ съ толку и приноситъ такую-же пользу, какъ басня Эзопа. Лафонтенъ и нашъ Крыловъ написали множество превосходныхъ басенъ, очень нравственныхъ, но какъ

Эзопу не удалось исправить нравы своего времени, такъ и Крыловъ потрудился напрасно. Морализирующая сатира, проповѣдующая индивидуализмъ, ничѣмъ не отличается отъ басни.

И „Благонамѣренныя рѣчи“, да и не онѣ однѣ, въ послѣднемъ своемъ словѣ такая-же общественная бесполезность, какъ басни. Вся разница между морализирующей сатирой и баснями Крылова только въ томъ, что Крыловъ писалъ свои басни для дѣтей, а Щедринъ пишетъ свои басни для взрослыхъ. Крыловъ благодетельствовалъ и идеализировалъ безвредно, надѣвая людямъ собачьи, ослиныя, медвѣжьи головы, а Щедринъ лѣпиль изъ глины людей съ человѣческими головами. Затѣмъ, онъ спрашиваетъ въ подробности своихъ куколокъ объ ихъ жизни и ставитъ имъ публично баллы за поведеніе. Сатирикъ становится гувернеромъ и наставникомъ-наблюдателемъ; онъ не человѣкъ, общій съ людьми жизни, а моральная и поучающая непогрѣшимость. И добродушный читатель, склонный къ самоисправленію, поставленный на моральную точку зрѣнія, долженъ глубоко скорбѣть о своей несправимой грѣховности, а на сатирика смотрѣть снизу вверхъ, какъ на новаго Аполонія Тианскаго. Что-же касается до Коленекъ Батищевыхъ, Петинекъ Утробинныхъ, Хрисашекъ и Антошекъ-хриstopродавцевъ, то они станутъ еще заносчивѣе, и мораль совершенно пропадетъ даромъ. Къ чему-же послужила басня въ формѣ сатиры и зачѣмъ ея правоученіе?

V.

Рисуеть-ли Щедринъ Хрисашку, рисуеть-ли онъ Антошку, или Дерунова, рисуеть-ли онъ Петю, Серезу, Колю, этихъ государственныхъ людей, поучающихся у Дюссо и Бореля,—повсюду и вездѣ у него одна руководящая точка отправленія: „на то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ“. У Щедрина всегда рисуется мутная вода, въ которой кто-нибудь ловить рыбу. При этомъ очень часто роли мѣняются и сегодняшняя щука можетъ сдѣлаться завтра карасемъ, а карась щукой. Подобная перелицовка не больше, однако, какъ игра случая и обстоятельствъ. Мутная-же вода остается по-прежнему мутной и въ ней только и живутъ, что караси, да щуки. Щедринъ протестуетъ, какъ моралистъ, протестуетъ

двумя-тремя строчками. „Ужели-же, хотя въ виду того, что простецъ сѣдобенъ, что онъ представляетъ лучшую anima vilis, на которой можетъ осуществиться законъ борьбы за существованіе — ужели въ виду хоть этихъ удобствъ найдется себялюбецъ изъ „крѣпкихъ“, на-столько ограниченный, чтобы желать уничтоженія „простеца“ или его обезсиленія“? спрашиваетъ Щедринъ. Но ради чего ему этого-бы и не желать, отвѣтимъ мы. — Вы хотите, чтобы крѣпкій отказался отъ поѣданія тли, ради моральныхъ мотивовъ, и пугаете его, что когда онъ сѣстъ всѣхъ простецовъ, то ему нечего будетъ ѣсть. Но одно изъ двухъ — или моральный принципъ, или принципъ односторонней пользы, о которой вы теперь говорите. Что касается моральнаго принципа, то имъ Антошки-христопродавца не прошибешь. Что-же касается запугиванія, то Антошка очень хорошо знаетъ, что это не больше, какъ ваше противорѣчіе, и что десятью строчками выше вы говорите, „что имя простеца — легионъ, и что никакой законъ, какъ-бы онъ ни былъ безповоротенъ въ своей послѣдовательности, не въ силахъ стереть этого легиона съ лица земли“. Чего-же бояться Антошки голодной смерти, когда онъ знаетъ, что какъ ни ѣшь простеца, его никогда ни сѣшь и онъ все будетъ нарождаться!

Скажите, за что вы бьете лежачаго и умирающаго? Возьму для примѣра одного генерала Утробина, хотя я могъ бы найти десятки подобныхъ примѣровъ. Пусть Утробинъ глупъ, пусть онъ ничего не понимаетъ въ реформахъ 1857 года (и что трогать двадцати-лѣтнюю старину!) пусть генералъ Утробинъ проникнуть чувствомъ генеральскаго достоинства — все это такъ уже старо, такъ давно пережито, что не только не хочется смѣяться надъ генераломъ Утробинимъ, да и говорить объ немъ не хочется. А между тѣмъ сколько подробностей намъ объ немъ рассказываютъ, подробностей, по-видимому, сатирическихъ, а въ сущности драматическихъ. Рассказывается надломленная жизнь старика, весь вѣкъ жившаго при устойчивыхъ порядкахъ и въ 60 лѣтъ слетѣвшаго сверху куда-то внизъ, точно его, какъ песчинку, сдулъ вѣтеръ. Утробинъ посѣдѣлъ, похудѣлъ, осунулся. Обобранный, какъ липца, Антошкою-христопродавцемъ, онъ поселился въ трехъ отштукатуренныхъ комнатахъ своего новаго дома и на все остальное махнулъ рукой. Антошка отнял у него землю, сманилъ его любовницу, отнял у

него дождь и вѣстѣ съ Петенькой Утробиннѣхъ пустыли старика передъ смертью съ сумой. И благо-бы теперь старикъ Утробинъ стоялъ передъ нами во всеоружіи своей силы, а то передъ нами сѣдой старикъ, у котораго трясется голова, одинъ изъ тѣхъ простецовъ, которыхъ самъ Щедринъ зоветъ легиономъ и беретъ подъ свое покровительство; и этого-то жалкаго простеца, о которомъ уже двадцать лѣтъ ни слуху, ни духу, мы тычемъ пальцемъ въ лобъ и занимаемся надъ нимъ всякимъ сквернословіемъ! Вѣдь это не только отсутствіе всякой мѣры, но и пониманія времени; вѣдь это жизнь старымъ числомъ! Видали мы нѣкогда такихъ генераловъ, насмѣялись надъ ними,—казалось-бы и довольно; такъ нѣтъ: соберите всю старую труху изъ своихъ воспоминаній, слѣпите смѣшную фигурку и снова ее тычьте. Не знавъ только, кому на потѣху. Людямъ шестидесятыхъ годовъ все это набило оскомину и давно пережилось, а для растущихъ и подрастающихъ — это преданіе, не представляющее никакого живого интереса. Какой-нибудь Утробинъ для нихъ чисто-книжный типъ, потому что и во всей-то Россіи теперь едва-ли наберешь хоть десять Утробинныхъ. Но нѣтъ, Щедринъ послѣдователенъ и безпощаденъ. Начавъ бить, онъ добиваетъ до безчувствія и въ концѣ-концовъ заставляетъ умирающаго, и выжившаго изъ ума Утробина сочинять притчи. Притчу о нѣкоторомъ неосторожномъ генералѣ и о двухъ расточителяхъ — умномъ и глупомъ. Въ послѣдней притчѣ нѣтъ ни соли, ни остроумія, ни ѣдкости, а есть что-то недостойное сатирическаго таланта Щедрина. Вотъ эта притча: „Нѣкоторые два расточителя получили отъ дальняго родственника въ наслѣдство по одной двадцати-пяти-рублевой бумажѣ. Ни мало не думая, они рѣшили невеликіе сіи капиталы проѣсть; но при семъ одинъ, накупивъ на базарѣ знатныхъ яствъ и питій и, получивъ, за всѣми расходами, полтинникъ сдачи, сдѣлалъ изъ купленнаго матеріала обѣдъ и со вкусомъ съѣлъ оный; другой-же, взявъ кастрюлю, наполнивъ оную водою и, вскипятивъ, сталъ варить въ ней наслѣдственную двадцати-пяти-рублеву бумажку, исполняя сіе дотолѣ пока отъ бумажки не осталось одно тѣсто. И велико было его удивленіе, когда, испробовавъ отъ сего новоявленнаго варева, онъ нашелъ, что оно не токмо отиѣннаго, по цѣнѣ своей, вкуса не имѣетъ, но еще смердитъ по причинѣ жира отъ множества потныхъ рукъ, конни та

бумажка была захватана. Читатель! размысли, не имѣеть-ли притча сія отношенія къ тѣмъ реформаторамъ - нигилистамъ (увы, генералъ все еще не могъ забыть мировыхъ посредниковъ начала шестидесятыхъ годовъ), кои полученное отъ отцовъ наслѣдіе въ котлѣ переформировокъ варятъ, но варевомъ симъ никому удовольствія не дѣлаютъ, а токмо смрадятъ? Неужели это сатира, неужели это смѣшно? Или это очень тонкая аллегорія?..

Мы-бы также спросили г. Щедрина, за что онъ нападаетъ и на Антошекъ, и Деруновыхъ, и на всякихъ другихъ хриstopродавцевъ, если онъ самъ говоритъ, что кромѣ мутной воды нѣтъ никакой другой, а хочешь или не хочешь, будь карасемъ или щукой, которую тоже можетъ съѣсть всякая другая, болѣе сильная щука. Вѣдь только въ этотъ кругъ и замыкаетъ Щедринъ своего читателя и не показываетъ ему нигдѣ изъ него выхода. Вообще Щедринъ для того, чтобъ сильнѣе дѣйствовать, не скупится на преувеличеніе и обобщеніе. Попадется-ли ему Деруновъ, онъ сейчасъ-же создастъ изъ него цѣлый легіонъ, точно ими одними и кипитъ русская жизнь. Попадется Хрисашка, опять то-же самое. Попадется запрещенный попъ, прогнанный за вѣяны, Щедринъ насадитъ всю Россію шпионами и доносчиками. Попадется адвокатъ, окажется, что Россіи нѣтъ жителя отъ нихъ. Скажетъ-ли перевозчикъ на Волгѣ сквернословіе, — слѣдуетъ, что весь русскій воздухъ напаянъ сквернословіемъ. И кака-бы единичность ни попалась Щедрину, онъ обрисуетъ ее всегда самыми крупными, аляповатыми чертами и поставитъ передъ читателями гору.

Для Щедрина всякій Коленька Батищевъ и всякій Петинька Утробинъ — совершенные Монбланы. И когда соберешь всѣ эти Монбланы вмѣстѣ, просто становится страшно и жутко. Это отсутствіе мѣры превращаетъ сатиру Щедрина въ пародію и въ преувеличеніе до того, что въ его сатирѣ начинаешь понимать русскую жизнь совсѣмъ не такой, какою она есть въ дѣйствительности. Вездѣ чувствуется что-то напускное, писанное со стороны, видишь наблюдателя, вооруженнаго какими-то особенными стеклами, которыя видятъ только одно, и совершенно не замѣчаютъ многого другого. И хотя Щедринъ раздуваетъ каждаго Коленьку Батищева или Антошку-хриstopродавца въ Монбланъ, но въ то-же время онъ рисуетъ ихъ совершенно ничтож-

ними моральями, ничтожными и по наружности, съ ничтожными душонками и умишками. И читатель, способный думать, не можетъ же не спросить у мастера, показывающаго ему панораму микроскопическихъ простецовъ и глупцовъ: отчего же это всё они такъ глупы, въ чемъ причина, что нѣтъ на свѣтѣ никого, кромѣ карасей и щуекъ, отчего они только и занимаютъ что поѣданіемъ другъ друга? Но напрасно предложите вы мастеру такой вопросъ. Въсто отвѣта вы услышите только хохотъ.

Отъ сатиры Щедрина, облачившейся въ броню индивидуализма, вѣетъ холоднымъ барствомъ и празднымъ руководствіемъ. Предъ вами описанія, сдѣланныя точно заѣхавшимъ въ Россію французскимъ графомъ, человѣкомъ иного государства, иной цивилизаціи, иныхъ обычаевъ и личныхъ привычекъ, иного образа жизни. И невольно недоумѣваешь надъ этимъ страннымъ явленіемъ, хотя исторически, какъ реакція въ другую сторону, оно вполне понятно. Въ этомъ случаѣ Щедринъ больше, чѣмъ кто-нибудь, продуктъ того всеотрицающаго времени, когда бывшее тупое благоговѣніе передъ всѣмъ смѣнилось такимъ же плеваніемъ во все, плеваніемъ, полнымъ безвѣрія, плеваніемъ, для котораго не осталось ни одной святыни, которое не сохранило въ себѣ ни одного чувства, которое-бы оно уважало, ни одной мысли, въ силу которой оно-бы вѣровало—и даже не въ другихъ, а въ самомъ себѣ. И неужели то общество, въ которомъ для васъ уже не осталось ничего, во что-бы можно было вѣрить, на что-бы можно было положить, упало такъ низко? Неужели съ нимъ больше и нечего дѣлать, какъ бить его по щекамъ и оплевывать? Неужели уже оно не въ состояніи понять ни одного серьезнаго слова, неужели оно дѣйствительно такой „рукосуй“ или измощенничившійся Антошка-христопродавецъ, или занимающіяся блудомъ барышни и жены, стремящіяся разрѣшить женскій вопросъ по способу „Прекрасной Елены“?

Если вы скажете, что отъ автора нельзя требовать того, чего онъ не даетъ, я отвѣчу вамъ, что я этого и не требую. Здѣсь рѣчь вовсе не о требованіяхъ. Рѣчь именно о томъ, что даетъ авторъ. И оказывается, что онъ не только даетъ очень мало, но и то, что онъ даетъ, даетъ не вполне и часто подъ угломъ ложнаго зрѣнія. Если вы скажете, что одна сатира не въ состояніи дать все и что ею одною не могутъ быть удов-

летворены всё умственные потребности общества, что сатира не может замѣнить собою всю литературу, то я вамъ отвѣчу, что это вовсе не такъ. Наша теперешняя сатира—вовсе не отрицающій смѣхъ, а хохочущее сомнѣніе и индифферентизмъ. Иногда сатира какъ-бы сдѣлаетъ уступку чему-то точному и ясному, дастъ намекъ на жертву, истинно страдающую, согрѣетъ васъ какии-нибудь свѣтлыи образы новой, молодой и умной, порывающейся къ благородному силе, и вслѣдъ затѣмъ поставитъ заковычку, и опять вы сбились съ толку, и опять вы не знаете, что смѣшно и что не смѣшно, что умно и что глупо. Смѣхъ тоже можетъ быть отвѣтомъ, отрицаніе можетъ быть вполне руководящей силой, но для этого нужно, чтобы у нея самой была опредѣленная идея, а иначе отрицаніе переходитъ въ скептицизмъ, и, попадись онъ въ руки глупцамъ, онъ превращается въ самую страшную противообщественную силу. Смѣющійся скептицизмъ является средствомъ самодовольнаго индивидуализма и благодушествующей глупости. Онъ плодитъ Петинекъ Утробинныхъ и служить службу имъ, а не тѣмъ, кто отъ нихъ страдаетъ. Поэтому сатира, переходящая въ крайній скептицизмъ и умственное безсиліе, лишенное твердой точки опоры, заставляетъ общество только больше чувствовать пробѣлъ въ своей умственной жизни. Щедринъ имѣетъ неоспоримый талантъ, сатира его также неоспоримо ѣдка, ядовита и зла; большею частію она, конечно, груба и рѣзка, но Щедрина доступны и тонкія черты, хотя онъ и любитъ рисовать больше крупными штрихами. Вѣрно, такіе рисунки больше по вкусу нашему обществу. Но какъ Щедринъ все-таки самый замѣтный современный художественный талантъ, то тѣмъ болѣе чувствуется тотъ пробѣлъ, который онъ создаетъ своей односторонностью. Чтобы пополнить пробѣлъ, нужно или чтобы романистъ, или чтобы критика и публицистика разбирала съ другой точки зрѣнія вопросы, которыхъ касается Щедринъ, и поправляла-бы тѣ ошибки сужденія, въ которыхъ можетъ вести его сатира. Нужно, чтобы рядомъ съ сатирой Щедрина существовала другая, руководящая умственная сила, идеи и стремленія которой были-бы вполне ясны, точны и опредѣленны.

Теперь-же, когда, повидимому, никто въ литературѣ не правитъ общественнымъ мнѣніемъ, общество думаетъ и зрѣетъ умственно какъ-то подъ слудомъ, невидимо и неслышно, тѣмъ еще

необъясненнымъ процесомъ мысли, который психологія называетъ безсознательнымъ мышленіемъ. Всѣ поправки общество находитъ въ себѣ, зрѣетъ въ тихомолку и, наконецъ, къ изумленію той самой сатиры, которая такъ безшабашно смѣялась надъ нимъ, внезапно обнаружить то, чего сатира, за своимъ слишкомъ громкимъ смѣхомъ, не замѣтила.

Сатирической скептицизмъ надсмѣялся въ „Погонѣ за идеалами“, надъ безалаберностью нашихъ политическихъ представлений. Даже люди культуры, по его словамъ, предводители дворянства, члены земскихъ управъ, и т. п. чрезвычайно разнообразно отвѣчаютъ на вопросъ: что такое государство? Одни смѣшиваютъ его съ отечествомъ, другіе съ закономъ, третьи съ казною, четвертые — громадное большинство — съ начальствомъ. „Одни, чтобы отдѣлаться отъ вопроса, прибѣгаютъ къ нагляднымъ приѣмамъ: Швеція — государство, Великобританія — государство, Франція — государство, и пр. Другіе говорятъ: государство! смѣшно даже спрашивать, что такое государство! Третьи таращатъ глаза, точно ихъ сейчасъ разбудили. А если сверхъ того предложить еще вопросъ: какую роль играетъ государство въ смыслѣ развитія и преусиѣнія индивидуальнаго человѣческаго существованія, то отвѣтомъ на это просто-на-просто является растерянный видъ, сопровождаемый неосмысленнымъ бормотаньемъ“... Въ концѣ, сатирикъ покидываетъ смѣшки во Францію и въ ея буржуазію и рассказываетъ, какъ безсознательно Франція удержала у себя республику. „Естественно, что республиканцы успѣли запечатлѣть эту побѣду практическимъ результатомъ. Министерство Дюфора-Бюффе пало и было замѣнено министерствомъ Дюфора-Рикара...“

„Когда я узналъ объ этомъ изъ газетъ то, конечно, прежде всего, успѣшилъ сообщить о происшедшей пережвѣтѣ портъе того пансіона, въ которомъ я поселился.

— Vous savez, André, сказалъ я ему: que le ministère Dufaure-Buffet n'existe plus, et que désormais c'est le ministère Dufaure Ricard, qui dirigera les destinées de la France?

Но, къ моему удивленію, онъ до такой степени не понялъ вопроса, что заставилъ меня повторить его. И когда я это сдѣлалъ, то онъ вытаращилъ глаза, и произнесъ:

— Est ce que je sais!

А между тѣмъ, этотъ человѣкъ существуетъ (cogito — ergo

вип), и получает жалованье, устраиваетъ, какъ можетъ, свои дѣла, и я даже положительно знаю, что 20 февраля онъ подалъ голосъ за республиканца. И все это онъ дѣлаетъ, ни разу въ жизни не спросивъ себя: что такое государство?

Можно-ли такъ жить?"

Это послѣднее — „можно-ли такъ жить“ ни что иное, какъ увертка блуждающей мысли, которой опроверженіемъ является самый фактъ. Можно или нельзя жить такимъ образомъ, а между тѣмъ, тотъ-же самый портье, который никогда не подумалъ серьезно, что такое государство, не только устраиваетъ свои дѣла и подаетъ свой голосъ за республику, но дѣлаетъ еще большія чудеса, къ крайнему недоумѣнію сатиры. Да, тутъ есть фокусъ и въ умѣнны понять этотъ фокусъ заключается, конечно, самая главная задача современнаго писателя, если онъ считаетъ себя прогрессивнымъ и хочетъ явиться хотя нѣкоторой поддержкой общественной мысли. Но подобныхъ думъ мы не встрѣтили ни въ одной сатирѣ Щедрина и полагаемъ, что именно въ этомъ и заключается самая слабая струна нашего сатирика. Не таланта недостаетъ ему, не наблюдательности, не мѣткости, не силы и образности выраженія; нѣтъ, ему недостаетъ ясной мысли, стройнаго и послѣдовательнаго міросозерцанія, которыя бы дали содержаніе его сатирѣ. Щедринъ, обладающій всѣми средствами художественности, только злоупотребилъ ими, не давъ имъ живого современнаго развитія. Какъ всталъ онъ разъ на почву отрицанія, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, такъ на ней и застылъ, и довелъ свое отрицаніе до той крайности, которая отрицаніе превратила въ смѣющийся надъ всѣмъ скептицизмъ. Не обманывайтесь тѣмъ, что сатирикъ какъ-будто рисуетъ новые образы, выводитъ на сцену прокуроровъ, адвокатовъ, правовѣдовъ и барышень, разрѣшающихъ женскій вопросъ у Дюссо. Это все тотъ-же отрицающій смѢхъ, смѣющийся ради смѣха, но не заключающій въ себѣ, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, ничего положительнаго и, такъ сказать, умственно руководящаго. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Щедринъ участвовалъ въ общемъ хорѣ, гдѣ главными запѣвалами были другіе люди, другіе писатели. дѣйствовавшіе на серьезную мысль, Щедринъ являлся очень полезнымъ подспорьемъ, но теперь, когда эти дѣятели сошли со сцены, никѣмъ незамѣненные, второстепенные пѣвцы выступили на первый планъ и голосъ ихъ, прежде едва

доходившій до публики, теперь покрываетъ все собой, хотя далеко не восполняетъ былого хора. Но если-бы тотъ-же самый Щедринъ, обладающій несомнѣннымъ талантомъ—и это мы готовы повторять десятки разъ—въ этотъ двадцати-лѣтній періодъ зрѣлъ-бы не усиленіемъ своего саркастическаго таланта, и выработалъ-бы для своей мысли научно-общественное содержаніе, то, конечно, его сатира явилась-бы не однимъ хохотомъ надъ всѣмъ, а положительной силой съ умственнымъ, руководящимъ содержаніемъ. И мы говоримъ объ этомъ съ тѣмъ большимъ сожалѣніемъ, что Щедринъ единственный талантливый человѣкъ современной художественной русской литературы, которая въ силу своей общедоступности, могла-бы имѣть громадное воспитательное вліяніе.

Н. Языковъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ ВЪ 1875 ГОДУ.

Позвольте, непременно скажетъ читатель, настроенный въ воинственномъ духѣ: съ чего это вы взяли толковать намъ объ естествознаніи, когда всѣ только и заняты балканскими событіями и дипломатической ворожбой на кофейной гущѣ по восточному вопросу? Къ чему вы ведете насъ въ холодную и безстрастную область науки, когда все стремится идти въ Сербію, къ стѣнамъ Константинополя, чтобы собрать тамъ побѣдныя лавры? Съ чѣмъ это сообразно толковать о землетрясеніяхъ, солнечныхъ пятнахъ, о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ Дарвина—этого презрѣннаго англичанина, какъ слововзвергаетъ г. О. Миллеръ о всей Англии, когда насъ интересуютъ вовсе не Дарвины, а константинопольскіе софты, Керимы-паши, Османы-паши и т. п.? Ну кто васъ будетъ слушать, когда самъ великій публицистъ, г. Суворинъ, даже болѣе великій, чѣмъ г. О. Миллеръ, увѣряетъ насъ, что „теперь только и въ ходу, что непонятно, что противорѣчить здравому смыслу“,—до чего, какъ извѣстно, не договаривались даже прусскіе вахмистры, сгоравшіе патриотической ненавистью къ французамъ. Да, проникательный читатель, мы и сами начинаемъ догадываться, что наука — неумѣстна, когда *только то и въ ходу, что противорѣчитъ здравому смыслу*; въ такіе торжественные моменты всеобщаго умозатѣвнія всего лучше мотать головой и размахивать во всѣ стороны руками. Эти жесты, во-первыхъ, будутъ служить яснымъ выраженіемъ нашего воинственного настроенія и внушительной нотой для презрѣннаго Запада.

Но положимъ, что, внимая совѣтамъ нѣкоего полицей-публициста „Новаго Времени“, мы, наконецъ, среди воинственнаго азарта, перешагнемъ Балканы и приберемъ къ своимъ рукамъ славянскихъ братьевъ, хотя-бы только въ одной Болгаріи, истребимъ до послѣдняго башки-бузукъ и, подобно вѣщому Олегу, приберемъ свой мечъ на вратахъ Царьграда,—положимъ, что все это мы совершимъ также легко, какъ военную прогулку въ Ташкентъ, — ну, а дальше что-же? Чѣмъ мы осчастливимъ своихъ братьевъ, кромѣ платоническаго сочувствія и оливковой вѣтви мира? Что мы принесемъ имъ, кромѣ той матеріальной силы, которая въ наше время выражается въ количествѣ круповскихъ пушекъ? Не подумайте, чтобы мы игнорировали значеніе круповской пушки,—этого послѣдняго аргумента въ *братскихъ* международныхъ отношеніяхъ; нѣтъ, мы очень хорошо знаемъ, какъ назидательно она дѣйствуетъ на наше поколѣніе, но не въ ней надо искать той національной связи, которая соединяетъ одинъ народъ съ другимъ, побѣдителя съ побѣжденнымъ; не она уничтожаетъ антагонизмъ и противорѣчія, которыя такъ рѣзко отдѣляютъ одну націю отъ другой, при всей кажущейся солидарности ихъ. Чтобы вызвать дѣйствительныя симпатіи къ себѣ у народа, который подчинится нашему господству, чтобы слить его съ собою не случайнымъ и чисто-внѣшнимъ звеномъ, а дать ему глубоко почувствовать, что нашъ союзъ будетъ для него союзомъ благотворнымъ, источникомъ счастья и добра,—для этого надо обладать гораздо болѣе высокимъ уровнемъ цивилизаціи и культуры, чѣмъ обладаемъ мы. Еще недостаточно сказать, что ты мой братъ, и слѣдовательно долженъ любить и уважать меня; нѣтъ, надо доказать, что братъ, дѣйствительно, обязанъ мнѣ своимъ благополучіемъ, и за него-то онъ любить меня и нравственно привязанъ ко мнѣ самъ. Мы часто указываемъ на старую Францію, какъ на сильное объединяющее орудіе различныхъ національностей; она органически и неразрывно слилась съ нѣмцами, италіянцами, батавами, басками и т. п., но это сліяніе, эта историческая солидарность совершилась не потому, что ея пушки были лучше италіянскихъ или нѣмецкихъ, что ея католицизмъ былъ прекраснѣе протестантизма, а потому, что она первая выбросила знамя великихъ общечеловѣческихъ правъ, столь противоположныхъ узко-национальнымъ и эгоистическимъ прѣвѣмъ, и прѣвѣвала къ участію въ нихъ другія

націи. Что, повидимому можетъ быть лучше бисмарковскихъ штыковъ и его круповскихъ пушекъ, а между тѣмъ изъ прибранныхъ къ его рукамъ Эльзаса и Лотарингіи французы тысячами бѣгутъ, оставляя позади себя могилы отцовъ и имущество; а вѣдь это бывшіе нѣмцы, только переработанные французской культурой и, благодаря ей, неразрывно связанные съ Франціей. Тоже самое мы видимъ и на нашихъ славянскихъ братьяхъ. Болѣе пяти вѣковъ, какъ Турція хозяйничаетъ у нихъ, и что-же она дала имъ впродолженіи этихъ пяти вѣковъ? Облегчила-ли она ихъ матеріальное положеніе и возвысила-ли ихъ соціально-нравственный уровень? Нѣтъ; кромѣ насилія и эксплуатаціи побѣжденнаго, кромѣ омерзительнаго управленія, основаннаго на безумномъ презрѣніи къ раи, она ни одной свѣтлой искрой человѣческаго чувства и мысли не освѣтила этого длиннаго пути страданій, и славяне всегда готовы были возмутиться противъ деспота, какъ и въ первый годъ своего злополучнаго подчиненія варварскому господству. Но если-бы Турція позаботилась дать завоеваннымъ ею народамъ лучшую и болѣе разумную жизнь, поднять духовный и матеріальный уровень славянъ до болѣе высшей точки, чѣмъ у ихъ сосѣдей, у славянъ австрійскихъ или прусскихъ, то ихъ никакими-бы круповскими пушками не оторвали отъ ея политическаго и національнаго организма. Отъ добра, добра не ищутъ—и эта пословица примѣняется какъ къ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и къ коллективно-народнымъ единицамъ. Поэтому, собираясь идти къ стѣнамъ Константинополя, нашимъ искусственно-подогрѣтымъ героямъ слѣдовало-бы поменьше кипятиться и хладнокровно разсудить о томъ что мы можемъ дать своимъ братьямъ и на чемъ, кромѣ нѣжныхъ объятій, построить ихъ единеніе съ нами? Если-бы послѣ Петра Великаго, мы дѣятельно и послѣдовательно развивали указанную имъ историческую задачу, то намъ не нужно было-бы теперь ходить за Балканы къ своимъ угнетеннымъ братьямъ, а они уже давно пришли-бы къ намъ и слились-бы съ нами. Наша высшая культура, наша соціально-умственная сила давно оторвали-бы ихъ отъ Турціи, не уничтожая ни ихъ самостоятельнаго существованія, ни ихъ національной жизни. А теперь?.. Теперь обратимся къ научной хроникѣ и не будемъ бояться говорить о Дарвинѣ, когда всѣмъ хочется говорить о побѣднхъ лаврахъ...

Мы уже сообщили нашимъ читателямъ на страницахъ своего журнала *), съ какимъ интересомъ астрономы направились на прохожденіе Венеры черезъ солнце; на всѣхъ обсерваторіяхъ земного шара шла самая дѣятельная работа и самый смирный, мало кому доступный астрономическій міръ, видимо, оживился и многихъ заинтересовалъ. Къ числу болѣе замѣчательныхъ наблюденій надо отнести наблюденія надъ процессами, совершающимися на солнцѣ и имѣющими громадное вліяніе на обитаемую нами планету. Извѣстно, что число и размѣры солнечныхъ пятенъ, изслѣдованіемъ которыхъ такъ давно занимается астрономія, подвержены періодическому увеличенію и уменьшенію, причѣмъ полный циклъ составляетъ нѣсколько болѣе одиннадцати лѣтъ; въ настоящее время мы переживаемъ періодъ наименьшаго повторенія вообще явленій на поверхности солнца, точно также какъ и электро-магнитныхъ явленій на земномъ шарѣ, — явленій, связь которыхъ съ солнечными пятнами считается доказаннымъ фактомъ. Уменьшеніе частоты, а главное — интенсивности пертурбацій, совершающихся на солнцѣ, пошло въ особенности быстро съ середины августа 1874 г., такъ что втеченіи 1875 г. поверхность солнца нрѣдко не представляла ни одного пятна, а окрестность хромосферы являлась правильно круговою, безъ сколько-нибудь значительныхъ возвышеній и изверженій; вмѣстѣ съ тѣмъ — и на это особенно указываетъ патеръ Феррари въ своей работѣ о связи солнечныхъ пятенъ и магнитныхъ пертурбацій — съ этого-же времени и колебанія магнитныхъ стрѣлокъ стали гораздо рѣже и меньше; то-же уменьшеніе замѣчалось и относительно сѣверныхъ сіяній и тому подобныхъ атмосферическихъ явленій. Это продолжалось до начала февраля 1875 г., и до этого-же времени во всей Европѣ стояла теплая и хорошая погода; но съ 4 (16) февраля погода разомъ измѣнилась въ худшему; барометръ падалъ, снѣгъ покрывалъ почти всю южную Европу, наступили холода, какихъ не было въ декабрѣ и январѣ; съ этого-же времени и колебанія магнитной иглы стали чаще и значительно больше. Патеръ Феррари указываетъ, что съ этимъ измѣненіемъ совпадаетъ и постепенное усиленіе процессовъ на солнечной поверхности; съ середины января и до 5 февраля она представляла замѣчательное и необыкновенное спо-

*) См. янв. кн. „Дѣло“ за 1876 годъ. „Научная Хроника“.

койствіе, такъ что во весь этотъ періодъ времени на всей поверхности солнца были замѣчены всего только два очень маленькихъ пятна; но съ 5 февраля видъ солнечной поверхности рѣзко измѣнился; въ этотъ день астрономы римской коллегіи констатировали изверженіе близъ восточнаго края, вслѣдъ за которымъ появилось большое пятно, а за этимъ еще другое, меньшее; 12 февраля разомъ показались на срединѣ солнечнаго диска еще два другихъ пятна, а 14 февраля ихъ было уже шесть; въ этотъ же день барометръ и термометръ упали до *minimum*'а всего мѣсяца, а для многихъ мѣстъ Европы даже до *minimum*'а всей зимы; магнитная стрѣлка сильно колебалась, во многихъ мѣстностяхъ было видимо сѣверное сіяніе и, наконецъ, микроскопическія колебанія маятника увеличились до совершенно необыкновенной степени, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италіи, Греціи и Архипелага были даже изверженія газовъ и водяныхъ паровъ. Профессоръ Росси пишетъ также, что въ это время въ окрестностяхъ Рима животныя были въ возбужденномъ и взволнованномъ состояніи, какъ передъ землетрясеніями.

И дѣйствительно, во второй половинѣ февраля въ разныхъ мѣстностяхъ южной Европы, въ Аппенинахъ и на Цикладахъ стали чувствоваться легкія, едва замѣтныя колебанія почвы; сначала эти колебанія констатировались только самыми точными и чувствительными сисмологическими инструментами, но потомъ, усиливаясь, сдѣлались очень чувствительными и для простаго наблюденія. 5 марта, въ восемь часовъ утра, въ восточной Италіи, въ бассейнѣ Пьяве, въ Беллуно, жители почувствовали хотя легкій, но очень явственный, отрывистый, короткій толчокъ. Вечеромъ того же дня, около одиннадцати часовъ, колебаніе почвы чувствовалось по всей восточной Италіи и распространилось до береговъ Далмаціи на востокъ, на западъ до середины Тосканы; центръ его находился, повидимому, около Римини, гдѣ землетрясеніе и было всего сильнѣе, ослабѣвая по мѣрѣ отдаленія. Благодаря многочисленнымъ сисмологическимъ станціямъ, организованнымъ въ послѣдніе годы въ Италіи частью съ правительственною помощью, частью на городскія, коммунальныя и частныя средства, это землетрясеніе могло быть изслѣдовано съ нѣкоторою точностью. Серпъери, директоръ обсерваторіи въ Урбино, компилировалъ отчеты болѣе чѣмъ ста станцій, разбѣянныхъ въ сѣверной и сред-

ней Италіи, самъ осмотрѣлъ лично наиболѣе пострадавшія мѣстности, какъ Римини, Червіо и Казенатико, и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Землетрясеніе въ Далмаціи и Истріи произошло *въ тотъ-же самый моментъ*, какъ и въ Италіи.

2) Колебаніе почвы въ этихъ двухъ провинціяхъ шло отъ нижнихъ къ высшимъ широтамъ, а именно съ юго-востока къ сѣверо-западу.

3) Направленіе землетрясенія въ Италіи было то-же, что и въ Далмаціи; движеніе почвы шло съ юга-и юго-востока.

4) Многія волнообразныя колебанія измѣнились въ своемъ направленіи топографическимъ положеніемъ мѣстности.

5) Первые центры поверхностнаго колебанія (*фокуснаго или лучистаго*) были расположены по прямой линіи, идущей отъ Камерано на сѣверо-западъ, и очень приближались къ Флоренціи: линія эта обуславливалась непосредственно силами, дѣйствовавшими на почву.

6) Въ этотъ разъ цѣпь Аппенинъ, идущая къ востоку отъ Тибра, испытала первая толчекъ подземныхъ силъ, тогда какъ въ землетрясеніи 12 марта 1873 г. этому толчку подверглась сначала аппенинская цѣпь къ западу отъ Тибра.

7) Надо думать, что древняя дѣятельность подземныхъ силъ, выдвинувшая центральныя Аппенины, продолжается еще и въ настоящее время, и это поднятіе главнаго итальянскаго хребта, по видимому, еще нельзя считать оконченнымъ.

8) Ударъ или давленіе подземныхъ силъ шло съ огромной глубины, что доказывается одновременностью землетрясенія въ Италіи и Далмаціи; наибольшую силу это давленіе имѣло въ восточномъ своемъ направленіи.

9) Подземныя силы, дѣйствовавшія съ огромной глубины, были направлены не по радіусу земли, а наклонно къ нему, составляя съ горизонтомъ уголъ отъ 60° до 70°.

10) Берегъ Адриатическаго моря испыталъ сильный толчекъ снизу вверхъ, за которымъ слѣдовало нѣсколько другихъ толчковъ; толчекъ этотъ предшествовалъ тремъ или четыремъ минутами колебанію почвы въ Аппенинахъ.

11) Эти толчки были наклонны къ горизонту и шли изъ глубины въ направленіи сѣвера или сѣверо-запада.

12) Среди этихъ толчковъ снизу вверхъ въ Римини мгновенно образовался какъ-бы новый токъ подземныхъ силъ ужасающей энергій, параллельный тому, который за четыре минуты спустя потрясалъ основы Аппенинъ, проходящихъ къ востоку отъ Тибра, такъ что былъ моментъ, когда одна и та-же мѣстность испытывала два землетрясенія въ различныхъ направленіяхъ.

13) Этотъ новый токъ подземныхъ силъ, появившійся какъ только первые удары потрясли почву, имѣлъ видъ, какъ-будто эти первые удары дали разомъ свободу давно накопившемуся запасу боковыхъ подземныхъ силъ, связанныхъ до этого момента и вдругъ освободившихся, благодаря сотрясенію почвы.

14) Вдоль всего восточнаго подножья Аппенинъ быстро образовались трещины земной поверхности съ изверженіемъ газовъ и паровъ воды, которыя объясняютъ и землетрясенія, случавшіяся такъ часто втеченіи прошлаго и нынѣшняго вѣка въ этой мѣстности, и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаютъ и предположеніе, что здѣсь втеченіи долгаго времени накапливались подземныя силы, которыя теперь и освободились землетрясеніемъ снизу вверхъ, предшествовавшимъ этому боковому удару.

Новая и оригинальная сторона работы Серпъери, могущая имѣть самыя плодотворныя послѣдствія для изслѣдованія столь темнаго еще для насъ дѣйствія подземныхъ силъ, состоитъ именно въ трехъ послѣднихъ параграфахъ и въ мысли, что въ мѣстности можетъ быть вѣковое накопленіе подземныхъ силъ, которыя, наконецъ, освобождаются и приводятся въ дѣятельное состояніе даже легкимъ землетрясеніемъ, происходящимъ совершенно помимо ихъ. Впрочемъ, вообще надо сказать, что по этой части космической физики, до самаго послѣдняго времени совершенно оставленной безъ вниманія, въ послѣдніе годы, и именно въ Италіи, предпринято много наблюденій и изслѣдованій; очень много частныхъ людей, школъ и разныхъ общественныхъ заведеній обзавелись болѣе или менѣе удовлетворительными аппаратами, такъ что въ настоящее время не только сильныя землетрясенія, но и легкія колебанія почвы, незамѣтныя для человѣка, но улавливаемыя чувствительными аппаратами, наблюдаются болѣе или менѣе систематично въ болѣе, чѣмъ трехъ стахъ мѣстностяхъ Италіи, что придаетъ этому вопросу громаднѣйшій интересъ и должно подвинуть впередъ его рѣшеніе.

Извѣстно, что давно уже, когда объ аппаратахъ для наблюдений не было и рѣчи, на основаніи теоретическихъ соображеній было введено предположеніе, что землетрясенія должны быть въ связи съ фазами луны, подобно морскимъ приливамъ, такъ-какъ можно думать, что притяженіе солнца и луны, производящее въ жидкой массѣ океановъ приливы, должно дѣйствовать точно такъ-же и на жидкую массу земной внутренности. Перре собралъ всѣ факты землетрясеній съ 1801 г. до 1872 г., и, сопоставивъ ихъ съ фазами луны, пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ:

1) Землетрясенія происходятъ чаще въ новолуніе и въ полнолуніе, чѣмъ въ первую и въ послѣднюю четверть, что совершенно соотвѣтствуетъ наибольшимъ и наименьшимъ приливамъ.

2) Они чаще, когда луна въ перигеѣ, чѣмъ въ апогеѣ, что также соотвѣтствуетъ приливамъ.

3) Они чаще во время прохожденія луны черезъ меридіанъ, чѣмъ въ другіе моменты.

Шмидтъ, директоръ афинской обсерваторіи, собравъ, съ своей стороны, огромное количество фактовъ землетрясенія на востокѣ, совершенно подтверждаетъ второй законъ Перре, первый-же только отчасти; онъ нашелъ, что всего чаще совершаются землетрясенія въ новолуніе и два дня послѣ первой четверти, а всего рѣже въ послѣднюю четверть. Относительно связи сисмологическихъ явленій съ положеніемъ земли относительно солнца Шмидтъ нашелъ, что они всего чаще бывають около перигелія, всего рѣже около афелія. Часы дня тоже, повидимому, вліяють на частоту землетрясеній, а именно maximum частоты падаетъ приблизительно на половину третьяго ночи, minimum на три четверти перваго пополудни; точно также Шмидтъ подтверждаетъ мнѣніе многихъ сисмологовъ относительно связи сисмологическихъ явленій и съ высотой барометра.

Говоря о работахъ по метеорологіи и физикѣ земного шара, нельзя не упомянуть и о несчастномъ случаѣ „Зенита“, надѣлавшемъ такого шума и о которомъ такъ много говорилось въ свое время; но такъ-какъ эта катастрофа, въ общихъ и главныхъ ея чертахъ, уже извѣстна нашимъ читателямъ, то мы ограничимся здѣсь только передачею научныхъ результатовъ этого несчастна о воздушнаго путешествія.

Извѣстно, что Глэшеръ въ Англіи возобновилъ воздухоплава-

тельные экспедиціи съ научною цѣлью, оставленныя-было совершенно; во Франціи эти экспедиціи начались нѣсколько позже, но вскорѣ въ нихъ приняло участіе общество воздухоплаванія, дало имъ болѣе правильную организацію, обдуманную програму и средства наблюденія. Обсуждая програму метеорологическихъ наблюдений въ воздушномъ шарѣ, общество пришло къ убѣжденію, что воздухоплавательныя экспедиціи въ настоящихъ ихъ размѣрахъ не могутъ дать существенныхъ результатовъ и что для дальнѣйшихъ успѣховъ метеорологіи необходимо, чтобы наблюдатели или оставались очень долго въ высокихъ слояхъ, или подымались на огромныя высоты, и потомъ съ начала 1875 г. рѣшено было организовать два путешествія, одно продолжительное, другое на большую высоту. Сивель предложилъ обществу свой аэростатъ „Зенитъ“, отлично сдѣланный, оболочка котораго отличается легкостью и совершенною непроницаемостью для газа.

Первое путешествіе было сдѣлано Сивелемъ, Кросе-Спинелли, братьями Тиссандье и Жюберомъ, — людьми опытными въ воздухоплаваніи. Аэростатъ поднялся 23 марта, въ 6 часовъ 20 минутъ пополудни, изъ газоваго завода въ Виллетъ (въ предмѣстьи Парижа) и опустился на другой день въ пять часовъ вечера около Аркашона, пробывъ въ воздухѣ безъ малаго сутки, и достигнувъ высоты 1,821 метра (утромъ 24 марта). Низшую температуру — 4 градуса ниже нуля — воздухоплаватели встрѣтили на высотѣ тысячи метровъ, но это объясняется тѣмъ, что они достигли этой высоты въ два часа ночи и оставались на ней до восхода солнца; впрочемъ, вообще пониженіе температуры, какъ уже давно извѣстно, не идетъ правильно съ возвышеніемъ надъ горизонтомъ и много зависитъ отъ теплыхъ или холодныхъ воздушныхъ теченій и другихъ условій. Относительно богатства различныхъ слоевъ атмосферы водяными парами — это въ настоящее время очередной вопросъ въ метеорологіи — Кросе-Спинелли дѣлалъ наблюденія спектроскопомъ; съ вечера, послѣ заката солнца, и ночью, когда аэростатъ не достигъ еще большой высоты и въ воздухѣ чувствовалась сырость, спектроскопъ показывалъ широкія сгущенныя полосы водяныхъ паровъ, но какъ только солнце показалось надъ горизонтомъ, причежъ и воздушный шаръ одновременно поднялся выше, полосы эти стали быстро уменьшаться и сдѣлались, наконецъ, едва замѣтными, что подтверждаетъ

предположеніе, что водяные пары не переходятъ извѣстной, весьма небольшой высоты, и что высокіе слои атмосферы совершенно свободны отъ нихъ. Изслѣдованіе количества углекислоты въ воздухѣ, дѣланное при помощи особаго прибора, изобрѣтеннаго Эре-Мангономъ, привело къ слѣдующему выводу: количество углекислоты въ воздухѣ вообще уменьшается отъ поверхности къ верхнимъ слоямъ атмосферы, но это уменьшеніе неправильно, и, вѣроятно, на содержаніе углекислоты въ воздухѣ топографическія условія имѣютъ больше вліянія, чѣмъ высота.

Второе воздушное путешествіе, имѣвшее програмою достигнуть очень большой высоты, было предпринято 15 апрѣля; въ немъ участвовали Кросе-Спинелли, Сивель и Тиссандье. Шаръ поднялся въ 11^{1/2} часовъ утра, когда термометръ показывалъ + 14°; въ нѣсколько минутъ онъ достигъ высоты 792 метровъ, гдѣ термометръ упалъ до + 8°; эта температура сохранилась до 1,267 метровъ, но выше термометръ сталъ опять падать и на высотѣ 3,200 м. онъ показывалъ уже только + 1°. Въ четверть перваго, когда солнце сильно грѣло, термометръ поднялся на одинъ градусъ, хотя шаръ достигъ высоты 3,698 м., но съ дальнѣйшимъ поднятіемъ сталъ падать, и на высотѣ 6,387 м. стоялъ уже на нулѣ. Здѣсь шаръ сталъ опять опускаться, но и термометръ продолжалъ падать, и на высотѣ 5,210 метровъ стоялъ на *пяти градусахъ ниже нуля*; когда баластъ былъ выброшенъ и шаръ снова быстро поднялся, термометръ на высотѣ 6,700 м. показывалъ — 8°, на 7,000 м. — 10°, на 7,400 м. — 11° (въ двадцать минутъ второго пополудни). Термографъ, заключенный въ самоъ шарѣ, показывалъ, что газъ сильно нагрѣвался при поднятіи на значительную высоту, и на 5,300 м., когда внѣшняя температура была 5° ниже нуля, внутри шара газъ имѣлъ температуру 23°, которую онъ сохранилъ и въ тотъ моментъ, когда опустился на землю.

Результаты спектроскопическихъ наблюденій остались неизвѣстны, но Тиссандье помнитъ, что на высотѣ 5,000 метровъ Кросе-Спинелли, дѣлавшій ихъ, крикнулъ, что абсорбціонныя полосы водяныхъ паровъ совершенно исчезли.

Извѣстно, что это кратковременное путешествіе (оно продолжалось всего около четырехъ съ половиною часовъ) кончилось смертью Кросе-Спинелли и Сивеля и глубокимъ обморокомъ Тис-

сандье, такъ-что вторая половина путешествія, а именно пребываніе шара на наибольшей высотѣ, почти неизвѣстны въ своихъ подробностяхъ. На высотѣ 4,600 м. у Тиссандье пульсъ поднялся до 110 ударовъ въ минуту, на 5,300 м. у Кросе-Спинелли пульсъ былъ 120, у Сивеля 155, Тиссандье дѣлалъ 26 вдыханій въ минуту, „но вообще, говорить Тиссандье,— до высоты 7,000 м. ни одинъ изъ насъ не страдалъ серьезно отъ уменьшенія барометрическаго давленія, благодаря вдыханію воздуха, богатаго кислородомъ (70% кислорода), приготовленнаго аптекаремъ Лимузеномъ, по указаніямъ академика Берга. На 6,000 м. Кросе-Спинелли и Сивель очень поблѣднѣли, а первый часто закрывалъ глаза, но нѣсколько вдыханій живительнаго газа снова придавали намъ бодрость. На 7,500 м. мы сидѣли неподвижно въ лодочкѣ, съ нѣсколько затеменнымъ уже сознаніемъ, но Сивель, придя въ себя, высыпалъ три мѣшка баласта, чтобы достигнуть высоты 8,000 м. и даже перейти ее, согласно программѣ. Чувство тяжести, которое мы испытывали на этой высотѣ, въ высшей степени странно; тѣло и умъ слабѣютъ постепенно, но не сознательно для насъ; мы нисколько не страдали, и не только не думали объ опасности, но были совершенно счастливы, что поднимались. Вскорѣ я почувствовалъ себя до такой степени слабымъ, что уже не былъ въ состояніи повернуть головы, чтобы взглянуть на моихъ спутниковъ; хотѣлъ-было взять трубку отъ мѣшка съ кислородомъ, но не имѣлъ силы поднять руку; между тѣмъ умъ мой былъ совершенно ясенъ. Я все время смотрѣлъ на барометръ, слѣдя за указателемъ, который опустился до 280 миллиметровъ (8,002 метровъ) и продолжалъ быстро опускаться, хотѣлъ-было крикнуть, что мы на 8,000 метровъ, но языкъ былъ какъ-бы парализованъ; вдругъ я закрылъ глаза и упалъ, совершенно потерявъ сознаніе. Это было, вѣроятно, около половины второго.

„Я опомнился въ 2 ч. 8 м.; шаръ быстро опускался; я выбросилъ еще мѣшокъ, чтобы замедлить опусканіе, и могъ записать высоту барометра, стоявшаго на 315 миллиметрахъ (7,059 метровъ) и термометра (-8°); это было, кажется, въ 2 ч. 20 м. Тутъ я снова почувствовалъ себя дурно, но помню, что слизу вверхъ дулъ сильный вѣтеръ, что указывало на очень быстрое паденіе. Нѣсколько минутъ спустя пришелъ въ себя и Кросе-Спи-

нелли, схвативъ меня за руку и замѣтивъ, что нужно выбросить еще баласту, сдѣлалъ это самъ. Шаръ, очень нагрѣтый, быстро поднялся снова; нужно было-бы открыть клапанъ, но никто изъ насъ не имѣлъ силы повернуть его. Я потерялъ во второй разъ сознание и очнулся въ половинѣ четвертаго, когда мы были на высотѣ 6,000 метровъ. Кросе-Спинелли и Сивель лежали уже мертвые, съ почернѣвшимъ лицомъ, полузакрытыми глазами, запекшимися, опухшими и окровавленными губами и холодными руками. Когда шаръ опустился, перейдя первый разъ 8,000 метровъ, они навѣрно были еще живы, и умерли во время второго подъема“.

Наибольшая высота, достигнутая шаромъ, должна быть 8,500—8,600 м., какъ показываютъ двѣ уцѣлѣвшія барографическія трубки; это заставляетъ въ высшей степени усомниться, чтобы Глэшеръ дѣйствительно поднялся, какъ онъ увѣряетъ, до 11,000 метровъ.

Замѣчательно, что и Кросе-Спинелли, и Сивель, готовившаяся къ этой экспедиціи, приучали себя подъ колоколомъ въ лабораторіи Берта къ разрѣженному воздуху, чего не дѣлалъ Тиссандье; но этотъ послѣдній объясняетъ ихъ смерть тѣмъ, что они передъ самымъ путешествіемъ плотно позавтракали, тогда-какъ онъ былъ съ тощимъ желудкомъ.

Безполезно напоминать читателямъ, какъ было принято во всемъ цивилизованномъ мірѣ извѣстіе объ этой катастрофѣ. Сивель и въ особенности Кросе-Спинелли для Франціи, а главное для Парижа, стали героями и жертвами науки, отдавшими свою жизнь, чтобы исполнить взятое на себя научное обязательство; гѣла ихъ провожались на кладбище десятками тысячъ парижанъ, парижскимъ муниципальнымъ совѣтомъ, депутаціей отъ академіи наукъ, отъ общества воздухоплавания и т. д.; подписка для обезпеченія ихъ родныхъ была быстро покрыта, — однимъ словомъ, Франція выказала имъ сочувствіе, котораго никакъ нельзя было ожидать отъ нея къ людямъ науки. Кто-то въ литературѣ предложилъ написать на ихъ могилѣ „Excelsior“, — не знаемъ, было-ли принято это предложеніе.

Прошлый годъ особенно былъ богатъ паденіемъ метеоритовъ, конечно, не такъ богатъ, какъ социальная атмосфера паденіемъ биржевыхъ игроковъ и разнаго рода плутократовъ, но все-же мы можемъ указать на нѣсколько замѣчательныхъ явленій. Въ особенно странныхъ условіяхъ произошло паденіе такъ-называемаго фрозивонскаго метеорита, упавшаго 14 ноября въ деревнѣ Сипино, въ фрозивонскомъ округѣ. Въ 4 часа пополудни, при слегка покрытомъ легкими облаками небѣ, раздался какъ-бы глухой ружейный выстрѣлъ, сопровождавшійся продолжительнымъ свистомъ, и въ то-же время на средину деревенской площади упалъ съ страшной быстротой огненный шаръ, оставляя за собою въ воздухѣ длинный слѣдъ искръ и дыма. Ударившись о землю, метеоритъ принялъ горизонтальное направленіе, пролетѣлъ черезъ сквозной коридоръ стоявшаго на площади дома и пропалъ изъ виду, оставивъ на площади и позади дома нѣсколько осколковъ, изъ которыхъ самый большой вѣсомъ около фунта. Что еще замѣчательно въ этомъ аэролитѣ, это то, что осколки, поднятые тотчасъ-же послѣ паденія, оказались горячими, но не накаленными, такъ-что ихъ можно было держать въ рукѣ; извѣстно, что аэролиты, пролетая черезъ земную атмосферу, накаливаются отъ тренія до того, что наружный слой ихъ плавится и сами они большею частію лопаются; впрочемъ, есть нѣсколько примѣровъ, что метеориты сохраняли при паденіи болѣе или менѣе холодъ междузвѣздныхъ пространствъ; такъ, на примѣръ, аэролитъ, упавшій въ 1860 г. (14 іюля) въ Индіи, около Дурмсалла, былъ такъ холоденъ, что температура его была только нѣсколько выше температуры воздуха.

Другой метеоритъ упалъ въ городѣ Орлеанѣ; бывшіе на улицѣ видѣли паденіе какъ-бы огромнаго пламени, и когда дымъ разсѣялся, на улицѣ оказался разбившійся на нѣсколько кусковъ аэролитъ; куски эти были взяты присутствовавшими, и ни одинъ не былъ изслѣдованъ.

Три другихъ метеорита, упавшіе въ Италиі, одинъ въ Греціи (въ Архипелагѣ), два въ Испаніи, не представляютъ ничего замѣчательнаго, такъ-какъ самые аэролиты не были найдены, а свидѣтели паденія не могли дать точныхъ указаній ни о направленіи ихъ полета, ни даже о времени ихъ паденія. Метеоритъ, упавшій 12 февраля въ Джбуэ, въ Соединенныхъ

Штатахъ, былъ единственный изъ аэролитовъ этого года, который былъ не только наблюдаемъ во время паденія, но и подвергнуть анализу. Онъ покрытъ, какъ огромное большинство метеоритовъ, плотной корой полурасплавленного вещества и содержитъ множество большихъ или меньшихъ зеренъ металлическаго желѣза, содержащаго газъ, улетучивающійся при обыкновенной температурѣ. Спектроскопъ тотчасъ-же указалъ въ этомъ газѣ значительное содержаніе окисловъ углерода, а именно 35 процентовъ углекислоты и 14 окиси; остатокъ состоялъ, по большей части, изъ водорода. Этотъ анализъ подтверждаетъ различіе, дѣлаемое въ настоящее время между литондными и желѣзистыми метеоритами, изъ которыхъ первые содержатъ главнымъ образомъ окислы углерода, а вторые—водородъ.

Спектръ газа при давленіи нѣсколькихъ миллиметровъ далъ чрезвычайно блестящія линіи углерода, линіи-же водорода были сравнительно слабы и неясны, но при еще меньшемъ давленіи и онѣ вступили нѣсколько рѣзче. Замѣчательно, что изъ линій углерода всего отчетливѣе и блестящѣе были три линіи въ синемъ и зеленомъ, т. е. именно тѣ самыя, которыя такъ рѣзко выдѣляются въ спектрѣ кометъ, что даетъ новое подтвержденіе теоріи метеорическаго ихъ характера.

Ротъ, дѣлавшій анализъ этого метеорита, изслѣдовалъ сверхъ того газы и другихъ метеоритовъ и пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Метеорическіе камни отличаются отъ желѣзистыхъ метеоритовъ тѣмъ, что содержатъ, какъ характеристическіе газы, окислы углерода, тогда какъ послѣдніе содержатъ главнымъ образомъ водородъ.

2) Окислы эти выдѣляются въ большемъ количествѣ при низкой, чѣмъ при высокой температурѣ, и притомъ количество ихъ достаточно, чтобы совершенно маскировать водородъ въ спектрѣ.

3) Количество газовъ, содержащихся въ большомъ метеоритѣ или группѣ метеоритовъ, составляющихъ кометное ядро, достаточно для образованія слѣда или хвоста.

4) Спектръ газовъ этихъ метеоритовъ почти одинаковъ съ спектромъ нѣкоторыхъ кометъ.

Замѣтимъ, впрочемъ, что противъ этихъ заключеній возсталъ

Малле, приводя противъ нихъ, съ своей стороны, тоже важныя аргументы.

Кромѣ этой работы о составѣ метеоритовъ упомянемъ еще о трехъ подобныхъ изслѣдованіяхъ, Сивѣша, Пизани и Смита. Первый изслѣдовалъ орвинивскій метеоритъ и нашелъ его состоящимъ почти изъ 19 процентовъ металлическаго желѣза, около 3 никеля, $5\frac{1}{2}$ сѣрнистаго желѣза, слѣдовъ кобальта и хромистаго желѣза, и около 75 процентовъ силикатовъ. Родскій метеоритъ, изслѣдованный Пизани, оказался несодержащимъ ни металлическаго желѣза, ни никкеля; Добрэ находитъ въ немъ большое сходство съ вулканическими образованіями. Смитъ изслѣдовалъ метеоритъ, упавшій 14 мая 1874 г., въ половинѣ третьяго пополудни, въ графствѣ Нэшъ, въ сѣверной Каролинѣ, около Кастиліи. Паденіе сопровождалось нѣсколькими взрывами, продолжавшимися четыре минуты и похожими на пушечныя выстрѣлы. Осколковъ упало, по всей вѣроятности, болѣе дюжины, но только три были найдены; по мѣсту ихъ паденія видно, что площадь, на которую они упали, имѣла, по крайней мѣрѣ, десять миль въ длину и болѣе трехъ въ ширину. Хотя дѣло было въ третьемъ часу пополудни, слѣдовательно, при полномъ дневномъ освѣщеніи, метеоритъ былъ видѣнъ въ воздухѣ еще раскаленнымъ.

Дальнѣйшія наблюденія показали, что метеориты представляютъ не только тѣ-же самыя химическія элементы, которые мы имѣемъ и на землѣ, но что въ нихъ находятся и сложныя соединенія, и что земныя минералы повторяются и въ небесныхъ тѣлахъ. Прежняя геологія, принимавшая въ исторіи земного шара рядъ катастрофъ, за которыми слѣдовали новыя созиданія, предполагала въ прошедшемъ такія физическія условія, при которыхъ образовывались минералы, которыхъ въ настоящее время не только нѣтъ въ природѣ, но которыхъ мы не можемъ даже воспроизвести искусственно въ лабораторіяхъ. Новая геологическая школа доказала, что такихъ общихъ катастрофъ и переворотовъ не было, точно также какъ не было и ряда созиданій, а сверхъ того, въ высшей степени, вѣроятно, что за исключеніемъ, конечно, первобытнаго періода существованія земного шара, вовсе не было и такихъ исключительныхъ, невозпроизводимыхъ физическихъ условій, и самая гипотеза, предполагающая ихъ для объясненія про-

исхожденія тѣлъ, становится ненужною. Созиданія и трансформациі совершались медленно, повидному, при условіяхъ, неотличающихся рѣзко отъ тѣхъ, которыя мы встрѣчаемъ и теперь, и вулканическая и огненная теорія переворотовъ въ настоящее время вездѣ въ наукѣ уступаетъ мѣсто нептунической и осадочной теоріи медленнаго образованія. Теперь химія умѣетъ уже воспроизводить искусственно не только множество минераловъ, но даже и органическихъ тѣлъ, и каждый годъ обогащаетъ въ этомъ отношеніи науку новыми открытіями. Такъ Сен-Влерж-Девиль представлялъ въ прошедшемъ году парижской академіи работу Радоминскаго, воспроизведшаго искусственно минералы моназитъ и зенатинъ, причемъ вовсе не было надобности прибѣгать къ тѣмъ исключительнымъ физическимъ условіямъ, которыя предполагались еще недавно необходимыми для образованія минераловъ. Но всѣ эти воспроизведенія дѣлались въ лабораторіяхъ, и потому было-бы чрезвычайно важно доказать, что образованія минераловъ совершаются и въ настоящее время и что „созидательная сила земли не истощилась“. Лѣтъ десять тому назадъ, при выниманіи въ Парижѣ изъ земли газопроводныхъ трубъ, были найдены въ землѣ, въ мѣстѣ, гдѣ свѣтильный газъ вырывался тонкой струей изъ трубы и проникалъ въ землю, мельчайшіе кристаллики алмаза, очевидно, образовавшіеся изъ углерода газа. Въ прошломъ году Добрэ сдѣлалъ другое важное въ этомъ отношеніи, открытіе. При очисткѣ на минеральныхъ водахъ *Boisboppelles Vains* древняго колодца, извѣстнаго подъ названіемъ римскаго, на днѣ колодца было найдено множество римскихъ монетъ и медалей, бронзовыхъ, серебряныхъ и золотыхъ, статуэтокъ, колець, фибулъ и т. д. Подъ этимъ слоемъ лежалъ слой каменныхъ кусковъ, связанныхъ между собою особымъ веществомъ металлическаго блеска и ясно кристаллическаго строенія. Добрэ нашелъ въ этомъ веществѣ многіе минералы. Жалѣзные болты и цѣпи, связывавшіе древнюю постройку, обратились цѣлкомъ въ лимонитъ, и т. д. Минералы эти, одинаковые съ принадлежащими древнѣйшимъ геологическимъ періодамъ, очевидно образовались изъ брошенныхъ въ колодезь, въ видѣ приношеній, металлическихъ предметовъ, что доказывается даже непосредственно тѣмъ, что эти новообразовавшіеся минералы совершенно охватывали и покрывали, какъ скорлупой, многія изъ медалей другихъ име-

талическихъ предметовъ. Итакъ, мы имѣемъ здѣсь ясный примѣръ образованія или созиданія минераловъ въ современномъ періодѣ и втѣченіи сравнительно недолгаго времени, и притомъ навѣрное безъ помощи высокихъ температуръ или давленій, предполагаемыхъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ.

Изъ другихъ новостей по химіи упомянемъ, во-первыхъ, новое простое тѣло, открытое французскимъ химикомъ Лекокъ-де-Буабодраномъ и названное имъ изъ патріотизма *gallium*, и затѣмъ нѣсколько техническихъ работъ, имѣющихъ практическое значеніе.

Всѣмъ извѣстны такъ-называемыя *батовскія* или *чортовы слезы*, образующіяся при опусканіи расплавленнаго стекла каплями въ холодную воду. Стекло при этомъ дробится на отдѣльныя капли, имѣющія видъ груши или слезы, т. е. полушарія, отъ плоской части котораго идетъ еще заостренный конусъ; эти *слезы* чрезвычайно тверды, такъ что разбить ихъ очень трудно; но если сломить заостренный ихъ конецъ, то *слеза* тотчасъ рассыпается въ стеклянную пыль. Это-же самое свойство принимаетъ, какъ извѣстно, и сталь, закаленная въ холодной водѣ, именно она становится болѣе твердою, но болѣе хрупкою,—свойство, которое она теряетъ, если опустить ее накалиною въ масло. Эти общезвѣстные факты навели Де-ла-Басти, французскаго натуралиста, на мысль закалить стекло, и хотя это изобрѣтеніе нельзя еще считать достигшимъ вполне удовлетворительныхъ результатовъ, но тѣмъ не менѣе уже то, что сдѣлано по этому предмету, показываетъ, что оно имѣетъ огромную будущность. Де-ла-Басти ставитъ стеклянныя вещи, которыя онъ хочетъ закалить, въ печь, въ которой температура возвышается до того, что стекло начинаетъ дѣлаться мягкимъ; тогда его опускаютъ въ сильно нагрѣтую жидкость, состоящую изъ смѣси жирныхъ веществъ, повидному, растительныхъ маслъ, послѣ чего ему даютъ охладиться. Де-ла-Басти долженъ былъ сдѣлать множество опытовъ, прежде чѣмъ нашелъ практическимъ путемъ, какія масла и въ какой пропорціи должны составлять смѣсь и до какой температуры смѣсь эту должно нагрѣвать; это послѣднее открытіе пока

составляетъ его секретъ, на который онъ взялъ привилегію, и хотя, какъ мы замѣтили, результаты нельзя считать еще совершенно удовлетворительными, но уже они достаточно замѣчательны. Закаленные такимъ способомъ стеклянные вещи не разбиваются отъ бросанья ихъ на полъ, отъ ударовъ по нимъ палкой, стеклянный листъ, положенный на землю, выдерживаетъ сильный ударъ камнемъ, и т. д. Въ сожалѣнію, закаленное стекло не такъ чисто и прозрачно, какъ обыкновенное, изъ него пока еще не умѣютъ дѣлать совершенно ровныхъ листовъ; притомъ-же оно значительно дороже обыкновеннаго. Но если принять въ соображеніе, что изобрѣтеніе это только-что сдѣлано и что на него взята привилегія, такъ что оно находится въ рукахъ одного человѣка, то надо думать, что дальнѣйшія усовершенствованія и конкуренція, когда оно сдѣлается общимъ достояніемъ, сдѣлаютъ его лучше и дешевле, такъ-что оно со временемъ будетъ едва-ли чувствительно дороже обыкновеннаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе своей прочности, оно будетъ служить гораздо дольше. Но прочность эта не только составляетъ чрезвычайно важную выгоду, она еще значительно расширитъ употребленіе стекла, которое можетъ, такимъ образомъ, служить для покрытія кровель, для половъ, въ особенности, въ мастерскихъ, въ кухняхъ, въ баняхъ и т. д. Такъ-какъ оно можетъ выдерживать самыя высокія температуры, то изъ него можно будетъ лить дешевую и отличную кухонную посуду, не требующую полуды, легко очищаемую и не представляющую ни одного изъ неудобствъ и даже опасностей металлической, мѣдной или чугуновой. Прочность стекла неизбѣжно повліяетъ также на величину оконъ и дастъ возможность дать больше свѣта не только комнатамъ, но и оранжереямъ и теплицамъ, что значительно улучшитъ условія зимняго садоводства, и, наконецъ, дастъ стеклу часть примѣненія, которая трудно и предвидѣть заранѣе, частью-же такія, о которыхъ была уже рѣчь, но которымъ препятствуетъ до сего времени его хрупкость. Такимъ образомъ, уже неоднократно была рѣчь о томъ, чтобы выкладывать стекломъ стѣны госпиталей, и въ особенности хирургическихъ и родильныхъ ихъ отдѣленій, чтобы не допустить зарожденія мязмовъ и облегчить ихъ уничтоженіе и т. д.

Другое замѣчательное изобрѣтеніе, обогатившее въ прошломъ

году промышленность, составляет такъ-называемая металлическая шерсть, фабрикуемая уже нѣсколько мѣсяцевъ на нѣкоторыхъ желѣзныхъ заводахъ и имѣющая большое сходство съ тонкимъ хлопкомъ. Эта *металлическая шерсть*, состоящая изъ тонкихъ волоконъ, получается при пропусканиіи струи пара черезъ расплавленные шлаки; волокнистое это вещество негоряемо, не измѣняется отъ соприкосновенія съ водою и дурно проводитъ теплоту, что дѣлаетъ его драгоценнымъ матеріаломъ для изолирующихъ покрововъ паровиковъ, напримѣръ, вагоновъ въ зимнее время, и вообще вездѣ, гдѣ нужно остановить быстрое охлажденіе. Этой металлической шерсти идетъ 4 килограма на покрытие одного квадратнаго метра, а такъ-какъ квинталь (сто килограмовъ) ея стоитъ 15 франковъ, а гуртовая цѣна 25 квинталовъ только по 11¹/₄ франковъ, то изолирующій покровъ одного квадратнаго метра обойдется отъ 60 до 45 сантимовъ, т. е. отъ 15 до 11 копеекъ. Въ настоящее время эта металлическая шерсть фабрикуется въ Германіи у Круппа, и въ Оснабрюкѣ.

Ришъ и Барди изслѣдовали фотографическое дѣйствіе свѣта различныхъ освѣщеній. Извѣстно, что лучи свѣта сопровождаются еще тепловыми и химическими лучами; если пропустить лучъ свѣта, солнечнаго или происходящаго отъ горѣнія, черезъ призму, то лучъ этотъ расширяется на экранѣ въ широкую полосу, представляющую цвѣта радуги и называемую свѣтовымъ спектромъ; это показывается, что бѣлый лучъ свѣта состоитъ, какъ извѣстно, изъ множества простыхъ цвѣтныхъ лучей, которые, отклоняясь (преломляясь) различно, разсыпаются, причемъ красный отклоняется наименѣе, а фіолетовый наиболѣе. Но кромѣ этого свѣтового спектра есть еще тепловой и химическій спектры. Тепловые и химическіе лучи точно также преломляются различно, какъ и свѣтовые (мы выражаемся такимъ образомъ для простоты, оставляя въ сторонѣ вопросъ объ идентичности свѣта и тепла), такъ-что образуется еще *тепловой* и *химическій спектры*, переходящіе значительно за границу видимаго (свѣтового) спектра и составляющіе чисто-искусственный свѣтъ.

Въ фотографіи давно уже ищутъ такого искусственнаго свѣта, который былъ-бы богатъ ультра-фіолетовыми (химическими) лучами, чтобы замѣнить имъ солнечный свѣтъ, что дало-бы возможность снимать фотографію вечеромъ и въ темныхъ мѣстахъ, напр.,

фрески церквей и т. д. Для этого пробовали употреблять Друмондовъ свѣтъ, свѣтильный газъ, горящій въ кислородѣ, магній и т. д., но всѣ эти освѣщенія частью неудовлетворительны, частью-же очень дороги или неудобны. Лашаналь и Мерме предложили лампу, въ которой-бы горѣла смѣсь сѣрнистаго углерода и окиси азота, дающая фотогенической свѣтъ, но такое освѣщеніе не только дорого, но и опасно; Ришъ и Барди изслѣдовали въ этомъ отношеніи множество веществъ и, наконецъ, нашли, что сѣра, горящая въ кислородѣ, даетъ свѣтъ, чрезвычайно богатый химическими лучами, что даетъ фотографіи удобное и чрезвычайно дешевое освѣщеніе.

Извѣстно, какое важное практическое значеніе имѣетъ вопросъ о сохраненіи пищевыхъ веществъ. Сохраненіе это можетъ имѣть существенное вліяніе на ихъ цѣну, а слѣдовательно повліяетъ и на матеріальное благосостояніе огромнаго большинства людей,—благосостояніе, увеличеніе котораго выразится въ статистикѣ населенія увеличеніемъ средней продолжительности жизни и уменьшеніемъ дѣтской смертности. Понятно, что сохраненіе пищевыхъ веществъ, предохраненіе ихъ отъ порчи, составляетъ *plus desidegius* прежде всего, конечно, недостаточныхъ потребителей, т. е. огромнаго большинства, затѣмъ производителей и, наконецъ, торговцевъ, служащихъ посредниками между ними; оно должно было-бы, по справедливости, быть предметомъ заботы и такъ-называемыхъ управляющихъ классовъ, хотя-бы въ виду ежегоднаго изобрѣтенія новыхъ истребительныхъ средствъ войны, которыя въ настоящее время достигаютъ истинно-чудовищныхъ размѣровъ.

Дѣйствительно. вопросъ временнаго сохраненія и предотвращенія порчи всѣхъ почти пищевыхъ веществъ, начиная съ главнаго—мяса, и кончая яйцами и овощами, есть вопросъ не только хозяйственной технологіи, но и государственной экономіи въ тѣсномъ смыслѣ,—сближенія отдаленныхъ производителей съ потребительными центрами вслѣдствіе возможности болѣе дальней доставки, а прямымъ послѣдствіемъ этого сближенія неизбѣжно будетъ то, что производитель, не имѣя надобности сбывать пищевыя вещества на мѣстѣ и спѣшно, чтобы они не испортились, возвыситъ на нихъ цѣну и заработаетъ больше. а центры насе-

ленія, представляющіе огромное потребленіе, будутъ получать припасы не только изъ ближайшихъ окрестностей, но и со всѣхъ концовъ міра, что понизитъ ихъ цѣнность. Такимъ образомъ, возвышеніе дохода производителя и уменьшеніе расхода потребителя, т. е. значительное увеличеніе общаго благосостоянія, а вслѣдствіе этого уменьшеніе числа часовъ работы и болѣе человѣчная жизнь рабочаго можетъ въ числѣ другихъ способовъ быть достигнута и тѣмъ, что наука дастъ возможность сохранять припасы для дальней перевозки.

Изъ всѣхъ съѣстныхъ припасовъ мясо, конечно, представляетъ въ этомъ отношеніи наибольшій интересъ, но выстѣ съ тѣмъ и сохраненіе его тоже представляетъ наибольшую трудность. Уже множество опытовъ было сдѣлано, но, несмотря на значительныя преміи, обѣщанныя за открытіе метода сохранять мясо въ свѣжемъ видѣ, вопросъ этотъ остался нерѣшеннымъ. Въ Бразиліи и въ Аргентинской республикѣ нѣсколько большихъ англійскихъ акціонерныхъ обществъ дѣлали всевозможные опыты, чтобы утилизировать въ пользу Европы несмѣтныя стада, которыми такъ богаты южно-американскіе пашпасы, но до сего времени всѣ новопредложенные методы оказались несостоятельными, одни по неудовлетворительности результатовъ, другіе — по дороговизнѣ. Перевозка мяса во льду и сохраненіе его аппертоскимъ способомъ въ запаянныхъ жестянкахъ оказались такъ дороги, что бразильское мясо въ англійскихъ портахъ обходится почти столько-же, сколько и купленное на мѣстѣ свѣжее, такъ-что акціонерныя компаніи или по-прежнему солить мясо, сбытъ котораго въ этомъ видѣ неизбѣжно ограниченъ (чему, между прочимъ будь сказано, можно только порадоваться), или добываютъ изъ него либиховскій бульонъ, который, однако, обходится все-же такъ дорого, что имъ, по счастью, бѣдные классы не отравляютъ своихъ дѣтей, какъ надѣялись-бы основатели компаніи. Въ прошломъ году ассистентъ флорентинскаго (теперь женеваго) профессора Шиффа, занимаясь вопросомъ о сохраненіи мяса, опубликовалъ въ Италіи достигнутыя имъ результаты. Онъ употребляетъ борную кислоту, въ которой онъ прибавляетъ буры, чтобъ получить кислую соль, которая гораздо растворимѣе въ водѣ; сохраняющее вліяніе этой соли значительно усиливается еще отъ прибавленія къ ней небольшо-го количества поваренной соли, и мясо, обработанное этимъ спосо-

божь, сохраняетъ совершенно свой свѣжій видъ. Шиффъ говоритъ, что онъ не только видѣлъ приготовленное такимъ образомъ мясо, сохранявшееся уже нѣсколько мѣсяцевъ, но изслѣдовалъ и тѣло его, а двое его знакомыхъ, для полноты опыта, втеченіи мѣсяца питались исключительно такимъ сохраненнымъ мясомъ и не замѣтили на себѣ ни малѣйшаго вліянія этой пищи. Мясо это, пролежавъ нѣсколько мѣсяцевъ, не только имѣло свѣжій видъ, но и подъ микроскопомъ Шиффъ не нашелъ между нимъ и свѣжимъ никакаго различія. Для полноты опыта кусокъ такого мяса былъ уложенъ въ ящикъ безъ всякихъ особыхъ предосторожностей и отправленъ на корабль, шедшемъ въ южную Америку; сдѣлавъ два тропическихъ путешествія, мясо оказалось по-прежнему свѣжимъ. Къ сожалѣнію, изобрѣтатель взялъ привилегію на свой способъ и вошелъ въ соглашеніе съ акціонернымъ обществомъ, которое будетъ исключительно эксплуатировать этотъ методъ, и, гарантированное отъ конкуренціи, будетъ поддерживать высокія цѣны.

Миланскій профессоръ химіи Гарба предложилъ другой способъ сохраненія припасовъ, несомнѣнно лучшій въ гигиеническомъ отношеніи, но менѣе удобный практически, и притомъ примѣнимный болѣе къ сохраненію яицъ и овощей, чѣмъ мяса. Гарба, на основаніи теоретическихъ соображеній, пришелъ къ заключенію, что вхѣсто извѣстнаго способа сохраненія посредствомъ недопусканія воздуха, можно предохранять отъ порчи заключеніемъ въ атмосферу, недѣятельную химически. Опыты подтвердили, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени это предположеніе: овощи, плоды, ягоды, яйца и мясо, положенные подъ наполненный углекислотою колоколь, сохранились почти безъ всякаго измѣненія втеченіи двадцати дней, между тѣмъ какъ тѣ-же припасы, оставленные на воздухѣ, совершенно сгнили. Впрочемъ, надо сказать, что эта атмосфера углекислоты сохраняетъ различныя вещи не одинаково; свѣжія овощи, плоды и яйца сохраняются въ ней лучше и дольше мяса, что можно было предвидѣть заранее, такъ-какъ плоды и яйца прежде всего выдѣляютъ ту-же углекислоту и, слѣдовательно, не нарушаютъ состава атмосферы, въ которой сохраняются, тогда какъ газы, выходящіе изъ свѣжаго мяса, примѣшиваясь къ этой атмосферѣ, тотчасъ-же измѣняютъ ея составъ и этимъ уменьшаютъ ея консервативную

способность. Чтобы изслѣдовать въ этомъ отношеніи вліяніе химически инертной атмосферы на мясо, слѣдовало-бы положить это мясо подъ колоколь, въ которомъ углекислота постоянно возобновлялась-бы, унося съ собою выдѣлившіеся въ началѣ опыта газы. Впрочемъ, опыты эти еще далеко не кончены, и Гарба въ настоящее время ищетъ средства дать своему изслѣдованію обширное техническое примѣненіе.

Вопросъ продолжительнаго сохраненія молока и яицъ можно, впрочемъ, считать уже близкимъ къ окончательному рѣшенію. Сдѣланные въ Миланѣ-же опыты, сохраненія яицъ посредствомъ покрыванія ихъ скорлупы жидкимъ стекломъ (методъ не новый, конечно, но въ первый разъ примѣненный въ большихъ размѣрахъ и испытанный систематически) дали блестящіе результаты. Дѣйствительно, вопросъ сохраненія яицъ въ свѣжемъ видѣ сводится на то, чтобы не допустить приливанія воздуха сквозь скорлупу; поэтому всякое вещество, непроницаемое для воздуха, удовлетворить этой цѣли; хозяйки давно знаютъ различные способы такого сохраненія яицъ, но способы эти или слишкомъ дороги, или представляютъ другія важныя неудобства. Покриваніе яицъ лакомъ сообщаетъ имъ дурной вкусъ, свареннымъ до густоты коноплянмъ масломъ—само по себѣ довольно неудобно и притомъ запахъ масла сообщается и яйцу. Воскъ и жиры отлично сохраняютъ яйца, но они слишкомъ дороги и притомъ ихъ надо употреблять горячими, такъ-что яйца сохраняются въ нихъ не въ свѣжемъ, а въ свареномъ видѣ, а раствореніе ихъ въ терпентинѣ или другихъ подобныхъ веществахъ даетъ самимъ яйцамъ дурной вкусъ; жидкое-же стекло не имѣетъ ни одного изъ этихъ неудобствъ.

Гиршбергъ повторилъ опыты Полли надъ сохраненіемъ молока примѣсью къ нему бурн и нашелъ, что сохраненіе это происходитъ не отъ самой бурн, а отъ заключающейся въ ней всегда борной кислоты. Изслѣдуя вліяніе этой послѣдней, онъ пришелъ къ заключенію, что надо примѣшать къ молоку *одну десятую одного процента* (по вѣсу) борной кислоты, чтобы молоко сохранилось почти на неопредѣленное время (Гиршбергъ и Гарба сохраняли его болѣе мѣсяца) въ совершенно свѣжемъ видѣ, причемъ оно имѣетъ не только вкусъ, но и запахъ совершенно свѣжаго молока. Сама борная кислота совершенно безвредна,

такъ-что въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого повода къ опасеніямъ.

Въ былыя времена, говоритъ профессор Дельпино въ своемъ ботаническомъ обзорѣни, — морфологія ограничивалась изученіемъ морфологическихъ, высшихъ органовъ растений и рассматривала ихъ исключительно съ морфологической точки зрѣнія (т. е. формы), не обращая почти никакого вниманія на ихъ отправление. Точно также и прежняя гистологія (микроскопическая анатомія) изслѣдовала элементарныя составныя части растенія, клѣточки, волокна, сосуды, ткани, исключительно относительно ихъ вида, не заботясь объ ихъ спеціальныхъ функціяхъ, да и не зная ихъ. Но новѣйшая гистологія, подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ Дарвиновскаго ученія, открывшаго тотъ фактъ, что формы какъ высшихъ, такъ и элементарныхъ органовъ обуславливаются приспособленіемъ живыхъ существъ къ вѣдшимъ обстоятельствамъ, начала принимать, благодаря работамъ талантливыхъ наблюдателей, болѣе раціональное направленіе, и теперь ботаника не ограничивается изученіемъ формъ, но ставитъ ихъ въ прямое соотношеніе съ ихъ физиологическимъ назначеніемъ. Такимъ образомъ Пфитцеръ, въ недавно вышедшей работѣ, изслѣдывая эпидерму (наружную кожу), показалъ, что она въ различныхъ растеніяхъ примѣнялась къ вѣдшимъ окружающимъ условіямъ, въ которыхъ живетъ растеніе.

Другая важная работа, именно Швенденера, одного изъ замѣчательнѣйшихъ нѣмецкихъ ботаниковъ, показала, что явнотрачныя растенія имѣютъ спеціальную систему ячеекъ, единственное назначеніе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы дать растенію механическую поддержку; назначеніе это принадлежитъ не только лубу и его волокнамъ, но и другимъ совокупностямъ ячеекъ, извѣстными подъ именемъ лубообразныхъ и коленчатыхъ. И тѣ, и другія составляютъ, по мнѣнію Швенденера, одну систему, которую онъ называетъ механической. Находясь обыкновенно подъ корою, она встрѣчается, однако, и въ другихъ частяхъ растеній, въ сердцевинѣ, въ первичной корѣ, даже въ наружной кожѣ; но гдѣ-бы ячейки этого характера ни находились, онѣ имѣютъ всегда одну и ту-же форму, соответствующую одному и

тому же отправленію, — именно онѣ удлинены, веретенообразны, съ довольно толстыми стѣнками, съ порами, расположенными или продольно, или по лѣвой спирали, и съ внутренностью, полною воздуха.

Ботаническій отдѣлъ изслѣдованія органическаго міра всегда стоялъ значительно ниже науки о животныхъ, какъ по количеству накопленнаго знанія, такъ, въ особенности, по глубинѣ и широтѣ изслѣдованія; въ то время, какъ рядомъ съ зоологіей собственно говоря, т. е. съ наукой о положеніи животныхъ въ зоологическомъ ряду, о родственномъ соотношеніи видовъ и родовъ и, наконецъ, о наружныхъ проявленіяхъ дѣятельности животныхъ и вѣшнихъ условіяхъ, при которыхъ они живутъ, развилась сравнительная анатомія, т. е. не только знаніе строенія отдѣльныхъ животныхъ организмовъ, но и общихъ законовъ, гомологій и даже типовъ анатомическаго строенія, сравнительная эмбриологія и даже, хотя въ далеко меньшей степени, сравнительная фізіологія, — всѣ эти отрасли изслѣдованія еще не выдѣлились въ ботаникѣ, да и не могли выдѣлиться, по скудости знанія по каждому отдѣльному предмету; замѣчательно, что даже главныя, основныя работы, составляющія краеугольный камень фізіологій растений, сдѣланы по большей части людьми, чуждыми ботаникѣ. Вслѣдствіе всего этого ботаника, какъ умственно болѣе слабая и притомъ почти неизмѣющая традиція, скорѣе подчинилась новому направленію, скорѣй схватилась за новый методъ, чѣмъ зоологія, и дарвинизмъ — не скажемъ, занялъ въ ней болѣе мѣста, — но глубже отразился на методѣ изслѣдованія. Попытки новой ботанической школы ввести въ ботаническое изслѣдованіе математику выразились главнымъ образомъ въ примѣненіяхъ къ *цѣли*, а не къ *причинѣ*, въ той степени научнаго развитія, которую зоологія давно уже оставила позади. Такъ, напр., въ только-что приведенной выше работѣ Швенденера доказывается очень убѣдительно, что такъ-называемая авторомъ механическая система, имѣя определенное назначеніе въ растеніи, распредѣляется строго согласно законамъ механики; но нельзя отрицать, что въ изслѣдованіи подобныхъ вопросовъ „наслѣдственность, приспособленность къ вѣшнимъ условіямъ“ и т. п. термины представляютъ болѣе звуки, чѣмъ понятія. Ботаники видятъ примѣненіе математики къ астрономіи, къ фізіологій, къ физикѣ и т. д. и нѣсколько на-

ивно смѣшиваютъ это приѣненіе съ тѣмъ приѣненіемъ, которое они пытаются сдѣлать сами къ ботаникѣ, не видя, что одно далеко отъ другого, какъ небо отъ земли. Астрономія говоритъ, что небесныя тѣла двигаются согласно съ законами механики, и новая ботаника говоритъ, напр., что ячейки швенденеровской механической системы располагаются согласно съ законами той-же механики, но это уподобленіе астрономическаго и ботаническаго метода есть чисто искусственное и сводится только на сходство словъ и фразы. Дѣйствительно, если астрономія говоритъ, что небесныя тѣла двигаются согласно съ механическими законами, то она этимъ хочетъ сказать, что движеніе имѣетъ извѣстную форму *вслѣдствіе* такихъ-то законовъ, что оно происходитъ *потому*, что притяженіе прямо пропорціонально кубамъ массъ и обратно пропорціонально квадратамъ разстояній, — но никто въ астрономіи еще не рѣшился утверждать, что луна, напр., движется по такой сложной линіи *для того*, чтобы не отклониться отъ законовъ механики, — другими словами, изъ глубокаго сознанія своихъ механическихъ обязанностей, своего астрономическаго долга, и *чтобы* не нарушить порядка въ солнечной системѣ, а между тѣмъ именно такой характеръ имѣютъ многія и многія изъ новыхъ изслѣдованій въ ботаникѣ. Ставя еще разъ приѣрою приведенную выше работу Швенденера, мы встрѣчаемъ у него именно такой методъ разсужденія; ячейочки его механической системы располагаются извѣстнымъ образомъ *потому-ли*, что самый процессъ расположенія ихъ обуславливается механическими законами? Ничуть не бывало; онѣ располагаются такъ, *чтобы* удовлетворить механическимъ законамъ, чтобы дать растенію наиболѣе прочную поддержку, — другими словами, чтобы исполнить наилучшимъ образомъ возложенную на нихъ обязанность. Читатель видитъ самъ, до какой степени существенно различіе пониманія, въ этихъ двухъ случаяхъ, *примѣненія механическихъ законовъ*.

Переходя къ перечню замѣчательныхъ ботаническихъ работъ, мы прежде всего укажемъ на изслѣдованіе Дарвина о насѣкомоядныхъ растеніяхъ, — изслѣдованіе, надѣлавшее такого шума въ наукѣ, какъ и всѣ изслѣдованія его, и дѣйствительно въ высшей

степени замѣчательное, какъ по кажущейся странности предмета, такъ и по тонкости и остроумію опытовъ.

Уже въ 1791 г. Уильямъ Бартрэмъ описывалъ въ своемъ путешествіи по сѣверной и южной Каролинѣ, какъ *Sagrasenia variolagis* ловить насѣкомыхъ въ свои листья, имѣющіе видъ кувшинчиковъ, и убиваетъ ихъ, причемъ изъ листа выдѣляется особая жидкость. Говори объ этомъ, Бартрэмъ высказалъ мысль, что жидкость эта имѣетъ, можетъ быть, способность переваривать тѣла насѣкомыхъ.

Затѣмъ докторъ Кертисъ, пасторъ въ сѣверной Каролинѣ, наблюдая въ 1834 году *Dionaea muscipula*, мухоловку, листья которой свертываются, какъ только на нихъ садеть насѣкомое, и убиваютъ его, замѣтилъ, что на листѣ выдѣляется жидкость, растворяющая и вытягивающая изъ тѣла насѣкомаго бѣлковинныя вещества. Керби и Спенсъ, въ своей классической книгѣ по энтомологіи, говорятъ, что садовникъ Найтъ, вѣроятно, близко наблюдавшій мухоловокъ, клалъ на листья растенія *Dionaea* кусочки мяса, съ цѣлю дать растенію больше силъ, и дѣйствительно могъ убѣдиться опытомъ, что экземпляры *Dionaea*, вскормленные такимъ образомъ, отличались болѣе сильнымъ ростомъ и крѣпостью.

Профессоръ Дельпино, изслѣдуя этотъ вопросъ въ 1868 г., пришелъ, на основаніи теоретическихъ соображеній морфологіи, къ заключенію à priori, что способностью переваривать мясо и обращать его въ пищу растеній должны обладать листовые кувшинчики различныхъ родовъ. Въ 1871 году онъ открылъ еще нѣсколько растеній, обладающихъ тою-же способностью; наконецъ, Дарвинъ, съ своей стороны, освѣтилъ этотъ предметъ новымъ свѣтомъ.

Послѣ Найта никто не повторилъ его опытовъ до 1868 г., когда Кэмби, пользуясь, что въ окрестностяхъ его мѣстожителства росло много *Dionaea muscipula*, снова рѣшился изслѣдовать этотъ странный вопросъ насѣкомоядныхъ растеній и перевариванія бѣлковинныхъ веществъ жидкостью, выдѣляющеюся изъ листьевъ. Онъ клалъ на листья, выбирая для этого особенно большіе и здоровые, кусочки мяса; листья тотчасъ закрывались, выдѣляли жидкость, переваривавшую мясо, всасывали все это и черезъ нѣсколько дней раскрывались снова съ совершенно чистою поверхностью и снова готовые питаться этимъ способомъ;

надо замѣтить, впрочемъ, что такое кормленіе не могло продолжаться неопредѣленное время: листья послѣ трехъ разъ обыкновенно умирали, нѣкоторые даже послѣ двухъ. Насѣкомыя переваривались и шли въ пищу точно такъ-же, какъ и мясо, но сыръ не только не переваривался, а казался даже ядомъ для этихъ растений.

Такимъ образомъ, какъ железы пищеварительнаго аппарата у животныхъ выдѣляютъ, раздражаемая присутствіемъ пищи, переваривающій ее сокъ, точно также листовыя железки *Dioptera*, раздражаемая прикосновеніемъ насѣкомаго, выдѣляютъ кислый сокъ, соответствующій желудочному соку животныхъ. Бертонъ Сандерсонъ показалъ, что эта аналогія между животными и растениями идетъ дальше и что раздраженный и закрывающійся листъ *Dioptera* представляетъ тѣ-же электро-біологическія явленія, какъ и сокращающійся животный мускулъ. Миссъ Тритъ, натуралистка въ Нью-Джерси, дѣлая опыты надъ *Drosera longifolia*, видѣла, что если наложить на листъ этого растенія кусочекъ мяса, то листъ этотъ начинаетъ выгибаться и образуетъ по прошествіи двухъ часовъ родъ иѣшка, совершенно закрывающаго положенное мясо; живое насѣкомое возбуждаетъ болѣе быстрое сжиманіе, тогда-какъ неорганическія тѣла, камешки, напримеръ, вовсе не возбуждаютъ его. Наконецъ Дарвинъ изслѣдовалъ изъ насѣкомоядныхъ семейство *Droseraceae* и *Utriculariaceae*. У *Drosera rotundifolia* листъ покрытъ мяжествомъ (около 200) волосковъ, оканчивающихся железкой, покрытой клейкимъ слизистымъ веществомъ, къ которому прилипаетъ насѣкомое. Насѣкомое бьется, но скоро умираетъ; между тѣмъ листъ, возбужденный отчасти и его движеніями, начинаетъ выгибаться и образуетъ вокругъ насѣкомаго иѣшокъ, а волоски, окруживъ насѣкомое, даютъ обильное кислое выдѣленіе, переваривающее бѣлковыя вещества. Мы уже видѣли, что не только живыя насѣкомыя заставляютъ листъ свертываться и выдѣлять жидкость; всѣ органическія тѣла имѣютъ то-же дѣйствіе, но азотистыя возбуждаютъ листъ несравненно сильнѣе безъазотистыхъ. Самая жидкость, по изслѣдованію Дарвина, точно также перевариваетъ пищу, какъ и желудочный сокъ, съ которымъ она имѣетъ большое сходство; она кисла и, сверхъ того, содержитъ вещество, аналогичное съ пепсиномъ. Мы видѣли дѣйствіе ея на

мясо, бѣлокъ и хрящи; сверхъ того, она растворяетъ также кость и даже эмаль зубовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ разлагаетъ и растительныя вещества, цвѣточную пыль, сѣмяна, кусочки листь-евъ. Дарвинъ изслѣдовалъ, сверхъ того, и вліяніе различныхъ химическихъ веществъ на эти растенія; фосфорновислый аміакъ возбуждаетъ очень сильно, что можно было предвидѣть à priori, зная важную роль фосфорныхъ солей и азота въ химическомъ составѣ животныхъ организмовъ; одной двадцати-миліонной части грана достаточно, чтобы отклонить волосокъ на 180°, что указываетъ на необыкновенную чувствительность волосковъ; точно также достаточно прикосновенія волосомъ втеченіи нѣсколькихъ минутъ, чтобы раздражить листь. Органическія кислоты имѣютъ большую частью дурное вліяніе на растеніе; молочная кислота для него положительно ядовита, муравьиная-же напротивъ, совершенно безвредна; пары камфоры, алькоголя, хлороформа, сѣрнаго эфира, углекислота дѣйствуютъ на растеніе наркотически и притупляютъ или совершенно уничтожаютъ чувствительность. Изслѣдуя самое движеніе листа и распространеніе возбужденнаго состоянія отъ соприкосновенія волосковъ съ другими, Дарвинъ могъ убѣдиться, что возбужденіе передается не волокно-сосудистой системою, а паренхиматозною тканью; сверхъ того, онъ видѣлъ явленія, имѣющія положительно характеръ рефлекторныхъ.

То-же самое Дарвинъ констатировалъ для другихъ видовъ *Drosera*, для *Dioscorea* *puscipula* и проч. Это навело его на мысль изслѣдовать и нѣкоторыя европейскія растенія, снабженныя железистыми волосками, убивающими насѣкомыхъ, и онъ убѣдился дѣйствительно, что способность переваривать бѣлковинныя тѣла и питаться ими гораздо болѣе распространена въ растительномъ мірѣ, чѣмъ это думали до сихъ поръ.

Каждая новая работа Дарвина вызываетъ немедленно цѣлый рядъ другихъ работъ по тому-же предмету и открываетъ новое поле изслѣдованія наукъ. Уже говоря о борьбѣ за существованіе и о соотношеніи, дружественномъ или враждебномъ, если можно такъ выразиться, различныхъ животныхъ и растеній, Дарвинъ обратилъ особенное вниманіе на давно извѣстный, конечно, но мало обращавшій на себя вниманія фактъ соотношенія цвѣтовъ и насѣкомыхъ, и роли этихъ послѣднихъ въ оплодотвореніи цвѣтовъ. Съ того времени вопросъ этотъ сдѣлался одною изъ темъ наблюде-

пія и изслѣдованія и вызвалъ рядъ превосходныхъ и въ высшей степени любопытныхъ работъ; мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя новѣйшія, въ особенности профессора Дельпино, специально занимающагося вопросомъ о соотношеніи цвѣтовъ съ насѣкомыми и другими животными.

Низшія растенія, тайнобрачныя и нагосѣмянныя, не имѣютъ медовиковъ, т. е. железокъ, выдѣляющихъ медовый сокъ, которыя, по мнѣнію Дельпино, имѣютъ единственныиъ назначеніемъ— правило, непредставляющее, по его словамъ, никакого исключенія—привлекать насѣкомыхъ и другихъ мелкихъ животныхъ, въ высшей степени полезныхъ растеніямъ. Железки эти встрѣчаются только у покрытосѣмянныхъ, появившихся въ позднѣйшую эпоху, когда уже могли установиться сложныя соотношенія животныхъ и растеній.

Нектаріи (медовики) раздѣляются съ точки зрѣнія ихъ назначенія на двѣ категоріи, на *брачныя* (*nuptialis*) и *внѣбрачныя* (*extranuptialis*). Первые привлекаютъ насѣкомыхъ и медолюбныхъ птицъ, которыя, въ свою очередь, посѣщая цвѣты, переносятъ цвѣточную пыль отъ одного цвѣтка къ другому и производятъ оплодотвореніе. Другая категорія не имѣетъ подобнаго брачнаго назначенія; медовики этой категоріи тоже привлекаютъ насѣкомыхъ, но для совершенно иной цѣли, и именно для собственной защиты. Какихъ насѣкомыхъ полезно привлекать для этого? Очевидно, наиболѣе воинственныхъ, тѣхъ, которыя могутъ считаться между насѣкомыми живыми олицетвореніемъ войны и разрушенія, которыя имѣютъ даже спеціальную военную касту. Таковы муравьи, а въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ и осы.

Тля, *sossipella* и многія другія насѣкомыя состоятъ подъ покровительствомъ муравьевъ, отдавая имъ отъ времени до времени сахаристый сокъ, выдѣляемый ихъ тѣломъ; муравьи, большіе любители сахара, въ свою очередь, съ остервененіемъ защищаютъ своихъ дойныхъ коровъ, какъ назвалъ ихъ еще Губеръ, отъ всякаго врага, и, благодаря только этому покровительству, насѣкомыя эти, лишенная всякихъ средствъ въ защитѣ, и могутъ еще существовать и размножаться. Къ этому-же средству пріобрѣтать надежныхъ защитниковъ прибѣгли и растенія, имѣющія внѣбрачныя медовики, да и самыя медовики эти, по закону минимума, до высокой степени выдержанному, очень похожи съ виду на

неподвижно сидящихъ *coccinella*. Такимъ образомъ, медовики вѣдомъ своимъ привлекаютъ муравьевъ, а своимъ медовымъ сокомъ удерживаютъ ихъ, и этимъ гарантируютъ растеніе отъ враговъ.

Такими вѣтробрачными медовиками снабжено множество растеній; самые медовики расположены очень разнообразно, одни у листьевъ, на ихъ черешкахъ, на нижней ихъ поверхности, въ прилистникахъ, на прицвѣтникахъ, на чашечкѣ, но всегда и мѣсто-положеніе ихъ, и время ихъ функционированія таковы, что приносятъ растеніямъ наибольшую пользу. Пока изъ медовиковъ выдѣляется сахаристый сокъ, до тѣхъ поръ вокругъ нихъ собираются муравьи, а муравьи, говоритъ Дельпино, — это главные враги главныхъ враговъ нѣкоторыхъ растеній. Независимо отъ Дельпино и одновременно съ нимъ къ этому-же взгляду на роль медовиковъ пришелъ и Вильтъ, во время своего путешествія по центральной Америкѣ. „Къ многочисленной категоріи растеній, пишетъ онъ въ своей книгѣ „*The naturalist in Nicaragua*“, — привлекающихъ къ своимъ листьямъ и цвѣтовымъ почкамъ муравьевъ выдѣленіемъ изъ особыхъ железокъ медоваго сока, должно причислить множество паразитныхъ орхидей и, какъ мнѣ кажется, всѣ виды *Passiflora*. Одно такое растеніе росло какъ-разъ передъ моимъ домомъ, такъ-что мнѣ было очень удобно наблюдать за нимъ; у него нектарини находятся на молодыхъ листьяхъ и даже на доляхъ цвѣтовыхъ чашечекъ. Втеченіи двухъ лѣтъ я замѣчалъ, что, благодаря медовикамъ, листья и цвѣтотвыя почки были день и ночь окружены маленькими муравьями, которые нападали на меня и даже кусали, если я трогалъ ихъ растеніе. Я нисколько не сомнѣваюсь, что назначеніе этихъ нектарій состоитъ именно въ привлеченіи этого рода муравьевъ, защищающихъ молодыя и нѣжныя образованія отъ многочисленныхъ враговъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ муравей листоводный, обращающійся въ бѣгство при одномъ видѣ маленькаго чернаго *Pheidole*. На третій годъ я замѣтилъ, что муравьи уже не такъ прилежно, какъ прежде, посѣщали медовики, и скоро угадалъ причину этой перемены: на пассифлорѣ поселилось множество *coccinella*, которыми муравьи и занялись почти исключительно, ожидая появленія у нихъ на спинѣ капельки выдѣляемаго ими меда, чтобъ съѣсть ее немедленно. Такимъ образомъ, эти насѣкомыя вступили въ конкуренцію съ листьями и чашечками и отбили у нихъ му-

равьевъ и ихъ покровительство, — должно полагать, что медь, выдѣляемый ими, вкуснѣе меда, выдѣляемаго нектаріями“.

Главный врагъ растеній въ средней Америкѣ — это муравей листоядный, изъ рода *Oecodoma*; Вильтъ описываетъ, какія ужасныя опустошенія онъ производитъ въ плантаціяхъ лимоновъ, апельсиновъ и банановъ и какъ трудно уберечь отъ него растенія. Обезпечены отъ его нападеній только растенія, имѣющія виѣбрачныя нектаріи; нектаріи эти привлекаютъ другихъ муравьевъ, защищающихъ растеніе отъ *Oecodoma*, и, такимъ образомъ, предохраняющихъ его отъ порчи.

Это отношеніе между нѣкоторыми растеніями и муравьями было замѣчено уже давно; Дельпино, изслѣдуя этотъ вопросъ, показалъ, что муравьи дѣлаютъ въ нѣкоторыхъ растеніяхъ временныя муравейники или, какъ онъ выражается, казармы, въ которыхъ и поселяются, чтобы быть всегда готовыми защищать или самое растеніе, или живущихъ на немъ насѣкомыхъ, пользующихся ихъ покровительствомъ. Эти помѣщенія существенно отличаются отъ муравейниковъ и дѣйствительно имѣютъ назначеніе казармъ, такъ-что выраженіе Дельпино, несмотря на свою странность, очень вѣрно и мѣтко. Въ нихъ муравьи не имѣютъ матокъ, не выводятъ молодыхъ, это не есть ихъ нормальное жилище, въ которомъ они жили-бы полною гражданскою жизнью, — это не больше, какъ помѣщеніе для взрослыхъ муравьевъ, живущихъ тутъ, чтобы не оставлять безъ защиты растенія или тлѣ, и въ этомъ отношеніи это дѣйствительно казарма военнаго поста. Вильтъ тоже замѣтилъ эту особенность взаимныхъ отношеній растеній и муравьевъ. „Въ бесплодныхъ саваннахъ, говоритъ онъ въ своей книгѣ, — растетъ замѣчательное деревцо, родъ акаціи изъ отдѣла *Gummiiferae*, высотой 15 — 20 футовъ, съ двуперистыми листьями. Стволъ и вѣтви усажены большими шипами, расположенными попарно и представляющими нѣкоторое сходство съ бычачьими рогами (вѣроятно, *Acacia cognigera*, по мнѣнію Дельпино). Шипы эти пусты и въ ихъ пустотахъ поселяются муравьи, выкусывая для входа маленькое отверстіе у острія, но здѣсь они живутъ постоянно, выводятъ молодыхъ и вообще обращаютъ дерево въ муравейникъ. Въ періодъ дождей всѣ шипы заселены и по вѣтвямъ и листьямъ снуютъ безъ усталы сотни муравьевъ; если сломать вѣтву или даже сорвать

листь, муравьи во множествѣ выходятъ изъ шиповъ, бросаются защищать растеніе, нападаютъ на врага, кусаютъ его пребольно, такъ-что у человѣка, напримѣръ, отъ ихъ укуса дѣлается на цѣлыя сутки маленькая опухоль“.

Муравьи эти составляютъ для акаціи драгоцѣнныхъ союзниковъ, защищая ее не только отъ млекопитающихъ, которыя ѣли бы ея листья, но отъ гусеницъ разныхъ другихъ насѣкомыхъ и въ особенности отъ главнаго врага всего растительнаго въ тропической Америкѣ—отъ муравья листояднаго; съ своей стороны, акація даетъ муравьямъ не только удобное и безопасное жилище, но и вкусную пищу, питье и ѣду.

Выше было замѣчено, что листья этой акаціи двуперистые; на срединной жилкѣ, т. е. на стеблѣ, на которомъ сидятъ боковые листочки, у основанія каждой пары листочковъ находится железа, выдѣляющая медовую жидкость все время, пока листочки вѣжны и требуютъ защиты; сверхъ того, когда распускается листъ, то на кончикѣ каждаго бокового листочка показывается маленькое желтое грушевидное тѣльце, сидящее на коротенькомъ стебелькѣ. Бильтъ утверждаетъ, что это маленькіе плоды, назначенные для муравьевъ, которые дѣйствительно собираютъ ихъ и уносятъ въ свое жилище.

Многія другія растенія точно также служатъ жилищами муравьямъ, а эти послѣдніе, въ свою очередь, защищаютъ ихъ отъ враговъ. У *Cecropia* стволъ пустой и раздѣленъ поперечными перегородками на камеры; муравьи прогрызаютъ отверстіе въ корь и древесинѣ, проникаютъ въ одну изъ камеръ, дѣлаютъ отверстія въ перегородкахъ и заселяютъ всю внутренность ствола. Такъ-какъ растеніе не даетъ имъ пищи, то они вводятъ въ эти камеры *succinelae*, которыя сосутъ сокъ дерева и выдѣляютъ медовую жидкость для муравьевъ; вся внутренность ствола распредѣлена муравьями: въ одномъ отдѣленіи лежатъ яйца, въ другомъ — личинки муравьевъ, въ третьемъ — куколки, въ четвертомъ — живетъ матка, для которой сдѣлано изъ воскообразнаго темнаго вещества родъ ниши, и въ этомъ-же отдѣленіи помѣщены съ дюжину „дойныхъ коровъ“ для матки. Если сломить вѣтви, муравьи выходятъ тысячами и нападаютъ на врага. На этихъ деревьяхъ Бильтъ встрѣчалъ три вида муравьевъ, но

каждое дерево всегда занято только однимъ видомъ; всѣ три вида держать „домашній скотъ“.

Въ заключеніе замѣтимъ, что главное вниманіе современныхъ натуралистовъ и самая дѣятельная работа ихъ сосредоточиваются на нисшихъ животныхъ организмахъ, на тѣхъ элементарныхъ началахъ біологическихъ законовъ, безъ которыхъ изслѣдованіе высшихъ организмовъ было-бы неудовлетворительно и гипотетично. Теперь уже болѣе никто не сомнѣвается въ томъ, что въ общемъ творческомъ дѣлѣ природы нѣтъ ни перерывовъ, ни отдѣльныхъ стадій, а все связывается между собою неразрывной органической связью. Начиная водорослью и окончивая человѣкомъ, въ этомъ безконечномъ ряду живыхъ существъ нѣтъ ни одной нити, ни одного волокна, который можно было-бы разсматривать, какъ нѣчто совершенно отдѣльное, неизмѣющее отношенія къ цѣлому; точно также теперь никто не рѣшится утверждать, что органическая жизнь окончивается тѣмъ или другимъ предѣломъ—предѣлы эти въ послѣднее время раздвинуты до безконечности. Потому-то изученіе нисшихъ организмовъ выступило на первый планъ, какъ одна изъ капитальныхъ задачъ современнаго естествознанія.

НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ.
Соч. Ив. Забѣлина. Томъ I. М. 1876.

Мы давно уже знаемъ г. Забѣлина, какъ человѣка ученаго и съ талантомъ; его объемистые труды о домашнемъ бытѣ русскихъ царей и царицъ содержатъ въ себѣ много интересныхъ и хорошо обработанныхъ матеріаловъ, и обширное введеніе, приложенное ко второму тому, является однимъ изъ самыхъ блестящихъ произведеній русской историографіи. Къ сожалѣнію, новый обширный трудъ Забѣлина, начало котораго только-что вышло, далеко ниже предъидущихъ. Предназначенная, какъ видно, для большинства публики, Исторія русской жизни составлена въ высшей степени непопулярно и цѣлыя сотни страницъ заняты въ ней рѣшеніемъ такихъ спеціальныхъ вопросовъ, какъ наприм., о пародности норманновъ или гунновъ, о геродотовской географіи Скифін и т. д. Всю свою громадную эрудицію и обширную, утомительную для читателя аргументацію Забѣлинъ пускаетъ въ ходъ единственно для того, чтобы доказать, что Россія—страна нисколько не похожая на другія страны, что она была культурною въ самой глубокой древности, что не только варяги были русскіе, но и гунны и другіе народы, жившіе въ нынѣшней Россіи, были славяне, а теорія о германскомъ происхожденіи варяговъ выдумана Шлѣцеромъ и другими нѣмцами. Въ библиографическомъ обзорѣ совершенно неумѣстно пускаться въ полемику по поводу такихъ спеціальныхъ вопросовъ, какъ напр. вопросъ о національности гунновъ, и потому, предоставляя разборъ забѣлинской книги съ этой стороны архивнымъ книгоѣдамъ „Древней и Новой Россіи“, мы остановимся здѣсь на тѣхъ немногихъ главахъ ея, которыя написаны очень живо и представляютъ общій интересъ для большинства читателей.

Очень живо характеризуетъ авторъ физическую природу русской земли, эту обширную, почти круглую равнину, окруженную горными цѣпами Карпатовъ, Кавказа, Урала и берегами морей Балтійскаго, Каспійскаго, Вѣлаго, Азовскаго и Чернаго. Равнина со всѣхъ сторонъ, особенно отъ бере-

говъ морей, постепенно возвышается къ своей серединѣ, гдѣ она образуетъ обширную, однако вовсе незамѣтную высоту, съ которой во всѣ стороны раскидываются большія и малыя рѣки: Волга съ своими притоками, Западная Двина и т. д. Равнина сходитъ отъ этой высокой середины во всѣ стороны пологими скатами, отчасти грядами, увалами, нигдѣ не встрѣчая гористыхъ мѣстностей. Благодаря это й равнинности страны, она богата водными бассейнами, представляющими изъ себя обширную сѣть естественныхъ путей сообщенія, въ которой всегда легко найти какую-нибудь переволоку въ сосѣднюю рѣчную область и изъ непроходимаго лѣсного или болотнаго мѣста выбраться на Божій свѣтъ, на большую торную дорогу какой-нибудь величавой, многоводной рѣки. „Это великое, неисчислимое множество потоковъ, говоритъ Забѣлинъ, доставляя почвѣ изобильное орошеніе, придаетъ и всей равнинѣ особую фizioномію. Потоками она изрыта по всѣмъ направленіямъ, и потому, если, за исключеніемъ обыкновенныхъ уваловъ, она и не имѣетъ горныхъ кражей, за то повсюду по русламъ рѣкъ и рѣчекъ образуетъ въ увалахъ береговья высоты, замѣняющія горы и у населенія обыкновенно такъ и называемыя *горами*. Типомъ подобныхъ русскихъ горъ могутъ служить кievскія горы или даже въ Москвѣ Воробьевы горы. На такихъ горахъ построены почти всѣ наши старые города, большіе и малыя. Кажутся эти горы высокими особенно потому, что передъ ними всегда разстилаются необозримыя луговья низменности или настоящее широкое раздолье, чистое поле, уходящее за горизонтъ, такъ-какъ вообще теченіе всѣхъ рѣкъ и рѣчекъ, по большей части, сопровождается нагорнымъ луговымъ берегомъ, отдѣляющимъ увалистое пространство материка отъ обширныхъ его долинъ и луговъ. Такая черта русской топографіи доставляетъ и особую типическую черту русскому ландшафту, котораго основная черта и прелесть заключается именно въ этомъ сочетаніи нагорнаго берега рѣки и широкаго раздолья разстилающейся передъ нимъ луговины. Въ своихъ существенныхъ чертахъ этотъ ландшафтъ по всей собственно русской равнинѣ одинаковъ. Различіе заключается лишь въ обстановкѣ этихъ коренныхъ линій ландшафта. На сѣверѣ его окружаетъ лѣсъ, на дальнемъ югѣ—степная безконечная даль. Ландшафтъ родной природы такой-же воспитатель народнаго чувства, какъ и вся физическая обстановка этой природы. Нѣтъ сомнѣнія, что своими очертаніями онъ сильно дѣйствуетъ и на нравственное существо человѣка, а потому чувство этого простора, чувство равнинное, быть можетъ, составляетъ въ извѣстномъ смыслѣ типическую черту въ народномъ сознаніи и характерѣ. Въ нашемъ равнинномъ ландшафтѣ особенно поражаетъ окружающая его невозмутимая тишина и спокойствіе во всемъ, во всѣхъ линіяхъ, въ рѣчномъ потокѣ, въ воздухѣ, въ линіяхъ лѣса и поля, въ формѣ каждой деревенской постройки. во всѣхъ краскахъ и тонахъ, одѣвающихъ все существо нашей страны. Какъ будто все здѣсь притаилось, въ ожиданіи чего-то или спитъ непробуднымъ сномъ. Само собою разумѣется, что такой характеръ страны по-

лучается, главнымъ образомъ, отъ ея неизмѣрнаго простора, отъ ея безпредѣльной равнинности, молчаливое однообразіе которой ничѣмъ не нарушается ни въ природѣ, ни въ характерѣ населенныхъ мѣстъ. Къ тому-же именно въ отношеніи малаго, рѣдкаго населенія наша страна больше всего походила всегда на пустыню. Людскіе поселки въ лѣсныхъ краяхъ всегда скрываются гдѣ-то за лѣсами, въ степныхъ-же они, тѣсняясь ближе къ водѣ, лежатъ въ глубокихъ балкахъ, невидимые со степного уровня. Оттого путникъ, переѣзжая вдоль и поперегъ эту равнину, въ безлѣсной степи или въ безконечномъ лѣсу, повсюду неизмѣнно чувствуетъ, что этотъ великій просторъ въ сущности есть великая пустыня. Вотъ почему рядомъ съ чувствомъ простора и широты русскому человѣку такъ знакомо и чувство пустынности, которое яснѣе всего выражается въ заунывномъ звукѣ нашихъ родныхъ пѣсень“ (стр. 7 — 9). Не менѣе подавляющимъ образомъ дѣйствовали и русскіе холода, по поводу которыхъ древняя географія разсказывала много сказокъ; впрочемъ, въ одноиъ отношеніи морозъ не подавлялъ, а возбуждалъ нашихъ древнихъ предковъ, приготовляя для нихъ естественные мосты и дороги по рѣкамъ, озерамъ и непроходимымъ болотамъ. Въ новгородской области невозможно было успѣшно воевать въ другое время, какъ зимой или глубокой осенью. Самый сборъ дани начинался съ ноября и продолжался всю зиму; въ то-же время открывались и торговые пути, особенно въ сѣверные глухіе округа. Лѣтомъ дорога была гораздо труднѣе: она шла только по рѣкамъ и по ней ѣздили только развѣ въ ближайшія мѣста, такъ-какъ лѣса, болота и весенніе разливы дѣлали дальній путь рѣшительно невозможнымъ: цѣлыя войска, шедшія другъ противъ друга, иногда расходились въ лѣсахъ по разнымъ направленіямъ и не могли встрѣтиться для битвы. Другое дѣло на югѣ, гдѣ зимою степь замерзала, оставалась почти безъ корну, и только весною оживлялась дѣятельностью человѣка, выражавшеюся здѣсь, главнымъ образомъ, въ военныхъ набѣгахъ. „Весною-же по рѣкамъ поднимались и торговые караваны, сплавывшіе свое добро въ Черное и Азовское моря. Такимъ образомъ, торговое и военное сердце древней Руси, Кіевъ, справивши въ зимнюю пору всѣ свои дѣла на сѣверѣ, весною отворялъ ворота на дальній югъ и уходилъ или по Днѣпру на лодкахъ въ столицу тогдашней образованности и культуры, въ богатый Царьградъ,—или по чистому полю, къ синему Дону, грозитъ идолище поганое, печенѣговъ и половцевъ. Къ заморозкамъ всѣ давно уже были дома, и снова собирались въ походъ на дальній сѣверъ. Таковъ былъ неумолкаемый переливъ русской жизни съ незапамятныхъ временъ. Лѣсъ и поле дѣлили ее пополамъ и непрестанно тянули въ свои стороны. То она раздвигалась широко и далеко, до самыхъ морей и до горъ Кавказскихъ и Карпатскихъ, то уходила глубоко въ сѣверные лѣса, пролагая тѣсные и трудные пути тоже къ морямъ. И долгое время совсѣмъ неизвѣстно было, гдѣ она сложится въ живое, сильное и могущественное единство“.

Древняя Русь рѣзко раздѣлялась на *лѣсъ* и *поле*, или степь. Последнее владѣли по преимуществу кочевыя племена, занимавшіяся скотоводствомъ и войной. Жизнь въ полѣ и жизнь въ лѣсу воспитывала различныхъ людей. Черноземная плодородная степь не вынуждала человѣка къ упорному непрерывному труду, не угнетала его заботами о завтрашнемъ днѣ, хотя, съ другой стороны, въ продолженіе вѣковъ это поле подвергалось непрерывнымъ набѣгамъ сосѣднихъ кочевниковъ. Очень естественно, что южный землевладѣлецъ долженъ былъ жить всегда на-готовѣ для встрѣчи врага, для защиты своей пашни и своей хаты; но жители иныхъ, наиболѣе бойкихъ мѣстъ выставляли живую границу изъ людей, отдававшихъ всю свою жизнь полевой войнѣ. Естественно, что въ иныхъ мѣстахъ жители превращались въ удалцовъ, наѣздниковъ или казаковъ. „Не то было въ сѣверной, лѣсной сторонѣ; она тоже жила рядомъ съ дикимъ варварскимъ населеніемъ, иногда въ сосѣдствѣ съ какимъ-нибудь Соловьемъ Разбойникомъ, сидѣвшимъ на двѣнадцати дубахъ и не пропускавшимъ мимо себя ни коннаго, ни пѣшаго; но въ лѣсу не то, что въ полѣ: здѣсь всегда можно устроить засаду и спрятаться или, забравшись въ какую-нибудь тущобу, можно ее такъ укрѣпить, что она не убьется никакого врага. Лѣсъ, по самой своей природѣ, не допускалъ дѣятельности слишкомъ отважной или вспыльчивой. Онъ требовалъ ежеминутнаго размышленія, внимательнаго соображенія и точнаго взвѣшиванія всѣхъ встрѣчныхъ обстоятельствъ. Правиломъ лѣсной жизни было: десять разъ примѣръ и одинъ разъ отрѣжь; правило полевой жизни заключалось въ словахъ: либо панъ, либо пропалъ. Полевая жизнь требовала простора дѣйствій, она прямо вызывала на удалъ, на удачу, прямо бросала человѣка во всѣ роды опасности, развивала въ немъ беззабѣтную отвагу и жизнь на-авось. Вообще можно сказать, что лѣсная жизнь воспитывала осторожнаго, промышленнаго политическаго хозяина, между тѣмъ какъ полевая жизнь создавала удалого война и богатыря, беззаботнаго по устройству социальнаго хозяйства. Въ полевой жизни человѣкъ не особенно нуждался въ помощи сосѣдей, такъ-какъ на маломъ пространствѣ легко могъ завести хорошее хозяйство, и потому въ его сознаніи не имѣла большой цѣны мысль устроить свою землю по плану одного общаго, государственнаго хозяйства. Въ лѣсу-же люди во многомъ зависѣли одни отъ другихъ и даже въ малыхъ дѣлахъ нуждались въ союзѣ или соединеніи, такъ-какъ ни одно хозяйство не было полно. Въ одномъ мѣстѣ было много лѣснаго звѣря или рыбы, но не было хлѣба; въ другомъ былъ хлѣбъ, но не было матеріаловъ для одежды, и т. д. Къ тому-же всѣ рѣчныя области въ полосѣ поля по природѣ были раздѣльны между собой, всѣ главныя рѣки текли оттуда въ море, каждая особо. Поэтому Днѣстръ, Бугъ, Днѣпръ и Донъ очень рано собираютъ на своихъ берегахъ вполнѣ независимое населеніе, которое нисколько не нуждается другъ въ другѣ и дѣйствуетъ всегда особнякомъ. Днѣстръ нисколько не

зависѣлъ отъ Днѣпра, а Днѣпръ отъ Дона. Между тѣмъ всѣ рѣки сѣверной страны постоянно находились въ зависимости отъ сосѣдей и посредствомъ устьевъ и переволокъ всѣ сплетались въ одну плотную сѣть, что необходимо должно было выразиться и въ характерѣ населенія. Несмотря на природную отдѣльность новгородской рѣчной области, она въ своихъ границахъ крѣпко связывалась со всею волжскою областью, а на Волгѣ господствующее положеніе было занято Окою, такъ-какъ по ней шло къ Волгѣ древнѣйшее населеніе восточныхъ славянъ, первыхъ колонизаторовъ здѣшняго края, удалявшихся сюда добывать себѣ хлѣбъ не войною, а земледѣльческимъ трудомъ. На притокахъ Оки естественно возникла хозяйственная сила всего сѣвернаго хозяйства, очень легко собравшая потомъ всѣ раздѣльныя земли въ одно общее хозяйство,—государство“ (23). „Сила суздальской земли была сила промысла и работы, а стало быть, и сила устроеннаго хозяйства. Ея побѣды надъ остальными силами земли были побѣдами рабочаго, промышленнаго и торговаго плеча надъ владычествомъ исключительно военно-дружинныхъ порядковъ, установленныхъ больше всего силою одного меча и мало заботившихся объ устройствѣ прочнаго хозяйства не для себя только, но и для всего народа“ (33).

Это хозяйство начиналось съ деревни. Въ степныхъ мѣстахъ, по всей вѣроятности, жизнь начиналась *селою*, т. е. заселеніемъ извѣстнаго мѣста и распашкою широкаго поля. „Слово *деревня*, напротивъ, показываетъ, что жизнь начинаетъ свое дѣло въ лѣсу, и начинаетъ съ того, что дѣлаетъ *дорь*, рощистъ лѣса для пашни и сѣнокоса, *вздираетъ* лѣсную чащу, чтобы устроить ниву. Эта очистка лѣснаго угодыя для разведенія пахотнаго поля, отъ способа самой работы *драть*, прочищать, просѣкать, валить лѣса, прозвалась, какъ упомянуто, *доромъ* — дворомъ или деревнею, что значило одно и то-же, т. е. рощистъ пашни. Въ древнее время деревня заключала въ себѣ по большей части одинъ дворъ, рѣдко два или три, и тѣмъ обнаруживала, что поселокъ начинался съ одной семьи или съ одного родового колѣна. Изъ того-же корня, по всему вѣроятію, идетъ и *дорога*, продранное въ лѣсу пространство, необходимый путь изъ деревни на божій міръ. Такіе пути-дороги деревня пролагала во всѣ стороны, куда заводилъ ее лѣсной промыселъ за звѣремъ, за птицей, за пчелою или хозяйская работа надъ пашнею и сѣнокосомъ въ отхожихъ пустошахъ. Такими путями распространялись и обозначались границы деревенскаго владѣнія. Топоръ ходилъ по деревьямъ и клалъ *рубежи*, зарубалъ свои *знамена*, обозначая путь, *путикъ*, или зарубая своимъ знакомъ бортевое ухожье. Коса ходила по лугу, соха по полю, обозначая тоже работу человѣческихъ рукъ и тѣмъ опредѣляя право на владѣніе тѣмъ лугомъ и той нивою. Топоромъ каждая деревня зарубала и прорубала себѣ право собственности на окрестную землю. Самыя межи клались не на землѣ, а вырубались топоромъ-же на деревьяхъ. Земляная межа всегда шла только живыми урочищами, вродѣ рѣ-

чекъ, овраговъ, болотъ, мховъ и т. п. Но какъ скоро она теряла живое урочище, то переходила на дерево и отводилась отъ одного дерева до другого, „отъ дуба или сосны на березу, а на березѣ грань, да на ялпу, да на двѣ ели, а на нихъ грани, да на три ели, выросли изъ одного корня“ и т. д. Въ сѣверномъ краю крестьяне до настоящаго времени ведутъ свои промыслы тѣмъ-же порядкомъ. „Путики, говоритъ Максимовъ, — это лѣсныя тропы, которыми испорѣзаны всѣ тамошніе лѣса. Путикъ прокладываетъ себѣ всякій мужикъ, которому принадлежитъ охота къ лѣсному промыслу. У старательнаго и домытаго промышленника такихъ путиковъ проложено до десятка и рѣдкій изъ нихъ не тянется на сорокъ, на пятьдесятъ верстъ; нѣкоторые заводятъ свои тропы и на гораздо большее пространство. Путикъ этотъ прокладывается просто: идетъ мужикъ съ топоромъ, обрубаешь болѣе бойкія и частыя вѣтви, чтобы не мѣшали онѣ свободному проходу; въ намѣченныхъ по примѣтамъ и по исконному правилу мѣстахъ вѣшаетъ онъ по вѣтвямъ силки для птицъ, прилаживаетъ у кореньевъ западни для звѣри. Онъ твердо помнитъ и подробно знаетъ свою тропу и ни за что не переиѣшиваетъ своихъ путиковъ съ чужими. Вѣрный исконному обычаю и прирожденному чувству пониманія чести и уваженія къ чужой собственности, онъ и подумать не смѣетъ осматривать, а тѣмъ паче обирать чужіе путики, хотя-бы они тысячу разъ пересѣкли его путики“. Первобытное деревенское понятіе о пути, какъ о дорогѣ всякаго промысла или дохода, легло въ основаніе и городской дѣятельности. „Какъ въ деревнѣ дѣйствовалъ топоръ селянина-пахаря, птицелова, звѣролова и пр., зарубая и прорубая себѣ путики, такъ и въ городѣ его военная дружина зарубала и прорубала себѣ пути для своихъ промысловъ мечомъ. Дружинный бытъ въ этомъ отношеніи новаго ничего привести не могъ; онъ, народившись постепенно изъ развитія земскихъ-же силъ, употребилъ въ дѣло искони-вѣчные способы устроить себѣ промыслы, какіе по всей землѣ существовали съ незапамятнаго времени. Какъ деревенскій промышленникъ съ своимъ топоромъ, такъ и свѣтлый князь или свѣтлый бояринъ съ своимъ мечомъ ходили, „мзми“ въ свои пути и направо и налево зарубали свои права на землю, добытую, *наиденную* трудомъ великимъ. Каждый городъ, подобно деревнѣ, распространялъ свои пути во всѣ стороны и зарубалъ себѣ собственный округъ, отчего и границы такого округа назывались *рубежемъ*. Вотъ почему самыя дѣла нашихъ первыхъ князей, весь порядокъ этихъ дѣлъ представляли въ сущности только новый шагъ въ развитіи старыхъ земскихъ правительственныхъ отношеній. Князья, какъ и дружина, только способствовали городамъ распространить новый промыслъ дани, оброковъ, уроковъ. Они ничѣмъ не отличались отъ простыхъ промышленниковъ: также ходили на ловы, не для потѣхи, а именно для промысла; сами собирали полудье, дани, дары, уроки, оброки; сами оберегали дѣлпровскіе караваны купцовъ-гречениковъ и т. д. Вообще, существенная роль князя

состояла въ томъ, что онъ былъ первый работникъ и хозяинъ своего города и своей волости или ласти и всей своей земли. Стихія хозяйскаго дѣла была основаніемъ его быта, какъ стихія военнаго дѣла была только охраною и поддержкою этого быта" (565).

Такія страницы читаются съ удовольствіемъ, но ихъ немного въ книгѣ г. Забѣлина, которая, какъ мы уже замѣтили, не можетъ имѣть успѣха въ публикѣ, тѣмъ болѣе, что объемъ этого труда громаденъ: вышедшій первый томъ весь посвященъ только до-исторической жизни русскаго народа.

Бережливость, Самуила Смайльса. Переводъ съ англійскаго Е. Сысоевой. Спб., 1876.

Смайльсу посчастливилось у насъ обратить на себя вниманіе читающей публики, — говоримъ, *посчастливилось* потому, что удостоиться ея вниманія стоитъ не малаго труда. Ничего нечитающая, ко всему равнодушная и устремившая всѣ свои помыслы и пожеланія къ ублагоустроенію своей мамы, она не только не интересуется движеніемъ европейской мысли, но и тѣмъ, что творится у нея подъ носомъ. Правда, что она не одна въ этомъ виновата; ей каждый день и на разные голоса повторяютъ ея облюбленные публицисты, что она и безъ того очень прекрасная публика, что европейская наука и культура ей вовсе ненужны, что она можетъ обойтись и безъ нихъ, какъ обходилась отъ временъ Гюрика и до появленія въ ея средѣ г. Струсберга, что идеаль нашего національнаго сознанія вовсе не на Западѣ, а у насъ дома, въ деревнѣ, что настоящая сила наша *въ латтѣ* и въ *неудержимомъ тяготѣнн къ Востоку*, что мы, слава тѣ, Господи, и турокъ можемъ истребить, и гнилой Западъ побѣдить, — однимъ словомъ, жить-себѣ на свѣтѣ прищѣваючи, не утруждая себя головоломнымъ умственнымъ трудомъ. — „А на што мнѣ твоя наука, говорилъ комерціи совѣтникъ, Федулъ Громовъ, — у меня вона какая мошна-то“. И Федулъ былъ правъ; онъ выражалъ не только свое личное мнѣніе, но мнѣніе цѣлаго легіона другихъ Федуловъ, населяющихъ седьмую часть земного шара, отъ Бѣлаго и до Чернаго моря. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ-же намъ нужна интеллигенція и на что она намъ, когда ни въ городскомъ управленіи, ни въ банкахъ, ни въ желѣзнодорожныхъ компаніяхъ мы не видимъ ни одного интеллигентнаго человѣка, а если онъ и попадетъ туда какимъ-нибудь чудомъ, то его постараются выжить. Въ московскомъ комерческомъ банкѣ, распорядившимся миліонами своихъ простодушныхъ акціонеровъ, не было ни одного русскаго члена, который-бы зналъ нѣмецкій языкъ и, судя по логическому и грамматическому смыслу отвѣтовъ его подсудимыхъ, можно навѣрное сказать, что всѣ эти

финансовые тузы вкусили сладкихъ плодовъ ученія никакъ не дальше 2-го класса приходскаго училища. Мы знаемъ, что между нашими желѣзнодорожниками есть люди, неумѣющіе подписать своего имени, между книгопродавцами — совершенно безграмотные, между городскими головами, — нечитавшіе ничего, кромѣ Четырех-Минен; а между тѣмъ они вездѣ на первомъ планѣ, они во всемъ хозяйничаютъ и всѣмъ руководятъ. На что-же намъ послѣ этого образованіе, и не резонно-ли говорилъ Федулъ, что плевать мнѣ на него, когда въ карманѣ туго. Но...

Но все-таки Смайльсу удалось понравиться нашимъ Федуламъ и выдержать нѣсколько изданій на русскомъ языкѣ. Его „Самопомощь“ и „Характеръ“ читались довольно живо, а его послѣднее сочиненіе «Бережливость» вышло въ одно время двумя отдѣльными изданіями. Слѣдовательно, относительный успѣхъ Смайльса — значительный, гораздо значительнѣе, чѣмъ многихъ и многихъ другихъ авторовъ, имѣющихъ несравненно болѣе достоинствъ, чѣмъ онъ.

Чему-же обязанъ Смайльсъ своимъ успѣхомъ въ нашей переводной литературѣ и за что его облюбила наша публика? Отвѣчать положительно на этотъ вопросъ такъ-же трудно, какъ предсказать загнивіе солнца за тысячу лѣтъ. Почему она одного возлюбитъ, а другого и въ руки не возьметъ, — почему она съ „Прекрасной магометанкой“ носится лѣтъ сорокъ, а «Петербургскія трущобы» г. Вс. Крестовскаго, не менѣе прекрасная самой «Прекрасной магометанки» давно забыла, почему она еще такъ недавно восхищалась газетой г. Каткова, а теперь души не чаетъ отъ газеты гг. Лихачева и Суворина? — ну кто-же это разрѣшить и объяснить намъ! Хочу — полюблю, хочу — оплюю, — вотъ тебѣ и весь резонъ нашихъ Федуловъ. Мы думаемъ, что и по отношенію къ Смайльсу публика поступила на томъ-же резонномъ основаніи.

Впрочемъ, у него есть одна черта, очень симпатичная нашей публикѣ, а именно, умѣнье занимательно рассказывать о самыхъ обыкновенныхъ и давнымъ-давно извѣстныхъ вещахъ. По своему умственному развитію, напримѣръ, сравнительно съ Спенсеромъ, онъ стоитъ не особенно высоко; отъ него нечего ждать ни глубокихъ обобщеній, ни новыхъ реформаціонныхъ идей, ни оригинальныхъ взглядовъ, но онъ стоитъ твердо на своей практической почвѣ и, какъ человѣкъ, много видѣвшій, многое на самомъ себѣ испытавшій, всегда можетъ подѣлиться съ вами богатствомъ пережитыхъ имъ опытовъ и наблюденій. Мы знаемъ изъ біографіи С. Смайльса, что это одинъ изъ тѣхъ бывалыхъ людей, которымъ жизнь даетъ громадный запасъ матеріаловъ, а мысль помогаетъ обработать и привести ихъ въ порядокъ. Смайльсъ родился въ 1816 году въ Шотландіи, въ странѣ по-преимуществу дѣловитой и практической, отъ родителей бѣдныхъ, но высоко цѣнившихъ образованіе, и мать Смайльса, потерявшая мужа, а съ нимъ и послѣднія средства къ жизни, все-таки позаботи-

лась дать хорошее воспитаніе дѣтямъ. Образованіе Смайлса было медицинское и, какъ медикъ, онъ долго практиковалъ въ Лидсѣ; потомъ вдругъ онъ оставилъ свою „професію и сдѣлался издателемъ лидскаго „Times'a“; но и это поприще оказалось ему не по душѣ и онъ поступилъ, въ качествѣ секретаря, въ общество одной желѣзной дороги. Послѣ этого, онъ принялъ участіе въ одномъ коммерческомъ предпріятіи лондонской асоціаціи, долго путешествовалъ по континенту, составлялъ разные проекты, писалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ и въ то-же время издавалъ отдѣльныя книжки. Первымъ и, по нашему мнѣнію, лучшимъ его произведеніемъ была книга, озаглавленная: „*Физическое воспитаніе или природа дѣтей*“, изданная имъ въ 1837 году. Такимъ образомъ, Смайлсъ почти сорокъ лѣтъ занимается литературной дѣятельностію, которая, впрочемъ, была для него только отдыхомъ, досугомъ отъ его разнообразной практической дѣятельности. „Я, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ предисловіи, видѣлъ жизнь не съ одной ея солнечной стороны, но шелъ и ея темными тропинками, сталкиваясь съ людьми и обстоятельствами всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ. Какъ наблюдатель, я имѣлъ передъ собою обширную панораму человѣческихъ слабостей и пороковъ, на мрачномъ фонѣ которыхъ лежали и свѣтлыя краски. Я отдѣлялъ и группировалъ ихъ такъ, какъ онѣ представлялись мнѣ, не на основаніи теоріи и идеальнаго масштаба, а суроваго житейскаго опыта“. Это вѣрно. Смайлсъ вовсе не теоретикъ, не мыслитель въ собственномъ смыслѣ этого слова, а умный собесѣдникъ, которому есть о чемъ поговорить и съ которыми вы не заснете. Онъ не научитъ васъ ничему новому, онъ не возбудитъ въ васъ ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ идей, потому что онъ самъ далеко стоитъ отъ ихъ современнаго движенія, но онъ многое напоинитъ вамъ изъ того, что вамъ полезно знать, онъ прямо вводитъ васъ въ сферу житейской практики и, не брезгая ея рутинной, наглядно объясняетъ и растолковываетъ вамъ ваши обыденные вопросы и смутныя понятія. Вотъ почему онъ охотно читается въ Англии буржуазіей средней руки и приходится совершенно по плечу нашей публикѣ. Чтобы понимать, напримѣръ, Дж. Ст. Милля и читать его съ увлеченіемъ, надо обладать извѣстнымъ уже готовымъ умственнымъ развитіемъ, извѣстной энергіей мысли, а Смайлсъ не требуетъ отъ васъ этой подготовительной работы, потому что онъ беретъ жизнь не въ томъ видѣ, какъ-бы лучше устроить ее въ будущемъ, а въ томъ, какъ большинство ее видитъ и пользуется ею. Кто не знаетъ, что бережливость есть одно изъ необходимыхъ условій частной и соціальной экономіи, кому придетъ въ голову спорить о томъ, что мотовство ведетъ къ разврату и паденію; но Смайлсъ, развивая эту избитую тему, представляетъ ее множествомъ совершенно новыхъ для васъ фактовъ и примѣровъ. Если-бы онъ былъ моралистъ, его произведенія были-бы до

крайности скучны и снотворны; но онъ не морализируетъ, не читаетъ вамъ ни наставленій, ни квакерскихъ проповѣдей, а говоритъ просто: вотъ вамъ двѣ дороги въ жизни; идите той или другой, но одна приводитъ къ такимъ-то результатамъ, а другая — къ другимъ; выборъ зависитъ отъ вашего благоразумія.

Но позвольте, невольно хочется спросить Смайльса, все это прекрасно и справедливо; но какимъ образомъ устроить свою жизнь такъ, чтобы не сдѣлать дурного выбора, не своротить съ прямого пути на окольный; иначе говоря, всегда-ли выборъ зависитъ отъ нашего личного усмотрѣнія и индивидуальной воли? На этотъ вопросъ Смайльсъ не даетъ никакого отвѣта и даже не касается его ни единымъ словомъ. Онъ убѣжденъ, что все зависитъ отъ силы активнаго характера, выработаннаго нами; а какъ онъ вырабатывается и какъ его примѣнить ко всѣмъ даннымъ условіямъ жизни, — это онъ предоставляетъ каждому рѣшить по-своему. Онъ разсуждаетъ такъ: если вы не сумѣли или не смогли выбиться изъ грязнаго житейскаго омута, если вы не нашли себѣ мѣста за гостепріимнымъ столомъ природы и остались около него съ разинутымъ ртомъ, не получивъ ни крошки отъ роскошнаго пѣра, то ужъ пеняйте только на самого себя, на свою неспособность.

„Деньги, говоритъ онъ, сами по себѣ ничто, но онѣ драгоценны потому, что съ ними связана независимость человѣка. Съ этой точки зрѣнія, деньги—нравственная необходимость... Въ виду этого скромная, плебейская экономія становится на степень самой благородной и почтенной добродѣтели. Не смотрите никогда легкомысленно на денежныя дѣла, сказалъ Вульверъ,—деньги—это основа человѣческаго характера. Лучшія его качества и главные его пороки зависятъ отъ умѣнья хорошо или дурно обращаться съ деньгами“. (Стр. 17.) Но опять хочется возразить Смайльсу: вы приглашаете насъ уже за готовый столъ, гдѣ для каждаго поставленъ приборъ, и намъ остается только кушать, не пронося ложки мимо рта, но вы не говорите о томъ, кто и какъ поставитъ намъ этотъ приборъ. Положимъ, что у насъ хватить умѣнья хорошо распорядиться своими наличными деньгами, но какъ устроить дѣло, чтобы они всегда были въ нашемъ распоряженіи, чтобы мы не остались предъ столомъ только съ разинутымъ ртомъ? И на это Смайльсъ отвѣчаетъ тѣмъ-же афоризмомъ: „не плошайте и берите, что можно взять“. И самъ-же онъ становится въ тупикъ передъ тѣми социальными явленіями, которыя озадачиваютъ его на каждомъ шагѣ. „Въ средѣ грубаго и диваго народа условія бѣдности очень однообразны; какъ только первыя насущныя потребности удовлетворены, о страданіяхъ дикарь уже забываетъ. Въ странахъ, гдѣ существуетъ рабство, нищета мало развита; прямой интересъ хозяина требуетъ, чтобы онъ хорошо кормилъ раба и хорошо обращался съ нимъ, потому что тотъ работаетъ на него. Только въ цивилизованныхъ и свободныхъ

обществахъ, гдѣ человѣкъ долженъ конкурировать съ другими, онъ начинаетъ страдать отъ бѣдности и испытываетъ социальныя бѣдствія. Тамъ, гдѣ цивилизація, какъ въ Англіи, достигла высшей точки развитія и гдѣ образовались несмѣтныя богатства (слѣдовательно, каждый могъ-бы сидѣть за столомъ, на пиру природы), страданія людей бѣднаго класса становятся какъ-бы жгучѣе и мучительнѣе, при ежеминутномъ сравненіи ихъ съ комфортомъ и роскошью людей достаточныхъ. Главныя причины существующаго бѣдствія кроются въ чрезмѣрномъ эгоизмѣ однихъ, въ жадномъ стремленіи къ наживѣ другихъ и въ отсутствіи предусмотрительности третьихъ. Настоящій вѣкъ—это вѣкъ страсти къ быстрой наживѣ; богатство народа, а не счастье его—главная цѣль политико-экономистовъ. Мы изучаемъ политическую экономію, а о социальной и знать не хотимъ. Побольше получить барышей считается *summum bonum*; но какъ эти барыши получаютъ и во что они обходятся платящему—до этого намъ дѣла нѣтъ. Деньги—нашъ богъ, а все прочее, къ чорту—сдѣлалось почти общимъ современнымъ девизомъ“ (стр. 35—36.) Такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ дѣло сводится къ тому, что дальнѣйшій ходъ цивилизаціи только увеличиваетъ въ насъ горькое чувство безпомощности и отнюдь не примиряетъ социальнаго эгоизма съ социальной справедливостью.

Но чѣмъ-же помочь этому злу, г. Смайльсъ?—Бережливостью.—Но если не изъ чего сберечь? — Все-таки надо дѣлать сбереженія, отвѣчаетъ Смайльсъ, и, по мнѣнію его, нѣтъ такого бѣдняка, который-бы не могъ отложить изъ своего скуднаго заработка хоть что-нибудь на черный день.. И онъ указываетъ на цѣлый рядъ знаменитыхъ именъ, на Стефенсона Уатта, Франклина, Ричардсона, Винкельмана, Гогарта и др., которые вырвались изъ когтей страшной нищеты или бѣдности и умерли людьми, не только обезпеченными, но и богатыми. Но Смайльсъ упускаетъ изъ виду, что въ этихъ счастливыхъ случайностяхъ не столько играла роль бережливость, сколько необыкновенный умъ, выдвинувшій ихъ впередъ.

Съ другой стороны Смайльсъ представляетъ цѣлую галерею мотовъ въ которой фигурируютъ у него преимущественно поэты и артисты, люди съ пылкимъ воображеніемъ и безъ всякаго практическаго такта. Такъ напр., Ламартинъ прожилъ громадное состояніе и подъ конецъ жизни чуть не протягивалъ руки за милостыней. «Одинъ «Курсъ литературы», говоритъ Смайльсъ, доставилъ ему 200,000 франковъ втеченіи года, но деньги у него текли сквозь пальцы, какъ вода». Мотовство довело гениальнаго Бэкона до необходимости брать взятки. Байронъ, обладавшій богатымъ наслѣдственнымъ имѣніемъ, никогда не выходилъ изъ долговъ, и желая поправить свое состояніе, женился на женщинѣ, съ которой скоро разошелся, когда она закрыла отъ него свою шкатулку. Шериданъ всю свою жизнь бѣгалъ отъ должниковъ, но это не мѣшало ему дѣлать постоянно новые долги. „Конецъ его жизни представляетъ рядъ хитростей, частію

очень ловкиѣ, частію унизительныѣ, которыя онъ пускалъ въ ходъ, чтобы достать себѣ денегъ или улизнуть отъ кредиторовъ. Тайлоръ, оперный артистъ, говаривалъ, что если-бы онъ поклонился на улицѣ Шеридану, тотъ непремѣнно выпросилъ-бы у него 50 фунтовъ, но если-бы онъ вздумалъ остановиться и заговорить съ нимъ, то это обошлось-бы ему въ 100 фунтовъ". А между тѣмъ, отправляясь въ гости, Шериданъ ѣхалъ одинъ въ каретѣ четверней, а сынъ его Томъ слѣдовалъ за нимъ въ другой каретѣ.

Въ заключеніе мы особенно рекомендовали-бы прочесть книгу Смайльса нашимъ купеческимъ сынкамъ и аристократическимъ мотамъ, если-бъ мы не знали, что они ничего не читаютъ, кромѣ длинныхъ счетовъ обирающихъ ихъ ростовщиковъ.

Переводъ г-жи Сысоевой очень хорошій, какъ и всѣ ея переводы, какіе намъ попадались подъ руку, и мы посоветовали-бы нашимъ издателямъ, въ родѣ г. Шигина, не пренебрегать этимъ литературнымъ достоинствомъ, которымъ, къ сожалѣнію, у насъ такъ часто пренебрегаютъ.

Основанія Соціологіи, Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Томъ первый 1876.

Это лучшая книга, вышедшая въ Россіи въ нынѣшнемъ году, но такъ-какъ этотъ первый томъ Соціологіи посвященъ изслѣдованію о первобытной религіи, о которой подробно говорится, между прочимъ и на основаніи этого-же изслѣдованія Спенсера, въ помѣщаемой у насъ статьѣ „Развитіе Первобытной Культуры“, то мы и не будемъ долго останавливаться на содержаніи этой превосходной книги. Главный выводъ Спенсера состоитъ въ слѣдующемъ: „поклоненіе предкамъ есть корень всякой религіи“ (стр. 441), поклонеціе-же предметамъ природы произошло отъ поклоненія предкамъ. Хотя въ большинствѣ случаевъ Спенсеръ доказываетъ свою мысль блистательно, но рѣшительно невозможно согласиться съ нимъ въ томъ, что поклоненіе предкамъ было единственною формою древней религіи и не соединялось съ поклоненіемъ природѣ. Какъ-бы то ни было, но эта книга доставляетъ читателю много свѣтлыхъ мыслей, много наслажденія. Мы остановились здѣсь на спенсеровской характеристикѣ ума первобытнаго человѣка.

„Не обладая специальными органами чувствъ для распознаванія встречающихся вещей, дождевой червякъ поглощаетъ цѣликомъ черноземъ, содержащій и растительныя вещества въ отчасти разложившемся состояніи, и предоставляетъ своему пищеварительному каналу всосать то малое количество питательнаго вещества, которое можетъ быть извлечено изъ поглощеннаго чернозема, и выбросить въ формѣ экскрементовъ 95 процентовъ

веществъ, негодныхъ для питанія. Наоборотъ, болѣе высокоразвитое кольчатое животное, одаренное специальными органами чувствъ и извѣстнымъ умомъ, какъ, напр., пчела, выбираетъ изъ всѣхъ частей растенія лишь самыя концентрированныя питательныя вещества, или паукъ, высасываетъ уже готовые питательные соки изъ попавшейся въ его ловушку мухи. Не слѣдя подробно за такимъ контрастомъ въ отдѣлѣ позвоночныхъ, начиная съ самыхъ низшихъ изъ нихъ, мы скажемъ просто, что и здѣсь прогрессъ отъ наименѣ развитыхъ въ умственномъ отношеніи къ болѣе развитымъ и наконецъ, къ самымъ развитымъ, сопровождается подобнымъ-же образомъ—возрастаніемъ способности выбирать себѣ пищу. Разсматривая травоядныхъ млекопитающихъ вообще, мы видимъ, что они должны пожирать сравнительно непитательныя части растеній въ очень большихъ количествахъ, чтобы добыть изъ нихъ нужное количество питательныхъ веществъ, между тѣмъ какъ плотоядныя животныя, въ большинствѣ случаевъ болѣе развитыя въ умственномъ отношеніи,—вообще живутъ концентрированной пищею, которая оказывается достаточно питательной даже въ малыхъ количествахъ. Хотя обезьяна и слонъ не плотоядны, но оба они одарены способностями, которыми слонъ вѣроятно, а обезьяна навѣрное пользуются для выбора наиболѣе питательныхъ частей растеній, если онѣ могутъ быть добыты. Переходя къ человѣческому роду, мы находимъ, что его столъ состоитъ изъ пищи самаго концентрированного сорта, какой только можно добыть, но что нецивилизованный человѣкъ, находящійся во власти окружающихъ его условій, менѣе разборчивъ въ пищѣ, чѣмъ цивилизованный. Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что у наиболѣе цивилизованныхъ самая питательная пища тщательно отдѣляется отъ непитательныхъ примѣсей и что этотъ выборъ доходитъ даже до того, что за столомъ куски низшаго достоинства остаются не съѣденными“.

„Обращая вниманіе читателя на эти, повидимому никуда неприложимые факты, я имѣлъ въ виду показать, что существуетъ нѣкоторая аналогія между прогрессомъ въ тѣлесномъ питаніи и прогрессомъ въ питаніи душевномъ. Высшіе типы духа, подобно высшимъ типамъ тѣла, обладаютъ большими способностями въ дѣлѣ выбора матеріаловъ, годныхъ для уподобленія. Подобно тому, какъ высшее животное руководствуется при выборѣ пищи наружными видомъ и запахомъ различныхъ вещей и поглощаетъ только такія, которыя содержатъ много организуемаго вещества, такъ точно и высшій умъ, руководствуясь тѣмъ, что можно-бы назвать иносказательно умственнымъ чутьемъ, проходитъ мимо множества неорганизуемыхъ фактовъ, но быстро открываетъ факты, имѣющіе значеніе, и вбираетъ ихъ въ себя въ качествѣ элементовъ, изъ которыхъ могутъ быть выработаны основныя истины. Менѣе развитые умы, неспособные разложить эти болѣе сложные факты и ассимилировать себѣ ихъ составныя элементы, а потому нечувствующие никакого аппетита къ нимъ, пожираютъ отъ жадностью такіе, ко-

торые по большей части ничего не стоятъ, и изъ обширной массы поглощенныхъ ими фактовъ всасываютъ очень не много годныхъ матеріаловъ. Та концентрированная пища, которая доставляется опытами физика, изслѣдованіями политико-эконома, анализами психолога, для нихъ невыносима; они не въ состояніи переварить ее; вмѣсто того, они съ алчностью поглощаютъ пошлыя мелочи застольной бесѣды, сплетни и пересуды свѣтской жизни, полицейскія новости и судебныя скандалы, а ихъ чтеніе, кромѣ дрянныхъ повѣстей, заключаетъ въ себѣ мемуары разныхъ посредственностей, цѣлые томы сплетнической переписки, съ прибавкой изрѣдка какаго-нибудь сочиненія по исторіи, изъ котораго они выносятъ нѣсколько фактовъ, относительно битвъ и поступковъ знаменитыхъ людей. Для такихъ умовъ, лишенныхъ тѣхъ структурныхъ способностей, которыя требуются для анализа и систематизированія, доступенъ одинъ только этотъ сортъ пищи, и кормить ихъ пищею болѣе высокаго сорта было-бы такъ-же непрактично какъ кормить корову мясомъ“ (стр. 91).

Продолжая этотъ контрастъ дальше, мы дойдемъ, наконецъ, до ума первобытнаго человѣка и намъ представится еще большее вниманіе къ мелкимъ подробностямъ, лишеннымъ всякаго значенія, и еще меньшая способность къ выбору фактовъ, изъ которыхъ можно было-бы сдѣлать сколько-нибудь цѣнные выводы. Дикарь постоянно дѣлаетъ множество наблюденій, но тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ какое-нибудь значеніе, теряются въ массѣ другихъ, не имѣющихъ никакого значенія и не оставляютъ въ головѣ никакихъ матеріаловъ для серьезной мысли. Отличаясь чрезвычайной дѣятельностью воспріятія, низшія расы въ то-же время отличаются бездѣятельностью размышленія. „Я убѣжденъ, говоритъ Бэтсъ о бразильскомъ индѣйцѣ,—что онъ не думаетъ ни о чемъ, кромѣ предметовъ, которые соприкасаются непосредственно съ его ежедневными матеріальными нуждами“ „Онъ наблюдаетъ хорошо, говоритъ Бертоно о восточномъ африканцѣ,—ну не можетъ вывести ничего полезнаго изъ своихъ воспріятій; онъ не желаетъ,—да повидимому и не можетъ—вырваться изъ круга внѣшнихъ чувствъ, точно такъ-же, какъ не хочетъ заниматься ничѣмъ, кромѣ настоящаго“. Вообще, всѣ дикари отличаются отсутствіемъ способностей обобщенія и судятъ о вещахъ на основаніи того, что они видятъ передъ собою, а не въ ихъ причинахъ и послѣдствіяхъ. Ихъ умъ лишень оригинальности и подражательность составляетъ очень замѣтную черту ихъ характера. Извѣстна забавная склонность негроръ рядиться при всякомъ удобномъ случаѣ въ одежду бѣлыхъ и расхаживать въ ней, подражая ихъ манерамъ и жестахъ. Ту-же самую склонность и способность къ подражанію путешественники замѣчаютъ во всѣхъ дикаряхъ міра, и тѣмъ ниже они въ умственномъ отношеніи, тѣмъ сильнѣе въ нихъ эта способность и склонность. Далѣе, умъ первобытнаго человѣка рѣшительно неспособенъ къ продолжительному мышленію. „Умъ дикаря, говоритъ одинъ путешественникъ,—кажется вообще

образованному челоѣку находящимся въ сонномъ состояніи. Когда его вниманіе бываетъ пробуждено въ полной мѣрѣ, онъ обнаруживаетъ не рѣдко много живости, но уже краткій разговоръ утомляетъ его, въ особенности если предлагаемые ему вопросы требуютъ съ его стороны извѣстныхъ усилій мысли или памяти. Тогда умъ дикаря начинаетъ какъ-будто блуждать изъ стороны въ сторону просто отъ усталости. О бразильскомъ индѣйцѣ путешественники рассказываютъ, что едва лишь кто-нибудь начнетъ задавать ему вопросы объ его языкѣ, какъ онъ становится раздражителенъ, жалуется на головную боль и вообще обнаруживаетъ всѣ признаки того, что неспособенъ переносить долѣе такого упражненія. При такой слабости умъ дикаря неспособенъ составить себѣ никакихъ, даже самыхъ простыхъ общихъ понятій; даже такія, напр., предложенія, какъ *растенія зелены, животныя растутъ*, никогда не слагаются въ опредѣленной формѣ въ сознаніи дикаря по той простой причинѣ, что у него нѣтъ никакой идеи о растеніи или животномъ, независимо отъ того или другого рода растеній или животныхъ. До какой степени умъ дикаря неспособенъ къ сколько-нибудь отвлеченному мышленію, можно видѣть изъ того, что рассказываетъ Гальтонъ о дамарахъ. „Послѣ пяти они начинаютъ сильно путаться въ счетѣ, потому что у нихъ не достаетъ свободной руки, чтобы брать и удерживать пальцы, изображающіе единицы. Однако они рѣдко теряютъ своихъ быковъ, но при повѣркѣ стада они узнаютъ о потерѣ не вслѣдствіе уменьшенія составлявшаго его числа головъ, а вслѣдствіе отсутствія извѣстной знакомой фигуры. При мѣнновомъ торгѣ имъ приходится платить за каждую овцу особо. Предположимъ, что овца промѣнивается за двѣ папуши табаку, въ такомъ случаѣ дамарецъ былъ-бы сильно спутанъ въ мысляхъ, если-бы вы взяли у него прямо двѣ овцы и вручили ему четыре папуши табаку“. При отсутствіи какихъ-бы то ни было идей, невозможны никакія представленія о причинности представленія, которыхъ нѣтъ дѣйствительно ни у ребенка, ни у грубаго дикаря, вслѣдствіе чего они и отличаются такимъ легковѣріемъ. Когда негръ, готовясь къ какому-нибудь важному предпріятію, дѣлаетъ своимъ богомъ — покровителемъ первый предметъ, попавшійся ему на глаза, и молится ему, или когда видахъ, не понавъ на охотѣ въ животное, приписываетъ причину такой неудачи не плохому прицѣлу, а тому, что онъ недостаточно умилостивилъ своего бога, то такіе поступки, которые намъ кажутся неестественными, вполнѣ естественны на той степени умственной развитія, на которой нѣтъ еще идеи причинности. При отсутствіи-же идеи причинности невозможно разумное удивленіе и любознательность при видѣ новыхъ предметовъ. Все, что сильно поражаетъ чувство челоѣка, неподнявшагося еще до понятія причинности, напр., внезапная вспышка или громкій взрывъ, можетъ заставить его выпучить глаза или, можетъ быть, закричать и заплакать; но покажите ему химическій опытъ или объясните ему дѣйствіе гигроскопа, и вы заинтересуете его этимъ ни-

сколько не болѣе, чѣмъ какой-нибудь новой посудой. Путешественники единогласно утверждаютъ, что почти всѣ низшія расы отличаются замѣчательнымъ равнодушіемъ ко всему новому и отсутствіемъ любознательности. Видѣтъ съ тѣмъ у нихъ нѣтъ и творческаго воображенія.

При такой слабости ума первобытный человѣкъ на каждомъ шагѣ впадаетъ въ самыя грубыя, непонятныя для насъ ошибки. Гайсъ никакъ не могъ убѣдить эскимосовъ, что шерстяная ткань, изъ которой было сшито его платье, не была шкурой какого-нибудь животнаго. Стекло они принимали за ледъ, а сухари — за сушеное мясо мускуснаго быка. Зная упомянутую слабость первичнаго ума, нечего удивляться тѣмъ нелѣпымъ объясненіямъ и выводамъ, къ которымъ онъ то-и-дѣло приходитъ. Оринокскіе индѣйцы думаютъ, что роса есть ни что иное, какъ *плевки звѣздъ*. Нетрудно догадаться, какъ они дошли до такого объясненія. Роса есть жидкость, имѣющая нѣкоторое сходство съ слюной. Судя по ея положенію на листьяхъ, она должна падать на нихъ сверху, какъ и слюна плюющего человѣка. Такъ-какъ она падаетъ только въ безоблачныя ночи, то должна падать съ единственныхъ предметовъ, видимыхъ въ такія ночи, т. е. со звѣздъ. При такихъ условіяхъ становятся вполне понятными тѣ внутреннія противорѣчія и несообразности, которыя встрѣчаются въ вѣрованіяхъ всѣхъ дикарей. „Та умственная мѣшанина, говоритъ Спенсеръ, которая находится въ головѣ даже у насъ самихъ и которая ухитряется соединять въ себѣ одновременно такія вѣрованія, какъ то, что эпидеміи причиняются неблагоприятными условіями, и то, что онѣ результатъ гнѣва и жести, — должна была у первобытныхъ людей соединять вмѣстѣ вѣрованія, еще болѣе несогласимыя другъ съ другомъ. Такъ, напр., малагазецъ, не переводя духу, выразить свое вѣрованіе, что когда онъ умретъ, то вовсе перестанетъ существовать и въ то-же время скажетъ, что онъ имѣетъ обыкновеніе приносить жертвы своимъ умершимъ предкамъ. Чтобы легче понять, какиимъ образомъ возможна такая крайняя нелогичность, стоитъ припомнить примѣры нашей собственной нелогичности, хотя-бы, напр, извѣстное народное вѣрованіе, что умерщвленіе бѣшеной собаки спасаетъ укушеннаго ею человѣка отъ всѣхъ послѣдствій укушенія“. (стр. 91—117.)

Приведенныя нами выдержки могутъ дать читателю лишь нѣкоторое понятіе о книгѣ Спенсера, исполненной высокихъ достоинствъ, хотя она въ нѣкоторыхъ случаяхъ и грѣшитъ ошибочными выводами.

Родина. Сборникъ для класснаго чтенія, съ упражненіемъ въ разборѣ, устно и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ А. Радонежскій. Изд. 2-е. Спб. 1876.

Книгъ для взрослыхъ выходитъ очень мало, книгами для дѣтей хоть пруды пруди, особенно учебниками. Нынѣ всѣ учебники пишутъ,—не только учителя гимназій, семинарій, институтовъ, но даже офицеры, секретари консисторій и т. д. На что ужь акцизные чиновники: и „содержаніе“ хорошее, и половина денегъ съ разныхъ выемокъ и штрафовъ,—но и тѣ готовы бросать свою службу и браться за составленіе учебниковъ. Составить учебникъ и пустить его въ оборотъ, какъ доходную статью—это мечта безчисленнаго множества грамотныхъ, полуграмотныхъ и даже совсѣмъ безграмотныхъ россиянь. Мечта эта тѣмъ болѣе соблазнительна, что успѣхъ книги сплошь и рядомъ не зависитъ отъ достоинствъ ея. Вотъ хотя-бы „Родина“ г. Радонежскаго: вышла уже вторымъ изданіемъ, а посмотрите, что это такое!.. Сборникъ этотъ, по словамъ составителя, составленъ изъ отрывковъ, „взятыхъ изъ лучшихъ нашихъ писателей“, и г. Радонежскій до того увѣренъ въ его достоинствахъ, что считаетъ „излишнимъ доказывать пригодность и пользу для дѣтей предлагаемаго читательнаго матеріала“; но мы думаемъ, что относительно этого пункта ему слѣдовало-бы войти въ нѣкоторыя объясненія. Положимъ, что къ лучшимъ нашимъ писателямъ какіе-нибудь старички согласятся отнести, виѣстѣ съ г. Радонежскимъ, Федора Глинку, Сахарова, Корниловича, Михайловскаго-Данилевскаго и т. д., но даже старички разинутъ ротъ отъ удивленія, когда увидятъ, что въ книжку попали отрывки изъ такихъ „лучшихъ писателей“, какъ Лаптевъ, И. Гавриловъ, князь Друцкій, А. Супоневъ, поэтъ-священникъ Дорошкевичъ! И откуда ихъ выкопаль г. Радонежскій? Ужъ не изъ покойной-ли „Ерунды“ Льва Камбека? И почему нѣтъ между ними Бориса Федорова или Анны Дараганъ? И почему нѣтъ отрывковъ изъ Симеона Полоцкаго или изъ такой превосходной книги, какъ „Геральдика“, и „отчасти исторіи и географіи научающей гофмейстеръ, сирѣчь дядька“? Впрочемъ, если въ книгѣ и нѣтъ отрывковъ изъ Бориса Федорова, за то она вся проникнута духомъ Федорова,—такъ въ ней все трогательно, чувствительно, возвышенно, медоточиво. Какъ, напр., будетъ занимательно какому-нибудь деревенскому мальчишкѣ читать такое описаніе:

„Вечерь. Дѣтская комнатка. Въ переднемъ углу божница съ иконами въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ. Теплится лампадка. Около стѣны кроватка съ розовымъ одеяльцемъ и бѣлымъ пологомъ. На полу въ безпорядкѣ игрушки, крошечный шкафчикъ съ чашечками и самоварчикомъ, диванчикъ, передъ диванчикомъ круглый столикъ. Около диванчика лежать въ разныхъ позахъ нарумяненные и разряженные куклы“ (стр. 2).

И отъ первой страницы до послѣдней все такъ-же трогательно и уми- лительно въ книгѣ г. Радонежскаго. Кто, напр., не знаетъ горемычнаго де- ревенскаго пастуха? Но у г. Радонежскаго пастухъ въ деревнѣ—общій лю- бимецъ. Его рожокъ, какъ пѣсня жаворонка, предвѣщаетъ весну съ ея ра- достями. Бобыль-пастухъ скотинку пасеть, мужичкамъ поля стережетъ, дѣв- ченкамъ ягоды носить да корзинки плететь, мальчишкамъ лѣсы вѣсть и сказки сказываетъ и т. д. (стр. 32). Или вотъ „Устройство деревенской избы“:

„Нехитро устройство и убранство деревенской избы. Въ переднемъ углу божница съ иконами и вербой, подъ божницей столъ, на столѣ всегда хлѣбъ и соль, покрытые настояшникомъ или полотенцемъ. Иногда стѣны укра- шаются лубочными картинками. Отъ божницы направо и налѣво по стѣнамъ идутъ полки, куда складываются платки, рукавицы, шапки; внизу вдоль стѣны лавки“ и т. д. Словомъ, въ избѣ все обстоитъ благополучно; нѣтъ ни черной печи, ни оконъ, затянутахъ телячьимъ пузыремъ, ни холода, ни голода, ни дыма отъ лучиннаго освѣщенія. Г. Радонежскій даже увѣряетъ, что крестьяне любятъ лучинное освѣщеніе (стр. 74), а между тѣмъ эпи- графомъ къ этому своему сочиненію онъ поставилъ недурное стихотвореніе Никитина:

Дымный воздухъ, дымъ лучины,
Подъ ногами соръ,
Соръ на лавкахъ, паутина,
По угламъ узоръ...
Закоптѣлыя полаты,
Черствый хлѣбъ, вода,
Кашель пряхи, плачь дитяти...
О, нужда, нужда!..

Еще умильнѣе упомянутыхъ отрывковъ „Воспоминаніе о свѣтломъ праздникѣ“, и мальчишки народныхъ школъ, для которыхъ, между прочимъ, предназначается книга, будутъ, конечно, облизываться, читая, какъ авторъ разговлялся послѣ пасхальной обѣдни. „Все кончилось и мы живо подка- тили къ крыльцу. Въ большой залѣ накрытъ столъ, зажжены дѣдушкины канделябры. Боже мой, а это что? мой столикъ накрытъ и на немъ малень- кіе куличъ и пасха! „Merçi, ma bonne maman!“ А maman хохочетъ.“ (стр. 130). Умилителенъ также рассказъ Чистякова „Торжественный актъ въ гимназій“:

„По окончаніи обѣдни священникъ сказалъ слово, въ которомъ говорилъ что актъ долженъ напоминать страшный судъ, когда каждому воздастся по дѣламъ его. Вошелъ на кафедру секретарь совѣта и началъ читать отчетъ. Наконецъ, раздалось „переводятся“... вцарилось гробовое молчаніе. *Серд- ца учениковъ и родителей скнули и забились... „Оставляются“... „увольняются“... у многихъ учениковъ и родителей на глазахъ слезы.*

Съ матерью одною изъ уволенныхъ случилось дурно и ее безъ чувствъ вынесли вонъ изъ зала. Весело возвращались домой переведенные, особенно награжденные ученики. Актъ былъ праздникомъ въ семьяхъ этихъ учениковъ. *А какой это былъ черный день для родителей, которыхъ дѣти были уволены!* Учитесь, дѣти, не печальте родителей!“ (стр. 149).

Словомъ, вся книга полна самыхъ теплыхъ чувствъ, но нигдѣ эта теплота чувствъ не достигаетъ такой силы, какъ въ отрывкѣ „Русь“, принадлежащемъ самому составителю. Читая этотъ отрывокъ, мы невольно себѣ представили тургеневскаго бурмистра, съ всхлипываніемъ причитающаго передъ бариномъ: „отцы вы наши, кормильцы-благодѣтели!“ Странно только, что, заставляя дѣтей восторгаться богатырскими подвигами русскихъ, святочными играми русскихъ и т. д., г. Радонежскій на той-же страницѣ внушаетъ имъ совершенно другія чувства извѣстными стихами Лермонтова:

Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не побѣдить ея разсудокъ мой.
*Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго доверья покой,
Ни темной старины заветныя преданья
Во мнѣ не шевелятъ отраднаго мечтанья.* (стр. 170.)

Впрочемъ, такихъ диссонансовъ въ книгѣ не много, а все слезы и восторгъ, восторгъ и слезы. Въ особенности много слезъ проливаетъ г. Радонежскій въ отрывкѣ „Невское кладбище“. Здѣсь онъ приглашаетъ словами Жуковскаго не только дѣтей, но и взрослыхъ, „кропить гробъ Карамзина слезами всей Россіи“. Это, пожалуй, ужъ и слишкомъ: вѣдь Карамзинъ умеръ 50 лѣтъ назадъ; пора-бы ужъ и перестать плакать о немъ... Но г. Радонежскій въ этой статейкѣ доходитъ просто до неистовствъ, особенно по поводу музыки Глинки. „Дѣти! восклицаетъ онъ,—дѣти, такого единодушнаго, величественнаго, потрясающаго душу музыкальнаго момента *не слышала Европа, не вѣдаетъ цѣлый міръ*“ (стр. 230). Иногда въ припадкѣ восторга онъ просто зарепортовывается:

„Волга—великая рѣка русская! плодоносной, безконечной лентой изви-лась она по родимой землѣ! Споконъ вѣка многоводная, многорыбная, она кормила, поила и богатила нашу родину... Не мало неурядиць, насилій, опасностей было на этомъ великомъ водномъ пути. Сколько трудового, тяжелаго поту напрасно было пролито на волжскихъ водахъ! Давно-ли цвѣтушіе, улыбающіеся волжскіе берега печалила томная, сжимающая сердце, бурлацкая пѣсня?

„Видь на Волгу. Чей стонъ раздается
Надъ широкою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣснью зовется,—
То бурлаки идутъ бичевой“...

Но разбиты крѣпостныя оковы и подневольный, рабскій трудъ миновалъ. Въ волнахъ широкой Волги и на ея цвѣтущихъ берегахъ заиграли золотые

лучи радостной свободы... Задымились, засвистали и залопотали пароходы. И—слава-богу! почти болѣе не слышать этой страдой, подъяремной, бурлацкой пѣсни. Еще привольнѣе, еще краше стоятъ живописные волжскіе берега, еще веселѣе, еще величественнѣе катить свои сеѣтлыя воды ма-тушка Волга“ (стр. 268.)

Изъ этого отрывка дѣти узнають, такимъ образомъ, что 19 февраля 1861 г. бурлаки освобождены отъ своего тяжелаго труда, а развитіе пароходства, въ свою очередь, улучшило ихъ положеніе!.. Улучшило или нѣтъ—это еще вопросъ, надъ которымъ умный мальчикъ можетъ задуматься и рѣшить его лучше г. Радонежскаго; но едва-ли онъ догадается, что г. Радонежскій, составляя свою книгу, спустя рукава, что онъ сплошь и рядомъ доходитъ до самыхъ смѣшныхъ описокъ и ошибокъ; такъ, напр., онъ говоритъ, что земскія учрежденія даны для того, „чтобы самъ народъ могъ заботиться объ образованіи дѣтей своихъ“ (стр. 167.) Иногда, пересказывая какой-нибудь отрывокъ для руководства учителя, онъ впадаетъ въ такія ошибки, которыхъ толковый учитель, конечно, не спустилъ-бы ученику. Вотъ, напр., какъ онъ пересказываетъ басню Дмитріева „Муха“: „однажды волъ возвращался съ пашни. У него на рогахъ сидѣла муха. На-встрѣчу ей летѣла другая. *Блжвнная передъ встрѣчной мухой хвасталась*“. и т. д. (стр. 5.) Словечки новенькія тоже любитъ онъ изобрѣтать, напр., *водоплавающая птица*, причежъ даже утверждаетъ, что лебедя называютъ *царемъ водоплавающихъ птицъ*. (стр. 21.) Не довольствуясь прививкою къ дѣтямъ искусственныхъ чувствъ кваснаго патріотизма, онъ чрезвычайно заботливо скрываетъ отъ нихъ все, что кажется ему вреднымъ; по его мнѣнію, напр., дѣтямъ не слѣдуетъ знать, что Лермонтовъ убитъ на дуэли, и онъ передаетъ только, что онъ *скончался* въ Пятигорскѣ (стр. 296.) За то разныя суевѣрныя легенды онъ передаетъ во всей ихъ неприкровенности.

Однимъ словомъ, книга г. Радонежскаго той-же масти и того-же достоинства, какъ и всякій другой печатный хламъ, издаваемый у насъ подъ названіемъ дѣтскихъ книжекъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, война чувствуется въ воздухѣ, и политическая атмосфера, окружающая насъ, до того сдѣлалась душной, что гроза становится неизбежной и близкой. Чѣмъ она разрѣшится, что принесетъ намъ—ясные или еще болѣе мрачные дни, кого похоронить подъ своими ударами и кого подниметъ для новой жизни—кто это знаетъ, кто можетъ предвидѣть? Мы знаемъ только одно, что событія на Балканскомъ полуостровѣ сложились такъ, что мирное разрѣшеніе ихъ дѣлается болѣе и болѣе проблемматичнымъ, чтобы не сказать, невозможнымъ. Назадъ тому годъ горсть возставшихъ босняковъ и герцоговинцевъ теперь разрослась въ обще-славянское движеніе и чисто-мѣстная инсуренція, какъ изволилъ выразиться лордъ Дерби, *) превратилась въ обще-европейскій,—этого мало, въ общечеловѣчскій вопросъ. Мы никогда не вѣрили въ особенную дальновидность дипломатическихъ очковъ, но никогда и не думали, чтобы они были такъ близоруки. Они не разглядѣли въ маленькомъ вѣтшнемъ событіи громаднаго внутренняго содержанія, и вмѣсто того, чтобы потушить пожаръ въ самомъ началѣ его, удовлетворивъ требованія Босніи и Герцеговины, дипломатическая близорукость не только дала ему разгорѣться, но

---

*) Напомнимъ здѣсь собственное выраженіе этого злополучнаго государственнаго чловѣка, котораго добрую репутацію въ Англіи безвозвратно погубилъ лордъ Биконсфильдъ; въ августѣ 1875 года, отвѣчая на запросъ сэра Эліота лордъ Дерби поучалъ его: „Правительство ея величества того мнѣнія, что Турція должна расчитывать на свои собственныя средства для подавленія возстанія и должна смотрѣть на него, какъ на мѣстную вслпшку безпорядковъ, не придавая ей международной важности обращеніемъ къ содѣйствію другихъ державъ.“

и постаралась раздуть его своимъ старымъ канцелярскимъ хламомъ. Пожаръ принялъ такіе размѣры, что тушить, его, вѣроятно, придется въ цѣлыхъ рѣкахъ крови и слезъ.

Война—вообще великое бѣдствіе, но въ наше время она—ужасное, неизмѣримое зло, съ которымъ нельзя сравнить ни опустошительной эпидеміи, ни повального холеры. Если-бы даже она ограничилась возможно тѣсными предѣлами, не втянувъ въ свою кровавую драму всего европейскаго континента, то и тогда она тяжело отзовется на всей Европѣ; она отниметъ тысячи жизней у бойцовъ, сотни миліоновъ у производительнаго труда и обременитъ бѣдный народъ новыми налогами; она имѣетъ свойство столько-же деморализовать побѣдителя, какъ и побѣжденнаго. Но если передъ нами ставится послѣдняя дилемма такого рода: война или новое порабощеніе славянъ, новое повтореніе той болгарской рѣзни, отъ которой содрогнулось сердце всего цивилизованнаго міра?—то мы, отъ всей души ненавидящіе пошлый шовинизмъ, не обнуясь скажемъ: да война! И кому не принадлежала-бы честь подать руку помощи угнетеннымъ славянамъ, мы пожелаемъ ему полного успѣха; но вмѣстѣ съ тѣмъ пожелаемъ полной чистоты и безупречнаго благородства въ этомъ великодушномъ движеніи. Пусть побѣда остановится на одномъ желаніи — возвратитъ свободу несчастнымъ народамъ и не осквернитъ своихъ лавровъ ни своекорыстіемъ, ни замѣной старыхъ цѣпей новыми. Если-бы побѣдители возвышались до такого гуманнаго чувства, до такого высокаго понятія о справедливости, то множества самыхъ черныхъ страницъ въ исторіи не существовало-бы вовсе.

Въ виду наступающаго грознаго будущаго русское общество никогда такъ не нуждалось въ разъясненіи, истолкованіи и разрѣшеніи его сомнѣній, какъ теперь. Оно инстинктивно поняло, что восточный вопросъ—его собственный вопросъ, вопросъ его жизни и чести, и потому отвѣтило на него своимъ полнымъ сочувствіемъ, своимъ состраданіемъ. Оно вложило въ него свою кровную ленту и послало на поле битвы своихъ дѣтей и матерей. Но все это оно сдѣлало въ силу какого-то стихійнаго увлеченія, если угодно, табуннаго подражанія, часто не сознавая ни цѣли, ни значенія своихъ жертвъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣло нашей прессы

было растолковать ему его стремленія, отбросить въ нихъ мякину отъ чистаго зерна, отдѣлить дурныя страсти отъ хорошихъ, мелкія и эгоистическія поползновенія отъ великодушныхъ порывовъ, и, освѣтивъ вопросъ съ его общечеловѣческой стороны, поставить его на прямую соціально-политическую точку зрѣнія. Тогда онъ былъ бы асенъ для всѣхъ и для всѣхъ понятенъ; тогда мы знали-бы, что можемъ сдѣлать и чего не можемъ; тогда мы съ омерзѣніемъ отвернулись-бы отъ проворовавшагося адводата, летящаго орломъ защищать свободу сербовъ, отъ лавочника-журналиста, эксплуатирующаго темныя инстинкты толпы шовинистскими выкрикиваніями, отъ филантропа, набивающаго свой карманъ на счетъ своихъ излюбленныхъ братьевъ,—однимъ словомъ, мы многому отказали-бы не только въ сочувствіи, но и въ простомъ вниманіи, и многое понимали-бы лучше, чѣмъ понимаемъ теперь. Но постаралась-ли наша пресса разсѣять вокругъ насъ этотъ хаосъ? Руководила-ли она обществомъ въ этомъ запутанномъ и въ высшей степени трудномъ положеніи? Не она-ли, напротивъ, затемнила и обезсмыслила его до мистическихъ бредней и бессознательныхъ порывовъ? Посмотримъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ поднялся „восточный вопросъ“, двѣ газеты читались больше всѣхъ: „Голосъ“ и „Новое Время“. „Голосъ“ читался всегда сильно и хоть его не любили, а все-таки читали. Недовольство „Голосомъ“ помогло „Новому Времени“, а кстаті подошелъ и „восточный вопросъ“. „Новое Время“ сдѣлалось самой популярной газетой. Всѣ остальные газеты. — „Петербургскія Вѣдомости“, „Виржевыя Вѣдомости“ и „Русскій Міръ“.—только плелись за этими двумя органами и не составили себѣ фортуны. Нужно, однако, отдать справедливость „Новому Времени“ и „Голосу“, что они привѣтливо отворили двери случаю и воспользовались минутой. Обѣ газеты держали себя, какъ пристойно вожакамъ: „Голосъ“ — нѣсколько съ официальнымъ достоинствомъ, а „Новое Время“ — даже съ отпѣнкомъ нѣкоторой разрушительности. Впрочемъ, отпѣнковъ „Голоса“ и „Новаго Времени“ публика не замѣтила, хотя и видѣла, что тонъ „Голоса“ не оставляетъ никакихъ сомнѣній, что ему извѣстны всѣ сокровенныя тайны дипломатіи, точно онъ не-

видимо присутствуетъ на совѣщаніяхъ императоровъ и въ секретныхъ бесѣдахъ Бисмарка, Горчакова и Андраши. За-границей „Голось“ считается всѣми офиціозной газетой. „Голось“ въ этомъ никого не разувѣряетъ и держитъ себя на-столько дипломатично, что старается убѣдить въ своей офиціозности и русскую публику.

У „Новаго Времени“ нѣтъ этого кабинетнаго, дипломатическаго оттѣнка; политика—не его дѣло; оно не любитъ кабинетныхъ совѣщаній, прямо говоритъ, что никогда не видѣло ни Бисмарка, ни Горчакова, ни Андраши, но за то оно трубитъ во всѣ трубы и литавры, гарцуетъ въ полѣ на донскомъ конѣ, ведетъ компанію съ фельдмаршалами, главнокомандующими, начальниками штабовъ, живстъ въ военномъ лагерѣ и рѣшаетъ судьбы Европы не дипломатіей, а съ оружіемъ въ рукахъ. Вообще, „Новое Время“, управляемое людьми во-фракахъ, проникнуто больше идеалами „Русскаго Міра“ и напоминаетъ скорѣе военный лагерь, гдѣ все шумитъ, кричитъ, размахиваетъ руками, брянчить саблями и шпорами и не особенно расположено жить мыслью. Проводя свое время въ полѣ, „Новое Время“ вмѣстѣ съ Сербіей провозгласило Милана королемъ, а Сербію королевствомъ. Франція, Англія, Германія и Австрія для „Новаго Времени“—простыя, не титулованныя страны; одна Сербія—„королевство“. „Виржевыя Вѣдомости“ назвали „Новое Время“ за это признаніе „великой державой“. Это хотя и колко, но не совсѣмъ вѣрно. „Великая держава“, послѣ своей военной демонстраціи, сбавила тонъ; армія Черняева такъ не поступила: она до сихъ поръ кричитъ: „живію, крале Милане“, а г. Суворинъ принялъ внезапно скромный видъ и сталъ говорить, что онъ провозгласилъ Милана королемъ собственно такъ, безъ злыхъ заднихъ мыслей,—значитъ съ дуру. Обвиняя „Голось“ въ уклончивости, г. Суворинъ самъ вдругъ изъ война превратился въ скромнаго дипломата и, что еще хуже, заставилъ таскать каштаны другихъ.

Вамъ извѣстно, что „Голось“ отнесся очень неблагоклонно къ сербской арміи, и провозглашеніе Милана королемъ приравнялъ къ революціоннымъ прононсіаменто Испаніи. Г. Майковъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ обвиняетъ „Голось“ въ томъ, что,

не понявъ совершенно факта, онъ взялъ его не со стороны народныхъ сербскихъ понятій, а объяснилъ событіе со стороны лакированной и щепетильной европейской дипломатіи и австрійской жандармеріи. Между тѣмъ сербы понимаютъ это дѣло совершенно не такъ, какъ понимаетъ его г. Краевскій. „Со времени Стефана Первовѣчаннаго, говоритъ г. Майковъ, въ древней независимой Сербіи управляли короли изъ дома Немани до царя Душана. Но надо замѣтить, что съ этого времени королевскій титулъ понизился и означалъ уже подручный, второстепенный санъ. Вѣнчаясь на царство, Душанъ вѣнчалъ вѣстѣ и сына своего Уроша и далъ ему титулъ короля, съ которыми Урошъ оставался не болѣе, какъ намѣстникомъ старой Сербіи. При царѣ Урошѣ, намѣстникъ части Македоніи, Фракіи, и старой Сербіи Вукашинъ тоже носилъ титулъ короля, но уже безъ вѣнчанія. Наоборотъ, князь Лазарь, постоянно величаемый царемъ, никогда собственно не носилъ царскаго титула и подписывался: „во Христа Бога, благовѣрный, самодержавный господинъ сербовъ и Подунавію князь Лазарь“, или „Стефанъ Лазарь князь самодержецъ всей сербской земли“. Слѣдовательно, титулъ короля въ Сербіи значилъ менѣе титула князя и, во всякомъ случаѣ, со времени Душана онъ считался какъ-бы второстепеннымъ. Въ Востокѣ-же, въ XV вѣкѣ, титулъ короля не исключалъ возможности признанія надъ нею верховной власти королей венгерскихъ“. Зачѣмъ-же вы, г. Суворинъ, провозгласили князя Милана королемъ, если это гораздо меньше князя, и если ваше провозглашеніе не исключаетъ возможности признать надъ Миланомъ верховную власть не только Турціи, но и Австро-Венгріи? Странная демонстрація! Впрочемъ. зная прошлое, мы поймемъ и настоящее. Г. Суворину приснился, конечно, палецъ изъ-за тучи. Въ дѣйствительности грозящая десница еще не появилась; но отчего-же не быть предусмотрительнымъ? Кто-же знаетъ, что можетъ случиться. И вотъ г. Суворинъ, изучившій, какъ ловкій стратегъ, тактику на полѣ битвы, заготовилъ себѣ норку и уже опустилъ въ нее свой хвостъ.

Когда была франко-прусская война. г. Суворинъ, писавшій фельетоны въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, вырылъ себѣ

предусмотрительно двѣ норки. Сначала онъ очень храбро выступилъ противъ иѣщевъ и на ночлегъ уходилъ въ одну норку; но потомъ, когда изъ-за тучи усмотрѣлъ грозящій палецъ, онъ поступилъ въ адъютанты къ Мольте и переселился въ другую норку. Публика, виѣстѣ съ г. Суворинимъ, пряталась изъ одной норки въ другую и втеченіи 6 мѣсяцевъ два раза измѣняла свои взгляды и симпатіи. Если-бы пришлось дѣлать сравнительную оцѣнку предусмотрительности, то въ г. Краевскомъ пришлось-бы найти и больше такту и больше той осторожной дипломатической солидности, которая сквозить въ каждой его недомолвкѣ. Наприжѣръ, г. Суворинъ, который еще недавно смѣялся надъ славянами, теперь вышелъ на защиту ихъ въ открытое поле, и читателей, которые помнятъ, что они читаютъ, непременно долженъ ввести въ недоразумѣніе. „Голосъ“ никогда не поступалъ такимъ образомъ. Онъ держалъ свой хвостъ въ норѣ, тогда какъ г. Суворинъ перебѣгаетъ съ такой развязностью, что не только не замечаетъ своего слѣда, но его можно поймать даже за хвостъ.

Я говорю о „Новомъ Времени“ и „Голосѣ“ потому, что это двѣ самыя главныя, капитальныя русскія газеты. Ихъ читаютъ люди самаго разнокалибернаго міросозерцанія, развитія и общественнаго положенія, начиная отъ либеральнаго губернатора и до ретрограднаго акцизнаго писаря; по нимъ можно судить о настроеніи русскаго общественнаго мнѣнія, судить о нашихъ симпатіяхъ, влеченіяхъ и желаніяхъ,—судить, если угодно, о нашемъ политическомъ развитіи и даже о силѣ нашей мысли. Но мы думаемъ, что нигдѣ въ мірѣ, и ни въ одной странѣ Европы нѣтъ такого сумбура, какъ отношенія нашихъ газетъ къ нашему обществу. Если-бы наше общество могло высказаться самостоятельно, то ни услышали-бы, что оно думаетъ совсѣмъ не то, что говорятъ газеты, такъ что онѣ были-бы сами по себѣ, а публика и общественное мнѣніе само по себѣ. Ни публика не руководитъ нашими газетами, ни газеты не руководятъ нашей публикой. Въ Европѣ каждый органъ стоитъ во главѣ своей партіи, а у насъ, гдѣ нѣтъ ни политическихъ партій, ни руководящихъ органовъ, газеты являются чѣмъ-то очень капризнымъ, какимъ-то складомъ смѣшанныхъ фактовъ, смѣсью чего-то разнороднаго, противорѣчиваго, неяснаго,

неопредѣленнаго, безцвѣтнаго и прѣснаго, выражающаго болѣею частію личный характеръ лица, стоящаго во главѣ дѣла. Наши газеты — собственно фабрики печатнаго слова, гдѣ и цвѣтъ, и содержаніе, и форма, и направленіе зависятъ исключительно отъ хозяина. Достоинство журналиста намъ неизвѣстно и до сихъ поръ; кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, ни у одной газеты не было настоящаго редактора. На г. Каткова было много нападокъ и ни вовсе не изъ числа его друзей, но нельзя не отдать справедливости его, образованію и такту, какъ публициста. Онъ часто злоупотреблялъ своей силой, но онъ всегда по нималъ, что дѣлаетъ и къ чему ведетъ. Мы не пишемъ панегирика г. Каткову, но, сравнивая его съ другими журналистами по силѣ мысли и публицистическому такту, должны сказать, что у петербургской журналистики нѣтъ подобнаго редактора.

Въ Петербургѣ газетное дѣло стало спекуляціей и средствомъ наживы. Пусть-бы спекулировала на наживу маленькая пресса, ей это еще можно простить; но биржевую игру и игру въ повышение и пониженіе ведетъ большая пресса, желающая быть руководительницей общественнаго мнѣнія. Достоинство! Можетъ-ли быть рѣчь о достоинствѣ, когда не нравственные мотивы руководятъ публицистикою и когда прежде всего у нея самой нѣтъ ни опредѣленныхъ идей, ни выработанныхъ стремленій, ни ясныхъ желаній? А между тѣмъ общественное сознаніе нуждается въ этомъ теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь; оно нуждается въ людяхъ съ убѣжденіями, съ руководящими принципами, которые могли-бы разсѣять передъ нимъ туманъ. Людей этой силы въ Петербургѣ нѣтъ, и не для борьбы идей, не для пропаганды, не для воспитанія общества, не для руководства выступаемъ мы на журнальное поприще. Я не имѣю чести знать г. Суворина и никогда его не видѣлъ; поэтому мои слова не могутъ имѣть никакого личнаго характера. Если я говорю о г. Суворинѣ, такъ только для того, чтобы быть яснѣе. Я беру его, какъ примѣръ, не зная другого лучшаго.

Г. Суворинъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, коршевской редакціи, былъ фельетонистомъ и своими фельетонами создалъ себѣ извѣстность. Фельетоны его бойки, иногда остроумны, иногда пош-

ли, и никогда не отличались выдержанностію мысли, но всегда держали читателя въ сферѣ живыхъ фактовъ столичной жизни, и за то ихъ любили. Что-же касается до содержанія, до идеи и знаній, дающихъ внутреннюю силу, то ихъ въ фельетонахъ г. Суворина никогда не было. Онъ боролся съ повседневными мелкими явленіями петербургской жизни, и потому, что онъ самъ вращался въ интересахъ этой жизни, онъ зналъ всѣ ея слабости и недостатки. Никто лучше его не громилъ желѣзнодорожниковъ, спекуляторовъ, биржевыхъ игроковъ, потому что никто лучше его не зналъ ихъ закулисной жизни. Мы не хотимъ пускаться въ догадки, почему г. Суворинъ зналъ ихъ дѣло, но думаемъ, что можно знать хорошо только то, чѣмъ самъ занимаешься. Случалось г. Суворину всевать и съ классицизмомъ, случалось ему ловко подсмѣиваться и надъ недостатками петербургскаго легкомыслія, и г. Суворинъ во всей этой мелкой борьбѣ всегда былъ на своемъ мѣстѣ и всегда читался легко и съ удовольствіемъ. Петербургъ, признавъ достоинство своего фельетониста, сталъ дѣлать ему оваціи, рукоплескалъ и — явленіе небывалое въ жизни фельетониста — раскупилъ два изданія суворинскихъ фельетоновъ. Не знаемъ, явилась-ли-бы г. Суворину мысль встать во главѣ самостоятельнаго журнала, если-бы „С.-Петербургскія Вѣдомости“ оставались въ рукахъ Корша. Но такъ, или иначе, а г. Суворинъ сдѣлался редакторомъ самостоятельной газеты и сдѣлалъ этимъ больше, чѣмъ ошибку. Графъ Сальясъ былъ талантливымъ беллетристомъ, но, взявшись за политику и ставъ во главѣ „Петербургскихъ Вѣдомостей“, похоронилъ себя. Мы не хотимъ приводить еще другихъ примѣровъ, когда беллетристы и романисты, бравшіеся за редакцію толстыхъ журналовъ и политическихъ газетъ, должны были ретироваться потому, что дѣло было не по ихъ силамъ. Чтобы быть политическимъ писателемъ, нужно имѣть привычку къ политическому мышленію и знать многое, безъ чего легко обходится беллетристъ и фельетонистъ. Но важнѣе всего этого „многого“ и отчего и зависитъ сила политическаго писателя — это политическая жилка, съ которой не всякій родится, и которую, пожалуй, въ себѣ не создать въ зрѣлыя лѣта, если человѣкъ всю жизнь думалъ въ другомъ направленіи. И на г. Суворинѣ повто-

рилось въ сотый разъ то, на чемъ уже многіе до него споткнулись, не создавши себѣ ни уваженія, ни значенія, ни руководящей силы. Г. Суворинъ даровитый фельетонистъ, когда ему приходилось обличать на узенькомъ пространствѣ Невскаго проспекта и биржевой залы, сильный въ своихъ вылазкахъ, когда ему приходилось обличать желѣзнодорожныхъ тузовъ и биржевыхъ зайцевъ, растерялся и расплылся въ пространствѣ громадной политической арены, гдѣ нужно не обличать, а руководить и идти впереди. Прежній остроумный смѣхъ его потерялъ остроуміе, потому что въ политикѣ оно не служитъ убѣждающимъ доводомъ и нѣкогда громкій голосъ его сталъ не больше, какъ пискомъ.

Въ политикѣ нельзя ходить тысячами дорожекъ, а можно идти лишь однимъ путемъ. Въ политикѣ только тотъ будетъ силенъ, кто фанатически послѣдователенъ, у кого только одна цѣль, и кто постоянно бьетъ въ одну и ту-же точку. Фельетонистъ и белетристъ, виѣющій дѣло съ мелкими обыденными фактами и являющійся въ политическую газету съ привычками подмѣчать только мелочи, никогда не сконцентрируется въ цѣльную силу и, по своей привычкѣ къ малой войнѣ, растеряется на большой войнѣ. Прочитайте всѣ политическія статьи и всѣ политическіе фельетоны г. Суворина: тотъ-ли это Суворинъ, котораго мы знали въ его фельетонныхъ вылазкахъ, въ его казачествѣ противъ биржевиковъ и желѣзнодорожниковъ?

Казачество, конечно осталось; мы видимъ его въ полемическихъ приѣмахъ г. Суворина, напр., противъ г. Головачева, котораго онъ подавляетъ своимъ авторитетомъ; но какимъ авторитетомъ?—распривеселаго публициста; а въ-де, г. Головачевъ, скучны, какъ „вдовья слезы“ и мелко плавааетъ въ славянскомъ вопросѣ. Выходитъ, что глубоко плавааетъ одинъ г. Суворинъ. Но кого-же онъ хочетъ провести на-счетъ своего подавляющаго авторитета? Кто не знаетъ, что между *скучнымъ* Головачевымъ и *распривеселымъ* Сувориннымъ есть большая разница, и никакъ не въ пользу послѣдняго. Но если казачество допускается въ своей домашней полемикѣ,—какъ необходимая ея приправа, то оно никуда не годится въ политическихъ вопросахъ, въ которыхъ прежде всего нужно что-нибудь понимать. Мы, заносчивые передъ Европой, мы,

гѣрдые своимъ пространствомъ и своей численной силой, — гдѣ, какъ и въ чемъ показали мы свою умственную и нравственную силу? И въ то-же время что за тонъ, что за запальчивость, что за рѣзкость рѣчи и дерзость языка, щедрога на брань и безсильнаго, когда требуется выразить дѣйствительную мысль...

Публицисты могутъ быть двухъ сортовъ: одни представители субъективнаго метода, т. е. относящіеся къ политическимъ явленіямъ больше чувствомъ; другіе объективные мыслители, у которыхъ работаетъ больше мысль. Субъективные публицисты всегда поэты; они и въ политику вносятъ художественность и потому ближе къ общему пониманію. Субъективный публицистъ видитъ въ человѣкѣ человѣка, и когда предъ нимъ свершаются раздрающія человѣческую душу явленія, онъ ихъ не анализируетъ, а старается только возбуждать своего читателя. Публицисты объективнаго метода держать себя гораздо выше и дальше. Они не содрагаются отъ ужасовъ человѣческой бойни, и, подобно Наполеону I и князю Бисмарку, видятъ въ крови и желѣзѣ только средство для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Такимъ объективнымъ политикомъ былъ по-преимуществу Наполеонъ I, Но и субъективные политики, способные на энтузіазмъ и увлеченіе, тоже не особенно боятся крови и скорѣе всего готовы возбуждать страсти. Такимъ былъ, напримѣръ, Оконнель, который руководилъ движеніемъ Ирландіи только въ силу своего страстнаго и искреннаго увлеченія. Въ нашей петербургской журналистикѣ нѣтъ сознательныхъ представителей ни того, ни другого политическаго метода и только замѣтны какъ-бы первые намеки на эти два направленія. Нѣкоторый объективизмъ чувствуется въ „Голосѣ“, а субъективный взглядъ даетъ себя чувствовать въ „Новомъ Времени“, поэтому „Новое Время“ больше поэтъ, сангвиническаго, легкаго темперамента, а „Голосъ“ — дипломатъ съ оттѣнкомъ канцелярскаго благонамѣренности.

„Новое Время“, какъ всѣ сангвиники, очень подвижно въ чувствахъ, легко увлекается, скоро на дружбу и вражду, измѣнчиво въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ; сегодня, увлекшись минутнымъ настроеніемъ, оно будетъ васъ хвалить; завтра, подъ такимъ-же минутнымъ настроеніемъ, будетъ васъ бранить. По-

тому ни на его дружбу, ни на его вражду, ни на его мнѣнія полагаться не слѣдуетъ. „Голосъ“, напротивъ, степененъ. Онъ не любитъ шутокъ, остороженъ въ своихъ словахъ и взвѣшиваетъ каждое изъ нихъ. Не довѣряя себѣ, онъ не довѣряетъ другимъ, и обнаруживаетъ большую наклонность къ пессимизму, чѣмъ къ оптимизму. Оттого въ кажущейся солидности и устойчивости его мнѣній, въ сущности нѣтъ ни солидности, ни устойчивости, и чувствуется такая-же неувѣренность, какъ и въ мнѣніяхъ „Новаго Времени“. Въ этомъ отношеніи и „Голосъ“, и „Новое Время“, несмотря на разницу темпераментовъ, очень похожи другъ на друга. Этого мало: „Новое Время“ часто оставляетъ свой субъективный методъ и переходитъ въ объективный методъ „Голоса“, а „Голосъ“ переходитъ изъ объективнаго въ субъективный „Новаго Времени“. Поэтому въ обѣихъ газетахъ чувствуется что-то личное, а не общее; чувствуется не убѣжденіе, не общественная мысль, а характеръ, мнѣніе, капризъ и минутное настроеніе лица, точно обѣ газеты—домашнее дѣло ихъ редакторовъ. Отъ того, что ни въ той, ни въ другой газетѣ не существуетъ строгаго метода, въ нихъ, напримѣръ, встрѣчаются такія противорѣчія: въ объективномъ „Голосѣ“ печатается субъективная статья г. Е. Маркова, а въ „Новомъ Времени“—объективныя передовыя статьи, рядомъ съ которыми стоятъ статьи за подписью „Незнакомца“. Ничего подобнаго „Голосъ“ не дѣлаетъ. Въ немъ больше политическаго чутья, больше публицистскаго достоинства и, не подписывая статей своихъ редакторовъ, онъ больше похожъ на газету известной политической партіи. Для чего-же „Новое Время“ печатаетъ политическіе фельетоны „Незнакомца“ въ видѣ передовыхъ статей? Къ чему, и для чего нужно знать, что они писаны г. Суворинимъ? Или г. Суворинъ дѣлаетъ это для того, чтобы публика знала, что, кромѣ „недѣльныхъ очерковъ и картинокъ“, редакторъ „Новаго Времени“ умѣетъ думать еще и политически. Такимъ образомъ, оказывается, что наши двѣ главныя петербургскія политическія газеты не выработали себѣ даже строгаго, послѣдовательнаго метода и находятся въ полной зависимости отъ личныхъ вліяній и отъ случайныхъ набѣгающихъ авторовъ. Понятно, на-сколько содержаніе и мнѣ-

ніе подобныхъ органовъ должны быть случайны, личны и зависмы частію отъ тѣхъ или другихъ душевныхъ состояній редакторовъ, а частію отъ вѣшнихъ вліяній и давленій. Ясно, что вѣшній методъ при такихъ условіяхъ существовать не можетъ, ибо онъ зависить отъ внутренняго, котораго именно и не достаеъ нашимъ газетамъ.

Недавно графъ Дерби имѣлъ свиданіе съ депутаціей, которой было поручено сообщить ему резолюцію гильд-гольскаго митинга. Эта оригинальная депутація явилась въ лорду съ такимъ своеобразнымъ требованіемъ, какое едва-ли приходилось выслушивать когда-нибудь гордому англійскому министру. Депутація требовала созванія парламента, энергическихъ дѣйствій противъ Турціи и политической автономіи для славянскихъ провинцій. Лордъ Дерби, какъ и слѣдуетъ джентльмену, отвѣчалъ на требованія депутаціи длинною рѣчью, очень красивой. Депутаты сначала слушали довольно спокойно, но когда ораторъ сказалъ, что онъ вполне убѣжденъ, что старый строй Турціи не будетъ разрушенъ, депутаты прервали его свистками. Когда ораторъ вздумалъ увѣрять, что теперешняя война не имѣетъ той важности, которую имѣла американская и франко-прусская война, депутаты ему отвѣтили: „это неправда“. Когда Дерби спросилъ: „неужели Англія должна употребить силу, чтобы принудить Порту къ уступкамъ?“ — ему отвѣчали: „мы ничего противъ этого не имѣемъ“. Когда же лордъ спросилъ: „а кто же насъ въ этомъ случаѣ поддержитъ?“ — депутація отвѣтила: „Россія“. Когда Дерби сказалъ, что учрежденіе на Балканскомъ полуостровѣ самостоятельныхъ государствъ неосуществимо на практикѣ, его перебили криками: „неправда!“ Когда лордъ прибавилъ, что въ случаѣ, если-бы англійское правительство предложило подобную комбинацію, его никто-бы не поддержалъ, депутаты отвѣчали: „прежде, чѣмъ говорить, попытайтесь“. Когда же лордъ сталъ было доказывать, что и безъ вассальной автономіи можно будетъ произвести существенныя реформы, раздался смѣхъ.

Этотъ очень характерный случай и мы приводимъ его собственно для того, чтобы показать, что значить принята рѣчь, когда существуютъ прямыя отношенія, ясныя желанія:

Объ Англіи можно говорить все, что угодно; можно бранить ее за кулачество и торгашество, за низкіе инстинкты, за неумѣнье подчинять матеріальные принципы нравственнымъ началамъ; можно говорить, даже съ пѣною у рта, о презрѣнномъ народѣ туманнаго Альбіона; можно безъ всякаго чутья мѣры бранить Дизраэли, какъ это дѣлаютъ наши политиканы, — жидомъ, но вѣдь отъ этой хлестаковской развязности мы не поднимаемся ни на волосъ больше, а скорѣе сдѣлаемся меньше, и обнаружимъ не умственную силу, а скорѣе умственное безсиліе и жалчишескій задоръ. Наши политиканы приводятъ разговоръ депутаціи съ Дэрби, собственно какъ доказательство нашей русской политической безошибочности и вѣрности мнѣній нашихъ политическихъ газетъ. Но развѣ соль этого факта въ томъ, что „Голосъ“ и „Новое Время“ говорятъ вѣрно? Тутъ соль совсѣмъ иная и если-бы у нашихъ большихъ политическихъ газетъ билась хотя крупница политическаго такта, онѣ - бы воспользовались „характернымъ случаемъ“ не для того, чтобы избранить Дэрби и обозвать Дизраэли жидомъ. Помимо того значенія, которое этотъ „характерный случай“ придаетъ современному моменту въ политическихъ роляхъ англійскаго народа, онъ показываетъ, на-сколько общія, человѣческія начала начинаютъ вторгаться въ политику.

Англія вовсе не такъ глупа, какъ въ этомъ старается убѣдить насъ „Новое Время“, и вовсе не такъ омерзительно-эгоистична, какъ пытается увѣрить насъ профессоръ О. Миллеръ. На страницахъ исторіи Англіи можно найти много черныхъ пятенъ, но въ той-же исторіи можно найти не мало и такихъ свѣтлыхъ эпизодовъ, которые и во снѣ не снились гг. Суворинымъ и О. Миллерамъ. Да, мы только еще начинаемъ подавать голосъ въ обще-человѣческомъ движеніи, а Англія уже давно участвуетъ въ немъ и со временъ Уильберфорса и до освобожденія Италіи вложила значительную долю своихъ силъ и вліянія въ дѣло человѣческаго прогресса. Поэтому прежде чѣмъ обобщать Дизраэли съ цѣлымъ англійскимъ народомъ, слѣдовало-бы объяснить русскимъ читателямъ, отчего въ англійской политикѣ замѣчается двойственность...

Когда правительство обманывало народъ на-счетъ балканскихъ

событій, запугивая его призракомъ русскаго честолюбія, онъ молчалъ, но когда злодѣйства въ Болгаріи сдѣлались ему известными, онъ заволихался и возсталъ. Слѣдовательно, не весь англійскій народъ думалъ такъ, какъ Дерби и Дизраэли. Народъ непосредственно, но живо понимаетъ чужія страданія, потому что много видѣлъ своихъ.

Но когда о политикѣ берутся разсуждать люди политики, у нихъ являются иные мотивы, и, сочувствуя вполне сербамъ, они въ то-же время предусматриваютъ и иные возможности. Можетъ быть, это съ ихъ стороны слишкомъ объективно, слишкомъ робко и осторожно, но нашъ вопросъ не въ этомъ. Нашъ вопросъ въ томъ, что и англійскій народъ, и англійскіе политики знаютъ, что они говорятъ, а наши русскіе политиканы этого не знаютъ. У англійскихъ либераловъ есть боязнь противъ Россіи, имъ кажется страшнымъ сдѣлать Россію на-столько сильной, чтобы она вліяла исключительно на всю политику Европы. Англичане разсуждаютъ такъ: если нарушить неприкосновенность оттоманской имперіи и позволить Россіи распространить свою власть на Босфоръ, то этимъ самымъ значитъ распространить русскую власть и на всю Европу. Турція въ настоящемъ своемъ видѣ существовать не можетъ: ее должна смѣнить христіанская держава, столицей которой будетъ Константинополь. Это христіанское государство будетъ состоять большею частію изъ грековъ. И государство это можетъ быть или конфедераціей, или-же повиноваться новому византійскому императору и составлять цѣлую имперію съ автономіей областей. Англійскіе либералы думаютъ, что подобная конфедерація уже черезъ пять лѣтъ была-бы несравненно болѣе въ состояніи противодѣйствовать непріязненнымъ планамъ Россіи, если-бы такія существовали, чѣмъ безсильная, слабая, выродившаяся Турція. Исходя изъ той-же боязни Россіи, англійскіе либералы думаютъ, что если-бъ Россія вздумала сдѣлать покушеніе на это новое византійское государство, то составляющія его народности могли-бы оказать ей на-столько сильный отпоръ, что устранили-бы относительно Англии всякую необходимость быть на сторожѣ противъ завоевательныхъ покушеній Россіи. Иначе сказать, англичане хотятъ, чтобы на югѣ

Европы было достаточно сильное государство, которое сдерживало-бы завоевательные замыслы Россіи. Понимая, что сила всякаго государства зависитъ отъ развитія въ немъ интеллигентныхъ силъ, англійскіе либералы желаютъ, вмѣсто теперешней слабой и деспотической Турціи, создать просвѣщенную и могущественную державу, спокойную внутри, сильную своею независимостью и совершенно избавляющую Европу отъ безпокойныхъ и невыгодныхъ вмѣшательствъ въ ея внутреннія дѣла. Въ этомъ смыслѣ англійскіе политики и желаютъ не разрушенія, а сохраненія оттоманской имперіи. Они желаютъ превращенія мусульманской Порты въ Порту христіанскую. Они думаютъ, что это превращеніе должно свершиться скоро, и потому дѣль англійской политики должна заключаться въ томъ, чтобы помочь перевороту, избѣгая обще-европейской кутерьмы. Или, короче, Англія должна помочь Турціи умереть спокойно, быстро и естественной смертію.

Если разобрать эти двѣ политики, то-есть политику англійскаго народа и политику англійскихъ либераловъ, то окажется, что наши газетные политиканы совершенно напрасно старались похвалить англійскій народъ за его любовь къ Россіи и нападали на англійскихъ либераловъ за его кажущуюся нелюбовь къ Россіи. Въ этомъ случаѣ англійскій народъ и англійскіе политики думаютъ одну думу. Народъ, сочувствуя южнымъ славянамъ, хочетъ избавить ихъ отъ турецкаго гнета. Онъ говоритъ, что для этого не только можно, но и слѣдуетъ опереться на Россію, и видитъ въ Россіи не больше, какъ такую силу, на которую въ настоящемъ случаѣ разсчитывать всего удобнѣе. Но народъ, высказывая это, высказываетъ лишь первую послышку силогизма. Либералы продолжаютъ ту-же мысль и желаютъ для славянъ той-же свободы, хотятъ, чтобы свобода и внутренній порядокъ юга былъ обезпеченъ политическимъ могуществомъ и чтобы югъ образовалъ изъ себя вполне европейское государство, но государство, на-столько просвѣщенное и сильное, чтобы оно могло противодѣйствовать завоевательнымъ покушеніямъ Россіи, если-бы они могли явиться.

Бажется, вопросъ очень простъ и сущность безспорна. А

между тѣмъ, что-же мы читаемъ въ нашей передовой, руководящей прессѣ? „Новое Время“, разсуждая о политикѣ англійскихъ либераловъ, сводитъ весь вопросъ къ дружбѣ, и, знакомя своихъ читателей съ программой Гладстона, заключаетъ статью такъ: „вотъ програма англійскихъ либераловъ, которыхъ мы, по недоразумѣнію, чуть не сочли за своихъ союзниковъ“. И „Новое Время“ отказывается отъ союза съ англійскимъ народомъ и съ англійскими либералами.

Въ „Голосѣ“, по поводу либеральной политики Англіи, читается совсѣмъ другое. „Голосъ“ чувствуетъ полную свою солидарность съ Гладстономъ и совершенно серьезно говоритъ, что Гладстонъ не только въ цѣльномъ развитіи своей мысли, но и въ частностяхъ повторяетъ только то, что „Голосъ“ не переставалъ развивать и разъяснять на своихъ столбцахъ о дѣлахъ Балканскаго полуострова. „Мы говоримъ это совершенно серьезно, ни мало не преувеличивая дѣла, замѣчаетъ „Голосъ“. — Опѣнка событій и англійской политики, равно какъ и предлагаемый планъ устройства славянъ полуострова изложены въ брошюрѣ такимъ образомъ, что они какъ-будто составляютъ повтореніе или сокращеніе статей, которыми наполнялись втеченіи лѣта столбцы нашего изданія“. Въ сопоставленіи, которое дѣлаетъ „Голосъ“ самому себѣ съ бывшимъ главою англійскаго кабинета, можно, конечно, усмотрѣть наивность, ибо, вѣроятно, и самъ „Голосъ“ хорошо знаетъ, что его отношенія къ вѣшной политикѣ Россіи и роль въ русскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ совсѣмъ не такая, какъ роль бывшаго англійскаго премьера въ политикѣ Англіи. Притомъ, кто-же перечтетъ, сколько мѣній пережилось въ „Голосѣ“ съ тѣхъ поръ, какъ онъ заговорилъ о восточномъ вопросѣ. Но дѣло опять не въ этомъ. Вопросъ въ томъ, что „Голосъ“ соглашается съ представителемъ либеральной партіи Англіи, значить, какъ и она, желаетъ, чтобы на юго-востокѣ Европы было сильное, могучее, цивилизованное государство, которое успокоило-бы Балканскій полуостровъ, и не только-бы не мѣшало процвѣтанію Европы, но и помогало-бы ему. Являясь, такимъ образомъ, сторонникомъ благоустроеннаго порядка и защитникомъ либеральнаго консерватизма, „Голосъ“, въ то-же

время не раздѣляетъ національныхъ сочувствій „Новаго Времени“. Но такъ-ли это? Такъ-ли понялъ „Голосъ“ Гладстона, и, соглашаясь съ нимъ, чтобы на югѣ сохранилась турецкая имперія, тотъ-ли смыслъ онъ придаетъ этому термину, какой даетъ ему Гладстонъ? Ни изъ какихъ статей „Голоса“ мы не видѣли, чтобы эта почтенная газета держалась въ своей политикѣ принциповъ англійскаго министра, и думаемъ, что ссылки „Голоса“ на свою солидарность съ Гладстономъ и несогласіе его съ „Новымъ Временемъ“ не больше, какъ неясность мысли и путаница въ политическомъ мировоззрѣніи. Мы очень сомнѣваемся въ политической зрѣлости читателей „Голоса“ и все-таки думаемъ, что самый сообразительный послѣдователь его едва-ли почувствуетъ въ себѣ на-столько смѣлости, чтобы считать себя солидарнымъ съ Гладстономъ и видѣть въ немъ своего вожака, хотя-бы даже и въ восточномъ вопросѣ. Это было-бы уже слишкомъ сильно, какъ говорятъ французы. Поэтому отзывъ „Голоса“ о самомъ себѣ мы принимаемъ, какъ наивное недоразумѣніе относительно своихъ собственныхъ силъ и невинное самообольщеніе, свойственное всякой слабости, желающей казаться силой.

Впрочемъ, мы имѣемъ доказательства, что „Голосъ“ едва-ли держится принциповъ Гладстона. Провозглашеніе Милана королемъ „Голосъ“ обозвалъ неумѣстной солдатской манифестаціей, и поѣздку сербскаго военнаго министра въ Делиградъ считалъ вполне необходимой, „чтобы заставить опомниться зачинщиковъ и вожаковъ анти-конституціонной демонстраціи, если въ нихъ еще сохранилось хоть нѣкоторое сознаніе своего гражданскаго долга, если они еще сознаютъ, что принадлежать къ націи, купившей своею кровью установленіе въ странѣ порядка вещей, которымъ еще недавно гордился всякій свободный сынъ свободной Шумадіи“. Затѣмъ провозглашеніе, сдѣланное сербской арміей, „Голосъ“ называетъ крайне преступной, преторіанской выходкой. Но если „Голосъ“ держится либеральной политики Гладстона и жаждетъ, чтобы на юго-востокѣ Европы находилось христіанское государство, то къ чему это негодованіе противъ анти-конституціонной демонстраціи? На югѣ война, все перепуталось, европейская политика съ недоумѣніемъ глядитъ на борьбу, не

зная, что предпринять, и вдругъ тотъ-же самый „Голосъ“, который вѣстѣ съ Гладстономъ уничтожаетъ не только конституцію Сербіи, но даже разрушаетъ теперешнюю турецкую имперію, обзываетъ сербскую армію преторіанской когортой, вѣсто того, чтобы радоваться этому первому шагу сербской арміи въ выполненіи плановъ Гладстона. Мы-бы еще поняли „Голосъ“ если-бы онъ говорилъ противъ солдатской манифестаціи не въ смыслѣ нарушенія ея дисциплины, а въ смыслѣ политической ошибки. Миланъ не такой вождь, который-бы обнаруживалъ сильный правительственный талантъ или военное дарованіе. Будь онъ немножко похожъ даже не на Наполеона I, а хотя-бы на Алипашу египетскаго — онъ, конечно, воспользовался-бы случаемъ, чтобы стать диктаторомъ. Тогда провозглашеніе, сдѣланное сербской арміей, грозило-бы дѣйствительно бѣдой. Если-бы „Голосъ“ говорилъ въ такомъ смыслѣ; если-бы провозглашеніе Милана королемъ грозило разрушеніемъ либеральнаго проекта „Голоса“ и Гладстона — основать на юго-востокѣ Европы сильную, просвѣщенную монархію, мы-бы вполне понимали рѣзкую рѣчь газеты. Но вѣдь „Голосъ“ говорить совсѣмъ въ иномъ смыслѣ.

Впрочемъ ни „Новое Время“, ни „Голосъ“ не нашли еще точки, съ которой-бы они посмотрѣли на теперешній фазисъ восточнаго вопроса ясно и логически. „Новое Время“ въ этомъ отношеніи еще любопытнѣе, потому-что, отстаивая провозглашеніе Милана королемъ и не соглашаясь съ проектомъ Гладстона, оно въ то-же время доказываетъ, что король, по сербскимъ понятіямъ, гораздо меньше князя. Тутъ ужъ ровно ничего не поймешь. За что-же вы угощаете другъ друга площадной бранью и инсинуаціями?

Когда не существуетъ вполне ясныхъ политическихъ идей и представлений, то они замѣняются извѣстнымъ зудомъ и напускной рѣзкостью слова. Пускай Дизраэли и Гладстонъ, виги и торы, глядящіе на Россію враждебно, возстаютъ противъ ея господства на Востокѣ. Мы-бы тоже не хотѣли этой враждебности; но если-бы нужно было отвѣчать и Дизраэли, и Гладстону, то, конечно, на доводы мы постарались-бы представить доводы. А между тѣмъ „Новое Время“, такъ отвѣчаетъ Дизраэли. Оно говоритъ, что

наглѣе и лживѣ нельзя представить себѣ ничего рѣчи Дизраэли; что Дизраэли говорить циничныя, лживыя вещи, что рѣчь его отличается наглостью, что рѣчь его — презрительный вызовъ, направленный преимущественно противъ Россіи, противъ того сочувствія Сербіи и угнетеннымъ славянамъ, которыми такъ волнуется русское общество, русскій народъ. „Мы помогли Сербіи, говорить Незнакомецъ, — мы послали туда волонтеровъ; русская кровь пролита на сербскихъ нивахъ и горахъ, мы безчестны за это, ибо мы вмѣстѣ съ Сербіей, нарушили всѣ правила чести, не говоря уже о принципахъ общественной нравственности. Англійскій премьеръ не шадитъ насъ; Турція для него либеральная и снисходительная страна, турки — великое племя, подобное маврамъ, этому культурному и трудолюбивому племени. Онъ лжетъ, не красѣя, клеветаетъ самодовольно, оскорбляетъ въ пылкой увѣренности, что ему, успокоителю восточной Европы, можно позволить всѣ эти наглости за тѣ благодѣянія, которыя онъ готовится совершить“.

Неужели это политическій языкъ, неужели это языкъ публициста, серьезно понимающаго дѣло? Г. Суворину оставалось только отправиться въ Лондонъ и взять за горло Дизраэли. И среди этой шумихи всякихъ бранныхъ словъ, въ статьѣ въ два съ половиной столбца нѣтъ рѣшительно ничего, чтобы выясняло политическій взглядъ „Новаго Времени“ на вопросъ. Дѣлая Дизраэли вызовъ, г. Незнакомецъ даетъ читателямъ такую программу: „противъ энергіи должна быть употреблена энергія, противъ лжи — правда, противъ притязаній иноземной державы — право единоплеменниковъ и единовѣрцевъ“. Но въ чемъ же должна заключаться энергія, какава это правда, наконецъ, какое именно право? Въ другомъ мѣстѣ „Новое Время“ говорить, что наша историческая задача въ томъ, чтобы выгнать турокъ изъ Европы и что ее началъ Дмитрій Донской на Куликовомъ полѣ и продолжали Иванъ III, Петръ Великій, Екатерина Великая, Александръ I и Николай I. „Нѣтъ лучшаго момента, чтобы окончить борьбу съ невѣрными, какъ настоящій, говорить „Новое Время“. Европа не можетъ намъ помѣшать“. То-то и есть, что мѣшаетъ; Крымская война это доказала.

„Новое Время“, сангвиническое по-преимуществу, дѣйствуетъ не на мысль, а на инстинкты, и потому говорить не понятіями, а словами. Въ той-же передовой статьѣ № 189, гдѣ „Новое Время“ енудачно льститъ народному сознанию, говорится, что въ нашей борьбѣ съ турками шла всегда рѣчь о самомъ существованіи Россіи и славянства. „Вопросъ былъ въ томъ, кому *первенствовать*—татарскому и турецкому племени или славянскому. Вопросъ былъ въ томъ, кому долженъ принадлежать востокъ Европы — туркамъ или славянамъ? По словамъ „Новаго Времени“, тутъ не могло быть никакого соглашенія, никакого мира, и вопросъ разрѣшался только окончательнымъ истребленіемъ того или другого племени, т. е. г. Суворину угодно проповѣдывать въ теоріи тоже самое, что башни-бузукки осуществили на дѣлѣ въ Болгаріи. Вѣдь они тоже того мнѣнія, что или турки или христіане и что господство турокъ можетъ быть утверждено только на поголовномъ истребленіи всѣхъ собакъ — гяуровъ. И эта вопіющая нелѣпность выдается у насъ, подъ патріотическимъ ярлычкомъ, за воодушевленіе общества. Но кто-же теперь не понимаетъ, что за ошибки и преступленія такого правительства, какъ турецкое, нельзя дѣлать отвѣтственнымъ весь народъ, всѣ 27,000,000 турецкаго населенія. До этой каннибальской теоріи „Новаго Времени“ не договаривались самые отъявленные фанатики временъ инквизиціи. И чѣмъ вамъ мѣшаютъ „невѣрные“, и чѣмъ вамъ любы славяне? Почему-бы вамъ хотѣлось отдать весь міръ славянамъ, подчинить имъ и французовъ, и англичанъ, и нѣмцевъ и американцевъ? Почему вамъ потребовался вопросъ о первенствѣ, и на пиру природы вы только однимъ славянамъ отводите почетный уголь? Или это избранный Божій народъ, посланій въ себѣ бессознательно истину и слово спасенія для человечества? Или вы не любите турокъ только потому, что они молятся Аллаху? Но вы не любите и англичанъ, хотя они молятся христіанскому Богу. Вы такъ-же искренно желаете погнѣбелли англичанамъ, и какъ погнѣбелли „невѣрныхъ“. Ясно, что причина не въ Аллахѣ. Вы хотите чего-то другого, но чего? Въ полемикѣ съ Дизраэли вы выставляете своимъ девизомъ „право еди-

ноплеменниковъ и единовѣрцевъ"! Сильно, но не ясно, о какомъ правѣ тутъ рѣчь? Предположите, что „единоплеменники“ и „единовѣрцы“ овладѣли всей Европой. Чего вы достигнете этимъ? Въ Турціи „единовѣрцы“ составляютъ 13,000,000, а „невѣрные“ только 3,000,000. Но что-же въ этомъ хорошаго и для турокъ, и для „единовѣрцевъ“? Неужели „Новое Время“ не знаетъ, что принципъ національностей не рѣшаетъ никакого вопроса? Что это принципъ не солидарности, а эгоизма; не примиренія, а вражды. „Новое Время“ укоряетъ и мадьяровъ, и нѣмцевъ, и австрійцевъ, и турокъ, и англичанъ за своекорыстіе и желаніе занять первое мѣсто. Но развѣ они исходятъ не изъ того-же начала? Развѣ каждый народъ, вмѣстѣ съ „Новымъ Временемъ“, не думаетъ только о томъ, какъ-бы на пиру природы сѣсть подъ образами? Но вѣдь принципъ народности не больше, какъ приготовительный классъ политической зрѣлости. За нимъ стоитъ другой, высшій принципъ, входящій въ принципъ народности безсознательнымъ элементомъ.

Дѣйствуя сангвинически, „Новое Время“ обходитъ мысль и имѣетъ дѣло съ однимъ сердцемъ. Оно старается только возбудить и кипятить. Но какъ въ его сердцѣ не бьется истинное, искреннее политическое чувство, то и въ его возбужденіяхъ недостаетъ именно того, что всякому чувству даетъ силу. Вотъ, наприимѣръ, вличь „Новаго Времени“ въ № 184. „Пусть выростутъ передъ нами во очію эти страшныя сцены надъ нашими ранеными и надъ нашими братьями славянскихъ земель. Мы спрашиваемъ: въ чьихъ ухахъ, въ чьемъ сердцѣ не отзываются раздирающіе вопли истязуемыхъ собратій? Въ чьей душѣ не шевелится горячее чувство, призывающее на помощь къ погибающимъ“? Ну, а если не отзываются, если не шевелится горячее чувство? Мы не скажемъ, что это хорошо; это, можетъ быть, и очень равнодушно, и очень недостойно человѣка, но вѣдь соболѣзнованіе есть на-столько обоюдоострый мечъ, что, какъ извѣстно „Новому Времени“, одинъ англійскій санитарный отрядъ перешелъ отъ сербовъ къ туркамъ. Черногорцы послали туркамъ не только лекарство, но даже провизію. По принципу народной вражды, которымъ дѣйствуетъ „Новое Время“, такъ поступать

не слѣдуетъ. Нѣтъ, ужъ намъ скорѣе нравится политическая объективность, чѣмъ политическій сангвинизмъ, потому что съ объективностью гораздо легче спастись отъ фальши чувства и отъ напускного воодушевленія, въ которомъ всегда много громкихъ словъ, а истинное, фаталистическое, сильное чувство является очень рѣдко. Въ этомъ случаѣ, полуобъективный „Голосъ“ гораздо дальше отъ фальши, чѣмъ чисто-субъективное, сангвиническое „Новое Время“.

Но съ другой стороны, такъ-какъ ни нашъ политическій сангвинизмъ, ни нашъ политическій газетный объективизмъ не отмежевывали себѣ точныхъ границъ, то „Голосъ“ и „Новое Время“ впадаютъ въ одинаковыя ошибки, форма которыхъ зависитъ отъ темперамента этихъ газетъ. Такъ „Новое Время“, по своей наклонности къ поэтическому строю мысли, прибѣгаетъ больше къ стихамъ, а солидный „Голосъ“ къ повѣи въ прозѣ. Что лучше, и что хуже, мы разбирать не станемъ. Но если „Новое Время“ печатаетъ стихотворенія гг. О. Миллера, Гербега, Валевскаго и М. Х., за то „Голосъ“ печатаетъ повѣю въ прозѣ г. Маркова, которая не хуже стиховъ. Г. О. Миллеръ, уносясь въ безбрежную даль сердечнаго идеализма, провозглашаетъ, что война за свободу славянъ должна привести къ тому, чтобы не было больше войнъ. Это было-бы начатіе новой эры для насъ и для всей Европы. Вотъ почему каждый изъ насъ, въ каждую минуту, готовъ сказать каждому изъ нашихъ убитыхъ:

Вся Русь хранитъ твои стремленья,
Твои высокія мечты!
Ударитъ часъ освобожденья,
Мы всѣ умремъ, какъ умеръ ты!

Да! это дѣйствительное освобожденіе; но вѣдь жить хочется, г. Миллеръ. И такими наивными чувствами „Новое Время“ думаетъ дѣйствовать и возбуждать!

Во „Снѣ славянина“ г. Валевскій рассказываетъ, какъ горько рыдалъ славянинъ, какъ роковыя видѣнія терзали его „измученный умъ“, и онъ слышалъ „неистовый шумъ“. Шумъ этотъ происходилъ отъ воля и крика дѣтей, отъ хохота убійцъ. Въ началѣ „неистовый шумъ“ былъ еще не великъ, и потому сла-

вянинъ спалъ вѣрнѣе. Но когда шумъ усилился, славянину приснилось, что встаетъ „великая рать“, и братья, объятые святою местию, идутъ „за братьевъ умирать“. Славянину приснилось, что отъ великой рати разсѣваются хищниковъ орды, а гдѣ-то, въ отдаленномъ будущемъ воскресаетъ народъ изъ „пепла руинъ“.

И вспрянулъ отъ сна славянинъ...

Г. Гербель разсказываетъ въ стихахъ, какъ не буря реветъ отъ края до края, и не громы грохочутъ въ облакахъ,

А русское войско подходитъ къ Дунаю
Съ привѣтомъ Дунаю-рѣвѣ на устахъ.

И вотъ это войско ждетъ только приказанія, чтобы разразиться грозой надъ лютымъ врагомъ.

Опустится мѣсяцъ турецкій къ закату,
А солнце Христово—на страхъ супостату —
Въ вѣнцѣ лучезарномъ съ Востока взойдетъ
И русскую землю сіяньемъ залетъ!

Ту-же самую мысль развиваетъ и г. Марковъ въ № 249 „Голоса“. Мы знаемъ, что г. Марковъ талантливый романистъ, но не знаемъ, на-сколько онъ публицистъ по содержанию своихъ мыслей; думаемъ, что онъ поэтъ въ политикѣ, и доказательства этого мы сейчасъ представимъ. Въ этомъ отношеніи, между г. Марковымъ, пишущимъ въ прозѣ, и гг. Гербелемъ и Валевскимъ, пишущими въ стихахъ или г. О. Миллеромъ, пишущимъ тоже въ прозѣ, разница только въ томъ, что г. Марковъ пишетъ бойко, а у этихъ писателей недостааетъ таланта изложенія и чувства формы. Что-же касается до содержания и свойства мыслей, то въ прозѣ г. Маркова мелькаетъ передъ вами тоже трехцвѣтное знамя г. О. Миллера. Изображая съ патриотическимъ пафосомъ достоинства и качества русскаго человѣка, г. Марковъ ставитъ ему въ заслугу, во-первыхъ, то, что русскій человѣкъ спартанецъ, что соломенная и лыковая Русь всегда была бѣдна, что она не имѣла каменныхъ замковъ и дорогихъ городскихъ сооружений, что дырявая мужицкая мошна никогда не хранила въ себѣ запасовъ и послѣ войны и пожаровъ всегда оставалась такою-же дырявою. Но, испугавшись обвиненія въ „квасномъ патриотизмѣ“, г. Марковъ оговаривается:

„хорошо-ли, что мы стоимъ въ такихъ условіяхъ— это ужь другой вопросъ, сюда не относящійся. Для нашей другой цѣли достаточно доказать, что эти условія въ настоящую минуту существуютъ и что они необыкновенно выгодны намъ въ данномъ случаѣ, какъ элементы борьбы.“ Ахъ, г. Марковъ, зачѣмъ вы не придумали чего-нибудь другого, чтобы запугать Европу, кромѣ нашей дрявости и выносливости. Но развѣ Европа не могла бы отвѣтить, что если эта выносливость помогла намъ въ двѣдцатомъ году, то не помогла намъ въ крымскую войну. Значитъ, этотъ фактъ въ сторону и факирская философія „Голоса“ о непобѣдимости нашей дрявости и выносливости ни куда не годится.

И это передовики, это руководители нашего времени, это созвездіе земли, это интеллигенція по-преимуществу! Посмотрите, съ какимъ увлеченіемъ они честятъ политическихъ вождей Европы! Они обзываютъ глупцами и Дизраэли, и Дерби, и Гладстона, они смѣются надъ Гамбетой, тычутъ въ лобъ Тьера, а сбѣднаго Андраши стираютъ совсѣмъ въ порошокъ. Но у всѣхъ политическихъ вождей Европы есть всегда извѣстная програма, у нихъ есть цѣль, они понимаютъ средства, они знаютъ свои силы, не только свои, но и наши, а мы ихъ не знаемъ, и намъ не кому объ этомъ сказать. Мы очень хорошо понимаемъ всю политическую важность теперешняго момента, мы понимаемъ все социальное и политическое значеніе войны, если она будетъ, но мы говоримъ не объ этомъ. И „Новое Время“ и „Голосъ“ въ корреспонденціяхъ изъ-за границы и въ фельетонахъ смѣются надъ неблагоразуміемъ нашего общества, смѣются, какъ русскіе политиканы разсуждаютъ комически и о теперешней войнѣ, и приравниваютъ нашу провинціальную публику къ той старухѣ, которую очень озадачивалъ восточный вопросъ, потому что ей кто-то сказалъ, что турки взяли въ плѣнъ Афонскую гору. Что сдѣлала наша передовая, петербургская печать, чтобы дѣйствовать на политическое сознаніе? Воспитала-ли она хоть одного человѣка въ здоровомъ, вѣрномъ пониманіи дѣла, которое заваривается теперь, и возвела-ли въ ясное сознаніе народныхъ симпатіи и антипатіи? Выяснила-ли она нашей интеллигенціи, что она должна дѣлать и чего слѣдуетъ ей ожидать? Мы только слы-

шимъ „уру“ и воинственный кличъ, а г. Миллеръ, резюмируя, весь этотъ бранный кликъ, успокоиваетъ насъ, что мы „всѣ умремъ“. Покорнѣйше васъ благодаримъ!

Нѣтъ не этого мы хотѣли-бы ждать отъ нашей прессы; мы хотѣли-бы видѣть въ ней большую силу мысли, хотѣли-бы найти настоящую силу убѣжденія; хотѣли-бы, чтобы она была воспитательницей общества, а не занималась однимъ киданіемъ шапокъ въ воздухъ. Ну, и покидаемъ, и покричимъ, и подеремся, и возьмемъ верхъ, и вытуримъ турокъ изъ Европы, а что-же дальше? Опять то-же, о чемъ такъ красиво разсуждаетъ г. Марковъ? И хотѣли-бы одна петербургская газета, хотѣли-бы какъ-нибудь нечаянно обмолвилась зрѣлымъ словомъ и не играла-бы въ сангвинизмъ, занимаясь поэзіей національности и перестала-бы говорить съ интеллигенціей, точно передъ ней гимназисты перваго класса. Г. Марковъ изъ села Александровскаго грозитъ пальцемъ Европѣ и его грозящаго пальца никто тамъ не замѣтилъ, какъ не замѣтилъ вызова, брошеннаго г. Градовскимъ. Что за ребячество! Пристойно-ли поступать такъ бородастымъ мужчинамъ, которые своихъ дѣтей за либеральныя шалости ставятъ въ уголъ? Виѣсто того, чтобы тѣшиться такимъ образомъ, г. Марковъ воспользовался-бы своимъ несомнѣннымъ талантомъ, какъ надлежитъ истинному публицисту. Посмотрите, что дѣлаетъ провинція, посмотрите, какъ она собираетъ свою помощь славянамъ, посмотрите, какъ она устраиваетъ свои театры и концерты, изъ которыхъ $\frac{2}{3}$ расходовъ расходятся по рукамъ. Почти никто не даетъ ни копейки прямо, и чтобы спросить ее, нужно заставить насъ или танцевать, или ѣсть, или пригласить канатнаго плясуна. А отъ чего? Только отъ того, что само дѣло не ясно, сама мысль не знаетъ, чего она хочетъ, и само сердце не знаетъ, отчего оно бьется. Кто-же выяснилъ и мысль, и чувство; какая газета хотѣ разъ обратилась къ интелекту русской интеллигенции и создала ей силу убѣжденія, не дѣйствуя минутой на порывающееся чувство? У чувства нѣтъ силы, если у него нѣтъ идеи. И вотъ мы видимъ послѣдствія этой умственной и общественной незрѣлости. Петербургскій энтузіазмъ уже давно охладѣлъ и повѣсилъ голову и что два мѣсяца тому назадъ дѣйствовало возбуждительно, теперь ужъ больше не шевелить.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

МАЛАЯ АЗІЯ.

Необходимость изслѣдованія восточнаго вопроса не только въ Европѣ, но и въ Малой Азіи.—Книга Перро о Малой Азіи.—Племена, населяющія Малую Азію.—Курды.—Армяне.—Греки.—Греческое и армянское духовенство.—Турки.—Фабричные рабочіе.—Крупный собственникъ.—Кейфъ.—Добродушіе турокъ.—Везучастіе къ политикѣ.—Истинные виновники болгарскихъ ужасовъ.—Испорченность турецкой администраціи.—Упадокъ производства въ Анатолиі.—Измѣненія, произведенныя реформами.—Отсутствіе въ Турціи муниципальной организаціи препятствуетъ ея единству. — Турція не государство. — Причины существованія Турціи, давно уже потерявшей жизненную силу.—Увѣренность турокъ въ скорой гибели турецкаго государства.

I.

Для обстоятельнаго и точнаго уясненія восточнаго вопроса необходимо изслѣдовать его не только на западѣ, т. е. въ Европѣ, но и на востокѣ, въ Малой Азіи. Европейская Турція и азіятская Турція—двѣ половины одной и той-же имперіи; ихъ волнуютъ одинаковыя страсти, одинаковыя нужды, одинаковыя неудовольствія. Азіятская Турція служитъ матеріальнымъ и нравственнымъ базисомъ Европейской; она даетъ солдатъ падишаху, пополняющихъ убыль въ арміяхъ, сражающихся съ сербами и черногорцами; она въ настоящее время поддерживаетъ его казну и служитъ главной опорой его религіозной и политической силы. Турецкая имперія началась въ Азіи, тамъ развилась и укрѣпилась и, только по завоеваніи Константинополя, перенесла туда свой центръ. Теперь идетъ вопросъ о томъ, чтобы вытѣс-

нить турокъ въ Азію. Но если это сбудется, то причины, побуждающія добиваться изгнанія турокъ изъ Европы, останутся въ полной силѣ и для Малой Азіи; логика одинакова на обоихъ берегахъ Дарданель; событія, происходящія теперь на Балканскомъ полуостровѣ, несомнѣнно повторятся и на полуостровѣ мало-азійскомъ, потому что элементы разложенія турецкой имперіи какъ тамъ, такъ и здѣсь совершенно одни и тѣ-же.

Желая добыть факты для изслѣдованія интересующаго насъ вопроса о положеніи Малой Азіи, мы обратились къ сочиненіямъ, написаннымъ ранѣе наступленія послѣднихъ событій на Балканскомъ полуостровѣ, — къ такимъ сочиненіямъ, въ безпристрастіи которыхъ нельзя было сомнѣваться уже и потому, что они были написаны въ періодъ полного мира, когда никакія внѣшнія обстоятельства не могли вліять на спокойное обсужденіе предмета. Съ этой цѣлю мы обратились, главнымъ образомъ, къ тѣмъ авторамъ, которые говорятъ о турецкой имперіи, послѣ введенія въ ней „танзимата“, — реформы, осуществленной султаномъ Махмудомъ. Лучшимъ сочиненіемъ для нашей цѣли мы признали „Путешествіе по Малой Азіи“, Гильома Перро, и воспользовались имъ для настоящей статьи. Перро, извѣстный ученый, имѣлъ спеціальное порученіе добыть завѣщаніе Августа, выбитое на стѣнѣ города Ансира. Онъ пробылъ въ Малой Азіи нѣсколько мѣсяцевъ, объѣздивъ ее всю вдоль и поперекъ. Помимо своего спеціально-ученаго изслѣдованія, Перро весьма обстоятельно изслѣдовалъ посѣщенную имъ страну въ моральномъ, социальномъ и экономическомъ отношеніяхъ и вынесъ убѣжденіе, что турецкая имперія должна непремѣнно погибнуть, что ничто спасти ее не можетъ. Относясь рѣзко и сурово къ администраціи, онъ, не выражаетъ ни презрѣнія, ни ненависти однакожь къ турецкой націи, столько-же, если не больше подавленной разоренной, какъ и христіанскія населенія, — націи, трудолюбивой и способной къ развитію, но имѣющей несчастіе находиться подъ управленіемъ такой-же неспособной, дикой и хищной шайки, какъ и во времена Магомета II. Перро сумѣлъ отличить гнилыя и зараженныя части Турціи отъ здоровыхъ и, относясь гуманно къ несчастному турецкому населенію, вездѣ съ презрѣніемъ говорить о его правительствѣ. Его сочиненіе даетъ намъ богатый матеріалъ; конечно, мы повѣряли его и другими источниками и только убѣдились, что все, что можно извлечь изъ нихъ интереснаго, нахо-

дится и въ книгѣ Перро, притомъ въ болѣе точномъ и обстоятельномъ изложеніи.

Предметомъ нашего изслѣдованія въ настоящей статьѣ будетъ исключительно Анатолія, т. е. собственно мало-азійскій полуостровъ; Сирію-же и Месопотамію мы оставляемъ въ сторонѣ. Почва на этомъ полуостровѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ пустынь внутри его, отличается среднимъ плодородіемъ; мѣстами-же она превосходитъ средній благопріятный уровень. Климатъ его довольно здоровый, хотя зима для его широтъ слишкомъ холодна, а лѣто слишкомъ жарко. Но такое свойство климатъ имѣетъ внутри полуострова; по берегамъ-же Средиземнаго моря онъ принадлежитъ къ числу самыхъ благопріятныхъ во всемъ мірѣ и поэты не преувеличивали, живописуя прелести чуднаго климата Іоніи.

Трудно опредѣлить точную цифру населенія полуострова. По изслѣдованіямъ однихъ, въ Малой Азійи вмѣстѣ съ Сиріей и Месопотаміей живетъ до 15,000,000 человекъ, по изслѣдованіямъ другихъ, до 20 мил. Полагаться на официальную статистику рѣшительно невозможно, такъ-какъ она представляетъ собой невообразимый хаосъ. Что-же касается опредѣленія, какія расы населяютъ Малую Азію, то объ этомъ предметѣ имѣются довольно положительныя данныя. Турки, татары и тюремены составляютъ три четверти населенія полуострова; остальная четверть распредѣляется между греками, армянами, курдами и евреями.

Курды, совершающіе въ настоящее время грабежи и убійства въ турецкой Арменіи, принадлежатъ къ энергической пастушеской расѣ; они то работаютъ неутомимо, то предаются разбоямъ и грабежамъ; они исповѣдуютъ самый грубый ислаимъ суннитскаго толка. Раздѣленные между Персіей и Турціей, они плохо подчиняются и той, и другой и одинаково грабятъ обѣихъ. Ихъ почва небогата, имъ многого недостаетъ для жизни и этотъ недостатокъ они пополняютъ грабежомъ своихъ сосѣдей; въ промышленномъ отношеніи — это народъ первобытный, неимѣющій самыхъ элементарныхъ понятій о соціальной жизни.

Армяне, по словамъ географовъ, искусные торговцы, соперники грековъ и евреевъ. Они разсѣяны на всемъ пространствѣ турецкой имперіи; подобно евреямъ они потеряли свою національность, но

такъ-же, какъ и евреи, благоговѣнно дорожатъ всѣмъ, что ее напоминаетъ. Они, въ сущности, не изгнаны изъ своей родины, но съ X вѣка они приобрѣли привычку къ переселеніямъ; они живутъ теперь въ Анатолиі, въ Европейской Турціи, на Кавказѣ, въ Россіи, въ средней Азіи и даже въ Китаѣ. Они болѣе всего любятъ торговлю и банкирское дѣло, питаютъ большое нерасположеніе къ войнѣ и привязаны къ семейной жизни. Они отличаются инстинктами и качествами горныхъ расъ. Крайне выносливые въ работѣ, они преодолеваютъ всякія трудности, если имѣютъ въ виду получить хорошій барышъ... Правда, армяне не имѣютъ той глубокой вѣры въ самихъ себя, не питаютъ тѣхъ честолюбивыхъ надеждъ, какія составляютъ отличительную черту и силу греческой націи. Они не вѣрятъ въ свое будущее, какъ націи. Ни одна изъ великихъ державъ не покровительствуетъ имъ и не интересуется ими. Западъ ихъ не знаетъ, хотя они разсѣяны отъ Александріи до Москвы, отъ Калькуты до Пешта. Ихъ страна раздѣлена между Персіей, Турціей и Россіей; сами они раздѣлены различіемъ религіозныхъ исповѣданій.

Просвѣщеніе мало развито между армянами. Во многихъ мѣстахъ турецкой имперіи они утратили даже свой языкъ, приняли нравы турокъ и отличаются отъ нихъ только религіей... Религіозная рознь сильно раздѣляетъ армянъ, чѣмъ пользуются турки, умѣющіе жить болѣе сплоченно, чѣмъ христіане.

Относительно приверженности армянъ къ своему прошлому и надеждъ на будущее мы находимъ мнѣніе противоположное только что высказанному; приводимъ и его, такъ-какъ наше личное знакомство съ нѣкоторыми представителями армянскаго народа даетъ намъ поводъ предполагать, что оно вѣрно дѣйствительности.

Армяне привержены къ своимъ историческимъ традиціямъ; они часто вспоминаютъ о былой славѣ своего народа и вѣрятъ, что ему предопредѣлена блестящая будущность. Ихъ надежды такъ-же вѣски, какъ и честолюбивыя мечты грековъ и славянъ Румелии. Они затрудняются точно опредѣлить, какое будущее ожидаетъ ихъ націю, но твердо убѣждены, что придетъ день и они займутъ видное мѣсто между христіанскими народами Азіи.

Что-же касается ихъ семейной жизни, то у армянъ-католиковъ Ангоры существуетъ полу-семейное, полу-религіозное учрежденіе, вѣльно поднявшее между ними значеніе женщины. Я говорю

о „махрабетах“ (дѣвственницахъ). Численность женщинъ здѣсь значительно превышаетъ численность мужчинъ. Многие молодые мужчины удаляются отсюда для устройства жизненной карьеры въ Константинополь и другія мѣста и возвращаются домой или людьми пожилыми или совсѣмъ не возвращаются. Оттого здѣсь остается много дѣвушекъ, которымъ закрыта возможность выйти замужъ; онѣ, часто еще очень молоденькими, даютъ обѣтъ безбрачія и возобновляютъ его ежегодно до 45 лѣтъ отъ роду, когда уже произносятъ окончательный и вѣчный обѣтъ. Въ своей и даже въ чужихъ семьяхъ онѣ исполняютъ обязанности сестеръ милосердія, ходятъ за больными, помогаютъ матерямъ воспитывать дѣтей и, въ случаѣ болѣзни или смерти послѣднихъ, замѣщаютъ ихъ при дѣтяхъ. Большая часть семей имѣютъ у себя этихъ самоотверженныхъ безкорыстныхъ работницъ на пользу другихъ. „Махрабеты“ имѣютъ нѣкоторое сходство съ „добрыми тетушками“ англійскихъ романовъ. Католическое общество Ангоры не отличается строгими нравами, но махрабеты безукоризненно-нравственны и цѣломудренны. Онѣ имѣютъ право выходить замужъ каждый разъ, какъ оканчивается срокъ ихъ годового обѣта, но онѣ рѣдко пользуются этимъ правомъ, потому что общество смотритъ на ихъ замужество, какъ на достойную порицанія слабость. Священникъ, живущій здѣсь 20 лѣтъ, говорилъ Перро, что во все это время было не болѣе двухъ-трехъ случаевъ подобныхъ браковъ... Хотя обычно требуетъ, чтобы вѣчный обѣтъ безбрачія произносился не ранѣе наступленія сорокъ-шестого года отъ роду, епископъ можетъ разрѣшить произнесеніе его и ранѣе этого возраста, если духовникъ дѣвушки ручается за твердость ея убѣжденія и силу ея воли.

Одинъ врачъ, введенный въ армянскій домъ, такъ описываетъ свои впечатлѣнія:

„Я встрѣтилъ въ этой семьѣ такую взаимную нѣжность, такое нравственное достоинство, какихъ никогда не приходилось мнѣ встрѣчать въ турецкихъ семьяхъ. По странной случайности, среди общества, гдѣ господствуетъ полигамія, гдѣ мужчина смотритъ на женщину, только какъ на орудіе для удовлетворенія своей животной страсти, какъ протитовѣсь, встрѣчаются семьи, вполне осуществляющія брачный идеалъ, къ которому мы стремимся, но рѣдко его достигаемъ: мужъ и жена, вступившіе въ бракъ по

выбору сердца или по 'счастливой случайности, взаимно дополняют другъ друга; они искренніе друзья; въ семьѣ царить ничѣмъ невозмущаемый покой и полное согласіе“.

Но армянинъ спокойный, честный и трудолюбивый въ своемъ домашнемъ быту, дѣлается совершенно другимъ человекомъ, какъ только онъ переступаетъ порогъ своего дома и начинаетъ дѣйствовать въ соціальной средѣ. Не чувствуя подъ своими ногами ни политической, ни общественной почвы, онъ опирается только на деньги и дѣлается отъявленнымъ хищникомъ. Страсть къ наживѣ—его преобладающая страсть; тутъ онъ считаетъ всѣ средства дозволенными и безупречными, какія только представляются ему. Мелочная торговля, которой живутъ почти всѣ армяне-католики приучаетъ ихъ къ мелкому плутовству, къ узкому мошенничеству; это непремѣнный банкиръ, мѣняла, комиссіонеръ и перекупщикъ, небрезгающій никакими источниками своей алчной наживы.

Болѣе крупная торговля въ Ангорѣ находится въ рукахъ армянъ греческаго исповѣданія и они ведутъ ее честно, чѣмъ армяне-католики. Они живутъ шире; между ними больше согласія, меньше мелкой зависти, чѣмъ между католиками. Допуская большую свободу въ семейной жизни и въ соціальныхъ отношеніяхъ, они лучше католиковъ понимаютъ необходимость образованія и непремѣнно свѣтскаго, а не клерикальнаго, на развитіе котораго охотно жертвуютъ свои деньги.

Такова-же или почти такова нравственная фізіономія и грека, находящагося подъ давленіемъ тѣхъ-же политическихъ и соціальныхъ условій.

Греческій народъ не въ Греціи такъ-же, какъ еврейскій не въ Палестинѣ. Греческая раса, считающая своихъ дѣтей миліонами не вся заключена въ узкомъ пространствѣ греческаго королевства, населеннаго 1,200,000 бѣднаго, безпокойнаго народа. Она распространилась на западъ до Америки, представителей ея можно встрѣтить въ банкирскихъ конторахъ Марсея, Лондона и Нью-Йорка; они живутъ въ Крыму и Одессѣ; отправьтесь на востокъ, въ Египетъ, Сирію, въ Малую Азію, остановитесь въ Александріи, Вейрутѣ, Смирнѣ, Требизонтѣ, во всѣхъ портахъ и на базарахъ, вездѣ вы встрѣтите грековъ; вездѣ они торгуютъ и наживаются деньги. Ловкіе до хитрости и часто плутовства, дѣятельные, честолюбивые, удивительно способные къ торговлѣ и

промышленности, къ воспринятію просвѣщенія, экономные и въ тоже время любящіе роскошь и изящество, греки скоро осваиваются съ окружающей обстановкой и извлекаютъ изъ нея всѣ выгоды, какія только можно извлечь...

„Самую живую и дѣятельную вѣтвь греческой расы составляютъ эпирскіе греки, говоритъ Перро. Они встрѣчаются вездѣ въ качествѣ ремесленниковъ, купцовъ, школьныхъ учителей, священниковъ и, гдѣ-бы они ни поселились, они умѣютъ пріобрѣсти вліяніе и накопить денегъ...

„Мнѣ никогда не приходилось встрѣтить грека, довольнаго своей участью. Это вѣчное недовольство, эта склонность постоянно и неутомимо стремиться къ высшему общественному положенію дѣлаютъ грека раздражительнымъ, а подчасъ наглымъ и надоедливымъ; но, во всякомъ случаѣ, эти качества несравненно почтеннѣе, чѣмъ противоположныя склонности турокъ, всегда примиряющихся съ существующимъ положеніемъ. Для отдѣльныхъ личностей, какъ и для народовъ великое несчастье, если они легко и безропотно покоряются своей участи и ограничиваютъ свои желанія спокойнымъ сидѣніемъ на мѣстѣ“.

У народовъ, лишенныхъ политической самостоятельности, религія служитъ единственнымъ цементомъ, связывающимъ ихъ нравственные и общественные инстинкты. Въ религіозныхъ преданіяхъ этихъ народовъ заключается главная сила ихъ національной солидарности, ихъ мистической, но живой вѣры въ будущее. Понятно, что вліяніе духовенства должно оказывать на нихъ подавляющее дѣйствіе; оно отзывается вездѣ и во всемъ, какъ въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ частной жизни, такъ и въ самыхъ крупныхъ явленіяхъ общественнаго быта. Греко-армянское духовенство безусловно подчиненное мусульманскому правительству, зависящее отъ него въ своемъ назначеніи и увольненіи, покушающее у него за деньги свои мѣста и нѣкоторую независимость положенія, неизбежно дѣлается орудіемъ его политической системы, его эксплуатаціи. И мы затруднились-бы сказать, отъ кого больше терпитъ народъ — отъ своихъ свѣтскихъ правителей или отъ своихъ духовныхъ пастырей. Отъ патріарха и до послѣдняго сельскаго священника все живетъ насчетъ народа, все выжимаетъ

изъ него его послѣдніе соки. „Греческій епископъ въ Бруссѣ, говоритъ Перро, — македонянинъ по происхожденію, человекъ еще молодой, красивый лицомъ, но выраженіе его фізіономіи показываетъ, что въ немъ мало искренности и доброты. За нѣсколькими исключеніями, высшіе сановники греческой церкви въ Малой Азіи — люди развитые въ умственномъ отношеніи, способные, но падкіе на деньги, черствые, неподдающіеся состраданію. Ихъ мало занимаютъ интересы и нужды ихъ паствы; вся ихъ забота направлена къ тому, чтобы жить въ дружбѣ съ центральнымъ турецкимъ правительствомъ, у котораго они состоятъ на откупъ и чѣмъ больше платятъ ему, тѣмъ вѣрнѣе могутъ рассчитывать на свою безопасность“.

Не лучшія отношенія существуютъ между паствою и армянскими епископами въ Малой Азіи:

„Объѣздъ епархіи армянскимъ епископомъ равнозначущъ объѣзду страны сборщикомъ податей. Епископъ заботится болѣе всего о полученіи денегъ, нужды паствы очень рѣдко останавливаютъ на себѣ его вниманіе.

„Армяне-католики отличаются отъ католиковъ-латинянъ своею литургіей, которая совершается на армянскомъ языкѣ, нѣсколькими незначительными различіями въ обрядахъ богослуженія и чистовѣшными обычаями священниковъ. Бракъ священниковъ, принятый за правило у армянъ греческаго исповѣданія, встрѣчается, какъ исключеніе у армянъ-католиковъ. Эти исключенія съ каждымъ годомъ уменьшаются въ числѣ, такъ-какъ высшіе сановники армяно-католической церкви смотрятъ на нихъ неодобрительно. Женатые священники сохранились только въ отдаленныхъ приходахъ; въ такихъ-же городахъ, какъ Ангора, Амассія или Константинополь ихъ вовсе нѣтъ. „Къ чему мнѣ жена? говорилъ ангорскій священникъ, — и безъ нея жить не легко!“ Какъ видите, побудительная причина безбрачія — чисто-матеріальная. Всѣ наслажденія этого добродушнаго священника ограничивались стаканомъ водки передъ обѣдомъ, трубкой табаку и чашкой кофе послѣ обѣда...

„Я былъ у обѣдни въ воскресенье. Первое, бросившееся мнѣ въ глаза, — отличіе армяно-католической службы отъ латинской; оно заключается въ завѣсѣ, которой закрывается алтарь. Но церемонія во время службы далеко непоучительная. Колокольчикъ замѣняется

здѣсь большимъ металлическимъ кругомъ, къ которому привѣшены маленькіе круги и бубенчики, при движеніи рукою, приходящіе въ соприкосновеніе съ большимъ кругомъ и производящіе рѣзкій, непріятный звукъ, похожій на совмѣстный звукъ цимбаль и бубна. Этотъ звукъ непріятно раздражаетъ ухо и можно подумать, что находишься не въ церкви, а на базарѣ или въ балаганѣ паяцовъ. При богослуженіи не имѣется хора дѣтей, а поютъ взрослые не въ тонъ, носовыми звуками. На церковь собираютъ не женщины, а мужчины“.

II.

Перейдемъ къ туркамъ.

Турки низшихъ классовъ вообще трудолюбивы. Они монополизировали въ свою пользу не только ремесла, считающіеся благородными: оружейное, сѣдельное, слесарное, но и болѣе тяжелыя: кузнечное, лудильное, дубильное и др. Но они не проявляютъ способности къ усовершенствованію ремесла: какъ дѣлалъ отецъ, точно такъ-же производитъ сынъ и если рядомъ отеряется кѣмъ-нибудь, конечно, не туркомъ, болѣе усовершенствованное производство, турокъ удаляется и начинаетъ работать въ такомъ мѣстѣ, куда еще не проникла, по его мнѣнію, язва прогресса. У турокъ много хорошихъ качествъ, но важнѣйшій ихъ недостатокъ въ томъ, что они не желаютъ никакихъ улучшеній.

Войдемъ на фабрику, гдѣ трудятся работницы и работники различныхъ національностей.

На огромной шелкопрядильнѣ въ Бруссѣ лучшими и дѣятельнѣйшими работницами считаются гречанки; за ними слѣдуютъ армянки; турчанки хуже всѣхъ, на нихъ не оказываютъ никакого вліянія ни похвалы, ни порицанія. И между рабочими, греки, въ большинствѣ, самые дѣятельные и самые способные. Для управленія дѣломъ, однакожъ, предпочитаютъ армяне, потому что имъ можно смѣлѣе довѣрять и характеръ у нихъ болѣе твердый, чѣмъ у грековъ. И армяне и греки удобные рабочіе для созданія новыхъ производствъ, на что рѣшительно неспособны турки. Въ первые годы развитія фабрикъ въ Бруссѣ, фабриканты, въ случаѣ порчи какой-нибудь части машины, вынуждены были от-

правлять ее для починки въ Константинополь, что, несомнѣнно, влекло за собой потерю времени и денегъ. Теперь-же европейскіе механики, прожившіе нѣсколько времени въ Бруссѣ, приготовили превосходныхъ мѣстныхъ рабочихъ, способныхъ исправить всякую порчу въ машинѣ...

Еврейки, за рѣдкими исключеніями, не работаютъ на шелко-прядильнѣ, но не потому, чтобы онѣ имѣли отвращеніе къ такой работѣ. Имъ почти невозможно работать вмѣстѣ съ работницами другихъ религій; турчанки и христіанки одинаково обращаются съ еврейками презрительно и ругаютъ ихъ безпрестанно. Кромѣ того, въ случаѣ надобности, турчанки охотно работаютъ въ пятницу, а христіанки въ воскресенье; еврейки-же ни за что не соглашались работать въ субботу. Между тѣмъ отказъ евреевъ работать въ субботу можетъ иногда поставить фабрику въ затруднительное положеніе. Еврейскія семейства, лишеныя возможности увеличивать свои средства заработкомъ своихъ женщинъ на фабрикахъ, живутъ бѣднѣе семей турокъ и христіанъ. Въ Бруссѣ большинство евреевъ занимается мелочной торговлей и очень немногими ремеслами, но зарабатываютъ очень мало. Здѣсь существуетъ не болѣе двухъ или трехъ еврейскихъ домовъ, наслаждающихся нѣкоторымъ довольствомъ.

Въ строгомъ смыслѣ слова фабричныхъ рабочихъ въ Турціи очень немного. Живутъ они ни въ какомъ случаѣ не лучше, но скорѣе хуже европейскихъ рабочихъ. Они очень умѣренны въ пищѣ и нетребовательны, поэтому имъ съ грѣхомъ пополамъ хватаетъ на жизнь ихъ ничтожнаго сравнительно съ европейскими рабочими заработка. Большинство-же турецкихъ фабрикъ заказываетъ предметы своего производства штучникамъ, кустарямъ, которымъ платятъ также весьма умѣренную заработную плату.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся люди состоятельные, жизнь которыхъ, однакожъ, нисколько не похожа на жизнь состоятельныхъ классовъ западной Европы. Представляемъ описаніе жизни турецкаго крупнаго собственника:

„Послѣ ужина, говоритъ Перро, — бей сталъ зѣвать во весь ротъ. Онъ качалъ своей головой направо и налево, точно бѣлый медвѣдь въ клеткѣ. Это потому, что онъ выпилъ — я самъ считалъ — 22 рюмки водки. Привыкшій къ такому излишеству, онъ, даже въ опьяненіи, сохранялъ свой разсудокъ; такимъ образомъ

онъ отвѣчалъ очень точно на вопросы, которые я задавалъ ему насчетъ его состоянія, его хозяйственныхъ распоряженій и проч. Но было очевидно, что его утомлялъ разговоръ. Я простился съ нимъ и отправился спать; къ тому-же время уже подходило къ полночи.

„Эта самая значительная личность въ странѣ никогда и не подумала, какъ это всегда бываетъ на Западѣ, что она можетъ и должна приносить какую-нибудь пользу своему округу, что она можетъ занять видное официальное положеніе. Этотъ бей не имѣлъ даже склонности къ военному дѣлу, которая замѣчается у многихъ богатыхъ турокъ, не отличался онъ вкусомъ, не было въ его характерѣ ни одной возвышенной страсти. Всѣ способности свои онъ употреблялъ исключительно на увеличеніе своего богатства. Все свое свободное время онъ посвящалъ самымъ грубымъ удовольствіямъ. Его господствующей страстью были водка и женщины; онъ напивался каждый вечеръ и имѣлъ трехъ женъ. Въ турецкомъ обществѣ, чѣмъ выше поднимается человѣкъ въ социальной іерархіи, тѣмъ ниже опускается его нравственный уровень. Большинство богатыхъ и знатныхъ турокъ ведутъ такую-же жизнь, какъ этотъ бей. Султанъ Абдуль-Меджидъ былъ первый пьяница въ государствѣ. Между бѣдными и людьми занимающими низшее общественное положеніе въ Турціи гораздо чаще, чѣмъ между богатыми встрѣчаются люди благородные, способные на самопожертвованіе и безкорыстіе...“

„Я не встрѣтилъ ни одного истинно просвѣщеннаго турка, продолжаетъ онъ далѣе, — почти ни одного, понимающаго цѣну просвѣщенія; турки не обладаютъ ни малѣйшей дозой любознательности, составляющей силу новѣйшаго общества...“

Но они склонны къ пассивному и созерцательному наслажденію:

„Путешественнику, желающему лучше ознакомиться съ Турціей, необходимо изъ Константинополя проѣхать до Бруссы. Кто не увидитъ Бруссу, тотъ не можетъ ни вполнѣ понять, ни узнать исторію Турціи, колыбелью которой была Брусса, первая столица оттоманской имперіи. Здѣсь на каждомъ шагѣ встрѣчаются воспоминанія о людяхъ, положившихъ основаніе могуществу оттомановъ... Здѣсь оттоманскіе турки изъ дѣтства перешли въ юношескій возрастъ; здѣсь орда превратилась въ націю, глава банды сталъ повелителемъ имперіи. На народы, какъ и на отдѣльныя

личности, значительное влияние оказывает внешняя обстановка; среда, в которой они вырастают, едва заметно, но действует на образование их характера...

„Для таких ленивых созерцателей красота природы, для таких любителей зелени, тени и фонтанов, как оттоманские турки, нельзя найти лучшей столицы, не исключая даже и Константинополя, как Брусса... Константинополь имеет море и свежий ветер, дующий с Босфора; но Брусса лежит на полугоры над великоленивейшей долиной, какую только может представить воображение; вид из нея на окружающие деревни очарователен; богатейшая зелень, обилие быстро бегущих, светлых источников, освещенных чинарами, свежесть, какую дают ей снег и леса Олимпа, делают климат ее здоровым, а жизнь приятною. Турки, как и все вообще номады, кочующие в местностях, обильных прекрасными видами, еще в пастушеском состоянии приобрели страсть к ленивому созерцанию, которая, без сомнения, развилась еще больше в то время, когда они окончательно поселились в Бруссе, изобилующей таким разнообразием красота природы, которое трудно встретить в других местах на таком ограниченном пространстве...“

„Кейфъ нечто больше, чем внешнее бездействие, кажущийся покой. Кейфъ—та изнужденная неподвижность, о которой говорит Гораций, томность, проникающая до глубины души и вселяющая полное забвение. Онъ—спокойное усыпление мысли, при которомъ является полное безучастие къ прошлому, совершенная беззаботность о будущемъ. Человекъ, предающийся ему, съ полужакрытыми глазами видитъ передъ собой приятныя видения. Кейфъ, это—сонъ, въ которомъ не теряется, какъ въ обыкновенномъ снѣ, самосознание; скука и горести обыденной жизни отходятъ куда-то далеко и чувства воспринимаютъ только приятныя впечатления...“

„Для турка такое состояние самое естественное, самое обыкновенное. Европейцу не понятно это наслаждение глубокимъ бездействиемъ, почти паралитичнымъ покоемъ; западный человекъ, только послѣ долгаго пребывания на Востоке, освоившись несколько съ его идеями, начинаетъ находить удовольствіе въ кейфѣ, но никогда не доходитъ до полного ощущенія той сладости, какую испытываетъ турокъ...“

Не поглощаемый ни общественными обязанностями, ни полити-

ческой страстью, ни торговлей, ни промышленностью, турокъ средняго состоянія и общественнаго положенія сосредоточиваетъ свою жизнь въ стѣнахъ своего дома: онъ по преимуществу „отецъ семьи“.

Полигамія распространена въ мусульманскомъ обществѣ, однакожь не въ такой значительной степени, какъ думаютъ европейцы. Люди богатые, и то больше въ провинціальной глуши, дѣйствительно имѣютъ по нѣскольку женъ. Масса-же населенія, обѣдѣющая съ каждымъ днемъ вслѣдствіе постоянно возрастающихъ поборовъ, не можетъ позволять себѣ подобной роскоши. Въ большихъ городахъ между болѣе образованными мусульманами даже вошло въ моду имѣть не болѣе одной жены. Изъ желанія подражать Европѣ, а также и по экономическимъ соображеніямъ, эта мода все болѣе и болѣе распространяется. Наконецъ, сами женщины лучшихъ фамилій въ городахъ, имѣющихъ постоянныя сношенія съ Европою, упрасиваютъ своихъ владыкъ, случается и требуютъ отъ нихъ настоятельно, чтобы они не вводили въ гаремъ имъ соперницъ. Мужъ часто подчиняется такому требованію изъ опасенія, что жена можетъ найти законный поводъ къ разводу и потребовать назадъ свое приданое. Не желая возвращать приданое, мужъ, скрѣпя сердце, отказывается отъ привилегіи, даруемой ему кораномъ. Только въ одномъ случаѣ турокъ не сдается ни на просьбы, ни на угрозы: если жена его бесплодна, онъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ замужества съ нею, непременно возьметъ другую жену въ надеждѣ, что она родитъ ему наслѣдника. Бесплодная жена, впрочемъ, и не посмѣетъ возражать; за нее не вступятся ни родные, ни друзья, потому что на Востокѣ бесплодіе считается стыдомъ и несчастіемъ!

Высшее турецкое общество, чиновники и крупные собственники, бей и паши, погрязаютъ въ постыдномъ порокѣ: изгнаніи плода. Полигамія и дѣтоубійство всегда идутъ рядомъ.

„Я спросилъ у доктора Арно, говоритъ Перро, — часто-ли приглашаютъ его въ гаремъ? „Я могъ-бы появляться тамъ безпрестанно, отвѣчалъ онъ, — еслибъ я соглашался избавлять дамы отъ тягостей беременности и отъ страданій при родахъ, вытравляя плодъ. Выслушавъ сообщеніе о моемъ отказѣ, дамы почти всегда съ досадою говорятъ: „На что-же способенъ френгисъ, если онъ не знаетъ „этого“?“

По отзыву путешественниковъ, турки, при всей ихъ гордости, очень добродушны.

„Подали ужинъ; я пригласилъ своего гостя, имама, садиться. Онъ тотчасъ-же позвалъ своего каваса и погонщика лошадей. Ему и въ голову не могло придти, что европеецъ стѣсняется ужинать за однимъ столомъ вмѣстѣ съ своею прислугою. Равенство здѣсь понимается иначе, чѣмъ у насъ. Нѣтъ страны, гдѣ-бы низшій былъ менѣе обезпеченъ противъ насилій вышлага, чѣмъ въ Турціи, но за то въ ней въ социальныхъ сношеніяхъ несравненно менѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ, чувствуется разница въ общественныхъ положеніяхъ. Здѣсь погонщикъ лошадей ѣстъ за однимъ столомъ съ беємъ и говоритъ ему „ты“. Но если бей не захочетъ заплатить погонщику за взятую у него въ наемъ лошадь, и они пойдутъ къ судѣ для разбирательства ихъ спора, правымъ останется непременно бей, хотя-бы вся совокупность фактовъ говорила въ пользу погонщика.

„Поужинавъ, мы вступили въ разговоръ. Мехмедъ сталъ рассказывать о своихъ кампаніяхъ, т. е. какъ при Бойезидѣ онъ и 9,000 турокъ, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ бросились, бѣжать въ разсыпную отъ русскихъ, которыхъ было всего 3,000 человекъ. Мехмедъ любилъ рассказывать объ этомъ; я самъ слышалъ отъ него этотъ рассказъ три или четыре раза. Онъ говорилъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ будто сообщалъ о своей побѣдѣ. Въ характерѣ турокъ странная смѣсь гордости и добродушія. Замѣчательно, только мнѣ одному не нравился рассказъ Мехмеда, всегда вызывавшій удовольствіе въ средѣ его многочисленныхъ слушателей. Мехмедъ говорилъ имъ, не возбуждая ни въ комъ протеста, что русская армія несравненно лучше турецкой, что русскіе офицеры мужественнѣе турецкихъ и т. п.

„О новомъ султанѣ говорятъ очень мало; задастъ кто-нибудь случайно вопросъ о немъ и то безъ особеннаго любопытства. Здѣшнихъ турокъ интересуеетъ только то, что прямо и непосредственно ихъ касается. Трудно составить себѣ идею о томъ безучастіи, съ какимъ они относятся ко всему, что слыветъ у насъ подъ собирательнымъ именемъ „политика“. Но они съ большимъ интересомъ разспрашивали меня не нашель-ли я кладъ, о которомъ, вѣроятно, можно получить точныя указанія изъ тѣхъ надписей, которыя я старался прочесть на стѣнахъ древней крѣпости. Эти

простые, невѣжественные люди не могли понять, что можно было прѣхать издалека только ради какихъ-то ученыхъ изысканій и заниматься для этого реставраціей старинныхъ надписей. Такое объясненіе имъ казалось просто хитростью, отводомъ глазъ...“

Добродушіе турокъ вполне искренное.

„Греки вѣчно хитрятъ и обманываютъ другъ друга. У турокъ больше братства и искренности... Турки, въ особенности крестьяне, всегда оказывали мнѣ дружескій и безкорыстный пріемъ... Этимъ добродушіемъ отличаются всѣ турки, неиспорченные ложной цивилизаціей... Еслибъ я могъ лучше объясняться по-турецки, я задалъ-бы этимъ добродушнымъ людямъ множество вопросовъ, на которые, навѣрное, получилъ-бы отвѣты настолько обстоятельные, насколько они въ силахъ были дать ихъ. Какъ только они поняли, что я не хочу ихъ обманывать и не желаю пользоваться ихъ простодушіемъ, они стали относиться ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ...“

Турки обладаютъ качествомъ, нынче уже довольно рѣдкимъ въ Европѣ, хотя отсутствіе его не проходитъ для общества безнаказанно: солидарностію. Инженеръ Риттеръ, обстоятельно изучившій Турцію, рассказываетъ о слѣдующемъ случаѣ: разъ онъ присутствовалъ въ качествѣ частнаго зрителя въ богадѣльнѣ при раздачѣ милостыни. Каждый изъ нищихъ получилъ равную порцію. Раздача окончилась и раздаватели уже удалились, какъ подошелъ опоздавшій нищій. Каждый изъ получившихъ свою порцію, тотчасъ-же отдѣлилъ частицу опоздавшему.

Носильщики въ каждомъ кварталѣ составляютъ общество безъ всякаго писаннаго статута; вечеромъ, по возвращеніи съ работы, каждый изъ нихъ кладетъ свой заработокъ въ общую кружку; почти не бываетъ примѣра, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ утаилъ самую ничтожную часть полученной имъ платы за работу.

Солидарность проявляется и въ отношеніяхъ рабочихъ къ своимъ хозяевамъ. Случается нерѣдко, что рабочіе принимаютъ участіе въ барышахъ хозяина.

Вообще турки, имѣя деньги, охотно дѣлятся съ своими товарищами. „Какъ только я отдалъ деньги моему кавасу, рассказываетъ Риттеръ, — къ моему удивленію, его друзья почти поселились у него и стали ѣсть на его счетъ. Я сдѣлалъ ему упрекъ за его непредусмотрительность. Но вскорѣ мнѣ пришлось убѣдиться, что упрекъ мой неоснователенъ. Когда у него не было

денегъ, онъ посылалъ свою жену и дочь на недѣлю, на двѣ, даже на мѣсяцъ къ своимъ стамбульскимъ друзьямъ; ходилъ и самъ обѣдать къ пріятелямъ въ дни, свободные отъ службы. Не рѣдко мнѣ случалось видѣть, что турокъ, имѣющій деньги, давалъ по 40—50 піастровъ соотечественнику, котораго онъ едва зналъ, когда тотъ заявлялъ ему о своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ... Я констатирую эти факты не для того, чтобы связать ими, что мы должны подражать туркамъ; я хочу только показать, что не все дурно у нихъ, хотя все или почти все дѣлается у нихъ иначе, чѣмъ у насъ...“

Могутъ задать намъ такой вопросъ: неужели турки, которыхъ путешественники рисуютъ такими добродушными и простодушными, тѣ самые, которые убивали и побуждали черкесъ убивать несчастныхъ болгаръ?

Конечно, тѣ самые.

III.

Ужасныя звѣрства турокъ въ Болгаріи, вызвавшія негодованіе всей Европы, совершившія поворотъ въ политикѣ Великобританіи и отчасти измѣнившія (по крайней мѣрѣ, по наружности) положеніе восточнаго вопроса, были прежде всего дѣломъ турецкой администраціи. Въ одной изъ предъидущихъ статей мы замѣтили, что турецкіе чиновники составили лигу для эксплуатаціи бѣдной страны. „Это банда грабителей“, сказали мы тогда. И „убійцы“, прибавимъ мы теперь послѣ ужасовъ, совершенныхъ ими въ Болгаріи. Какъ только чиновники перестаютъ быть служителями общества, они становятся паразитами на социальномъ тѣлѣ и самые мелкіе изъ нихъ дѣлаютъ больше вреда, чѣмъ самые крупные, уже потому, что ихъ несравненно больше числомъ. Соціальныи организмъ не можетъ выдержать подобнаго положенія; вотъ гдѣ причина настоящаго разслабленія и будущей гибели Турціи.

Но обратимся къ фактамъ.

„Мусульманское населеніе въ Ангорѣ, какъ и во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ въ Анатолиі, можетъ быть раздѣлено на четыре категоріи, замѣчаетъ Перро:

„1) Чиновники, назначаемые центральной властью, большою

частью пришельцы. Всѣ эти паши, кади, муфти, смотрители вакуфовъ (помѣстій, принадлежащихъ мечетямъ), кіатибы (секретари этихъ высшихъ чиновниковъ) часто переищщаются съ одного мѣста на другое. Ихъ главная забота заключается въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе получить съ своей должности всѣ выгоды, какія она можетъ предоставить; рѣдкій изъ нихъ остается долго въ странѣ имъ управляемой, еще рѣже усаживается въ ней навсегда.

„2) Дѣйствительное вліяніе въ странѣ принадлежитъ богатымъ поземельнымъ собственникамъ, сыновьямъ и племянникамъ тѣхъ маленькихъ мѣстныхъ царьковъ, которыхъ вездѣ старался истреблять султанъ Махмудъ.

„3) У чиновниковъ, какъ и у поземельныхъ собственниковъ, находится масса слугъ, служащихъ безъ жалованья, но десятеро исполняющихъ такое дѣло, которое въ Европѣ легко исполняетъ одинъ человѣкъ. Положеніе этихъ слугъ въ Турціи считается завиднымъ и всегда находится масса желающихъ попасть на открывшуюся вакансію. Все дѣло ихъ заключается въ томъ, что они курятъ трубку, спятъ или предаются празднымъ мечтаніямъ; они получаютъ „бакшишъ“ (наше на-водку) отъ многочисленныхъ посѣтителей, пользующихся гостепріимствомъ ихъ хозяина, и хорошіе подарки, если служатъ, напримѣръ, у паши, отъ лицъ, прибѣгающихъ къ нему съ различными просьбами.

„4) Наконецъ, эснафы, т. е. люди, занимающіеся торговлей или какимъ-нибудь ремесломъ. Мелкіе торговцы и ремесленники обладаютъ, правда, нѣсколько въ меньшей степени, тѣми-же хорошими качествами, какъ и крестьяне: наивной прямою, добродушіемъ и первобытною простотою“.

Самые худшіе люди въ Турціи, безспорно, чиновники. Номады по своему положенію, они разорвали съ тѣми наследственными традиціями, съ тѣми мѣстными обычаями, которые побуждаютъ человѣка заботиться о своей репутаціи въ мѣстности, гдѣ онъ родился и гдѣ живы еще воспоминанія объ его дѣдѣ и отцѣ. Толкаясь около европейцевъ въ Константинополѣ и другихъ прибрежныхъ городахъ, они воспринимаютъ ихъ пороки и присоединяютъ къ тѣмъ, которыя составляютъ принадлежность ихъ расы и усвоены ими воспитаніемъ. Главы состоятельныхъ фамилій, составляющихъ родъ поземельной аристократіи, владѣющихъ массою земли и живущіе въ своихъ помѣстьяхъ, испорчены уже менѣе; между ними,

хотя рѣдко, но приходится встрѣчать людей, сохранившихъ старинныя мусульманскія хорошія качества въ соединеніи съ достоинствами, которыя можетъ вселить только знакомство съ принципами новѣйшаго времени; такъ, они отличаются любознательностію и терпимостію, чего между турками прежде не замѣчалось. Но большинство представителей этого класса, въ особенности живущіе въ городахъ, уже испорчены. Они подражаютъ чиновникамъ и помогаютъ имъ въ ихъ злоупотребленіяхъ властью. Чиновники, незнакомые съ страной, незнающіе въ силу какихъ предразсудковъ легче дѣйствовать на населеніе, прибѣгаютъ къ мѣстнымъ поземельнымъ собственникамъ, хорошо знающимъ слабую сторону деревенскаго населенія, знающихъ, сколько можно взять съ cadaго крестьянина. Такой собственникъ часто самъ вмѣсто чиновника собираетъ подати съ крестьянъ и въ такомъ случаѣ дѣйствуетъ съ такой грубостію, къ какой, можетъ быть, и не рѣшился-бы прибѣгнуть чиновникъ.

У такихъ господъ, понятно, и слуги не могутъ быть хорошими; они стараются во всемъ подражать господамъ; жадность и вымогательство ихъ иногда переходятъ всякую мѣру. Такъ-какъ дѣло идетъ здѣсь о господахъ мусульманахъ, то я имѣю въ виду слугъ тоже мусульманъ. Къ ихъ характеристикѣ слѣдуетъ прибавить только, что они отличаются большой преданностію къ своему господину, отъ котораго могутъ отойти во всякое время, когда имъ заблагоразсудится.

Странное явленіе представляетъ общество, въ которомъ нравственный уровень понижается, восходя отъ низшихъ классовъ къ высшимъ. Эту важную аномалію, можетъ быть, не совсѣмъ легко объяснить, но она рѣзко выдается въ глаза всякому внимательному наблюдателю. Кажется, что природа этой расы, ея историческія традиціи, привычки, оставшіяся почти неподвижными втеченіи нѣсколькихъ вѣковъ, препятствуютъ ей переступить границы патріархальной и воинственной жизни, усвоить — въ нравственномъ отношеніи, европейскія идеи, въ политическомъ организацію обширной монархіи, типомъ которой служитъ римская имперія, — типомъ, конечно, развитымъ теперь сообразно новымъ требованіямъ и условіямъ. Едва-ли найдется десятокъ-другой турокъ, снувшихъ извлечь дѣйствительную пользу для себя изъ сношеній съ европейцами. Что касается жизненности турецкой имперіи, вѣр-

нѣе, что она скорѣе уменьшилась, чѣмъ увеличилась отъ реформъ Махмуда, неловко скопированныхъ съ европейскихъ, еще нелѣпѣе примѣненныхъ на практикѣ. Вводя ихъ, реформаторъ считалъ излишнимъ сообразоваться хотя нѣсколько съ характеромъ и обычаями народа. Между тѣмъ, опытъ показалъ, что турокъ, отказываясь отъ условій и характера своего почти первобытнаго существованія, отказываясь отъ своей наивной вѣры и своихъ традиціонныхъ нравовъ, не усваиваетъ себѣ высшей культуры и, вмѣстѣ утраченныхъ имъ хорошихъ качествъ, приобретаетъ только порчу и становится даже болѣе невѣжественнымъ, чѣмъ былъ. Турокъ можно сравнить съ медленно-развивающимися дѣтьми, которыхъ можно умирить, рано отнявъ отъ груди; имъ необходимо для здоровья молоко кормилицы, а не мясо и хлѣбъ, составляющіе настоящую пищу для болѣе развитыхъ ребятъ.

Турецкое чиновничество живетъ беззащитными поборами съ населенія; взяточничество до такой степени развито въ Турціи, что къ нему вполне примѣнимъ эпитетъ „дневной грабежъ“. Берутъ всѣ чиновники безъ исключенія, и высшій никогда не укорить низшаго грабежемъ — это неприлично съ профессиональной точки зрѣнія. Эти злоупотребленія и составляютъ главную болѣзнь турецкаго государства, которая приведетъ его къ окончательной гибели. Въ странѣ, гдѣ существуетъ сила общественнаго мнѣнія, гдѣ есть гласность, для излеченія болѣзни можно-бы найти соответствующее лекарство, но въ Турціи, управляемой азіатскимъ деспотизмомъ, болѣзнь стала настолько сильною, что, пожалуй, уже никакое лекарство не поможетъ.

„Я знаю всѣхъ этихъ мудировъ, каймакановъ и пашей, говорилъ Мехмедъ Перро, — знаю всѣ штуки, какія они выкидываютъ. — „Да, ты долго служилъ у паши. Хорошо „лѣ“ („ѣсть“ на турецкомъ чиновничьемъ жаргонѣ значитъ „братъ взятки“) твой паша?“ спросилъ я. — Конечно! безъ этого, развѣ-бы онъ могъ жить, а также усидѣть на мѣстѣ. — „А вы, запѣи, дѣлали тоже самое. И ты, вѣрно, „поѣлъ“ не дурно?“ — Еще-бы, развѣ я не турокъ“.

„Ангорскій паша, веселаго сообщительнаго характера, почти совершенно освободившій себя отъ предразсудковъ расы и религіи, имѣетъ только одну страсть: приобрести денегъ какъ можно больше. Онъ шесть лѣтъ сидитъ на этомъ мѣстѣ, что состав-

ляетъ большую рѣдкость въ Турціи, гдѣ пашей мѣняють каждыя два-три года. Онъ боится перевода въ другое мѣсто, даже если-бъ его повысили. Онъ получаетъ 1,200 франковъ въ мѣсяць отъ правительства, но утраиваетъ и даже почти учетверяетъ свое содержаніе различными поборами съ населенія, что производитъ при содѣйствіи епископовъ: православнаго, греческаго и армяно-католическаго, которые усердно помогаютъ ему, а онъ за это не особенно притѣсняетъ христіанъ...

„Всѣ подчиненные ему чиновники идутъ по его стопамъ; они также обирають христіанъ, однакожь, не безпощадно, во-первыхъ, потому, что паша запрещаетъ имъ это по соглашенію съ епископами, а во-вторыхъ, они знаютъ, что съ окончательно-разоренныхъ трудно будетъ получить что-нибудь на слѣдующій годъ.

„Послѣ наши вліятельнѣйшій человекъ въ Ангорѣ, безспорно католикъ Гаванъ-Оглу; его считаютъ первымъ богачомъ не только между армянами въ Ангорѣ, но и во всей Малой Азіи. Онъ отлично обираетъ своихъ соплеменниковъ; это кулакъ въ самомъ крайнемъ значеніи этого слова. Съ перваго взгляда онъ кажется человекомъ смиреннымъ, низко кланяется каждому чиновнику, но онъ знаетъ свою силу; знаетъ, что паша и беи нуждаются въ его деньгахъ и боятся его вражды. Онъ, несравненно болѣе, чѣмъ епископы, способствуетъ тому, что ангорскія власти меньше притѣсняютъ христіанъ, чѣмъ прежде, но за это беретъ съ христіанъ порядочную подать. Однакожь, не надо думать, что христіанамъ живется здѣсь хорошо; имъ нѣсколько лучше, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ, но остается желать еще очень многого; о политическомъ и гражданскомъ равенствѣ съ турками не можетъ быть и рѣчи; они все-таки остаются раями, т. е. стоящими внѣ закона, и если ихъ шадятъ, то не въ силу справедливости, а по чисто-случайнымъ причинамъ“.

Вотъ два интересные образчика резолюцій пашы на жалобы, принесенные ему людьми, обобранными до чиста грабителями:

„Двѣнадцать турокъ были ограблены курдами, которые раздѣли ихъ буежливо до рубашки. Они пожаловались пашѣ. — „Что-же я могу сдѣлать для васъ!“ отвѣчалъ паша, пожимая плечами, и былъ правъ: турецкій паша самъ можетъ грабить сколько ему будетъ угодно, но не въ силахъ принять никакихъ мѣръ противъ грабителей, кто-бы они ни были.

„Въ другой разъ пришли къ нему съ жалобой жители Цезареи, ограбленные на дорогѣ. — „Знаете вы тѣхъ, кто васъ ограбилъ?“ спросилъ важно паша. — Какъ-же мы можемъ знать ихъ, мы не здѣшніе, къ тому-же они скрутили насъ веревками и завязали намъ глаза. — „Если вы не знаете ихъ, то какъ-же вы хотите, чтобы я узналъ ихъ?“ очень серьезно рѣшилъ сановникъ“.

Турки сильно жалуются на тяжесть конскрипціи.

— „Сколько лѣтъ остаетесь вы на службѣ?“ спросилъ Перро. — „Семь лѣтъ слѣдуетъ по положенію, но...“ кавась запнулся и затѣмъ разсказалъ слѣдующій случай: одинъ солдатъ служилъ 12 лѣтъ, почти не получая жалованья, и не могъ добиться слѣдующаго ему давно безерочнаго отпуска. Отецъ этого горемычнаго пришелъ въ Константинополь и бросилъ просьбу въ коляску султана. Падишахъ прочелъ ее и приказалъ немедленно отпустить солдата, вознаградивъ его за лишнюю службу и выдавъ недоданное жалованье за прежнее время. Что-же сдѣлалъ военный министръ, Риза-паша? Онъ велѣлъ отпороть солдата по пятамъ и засадить его въ тюрьму. Жаловаться во второй разъ султану было невозможно, „потому что, прибавилъ кавась, — бѣдному солдатику, пожалуй, за это отрубил-бы голову“.

Въ одной изъ предыдущихъ нашихъ хроникъ („Дѣло“, 1876 г., № 6) мы доказали, на основаніи заслуживающихъ полнаго довѣрія корреспонденцій, что голодъ въ Анатолиі, въ 1874 году, произошелъ болѣе всего не винѣ мѣстной администраціи, принявшей самыя пагубныя мѣры для его пресѣченія. По словамъ и-ра Фарнсуорта, посѣтившаго въ это время Анатолию, центръ провинціи былъ почти совершенно опустошенъ. Жители городовъ и деревень разбѣжались въ другія провинціи, гдѣ голодъ не свирѣствовалъ, стада гибли, промышленность и торговля остановились; многіе разбিরали свои дома, рассчитывая продажей дерева и желѣза выручить сколько-нибудь денегъ на дневное пропитаніе. Когда наступила весна 1875 года, всѣ запасы хлѣба были уже съѣдены, рабочій скотъ подвергся той-же участи. Засѣяна была едва пятая часть обычной годовой пропорціи. Этотъ ограниченный посѣвъ далъ урожай ниже средняго; виноградники и фруктовыя деревья сильно пострадали отъ града, обильно падавшаго лѣтомъ. 150,000 несчастныхъ погибло во время зимы 1874—1875 года; вѣроятно, погибло не мало народа и въ зиму 1875 — 1876 года отъ

нужды и болѣзней, всегда слѣдующихъ за голоднымъ годомъ, но точная цифра ихъ неизвѣстна. Продолжительное бѣдствіе деморализировало населеніе. Въ Анатоли, населенной честнымъ и трудолюбивымъ народомъ, начались грабежи въ значительныхъ размѣрахъ, когда прежде о нихъ тамъ не было и помину. Администрація совершенно безсильна принять какія-нибудь мѣры противъ зла, все болѣе и болѣе распространяющагося.

Возвратимся къ описанію Анатоли до настоящей войны и остановимся на ея промышленности. Въ былое время славились ея шелковыя матеріи. А теперь?

„Шелковая промышленность въ Бруссѣ, говоритъ Перро, — въ прежнее время занимавшая тысячи рукъ, до того упала, что скоро о ней останется одно воспоминаніе. Теперь въ Бруссѣ ткуть только прозрачную матерію, родъ шелковой кисеи, для рубахъ, которыя носятъ лодочники на Босфорѣ, и для шарфовъ, а также полосатые матеріи, извѣстныя въ торговлѣ подъ именемъ „брусскихъ“. Производство послѣднихъ, однакожъ, постоянно уменьшается; ихъ рисунокъ уже подражаютъ въ Европѣ, преимущественно въ Швейцаріи, и эти европейскія матеріи въ огромномъ количествѣ на рынкахъ на Востокѣ и вытѣсняють брусскія. Онѣ, можетъ быть, ниже достоинствомъ своихъ соперницъ, но продаются дешевле, несмотря на стоимость провоза и таможенную пошлину, почему охотнѣе покупаются даже въ самой Бруссѣ. Число брусскихъ производителей этихъ матерій быстро уменьшается съ каждымъ годомъ; могутъ-ли эти представители кустарной промышленности соперничать съ могуществомъ европейскихъ капиталовъ и машинъ? Теперь болѣе трехъ четвертей шелковыхъ и шелко-бумажныхъ матерій, продающихся въ лавкахъ Бруссы, европейской, а не туземной фабрикаціи. Между тѣмъ, по свидѣтельству давнишняго путешественника доктора Белона, тысячи верблюдовъ привозили изъ всей Анатоли и Сиріи въ Бруссу шелкъ, который здѣсь очищался, разматывался и ткался, а потомъ, въ видѣ готовыхъ матерій, развозился по всей турецкой имперіи и за-границы ея. Теперь-же въ Бруссу привозятъ еще коконы, но не для ея фабрикъ, а для отправки въ Европу“.

Не въ лучшемъ положеніи находится и суконное производство.

„Я поселился въ домѣ у суконнаго фабриканта. „Прежде я былъ въ числѣ самыхъ богатыхъ и почетныхъ людей въ нашемъ городѣ, жаловался онъ; — а теперь я бѣднякъ; прежде я былъ своимъ человѣкомъ у паши, а теперь не смѣю разговаривать съ самымъ мелкимъ чиновникомъ“. Онъ сильно сожалѣлъ о блаженныхъ временахъ при султанѣ Селимѣ, когда всѣмъ жило хорошо, денегъ было много въ странѣ и суконныя фабрики процвѣтали. Дѣло въ томъ, что и суконное производство въ Турціи не въ силахъ было выдержать конкуренцію съ европейскими суконными фабриками и уменьшилось почти въ той-же пропорціи, какъ и шелковое. Производитель суконъ въ Турціи оказался столь-же безсильнымъ соперничать съ европейскими капиталами и машинами, какъ и производитель шелковыхъ матерій: европейскіе фабрики вытѣснили туземныя, какъ болѣе дорогіе.

IV.

Какой-же плодъ далъ танзиматъ? Какіе результаты получились отъ реформъ, начатыхъ султаномъ Махмудомъ и продолжаемыхъ его преемниками Абдуль-Меджидомъ и Абдуль-Азисомъ, — реформъ, отъ осуществленія которыхъ ожидали спасенія Турціи?

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти реформы сами по себѣ были не особенно высокаго достоинства, а также и въ томъ, что самое искреннее и точное примѣненіе ихъ не спасло-бы Турціи. Но могли-ли искренно примѣнять ихъ люди, для которыхъ лично реформы не только не приносили никакой пользы, но даже шли въ ущербъ ихъ интересамъ? Турціи дали новые законы: военные, торговые и уголовные, основанные не на коранѣ и его комментаріяхъ, а на выводахъ, полученныхъ европейскою наукою, — законы хорошіе, но примѣненіе ихъ поручили испорченнымъ нравственно чиновникамъ. Къ тому-же султаны, издававшіе эти законы, сами первые ихъ нарушали. Что-же удивительнаго, если паши и подчиненные имъ чиновники поступали по примѣру султана!

Однакожь, нельзя сказать, что-бы Турція, вакою оставилъ ее Абдуль-Азисъ, была-бы совершенно одинакова съ старой Турціей до

Махмуда. Въ общемъ дѣйствіе реформъ незамѣтно, но въ частности онѣ кое-что измѣнили. Путешествовать по Турціи стало почти совершенно безопасно; торговля и промышленность получили гарантіи, обезпечивающія ихъ правильное существованіе; самое угнетеніе христіанъ нѣсколько ослабѣло; случаи примѣненія смертной казни со времени Абдуль-Меджида стали гораздо рѣже, такъ-какъ для совершенія ея требовалось утвержденія самимъ султаномъ смертнаго приговора. Конечно, эти измѣненія слишкомъ ничтожны; но, во всякомъ случаѣ, онѣ показываютъ, что если-бъ реформы вводились разумно, онѣ могли-бы дать хорошіе результаты. Турецкій народъ не хуже и не лучше другихъ народовъ; въ немъ, правда, много невѣжества, въ немъ легко возбудить религіозный фанатизмъ, но не мало и симпатичныхъ чертъ характера. Бѣда Турціи въ томъ, что администрація ея никуда не годится, что ея правительственная система основана исключительно на коранѣ. Но объ этомъ послѣ, теперь обратимся къ фактамъ, подтверждающимъ, что реформы произвели нѣкоторыя замѣтныя измѣненія.

„Сорокъ лѣтъ тому назадъ, говорилъ мнѣ старый Гуссейнъ-ага, пишетъ Перро, — вы не могли-бы ходить такъ свободно вездѣ, какъ теперь ходите. Тогда во всѣхъ норахъ сидѣли бей, непризнававшіе никакихъ законовъ, неподчинявшіеся никакому фирману. Владѣлецъ этого разрушеннаго кіоска, за нѣсколько лѣтъ до реформы, убилъ сорокъ нашихъ крестьянъ, которые ему ничего не сдѣлали: они просто ему не нравились.

„Въ маленькихъ городахъ, гдѣ нѣтъ европейскихъ консуловъ, турки-чиновники и до сихъ поръ еще притѣсняють грековъ. Положеніе послѣднихъ несравненно лучшее въ деревняхъ. Вчера я разговаривалъ съ крестьянами деревни Іеникери, лежащей у подножія горъ въ самомъ началѣ равнины. Первые поселенцы пришли въ 1794 году, но успѣлись не здѣсь, а въ глубинѣ горъ. Я засталъ въ живыхъ старуху, которая, ребенкомъ, пришла сюда съ первыми переселенцами. Они были румелиоты, изгнанные изъ деревни турками. Она поселилась въ горахъ, въ такой пустынѣ, гдѣ трудно было отыскать ихъ и первое время существовали поденной работой. Никто не завидовалъ ихъ тощей песчаной почвѣ и они жили спокойно. Послѣ реформы они спустились съ горъ, заняли земли на равнинѣ, развели виноградники и пользуются

теперь значительнымъ благосостояніемъ, самые дома перенесли внизъ. Я спросилъ, тревожатъ-ли ихъ турки? „У насъ всегда на-готовѣ заряженныя ружья и мы спимъ съ запертыми дверями“... „Двадцать лѣтъ тому назадъ, замѣтилъ мой проводникъ, — они не осмѣлились-бы работать въ равнинѣ; въ то время турокъ говорилъ: „все равно убить курицу или христіанина“.

„Я былъ въ Нивеѣ въ то время, какъ туда пришелъ отрядъ солдатъ человекъ въ тысячу, проходомъ въ Константинополь. Здѣсь была назначена имъ дневка. Въ прежнее время они непременно бросились-бы грабить жителей, нынче все обошлось благополучно. Правда, городъ долженъ былъ на свой счетъ накормить непрошенныхъ гостей, такъ-какъ правительство не отпускаетъ имъ никакой провизіи. По уходѣ солдатъ, я спросилъ своего хозяина, грека, много-ли бѣдъ жителямъ надѣлали солдаты? „Мы не можемъ на нихъ пожаловаться, они вели себя смиренно; въ прежнее время бывало иначе: турецкіе солдаты на-долго оставляли по себѣ память, грабили и безчинствовали безпрепятственно“. Съ разныхъ сторонъ мнѣ приходилось слышать, что оскорбленія и насилия противъ личности значительно уменьшились; раса побѣдителей поступаетъ менѣ жестоко и безчеловѣчно съ побѣжденными расами, неравенство между ними существуетъ по-прежнему, но оно не такъ уже возмутительно.

„Гатти-гумавъ даетъ право христіанину свидѣтельствовать на судѣ, — право которымъ онъ прежде не пользовался. Правда, присяга мусульманина считается важнѣе присяги христіанина на евангеліи, но все-таки судъ обязанъ принимать во вниманіе показаніе христіанина. Правда и теперь еще нѣсколько негодаевъ-мусульманъ, соединившись, могутъ, давъ ложное показаніе на судѣ, отнять у райи его имущество; однакожь, съ той поры, какъ христіане допускаются къ свидѣтельству на судѣ, такіе случаи стали рѣже и имъ подвергаются только христіане бѣдняки; состоятельные-же христіане всегда могутъ нанять столько свидѣтелей турокъ, не говоря уже о христіанахъ, которые охотно идутъ свидѣтельствовать за своего, что имъ не представится особеннаго труда выиграть дѣло, въ особенности, если они дадутъ взятку судѣ... Я спросилъ у одного европейца, жившаго въ Бруссеѣ уже 10 лѣтъ, есть-ли въ Турціи, въ видѣ рѣдкаго исключенія, хоть одинъ честный судья? „Клясться не стану, что такого нѣтъ, отвѣчалъ

онъ,—но могу сказать утвердительно, что самъ я не видалъ ни одного“.

Послѣ введенія реформъ, мусульмане стали жаловаться, что христіанамъ дано много привилегій, что высшіе чиновники ставались съ богатыми христіанами, число и значеніе которыхъ постоянно усиливается въ Константинополѣ и даже въ отдаленныхъ провинціяхъ. Мусульмане требуютъ, чтобы христіане раздѣлили съ ними привилегію военной службы, чего правительство, опасаящееся христіанъ, допустить не можетъ. Турецкая администрація притѣсняетъ и грабитъ мусульманъ не менѣе, чѣмъ христіанъ, которые, благодаря своему трудолюбію и большимъ, чѣмъ у турокъ, способностямъ, легче переносятъ тяготѣющіе надъ ними чиновничьи поборы. Мусульмане обвиняютъ своихъ пашей въ сообщничествѣ со всѣми грабителями и въ томъ, что они продаютъ правосудіе христіанамъ; обвиняютъ султана, великаго визира и министровъ, что они готовы предать Турцію то Англіи, то Россіи, то Австріи, смотря по-тому, которая изъ нихъ оказываетъ большее вліяніе въ данный моментъ. Эти жалобы доказываютъ только, что страна находится въ разложеніи и трудно найти средство, которое помогло-бы ей выйти изъ ея паралитического состоянія.

Намъ слова приходится возвратиться къ вопросу, не разъ уже затронутому въ прежнихъ нашихъ статьяхъ. Еще недавно, въ очеркѣ жизни Абдуль-Ависа, мы сказали, что главнѣйшая причина, недопускающая развитія Турціи и ведущая ее къ гибели, заключается въ томъ, что султанъ—виѣстѣ и калифъ, т. е. первосвященникъ, нѣчто въ родѣ католическаго римскаго папы. Турція организована на принципѣ религіозномъ, а не на гражданскомъ и политическомъ. Она вѣрится въ свой коранъ, въ свой исламъ, въ своего пророка и въ своего калифа. Естественнымъ послѣдствіемъ такой организаціи турецкаго государства является легкость возбужденія мусульманскаго религіознаго фанатизма, ведущаго за собой возмутительное угнетеніе иновѣрцевъ. Всѣ путешественники, трудами которыхъ мы теперь пользуемся, согласны въ томъ, что въ этой организаціи турецкаго государства заключается одна изъ главныхъ причинъ его разложенія:

„Единственное средство для Турціи получить возможность дальнѣйшаго развитія, говорить одинъ изъ нихъ, — заключается въ немедленномъ отдѣленіи церкви отъ государства, или, по крайней мѣрѣ, дать преобладаніе политическому и гражданскому порядку“.

То-же самое почти буквально повторяютъ и другіе путешественники.

Въ Турціи простое тѣло, органической молекулы, если можно такъ выразиться, составляетъ не община, какъ на Западѣ, а приходъ. Въ городѣ, населенномъ одной расой, однимъ исповѣданіемъ, напримѣръ, гдѣ все населеніе или турецкое, или греческое, приходъ и община смѣшиваются между собою, такъ-что розни никакой не замѣчается. Но какъ только городъ населятъ двумя и болѣе исповѣданіями, начинаются взаимныя обвиненія, возникаетъ антагонизмъ. Сильный въ какой-нибудь деревушкѣ, антагонизмъ этотъ еще болѣе усиливается, когда расы и исповѣданія приходятъ въ столкновеніе въ коллективномъ дѣлѣ всей страны. Если въ Турціи невозможно муниципальное единство, то странно толковать о единствѣ націи. Турція никогда не была націей; она была и остается искусственнымъ соединеніемъ нѣсколькихъ націй и вѣроисповѣданій подъ одной центральной властью, — соединеніемъ, при которомъ одна раса безусловно господствуетъ надъ другими, и организовала свое государственное устройство на религіозномъ принципѣ, слѣдовательно, не имѣетъ никакой политической организаціи и ее нельзя назвать государствомъ.

„Не уничтоживъ значенія прихода, Турція не можетъ создать и организовать общины“, говоритъ Перро.

Но спрашивается, пожелаетъ-ли самъ приходъ преобразоваться въ общину? Согласится-ли на такое преобразование турецкій приходъ? Согласится-ли на него христіанскій? Послушаемъ, что говорятъ путешественники:

„Вечеромъ я завелъ разговоръ съ священниками объ обширной власти, которую обстоятельства и обычай, а также презрительная небрежность мусульманъ, утвердили за греческимъ духовенствомъ... Греческое духовенство никогда не принимало въ расчетъ турецкаго закона, который, будучи закономъ религіознымъ, а не гражданскимъ, въ настоящемъ значеніи этого слова, не могъ примѣняться во взаимныхъ отношеніяхъ между людьми, непризнающими

вѣрованія, на которыхъ онъ основанъ. Греческіе епископы продолжаютъ судить на основаніи древняго римскаго права, на основаніи законовъ, данныхъ греческими императорами, точно будто они и до сихъ поръ царствуютъ въ новомъ Римѣ...“

Турція никогда не была государствомъ въ настоящемъ смыслѣ; она не составляетъ политической индивидуальности съ яснымъ сознаниемъ своего существованія, а только склейку различныхъ индивидуальностей. Ее нельзя причислить къ разряду позвоночныхъ животныхъ, а скорѣе къ животно-растенію, на туловищѣ котораго прикрѣпилось нѣсколько организмовъ, которыхъ, въ сущности, нельзя считать независимыми, но они рождаются, живутъ и умираютъ каждый отдѣльно отъ своего сосѣда.

Въ Турціи давно уже происходитъ естественное разложеніе: турецкое племя мало-по-малу вымираетъ. По свидѣтельству Фаридея, убыль въ населеніи, принадлежащемъ къ турецкому племени настолько значительная, что ее легко прослѣдить въ какія-нибудь двадцать лѣтъ и, что важнѣе всего, убыль эта прогрессивно возрастаетъ. Производительность въ турецкомъ племени ослабляется съ каждымъ послѣдующимъ поколѣніемъ. Кромѣ частныхъ причинъ, — полигаміи и плодоизгнанія, — на уменьшеніе этой производительности оказываетъ значительное вліяніе общій законъ, по которому нація, остановившаяся въ своемъ развитіи, должна непремѣнно вымирать; въ природѣ нѣтъ неподвижнаго состоянія: гдѣ нѣтъ прогресса, непремѣнно является регрессъ. Однакожь, Турція существуетъ до сихъ поръ, слѣдовательно, имѣются убѣдительныя причины для ея существованія, хотя часто приходится слышать, что „умирающій выказываетъ изумительную жизненность“. Въ дѣйствительности нѣтъ этой жизненности и не въ самой себѣ находитъ Турція силы для своего существованія, по крайней мѣрѣ, для продолжительнаго, потому что правительство, способное не только допустить, но и одобрять возмутительныя звѣрства, совершенныя въ Болгаріи, уже этимъ самымъ доказываетъ, что оно недостойно жить. Если-бъ дѣло шло только о мусульманскомъ населеніи, блистательная Порта была-бы давно низвержена. Каждому извѣстно, хотя объ этомъ часто забываютъ, что ее поддерживаетъ внѣ — соперничество европейскихъ христіанскихъ державъ, а внутри — вражда различныхъ христіанскихъ исповѣданій. Турція станетъ влачить свое существованіе до тѣхъ поръ, пока христіане будутъ враждовать между собою. Рѣшитель-

ное доказательство этому представляет политика папы, который открыто симпатизирует султану, преемнику лже-пророка, как-вышъ именешъ св. отецъ постоянно честить Магомета. Въ Турціи католики ненавидятъ исповѣдниковъ греческой церкви больше, чѣмъ мусульманъ. Христіане не любятъ правовѣрныхъ послѣдователей Магомета, но каждое изъ христіанскихъ исповѣданій всѣми силами своей души ненавидитъ свою сестру и соперницу. Что касается евреевъ, они держатся тихо, но если требуютъ у нихъ отвѣта, какую изъ сторонъ они предпочитаютъ, они говорятъ, что, выбирая изъ двухъ золь лучшее, они отдають преимущество туркамъ, которыхъ опасаются менѣе, чѣмъ христіанъ. И дѣйствительно, ихъ опасенія справедливы, если вспомнить о томъ, что происходитъ въ день пасхи у Гроба Господня. Ни одинъ годъ не обходится безъ ссоръ между христіанами различныхъ исповѣданій и безъ нанесенія оскорбленій евреямъ и, если-бъ не вмѣшательство турокъ, являющихся примирителями, дѣло каждый разъ могло-бы доходить до кровавой развязки. Этой-то враждой христіанъ между собой и объясняется необъяснимая съ перваго взгляда аномалія, что турки упрямо существуютъ, хотя жизненная сила, повидимому, уже давно ими утрачена. Христіане ее поддерживаютъ и даютъ ей искусственную жизнь.

„Всѣ райи, говоритъ Перро, — за исключеніемъ просвѣщенныхъ умовъ, питающихъ честолюбивныя надежды, греки, армяне, валахи, живущіе на Пиндѣ, болгары, халдеи, іезиды; католики и послѣдователи греческой церкви, безъ особенныхъ усилій, повинуются туркамъ, потому что это вошло въ послѣдственный обычай и еще болѣе потому, что они могутъ считать себя совершенно равными предъ однимъ владыкой, занимающимъ то первенствующее положеніе, котораго ни одна изъ соперничающихъ расъ, ни одно изъ исповѣданій не согласится уступить безъ боя своей соперницѣ... Онѣ ненавидятъ одна другую и ни одна изъ нихъ не захочетъ отойти на второй планъ въ тотъ моментъ, когда первое мѣсто будетъ утрачено турками“.

Но отрицательныхъ причинъ еще недостаточно для того, чтобы государство продолжало существовать долгое время послѣ того, какъ исчезъ въ немъ жизненный принципъ и оно поддерживаетъ свою жизнь чисто искусственно.

Турція обезсилена азіатскимъ деспотизмомъ, разорена чинов-

ничьимъ грабежемъ. Съ ней обращаются, какъ съ ея принцами, которыхъ замуравываютъ, изъ опасенія ихъ честолюбивыхъ замысловъ, на все время лучшей части ихъ жизни въ гаремъ, гдѣ они впадаютъ въ умственное и физическое безсиліе и дѣлаются неспособными ни на какое дѣло. И вдругъ такой расслабленный, послѣ смерти брата, случайно восходитъ на престолъ... Такъ случилось съ несчастнымъ Мурадомъ, котораго силою вытащили изъ его тюрьмы и, приставивъ пистолеть ко лбу, заставили взойти на тронъ. Ему, расслабленному, почти потерявшему разсудокъ, сказали: „Управляй, дѣйствуй, рѣшай, думай, избирай, избобрѣтай, маневрируй между соперничающею дипломатіею Россіи и Англіи, Пруссіи и Австріи; усмирай возстанія, веди войну, садись на боевого коня, препояшься саблей Магомета и покажи свое могущество!“

Изъ многихъ симптомовъ, пагубныхъ для Турціи самымъ знаменательнымъ мы считаемъ ея фаталистическую покорность, ея хроническое отчаяніе, изъ котораго она выходитъ только временами, ея полнѣйшее разочарованіе. Больные, имѣющіе предчувствіе своего близкаго конца, никогда не живутъ долго. Можно-ли надѣяться чего-нибудь отъ человѣка, потерявшаго вѣру въ самого себя.

У насъ подъ руками много интересныхъ описаній очевидцевъ, бывшихъ въ Турціи послѣ такихъ событій, которыя обыкновенно вызываютъ скорѣе самоубійствіе, чѣмъ упадокъ духа: послѣ крымской войны, когда шли официальные торжества по поводу счастливаго окончанія войны и вначалѣ царствованія Абдуль-Азиса, возбудившаго много надеждъ, и между тѣмъ они встрѣчали въ мусульманахъ не удовольствіе, не надежды, а полное отчаяніе и увѣренность въ своей гибели.

„Виѣстѣ съ моимъ вѣрнымъ кавасомъ Мехмедомъ-агой, мы часто заводили разговоръ о восшествіи на престолъ Абдуль-Азиса. Христіане громко восхваляли новаго султана, но тихомолкомъ говорили, что опасаются его ретроградныхъ стремленій, что будто онъ желаетъ уничтожить танзиматъ, возвратиться къ до-реформенному времени и возстановить корпусъ янычаровъ. Мусульмане были далеки отъ энтузіазма, напротивъ, они высказывали сомнѣнія и выказывали безпокойство. Я разговорился съ Мехмедомъ-агой объ этихъ сомнѣніяхъ и пожелалъ узнать его мнѣніе. Меня по-

разилъ его отвѣтъ, полный горечи и грусти. Онъ не радовался и ни на что хорошее не надѣялся, но не потому, однакожь, чтобъ онъ особенно любилъ Абдуль-Меджида, — „покойный султанъ, говорилъ онъ, — зналъ только пить раки (водку) и дѣлать дѣтей“, — и не потому, наконецъ, чтобы онъ думалъ дурно объ Абдуль-Азисѣ. Въ качествѣ заплѣ, онъ имѣлъ случай сопровождать Азисъ-Эфенди (какъ называли Абдуль-Азиса, когда онъ былъ еще принцемъ) и былъ пораженъ его осанкой и достоинствомъ. „Да продолжалъ онъ, — послѣ смерти Амурата, покорителя Багдада, всякій новый султанъ всегда былъ хуже своего предшественника. Тѣ, кому извѣстно будущее, увѣряютъ, что новый султанъ будетъ царствовать со славой втеченіи семи лѣтъ, а потомъ наступятъ страшныя несчастія и послѣдуетъ катастрофа. Время отомановъ сочтено, говорятъ наши книги“.

„Я сказалъ моему кавасу о проектахъ реформъ, приписываемыхъ Абдуль-Азису и выразилъ надежду, что дѣла теперь пойдутъ лучше, читаемъ мы въ книгѣ Риттера. — „Если ты посадишь давно уже высохшую вѣтку въ землю и, часто поливая ее, выльешь нѣсколько бочекъ воды, какъ ты думаешь, примется она и дастъ листья?“ — Конечно, нѣтъ, отвѣчалъ я. — „Такова и наша имперія; можно-ли ожидать отъ нея какаго-нибудь улучшенія“.

„Въ Ангорѣ, говоритъ Перро, одинъ турокъ предсказывалъ, и ему охотно вѣрили, что Абдуль-Азисъ будетъ послѣднимъ султаномъ. Затѣмъ одни увѣряли, что Турціи осталось жить всего три года, другіе — семь. „Въ нашихъ книгахъ, говорили предвѣщатели, — сказано, что придетъ день, когда каждый изъ обитателей имперіи, не имѣя возможности жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ проживалъ до сихъ поръ, захочетъ переселиться въ другое мѣсто, надѣясь найти тамъ лучшей пріютъ. И вотъ, положимъ, изъ Ангоры тронутся семь переселенцевъ въ Цезарею; по дорогѣ они встрѣтятся съ переселенцами изъ Цезареи въ Ангору; разговаривая между собой и узнаютъ, что въ обоихъ городахъ одинаково худо. И пойдутъ они искать третьяго города и найдутъ, что тамъ еще хуже. И будутъ такимъ образомъ правовѣрные блуждать, отыскивая мѣста, гдѣ жить можно, — будутъ блуждать они, несчастные, точно овцы безъ пастыря, а нищета станетъ все увеличиваться и увеличиваться.“

„Христіане вѣрятъ въ разложеніе турецкаго государства и въ

скорую его гибель, но, конечно, говорят объ этомъ инымъ тономъ, чѣмъ турки. — „Конечъ скоро наступитъ, говорилъ мнѣ одинъ армянинъ; — имъ приходится такъ плохо, что въ одинъ прекрасный день самъ султанъ откажется отъ престола и не найдется никого, кто-бы согласился сѣсть на его мѣсто, взвалить на свои плечи непосильную тяжесть“.

„Всѣ предвидятъ наступленіе конечной катастрофы, но никто, ни мусульмане, ни христіане не дѣлаютъ ничего, одни, чтобы ее замедлить, другіе, чтобы ускорить. Чиновники, впрочемъ, ускоряютъ ее своимъ возмутительнымъ образомъ дѣйствій, злоупотребленіемъ своей власти. Масса-же населенія ожидаетъ ее съ покорностью, нелишенной своего рода достоинства“.

Турки ничего не хотѣли предпринимать для избавленія себя отъ грозящей катастрофы; они рѣшились умереть, но, умирая, отомстить кровавой местию. Эта дикая рѣшимость и составляетъ самое мрачное пятно восточнаго вопроса.

Не имѣя ни достаточнаго просвѣщенія, чтобы дать себѣ ясный отчетъ въ причинахъ ихъ упадка, ни достаточной энергіи, чтобы исправить свои недостатки и начать новую жизнь, турки смутно чувствуютъ, что жизненная сила въ нихъ постоянно ослабѣваетъ, что богатство и власть переходятъ въ другія руки. „Но и у фаталиста, говоритъ Перро, бываютъ моменты, когда онъ перестаетъ покорно подчиняться предопредѣленію судьбы и думаетъ убійствомъ своего наслѣдника продолжить свое существованіе... Многіе признаки побуждаютъ насъ признать, что такой моментъ скоро долженъ наступить... Дѣти, еще неуспѣвшія погрузиться въ пучину восточнаго фатализма, часто произносятъ угрозы, дающія право предполагать, что убѣжденія, ими выражаемыя, засядутъ крѣпко въ ихъ головахъ, и они не откажутся отъ нихъ и въ то время, когда выростутъ и станутъ дѣйствовать самостоятельно. Давно уже живущій въ Ангорѣ австрійскій подданный, старикъ докторъ Рига, разъ, идя ко мнѣ, замѣтилъ, что на улицѣ трое маленькихъ турченятъ нещадно колотятъ греческое дитя.

„— За что вы мучаете этого бѣдняжку? спросилъ докторъ. — Что онъ вамъ сдѣлалъ?“

„— Ничего, отвѣчалъ одинъ изъ турченятъ, — но мы хотимъ убить всѣхъ христіанъ.“

Остановимся на этомъ. Тяжело говорить о вѣроломствѣ, лихоимствѣ, разложеніи и отчаяніи въ своихъ силахъ. Эта страница современной исторіи не говоритъ намъ ничего новаго. Можно-ли еще чему-нибудь удивляться, если въ плодородвѣйшей Анатолиі люди мрутъ съ голода; если дѣти, у которыхъ молоко на губахъ не обсохло, грозятъ убійствомъ и даже убиваютъ, какъ тому были примѣры, подъ небомъ прекрасной Іоніи, страны розъ? Все это очень грустно.

М. Триго.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

(Литературныя и общественныя замѣтки.)

Моя прогулка въ провинціи.—Наша „черноземная сила“.—Толки о ней въ литературѣ и ея настоящее обличіе. — Городъ или деревня? — Умственные и культурныя условія провинціальной жизни.—Провинціальное самоуправленіе, провинціальная литература и адвокатура.—Тамбовскій адвокат Барковъ, острящій насчетъ медицинской экспертизы.—Липецкія минеральныя воды.—Современная деревня и ея новѣйшіе хозяева.—Къ чему можетъ привести хозяйничанье купцовъ и „купецкихъ братьевъ?“—Типическія черты російскаго буржуа.—Славянскій вопросъ въ провинціи и въ столицѣ. — „Новое Время“, поощряющее Россіянъ на пути самоуправства и самохвальства.—Г. Орестъ Миллеръ въ роли всеславянской кликуши. — Нѣсколько словъ литературному обозрѣвателю „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

Я давно зналъ, что ни одинъ гражданинъ, а особливо російскій, не можетъ и не долженъ жить безъ „почвы“, что „древо, лишенное корени, иссыхаетъ“, что даже „дымъ отечества и сладокъ, и приятенъ“, что блудный сынъ, рано или поздно, возвращается подъ отчій кровъ, томимый безденежемъ и сопровождаемый угрызеніями совѣсти. Я давно зналъ все это, ибо съ дѣтства, отъ младыхъ ногтей, напоенъ благочестивыми ученіями, а въ юности, не безъ пользы, штудировалъ патріотическія проповѣди „Маяка“, „Москвитянина“, „Зари“ и „Домашней Бесѣды“. Имена знаменитыхъ російскихъ сочинителей: Бурачка, Погодина, Шевырева, Аскоченскаго, Ор. Миллера и Страхова записаны неизгладимыми чертами въ скрижаляхъ моей памяти, и я былъ-бы готовъ, если-бъ это отъ меня зависѣло,—предать огню въ туляковскихъ баняхъ всю непатріотическую литературу, руко-

водствуясь пригѣромъ сѣрдитаго арабскаго калифа, истребившаго подобнымъ способомъ бесполезную рухлядь александрійской библиотеки... Каюсь, что одно время, подъ гнетомъ сильно распростра- нившихся у насъ западныхъ ересей, я свихнулъ было съ надле- жащаго тракта и началъ довольно иронически относиться къ до- стославной дѣятельности понянутыхъ мужей; я позволилъ себѣ усомниться въ благотѣльномъ вліаніи отечественнаго дыма на развитие здороваго обонанія; я припоминалъ, что толки о почвѣ и дрѣвѣ, лишенномъ корня, всегда возникали у насъ, съ особен- ной силою, въ моменты общественнаго застоя и попятныхъ стремленій. „Знамя „почвы“ и возвращенія къ „исконнымъ на- роднымъ началамъ“ — лукаво рассуждалъ я въ своемъ несчастномъ ослѣпленіи — какъ разъ соотвѣтствуетъ „зеленому знамени“ Ма- гомета и прикрываетъ собою или грубый фанатизмъ на закваскѣ скудоумія и нравственной забитости, или корыстные, эгоистиче- скіе расчеты эксплуататоровъ народнаго увлеченія. Древо-же, ко- торое рекомендуютъ почвенники, есть древо гнилое и кривое, такъ-какъ оно, осужденное питаться на тѣсномъ пространствѣ соками истощенной почвы, не смѣетъ забрасывать своихъ корней дальше черты, ревниво указанной ему попечительными садовни- ками.“ Но ослѣпленіе мое — слава Аллаху! продолжалось короткій срокъ. Да и могло-ли оно устоять противъ дружнаго натиска та- кихъ корифеевъ учености и глубокомыслія, какъ наши новѣйшіе почвенники, перенесшіе свой походный лагерь изъ столицы въ деревню. „Мы, петербургскіе жители, люди интеллигенціи, вопіяла „Недѣля“, — мы совершенно несправедливо приписываемъ себѣ какое-то умствен- ное превосходство надъ провинціею, какую-то учительскую за- ботливость объ ея общественномъ развитіи и преуспѣяніи: на- противъ, мы изжились, извѣрились, истрепались; у насъ нѣтъ ни одной путной мысли, ни одного искренняго чувства, и спасеніе наше состоитъ только въ томъ, чтобы помѣняться ролями съ провинціею и предоставить ей, голубушкѣ, право „накачивать“ насъ чувствами и идеями, какъ накачиваютъ утокъ молочною кашею въ парижскомъ зоологическомъ саду“. Таково было, въ общихъ чертахъ (мы не споримъ о выраженіяхъ) плаксивое причи- таніе „Недѣля“. Мудрено-ли, что это причитаніе, заключающее въ себѣ столько покаяннаго пафоса, весьма понравилось провинціи и пришло такъ сильно самолюбивые казанскіе сочинители, что

они, ступая свой „первый шагъ“ въ литературу, приняли гордый видъ варваровъ, взявшихъ Римъ приступомъ! „Недѣля“, вообразивъ себя Репетиловымъ, какъ-бы повторяла его знаменитое самобичеваніе:

Зови меня вандаломъ,

И это имя заслужилъ!

Людьми пустыми дорожилъ...

Все отрицаль: законы, совѣсть, вѣру...

Ну, какъ-же не повѣрить людямъ, которые сами о себѣ отзываются въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ, какъ не улыбнуться, когда они сами себѣ пачкаютъ лицо сажеею и въ такомъ смѣхотворномъ видѣ являются въ публику? Конечно, можно-бы возразить „Недѣлѣ“, что она слишкомъ смѣло говоритъ отъ лица интеллигенціи, что никто не уполномочивалъ ее на такое странное представительство, и что, въ крайнемъ случаѣ, она можетъ говорить только о себѣ и своихъ сотрудникахъ, которые (охотно вѣримъ!), пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ поистрепались, поизвѣрились и заболтались до такой степени, что, сами того не замѣчая, впадаютъ въ роль Репетилова... Можно-бы усомниться и въ томъ, что русская литература, по увѣренію „Недѣли“, потеряла всѣ свои руководящія идеалы и не можетъ уже идти впереди общества, которое будто-бы переросло ее цѣлою головою; можно-бы спросить: да полно, литература-ли виновата въ томъ, что кругъ ея вліянія сѣзился, что тѣсныя ряды ея дѣятелей не наполняются новыми силами, и что старыя силы не дѣйствуютъ плодотворно въ своихъ ограниченныхъ рамкахъ? Зачѣмъ-же дѣлать одну литературу козломъ очищенія за наши общіе грѣхи, зачѣмъ взваливать на нее отвѣтственность даже за такія явленія, которыми она только пассивно подчиняется, не имѣя возможности устранить ихъ или сдѣлать для себя безвредными? Да и гдѣ, наконецъ, это общество, которое будто-бы превзошло литературу своимъ развитіемъ? Въ какомъ таинственномъ кюлтѣ сохраняетъ оно идеалы, утраченные литературою: — не въ театрѣ-ли Берга? не въ акціонерныхъ-ли предпріятіяхъ, раздуваемыхъ спекуляціею, не во всеобщей-ли гонѣбѣ за рублемъ, сиротливо выглядывающимъ изъ кармана довѣрчиваго простеца? не въ запрещенной-ли рулеткѣ и дозволенной клубной „мушкѣ“? или, можетъ быть, въ бессмысленной, но задорной руготнѣ нашей провинціальной письменности,

которую стыдно даже назвать литературою, — въ этихъ тифлисскихъ, оренбургскихъ, азовскихъ и иныхъ „листочкахъ“ и „вѣстникахъ“ да казанскихъ альманахахъ?

Русскій человекъ, какъ извѣстно, заднимъ умомъ крѣпокъ, и всѣ вышенсчисленныя сомнѣнія только теперь пришли мнѣ въ голову. Въ минуту-же похороннаго звона, поднятаго „Недѣлю“ за упокой души русской столичной литературы, я тоже почувствовалъ въ себѣ покаянное изступленіе, съ удовольствіемъ отвѣдалъ поминальной кутьи, въ видѣ статьи какого-то П. Ч., и даже чуть было не заказалъ себѣ власяницу и вретиче для болѣе дѣйствительнаго напоминанія о своемъ оказанствѣ... Я воздержался отъ послѣдняго намѣренія единственно потому, что, въ то-же время, мнѣ пришла въ голову настойчивая мысль отправиться самому въ провинцію, полюбоваться „своима очима“ на разцвѣтъ нашей черноземной силы.

На николаевской желѣзной дорогѣ, которая унесла меня изъ Питера, господствуютъ хотя и „желѣзнодорожные“, но все-таки „столичные“ порядки, смягченныя нравами путешествующей публики и маленькой боязнью близкаго контроля, — а потому мнѣ и не пришлось испытать на этой дорогѣ никакихъ особенныхъ злоключеній. Правда, что до Колпина пришлось „потѣсниться“ даже и въ спальномъ вагонѣ, такъ-какъ администрація дороги, не желая пускать, собственно до Колпина, одного лишняго вагона, предпочитаетъ пихать колпинскихъ пассажировъ какъ придется и куда придется, хоть на колѣни къ другимъ пассажирамъ. Конечно, это тоже неудобство немалое, въ особенности для тѣхъ лицъ, которыя попадаютъ на николаевскую дорогу, напр., изъ-заграничнаго путешествія: вы берете билетъ въ спальный вагонъ, въ надеждѣ сейчасъ-же имѣть просторное мѣсто, гдѣ можно было бы прилечь и отдохнуть; но не тутъ-то было! ждите и крѣпитесь до Колпина, а иногда и дальше, покуда выберутся лишніе пассажиры, посаженные „не въ счетъ абонементѣ“. Правда и то, что мы опоздали пріѣхать въ Москву часика на полтора противъ положеннаго времени, опять таки по той простой причинѣ, что желѣзнодорожное начальство, штрафуя своихъ подчиненныхъ въ случаѣ пріѣзда *ранѣе* срока (за истребленіе лишняго топлива), нисколько не претендуетъ на нихъ въ случаѣ опозданія, отъ котораго теряютъ только одни пассажиры. Но мы, вообще, на-

родъ неприхотливый и ужъ вовсе не требовательный по части акуратности: славу богу, что на николаевской дорогѣ, хоть съ грѣхомъ по-поламъ, можно ижѣть койку на ночь и свободно протянуть ноги, не толкая въ бокъ своего сосѣда, а при этомъ условіи привози насъ когда хочешь, мы жаловаться не станемъ и въ судъ не пойдемъ, — вѣдь мы народъ выносливый и съ этой стороны, непобѣдимый, какъ рекомендуетъ насъ г. Е. Марковъ.

Настоящее бѣдствіе, сухую каторгу, невыносимую даже для терпѣливаго російскаго пассажира, испыталъ я на московско-рязанской дорогѣ, составляющей, какъ говорятъ, исключительную собственность г. фон-Дервиза. О, великій потентатъ, проживающій въ Ниццѣ баснословные доходы съ своихъ акцій и облигацій, потентатъ, услаждающій ежедневно свой слухъ игрою дороговаго оркестра на берегу моря, среди красотъ и благоуханія роскошной итальянской природы! Воззри милостивымъ окомъ на страданія твоихъ несчастныхъ данниковъ, именуемыхъ пассажирами, и послушай ту злобную музыку гнѣва и проклятій, которую задаютъ они, тоже ежедневно, въ воксалѣ, на платформахъ и въ вагонахъ твоей московско-рязанской дороги! Ты ищешь, за дороговую цѣну, купить громкій, но ничего не выражающій титулъ какого-нибудь итальянскаго маркиза или графа, и пренебрегаешь тѣми выразительными титулами, которыми, по сравнительно-дешевому курсу, награждаютъ тебя твои благодарные соотечественники. Развѣ это хорошо и справедливо?

Ликуй, богачь, въ своемъ чертогѣ,
Но младшихъ братій не забудь:

Дай мѣста протянуть имъ ноги,
Чтобъ легче продолжать свой путь.

Послушай-ка „жестокихъ“ кантовъ,
Что шлеть тебѣ рязанскій край:

Убавь своихъ ты музыкантовъ,
Да лишній поѣздъ въ день пускай!

Трудно представить себѣ, какой содомъ происходитъ въ тѣсномъ воксалѣ рязанской дороги передъ отправленіемъ каждаго поѣзда. Страданія пассажировъ начинаются еще при сдачѣ вещей въ багажъ. Узенькое пространство, отведенное для приѣма и взвѣшивания багажа, быстро переполняется массою сундуковъ, чемодановъ, деревянныхъ ящиковъ, запакованныхъ тюковъ и прочей

рухляди, настолько громоздкой, что, благодаря ей, пассажиру просто негдѣ повернуться, да и сами пріемщики рѣшительно не знаютъ, какъ имъ управиться со всѣмъ этимъ скарбомъ въ короткій срокъ до третьяго звонка и сигнальнаго свистка оберъ-кондуктора. Между тѣмъ раньше, чѣмъ за часъ до отхода поѣзда, вашего багажа не примутъ, а словно ждутъ того момента, когда начнется бѣшеная толкотня у багажныхъ вѣсовъ, чтобы схватить во-время квитанцію и не опоздать въ вагонъ. Я видѣлъ своими глазами, какъ нѣсколько пассажировъ буквально передрались изъ-за того, чтобы продвинуть поскорѣй свои вещи къ пріемщику багажа, такъ что дѣло дошло до полицейскаго разбирательства. Торопливость пассажировъ тѣмъ понятнѣе, что, сдавши багажъ позже другихъ, они рискуютъ не найти себѣ въ вагонѣ не только спокойнаго, но и никакого мѣста, не смотря на оплаченный билетъ и на тщетныя обращенія къ поѣздной прислугѣ. Даже въ первомъ классѣ мѣста достаются не иначе, какъ съ бою, и пассажиръ долженъ Бога благодарить, если завоюетъ себѣ одно свободное кресло, въ которомъ никакъ не возможно заснуть, хотя почтовый поѣздъ изъ Москвы въ Рязань идетъ именно ночью. Я былъ такъ несчастливъ, что, провозившись съ вещами битыхъ полчаса, не нашелъ себѣ и одинокаго кресла, но долженъ былъ, вмѣстѣ со многими пассажирами, обречь себя на стояніе до первой или второй станціи. Хорошо, что между этими пассажирами оказался одинъ господинъ съ крупнымъ чиномъ и, повидимому, съ вліяніемъ въ Москвѣ: онъ первый поднялъ шумъ, другіе подхватили, и начальникъ станціи вынужденъ былъ удовлетворить эти жалобы прицѣпкою новаго вагона. Не случись въ толпѣ обиженныхъ этого вліятельнаго лица, и всѣ наши претензіи, всѣ справедливыя требованія были-бы оставлены безъ вниманія, „яко киваль бряцающій и мѣдъ звенящая“. Такова ужъ огнеупорная крѣпость духа у начальниковъ московско-рязанской желѣзной дороги: имъ хоть колъ на головѣ теши, а они все-таки останутся при мнѣніи, что публика, садясь въ вагонъ, отдается имъ въ кабалу и лишается всякихъ правъ и преимуществъ, принадлежавшихъ, до этого момента, въ составу гражданской полнoprавности пассажира. Странное, возмутительное безобразіе! Рязанская дорога, до своего продолженія въ Козловъ, пользуется особенно-сильнымъ нацльвомъ пассажировъ; цѣны за мѣста здѣсь выше, чѣмъ на никола-

евской дорогѣ; казалось-бы, можно было позаботиться объ удобствахъ и даже комфортѣ той публики, которая составляетъ для компаніи крупную доходную статью. Примите еще во вниманіе, что путешествіе по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, при дальности нашихъ разстояній, при черепашьемъ движеніи даже курьерскихъ поѣздовъ беретъ столько времени, что отъ Петербурга до Одессы приходится пробыть чуть-ли не цѣлую недѣлю въ дорогѣ, не считая такихъ экстренныхъ задержекъ, какъ напримѣръ, заносъ пути снѣжною мятежью во время зимы, или несчастные казусы при столкновеніи поѣздовъ во всякое время года. Понятно, что, при наличности всѣхъ этихъ условій, удобства вагонныхъ помѣщеній, ихъ приспособленность къ дальнему путешествію отнюдь не составляютъ роскоши и должны входить въ обязанность желѣзнодорожныхъ администрацій. А между тѣмъ, въ дѣйствительности мы видимъ, что только одна николаевская желѣзная дорога позаботилась дать на ночь отдохновеніе своимъ пассажирамъ, безъ различія классовъ, а остальные ея сверстницы и въ усъ себѣ не думаютъ, предоставляя кондукторамъ расталкивать подъ бокомъ всѣхъ несчастныхъ путниковъ, отъ перваго до третьяго класса, если они, намаевшись дорогою, осмѣлятся выйти изъ своего скрюченного положенія и перекинуть ноги на сосѣднее мѣсто...

И вотъ, послѣ долгой и скучной ѣзды, я дотащился, наконецъ, до „внутреннихъ губерній“ Россіи, гдѣ и разбилъ свой лѣтній походный бивакъ, нерѣдко снимаясь съ мѣста и двигаясь въ различныхъ направленіяхъ, изъ города въ деревню, то по желѣзнымъ дорогамъ, то по проселочнымъ ухабамъ. Мнѣ удалось довольно много видѣть и слышать; пришлось столкнуться съ людьми разныхъ сословій, званій, кружковъ и направленій; цѣлая галерея провинціальныхъ типовъ прошла передъ моими глазами, и если-бъ я владѣлъ художественной палитрой и красками, то нарисовалъ-бы вамъ, читатель, презанимательную коллекцію портретовъ и en face, и въ профиль, и съ затѣлка, который, мимоходомъ сказать, очень развитъ у коренныхъ провинціальныхъ аборигеновъ. Но такъ-какъ я не состязался никогда на художественномъ поприщѣ не только съ Гончаровымъ и Некрасовымъ, но даже съ Лейкинымъ и Минаевымъ, то я оставляю въ сторонѣ палитру съ ея живописующими красками и буду говорить языкомъ холодныхъ, аналитическихъ разсужденій.

Кто наблюдалъ провинцію много лѣтъ тому назадъ, когда желѣзныя дороги, банки и гласныя кассы ссудъ не раскинулись еще по всему пространству русской земли, тотъ будетъ пріятно пораженъ, на первыхъ порахъ, презентабельнымъ видомъ нѣшняго провинціального города даже средней руки. Улицы обстроились поприличію, есть дома красивой архитектуры, не рѣдкость встрѣтить и мостовую, хотя въ провинціи донныя предпочитаютъ вымачивать одну лишь сторону улицы, собственно для начала весны и глухой осени, когда невылазная грязь заставляетъ ѣдущихъ въ экипажахъ перебираться, волею-неволею, съ грунтовой дороги на мостовую, по которой, вслѣдствіе плохой укладки и утрамбовки камней, можно ѣхать только шагомъ да и то на надежныхъ осяхъ. Въ хорошую-же погоду всѣ предпочитаютъ ѣздить по грунтовой дорогѣ, и отъ этой ѣзды незамощенная часть улицъ продолжаетъ служить, въ сухое лѣтнее время, резервуаромъ ѣдкой и зловонной пыли, которая, при малѣйшемъ вѣтрѣ, гуляетъ по всему городу и подымается столбомъ выше церковныхъ куполовъ. Дышать такимъ миазматическимъ и ввсиченнымъ пылью воздухомъ становится положительно невозможнымъ; пыль залѣпляетъ вамъ глаза и уши, производяетъ нестерпимый зудъ въ носу и въ горлѣ, обволакиваетъ васъ дешевымъ плащомъ кофейнаго цвѣта. Отъ этой пыли нѣтъ спасенія даже въ садахъ, тѣмъ болѣе, что пространства, занимаемыя садами, все суживаются да суживаются, уступая мѣсто доходнымъ постройкамъ на петербургскій образецъ; поливанье-же улицъ, при такомъ обильномъ запасѣ пыли, не ведетъ ровно ни къ чему или, при усердіи поливателей, образуетъ непроходимую грязь, въ которой вязнетъ нога, т. е. вмѣсто одной неприятели создаетъ другую, столько-же несносную. О городскихъ скверахъ, которые стали заводиться кое-гдѣ, и говорить нечего: ихъ, обыкновенно рѣдкая и тощая, растительность несколько не освѣжаетъ воздуха и не защищаетъ отъ пыли, которая такъ-же свободно гуляетъ въ этихъ скверахъ, какъ и на улицахъ...

Освѣщеніе городовъ тоже сдѣлало нѣкоторые успѣхи, опять-таки не безотносительно, но въ сравненіи съ тѣмъ добрымъ старымъ временемъ, когда провинціальные обыватели сталкивались лбами, по вечерамъ, на улицахъ и только по крѣпости этихъ лбовъ узнавали другъ друга. Коптящіе и вонючіе фонари разли-

вають нынѣ свой слабый свѣтъ почти во всѣхъ провинціальныхъ городахъ, хотя мѣстные шутники протестуютъ довольно оригинальнымъ образомъ противъ этого „просвѣщенія“, снимающаго таинственный покровъ съ ночныхъ шалостей и безобразій. Такъ, напримѣръ, въ богоспасаемомъ градѣ Тамбовѣ, шутники, въ одну ночь, перебили чуть-ли не пятьдесятъ фонарей, произведя эту операцію безъ всякаго препятствія со стороны новѣйшихъ „городовыхъ“, столько-же сонныхъ и индифферентныхъ къ дѣламъ міра сего, какъ ихъ достойные предки, будочники-алебардисты.

Наконецъ, справедливость требуетъ сказать, что и настоящее просвѣщеніе, т. е. „просвѣщеніе ума и сердца“, сдѣлало, въ свою очередь, большія завоеванія въ провинціи, если судить о немъ не по качеству, а по количеству вновь отрываемыхъ классическихъ и реальныхъ гимназій, прогимназій, учительскихъ семинарій, институтовъ и всѣхъ иныхъ питомниковъ юности...

Но—странное дѣло!—всѣ измѣненія, коснувшіяся провинціальной жизни, скользнули только по ея вѣнцу, подерасили только ея наружность, оставивъ нетронутой всю внутреннюю, сокровенную ея сторону. Букетъ провинціализма сохранился во всей его одуряющей прелести, и достаточно понюхать его втеченіи двухъ-трехъ лѣтъ самымъ свѣжимъ и развитымъ личностямъ, какъ у нихъ, навѣрное, помутится въ головѣ и ослабѣютъ умственные способности. Есть что-то неотразимо-подавляющее въ томъ нѣмомъ безучастіи, въ той тоскливой апатіи, которыя споконъ-вѣку заѣдаютъ нашу провинціальную жизнь; какъ ни борись противъ нихъ, какъ ни напрягай свою нравственную бодрость, какъ ни чурайся ихъ зловреднаго дыханія, они рано или поздно подергнутся въ мужавшейся личности, полегоньку и шагъ за шагомъ притупятъ ея чувствительность, наконецъ совсѣмъ усыпятъ ее и, съ коварствомъ ветхозавѣтной Далилы, обрѣжутъ богатырскую пруть, равшуюся когда-то на подвиги. Сколько разъ я встрѣчалъ людей, которые сами сознавались мнѣ, что имъ жутко становится въ провинціи, что они не могутъ войти въ кругъ ея интересовъ, но тѣмъ не менѣе, мучительно чувствуютъ, какъ окружающее болото постепенно засасываетъ ихъ, парализируетъ прежнюю воспримчивость, суживаетъ горизонтъ мысли и подготавливаетъ, мало-помалу, къ роли провинціальныхъ „святелей“ и „дѣтелей“. Встрѣчалъ я и другихъ лицъ, только-что прошедшихъ эту фазу пред-

„Дѣло“, № 10 1876 г. 30

варительной подготовки, которая начинали уже мириться съ своей печальной обстановкою, подыскивали для нея разные оправдательные и объяснительные мотивы, затѣмъ переходили къ сѣтованію на высокоумное отношеніе „теоретиковъ“ къ этой самой плачевной дѣйствительности, укоряли литературу въ верхоглядствѣ и пренебреженіи какихъ-то „жизненныхъ, насущныхъ интересовъ“, и наконецъ, облачившись въ халатъ Манилова, преспокойно и самодовольно поглядывали на все окружающее.

Это замираніе умственной жизни, этотъ нечувствительный упадокъ мысли, спускающейся, такъ-сказать, „со ступеньки на ступеньку“ къ лежащему у ногъ ея болоту, составляетъ, къ сожалѣнію, неизбѣжный удѣлъ всякой интеллигентной силы, случайно или не случайно попавшей въ условія провинціального быта. И этотъ прискорбный фактъ легко поддается объясненію, если мы разберемъ повнимательнѣе тѣ составные элементы, изъ которыхъ слагается закваска провинціальной жизни. До отиѣны крѣпостного права, въ провинціи царило дворянство чиновное и печиновное; оно было цементомъ общества, соединяющимъ центромъ, въ которомъ сходилось все, что имѣло голосъ и власть въ направленіи общественныхъ дѣлъ. Цементъ этотъ былъ, правда, не особенно надеженъ; общественныя дѣла шли очень туго и вяло, но они все-таки шли по опредѣленному склону, по указанной мѣрѣ, которая если и не была широка, то была форменно-однообразна и неуклонно-правильна въ примѣненіи къ частнымъ, единичнымъ явленіямъ. *Девятнадцатое февраля* разрушило старое зданіе и заложило фундаментъ новаго, надъ постройкой котораго призваны трудиться всѣ сословія. Въ общей всесословной массѣ исчезли старыя сословныя привилегіи, но остались тѣ, которыя приобрѣтаются личнымъ положеніемъ, степенью образованія, служебнымъ вліяніемъ и — главное — богатствомъ, которое, одно изъ всѣхъ современныхъ правъ и преимуществъ, имѣетъ привилегію наследственного перехода, не подлежащаго ни малѣйшему контролю со стороны государства или общества, хотя передовые экономисты, вродѣ Джона Стюарта Милля, находили справедливымъ примѣнить къ этой привилегіи капитала нѣкоторыя ограничительныя мѣры. Эта послѣдняя сила, въ сущности, и сдѣлалась теперь настоящею руководительницею русскаго общества; къ ней примыкаютъ, ее стараются захватить всѣ наиболѣе юркія, наименѣе совѣстливыя и брезгливыя личности изъ

старыхъ, распавшихся сословій: и дворяне, проѣвшіе свои выкупныя свидѣтельства, и „именитые“ купцы, мечтающіе объ удачномъ банкротствѣ, и кулаки изъ народа, олицетворившіе въ себѣ всѣ дурныя черты развращенной крѣпостнымъ гнетомъ массы, но не сохранившіе ни одной хорошей. Въ столицахъ, въ средѣ нашей „интеллигенціи“, — которую такъ неблагоприятно отдаютъ на пропятие наши легкомысленные журналисты, — эта новая сила все еще нѣсколько обуздывается либо образованіемъ и соединеннымъ съ нимъ представленіемъ объ общественныхъ интересахъ, либо, просто, боязнью разоблаченія и публичнаго ошельмованія; но „тамъ, во глубинѣ Россіи“, этой силѣ предоставляется, съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе простора, и противъ нея не существуетъ ровно никакихъ обуздывающихъ средствъ. Нѣтъ эксплуататора безсердечнѣе и подлѣе какого-нибудь малорусскаго жидъ или кулака-купчины во внутренней полосѣ Россіи, обращающихъ до нитки бѣднаго мужика, вынужденнаго крутою необходимостью обратиться къ ихъ помощи или, вѣрнѣе сказать, отдаться во власть ихъ грабительства. Цѣлыя волости закабалаются ими, десятки тысячъ народа находятся у нихъ въ томъ денежномъ рабствѣ, о которомъ некрасовскій „Наумъ“ говоритъ:

Ужъ нѣтъ помѣщичьихъ цѣпей,

Мои остались крѣпи!

И эти „крѣпи“ надежнѣе, новѣе и современнѣе помѣщичьихъ цѣпей. Противъ нихъ не протестуетъ еще сознаніе темнаго человѣка и даже считаетъ ихъ какъ-бы нѣкимъ благодѣяніемъ, драгоценнымъ пособіемъ въ критическую минуту. „Благодѣтель! выручилъ! кабы не онъ, такъ петлю на шею!“ Признаки нѣкотораго протеста возникаютъ только въ умѣ, затронутомъ мышленіемъ, въ чувствѣ, открытомъ для всякаго добраго воспріятія; умственная-же культура большинства нашихъ капиталистовъ приобрѣтена въ трактирахъ, кабакахъ, на улицѣ, въ магазинахъ и мѣняльныхъ лавкахъ, подъ угрозой волосотрясенія, пинковъ и чувствительнаго вразумленія аршиномъ.

Мы сказали выше, что, кромѣ богатства, капитала, въ числѣ факторовъ общественнаго вліянія значатся еще: степень образованія, служебное вліяніе и личное положеніе, приобрѣтаемое иногда, помимо другихъ условій, природными дарованіями, усерднымъ трудомъ и дѣятельностью на общую пользу. Въ западной Европѣ

эти факторы, дѣйствительно, имѣютъ большую цѣну и умѣряютъ, до нѣкоторой степени, дурное вліяніе плутократіи: личная даровитость и образованіе, репутація ума и честности еще пользуются тамъ уваженіемъ и нерѣдко служатъ основой кредита и объясненіемъ успѣха коммерческихъ предпріятій. Въ то-же время, эти качества открываютъ путь и къ занятію видныхъ общественныхъ должностей. Но у насъ—увы! образованіе, до сихъ поръ, является вѣншиимъ лоскомъ, патентомъ на чинъ и на доступъ къ „отечественному пирогу“; личная-же даровитость, умъ и честность об-являются чуть не прямыми врагами общества и всегда теряютъ на состязаніи съ бездарностью, вооруженной пролазничествомъ, безстыдствомъ или силою „прерѣзнаго металла“.

Нельзя, конечно, отрицать, что и въ нашей провинціи, въ особенности-же въ университетскихъ городахъ, существуютъ порядочные общественные кружки, обнаруживается честное, симпатичное стремленіе выбиться изъ того маразма, въ который погружена провинціальная жизнь; есть образованныя и благородныя личности, готовые даже на самопожертвованіе для общей пользы; но не имъ, не этимъ тѣснымъ кружкамъ и не этимъ выдающимся личностямъ принадлежитъ, къ сожалѣнію, господствующее вліяніе; не они являются въ провинціи „господами положенія“. Притомъ-же разрозненность, всегда сопутствующая нашимъ интеллигентнымъ кружкамъ, какъ столичнымъ, такъ и провинціальнымъ, сильно мѣшаетъ ихъ дружному, совокупному дѣйствію. Трактирщики и кабатчики всегда скорѣе и лучше сговариваются о своихъ общихъ интересахъ, чѣмъ интеллигентные люди, которые непременно перессорятся, перебранятся, перегрызутся изъ-за вѣденнаго яйца и дадутъ побить себя въ одиночку. Такъ напр., всѣ лица, принадлежащія къ судебному вѣдомству, держатся въ провинціи совершенно въ сторонѣ отъ остального общества и никогда не сближаются съ лицами учебнаго вѣдомства, хотя между тѣми и другими должна-бы, кажется, существовать несомнѣнная связь, въ силу *высшаго образованія*, обязательно получаемаго ими. Еще страннѣе разрозненность, замѣчаемая даже между профессорами и учителями, которые, и въ своемъ небольшомъ учебномъ міркѣ, распадаются еще на группы, смотря по заведенію, гдѣ преподають они. Если ужъ столь близкіе между собою общественные слои не могутъ найти у насъ никакого связующаго звена, ника-

кого общаго лозунга, то что-же спрашивать съ другихъ людей, болѣе разобщенныхъ и родомъ занятій, и степенью образованія? Въ такихъ крупныхъ, поголовныхъ недоразумѣніяхъ невозможно, конечно, найти виновнаго; бесполезно и морализировать на тему неуклоннаго служенія долгу на всякомъ мѣстѣ и при всякихъ условіяхъ. Сама жизнь переплелась ужъ такъ нескладно, что единичное усиліе едва-ли пособить ей распутать свои узлы, порвать свои тенета и выйти на болѣе просторную дорогу. Поэтому нельзя и сѣтовать на тѣхъ людей, которые, попавъ въ провинцію даже съ лучшими надеждами и стремленіями, наконецъ устаютъ, опускаютъ руки и рвутся вонъ изъ своей норы, быть можетъ, грѣша противъ ригористической морали „неуклоннаго служенія“.

„Я удаляюсь изъ этой прекрасной пустыни, говорилъ мнѣ одинъ изъ такихъ утомленныхъ подвижниковъ, — потому что глубоко чувствую всю бесполезность моихъ усилій, вижу злобу, обступающую меня со всѣхъ сторонъ, и не хочу разыгрывать роль Дон-Кихота, сражающагося со стадомъ барановъ“.

И я, признаюсь, не зналъ, чѣмъ удержать отъ бѣгства разочарованнаго дѣятеля, хотя у меня въ карманѣ лежали взятые напрокатъ номера „Молвы“ и „Недѣли“. Прудонъ, вѣдь, на что ужъ былъ энергическій боецъ, а и тотъ писалъ, въ мрачную пору, приблизительно слѣдующую исповѣдь: „если я былъ спасенъ счастливой судьбою отъ гибели во время грандіозныхъ общественныхъ движеній, среди вликовъ и сочувствія массы, то я не буду настолько глупъ, чтобы, безъ пользы, разбить себѣ лобъ объ стѣну въ глухомъ переулкѣ“. Что дѣлать! Видно ужъ человѣкъ такъ устроенъ, что ему на людяхъ только смерть красна, и не хочется ему гибнуть безславно и бесполезно, среди общественной скуки и апатіи.

„Только одно утѣшеніе мнѣ и осталось, слышалъ я отъ другого провинціальнаго жителя, — удрать отсюда за границу на три мѣсяца. Окунувшись тамъ въ иную жизнь, я освѣжаю себя умственно и получаю способность дотянуть кое-какъ до слѣдующаго года. Безъ этого-же подкрѣпленія я и не знаю, что было-бы со мною: вѣроятно, приучился-бы выпивать много „по маленькой“, дебоширствовать въ трактирахъ и иныхъ пріятныхъ мѣстахъ или сражаться въ карты, ежедневно, до позднихъ пѣтуховъ“.

Я не зналъ опять, чѣмъ утѣшить и этого слабого смертнаго; сунулъ было ему въ руки, вмѣсто талисмана, статейку П. Ч., присовѣтовавъ читать ее на ночь для успокоенія нервной системы, но тотъ грубо расхохотался и швырнулъ статейку прочь...

Вдобавокъ и внѣшнія, матеріальныя условія жизни измѣнились къ худшему въ провинціи: прежде, при плохихъ путяхъ сообщенія, здѣсь, дѣйствительно, телушка стояла полушку, а квартиры, безъ уличныхъ фонарей и мостовыхъ передъ ними, ходили ни по чемъ; нынче-же, при усовершенствованномъ сообщеніи и фонарномъ блескѣ, цѣны на квартиру и столъ поднялись вездѣ почти до уровня петербургскихъ. Само собою разумѣется, что, даже при высокой цѣнѣ, провинціалныя квартиры тонуть въ грязи и отличаются всевозможными неудобствами, а обѣдъ въ дорогихъ ресторанахъ готовится немного лучше и почище, чѣмъ въ Петербургѣ въ „заведеніяхъ“, прилегающихъ къ Сѣнной площади, или въ обжорномъ ряду.

„Почему вы не балотируетесь въ городскія общественныя должности? При вашихъ данныхъ, вы могли-бы быть образцовымъ городскимъ головою или членомъ управы“, сказалъ я одному провинціальному знакомому, обладающему, кромѣ городского ценза, значительнымъ запасомъ энергіи и практической опытности.

— „А вы желаете, чтобъ я непременно испыталъ пріятное чувство „прокатиться на воронныхъ“ въ публичномъ собраніи и послужить мишенью для плоскихъ шутокъ и остротъ?“ въ свою очередь спросилъ меня мой собесѣдникъ.

— „Ну, такъ ужъ и прокатиться на воронныхъ! Васъ знаютъ здѣсь за честнаго и умнаго человѣка, съ практической подготовкой и, вѣроятно, городское общество подорожитъ вами, какъ надежнымъ защитникомъ и хранителемъ городскихъ интересовъ“.

— „Ваши рѣчи, какъ ни лестны для меня, показываютъ однако, что вы—извините за откровенность!—совсѣмъ не знаете нашихъ городскихъ избирателей. Вы думаете, что личныя качества избираемаго, его предполагаемая заботливость объ общественныхъ интересахъ играютъ большую роль въ нашей балотировкѣ; нѣтъ, вы грубо заблуждаетесь. Дѣло въ томъ, что *покуда*—я не говорю о будущемъ, которое, можетъ быть, вознаградитъ насъ за пло-

хое настоящее — успѣхъ балотировки зависить у насъ, въ большей половинѣ, отъ городскихъ трактирщиковъ, лавочниковъ, кабатчиковъ и закладчиковъ. А вы должны знать, что это за народъ такой! Развѣ городскіе интересы и личная порядочность человѣка рѣшаютъ для нихъ вопросъ объ избраніи? Да помилуйте, я самъ своими ушами слышалъ, какъ одинъ изъ членовъ городской управы громогласно кричалъ: „что мнѣ за надобность беречь городскую кассу и трястись надъ общественною сумою! Вѣдь моя-то тамъ одна копейка лежитъ; стоитъ-ли мнѣ хлопотать и распинаться изъ-за одной копейки?“ Вотъ вамъ и сказъ. И повѣрьте, что такого-же взгляда держится большинство нашихъ вліятельныхъ избирателей-плутократовъ, въ которыхъ, подъ давленіемъ ихъ капитала и связей, пристають въ голосованіи и мелкія сошки. Будь это иначе, не попадали-бы такіе субъекты членами въ городскую управу. Увѣряю васъ, что какой-нибудь отставной гарнизонный командиръ, какой-нибудь повытчикъ-крючкотворецъ, страпавшій разныя „дѣльца“ нашимъ брюханамъ-лавочникамъ, во сто разъ имъ любезнѣе и милѣе, чѣмъ самый безкорыстный и даровитѣйшій человѣкъ въ мірѣ. А если эта „гарнизѣ“ или этотъ повытчикъ проворуются потомъ въ управѣ, то это не всегда, во-первыхъ, обнаружится да, и обнаружившись, по несчастной случайности, мало кого огорчить. Мы всѣ такъ привыкли, отъ юныхъ дней, смотрѣть на общественный сундукъ, какъ на *res publicus*, которая принадлежитъ, по праву находки, первому завладѣвшему!“

— „Но вѣдь есть-же, наконецъ, въ вашемъ губернскомъ городѣ образованные и честные избиратели, которые не раздѣляютъ допотопныхъ идей объ общественномъ достояніи. Почему-же они не сдѣлаютъ выдвинувшись впередъ и захватить въ свои руки общественное мнѣніе?“

— „А вы думаете, это такъ легко сдѣлать? Да имъ не дасть выдвинувшись плутократическая шайка, о которой говорю я; она всякими правдами и неправдами будетъ пакостить имъ на каждомъ шагу и заставитъ въ-концѣ-концовъ махнуть на все рукою и отплевываться отъ общественныхъ дѣлъ. Я знаю множество примѣровъ, что честные и умные гласные, заявившіе себя строптивыми людьми въ общихъ собраніяхъ думы („это господинъ съ морозцемъ!“ говорятъ про такихъ людей здѣшніе кушцы), заба-

лотировывались при вторичномъ выборѣ, очень внушительнымъ большинствомъ черняковъ или сами отказывались отъ балотировки, предвидя скандальный ея исходъ. Есть-ли надежда такимъ людямъ, непопадающимъ даже въ гласные, проникнуть когда-нибудь въ городскую управу? Наши избиратели и городскіе воротила вовсе не такъ глупы, чтобы давать ходъ враждебнымъ для себя элементамъ. Вотъ, напр., попади я въ управу, да я задасть-бы тамъ трезвону изъ-за мостовой, которой украсили нашу улицу: мостовую эту вогнали въ 30,000 рублей, а не пройди такая сдѣлка черезъ управу, наша улица была-бы вымощена любимъ подрядчикомъ за половинную цѣну, и вымощена, я увѣренъ, не мѣловымъ камнемъ, который разваливается подъ извозничьи дрозжками. Также и насчетъ водопровода: у насъ рѣка подъ горою, — и черпай изъ нея воды сколько хочешь! — а намъ какой-то спекулянтъ предложилъ проектъ водопровода изъ небывалыхъ ключей, и мы приняли этотъ проектъ. Хорошо еще, что этотъ спекулянтъ прогорѣлъ прежде, чѣмъ открылъ воду въ своихъ источникахъ и, сбѣжавъ неизвестно куда, оставилъ городу какіе-то ничего нестоющие залоги, по пословицѣ: „владѣй, Фаддей, моей Меланьей“. Дѣло ограничилось, такимъ образомъ, напраснымъ копаньемъ земли, и городу не пришлось отвѣчать за послѣдствія необдуманной затѣи. Ну, посудите сами: какой переполохъ поднялъ-бы я въ управѣ моимъ появленіемъ, и какъ дружески взглянули-бы на меня мои почтенные сотоварищи, строившіе водопроводы и мостившіе улицы! У насъ нѣтъ, конечно, избирательныхъ программъ, съ которыми принято, въ западной Европѣ, обращаться къ своимъ избирателямъ; мы не излагаемъ печатно, во всеуслышаніе, нашей программы дѣйствій; но путемъ силетни, — этой нашей изустной гласности, — мы отлично знаемъ другъ друга, знаемъ, кто кому свать и кумъ, кто съ кѣмъ въ родствѣ, въ дружбѣ или въ ссорѣ, а, зная все это, мы превосходно умѣемъ подбирать масть къ масти и устранять, во время, вторженіе неприятныхъ личностей въ наши келейныя дѣла“.

— „Вы, однако, слишкомъ уже мрачно смотрите на наше городское самоуправленіе. По вашему, стало быть, и въ земствѣ дѣла ведутся такимъ-же халатнымъ образомъ? Одинаковый принципъ, при одинаковыхъ условіяхъ примѣненія, всегда долженъ давать и равные результаты. А условія примѣненія принципа въ дерев-

няхъ будутъ еще хуже, чѣмъ въ городахъ, такъ-какъ крестьяне-избиратели еще удобнѣе подвергаются разнымъ вліяніямъ со стороны“.

— „Совершенно вѣрно изволили выразиться: именно *халатнымъ образомъ!* Я знаю предсѣдателей управъ, которые по полугоду отсутствуютъ изъ района своей дѣятельности, а если и являются, то только для того, чтобы получить свое жалованье и подмахнуть какую-то, подносимую секретаремъ, тарабарскую грамоту; извѣстны мнѣ и такіе члены управъ, которые весь вѣкъ свой слыли честными людьми и даже распинались за правду на земскихъ собраніяхъ,—какъ вдругъ у нихъ, къ концу похвальной, безупречной карьеры, являлась неожиданно-негаданно цѣлая тысяча десятинъ земли, купленная даже не на чужое имя, а такъ-таки прямо на свое собственное. Какъ не обратиться къ такому счастливцу съ вопросомъ поэта:

Мудрецъ умою, хитрецъ душою,
 Какъ примирился ты съ собою,
 Какъ столько выгодъ согласилъ
 Ты съ духомъ мудрости змѣиной?
 Какой златою серединой
 Ты *путь опасный* проходилъ?

А „путь опасный“, тѣмъ не менѣе, пройденъ, и ладья счастливца колеблется въ мирной пристани, ласково омываемая волнами земскаго сочувствія...“

— „Но согласитесь, по крайней мѣрѣ, что новые порядки въ городскомъ и земскомъ хозяйствѣ все-же лучше старыхъ порядковъ. когда городского голову можно было таскать за бороду, а земскія суммы принадлежали всецѣло земскому капитану-исправнику?“

— „Охотно соглашаюсь, но признаю въ этомъ великое для насъ огорченіе, а не утѣшеніе. Новые порядки, по принципу, въ нихъ заложенному, безъ сомнѣнія, выше и чище нашего стараго режима; но дѣло въ томъ, что ихъ успѣхъ и достоинство находятся въ тѣсной зависимости отъ умственного развитія и честной энергіи самого общества: каково это общество, таковы будутъ и порядки. Значить, уровень нашего общественнаго развитія стоитъ слишкомъ низко, если принципъ самоуправленія приноситъ такіе жалкіе плоды“.—

Какъ ни обидно было это для моего оптимизма, но, подумавши надъ фактами, которые чуть не ежедневно почерпаетъ наша печать изъ сокровищницы россійскаго самоуправленія, я долженъ былъ согласиться съ печальными заключеніями моего собесѣдника, тѣмъ болѣе, что и самъ этотъ собесѣдникъ обладалъ всѣми качествами „достовернаго свидѣтеля“ провинціальныхъ безобразій. Перейдемъ-же къ фактамъ, оглашеннымъ въ нашей печати.

Вотъ, напр., почтенный градъ Сарапулъ (вятской губерніи) заваленъ навозомъ въ такой степени, что даже привыкшіе къ зловонію провинціальные носы начинаютъ ощущать нѣкоторый избытокъ навознаго букета. Но сарапульскій муниципалитетъ не подаетъ ни гласу, ни послушанія. Наконецъ, полиція, послѣ неоднократныхъ напоминаній городской управы, нанимаетъ сама отъ себя арестантовъ для очистки городской площади и съ успѣхомъ производитъ эту операцію, напоминающую подвигъ Геракула въ авгіевыхъ конюшняхъ. Тутъ только муниципалитетъ проснулся, и первымъ дѣломъ его было — подать жалобу на исправника, который, дескать, не имѣлъ права избавлять площадь отъ навознаго украшенія.

Въ градѣ Нижнедѣвицкѣ (воронежской губерніи) исправляющій должность городского головы такъ полюбилъ свои курульскія кресла, что не пускаетъ никого на свое мѣсто и не даетъ хода предложенію большинства гласныхъ о выборѣ новаго головы. Когда-же на него наступили очень грозно: почему, молъ, въ засѣданіи 20 іюня онъ не исполнилъ требованія всего города, то онъ, въ оправданіе свое, написалъ: что „былъ въ ненормальномъ состояніи физическаго здоровья, которое отъ теплоты и духоты, по многолюдному собранію въ вечеръ того дня, а также и отъ разнородныхъ преній, въ которыхъ онъ принималъ горячее участіе, отъ усталости и другихъ неизвѣстныхъ волненій, еще болѣе разстроилось при его непривычныхъ коллегіальныхъ преніяхъ“. Вотъ и понимайте, какъ знаете, эту образцовую галиматью!

Въ „неизвѣстномъ“ былъ волненьи
Нижнедѣвицкій голова

И предалъ полному забвенью
Толпы бушующей слова.

Упарившись, какъ въ жаркой банѣ,

Домой онъ прытко укатилъ

И тамъ, въ холодной сиди ваннѣ,
Въ порядокъ чувства приводилъ.

Но Сарапуль и Нижнедѣвицеъ—это такіе города, изъ которыхъ, „хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь“; понятно, что для нихъ не писаны ни правила грамматики, ни санитарныя требованія науки. Жаль, что по стопамъ этихъ глухихъ и безвѣстныхъ городковъ идутъ такіе, напр., крупные торговые центры, какъ Таганрогъ и Одесса; жаль, что и они не съ большимъ разборомъ принимаютъ людей въ общественную службу, не лучше пользуются принципомъ городского самоуправления.

Извѣстно, что правительство, въ виду ненормальнаго положенія Таганрога и отношенія его къ Ростову и ростовскому уѣзду, командировало въ Таганрогъ директора департамента полиціи исполнительной, тайнаго совѣтника Коссаговецкаго, чтобы онъ въ комисіи, составленной подъ его предсѣдательствомъ изъ екатеринославскаго губернатора, таганрогскаго градоначальника и представителей Таганрога, Ростова и Нахичевани, вникнулъ въ потребности населенія и представилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ всѣ свѣденія, необходимыя для установленія правильныхъ административныхъ отношеній между этими городами. Предполагалось присоединить ростовскій уѣздъ къ таганрогскому градоначальству, такъ-какъ соединеніе ихъ желѣзными путями на двухчасовомъ разстояніи гораздо удобнѣе для администраціи и несравненно выгоднѣе для населенія, чѣмъ подчиненіе Ростова Екатеринославу, отъ котораго онъ отстоитъ болѣе, чѣмъ на 300 верстъ, и притомъ по грунтовой дорогѣ. Комисія эта, какъ сообщаетъ корреспондентъ „Виржевыхъ Вѣдомостей“ (№ 254), засѣдала въ Таганрогѣ въ половинѣ августа нынѣшняго года. Представители Ростова не пожелали, однако, присоединиться къ таганрогскому градоначальству и высказали весьма странное убѣжденіе, что имъ самимъ гораздо удобнѣе быть подальше отъ центра администраціи, но казеннымъ селеніямъ и владѣльческимъ имѣніямъ, находящимся въ округѣ Таганрога, полезнѣе быть поближе къ ростовскому земству, вмѣсто того, чтобы образовать свой отдѣльный районъ. Между тѣмъ эти мѣстности, соединенныя теперь съ ростовскимъ земствомъ, доставляютъ почти половину

всѣхъ земскихъ доходовъ уѣзда и при этомъ не пользуются почти ничѣмъ изъ этихъ суммъ. Мало того, представители Ростова нашли излишнимъ, чтобы и прилежащія къ Таганрогу волости и находящіяся почти внутри городской его черты владѣльческія мѣнія состояли, даже въ полицейскомъ отношеніи, въ вѣдѣніи Таганрога, а пожелали подчинить и ихъ Ростову. „Со стороны представителей Ростова — размышляетъ по этому поводу корреспондентъ — *весьма понятно стремленіе постоять за интересы своего города въ ущербъ интересамъ Таганрога* (почему-же понятно? развѣ на основаніи мудраго правила: „кто кого смога, тотъ того и за рога?“), но рѣшительно не понятно, почему представитель Таганрога, т. е. городской голова, въ засѣданіи комисіи, къ необъяснимому удивленію не только своихъ согражданъ, но и членовъ комисіи, вполне согласился съ доводами представителей Ростова? Странно также и то обстоятельство, что, когда приглашенный въ эту комисію, частнымъ образомъ, таганрогскій домовладѣлецъ Джуричъ опровергъ, на основаніи историческихъ и фактическихъ данныхъ, домогательство ростовцевъ и доказалъ первенствующее значеніе Таганрога на всемъ азовскомъ бассейнѣ, представитель Таганрога, полуизмѣнивъ свое рѣшеніе, солидарное съ мнѣніемъ ростовцевъ, объяснилъ комисіи, *что объ этомъ онъ желалъ-бы спросить мнѣнія думы*. На замѣчаніе-же председателя комисіи, что въ этомъ дѣлѣ желательно было-бы знать личное мнѣніе представителя города, онъ отвѣчалъ, что *недостаточно подготовленъ къ этому* (!) Такимъ образомъ, интересы города не нашли себѣ защитника въ избранномъ его представителѣ, вслѣдствіе чего, на новыхъ выборахъ, раздраженные таганрогцы, какъ видно изъ той-же корреспонденціи, забалотировали городского голову и всѣхъ прежнихъ гласныхъ, не жалѣя ужъ никого изъ нихъ на томъ основаніи, что „снявши голову, по волосамъ не плачуть“. Не позднеенько-ли спохватились почтенные таганрогскіе обыватели? Вѣдь въ другой-то разъ ихъ мнѣнія пожалуй-что и не спросятъ, а будутъ довольствоваться прежде высказаннымъ...

Одесситы взираютъ еще оригинальнѣе на свои городскіе интересы... Когда въ одной заграничной газетѣ заявлено было, что одесскіе городскіе дѣятели сорвали огромную взятку съ контрагентовъ по устройству водопровода, то г. одесскій городской го-

лова возбудилъ въ думѣ вопросъ: не слѣдуетъ-ли начать противъ этой газеты судебнаго преслѣдованія? Но мирные граждане, не желая выносить сора изъ избы и опасаясь, можетъ быть, что судебное разслѣдованіе не поведетъ къ добру, дружно отказались отъ веденія формальнаго процесса и посовѣтовали обиженному головѣ „отнестись съ презрѣніемъ къ газетной сплетнѣ“. Теперь, какъ сообщаетъ корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, (№ 277) водопроводный скандалъ разрастается въ Одессѣ. Въ засѣданіи городской думы, 4 сентября, благодаря гласнымъ Сунди, Вейсу и др., добрались таки до куртажа, полученнаго гласнымъ Гуровичемъ отъ строителей водопровода, въ количествѣ 125,000 р. с., при чемъ дума выразила желаніе получить объясненіе отъ г. Гуровича, на какомъ основаніи онъ цапнулъ эту крупную сумму отъ Швабена и Моора? „Не понимаю только — иронизируетъ корреспондентъ — для чего дума такъ наивно дѣйствуетъ. Конечно, г. Гуровичъ получилъ эти деньги за маклерство, за факторство, за путеводительство Швабена и Моора. Получилъ г. Гуровичъ на такомъ-же основаніи, на какомъ получаютъ маклеры и факторы за устройство сдѣлки по продажѣ хлѣба, дома, лошади, земли и пр. Г. Гуровичъ, понятно, отвѣтилъ, что, какъ частное лицо, онъ и не долженъ давать думѣ отчета; если-же дума требуетъ отъ него отчета, какъ отъ дѣятеля, какъ отъ гласнаго, то, во-первыхъ, надо доказать, что его дѣйствія предосудительны и, во-вторыхъ, если его дѣйствія окажутся таковыми, то что-же останется тогда сказать о всемъ составѣ думы, рѣшавшей дѣло?“ Далѣе корреспондентъ говоритъ, что одесская дума признаетъ въ принципѣ право куртажа и что англичане-строители не могли-же дѣйствовать въ потемкахъ, давая одному лицу 125,000 р., лишь-бы только не давать болѣе никому другому. Важно въ настоящемъ дѣлѣ знать: всецѣло-ли получилъ г. Гуровичъ 125 тысячъ или-же роздалъ эти деньги другимъ, оставивъ себѣ львиную долю? Допустивъ даже, что г. Гуровичъ распредѣлил эту сумму между нѣсколькими лицами, все-таки мы не узнаемъ, по мнѣнію корреспондента, кому эти деньги даны, потому что странно допустить и мысль, что г. Гуровичъ выдастъ свои коммерческія сдѣлки. Можно думать, что городское общество ничего не узнаетъ официальнымъ путемъ; свѣденія-же, добытыя частнымъ образомъ, но вполне достовѣрныя, давно извѣстны, по слухамъ, всемъ одесскимъ

жителямъ. „Впрочемъ, заключаетъ корреспондентъ свое интересное сообщеніе,—ходатайство гласныхъ въ пользу дѣла, въ которыхъ они участвуютъ лично, не новость у насъ. Антрепренеръ итальянской оперы и русскаго театра Фолети получалъ субсидію въ нѣсколько тысячъ рублей. Дума, уступая напору общественнаго мнѣнія, лишила Фолети этой субсидіи. Другіе домогались и также не получили. Наконецъ, членъ городской управы Великановъ приладилъ хлѣбный магазинъ къ помѣщенію театра и добился субсидіи. Обанкротился г. Великановъ, театральное зданіе перешло въ руки другого лица, не гласнаго и не маелера великихъ гешефтовъ, и субсидію прекратили... Надѣюсь, что скоро всплыветъ наружу и дѣло о полученіи значительныхъ куртажей за право производства продажи питей. Авангардные факты уже всплыли; весь городъ, всѣ кабатчики объ этомъ говорятъ; одно лицо, увѣзжающее изъ Одессы, они окружили и, не стѣняясь, требовали денегъ обратно или-же дозволенія имъ открыть кабаки. Тутъ дѣйствовалъ также маелеръ“.

Довольно, кажется, и этихъ фактовъ, а потому мы опустиимъ завѣсу на городское самоуправленіе, пожелавъ ему, къ будущему представленію на страницахъ „Калейдоскопа“, очиститься какъ отъ городскихъ головъ, не имѣющихъ своего мнѣнія въ важнѣйшихъ городскихъ вопросахъ, такъ и отъ гласныхъ, получающихъ за свои мнѣнія куртажную плату.

Провинціальная литература... но провинціальной литературы, въ строгомъ смыслѣ, не существуетъ до сихъ поръ, несмотря на самохвалство провинціальныхъ Нарцисовъ, любующихся на самихъ себя. Въ провинціи имѣются губернскія и епархіальныя вѣдомости, издаются различныя этнографическія и статистическія сборники, не лишеныя своей цѣнности, какъ сырой матеріалъ для научной обработки; а затѣмъ все остальное, что топорщится принять видъ „заправской“ литературы и публицистики, не имѣетъ ни малѣйшаго внутренняго значенія и можетъ интересовать собою только записныхъ библіографовъ, питающихъ безкорыстную страсть ко всякому клочку печатной бумаги. Всѣ эти литературные альманахи, газеты и журналы, издающіеся въ провинціи, повторяютъ обыкновенно задамы столичной прессы и, не усвоивъ себѣ ни одного изъ ея достоинствъ, очень быстро перенимаютъ ея слабыя и дрянныя стороны. Такъ, напр., во многихъ провинціальныхъ га-

зетахъ свирѣцствуетъ нынѣ такая личная полемика между „сочинителями“, которая не встрѣчается въ столицахъ даже и на самомъ заднемъ дворѣ маленькой прессы; кромѣ того, туземные сочинители начинаютъ проникаться какимъ-то желчнымъ отношеніемъ къ петербургской журналистикѣ, какимъ-то мелкимъ и забавнымъ противъ нея озлобленіемъ, не умѣя сообразить, что весь этотъ наивный задоръ пропадаетъ совершенно по-пусту: для провинціи онъ скученъ и безплоденъ, а въ столицахъ на него не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, — можемъ увѣрить въ томъ гг. авторовъ.

Адвокатура въ провинціи, кажется, тоже позаимствовалась отъ столичной адвокатуры одними ея болячками, низведя до послѣдняго минимума степень таланта и образованія, все еще не совѣмъ лишникъ въ столицѣ для успѣха на этомъ поприщѣ. Господа провинціальные „аблакаты“, даже присяжные, почти никогда не обладаютъ не только серьезными, но и сколько-нибудь сносными юридическими познаніями; у нихъ есть, пожалуй, вѣшняя наметанность, умѣнье „подвести справочку“ въ дѣйствующемъ законодательствѣ и въ кассационныхъ рѣшеніяхъ сената, но ужъ не взыщите, если они не смогутъ пойти дальше этой справочки и освѣтить вопросъ съ его внутренней, научной стороны. Цѣля только одинъ голый успѣхъ, т.-е. выигрышъ процесса, провинціальные аблакаты стремятся къ своей цѣли кратчайшимъ путемъ, и если наука попадаетъ имъ на этомъ пути и преграждаетъ движеніе, то они накидываются на нее съ цинизмомъ, котораго все-таки посовѣстился-бы шало-шалски порядочный столичный аблакатъ. Для примѣра возьму случай, недавно происходившій въ Тамбовѣ. Два года тому назадъ, въ этомъ городѣ была убита старушка Головина, а такъ-какъ ясныхъ уликъ противъ убійцы не нашлось, то въ дѣлѣ важную роль играли судебно-медицинскія данныя, собранныя въ экспертизѣ доктора Покровскаго. Между прочимъ, г. Покровский, чтобы опредѣлить время, которое нужно было для сваренія остатковъ пищи, найденныхъ въ желудкѣ убитой, привелъ извѣстные опыты американскаго врача Бомона, который наблюдалъ одного охотника съ фистулою желудка, образовавшейся послѣ выстрѣла дробью, и подобныя-же изслѣдованія, сдѣланныя знаменитыми физиологами Виддеромъ и Шмидтомъ надъ пищевареніемъ у одной женщины съ фистулою желудка, произведенной рогомъ быка. Дѣло это тяну-

лось довольно долго и, наконецъ, дошло до „судоговоренія“. На этомъ-то судоговореніи и отличился тамбовскій присяжный повѣренный Барковъ, попавшій, какимъ-то удивительнымъ образомъ, изъ армейскихъ поручиковъ въ храмъ Фемиды. Съ ловкостью истинно-военнаго человѣка, г. Барковъ напалъ на всю медицинскую экспертизу, затруднявшую ему доступъ къ полученію адвокатскаго гонорара, и, выгораживая всячески своихъ кліентовъ, на которыхъ падало очень сильное подозрѣніе въ убійствѣ, принялся потѣшаться надъ неповиннымъ докторомъ, исполнившимъ добросовѣстно свою обязанность. Прежде всего, онъ высказалъ „невозможность для его слабаго ума“ допустить фактъ, сообщенный докторомъ о женщинѣ съ фистулою желудка; онъ храбро счелъ этотъ фактъ небывалымъ; далѣе-же выразилъ свое армейское соболѣзнованіе о томъ, что „какіе-то врачи наблюдали какую-то женщину, которой быкъ рогомъ пропоролъ животъ и, вмѣсто того, чтобы подавать ей помощь, они бляли ей въ какое-то отверстіе картофель, который, въ свою очередь, проваливался въ какую-то дыру, изъ которой болѣе не показывался“. Да, г. Барковъ недаромъ носитъ свою славную фамилію: его остроты такого пошиба, что практиковать ихъ позволительно только въ харчевнѣ или на постояломъ дворѣ, а отнюдь не въ залѣ гласнаго суда. Впрочемъ, по Сенькѣ и шапка: барковское устроуіе, должно быть, пришлось по-сердцу присяжнымъ засѣдателямъ, и они, развеселившись, вынесли подсудимымъ оправдательный приговоръ. Но каково положеніе честнаго и порядочнаго эксперта, котораго громить публично такимъ „рукописнымъ“ остроуіемъ? Мы совершенно понимаемъ и раздѣляемъ негодованіе доктора Покровскаго, который отнесся по этому поводу съ особой заниской въ тамбовское медицинское общество и просилъ его объ огражденіи на будущее время медицинскихъ экспертовъ отъ подобнаго аблякатскаго наѣздничества. „Какъ суду, такъ и сторонамъ—справедливо говорить въ своей запискѣ г. Покровскій — не слѣдовало-бы упускать изъ виду того, что эксперты-врачи на судѣ затрачиваютъ свое время, свой трудъ и не вознаграждаются, по соглашенію, за это ничѣмъ, — развѣ лишь неопозволительнымъ глумленіемъ лицъ, не понимающихъ даже того, надъ чѣмъ они глумятся“. Заканчивая свое объясненіе, уже напечатанное въ протоколахъ тамбовскаго медицинскаго общества, г. Покровскій

обращаетъ нѣсколько словъ лично къ г. Баркову: „я не могу не сдѣлать защитнику одно замѣчаніе, что юморъ самъ по себѣ вещь хорошая, и особенно въ веселой компаніи, за чаркой водки или стаканомъ шампанскаго; но тотъ-же юморъ на судѣ будетъ верхомъ неприличія, если при этомъ имѣлось въ виду унижить и оскорбить чью-нибудь личность“. Да, именно: въ веселой компаніи и притомъ за чаркой водки! Медицинское общество отклонило почему-то ходатайство г. Покровскаго о сообщеніи этого случая къ свѣденію г. предсѣдателя окружнаго суда, хотя-бы имѣло на то полнѣйшее право, такъ-какъ эксперты на судѣ являются вполне беззащитными противъ пошлыхъ выходовъ адвокатскаго зубоскальства и не могутъ даже возражать на нихъ, чтобы возстановить въ надлежащемъ свѣтѣ свою обруганную экспертизу. Но намъ кажется, что въ данномъ случаѣ одно напечатаніе записки г. Покровскаго достаточно ограждаетъ его личную и профессиональную честь; прочтя эту записку, всякій порядочный и безпристрастный человекъ пойметъ безъ труда: кто оказался дѣйствительно смѣшенъ и неприличенъ въ этой судебной трагикомедіи.

Другой, тоже тамбовскій адвокатъ, г. Дураковъ (это судьба наградила его такимъ прозвищемъ!), защищая извѣстнаго Горскаго, переколотившаго самымъ варварскимъ образомъ все семейство купца Жемарина, отнесся къ суду почти въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „гг. судьи! Кто изъ насъ не желаетъ позитъ хорошо, въ свое удовольствіе? кто не мечтаетъ быть богатымъ и кто воздержится и не наложитъ руку на чужое богатство, втугѣ лежащее? Будемъ-же снисходительны къ доблестному юношѣ, котораго тоже не хотѣлъ упускать случая разбогатѣть и пошелъ на проломъ (т. е. распроломалъ нѣсколько головъ) по дорогѣ къ счастью“. На самомъ-же дѣлѣ Горскій вовсе и не думалъ завладѣть чужимъ богатствомъ, а дѣйствовалъ, какъ маньякъ, озлобленный притомъ обидными насмѣшками, которыя ему, въ качествѣ домашняго учителя, приходилось слушать и терпѣть въ семействѣ Жемарина. Эта дураковская защита подверглась въ свое время осмѣянію печати, но сколько подобныхъ-же защитительныхъ рѣчей раздастся ежедневно, и къ тому-же безнаказанно, въ нашихъ провинціальныхъ судахъ! Надо, по истинѣ, удивляться кротости и долготерпѣнію судей, обязанныхъ выслушивать всю эту фразистую чепуху.

Воришка-ль обличился въ кражѣ,
 Убійца-ль черепъ раскроилъ,—
 Ты радъ, ты торжествуешь даже,
 Наемный плавальщикъ, зойль,
 Носящій постоянно маску,
 Чтобъ публику вводить въ обманъ,
 Чтобъ скрыть въ лицѣ позора краску
 И ту же свой набить карманъ;—
 Ты, „аблакать“ нашъ современный,
 Ты—„притча во языцѣхъ сихъ“,
 Софистъ, „прелюбодѣй“ отмѣнный,
 Дерущій съ мертвыхъ и живыхъ!!

(Гг. аблакаты-меломаны могутъ распѣвать нашъ романсъ на голось: „Безумно жадать тайной встрѣчи“.)

Тамбовскимъ аблакатамъ, кажется, предстоитъ скоро случай развернуть всѣ свои блестящія ораторскія способности, если только столичные говорюны не вырвутъ у нихъ изъ-подъ носа лакомого куска. Напряженное отношеніе, издавна существовавшее между городомъ Липецкомъ (встати замѣтимъ для вразумленія „Голоса“, что этотъ городъ находится не въ воронежской, а въ тамбовской губерніи) и администраціею мѣстныхъ минеральныхъ водъ, достигло, какъ слышно, своего зенита и не замедлитъ разразиться судебнымъ процесомъ. Вѣда состоитъ въ томъ, что значительная часть минеральныхъ источниковъ Липецка, вѣроятно, въ отищеніе за неуцѣлость медицинскаго персонала пользоваться ими, измѣнила свое русло и направилась прямо въ городской прудъ, чтобы излить тамъ свое горе въ родной стихіи. Но администрація минеральныхъ водъ погналась за бѣглецами и сгоряча рѣшила спустить враждебный прудъ, поглотившій частицу ея доходовъ. Городъ, конечно, вступился за свою собственность, и столкновеніе вышло тѣмъ рѣшительнѣе, что администрація водъ давно уже насолала городу, дѣйствуя на-перекоръ всѣмъ его желаніямъ и потребностямъ. Покуда еще, въ борьбѣ, „то сей, то оный на бокъ гнется“, и неизвѣстно, кто кого слоमितъ... Достоувѣрно, однако, то, что „водяная администрація“ ведетъ себя дурно и по отношенію къ городу, и по отношенію къ пріѣзжающей публикѣ. Заботливости о больныхъ очень мало, удобствъ помѣщенія и жизни—никакихъ, а между тѣмъ цѣны на все презрѣдныя. Но что всего хуже: водяная администрація начала явно шиванировать пріѣзжихъ вра-

чей, которые сопутствуют своимъ больнымъ, и дошла уже въ этомъ направленіи до того, что изъявила наущеніе воспретить всѣмъ постороннимъ врачамъ, не принадлежащимъ къ составу администраціи, медицинскую практику на водахъ. Мы не думаемъ, чтобы эта нелѣпая мѣра могла быть приведена въ исполненіе: больные — не арестанты, чтобы заставлятъ ихъ лѣчиться непременно у г. Новицкаго, отца-командира минеральныхъ водъ, и какія-же возможно принять противъ нихъ принудительныя мѣры? Отсылать ихъ подъ конвоемъ на мѣсто жительства? или прописывать имъ мушку за ослушаніе? Но самое возникновеніе подобнаго вопроса уже свидѣтельствуетъ о жестокихъ нравахъ, господствующихъ на русскихъ минеральныхъ водахъ. Стоитъ-ли удивляться послѣ этого, что наши больные соотечественники, не желая подпасть подъ фѣруду какихъ-то медицинскихъ башки-бузуковъ, отправляются массами за границу, хотя свойства нашихъ минеральныхъ водъ, въ особенности кавказскихъ, не уступаютъ лучшимъ европейскимъ источникамъ. Но на Кавказѣ сидитъ и безобразничаетъ г. Байковъ, въ Липецкѣ орудуетъ г. Новицкій, на Старую Руссу тоже слышались жалобы: вотъ и ждите гостей и жалуйтесь на недостатокъ патріотизма!

Я сказалъ выше, что наша плутократія, воспитанная *entre chien et loup*, между базаромъ и мѣняльной лавкой, между пинкомъ и подзатыльникомъ, выѣдрилась во всѣ поры русской жизни и даетъ себя знать какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. Нашъ плутократъ смекнулъ, что деревня не менѣе города представляетъ удобствъ для эксплуатаціи, а, пожалуй, въ извѣстномъ отношеніи открываетъ еще больше простора хитроумному человѣку. Штука въ томъ, что обираніе людей, хотя-бы самыхъ добродушныхъ и довѣрчивыхъ, сопровождается все-таки нѣкоторыми неприятными послѣдствіями и непредвидѣнными случайностями, приводящими иногда плутократа даже на свамью подсудимыхъ; но *обираніе природы, грабежъ ея сокровищъ*, за которыя не вступается положительный законъ, — это такое благодатное дѣло, что ловкій человѣкъ можетъ кататься въ немъ, какъ сыръ въ маслѣ, можетъ распорядиться, какъ Богъ на душу положить, не рискуя получить за эти свои распоряженія бубноваго туза на спину.

И вотъ мирныя поля, глухія деревушки, непроѣздные тракты оживились дѣятельностью необыкновенною. Помѣщичьи имѣнія перешли, одно за другимъ, въ руки предприимчивой плутократіи; помѣщичьи усадьбы съ ихъ привѣтливо глядѣвшими домиками, съ ихъ ненужными затѣями въ родѣ фруктовыхъ садовъ, парковъ и оранжерей, превратились въ какіе-то грязные и пустыя сараи, гдѣ плутократъ учредилъ свою торговую лабораторію, окруживъ себя цѣпными собаками и шустрými „молодцами“, бдительно охраняющими хозяйскіе интересы. Новый піонеръ капитала бодро принимается за свою работу: онъ увеличиваетъ запашку земли, съѣтъ на ней безъ отдыха красныя хлѣба и маслянистыя травы, рубить лѣсъ, ломаетъ камень, вылавливаетъ рыбу, гонитъ или истребляетъ дичью птицу и, опустошивъ, такимъ образомъ, до тла избранную мѣстность, перебирается въ другую, гдѣ снова начинаетъ тѣ-же самыя подвиги. Никакихъ знаній, ни земледѣльческихъ, ни экономическихъ не спрашиваютъ у этого піонера; ни о какомъ будущемъ онъ не заботится дальше завтрашняго дня: это какъ есть первобытный человѣкъ, дикарь въ полномъ смыслѣ слова, который и слышать не хочетъ объ агрономическихъ требованіяхъ, усовершенствованныхъ орудіяхъ и способахъ обработки земли, о правильномъ удобреніи почвы и тому подобномъ вздорѣ, смущающемъ головы образованныхъ людей. Свободный отъ этихъ знаній, связывающихъ полетъ образованнаго хозяина, нашъ купчина развертывается, что называется, и въ ширь, и въ высь, наживаетъ большую деньгу, сбиваетъ и набиваетъ цѣны, смотря по надобности, покупаетъ и арендуетъ земли за бездѣлицу у обнищавшихъ помѣщиковъ, надуваетъ и грабитъ, кредитуетъ и занимаетъ, — словомъ, *fait la pluie et le beau temps* во всѣхъ нашихъ внутреннихъ хлѣбородныхъ губерніяхъ.

— „Что-бы вамъ, Семенъ Парамоновичъ, говорилъ я одному такому хозяину, — пригласить къ себѣ въ управляющіе толковаго агронома, ну хоть изъ молодежи, кончающей курсъ въ нашихъ высшихъ агрономическихъ училищахъ? У васъ хозяйство поставлено на широкую ногу, нѣсколько тысячъ десятинъ земли находится въ вашемъ владѣніи; вѣдь вамъ просто *выгодно* было-бы вести дѣло на правильныхъ основаніяхъ, не истощая преждевременно почвы и не опустошая сразу вашихъ богатыхъ угодій.

А то смотрите: вѣдь у васъ земля-то скоро обратится въ золу. да и рабочія-то руки дорожаютъ съ каждымъ годомъ; придется вамъ волею-неволею взяться и за удобреніе, и за земледѣльческія машины*.

— „Нѣтъ, сударь! возражалъ на это Семенъ Парамоновичъ, любезно придвигая мнѣ ставанъ чаю-брандахлысту съ обгрызненнымъ кусочкомъ сахару; — нѣтъ-съ, намъ эфти агрономы не ко двору, чтобъ имъ пусто было. Моего добра хватить еще на долго, а о другихъ-то чтб мнѣ за надобность печалиться? Живи всякъ за себя и объ себѣ промышлай. Коли земляца-то начнетъ мнѣ измѣнять, такъ я еще успѣю спустить ее съ рукъ за свою цѣну: я вѣдь за нее недорого и заплатилъ,—или заложу въ банкъ за хорошій кушъ: у меня въ банкѣ-то все кумовья служатъ, такъ они мнѣ дадутъ цѣну настоящую. А потомъ—ну ихъ къ лѣшему! пускай сами выручаютъ свои деньги съ публичнаго торгу. Либо выручатъ, либо нѣтъ, мое дѣло сторона. Да и потомъ, скажу я вамъ, сударь, по своей простотѣ: очень ужъ претендательны эфти ученые-то люди. По-нашему, ужъ коли ты у меня служишь, такъ ты и слушайся меня во всемъ, не перечь, не обижайся, ежели, неровень часъ, и выругаться захочу. А подика-съ ругни я ученаго-то человѣка, али, избави Богъ, тѣни-ка его въ загривокъ, вѣдь онъ, пожалуй, и самъ „въ рождество“ заѣдетъ. Нѣтъ, лучше ужъ отъ грѣха-то подальше“.

И вотъ Семенъ Парамоновичъ, соблюдая свой афоризмъ; „живи всякъ за себя и объ себѣ промышлай“, продолжаетъ ковырять плугомъ свою землю, недающую прежняго урожая, и, не желая тратиться на приобрѣтеніе машинъ, шлетъ гонцовъ во всѣ стороны за пахарями, жницами, косцами и молотильщиками. То-и-дѣло шныряютъ эти гонцы, въ рабочую пору, изъ села въ село, изъ хутора въ хуторъ, „поднимаютъ“ народъ на работу и суля ему хорошую плату на хозяйскихъ харчахъ. Но эта плата хороша только номинально: почти всѣ окрестные рабочіе по уши въ долгу у Семена Парамоновича, кто хлѣбомъ, а кто деньгами, и за вычетомъ этого долга съ солидными процентами, ловкому хозяину приходится платить очень мало или вовсе ничего наличными суммами. Если же ему покажется, что рабочія руки все-таки обошлись дорого, тогда онъ устраиваетъ такъ-называемую *идмочь*. то-есть сзываетъ къ себѣ народъ по праздникамъ и, выставивъ

угощеніе въ видѣ нѣсколькихъ ведеръ воды и крестьянскихъ пироговъ, пользуется за это угощеніе чуть-чуть не даровымъ трудомъ своихъ гостей-работниковъ. Работа производится та-же самая, что и въ будни, но такъ-какъ она называется не работою, а помощью (ибо въ праздникъ *работать* грѣшно, а *помогать* ближнему душевнспасительно), то и плата за нее назначается не деньгами, а водкой и пирогами, которые обходятся втрое дешевле для хозяина. Конечно, эта помощь имѣетъ свои неудобства: во-первыхъ, надо сбросить со счета процентъ *убылькы*, т. е. смертельно напившихся рабочихъ, непригодныхъ уже ни для какого дѣла; во-вторыхъ приходится быть свидѣтелемъ „живыхъ картинъ“ очень некрасиваго свойства и даже иногда разнимать дерущихся, съ опасностью самому быть вовлеченнымъ въ эту свалку. Но процентъ убылькы покрывается съ избыткомъ дешевизною угощенія, идущаго вмѣсто заработной платы; что-же касается живыхъ картинъ, дракъ и срамословія, то нервы Семена Парамоновича, возросшаго за кабачною стойкою, выносятъ ихъ такъ-же свободно, какъ и повюшку табаку...

Большому кораблю большое и плаваніе. „Именитые купцы“ посягаютъ на крупныя барыши и обширныя предпріятія, а слѣдомъ за ними, какъ щуки за акулами, ползутъ въ наши деревни мелкіе барышники, — разные мѣщане, „купецкіе братья“ и даже „племянники“, приписанные въ гильдіи къ одному купеческому капиталу. Купецкій братъ, Бѣлоусовъ, Синебрюховъ или Мордопледевъ (назовите его, какъ хотите) плаваетъ мелко и не дерзаетъ на грандіозныя проекты; онъ пробавляется больше по части мелкой аренды, тѣснить крестьянъ грошевыми долгами, просасывается, какъ пѣявица, въ сельскую торговлю и даже не брезгаетъ простымъ, не осложненнымъ никакими высшими соображеніями, воровствомъ-мошенничествомъ, за которое его нерѣдко тянутъ къ мировому судѣ на расправу. Сегодня, напр., „купецкій братъ“ выловилъ рыбу въ чужомъ пруду, завтра срубилъ и вывезъ лѣсъ у сосѣда-помѣщика, послѣ завтра свосилъ сѣно на чужихъ лугахъ. Если при этомъ его поколотятъ или „дадутъ разѣ“ въ толстую, широкую спину, или наплюютъ въ фізіономію, онъ приметъ это, какъ должное, какъ божью росу, и нимало не обидится на причиненіе ему „обиды дѣйствіемъ“. Но если вы поашите его къ мировому съ намѣреніемъ ударить не по лицу, а

по карману, — о, тутъ онъ ухватится обѣими руками за свой карманъ, сниметъ всё образа со стѣнки и подкупить самыхъ „достоверныхъ жесвидѣтелей“, чтобы дешевле расплатиться за свои шалости. Мировымъ судьямъ, конечно, слѣдовало-бы быть построже съ этими хищными бродягами, не дающими никому покою въ окрестности; но наши деревенскіе Соломоны и сами-то, въ большинствѣ случаевъ, недалеко ушли отъ этихъ Бѣлоусовыхъ, Синебрюховыхъ и Мордоплюевыхъ...

Да, доблести „торговаго мужика“ Минина давно уже покинули російское купечество, и оно все болѣе и болѣе приобретаетъ замашки и обликъ самой антипатичной въ мірѣ буржуазіи. Эта буржуазія полуграмотна, узко-своекорыстна, лишена всякихъ добрыхъ преданій, которыя живутъ еще въ лучшихъ слояхъ европейской буржуазіи, и ничѣмъ не искушаетъ того зла, которое приносить обществу. Даже такой ревностный патріотъ, какъ г. Гиляровъ—Платоновъ, вѣрующій въ то, что одинъ видъ русскихъ смазныхъ сапоговъ производитъ несказанную панику въ турецкой арміи, — даже онъ, въ своихъ „Современныхъ Извѣстіяхъ“, вынужденъ былъ признать это зло и обрушился недавно на московское купечество съ очень колкою діагнотикою.

„Посмотрите, восклицаетъ онъ, — что дѣлаютъ многіе изъ московскихъ буржуа въ то время, когда народъ идетъ въ бой съ врагомъ Христа, отдаетъ кровную денгю на помощь братьямъ? Они кокетокъ одѣваютъ въ бархатъ и бриліанты, чинятъ скандалы по трактирамъ да гуляньямъ Нижняго. Въ Саратовѣ, гдѣ около десяти миліонеровъ, комерсанты, при сборѣ пожертвованій городскимъ головою, пожертвовали тысячу рублей. А въ Москвѣ, гдѣ многія личности владѣютъ состояніями по десятку миліоновъ, миліонеры даютъ десятки рублей, тысячники даютъ рублишки, а на кокетокъ, за посуду, за зеркала, разбитыя въ трактирахъ въ пьяномъ безуміи, бросаютъ сотни, тысячи. Въ магазинахъ, лавкахъ, домахъ, кружконосицамъ, собирающимъ на славянь, либо дадутъ пятиалтынный, либо дерзостей, сальностей наговорятъ, благо свидѣтелей нѣтъ! Въ церкви старосты изъ купцовъ едва-едва пускаютъ кружконосицъ, едва удостоиваютъ чести выслушать заявленіе! И чѣмъ богаче комерсантъ, чѣмъ надутѣе,

тѣмъ болѣе говорить дерзостей, тѣмъ труднѣе доступъ кружкѣ въ ту церковь, гдѣ онъ староста. Отрывали богадѣльню въ Сокольникахъ, называемую Ермаковскою; одинъ изъ учредителей, г. Перловъ, пригласилъ даму съ кружкою прійти къ обѣднѣ, чтобъ собрать съ присутствующихъ въ пользу пострадавшихъ болгаръ и сербовъ. Дама пріѣхала къ обѣднѣ и въ церкви подошла къ Ермакову, считающемуся хозяиномъ богадѣльни, заявить ему, что она будетъ собирать на славянъ. Но его степенство, не выслушавши даже, не удостоивши даму отвѣтомъ, изволилъ только махнуть рукою и, отвернувшись, проговорить: „теперь не время“. Дама обратилась къ старостѣ церковному или, по крайней мѣрѣ, къ тому, кто стоялъ у свѣчей, и сдѣлала свое заявленіе ему. „Надобно *хозяина* церкви спросить“, отвѣтилъ онъ и пошелъ къ Ермакову; переговоривъ съ нимъ, староста вернулся и объявилъ: „хозяину не угодно, чтобъ вы собирали; это, моль, обезпокомтъ публику!“ — и дамѣ собирать на славянъ не дали.“ Любезный, однако, хозяинъ этотъ г. Ермаковъ! Вишь, публику безпокомтъ не захотѣлъ...

Приведенная цитата вводитъ уже насъ въ область „славянскаго вопроса“, которыми занимаются нынѣ, съ одинаковымъ усердіемъ, и въ провинціи, и въ столицѣ. Толковъ, споровъ и предположеній о возможномъ исходѣ кровавой распри не обещается; каждый подаетъ свое мнѣніе, каждому хочется показать — по выраженію Луки Лукяча въ „Ревизорѣ“, что „и онъ тоже умный человѣкъ.“ Этыхъ умныхъ людей и тонкихъ политикановъ развелось столько, что хоть пруды пруди.

Мы понимаемъ, что среди той мертвенной скуки, каковая царитъ въ нашемъ обществѣ, особенно-же въ провинціальномъ, славянскій вопросъ слетѣлъ къ намъ, какъ манна небесная: онъ далъ намъ какую-нибудь нравственную пищу, одушевилъ насъ, вызвалъ добрыя чувства и симпатіи, и развязалъ языки. Въ массѣ людей, которые волнуются теперь славянскими дѣлами, мы встрѣчаемъ не мало прекрасныхъ личностей, отдающихъ всецѣло своей идеѣ, даже до готовности самопожертвованія. Но не слѣдуетъ забывать, что въ той-же массѣ мы найдемъ еще больше лицъ, которыя применили къ движенію по модѣ, ради эффекта, изъ эгоистическихъ видовъ, и успѣли уже внести въ него множество нежелательныхъ элементовъ. Въ этой обширной категоріи, наши старые зна-

компы, Василискъ Перцовъ, Ноздревъ и поручикъ Живновскій стоять далеко не на заднемъ планѣ. Изъ Сербіи получаютъ уже жалобы на этихъ ташкентцевъ, пытающихся обратить Бѣлградъ въ какое-то подобіе Марьиной рощи. Но эти *ташкентцы-практики* еще не такъ опасны. Гораздо вреднѣе ихъ тѣ *ташкентцы теоріи*, которые, прикрываясь щитою великодушныхъ стремленій и застрачивая своихъ противниковъ обновленнымъ крикомъ: „слово и дѣло“! пробуютъ, подъ шумокъ, своротить общественное мнѣніе въ трущобу балаганнаго шовинизма, самохвальства и полного забвенія самыхъ серьезныхъ вопросовъ нашего внутренняго развитія. Въ этой эксплуатаціи общественныхъ стремленій, въ этомъ запугиваньи всякаго честнаго голоса, не поощаго въ унисонъ съ уличною толпою, подвизается съ большою ревностью наша газетная пресса, съ „Новымъ Временемъ“ во главѣ. Г. Суворинъ какъ-бы взялъ на откупъ славянское дѣло; онъ носится съ нимъ, какъ съ писанною торбою, блюдетъ его, какъ зеницу ока, и разыскиваетъ, съ инквизиторскою пытливостью, мнимыхъ враговъ его и супротивниковъ. Такой фокусъ продѣлалъ онъ недавно съ „Вѣстникомъ Европы.“

Въ послѣдней книжкѣ этого журнала, авторъ „Внутренняго обозрѣнія“, разсматривая значеніе войны для общественнаго развитія, говоритъ между прочимъ: „Мы не понимаемъ, какаѣ логика заключается въ такомъ соображеніи, что война сербовъ съ турками, и хотя-бы война Россіи съ Турціею, будетъ „плодотворнѣе“ обсужденія нашихъ внутреннихъ вопросовъ. Развѣ сербы и русскіе прежде не воевали съ турками, развѣ самая самостоятельность Сербіи не была осуществлена при помощи Россіи? И развѣ это рѣшило хотя-бы малѣйшій изъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ? Развѣ, наоборотъ, именно послѣ блестящаго адрианопольскаго мира не прошло почти цѣлаго тридцатилѣтія въ полномъ застоѣ этихъ внутреннихъ вопросовъ? Развѣ, напр., освобожденіе крестьянъ послѣдовало за побѣдой надъ турками? Когда-же отвлеченіе вниманія общества на дѣла внѣшнія подвигало внутренніе вопросы? Вся эта теорія „оживленія“ общества посредствомъ войны есть теорія совершенно ложная. Войною именно только отвлекается вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ, и это отлично сознавали бонапартисты“. Въ той-же книжкѣ г. А. П., развивая въ сущности ту-же мысль о необходимости внутренней работы въ нашемъ соб-

ственнымъ отечествѣ, полагалъ, съ тѣмъ вѣстѣ, что эта работа вовсе не есть *удаленіе* отъ славянскаго вопроса, а *приближеніе* къ нему: „Быть можетъ, русская сила поможетъ балканскому славянству достигъ перваго, необходимѣйшаго — выбиться на свѣтъ Божій изъ-подъ страшнаго ига, — но укрѣпленіе нашей нравственной и всякой другой связи съ нимъ будетъ зависѣть отъ взаимнаго пониманія, *наизъ авторитетъ опредѣлится нашимъ общественнымъ содержаніемъ*. Объ этомъ надо думать теперь же. Не будемъ преувеличивать нашего „общественнаго мнѣнія“ и, вообще, нашихъ общественныхъ силъ — будемъ лучше стараться увеличить ихъ“.

Въ этихъ мнѣніяхъ, выраженныхъ притомъ обычнымъ для „Вѣстника Европы“ умѣренно-академическимъ стилемъ, не было, кажется, ничего чрезвычайнаго, ничего такого, на что слѣдовало бы накидываться съ пѣной у рта. Историческіе факты, на которые ссылается авторъ „Внутренняго обозрѣнія“, на-столько общезвѣстны, что ихъ не рѣшается отрицать даже развязный издатель „Новаго Времени“; предостереженіе, въ нихъ заключающееся, довольно сильно, въ особенности для такого общества, которое не слишкомъ-то далеко ушло въ „содержаніи“ своихъ идей, немного пріобрѣло „авторитета“ хотя-бы въ глазахъ тѣхъ-же братьевъ-славянъ. Но г. Суворинъ взглянулъ на дѣло иначе. Распаркиваясь съ нѣкоторой любезностью передъ г. А. П. (въ которомъ онъ опасается встрѣтить авторитетнаго писателя, А. Н. Пыпина), г. Суворинъ не желаетъ видѣть солидарности мнѣній обоихъ сотрудниковъ „Вѣстника Европы“ и козломъ очищенія дѣлаетъ анонима автора „Внутренняго обозрѣнія“. И ужъ чего-чего не наговорилъ этотъ всеславянскій алгвазилъ, этотъ будочникъ „общественнаго спасенія“, имѣющаго изойти изъ редакціи „Новаго Времени“! Тутъ, въ „морѣ радикальной пѣнн“, потопляются, съ камнемъ на шеѣ, и „прямолінейный либерализмъ“ (?), и „космополитическій радикализмъ“; тутъ осмѣиваются какіе-то безпардонные космополиты, которые „врутъ о братствѣ народовъ радикальными фразами“; тутъ даже Овсянниковъ, грабившій армію, поставленъ на одну доску съ зловредными либералами и космополитами. Словожъ такого сумбура безсвязныхъ и безтолковыхъ фразъ намъ давно не встрѣчалось даже въ те-перешней газетной прессѣ.

Вообще „Новое Время“ съ каждымъ днемъ совершенствуется... Оно уже толкуетъ о томъ, что намъ слѣдуетъ проглотить всѣхъ братьевъ-славянъ подобно тому, какъ Пруссія проглотила всѣхъ нѣмцевъ, включивъ ихъ въ германскую имперію; оно полагаетъ, что въ нашемъ желудкѣ отлично переварятся и сербы, и чехи, а ужъ съ болгарами-то и вовсе церемониться нечего.

„Русскіе въ Сербіи, размышляетъ „Новое Время“,—являются подчасъ деспотами, а съ болгарами они, по собственному признанію, еще меньше церемонятся. Когда формировались болгарскіе отряды, то они (т. е., русскіе) бились-бились при обученіи ихъ и, выведенные, наконецъ, изъ себя дерзостью новобранцевъ, которые никакого начальства знать не хотѣли, стали просто бить ихъ. Когда-же между болгарами нашлись потомки какихъ-то древнихъ дворянъ, затѣвавшіе постоянные споры съ простолюдинами, то были одинаково и тѣхъ, и другихъ. Такимъ образомъ, добились до того, что болгарскіе волонтеры стали признавать надъ собой русскую власть... *Нѣкоторая грубость въ насъ, несомнѣнно, есть, но это—грубость на хорошей подкладкѣ. Мы пришли, положимъ, спасать своего брата-славянина и вдругъ, видимъ, что братъ-славянинъ не хочетъ, чтобы его спасали. Мы его въ зубы!—и все-таки потомъ спасаемъ“.*

Вы, орловскіе протестанты, поздно спохватившіеся протестовать противъ „Голоса“ (протестовать противъ него слѣдовало-бы со дня его основанія), — что-же не протестуете вы противъ подобныхъ статей „Новаго Времени“, которыя позорятъ русское имя и вредятъ славянскому единенію еще больше, чѣмъ безтактныя выходки „Голоса“. Теорія зуботычинъ въ примѣненіи къ славянскому вопросу—да эта выдумка одна въ состояніи обезсмертить имя г. Суворина въ потомствѣ!

Но, помимо своихъ дивныхъ теорій, совершенно достойныхъ отставного поручика Живновскаго, „Новое Время“ сдѣлалось изъ рукъ вонъ недобросовѣстнымъ въ передачѣ фактовъ съ театра войны. Вотъ, на примѣръ, второй уже мѣсяцъ, какъ оно увѣряетъ насъ, въ передовыхъ статьяхъ, что турецкая армія попала въ сербскій капканъ, что она *окружена* войсками Черняева и не сегодня—завтра подпишетъ свою седанскую капитуляцію, а на-дняхъ телеграммы сообщили намъ, что эта окруженная и полуплѣненная армія беретъ нѣсколько позицій у Хорватовича, сжи-

гаетъ Шильеговацъ, отбиваетъ Дьюнишъ у самого Черняева, бомбардируетъ снова Алексинацъ, получаетъ изъ Ниша и провіантъ, и подкрѣпленія военными силами, наступаетъ на ибарскую и дринскую арміи. Вотъ тебѣ и капканъ, устроенный сербами! Знаете-ли вы, читатель, анекдотъ о томъ, какъ русскій солдатикъ взялъ въ плѣнъ турка? „Ваше благородіе, кричитъ солдатикъ офицеру изъ дверей палатки:—я взялъ турку въ полонъ“. — „Ну, такъ веди его сюда?“ — „Да онъ, ваше благородіе, упрямается, нейдетъ“. — „Ну, иди ко мнѣ самъ“. — „Да турка не пускаетъ“. Къ этому анекдоту сводится покуда и шимая гибель турецкой арміи, которая и сама нейдетъ въ полонъ, и сербовъ домой не пускаетъ. Мы думаемъ даже, что, не случись какихъ-нибудь новыхъ, благопріятныхъ для сербовъ политическихъ событій, вродѣ русской окупаціи, или вмѣшательства въ дѣло Греціи и Румыніи, эта, яко-бы плѣненная орда выжжетъ и истребитъ, пожалуй, половину Сербіи. Неужели русская публика такъ уже ослѣплена газетнымъ миражемъ, что не можетъ сама разобратъ и оцѣнить этого „радикальнаго вранья“, рассчитаннаго на ея легковѣріе и табунныя свойства?

Г. Суворинъ облекся въ хламиду всеславянскаго алгвизила; г.-же Орестъ Миллеръ довольствуется болѣе скромною ролью всеславянской вликуши. Ну, что-жь! и съ Богомъ! Еще Карамзинъ сказалъ:

Всякъ въ своихъ желаньяхъ воленъ,
Лавры, васъ я не хочу!
И и мирточкой доволенъ,
Коль отъ милой получу.

Нравится г. Миллеру „выкликать“ на всю западную Европу, нравится толковать объ ея гніеніи и ругать всѣхъ не-славянъ мошенниками и хриstopродавцами, пускай и упражняется себѣ на здоровье, людямъ на утѣшеніе. На г. Миллера никто и никогда не могъ положиться, никто не могъ предвидѣть, въ какомъ веусѣ ему вздумается высказаться по тому и другому общественному вопросу. Кумировъ у него было такъ много, и онъ такъ легкомысленно ихъ покидалъ!

Когда-то къ Миллеру Оресту
Индійскій богъ слеталъ во снѣ,
Его, какъ юную невѣсту,
Въ союзъ готовилъ онъ себѣ.

Хорошъ былъ Миллеръ въ этой фазѣ!
 Вишну его былъ идеаль;—
 Предъ нимъ, въ мучительномъ экстазѣ,
 Онъ млѣлъ и плакалъ, и скакалъ.

Но вотъ, ученьемъ Хомякова
 Пгѣненъ и нравственно палимъ,
 Узрѣлъ онъ идола другого
 И сталъ кувиркаться предъ нимъ.

Воспѣлъ онъ Муромца десницу,
 Его сраженъе съ Соловьемъ,
 Воспѣлъ и бабу-паленицу,
 И ступу съ чуднымъ помеломъ.

Но, прежній слѣдъ свой заметая,
 Стучится онъ въ чужую дверь,—
 И „князь-Мещерскаго“ читая,
 Имъ не нахвалится теперь!

Мы полагаемъ, что дверь князя Мещерскаго — „чужая дверь“ для г. Ореста Миллера, и что онъ попалъ въ нее по недоразумѣнью. Но чужая квартира можетъ понравиться г. Миллеру, и онъ — чего добраго, — совсѣмъ застрянетъ въ ней. Недаромъ г. Мещерскій начинаетъ уже, вмѣстѣ съ г. Миллеромъ, ставить свои „точки“ на гостеприимныхъ столбцахъ „Новаго Времени“...

„Новое Время“, хотя каждый день мѣняетъ свои мнѣнiя, но все-таки, въ данный моментъ, имѣетъ какое-нибудь мнѣнiе о предметѣ. „С.-Петербургскiя Вѣдомости“ считаютъ и это излишнимъ...

Въ статьѣ: „Наши руководители“ мы коснулись очень важнаго вопроса о характерѣ и значенiи современной газетной прессы, высказали свое сужденiе и подкрѣпили его немалымъ количествомъ данныхъ. Съ нами, конечно, можно было спорить, можно было доказывать, что въ нашихъ газетахъ есть и направленiе, и достоинства, которыя мы категорически отрицаемъ; но во всякомъ случаѣ слѣдовало высказаться или за насъ, или противъ насъ. Но литературный обозрѣватель „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, подписывающiйся буквами: В. М., поступилъ иначе, чѣмъ и доказалъ еще разъ полнѣйшую безцвѣтность этой газеты. Приведа

вкратцѣ содержаніе нашей статьи и замѣтивъ мимоходомъ (нельзя-же не взглянуть въ сосѣднюю лавочку и не охаять чужого товара!), что мы справедливо отозвались о „Голосѣ“, которому, „дѣйствительно, не пристало похваляться газетными доблестями, — г. В. М. говоритъ въ заключеніе: „Мы не думаемъ ввязываться въ этотъ споръ (т.-е. выражать свое собственное мнѣніе) и хотимъ только засвидѣтельствовать самый фактъ указанныхъ пререканій. Въ насъ нѣтъ воинственнаго пыла сотрудниковъ „Дѣла“, и мы съ кроткимъ доброжелательствомъ одинаково желаемъ успѣха какъ газетамъ, такъ и журналамъ“. Не черезчуръ-ли ужъ это кротко: желать успѣха даже такимъ газетамъ, въ которыхъ не видишь и тѣни порядочности? Вся эта рацея неизмѣющаго своихъ сужденій обозрѣвателя, можетъ быть выражена, для большей образности, въ слѣдующихъ стихахъ:

Своихъ я мнѣній не имѣю,
 Чужимъ-же дани не плачу,
 Но, въ ерундѣ свободно рѣя,
 Куда хочу, туда лечу.

Да и зачѣмъ мнѣ было-бъ нужно
 Свои сужденья представлять,
 Когда на биржѣ „съ саломъ дружно“,
 А мнѣній вовсе не слышать?!

Коль на бѣду-жъ читатель спросить:
 „Ну какъ ты думаешь, Ве Эмъ“?
 Его отвѣтъ мой въ холодъ бросить:
 — „Я ничего, мой другъ, не емъ!“

Странно только, зачѣмъ такого кроткаго сочинителя пустилъ биржевой Баймаковъ обзирать россійскую журналистику? Въдѣ журнальное обозрѣніе, лишенное мнѣній и выводовъ критика, есть не больше, какъ литературный плагиатъ, особаго рода христоматія, которую нѣтъ ни малѣйшей надобности заводить въ газетѣ. Скажите: зачѣмъ мнѣ ваши выписки, вдобавокъ не всегда добросовѣстныя, когда я могу прочесть самую статью, безцеремонно обобранную вами? Не мѣшало-бы нашимъ газетамъ или совсѣмъ прекратить эти, никому не нужныя, обозрѣнія, или поручать ихъ другимъ, менѣе кроткимъ, но болѣе толковымъ сочинителямъ.

Н. Мизантроповъ.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. ЧАРЛЬСА ДАРВИНА. Перев. съ англ. подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными изъ деревъ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Комедія всемірной исторіи. Юг. ШЕРРА. Историческій обзоръ событій съ 1818 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. КАРЛА РЕКЛАМА. Перев. съ нѣмецк. Изданіе третье. Съ приложеніемъ „Дѣтской Гигиены“ д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова: „Безпредѣльность Гигиены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб.; съ пересылкой 2 р. 50 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 25 к.

Русскія историческія женщины. (Женщины до-петровской Руси). Д. Л. Мордовцева. Ц. 2 р. 75 коп.; съ перес. 3 р. 25 коп. (Осталось небольшое число экземпляровъ).

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Цѣна 50 коп.; съ перес. 70 к.

Автобіографія Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціей А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Правила и программы для поступленія въ мужскія и женскія учебныя заведенія гражданскаго, военнаго, морскаго и духовнаго вѣдомствъ на 1875—76 учебный годъ. Изданіе восьмое. Цѣна 1 р. 25 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Видъ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лютнева, изданный безъ предварительной цензуры. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Алькотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ пересылкой 1 р. 50 к.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Сочиненія Ф. М. Толстаго. (Повѣсти и рассказы). Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Записки военнаго. Безегиристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Ц. 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 75 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 коп.; съ перес. 70 к.

Вирджантовое озерелье. Романъ Антони Троллопа. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Мертвая петля, драма въ пяти дѣйствіяхъ, Н. А. Потъхина. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 30 к.

ИСПОВѢДЬ СТАРИКА.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ИПОЛИТА НЬЕВО.

Переводъ съ итальянскаго, около 35 печатныхъ листовъ. Цѣна безъ перес. 2 р.; съ пересл. 2 р. 30 коп.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „ДѢЛО“ уступается 20%, съ номинальной цѣны (стоимость книги безъ пересылки).

У ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ПЕТЕР-
БУРГА и МОСКВЫ

ПРОДАЕТСЯ

ВЪ ПОГОНЮ ЗА НАЖИВОЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ РОМАНЪ

Н. Н. КАРАЗИНА.

Цѣна 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к. Подписчикамъ на журналъ „ДѢЛО“ дѣляется уступка 20%.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 303